ПОЛИТОЛОГИЯ

Библиотека
журнала
Неприкосновенный
запас

Bálint Magyar, Bálint István Madlovics

THE ANATOMY OF POST-COMMUNIST REGIMES

A Conceptual Framework

CENTRAL EUROPEAN UNIVERSITY PRESS
2020

Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ

Концептуальная структура

Том 1

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2022

УДК 316.325
ББК 60.521.8
М13

Редактор серии
Т. Вайзер

Мадьяр, Б., Мадлович, Б.

М13 **Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. Том 1** / Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович; пер. с англ. Ю. Игнатьевой под ред. А. Решетникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 744 с.: ил. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-1737-7 (т. 1)
ISBN 978-5-4448-1739-1
ISSN 1815-7912

После распада Советского Союза страны бывшего социалистического лагеря вступили в новую историческую эпоху. Эйфория от краха тоталитарных режимов побудила исследователей 1990-х годов описывать будущую траекторию развития этих стран в терминах либеральной демократии, но вскоре выяснилось, что политическая реальность не оправдала всеобщих надежд на ускоренную демократизацию региона. Ситуация транзита породила режимы, которые невозможно однозначно категоризировать с помощью традиционного либерального дискурса. Балинт Мадьяр и Балинт Мадлович поставили перед собой задачу найти работающую аналитическую модель и актуальный язык описания посткоммунистических режимов. Так появилась данная книга, предлагающая обновленный теоретический инструментарий для анализа акторов, институтов и динамики современных политических систем стран Центральной Европы, постсоветского региона и Китая. Как в автократиях нейтрализуются институты демократического публичного обсуждения? Почему Китай можно назвать «диктатурой, использующей рынок»? В чем разница между западными популистами и популистами из посткоммунистических стран? Вот лишь небольшой список вопросов, на которые дает ответы эта книга. Балинт Мадьяр — венгерский социолог, политик, бывший министр образования и культуры Венгрии. Балинт Мадлович — венгерский политолог, экономист и социолог, MA in political science Центрально-Европейского университета.

УДК 316.325 + 94(439)«1989/201»
ББК 60.521.8 + 63.3(4Вен)64

Иллюстрация на обложке: © Picture by IADA on iStock

© Bálint Magyar, Bálint Madlovics, 2022
© Ю. Игнатьева, перевод с английского, 2022
© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022
© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Когда в конце 2016 года мы задумывали эту книгу, планировалось, что это будет разработка концептов, описанных в статье Балинта Мадьяра «К терминологии посткоммунистических режимов», которая вошла в сборник трудов «Жесткие структуры: переосмысление посткоммунистических режимов» (Будапешт; Нью-Йорк: Изд-во ЦЕУ, 2019). Сейчас эта книга представляет собой нечто гораздо большее, и это было бы невозможно без поддержки множества людей, помогавших на различных стадиях ее написания.

В процессе работы над книгой авторы были стипендиатами различных программ Института передовых исследований Центрально-Европейского университета (ЦЕУ) и Научно-исследовательского экономического института в Будапеште. Помимо финансовой помощи, мы чрезвычайно благодарны ЦЕУ за прекрасные исследовательские условия, включая доступ к превосходной библиотеке и ряду научных журналов. Институт передовых исследований ЦЕУ также помог организовать семинар совместно с международными исследователями, который стал одним из трех мероприятий, где обсуждалась концепция данной работы. За организацию двух других семинаров (с участием венгерских ученых) мы благодарим Институт *Republikon*, а также Институт социальных отношений при Факультете общественных наук Университета имени Лоранда Этвёша (ELTE). Мы получили полезные замечания и признательны всем, кто участвовал в обсуждении, в особенности Александру Фисуну, Михаилу Минакову, Николаю Петрову, Андрею Рябову (семинар ЦЕУ), Габору Хорну, Марии М. Ковач, Йожефу Петеру Мартину, Петеру Михайи (семинар Republikon), а также Дьёрдю Чепели, Золтану Флеку, Палу Юхасу и Анталу Оркень (семинар ELTE).

Кальман Мижеи, преданный сторонник нашего проекта на протяжении долгих лет, посетил два из этих трех семинаров. Эта работа была бы невозможна без его уникального взгляда на постсоветские страны. Мы благодарим его за абсолютное бескорыстие, с которым он поделился с нами своими знаниями и опытом. Те же слова мы могли бы адресовать Ивану Селеньи, которому признательны за чтение рукописи и другую помощь в ходе проекта.

Моделировать траектории режимов (см. Главу 7) нам помогали несколько экспертов-страноведов, а именно: Аттила Ара-Ковач, Андраш Берецки, Золтан С. Биро, Мария Чанади, Андраш Деак, Андраш Кёрёшеньи, Кальман Мижеи, Милош Ресимич и Петер Вамош. Мы благодарим их за визиты в ЦЕУ, готовность отвечать на наши вопросы и анализировать данные. Выражаем признательность Будапештскому центру исследования коррупции и лично Иштвану Яношу Тоту, который проанализировал более ста тысяч госзакупок Венгрии. Мы использовали результаты его исследования для краткого комплексного анализа эволюции коррупции в Венгрии (см. Главу 5). Мы также признательны Тибору Сатмари и команде *RenderNet*, которая разработала 3D-модель нашей «треугольной» концепции, а также Габору Лигети за его помощь в создании веб-сайта книги (www.postcommunistregimes.com).

Мы выражаем особую благодарность студентам курса Алены Леденёвой «Управление и коррупция» (Университетский колледж Лондона, осень 2019 года), которые прочитали раннюю версию рукописи и внесли наиболее ценные предложения. Благодарим также Майкла С. Зеллера за его комментарии и компетентную редактуру. Мы получили критические замечания от Андраша Бозоки, Ласло Чабы, Генри Е. Хейла и Юлии Кирай. Нам также помогали Клаудия Баез-Камарго, Балаж Бенкё, Янош Борис, Жольт Эньеди, Миклош Харасти, Давид Янчич, Янош Корнаи, Мартон Козак, Балаж Кремер, Алена Леденёва, Армен Мазманян, Клара Шандор,

Карой Аттила Шоош, Андреа Сабо, Янош Секи, Мердад Вахаби, Эва Вархеди, Балаж Ведрес и Цзяннань Чжу. Мы признательны всем им.

Мы счастливы, что у нас есть семья и дети, которые помогали нам на протяжении всего времени работы над рукописью, начиная от замысла и заканчивая последними штрихами. Простое «спасибо» не может выразить нашей благодарности. Без них у нас не было бы сил закончить этот труд и с радостью и энтузиазмом над ним работать.

Никто из перечисленных выше людей не несет ответственности за ошибки или мнения, высказанные в этой книге.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОНЛАЙН-МАТЕРИАЛЫ

Веб-сайт www.postcommunistregimes.com создан по материалам данной книги и содержит следующие разделы:

- **Некоторые главы из книги**;
- **План семинарского занятия**, а также учебный план и 11 презентаций для курса о посткоммунистических режимах (для магистерского или аспирантского уровня);
- **Интерактивная 3D-модель** траекторий посткоммунистических режимов;
- **Дополнительные материалы**, включая приложение (раскрывающее особенности траекторий режимов, которые наглядно описываются только в Главе 7).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Алена Леденёва, профессор Университетского колледжа Лондона, основательница Global Informality Project

В 1980-е годы, когда я была студенткой, в Советском Союзе не существовало социологии в качестве официально признанной научной дисциплины. Но это не означает, что я не могла ею заниматься. Как это часто бывало при «реальном социализме», «все было запрещено, но все было возможно». Вдалеке от Москвы социологи из Сибирского филиала Академии наук СССР еще с 1960-х годов проводили социологические исследования. Отдел социальных проблем Института экономики выпустил несколько секретных работ о социальных проблемах сельских территорий Сибири. Одна из этих работ, так называемый новосибирский манифест, в котором описывался огромный разрыв между идеалами коммунизма и реальным положением дел при застойном социализме, просочился в «Вашингтон Пост» (*The Washington Post*) и был опубликован там в августе 1983 года. Советские реалии теневой экономики и неформального управления сформировали принципы и методологию экономической социологии, которая зародилась в отделе, где трудилась Татьяна Заславская.

Эта работа, как и многие другие, написанные сибирскими социологами, создавалась под влиянием их венгерских коллег, которые уже исследовали идеологически периферийных субъектов неравенства и социального расслоения при социализме, распределение доходов и структуру привилегий. Я помню их самиздатовские переводы, которые мы активно распространяли, обсуждали, тестировали и применяли. Исследование Ивана Селеньи о социальном неравенстве, элитизме и скрытой маркетизации в рамках социалистического

режима и вывод Яноша Корнаи о систематической природе его дефектов — политике «мягких бюджетных ограничений», государственной собственности и идеологическом характере принятия решений — носили исключительно подрывной характер[1]. Но в то же время эти ранние исследования социализма пробудили интерес к изучению его внутренней логики и показали всю сложность социалистических систем, а также противоречия в коммунистическом способе управления.

Они обнаружили серые зоны, которые стали гораздо более очевидны в ретроспективе. Можно сказать, что Венгрия, если не прямо, то косвенно, была флагманом экономических реформ. Корнаи писал:

> Между 1968 и 1989 годами политическая власть коммунистов не рассматривала вопрос о введении института частной собственности в экономику. Несмотря на это частная собственность начала спонтанно формироваться, как только политическая сфера стала более открытой[2].

Похожая амбивалентность наблюдается в больших масштабах в Китае, где в 1989 году коммунистическая партия повторно заявила о своей приверженности недемократическим ценностям, жестоко подавив протесты на площади Тяньаньмэнь. Однако в то же самое время власти не только допускали развитие рынков и частного сектора, но и всячески способствовали ему.

Именно способность коммунистических партий сочетать несочетаемое — поддерживать идеологию в условиях, когда реальность намного сложнее, верить и при этом оставаться прагматичными, закрывать глаза на одни обстоятельства

1 *Kornai J.* Economics of Shortage. Amsterdam: North-Holland, 1980.

2 *Kornai J.* What the Change of System from Socialism to Capitalism Does and Does Not Mean // Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. № 1. P. 29.

и применять наказания при других, вовлекать, но при этом строго контролировать — позволяла поддерживать жизнеспособность довольно изощренного социалистического управления. Именно эти практики двоемыслия, двойных стандартов, двояких мотиваций и двояких деяний упустили из виду проповедники демократии с момента падения Берлинской стены в 1989 году. Они считали, что, как только люди получат свободу от коммунизма, они обратятся к демократии. Последствия же оказались гораздо более сложными.

Каким бы недолговечным ни казалось существование социалистических режимов наблюдателю из XXI века, чрезвычайно важно осознать их многолетние исторические последствия и извлечь уроки по преодолению идеологических ограничений и проблем в управлении, а также осознать всю сложность «реального» социализма. Тридцать лет спустя мы продолжаем наблюдать эффект бумеранга от эйфории 1991 года, невероятного счастья по поводу победы над врагом номер один и восторженной самоуверенности, преобладающей в демократическом дискурсе со времен высказывания «милостью Божией Америка выиграла холодную войну».

В результате, после сокрушительного краха коммунистической идеологии по всей Европе и Азии, интеллектуальная сцена в 1990-е годы оказалась под влиянием приверженцев[1] переходной экономики и теоретиков постсоциализма[2]. В первом десятилетии XXI века и особенно после вступления бывших социалистических стран в Европейский союз в 2005–2007 годах проявилась озабоченность по поводу языка транзита, которую стали озвучивать компаративисты, изучавшие три глобальные волны демократизации. Страны

1 World Bank. Transition: The First Ten Years: Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union. Washington: World Bank, 2002; World Bank. Economies in Transition: An OED Evaluation of World Bank Assistance. Washington: World Bank, 2004.

2 *Müller M.* Goodbye, Postsocialism! // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 71. № 4. P. 533–550.

с переходной экономикой отказались от авторитарных диктатур, но так и не пришли к консолидированной демократии[1].

Тезис о «конце парадигмы транзита» указывает на превалирование серых зон, в которых оказались переходные страны, а также на неспособность ученых описать эти режимы без отсылок к несуществующим полюсам авторитарно-демократической бинарной оппозиции. Главное затруднение можно сформулировать следующим образом: у политологов накопилась критическая масса примеров политического устройства, которые нельзя однозначно категоризировать. Все эти примеры попадают в серую зону, определяемую как «ни то, ни другое» либо «и то, и то», что ставит под сомнение валидность самих бинарных оппозиций[2]. Балинт Мадьяр и Балинт Мадлович обращаются к этой теоретической проблеме, описанной обществоведами уже довольно давно, в контексте посткоммунистических режимов[3].

«Посткоммунистические режимы» Мадьяра и Мадловича — это в первую очередь очень своевременная книга. Когда-то так называемые посткоммунистические режимы были тестовой площадкой для нормативных и уверенно рекомендуемых всем как универсальное лекарство демократических реформ, представляющих из себя неолиберальный макроэкономический пакет преобразований, основанных на формуле «открытие — прорыв — консолидация» (*opening — breakthrough — consolidation*) как главной логической схеме

1 *Карозерс Т.* Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.

2 *Ledeneva A.* The Global Encyclopaedia of Informality. Vol. 1. London: UCL Press, 2018.

3 *Merton R.* Sociological Ambivalence & Other Essays. New York: Free Press, 1976; *Bourdieu P.* In Other Words: Essays Toward a Reflexive Sociology. Stanford: Stanford University Press, 1990; *Bauman Z.* Modernity and Ambivalence // Theory, Culture and Society. 1990. Vol. 7. P. 143–169; *Magyar B., Madlovics B.* Stubborn Structures: A Path Dependence Explanation of Transitions in the Postcommunist Region // Social Research: An International Quarterly. 2019. Vol. 86. № 1. P. 113–146.

демократизации. Впоследствии элиты внутри этих режимов стали размышлять над собственной судьбой и искать легитимность скорее внутри собственных границ, чем за их пределами. Возникшие управленческие кризисы в демократических режимах подтолкнули к поиску адекватных способов описать то, что не смогли объяснить бинарные оппозиции, такие как капитализм и социализм, умелое и плохое управление, демократия и авторитаризм. Сложность посткоммунистических режимов, не укладывающихся в парадигму транзита или радикально сменивших политический курс, привела к тому, что состоятельность дедуктивных теоретических подходов[1] — как один, нормативно нагруженных и американоцентричных — была поставлена под вопрос.

Недостаточное внимание ученых к амбивалентности социализма привело к категоризации режимов по принципу их прошлого (пост-), по принципу степени реализации своей телеологии (квази- и полудемократии, а также разнообразные демократии с прилагательными вроде «нелиберальный») или по свойствам их гибридной природы (гибридные режимы). Совершенно очевидно, что гибридные режимы являются таковыми только с точки зрения стороннего наблюдателя, который предпочитает упаковать ускользающую от понимания амбивалентность в обертку гибридности. Эта категория позволяет построить нарратив и разработать концепцию для анализа краткосрочной перспективы. Но в представлении самих участников в этих режимах нет ничего гибридного. Есть явные и скрытые практики, сложное переплетение правил и норм, различные категории, описывающие столкновение интересов, однако единое понятие, ясно описывающее такой режим, всегда остается недосягаемым. Пожалуй, понятие гибридности является практическим решением, позволяющим

[1] Дедуктивный метод предусматривает формулирование общих, оторванных от конкретных примеров теорий, с последующей их проверкой на основании эмпирических данных (*прим. пер.*).

отложить необходимость осознания присущей таким режимам амбивалентности и всех связанных с ней сложностей в государственном управлении, — проблемы, которая, конечно, не ограничивается посткоммунистическим миром.

Эта книга предпринимает амбициозную попытку собрать воедино концепты, доказавшие свою состоятельность и релевантность как для инсайдеров, так и для наблюдателей посткоммунистических режимов. Собственно, она и начинается с замечания о том, что «язык, используемый для описания [постсоциалистических] режимов», давно устарел. Главный вклад авторов в этом отношении состоит из двух частей. Во-первых, они составляют ультрасовременный словарь по принципу снизу вверх, для того чтобы уравновесить господствующую сегодня нисходящую модель описания постсоциалистических траекторий. Во-вторых, что еще более амбициозно, они создают полноценные карты возможных постсоциалистических траекторий, которые увели рассматриваемые режимы от идеологической гегемонии, бюрократической структуры и плановой экономики, но так и не привели их в объявленный пункт назначения. Как и предыдущий проект Балинта Мадьяра, эта книга исследует «жесткие структуры» и присущий им «эффект колеи», который определяется сильным влиянием глубоко укоренившихся норм на политическую реальность, скрывающуюся за фасадом лишь формально реформированных институтов. Авторы связывают эти нормы с «неформальными, часто намеренно скрытыми, замаскированными и незаконными соглашениями и договоренностями, которые проникают в формальные институты».

«Жесткие структуры» рождают множество междисциплинарных коннотаций, начиная от «социального действия» Макса Вебера, «повседневности» Мишеля де Серто, «практических норм» Жана-Пьера Оливье де Сардана и заканчивая «высококонтекстными культурами» Эдварда Холла,

«насыщенным описанием» и «локальным знанием» Клиффорда Гирца, «неявным знанием» Майкла Полани, «глубинными структурами» Ноама Хомского и т. д. Через социальные взаимодействия люди формируют общие представления о «правилах игры», о том, как этим правилам следовать и как их обходить[1]. Индивидуальные стратегии решения проблем основываются на коллективных ожиданиях, зависимых от контекста нормах и результатах повседневной деятельности, которая считается уместной. Эта деятельность может обосновываться историческими преференциями, культурным наследием, религиозными ценностями, всеобщим молчаливым пониманием и привычным поведением, которые противоречат поведенческим моделям, основанным на теории рационального выбора. В значительной мере такие практики отвечают за откат демократизации и низкую эффективность усилий по демократическому транзиту в постсоциалистической Европе и Азии, а также за сохранение «жестких структур».

Авторы анализируют огромный пласт академической литературы, пытаясь найти подходящие определения для политических практик подобного рода, а также опираются на собственные исследования. Их главная цель — предложить сбалансированную и многоуровневую аналитическую модель для описания посткоммунистических режимов. По сути, они создают теоретический «словарь» или «набор концептуальных инструментов», помогающий понять и описать ключевых акторов и (зачастую неформальные) институты. Выбирая формат для получившегося в итоге набора концептов, траекторий и терминов, как эмических, так и этических[2], авторы

1 *North D.* Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5. № 1. P. 97–112; *Ledeneva A.* Unwritten Rules: How Russia Really Works. London: Centre for European Reform, 2001.

2 Эмический подход предполагает взгляд изнутри, глазами инсайдера, тогда как этический подход подразумевает взгляд снаружи, глазами стороннего наблюдателя (*прим. пер.*).

останавливаются на чем-то среднем между энциклопедией и анатомическим описанием.

У энциклопедического формата есть свои достоинства и недостатки. Несмотря на подчас чрезмерную описательность и директивность, он позволяет подойти к сбору данных индуктивно, то есть снизу вверх, а также принять во внимание неупрощаемую сложность политических реалий и создать условия для экспериментального анализа посткоммунизма и его комплексного моделирования.

В рамках анатомического описания авторы разбивают свой материал на функциональные кластеры: политика, экономика и общество, структуры и акторы. Очевидным преимуществом такого формата является тот факт, что, приняв предложенную классификацию, можно изучить подробно одну или несколько сфер жизни конкретного режима и узнать о существующих аналитических подходах, не тратя время на более всеохватывающий анализ. Недостатком, пожалуй, является то, что невозможно, строго говоря, взять одну организацию или один институт и отнести их к одному конкретному кластеру. Так, например, церковь может фигурировать в каждом из кластеров, так как она не только выполняет разнообразные общественные функции, но и играет важную роль в экономической и политической сферах, часто извлекая экономическую выгоду и политический капитал из столкновений с исполнительной властью.

Размышляя над структурой своей «Глобальной энциклопедии неформальности» (*The Global Encyclopaedia of Informality*), я столкнулась с похожей проблемой. Одна и та же практика могла быть симптомом сетевого перераспределения, групповой солидарности, личного выживания или системного принуждения. Эта проблема еще раз подчеркнула важность феномена амбивалентности в функционировании тех практик, которые мы пытаемся описать. Для своего проекта я изначально выбрала энциклопедический принцип, то есть

принцип, основанный на неидеологизированном, неиерархическом и негеографическом сборе данных. Затем я объединила накопившийся материал, созданный в основном сообществами пользователей и написанный их собственным языком, в онлайн-версии своей энциклопедии (www.in-formality.com). Для удобства исследования я также разделила весь массив данных на пересекающиеся кластеры, сгруппированные по разным принципам.

Похожим образом авторы «Анатомии посткоммунистических режимов» придерживаются структуралистского подхода, обусловленного вниманием к аналитическому языку. Они исследуют сложность и многомерность посткоммунистических режимов, не просто каталогизируя существующие понятия, но связывая их друг с другом и выстраивая широкую и всеобъемлющую теоретическую базу, по сути, создавая новый язык для описания посткоммунистических режимов. В основном авторы концентрируются на категориях довольно высокого порядка, то есть на тех, которые используют сторонние наблюдатели: патрональная демократия, консервативная автократия, диктатура с использованием рынка. Например, понятие «приемная политическая семья» подразумевает родственные и квазиродственные связи, которые создают ассоциации акторов, объединенных по принципу, резко отличающемуся от тех, что лежат в основе социального класса, феодальной элиты или номенклатуры. Инновационные методы, такие как, например, предложенная авторами треугольная концептуальная структура, авторская интерпретация некоторых понятий, а также случаи концептной натяжки, необходимой для того, чтобы уместить используемые понятия в предложенную теоретическую модель, могут потрясти тем колоссальным трудом, который вложили авторы в написание этой работы. Однако в высшей степени амбициозные цели и огромный объем данного исследования с лихвой компенсируются наличием крайне ценных «взглядов изнутри», которые позволяют выйти

за рамки ныне существующих методологически индуктивных[1] либо, наоборот, строго дедуктивных исследований.

В этой книге представлены как сравнительные, так и короткие иллюстративные исследования таких стран, как Эстония, Китай, Чехия, Грузия, Венгрия, Казахстан, Македония, Молдова, Польша, Румыния, Россия и Украина. В целом авторы значительно детализируют и расширяют наше понимание «реальной политики» в посткоммунистических режимах и успешно уводят внимание от западоцентричных описаний политических практик в рассматриваемых странах к насыщенным, локально-обусловленным концептуализациям этих политических систем. В контексте общемирового тренда разворота к автократиям, а также демократического отката в сложившихся демократиях, мы можем наблюдать и некоторый терминологический поворот в политологии, который, вероятно, произошел в ответ на осмысление опыта посткоммунизма. Однако, за редким, но ярким исключением, использование альтернативной терминологии (например, «клептократия» вместо «демократии»), к сожалению, пока не меняет общей идеологизированной американоцентричной тенденции дедуктивно-прескриптивного подхода, зачастую основанного на исторической амнезии.

Концептуальные, методологические и семантические инновации, предложенные в «Посткоммунистических режимах», безусловно, вызовут оживленную дискуссию среди ученых, студентов и других читателей, которые жаждут получить более ясное понимание сложного посткоммунистического мира.

[1] Индуктивный метод предполагает формулирование умозаключений на основе перехода от частных положений к общим, то есть снизу вверх (*прим. пер.*).

ВВЕДЕНИЕ

В ловушке языка демократизации

После распада Советского Союза повсеместное распространение **либеральной демократии** как политического режима сопровождалось господством либеральной демократии **как описательного языка**. Иными словами, понятия социальных наук, которые разрабатывались для анализа государственных устройств западного типа, применялись к различным феноменам в недавно освобожденных странах. Исследователи стали описывать эти государственные устройства как некие разновидности демократии с определенным типом правительства, партийным устройством, системой сдержек и противовесов и т. д. Действительно, эти категории взаимосвязаны и формируют особый нарратив, представление о демократиях западного образца, где у категорий есть особые характеристики и свое относительное место, а также согласованность с другими категориями этой концепции. Таким образом, **использование языка** либеральных демократий **косвенным образом подразумевает структуру и логику государств западного типа**. То есть режимы, для описания которых используется этот язык, имеют общие характерные черты, определенный набор элементов и внутреннюю динамику либеральных демократий.

Подобная уверенность была вызвана чувством эйфории, которая охватила очень многих после краха коммунистических режимов. Примерно тогда же понятие «**конец истории**» стало общим местом. Эта фраза — несколько упрощенная версия того, что в действительности сказал Фрэнсис Фукуяма в 1992 году в своей книге с таким же названием[1], выражая неподдельный оптимизм в отношении уверенной победы

1 *Fukuyama F.* The End of History and The Last Man. New York: Free Press, 1992.

либеральной демократии, которая должна дать импульс глобальной демократизации. Стоящий за этим **геополитический аргумент** заключался в том, что вышеупомянутый крах был **концом однозначного и привычного мирового порядка, определяемого гонкой двух сверхдержав**, одна из которых описывалась как демократия, а другая — как диктатура. Поскольку все мировые государства ассоциировались либо с одним полюсом, либо с другим[1], после распада Советского Союза и Восточного блока логично было бы думать, что теперь страны могут тяготеть только к полюсу-победителю — объединяться с США и Западным блоком. Добавим к этому активную политику Америки по распространению и поддержке демократии[2] — и вот уже легко понять, почему демократизация казалась неизбежной, а история действительно закончилась.

Эйфорический взгляд на посткоммунизм предполагал **либеральный аргумент**, важной частью которого был моральный стимул для глобального распространения прав человека, а также политической системы, которая может гарантировать соблюдение этих прав наилучшим образом[3]. С этой точки зрения смена режимов в эпоху посткоммунизма предоставляла уникальные возможности народам, находившимся под гнетом коммунистического правления, построить для себя свободные демократии, переняв ценности послевоенного Запада. С другой стороны, либеральный подход также означал **моральный запрет на полное признание исторического и культурного наследия посткоммунистических обществ**.

1 *O'Donnell G., Schmitter P.* Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1986; *Diamond L., Linz J., Lipset S.M.* Democracy in Developing Countries. London: Lynne Rienner, 1989.

2 *Carothers T.* Democracy Assistance: The Question of Strategy // Democratization. 1997. Vol. 4. № 3. P. 109–132; Idem. Aiding Democracy Abroad: The Learning Curve. Washington: CEIP, 1999.

3 *Holmes S.* Democracy for Losers // Brave New Hungary: Mapping the «System of National Cooperation». Lanham: Lexington Books, 2019. P. 291–302.

Невнимание к институциональным и культурным руинам коммунизма больше соответствовало либеральному взгляду на равенство людей. Согласно ему, каждая нация обладает одинаковым потенциалом к построению либеральных демократий западного типа, у них есть внутренне присущая жажда свободы западного образца — настоящей свободы, на которую люди имеют право, — просто эта жажда ранее подавлялась коммунистической диктатурой[1]. В этом заключается одна из важных причин, по которой транзитология и исследования успехов демократизации фокусировались скорее на политическом методе смены режима, качестве структуры институтов, интересах элит и, наконец, видимой руке Запада, проявлявшей себя в экономико-политической взаимосвязи[2].

Геополитические и либеральные доводы подтверждали, что посткоммунистические страны должны рассматриваться в терминах либеральной демократии, представлявшей собой конечный пункт линейного развития, для достижения которого условия более или менее выполнялись. Специфические черты каждого государственного устройства описывались в терминах совпадения с телеологическими перспективами демократии или расхождения с ними. **Любые отклонения от пути демократизации воспринимались как проблемы начального периода**, которые преодолимы и которые необходимо преодолеть.

Со временем отклонения становились все более явными, парадигма транзита продолжала свое развитие[3], научное сообщество отреагировало на это тем, что **сменило ярлыки**

1 *Sen A.* Democracy as a Universal Value // Journal of Democracy. 1999. Vol. 10. № 3. P. 3–17.

2 *Schmitter P., Karl T.* The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 1. P. 173–185; *Bunce V.* Should Transitologists Be Grounded? // Slavic Review. 1995. Vol. 54. № 1. P. 111–127; *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

3 *Carothers T.* The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 1. P. 5–21; *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War.

для обозначения режимов, при этом никак не переосмыслив саму парадигму. Другими словами, хотя для различных недемократических режимов и придумывались новые названия, лежащий в основе язык описания их характерных черт оставался практически неизменным. Использование новых категорий для различных элементов режима было намного более спонтанным, чем у компаративистов предыдущего поколения[1], и по большому счету никто не ставил перед собой задачу систематически пересмотреть фундаментальные категории и привести их в соответствие с новыми ярлыками.

Мы, несомненно, находимся в ловушке аналитического языка, который начал доминировать в 1990-е годы. **Хотя парадигма перехода была единогласно отвергнута**, мы продолжали пользоваться терминологией, предназначенной для анализа государств западного типа, и **использовать язык либеральной демократии, чтобы описывать посткоммунистические режимы**. Для теоретизации внутренних элементов последних использовались те же термины, как если бы эти государства действительно переняли вышеупомянутую логику и динамику либеральных демократий, несмотря на то, что они больше не считаются таковыми.

Язык либеральных демократий усиливает путаницу в теориях и взглядах **о текущем состоянии посткоммунистических государств**. Использование одних и тех же категорий для них и для западных стран неизбежно приводит к концептным «натяжкам» и порождает уйму скрытых допущений, многие из которых, как будет показано в этой книге, просто не подходят для описания посткоммунистических стран. **Кроме того, контекст, обусловленный языком, искажает эмпирический анализ** и сбор данных. Негативный эффект вышеупомянутых допущений о простой сопоставимости западных

[1] См. например, критический метаанализ этих изменений: *Cassani A.* Hybrid What? Partial Consensus and Persistent Divergences in the Analysis of Hybrid Regimes // International Political Science Review. 2014. Vol. 35. № 5. P. 542–558.

и посткоммунистических режимов лучше всего отражают так называемые непрерывные измерения. При помощи этих измерений количественно оценивается состояние и направление «демократического потенциала» (*democraticness*) государств с учетом определенных критериев и институтов, и страны располагаются на непрерывной шкале. Эти измерения затем структурируют, и в зависимости от совокупного показателя каждой стране присваивается «политический ярлык»[1]. Исследовательские институты, такие как *Polity IV* и *Freedom House*, собирают стандартизированный набор доступных параметров по странам, и затем они суммируются с помощью одного и того же алгоритма для каждой страны. И хотя благодаря этому формируются приличные базы данных для научного использования, этот метод действительно подразумевает, что все режимы — западные или какие-либо другие — по сути одинаковы. Предполагается, что их можно понять и описать, если сфокусироваться на некоем универсальном наборе переменных, тех самых акторах и институтах, на которые в первую очередь направлен сбор данных. При этом все эти переменные структурированы одинаково и имеют одни и те же акценты, как того требует заявленная методология. Эти допущения и их сомнительность были бы очевидны, если бы разные элементы, принадлежащие разным контекстам, назывались бы разными словами. Уже стало бы ясно, что такой анализ похож на сравнение яблок и апельсинов или, скорее, яблок и кенгуру[2]. Однако язык либеральной демократии скрыл структурные различия и даже допущение об их возможном наличии, позволив анализировать посткоммунистические режимы так, как будто они западные.

1 См. например, критический метаанализ: *Bogaards M.* Where to Draw the Line? From Degree to Dichotomy in Measures of Democracy // Democratization. 2012. Vol. 19. № 4. P. 690–712.

2 *Bunce V.* Should Transitologists Be Grounded? P. 112. Ср.: *Sartori G.* Comparing and Miscomparing // Journal of Theoretical Politics. 1991. Vol. 3. № 3. P. 243–257.

Неприменимость существующих моделей к описанию посткоммунистического пространства

Действительно ли настолько нецелесообразно проводить параллели между посткоммунистическими и западными режимами? **Являются ли посткоммунистические страны фундаментально иными? Для ответа на этот вопрос нужно понять, что представляют собой фундаментальные основы их режимов**. Необходимо пристальнее приглядеться к существующим моделям, то есть научной интерпретации тех режимов, которые сформировались в результате так называемой третьей волны демократизации[1], чтобы понять, из каких предпосылок они исходят и почему неприменимы для описания посткоммунистических режимов.

Провал парадигмы линейного транзита от коммунистической диктатуры к либеральной демократии стал очевиден уже через десять лет после смены этих режимов. Некоторые посткоммунистические страны, такие как Эстония, Польша или Венгрия, всего за несколько лет существенно приблизились к либеральным демократиям западного образца, тогда как в посткоммунистических странах, расположенных восточнее, таких как Россия и страны Центральной Азии, демократизация «замерла» или «обратилась вспять» вскоре после начала процесса[2]. Поскольку становилось все сложнее закрывать глаза на разочарование по этому поводу, **литература о демократическом транзите обогащалась новыми терминами. Ученые стали создавать для режимов новые ярлыки**, которые отражали их недемократический характер.

1 *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.

2 *Zakaria F.* The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. № 6. P. 22–43.

Сначала, на том этапе **исследований**, который можно назвать «**транзитология**», политологи предполагали, что **посткоммунистические страны, начав свой путь движения в сторону либеральных демократий, просто еще не успели достичь этой стадии**. На самом деле слово «транзитология» означало не только трансформацию устройства общества, но и отсылало к буквальному значению английского слова *transit*: поскольку режимы находятся в пути, то пути эти могут принимать различные по степени отдаления или отклонения от обычной либеральной демократии формы. На основании такого предположения в академической литературе появилось несколько направлений подобных исследований. Первое направление, транзитология в буквальном смысле слова, фокусировалось на самом процессе перехода в странах посткоммунистического региона и Латинской Америки. Сэмюэл Ф. Хантингтон, Гильермо О'Доннелл, Филипп Шмиттер и Адам Пшеворский считаются его классиками[1]. Второе направление, консолидология, ставшее популярным главным образом во второй половине 1990-х, акцентировало внимание на консолидации демократий в странах, находящихся на стадии перехода. Консолидации посвящены работы Хуана Линца, Скотта Мэйнуоринга, Ларри Даймонда и др.[2] Наконец, третье — европеизация — можно также считать направлением

[1] *Хантингтон С.* Третья волна; *O'Donnell G., Schmitter P.* Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1986; *Schmitter P.* Transitology: The Science or the Art of Democratization? // The Consolidation of Democracy in Latin America. Boulder: Lynne Rienner, 1995. P. 11–41; *Przeworski A.* Transitions to Democracy // Democracy and the Market. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 51–99.

[2] *Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1996; *Mainwaring S., O'Donnell G., Valenzuela J. S.* Issues in Democratic Consolidation: New South American Democracies in Comparative Perspective. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1992; *Diamond L.* Developing Democracy: Toward Consolidation. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.

транзитологии (хотя оно и развивалось немного иначе), его истоки можно найти в сравнительных теориях режимных трансформаций. Представители этого направления, Франк Шиммельфенниг и Ульрих Зедельмайер, исследовали процесс сближения центральноевропейских посткоммунистических стран с Европейским союзом (ЕС)[1]. Данное ответвление транзитологии оказалось самым долгоживущим (по меньшей мере до 2008 года). Объясняется это тем, что оно фокусировалось на «успешных странах», то есть тех, где предпосылка транзитологии о неизбежной смене коммунистического режима на западную модель развития была не так очевидно ошибочна. Приверженцы направления европеизации надеялись, что присоединение новых стран к ЕС в 2004 и 2007 годах укрепит их демократии, а связь со странами Запада и их рычаги влияния считались достаточно основательными стимулами, способными предотвратить какой-либо регресс на пути к либеральной демократии[2]. Однако позднее несостоятельность теории о линейном пути стала очевидна даже в этом регионе, особенно ярко это проявилось на примере Польши и Венгрии[3].

В транзитологии **подходящими ярлыками для «переходных режимов»,** которые «двигались к демократическому финалу разными темпами», оказались так называемые урезанные подтипы. Эти подтипы — **демократии «с прилагательными»**, то есть категориями, которые расширяют значение термина «демократия». Например, «нелиберальная», «электоральная», «дефектная» и т. п. Эта концепция была призвана выявить дефекты рассматриваемых режимов

1 *Schimmelfennig F., Sedelmeie U.* The Europeanization of Central and Eastern Europe. New York: Cornell University Press, 2005.

2 *Levitz P., Pop-Eleches G.* Why No Backsliding? // Comparative Political Studies. 2010. Vol. 43. № 4. P. 457–485.

3 *Magyar B.* Parallel System Narratives: Polish and Hungarian Regime Formations Compared // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 611–655.

относительно западной модели. По словам двух ведущих специалистов по демократизации, демократии «с прилагательными» нужно рассматривать как «примеры неполной демократии», а «исследователь, использующий эти подтипы, делает скромное предположение о степени демократизации»[1]. Несмотря на устарелость парадигмы транзита, эти ярлыки в виде ограниченных подтипов остаются невероятно популярны и по сей день[2].

Постепенно фаза транзитологии сменилась **фазой гибридологии** в литературе о политических режимах. **Новые режимы, наконец, стали считаться стабильными**, то есть не тяготеющими к полюсам демократии или диктатуры, но находящимися относительно них в некотором равновесии. Это не означает, что такие режимы статичны. Однако линейное развитие по направлению к либеральной демократии больше не рассматривалось как неизбежное. Осознавая наличие уникальных электоральных, но не демократических режимов[3], ученые ввели понятие постоянной «серой зоны», располагая существующие режимы на **оси демократия — диктатура** (Схема 1).

Можно выделить два способа, с помощью которых ученые попытались концептуализировать «серую зону»: **первый рассматривает ее не как точку на оси** между двумя конечными пунктами, **а как группу режимов, которые не являются ни демократией, ни диктатурой**. Ярлыки «**гибридный**» или «**смешанный**» включены в этот дискурс, поскольку эти термины не стремятся описать режим в его отношении к какому-либо из полюсов. Здесь также есть различные ярлыки для конкретных стабильных типов режимов внутри серых зон без определения их фиксированной позиции относительно

[1] *Collier D., Levitsky S.* Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. 1997. Vol. 49. № 3. P. 430–451.

[2] Пример метаанализа см.: *Bogaards M.* How to Classify Hybrid Regimes? Defective Democracy and Electoral Authoritarianism // Democratization. 2009. Vol. 16. № 2. P. 399–423.

[3] *Diamond L.* Thinking About Hybrid Regimes.

Схема 1: Ось демократия-диктатура с двумя полюсами и серой зоной между ними

Первая категоризация: Diamond L. Thinking about Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002. April. Vol. 13. № 2. P. 21. Вторая категоризация: Howard M., Roessler P. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // American Journal of Political Science. 2006. Vol. 50. № 2. P. 367. Третья категоризация: Kornai J. The System Paradigm Revisited: Clarification and Additions in the Light Of Experiences in the Post-Communist Region // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes / ed. by B. Magyar. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 21–74

концов оси. Вместо этого ученые располагают рассматриваемый режим рядом с одним из полюсов, который, как им кажется, подходит больше, и определяют этот режим как искаженную форму выбранной конечной точки. К примеру, можно придумать такие термины, как «**управляемая демократия**» или «**конкурентный авторитаризм**». Действительно, несколько подтипов составили эту группу и теперь обозначают конкретный режим вместо одной из стадий перехода. «Дефектная демократия» — хороший пример такой эволюции, термин, который вобрал в себя благодаря компаративистам еще несколько (обычных) подтипов[1]. «Нелиберальная демократия» тоже понималась как независимый режим, который больше не считался демократическим[2].

Таблица 1 представляет собой компиляцию понятий для режимов из этой группы[3]. Для точности мы включили имена

[1] *Croissant A.* From Transition to Defective Democracy: Mapping Asian Democratization // Democratization. 2004. Vol. 11. № 5. P. 156–178.

[2] *Bozóki A.* Beyond «Illiberal Democracy»: The Case of Hungary // New Politics of Decisionism. Hague: Eleven International Publishing, 2019. P. 94–98.

[3] *Bozóki A., Hegedűs D.* Democracy, Dictatorship and Hybrid Regimes.

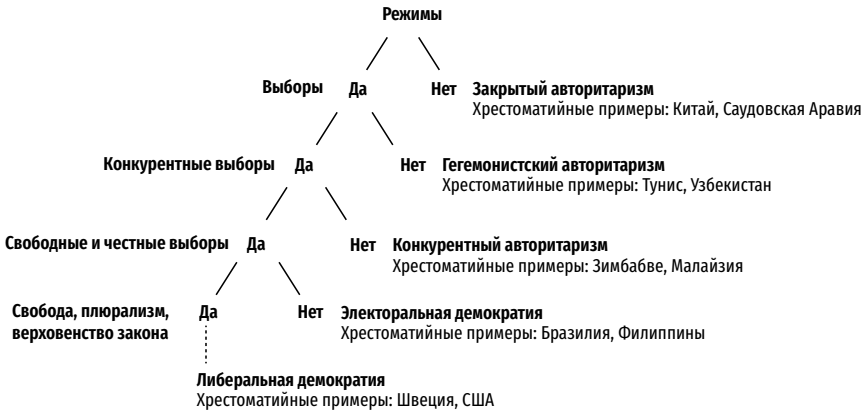
Таблица 1. Рост числа категорий для политических режимов

Либеральные демократии	Гибридные режимы	Диктатуры
Представительная демократия (консенсусная или мажоритарная) и другие классификации: • **Полиархия** *(Роберт Даль)* • **Демократия прямого участия** *(Кэрол Пейтман)* • **Совещательная демократия** *(Юрген Хабермас)* • **Элитисткая демократия** *(Джон Хигли)*	**Смешанные режимы между демократией и диктатурой:** • **Демократура и Диктабланда** *(Гильермо О'Доннелл и Филипп Шмиттер)* • **Делегативная демократия** *(Гильермо О'Доннелл)* • **Нелиберальная демократия** *(Фарид Закария)* • **Управляемая демократия** *(Арчи Браун)* • **Конкурентный авторитаризм** *(Стивен Левицкий и Лукан Вэй)* • **Электоральный авторитаризм** *(Андреас Шедлер)* • **Полудемократия** *(Ларри Даймонд)* • **Либеральная автократия** *(Ларри Даймонд)* • **Дефектная демократия** *(Вольфганг Меркель)* • **Плебисцитарная демократия** *(Андраш Кёрёшеньи)* • **Гибридный режим, ограниченный извне** *(Андраш Бозоки и Дэниел Хегедуш)*	**Авторитарные и тоталитарные режимы:** • **Коммунистическая и фашистская тоталитарные диктатуры** *(Ханна Арендт, Карл Фридрих и Збигнев Бжезинский)* • **Посттоталитарная система** *(Вацлав Гавел)* • **Авторитаризм** *(Хуан Линц)*

Переработанный материал в хронологическом порядке появления терминов в литературе на основании работы: Bozóki A., Hegedűs D. Democracy, Dictatorship and Hybrid Regimes: Concepts and Approaches // Illiberal and Authoritarian Tendencies in Central, Southeastern and Eastern Europe. Bern: Peter Lang, 2018. P. 21–49

авторов, главным образом ассоциирующихся с представленными терминами. Кроме того, стоит отметить, что такой количественный рост понятий не ограничивается только гибридными режимами, поскольку некоторые разрабатывались также и для двух полюсов. Особенно интересна разработка понятия «либеральная демократия», которое свидетельствует о неудовлетворенности текущим положением обществ западного образца как в нормативном смысле, так и в концептуальном.

Схема 2: Деление режимов по принципу электорализма



Замечание: Под «выборами» подразумеваются выборы чиновников для органов исполнительной власти или парламента, который их выбирает

Эти новые термины также включены в таблицу для полноты картины текущего статуса теории режимов.

Второй тип или группа понятий включает в себя названия, которые были придуманы как часть шкалы с полюсами в виде демократии и диктатуры. Эта шкала может быть дискретной, если типы режимов определены в зависимости от различных взаимоисключающих положений одной или нескольких переменных и заполняют всю шкалу без пробелов. Пример такой категоризации приведен на Схеме 2. На этой шкале Говарда и Росслера определяющей переменной является электорализм (*electoralism*), то есть наличие и качество выборов, режимы строго следуют один за другим в соответствии с тем, насколько сменяемы их лидеры. На схеме также можно заметить взаимную исключительность уровней, поскольку между бинарной оппозицией конкурентных и неконкурентных выборов, к примеру, не существует градаций. Теоретически таких схем можно придумать сколько угодно. Микаель Вигелл[1] разработал схему с двумя переменными, классифицировав режимы по принципу электорализма

[1] *Wigell M.* Mapping «Hybrid Regimes»: Regime Types and Concepts in Comparative Politics // Democratization. 2008. Vol. 15. № 2. P. 230–250.

и конституционности, а Леа Гилберт и Паям Мохсени[1] предложили схему с тремя переменными: конкурентностью, гражданскими свободами и опекающим вмешательством.

Шкала вышеописанной серой зоны может быть непрерывной. Наиболее успешная попытка такого анализа принадлежит Яношу Корнаи, который рассматривает политические режимы в десяти измерениях (переменных) и кратко определяет «демократию», «автократию» и «диктатуру» как три идеальных типа, между которыми остается пространство для «промежуточных режимов»[2]. При подходе, который представлен в третьей категоризации на Схеме 1, привычная ось демократия — диктатура становится двухчастной: демократия — автократия — диктатура. Но в противоположность концепции разрозненных гибридных режимов так называемые **идеальные типы** Корнаи необходимы для того, чтобы помещать между ними рассматриваемые политические режимы и определять их отдаленность от идеальных типов. Исходя из десяти переменных, которые рассматриваются в книге далее, режим может быть помещен на шкалу ближе к одному идеальному типу, на который он больше всего похож, и дальше от другого идеального типа в зависимости от его конкретных отличий. Также в соответствии с главным предположением гибридологии эти точки больше не считаются остановками на линейном пути к демократии, а воспринимаются как независимые самостоятельные политические системы. Переход из одной в другую не направлен только в одну сторону, но возможен в обе.

Если сопоставить две фазы в истории сравнительного изучения режимов, то по сравнению с транзитологией

1 *Gilbert L., Mohseni P.* Beyond Authoritarianism: The Conceptualization of Hybrid Regimes // Studies in Comparative International Development. 2011. Vol. 46. № 3. P. 270.

2 *Kornai J.* The System Paradigm Revisited: Clarification and Additions in the Light Of Experiences in the Post-Communist Region // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. P. 21–74.

гибридология — это шаг вперед[1]. Она отказалась от некоторых ложных предпосылок и показала, что режимы не обязательно движутся в направлении демократии западного типа, а «транзитные станции» могут в действительности оказаться конечными. Она основывается на идее, что новые режимы не являются тем, чем они хотят казаться: за демократическим фасадом скрываются авторитарные политические практики[2]. Именно на таком несоответствии строится гибридология, которая порывает с транзитологическим подходом, где этот феномен объяснялся бы как проблема начального этапа в силу отсутствия политической культуры либо как временное отклонение, возникшее вследствие неразвитых институтов. В гибридологии недемократические черты являются системными, что означает, что она в принципе уже избавилась от понимания таких черт как отклонений от нормы. Однако гибридология сужает круг феноменов, определяющих режим, до политических институтов. Для политологов это вполне объяснимо, однако у такого подхода есть и недостаток. Дело в том, что акцент на институтах заставляет ученых закрывать глаза на другие феномены, хотя именно эти «второстепенные» аспекты и могут оказаться определяющими. Предпосылка, на которой базируется гибридология, заключается в том, что **ядром политического режима является отчетливо видимая политическая сфера**. Другими словами, политические процессы определяются формальными акторами, такими как политики, и формальными институтами, такими как правительство и правящая партия. Это предположение подразумевает чрезмерный акцент на вышеупомянутых факторах при анализе режимов. Как можно увидеть из нашего краткого обзора, гибридология (а также транзитология) рассматривают

1 Ср.: *Armony A., Schamis H.* Babel in Democratization Studies // Journal of Democracy. 2005. Vol. 16. № 4. P. 113–128.

2 *Dobson W.* The Dictator's Learning Curve: Inside the Global Battle for Democracy. New York: Anchor, 2013.

главным образом политические феномены, акторов и институты. Даже когда исследователи говорят об «опекающем вмешательстве», ссылаясь на влиятельного бизнесмена или авторитет церкви, их слова подразумевают, что ядром режима остается политическая сфера, в которую «внешние акторы» только «вмешиваются».

Является это предположение правильным или нет, зависит от наличия отдельной политической сферы — другими словами, от того, прошло ли рассматриваемое общество процесс **разделения сфер социального действия**. Клаус Оффе делит сферу возможного социального действия на три категории: **политическую, экономическую и общинную**[1]. По его словам, «политическое действие воплощено в государственной структуре и выражается через обретение и использование легитимной власти, ответственность, иерархии и применение легитимной силы для того, чтобы отдавать приказы и добывать ресурсы. <...> Экономическое действие выражается в стремлении к приобретению основанного на договоре права владения в рамках правовых норм, которые, кроме прочего, определяют права собственности и круг объектов, которые могут выставляться на продажу, и тех, которые не могут. <...> Наконец, общинное действие определяется восприятием взаимных обязательств между людьми, которые разделяют одну культуру или идентичность, то есть принадлежность к одной семье, религиозной группе, области проживания и т. п.»[2].

[1] Слово «общинный», выбранное для перевода третьего из типов социального действия, который в оригинале обозначается как *communal*, следует понимать в широком смысле — как относящийся к тесно связанному сообществу людей, разделяющих некий набор ценностей, культуру или идентичность. Нам хотелось бы избежать коннотаций, отсылающих к ограниченному числу конкретных инкарнаций общинных отношений, получивших название «община», таких, например, как крестьянская община. В понимании авторов социальное действие внутри семьи или дружеского круга также будет являться общинным (*прим. пер.*).

[2] *Offe C.* Political Corruption: Conceptual and Practical Issues // Building a Trustworthy State in Post-Socialist Transition. Political Evolution and Institutional Change. New York: Palgrave MacMillan, 2004. P. 78.

Разграничение этих трех сфер социального действия, происходившее на протяжении многих веков, свойственно только западным цивилизациям. Полное разделение этих сфер было достигнуто в либеральных демократиях, где оно обеспечивается не только институтами, но также за счет ряда особых правил и гарантий, которые исключают конфликт интересов, определяя, как эти сферы взаимодействуют и отклоняются от нормы. Если двигаться с Запада на Восток, то станет заметно, что это разделение либо еще не произошло, либо произошло в рудиментарном виде. А **коммунистические режимы**, пришедшие к власти в 1917 году (и после 1945 года), **не только приостановили этот процесс там, где он начинался или уже происходил, но обратили его вспять**. Общие принципы тоталитарной коммунистической идеологии и установленного порядка ликвидировали независимость сфер социального действия, частную собственность, личное пространство и автономные сообщества, объединив их в единую неоархаичную форму. И если в Центральной и Восточной Европе эти изменения стали регрессом в отношении уже почти достигнутого разделения, то далее на Восток процесс обособления был остановлен и заморожен «в зародыше».

В результате **разделения** сфер социального действия **в западных странах** общественные отношения не только в рассматриваемых категориях, но и в целом в политико-экономической сфере развиваются в **абсолютно формализованном и обезличенном ключе**[1]. В таких системах верна аксиома о наличии политической сферы и принципиальной важности ее отделения от двух других. Однако там, где отделение социальных действий присутствует рудиментарно или вовсе отсутствует, вместо формализованных безличных структур обычно доминируют неформальные отношения. Эти

1 *North D., Wallis J., Weingas B.* Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2009.

патронально-клиентарные отношения строятся по принципу подобострастного подчинения и складываются в патрональные сети[1]. Конечно, когда гибридологи обращают внимание на то, что посткоммунистические диктаторы ликвидируют разделение ветвей власти, это является всего лишь логичной адаптацией формальных институтов к патронализму и следствием разделения сфер социального действия в целом.

Частичное или полное отсутствие разделения сфер социального действия — это **основная причина, по которой коммунистические режимы нельзя по умолчанию анализировать как западные**. Проблема в том, что такая точка зрения содержит в себе иллюзию, постулат об отсутствии прошлого, который игнорирует социальную историю посткоммунистических режимов и предполагает, что идеальную политическую систему либеральной демократии западного типа можно построить на любых руинах коммунизма. Предполагается, что независимо от преобладающих систем ценностей такое начинание будет просто вопросом благоприятного исторического момента и политической воли. Но автономно движущиеся «тектонические плиты» исторически сложившихся систем ценностей не станут поддерживать чуждую политическую конструкцию, которую кому-то захотелось установить.

Возвращаясь к проблеме языка, мы видим, почему **неразборчивое использование терминологии вводит в заблуждение**. Гибридологи далеко шагнули, дав названия различным режимам как единой целостности, но для детального описания посткоммунистических режимов термины заимствуются из языка либеральных демократий. Например, если мы говорим об акторах, слово «политик» предполагает отделенную политическую сферу. Политик — это человек, который совершает политические действия и преследует политические цели, а именно власть и идеологию. Если происходит слияние

[1] *Hale H.* Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

социальных сфер, человек, который выглядит как политик, например официальный премьер-министр страны, не ограничивается только политическим действием, но, вероятнее всего, принимает участие и в экономической, и общинной деятельности, потому что он является патроном, находящимся на высшей позиции в структуре патронально-клиентарных отношений[1]. Таким же образом слово «партия» отсылает нас к организации с политическими целями, которая действует в определенной политической сфере, а не к организации, возникшей в результате слияния сфер действия, в которой на самом деле не принимается никаких политических решений и которая используется как фасад для прикрытия неформальной патрональной сети[2].

Такие примеры работают в обе стороны: как в случае политической сферы социального действия, так и в двух других. Понятие «частная собственность» относится к институту отдельной сферы экономического действия. Следовательно, не имеет смысла использовать его, когда сферы не отделены друг от друга. Объект имущества, который *де-юре* принадлежит частному лицу, *де-факто* принадлежит публичному лицу, а частное лицо используется здесь в качестве марионетки (имеющей более низкий статус в системе патронально-клиентарных отношений)[3]. По той же причине становится проблематичным научное использование официальной статистики, которая собирает данные при помощи западных понятий формальных отношений собственности[4]. Для другого примера возьмем слово «коррупция», которое органы контроля

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 61–94.

2 Ibid.

3 *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: На примере Венгрии. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

4 *Hanson P., Teague E.* Russian Political Capitalism and Its Environment // Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries. London: Palgrave Macmillan UK, 2007. P. 149–164.

мировых стран, как правило, понимают как взяточничество или влияние частных интересов на принятие политических решений (*state capture*). Оба этих определения подразумевают наличие политических и экономических акторов, где последние подкупают первых[1]. В посткоммунистических режимах «политические» акторы на самом деле являются патронами, которые находятся на вершине патронально-клиентарной пирамиды. Это подразумевает навязанные сверху, а не идущие «снизу вверх» коррупционные практики. Таким образом, коррупция на Западе считается главным образом отклонением от нормы, результатом неправильного или несовершенного правового режима, из которого извлекают выгоду нечестные чиновники и частные лица. На этот случай есть поговорка: «не там вор крадет, где много, а там, где лежит плохо». В посткоммунистическом регионе, однако, все наоборот: вор создает возможности для воровства, ведь он, являясь главой исполнительной власти, видоизменяет нормативную базу и использует полномочия государственных органов для личного обогащения и обогащения своей патронально-клиентарной структуры[2].

Поскольку недостаток разделения общественных сфер — это наследие прошлого, возникает соблазн использовать **исторические аналогии** для описания режимов. В конце концов, **коммунизм** воплощал в себе слияние политической и экономической сфер, как это было при **фашистских тоталитарных диктатурах** и до начала XX века в **феодальных государствах** по всей Евразии. Для того, чтобы дифференцировать

1 *Magyar B., Madlovics B.* From petty corruption to criminal state: A critique of the corruption perceptions index as applied to the post-communist region. Intersections // East European Journal of Society and Politics. 2019. Vol. 5. № 2. P. 103–129.

2 *Stefes C. H.* Understanding Post-Soviet Transitions: Corruption, Collusion and Clientelism. New York: Springer, 2006; *Klíma M.* Informal Politics in Post-Communist Europe: Political Parties, Clientelism and State Capture. Milton: Routledge, 2019.

существующие режимы от исторических, ученые и публицисты используют приставки «нео-» и «пост-». Так, «неокоммунизм» используется, когда хотят подчеркнуть волюнтаризм и чрезмерное вмешательство государства в экономику[1]; «неофашизм» привлекают, когда хотят выявить ксенофобскую, антисемитскую риторику или культ личности[2]; «неофеодализм» — когда акцентируют внимание на упразднении самоуправления и появлении иерархических цепей вассальной зависимости, в которой фигурируют бесконтрольные «сеньоры», «местные вельможи» и уязвимые «слуги»[3]. Однако главная проблема исторических аналогий в том, что их эффективность ограничена. Иными словами, они могут служить **хорошими метафорами для отдельных феноменов и измерений системы**, но не могут описать все ее измерения в рамках единой последовательной концепции, так что **их нельзя использовать для описания системы как целого**. Как только фокус смещается, аналогии перестают действовать. В случае с коммунизмом метафора может сработать для государственного вмешательства в экономику (хотя посткоммунистические режимы демонстрируют целый ряд отношений собственности в противовес государственной монополии на собственность), но характер правящей элиты и ее коррумпированные структуры среди прочего совершенно другие.

1 *Bokros L.* Hanyatlás [Упадок] // Élet És Irodalom. 2015. Vol. 59. № 1–2.

2 *Snyder T.* The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America. New York: Tim Duggan Books, 2018; *Motyl A.* Putin's Russia as a Fascist Political System // Communist and Post-Communist Studies. 2016. Vol. 49. № 1. P. 25–36; *Ungváry R.* A láthatatlan valóság: A fasisztoid mutáció a mai Magyarországon [Невидимая реальность: Фашизоидная мутация в современной Венгрии]. Pozsony: Kalligram, 2014.

3 *Inozemtsev V.* Neo-Feudalism Explained // The American Interest. 01.03.2011. URL: https://www.the-american-interest.com/2011/03/01/neo-feudalism-explained/; *Heller Á.* Hungary: How Liberty Can Be Lost // Social Research: An International Quarterly. 2019. Vol. 86. № 1. P. 1–22; *Shlapentokh V., Woods J.* Contemporary Russia as a Feudal Society: A New Perspective on the Post-Soviet Era. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

Термин «феодализм» подходит для выявления практик осуществления власти, но в случае с феодальными предшественниками истинная природа власти и их правовой статус совпадают друг с другом как бы естественным образом, и для этого не требуется никаких незаконных механизмов в отличие от посткоммунистических режимов. Король не притворялся президентом или премьер-министром. Он не говорил, что не имеет ничего общего с богатством своей семьи или вельмож и не записывал свое состояние на имя конюха, ведь ему не требовалось экономическое подставное лицо.

Исторические аналогии с фашизмом ведут к другому неверному толкованию. Тогда как фашистские или корпоративистские системы управляются идеологией, посткоммунистические используют идеологию в своих целях, а их лидеры характеризуются как прагматики без системы ценностей. Они собирают идеологическую мозаику, которая подходила бы к их авторитарной природе, из эклектичного набора идеологических блоков. Другими словами, не идеология формирует систему и потом управляет ею, а система формирует идеологию, причем с большой степенью свободы и изменчивости. Попытки объяснить движущие силы посткоммунистических лидеров с помощью национализма, религиозных ценностей или государственной собственности являются столь же бесполезным экспериментом, как и попытки охарактеризовать природу и деятельность сицилийской мафии любовью к малой родине и приверженностью семейным и христианским ценностям.

До этого мы говорили о несостоятельности существующих моделей и языка политологов и публицистов. Однако существуют другие специалисты в области общественных наук, в первую очередь экономисты и социологи, которые пытались понять суть посткоммунистических феноменов и ввести новые термины для их описания. В то время как эти нововведения, как правило, носят временный характер,

более системные из них либо фокусируются на экономике и говорят о «**получении ренты**», «**клиентелизме**», «**капитализме для корешей**» или «**клептократии**»[1], либо следуют по стопам Макса Вебера и используют термины «**патримониализм**», «**султанизм**», «**единоличное правление**» и т. д.[2] Первая группа терминов отражает плодотворные сдвиги восприятия в объяснении посткоммунистических режимов, но прилагательные, используемые в качестве сложных категорий, обеспечивают лишь ограниченное понимание из-за их предпосылок и основного подтекста. Прилагательное «**клиентелистский**», к примеру, не отражает нелегитимность отношений, слово «**кореш**» в контексте коррупционных транзакций предполагает, что стороны или партнеры имеют одинаковый статус (даже если выступают в разных ролях), а транзакции — нерегулярные, хотя и повторяющиеся, — происходят на добровольной основе и могут быть приостановлены или продолжены другой стороной исходя из соображений удобства. При этом ни одна из сторон не принуждает другую к продолжению отношений. А что касается ситуации, обозначаемой понятием «**клептократия**», этот термин, как правило, не подразумевает агрессивной реорганизации структуры собственности или системы, основанной на постоянных взаимоотношениях патрона и клиента.

Веберианские термины довольно привлекательны для описания посткоммунистических режимов, поскольку разрабатывались для обществ, в которых сферы социального

1 См.: *Szelényi I., Mihályi P.* Rent-Seekers, Profits, Wages and Inequality: The Top 20%. Cham: Palgrave Pivot, 2019; *Roniger L.* Political Clientelism, Democracy and Market Economy // Comparative Politics. 2004. Vol. 36. № 3. P. 353–375; *Åslund A.* Russia's Crony Capitalism: The Path from Market Economy to Kleptocracy. New Haven: Yale University Press, 2019; *Dawisha K.* Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia? New York: Simon & Schuster, 2014.

2 См. пример метаанализа: *Guliyev F.* Personal Rule, Neopatrimonialism, and Regime Typologies: Integrating Dahlian and Weberian Approaches to Regime Studies // Democratization. 2011. Vol. 18. № 3. P. 575–601.

действия не были отделены друг от друга. Тем не менее при их применении часто возникают проблемы. Первая — отсутствие подлинной концептуальной новизны, особенно когда к веберианским терминам просто добавляют префикс, как в случае со словом «неопатримониализм». Получившаяся в результате категория не очень красноречива, поскольку не сообщает, что нового добавляет приставка «нео-» в понятие «патримониализм», при том что использование термина, разработанного для первобытных и средневековых режимов, рискует стать лишь исторической аналогией (напоминающей аналогии, критикуемые выше). Вторая проблема заключается в том, что Вебер не рассматривал ситуации, в которых правовой режим не соответствовал реальной природе управления. Более того, он считал все режимы легитимными не только потому, что они могли поддерживать существование, но и потому, что они были легитимными относительно своих собственных законов и правовых норм. Хотя понятие легитимности Вебера можно плодотворно использовать, что мы и делаем в Главе 4, когда обсуждаем популизм, в посткоммунистическом контексте оно может вводить в заблуждение, если не иметь в виду ключевое различие между легитимностью по традиции и легитимностью по закону (то есть законностью)[1]. Наконец, третья проблема заключается в том, что эти описательные понятия часто **используются не систематически, а по случаю**, то есть когда исследователь посчитает их достаточно внятными и подходящими для своих целей. Также термины зачастую используются как синонимы, что стирает границы между ними и приводит к концептным «натяжкам» (когда единое гомогенное понятие применяется для описания

[1] В анализе режимов, сделанном в рамках теории Вебера, об этом различи забывают. См.: *Körösényi A, Illés G., Gyulai A.* The Orbán Regime: Plebiscitary Leader Democracy in the Making. London: Routledge, 2020. Ср.: *Szelényi I., Mihályi P.* Varieties of Post-Communist Capitalism: A Comparative Analysis of Russia, Eastern Europe and China. Studies in Critical Social Sciences. Leiden; Boston: Brill Academic Pub, 2019.

неоднородного разноплановой феномена)[1]. Чтобы избежать путаницы, неуместных сравнений и обманчивых предположений о схожести различных режимов, необходимо знать точные определения терминов, а также при описании каких феноменов и измерений одно понятие должно сменить другое.

Подводя итоги, следует отметить, что неосторожность при использовании понятий, которую можно видеть в литературе повсеместно, препятствует осознанию ловушки языка либеральной демократии. Для решения этой проблемы были предложены частичные решения, например постоянное обновление понятий в зависимости от одной или двух переменных анализа режимов, однако отправной точкой попрежнему остается режим западного образца с отделенными друг от друга сферами социального действия. Поверхностные изменения не выходят за рамки теории в целом и не нивелируют расхождения между применяемыми к недемократическим политическим системам названиями и терминами, относящимися к либеральной демократии. Существующие решения не могут приспособить терминологию для описания феномена, принципиально иного в своей основе.

Многомерная аналитическая структура: расширяя концептуальное пространство

Чтобы выбраться из ловушки языка либеральной демократии, необходимо **систематически пересмотреть и обновить вокабуляр для анализа режимов**. Требуется разработать новую терминологическую базу, которая позволит избавиться от основных допущений, характерных для гибридологии и ее западного «уклона». Новая терминология должна не просто заменить ярлыки, данные режимам, но и концептуально переосмыслить их составные элементы. Она должна учитывать

[1] *Sartori G.* Concept Misformation in Comparative Politics // The American Political Science Review. 1970. Vol. 64. № 4. P. 1033–1053.

рудиментарное разделение трех сфер социального действия или полное его отсутствие и, следовательно, рассматривать такие феномены, как патрональные сети, неформальность, сращивание власти и собственности или централизованные формы коррупции, в качестве фундаментальных оснований посткоммунистических режимов, а не их побочных эффектов.

Кроме того, новая аналитическая теория должна быть **многомерной**, представлять собой согласованную систему категорий, выводимых из контекста и охватывающих все значимые уровни (политический, экономический и т. д.) посткоммунистических режимов. Главное практическое преимущество такого подхода состоит в том, что **необходимость строить повествования отпадает**. Если ученый остается в рамках языка либеральной демократии, он может объяснить отдельные феномены посткоммунизма лишь приблизительно. Он вынужден рассказать историю феномена, то есть описать его специфический контекст и перечислить составляющие, для которых он может использовать западные термины только с уточняющими прилагательными или префиксами. Вместо таких пространных описаний многомерная аналитическая теория предлагает термины, которые учитывают контекст и обозначают характерные черты, отделяя рассматриваемый феномен от похожих феноменов из других контекстов. Это не только **делает описание более простым и точным**, но и **привносит согласованность и порядок**.

Самый очевидный способ создать более точные термины — спуститься по «лестнице абстракции», то есть добавить дополнительные характерные черты к существующему определению, приблизив его к конкретному явлению, которое мы хотим описать[1]. Но это не наш путь. Мы не пытаемся создать термины, которые дают точное описание, поскольку

1 *Mair P.* Concepts and Concept Formation // Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2008. P. 186–192.

(1) они могут вводить в заблуждение, так как посткоммунистические режимы — это «движущаяся мишень», которую нужно изучать в динамике[1]; (2) мы бы пришли к громоздким неэкономным конструкциям, особенно если они призваны отразить уникальность каждого случая, для которого были созданы[2], и (3) это привело бы к тому, что такие понятия были бы не способны «перемещаться в пространстве», то есть они могли бы точно характеризовать конкретные случаи, но допускали бы неточности при описании других стран[3]. Вместо этого мы предлагаем так называемые **идеальные типы**, которые не описывают реальные явления, но которые можно использовать в качестве **отправной точки**. Вебер писал, что идеальные типы «не являются гипотезой, но дают ориентиры для построения гипотезы. Они не *описывают* реальность, но стремятся предоставить непротиворечивые средства для ее описания. <...> Когда мы [создаем идеальный тип], мы не строим концепцию <...> как нечто среднее для всех наблюдаемых <...> в действительности [феноменов]. Идеальный тип формируется односторонней *акцентуацией* одной или нескольких точек зрения и синтезом множества рассеянных, дискретных, более или менее присутствующих и иногда отсутствующих *конкретных* отдельных феноменов, которые организованы в соответствии с этими односторонне подчеркнутыми представлениями в единую *аналитическую* конструкцию»[4].

Таким образом, идеальные типы не являются точными описаниями. Они представляют собой «чистые», утопические отображения явлений, которые не существуют в идеальном

1 *Bunce V., Wolchik S.* Mixed Regimes in Postcommunist Eurasia // SSDD Working Paper Series. 2008. № 1. P. 5–9.

2 *Coppedge M.* Democratization and Research Methods. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 14.

3 *Sartori G.* Concept Misformation in Comparative Politics. P. 1033–1036.

4 *Weber M.* The Methodology of the Social Sciences. Illinois: The Free Press of Glengoe, 1949. P. 90.

виде в реальности[1]. **Используя идеальные типы**, рассказывающие о том, как явление «должно» выглядеть теоретически, **мы можем описать феномены реального мира в терминах соответствия норме и отклонения от нее**. Это и есть отправная точка. Нам не нужно придумывать категорию для определенного явления. Мы создаем категорию *вокруг* явлений реального мира, и эта категория дает слово для определения находящихся в непосредственной близости от нее феноменов. При таком подходе мы не должны принимать во внимание все особенности явлений реального мира, а только некоторые из них, которые затем предстают в чистой и идеальной форме в четкой логической конструкции. Для примера можно взять упомянутые выше веберианские категории. Одну из них — султанизм — Вебер описывает как «господство, по способу управления движущееся в сфере свободного, не связанного традицией произвола»[2]. Очевидно, что любая правящая элита имеет многосложную структуру, и ни в одном государстве ни администрация, ни военные не являются «сугубо» инструментами правителя (главы исполнительной власти и т. д.). Но эта утопичная формулировка дает полезный термин для описания таких явлений реального мира, в которых мы можем видеть *доминирующее положение* правителя, то, что он обладает широким спектром политических инструментов. Такие явления можно интерпретировать как частные случаи султанизма и при этом указывать на конкретные и явные отклонения от идеального типа.

Если у нас есть **два** таких **идеальных типа,** мы можем **создать концептуальный континуум**, который является не чем иным, как непрерывной шкалой между двумя полярными типами, на которую можно поместить промежуточный феномен. Таким образом, упомянутая выше ось Корнаи

1 Ibid.

2 *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 270.

демократия — автократия — диктатура — это двухчастный концептуальный континуум. Каждый режим можно описать в терминах отличий от идеального типа и поместить на непрерывную ось между демократией и автократией или автократией и диктатурой соответственно.

Если у нас есть **более двух идеальных типов**, мы можем определить группу на основе более общего концепта, описывающего класс, — так называемого зонтичного концепта, к которому они все относятся (например, «политические режимы» или «экономические акторы»). С помощью такой группы мы можем **создать концептуальное пространство**, где феномены можно рассматривать в отношении к более чем двум идеальным типам. Преимущество концептуального пространства заключается в том, что оно не ограничено одним измерением, к которому относятся один или два идеальных типа, но предоставляет возможности для размещения существующих явлений более чем в одном континууме.

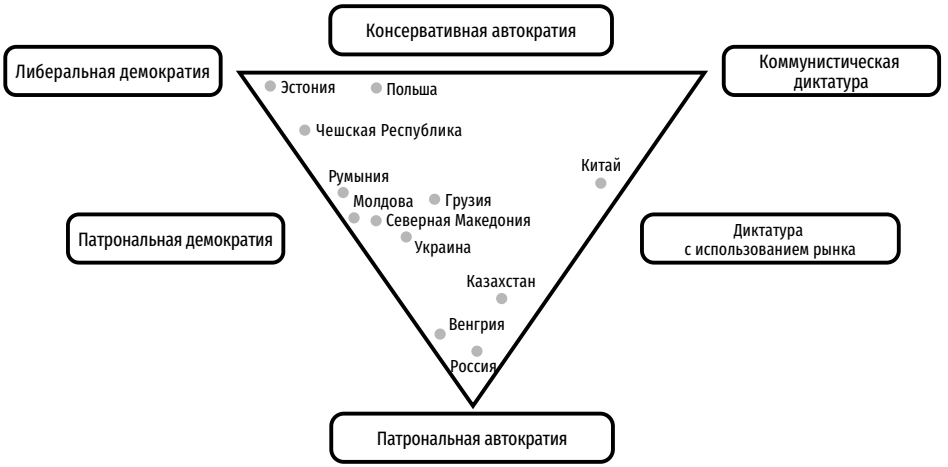
Для иллюстрации к вышесказанному рассмотрим Схему 3. Она **показывает наше основное концептуальное пространство, созданное для описания посткоммунистических режимов**. Оно определяется шестью идеальными типами режимов, включая три полярных типа и три промежуточных. Полярные типы — либеральная демократия, коммунистическая диктатура и патрональная автократия — расширяют концептуальное пространство и формируют три стороны треугольника. Эти стороны не являются осями диаграммы и не отображают потенциальные значения конкретной (количественной) переменной. В действительности это континуумы между конкретными концептами, которые определяются множеством переменных[1]. **Верхнюю сторону**, то есть континуум между либеральной демократией и коммунистической диктатурой, **следует рассматривать как ось демократия — диктатура** (или, более точно,

[1] Что именно представляют собой эти переменные и как они описываются отдельными сторонами треугольника, будет объяснено в Главе 7.

ось Корнаи демократия — автократия — диктатура). Однако осознавая, что допущение гибридологии о том, что ядром государственного строя является отдельная политическая сфера, не всегда оказывается верным, мы добавили другие переменные, превратив ось в треугольное пространство. Приведем один пример: три типа режимов на верхней стороне треугольника характеризуются превосходством формальных правил над неформальными. Но чем ниже мы спускаемся по пространству треугольника, тем больше приближаемся к патрональной автократии и преобладанию неформальных правил над формальными. В таких системах главным образом неформальные патрональные сети берут под свой контроль формальные институты, используя их в качестве фасада для накопления власти, а также личного богатства.

На данный момент мы не можем дать точные определения шести идеальным типам. Это будет предметом данной книги. Ее можно рассматривать как исследование анатомии типичных идеальных режимов, то есть характера управления, типичного для этих режимов, а также различий, которые они демонстрируют по сравнению с другими. Но чтобы дать представление о том, к каким режимам относятся идеальные типы, мы включили в Схему 3 двенадцать посткоммунистических стран. Причина, по которой мы концентрируем свое внимание на них и на посткоммунистическом регионе в целом, состоит в том, что, когда рухнула советская империя, все они находились рядом с верхним правым полюсом (коммунистическая диктатура). Иначе говоря, у них у всех была одна и та же отправная точка. Все они характеризовались (1) однопартийной диктатурой и (2) монополией государственной собственности, которые стали ключевыми причинами рудиментарного или вовсе отсутствующего разделения сфер социального действия в рассматриваемом регионе. Как будет показано в Главе 7, каждая из этих стран после смены режима начала движение по особой траектории, что

Схема 3: Треугольное концептуальное пространство режимов с 6 идеальными типами и 12 примерами посткоммунистических стран (по состоянию на 2019 год)



мы проиллюстрируем эмпирически, отслеживая их перемещение из одной точки в другую внутри предлагаемого нами треугольного пространства.

Итак, у нас есть шесть идеальных типов, в то же время восемь из двенадцати стран на Схеме 3 находятся либо в кластере патрональной демократии (Грузия, Македония, Молдова, Румыния, Украина), либо в кластере патрональной автократии (Венгрия, Россия, Казахстан). Отсюда возникает вопрос полезности наших типов режимов. Является ли состоятельной концепция, в которой Венгрия и Россия, к примеру, оказываются так близко друг к другу? Мы не утверждаем, что эти режимы в полной мере соответствуют идеальному типу или что они одинаково близки к нему. Эти две страны все еще, очевидно, сильно отличаются. Россия — это многонациональная и многоязычная страна, в 180 раз превосходящая Венгрию по территории и в 140 раз — по количеству населения. Россия богата природными ресурсами, Венгрия — нет. Венгрия является государством — членом ЕС с низким уровнем насилия. Эти две страны имеют существенно разные позиции в мировой геополитической системе. Этот список можно продолжать

бесконечно. Однако когда речь идет о сравнительном анализе, **чрезвычайно важно различать черты, характерные для режимов и для стран**. Треугольная концептуальная структура, а также определение идеальных типов режимов основываются на **характеристиках, присущих режиму**, таких как **плюрализм властных структур, нормативность государственного регулирования, доминирующий тип собственности и формальность институтов.** Эти черты могут рассматриваться как характеризующие режим, потому что они описывают свод фундаментальных институционализированных правил, регулирующих отношения внутри властных структур (горизонтальное измерение), а также отношения власти и населения (вертикальное измерение)[1]. Другими словами, специфические особенности режима относятся к фундаментальным, эндогенным элементам системы, которые определяют ее внутреннюю логику. В противоположность этому **этнические расколы, размер страны, природные ресурсы и положение в международной политической и экономической системе являются специфическими особенностями страны**, которые обеспечивают экзогенную среду для существования рассматриваемого режима. Естественно, существуют черты, которые можно отнести как к режиму, так и стране, поскольку определенные характеристики, свойственные странам, влияют на целостность режимов и могут формировать их локальные особенности. Мы будем отмечать такие моменты в книге, например, когда речь будет идти об описании основного руководящего органа патрональных автократий (двор патрона). Но для понимания сходств и принципиальных различий между режимами и странами фундаментально важно различать эти два набора свойств. Возвращаясь к нашему примеру: мы считаем, что **различий у путинской России и Венгрии Виктора**

1 *Skaaning S.-E.* Political Regimes and Their Changes: A Conceptual Framework. Stanford University: Center on Democracy, Development and the Rule of Law, 2006.

Орбана в 2019 году не больше, чем у брежневского Советского Союза и Венгрии времен Яноша Кадара в 1989 году. Несмотря на то, что это две разные страны, политические режимы последней пары можно описать в рамках коммунистической диктатуры, тогда как первая пара находится в рамках патрональной автократии.

Бóльшая часть книги затрагивает характеристики режимов (или анатомии посткоммунистических режимов), но в Главе 7 рассматриваются также особенности стран. Хотя в той же главе будет дана некоторая информация о развитии стран, представленных в треугольной схеме, при анализе особенностей, акторов и явлений мы будем использовать эмпирические примеры только в качестве иллюстраций. **Если говорить о жанре, эту книгу лучше всего определить как «концептуальный инструментарий» или структурированный набор категорий**, которые можно использовать в качестве «инструментов» для описания и анализа существующих социальных явлений в посткоммунистическом регионе. Соответственно, книга содержит множество определений и пояснений к ним, чем напоминает учебник. Информация представлена в строгом логическом порядке, а текст включает множество таблиц и рисунков, чтобы объяснить понятия и связанные с ними процессы как можно более четко. При этом эмпирическое повествование будет сведено к минимуму. Мы будем прибегать к нему только в той степени, в которой отдельные случаи помогают проиллюстрировать идеальные типы или, вернее, явления, для которых созданы идеальные типы.

Другая метафора, объясняющая, чего мы хотим добиться в этой книге, — это периодическая таблица химических элементов, или таблица Менделеева. Периодическая таблица не сообщает нам, где найти эти элементы и сколько каждого элемента можно обнаружить в мире. Водород занимает одну ячейку таблицы, как и астатин, самый редкий естественный элемент в земной коре. Тем не менее периодическая таблица

практична, так как показывает, какие элементы существуют и каковы их свойства (атомный вес, категория элемента и т. д.), а строгий логический порядок, согласно которому элементы размещены в таблице, гарантирует, что категоризация выполняется не спонтанно, а фокусируется на явлениях, составляющих единое целое.

По нашему замыслу, книга в этом смысле аналогична таблице Менделеева. Мы не говорим читателю, насколько широкую применимость имеет конкретное определение в посткоммунистическом регионе (или где-либо еще). Мы только заявляем, что рассматриваемые нами феномены существуют и что они таковы, какими мы их фиксируем. И чтобы это подтвердить, мы ссылаемся на большое количество эмпирических исследований. При определении феноменов, для которых необходимо создать идеальные типы, мы также будем полагаться на литературу. Как и в таблице Менделеева, основная логика нашей конструкции заключается в следующем: чтобы сделать ее внутренне непротиворечивой, для каждого определения необходимо учитывать все элементы конструкции и очертить принципы или, скорее, рамки, которые позволят рассматривать каждое явление как оно есть. Это делает наши определения, а также выбор аспектов, на которых мы фокусируемся при создании идеальных типов, менее произвольными. Каждое определение должно последовательно вписываться в структуру, то есть оно не должно противоречить любым другим нашим утверждениям или определениям. Этот дисциплинирующий эффект дополнительно усиливается целостным характером нашей модели, поскольку каждый идеальный тип должен соответствовать более сложному набору других идеальных типов, охватывающих все сферы социального действия.

Однако наша модель отличается от периодической таблицы своим замыслом: она не призвана объяснить весь мир и создана только для описания посткоммунистического региона.

В частности, мы сконцентрируемся на зоне от Центральной Европы до Восточной Азии — от Венгрии до Китая[1]. В Главе 1 мы подробно остановимся на специфических особенностях этого региона, обращаясь к ряду авторитетных эмпирических исследований о цивилизационных границах, разделении сфер социального действия и явлений, которые из этого следуют. Таким образом, это определит, на каких явлениях мы должны сосредоточиться при описании анатомии посткоммунистических режимов. В Главе 1 мы выстроим общий теоретический каркас, который впоследствии должен быть наполнен упорядоченными элементами для создания целостной картины.

В конце книги мы формулируем нечто среднее между гипотезой и окончательной трактовкой посткоммунистических режимов. Мы убеждены, что ученые спорят не с тем, что представляют собой эти режимы по существу, а с тем, в каких категориях должны быть описаны установленные факты, и большинство дискуссий проистекает из терминологической путаницы, а не из противоречащих друг другу данных. Скептикам мы предлагаем воспринимать нашу книгу как многоуровневый исследовательский план, а предлагаемые нами концепты могут использоваться для более точного сбора данных на посткоммунистическом пространстве, в особенности теми исследователями, которые выберут отказ от скрытых допущений западоцентричной политологии, делающих ее неприменимой для описания посткоммунистического региона. Так, наша цель одновременно скромна и амбициозна. Она скромна, потому что мы предлагаем не конкретное описание, а, скорее,

[1] Хотя Китай обычно не является частью посткоммунистических исследований, он включен сюда потому, что в действительности является посткоммунистическим (то есть уже не коммунистическим; о китайском посткоммунизме см.: *Szelényi I., Mihályi P.* Varieties of Post-Communist Capitalism). Кроме того, Китай также представляет собой хрестоматийный пример одного из наших режимов идеального типа, а именно диктатуры с использованием рынка (см. Главы 5 и 7).

набор непротиворечивых средств для построения такого описания. Но она также и амбициозна, поскольку мы стремимся предоставить инструментарий, который можно использовать для объяснения социальных явлений, представляющих интерес для политологов, экономистов и социологов в посткоммунистическом регионе.

Естественно, несмотря на все наши усилия, наверняка существуют концепты, которые мы определяем неосторожно, или посткоммунистические феномены, которые выпадают из концептуальных пространств, ограниченных нашими идеальными типами. Мы ожидаем, что наша книга будет провокационной и возбудит интерес ученых.

Как это работает: создание концептуального инструментария

Метод построения нашей аналитической структуры для изучения анатомии посткоммунистических режимов можно разделить на **три части**. Сначала нам нужно выделить принципы, в соответствии с которыми мы решаем, какие концепты следует включить в наш инструментарий, а какие — нет. Помимо обычных принципов, таких как понятность и лаконичность[1], основными критериями отбора, которые мы использовали, были (1) **эмпирическая значимость** и (2) **внутренняя согласованность теории**. Что касается первого критерия, то мы хотели включить концепты для каждого социального феномена, имеющего отношение к посткоммунистическим режимам, а не имеющие отношения к данному региону были отбракованы. Например, гибридологи описывают так называемые режимы опеки, где «власть избранных правительств ограничена невыборными религиозными

1 *Gerring J.* What Makes a Concept Good? A Criterial Framework for Understanding Concept Formation in the Social Sciences // Polity. 1999. Vol. 31. № 3. P. 357–393.

(как в Иране), военными (как в Гватемале и Пакистане) или монархическими (как в Непале 1990-х годов) властями»[1], но такие режимы можно найти только за пределами посткоммунистического региона, поэтому в нашем инструментарии упоминаний о них нет.

Теоретическая согласованность связана с тем, что **ни одна из существующих категорий не является «чистым листом»**: у них у всех есть история использования, и, соответственно, даже если они не употребляются в своем первоначальном значении, есть набор неявных, базовых коннотаций, которые косвенно определяют их. Хорошим примером является термин «правящий класс». Первоначальный контекст этой категории можно понять, если принять во внимание тот факт, что он описывает правителей как «класс», фундаментальный экономический феномен марксистской, а также веберианской классовой теории[2]. Использование слова «класс» немедленно помещает ученого в контекст этой традиции и подразумевает принятие огромного множества допущений классовой теории, начиная от вышеупомянутой экономической природы и классового сознания и заканчивая классовой борьбой[3]. Поэтому, если мы хотим построить стройную аналитическую модель, такие понятия, как «правящий класс», могут быть использованы только в том случае, если другие понятия не противоречат этому. Соответственно, для каждого феномена,

1 *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 14.

2 *Pakulski J., Waters M.* The Reshaping and Dissolution of Social Class in Advanced Society // Theory and Society. 1996. Vol. 25. № 5. P. 667–691.

3 Как вариант, можно было бы продолжать использовать этот термин, разъясняя, с какими из допущений теории он расходится (см., например: *Sørensen A.* Toward a Sounder Basis for Class Analysis // American Journal of Sociology. 2000. Vol. 105. № 6. P. 1523–1558). Тем не менее если допущений, которые нельзя принять, становится слишком много, преимущества использования другой категории без таких устаревших и базовых допущений становятся очевидными. Поэтому с такими категориями, как «правящий класс», мы придерживаемся описанной стратегии (см. Главу 3, раздел 3.6.1.1).

который, по нашему мнению, относится к посткоммунистическим режимам, мы отвергаем концепты и связанные с ними теории, не согласующиеся с остальной частью инструментария. Мы описываем эти феномены с помощью концептов и теорий, которые в дальнейшем формируют единый согласованный концептуальный подход.

После отбора категорий следует второй этап — **определение категорий**. Если мы отвергаем уже существующие концепты для некоторых феноменов, а других концептов, которые подошли бы для инструментария, нет, мы **создаем новые**. Например, для посткоммунистических правящих элит мы отвергаем понятие «правящий класс», в то же время другие концепты кажутся нам еще менее подходящими, поэтому мы вводим термин «приемная политическая семья» (для конкретной формы правящей элиты в регионе). Как только концепты отобраны, мы выбираем одну из этих стратегий:

1. Полное принятие концепта, то есть мы принимаем понятие как оно есть, с его текущими значением и определением.

2. Ограниченное принятие, то есть мы принимаем понятие, но, сравнивая с тем, как оно использовалось ранее, ограничиваем его определение более узким диапазоном случаев.

3. Расширенное принятие, то есть мы принимаем понятие, но для описания его подтипов расширяем определение, чтобы включить в него некоторый диапазон случаев.

Примером полного принятия может служить термин «партия-государство», который широко используется для описания коммунистических диктатур. Понятие «кронизм» можно привести как пример ограниченного принятия. Как мы упоминали выше, одна из базовых предпосылок этой категории заключается в том, что участвующие стороны являются друзьями, то есть равными партнерами, которые добровольно вступили в отношения (свободный вход) и по желанию

могут их прекратить (свободный выход). Подобные отношения присутствуют в посткоммунистическом регионе, поэтому мы включаем понятие «кронизм» в наш инструментарий. Однако мы выявляем эти скрытые допущения и поясняем, что в нашем понимании кронизм относится только к случаям добровольной коррупции. Наконец, в качестве расширенного принятия можно упомянуть понятие «перераспределение» в том смысле, как его понимает Карл Поланьи[1]. Поланьи использовал его только для описания перераспределения товаров или ресурсов в экономике. Мы же считаем такое определение одной из разновидностей перераспределения и расширяем его, чтобы включить в него другую разновидность, которую обозначаем как «реляционное перераспределение рынка» (касающееся распределения рынков, а не ресурсов).

Последний этап в построении инструментария — **контекстуализация категорий**. Изначально мы определяем категории, уже учитывая контекст. Суть данного этапа, однако, заключается в том, чтобы сделать контекст или связь между категориями более явными и понятными. Это нужно для демонстрации того, почему такие понятия, как кронизм и клептократия, не могут использоваться в качестве синонимов. У каждого из них есть свое значение, встроенное в логичную структуру из ряда других категорий и их значений. Сформулированный таким образом контекст можно представить в виде графика, где вершины — это понятия (категории), а ребра — логические связи между ними. Все вершины тщательно «отделены» друг от друга в своих определениях, а логическая связь между ними (независимо от того, является ли одна категория подтипом другой или уже следующей категорией на той же шкале и т. д.) должна сделать описание с использованием этих категорий однозначным.

[1] *Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 62–73.

Действительно, тщательное определение концептов — это то, что мы подразумевали уже на предыдущем этапе, когда речь шла об ограниченном принятии. На данном этапе мы пытаемся показать, какие концепты отражают подобные феномены наиболее четко, и ограничить их значение для описания исключительно этих феноменов, изолируя их от других коннотаций, которые встречаются в литературе. Здесь можно использовать метафору набора инструментов: найдя хорошую отвертку, мы включим ее в наш набор инструментов, но не будем использовать ее как молоток, даже если она использовалась таким образом более или менее успешно. Наличие в концептуальном инструментарии как надежных «отверток», так и хороших «молотков» делает наш терминологический подход лингвистически согласованным.

Как на это смотреть: структурный аспект

Чтобы объяснить, **зачем писалась эта книга**, выше мы привели две метафоры. Первая метафора — «**книга как инструментарий**», то есть она не дает готового определения какого-либо явления, а, скорее, предоставляет инструменты для его описания. Во-вторых, мы называем эту книгу «**таблицей Менделеева**», подчеркивая, что наша аналитическая структура имеет строгий логический порядок, где все существующие и значимые феномены упорядочены, но при этом не сообщается, какое количество каждого такого элемента можно найти в странах или регионах. Мы можем лишь добавить, что в большей части книги будем обращаться к эмпирической реальности лишь для поиска иллюстраций. Следовательно, даже если кто-то не согласен с нами и утверждает, что явление не может быть описано через тот или иной концепт, с которым мы его связываем, это не исключает существования концепта как такового. Состоятельность категорий и согласованность структуры, с одной стороны, и их эмпирическая

значимость — с другой, являются двумя отдельными вопросами. Мы утверждаем только, что (1) предоставляем непротиворечивые средства для описания феноменов, (2) которые присутствуют в посткоммунистическом регионе. На основании имеющихся данных мы сделаем несколько предположений о том, где (в каких странах) эти явления распространены, но их точный охват в количественном выражении является предметом будущих эмпирических исследований.

Теперь мы можем привести третью метафору, на которую лишь намекнули: **данная книга формирует новый «язык»**. Когда мы говорим «язык», мы имеем в виду не просто набор слов. Скорее, мы понимаем под этим **структуру**: **набор концептов, упорядоченный в соответствии с большим количеством теорий**, охватывающих политику, экономику и общество и составляющих логически единое целое. Из этого вытекают несколько особенностей, раскрывающих дополнительные сведения о цели нашей книги и концептуальной модели. Во-первых, как язык с внутренне согласованной структурой модель **свободна от оценочных суждений**, но **не свободна от традиций**. Ее понятия могут быть использованы для описания феноменов и с точки зрения этики, но сами по себе эти понятия не несут позитивной или негативной окраски. Эта книга содержит описание идеальных типов режимов, а не нормативное указание на то, какими они должны быть[1]. Некоторые предлагаемые нами концепты, такие как «либеральная демократия» и «мафиозное государство», часто несут нравственную нагрузку, но то, как мы их представляем, служит единственной цели — формированию точных средств выражения для описания феноменов рассматриваемого региона. Вопросом, хороши эти феномены или плохи, наша книга не задается. При этом теория не свободна от традиций. Существуют школы социальных наук, на которые мы

[1] Ср.: *Kornai J.* The Socialist System. P. 12–15.

опираемся, полагая, что они являются наиболее полезными для структурирования большого числа явлений, с которыми мы сталкиваемся, во всеобъемлющую аналитическую модель. Это веберианская социология (особенно ее базовое положение о том, что она занимается интерпретацией социального действия[1]), а также институционализм и неоинституционализм[2]. Тем не менее мы не ограничиваемся лишь этими направлениями. Мы рассматриваем и принимаем концепты из других школ социальных наук, а также от ученых левого толка, таких как Иван Селеньи и Карл Поланьи, и правого толка, таких как Рэндалл Г. Холкомб и Фридрих Август фон Хайек, всякий раз, когда находим их конкретное понятие или идею полезными при изучении посткоммунизма.

Во-вторых, **язык, который мы предлагаем, состоит из идеальных типов, а также вспомогательных понятий**. В нашей книге мы создаем идеальные типы для посткоммунистических режимов, а также для большинства акторов и институтов. Однако чтобы сделать их механизмы и действия понятными, мы должны прояснить, что подразумеваем под такими терминами, как «принуждение», а также определить такие конкретные явления, как «сфера политического действия» или «государственное вмешательство». Эти категории не являются идеальными типами в веберианском смысле, но являются вспомогательными понятиями, то есть нам нужно будет определить их, чтобы иметь возможность дать дефиниции идеальным типам[3]. Кроме того, когда мы

1 *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2016. Т. 1. С. 67–68.

2 Обзор данных понятий см.: *Peters B. G.* Institutional Theory in Political Science*:* The New Institutionalism. New York: Bloomsbury Publishing USA, 2011.

3 Очевидно, что некоторые вспомогательные понятия могут интерпретироваться как классификационные типы, то есть дискретные категории, покрывающие целые понятийные континуумы, а не только их конечные точки. См.: *Collier D., Laporte J., Seawrigh J.* Typologies: Forming Concepts and Creating Categorical Variables // The Oxford Handbook of Political Methodology. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. P. 161–162.

используем идеальные типы или приводим для них примеры, их всегда следует понимать приблизительно. Например, рассматривая Россию и Венгрию как примеры патрональной автократии, мы не подразумеваем, что эти страны в полной мере совпадают с идеальными типами или что они одинаково близки к ним. Скорее, мы помещаем эти режимы в категорию патрональной автократии, потому что в основном, то есть большей частью своих характеристик, они близки к этому типу режимов. Более точное определение может разграничить Россию и Венгрию как «жесткую патрональную автократию» и «мягкую патрональную автократию» соответственно. Чтобы выразить природу отклонения от идеального типа, можно также добавить к патрональной автократии отрицательный префикс. Тем не менее для простоты и ясности языка мы будем игнорировать такие тонкие различия в большей части книги.

В-третьих, **концепты, предложенные в книге, работают лучше всего, когда они используются как часть языка**. В многомерной структуре понятия приобретают более точный смысл: в предыдущей части мы объяснили, каким образом мы отбираем, создаем, принимаем и контекстуализируем понятия, чтобы сформировать согласованный набор категорий. В результате этого процесса наши определения формулируются таким образом, что подразумевают контекст и согласуются с остальным инструментарием, формирующим язык. Поэтому если кто-то хочет использовать один из наших концептов, это лучше всего сделать, если принять во внимание и контекст, то есть все наши аналитические основания. Если взять один концепт и начать использовать его в другом контексте, велик шанс не достичь оптимальных результатов, каких можно достичь, если теория используется целиком. Например, наше определение «нечестных выборов» выглядит наиболее целесообразно при противопоставлении нашему определению «манипулируемых выборов»,

или то, как мы определяем понятие «рента», имеет наибольший смысл, если учитывать контекст, в котором мы его используем.

В-четвертых, **язык не является закрытой структурой, но постоянно расширяется** таким же образом, как новые слова появляются в нашем разговорном языке для описания тех феноменов, для которых у нас раньше не было слов. Эта книга посвящена посткоммунистическому региону и политическим, экономическим и социальным явлениям, актуальным в соответствующих странах и режимах. Однако это не означает, что (a) наши концепты описывают только посткоммунистические режимы, (b) наши концепты могут использоваться только для посткоммунистического региона или что (c) инструментарий не может быть дополнен новыми идеальными типами для других регионов и стран. Что касается пункта (a), инструментарий также включает в себя множество терминов для описания явлений, характерных для режимов западного типа и коммунистических систем, поскольку именно эти понятия мы хотим отделить от специфических понятий посткоммунизма в первую очередь. Касательно пункта (b), мы сделаем несколько предположений о применимости наших понятий за пределами посткоммунистического региона в Заключении. Наконец, пункт (c) означает, что инструментарий должен рассматриваться как сооружение, которое может достраиваться в дальнейшем, то есть дополняться новыми идеальными типами для других регионов. Всегда следует помнить о внутриструктурной согласованности: каждый новый идеальный тип должен быть противопоставлен существующим категориям и интегрироваться во внутреннюю логику терминологической структуры инструментария (или, вероятно, некоторые старые определения должны быть скорректированы, чтобы инструментарий мог вместить в себя более широкий диапазон категорий).

Как это читать: и учебник, и научный труд

С академической точки зрения, у **этой книги** не совсем традиционный **формат** во многих отношениях. Во-первых, она написана с энциклопедической целью предоставить подробный «словарь» категорий и теорий для посткоммунистического региона, однако она не говорит нам об их эмпирической применимости. В этом плане нашими образцами для подражания являются две работы: трактат Макса Вебера «Хозяйство и общество», где представлена всеобъемлющая согласованная концептуальная теория идеальных типов, и учебник Яноша Корнаи «Социалистическая система», в котором дается систематическое, структурированное описание политической экономии. Мы также можем упомянуть «Патрональную политику» Генри Хейла, которая послужила источником вдохновения, когда мы формулировали общую направленность книги и некоторые ее нюансы. Эти работы являются, вероятно, тремя наиболее часто цитируемыми источниками в книге.

Во-вторых, книга практически лишена подробных обзоров литературы. Наша цель — построить и представить целостную концептуальную модель. Когда другие ученые предоставляют нам строительные блоки и/или подкрепляют их своими исследованиями, мы ссылаемся на них и интегрируем их идеи в нашу работу. Более того, когда работа ученого содержит особенно важную для нас идею, мы не пытаемся ее перефразировать, а помещаем цитату из этой работы в отдельную рамку сбоку от текста. В редких случаях мы объясняем, почему не поддерживаем принципиально отличные от нашего подходы (такие как «теория правящего класса» [*ruling class theory*] или неоклассическая экономика). Пожалуй, мы почти никого не упустим: значительная часть фактов и теорий, на основании которых мы строим наши идеальные типы, широко

приняты, особенно в литературе о посткоммунизме, опубликованной в Евразии. Мы полагаем, что наш важнейший вклад заключается именно в том, что мы синтезируем эту литературу в единый и связный язык идеальных типов, используя, таким образом, междисциплинарную синергию, а также распознавая и заполняя некоторые существующие пробелы. Но для этого обычно требуется *использовать* выводы исследований в качестве строительных блоков, а не представлять их академический контекст в отдельных обзорах литературы.

В качестве другого строительного блока выступают наши ранее опубликованные работы, которые включены в книгу без ссылок[1]. Если мы все же ссылаемся на одну из наших работ, это означает, что мы не хотим детально описывать уже проанализированную нами ранее ситуацию или случай (здесь необходимо отметить, что, разрабатывая инструментарий, мы пересмотрели и изменили несколько наших определений. В каждом конкретном случае следует относиться к представленной здесь версии определений как к окончательной). Кроме того, **мы в значительной степени опираемся на проводимые нами с 2013 года исследования, результатом которых стали многочисленные публикации** с участием более семидесяти авторов. Мы часто упоминаем и цитируем эти исследования, особенно те, что содержатся в двух англоязычных томах, опубликованных издательством Центрально-Европейского

1 Мы использовали следующие работы: *Мадьяр Б.* «Анатомия посткоммунистического мафиозного государства»; *Мадьяр Б.* «К терминологии посткоммунистических режимов»; *Мадьяр Б.* «Нарратив параллельной системы»; *Мадлович Б.* «Эпистемология сравнительной теории режимов»; *Мадлович Б.* «Ширмы мафиозного государства»; *Мадьяр Б., Мадлович Б.* «Жесткие структуры»; *Мадьяр Б., Мадлович Б.* «От мелкой коррупции к преступному государству»; *Мадьяр Б., Мадлович Б.* «Посткоммунистическое хищничество». Следует отметить, что ни один раздел или подраздел этой книги не является полностью идентичным ранее опубликованному материалу. Мы изменили формулировки и добавили новое содержание и новый контекст. Текст был полностью реорганизован в соответствии с обновленной структурой. По этой причине мы не даем никаких конкретных ссылок, так как они сделали бы текст неудобным для чтения.

университета: «Двадцать пять аспектов посткоммунистического мафиозного государства» (2017 год; наиболее цитируемые авторы: Золтан Флек, Дьёрдь Габор, Давид Янчич, Эва Вархеди, Имре Вёрёш) и «Жесткие структуры: переосмысляя посткоммунистические режимы» (2019 год; наиболее цитируемые авторы: Сара Чейз, Николай Петров, Михаил Минаков, Думитру Минзарари, Кальман Мижеи).

В-третьих, хотя это может показаться незначительной деталью, важно отметить, что в книге последовательно используется местоимение «он» для обозначения третьего лица единственного числа. Хотя мы создаем аналитическую модель, в которой пол акторов не играет роли, мы решили использовать «он», чтобы подчеркнуть, что в посткоммунистических режимах подавляющее большинство лидеров и важных политических и экономических акторов были мужчинами[1]. Мы используем местоимение «она», только когда в тексте действительно упоминается женщина (или если цитата содержит местоимение «она»).

Четвертая нетипичная черта нашей книги — большое количество таблиц и схем, обобщающих практически все ее содержание. Главы 2–6 начинаются с таблиц из трех столбцов, суммирующих соответствующие категории инструментария, где каждый столбец представляет один полярный тип из шести идеальных типов режимов нашей треугольной концептуальной схемы. Таблицы размещены в начале глав в качестве путеводителя к тексту, чтобы у читателей сложилось представление о том, что им предстоит увидеть на следующих

[1] Количественные данные о российской политической и экономической жизни см.: *Johnson J., Novitskaya A.* Gender and Politics // Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain. London: Rowman & Littlefield, 2018. P. 215–232; *Braguinsky S.* Postcommunist Oligarchs in Russia: Quantitative Analysis //The Journal of Law and Economics. 2009. Vol. 52. № 2. P. 307–349. Подобные цифры и низкая представленность женщин были характерны и для других посткоммунистических государств. См. также: *Funk N., Mueller M.* Gender Politics and Post-Communism: Reflections from Eastern Europe and the Former Soviet Union. London: Routledge, 2018.

страницах. Многие подглавы или разделы также резюмированы в таблицах или схемах, как и типологии, которые мы создаем для конкретных явлений (таких как олигархи, партийные системы и т. д.). Для того чтобы подчеркнуть согласованность всей структуры, текст содержит «ссылки» между главами: например, если в третьей главе есть обращение к чему-то, о чем мы рассказываем в пятой главе, мы добавляем в текст значок «[► 5]».

Еще одна нетрадиционная черта — постоянное использование **жирного шрифта** и маркированных списков, что напоминает скорее учебник, чем работу, вносящую явственный вклад в дисциплину. Действительно, хотя мы и намерены ввести много концептуальных новшеств в изучение посткоммунизма, наша цель также состоит в том, чтобы написать работу, которую можно использовать как для исследований, так и для преподавания. Таким образом — и в этом суть четвертой и пятой нетипичных черт нашей книги — мы постарались сделать ее максимально удобной для чтения. Жирный шрифт облегчает беглый просмотр текста, то есть благодаря ему можно получить представление об основной идее без подробного чтения, а также помогает освежить основные моменты после ее завершения. **Читатели могут просматривать основные тезисы, выделенные пункты, таблицы и схемы, как если бы они карабкались по ступенькам лестницы: можно упустить некоторые детали, но все же пройти по основным ступеням, чтобы овладеть инструментарием** и использовать его для работы, написания статьи и проведения исследования.

Как это организовано: структура книги

Книга содержит **семь глав**, Введение и Заключение. В **Главе 1 рассказывается о жестких структурах**, теории, отправная точка которой уже была представлена ранее, а именно: рудиментарное разделение трех сфер социального действия или

полное его отсутствие. Мы излагаем аргументацию в четыре этапа и используем цивилизационную теорию, а также ряд исторических и научных / аналитических источников, чтобы реконструировать развитие региона, начиная с докоммунистических времен через коммунизм и заканчивая посткоммунистической эпохой. Если выделить основные общественные и управляющие институты, сложившиеся вследствие отсутствия разделения, мы можем выявить те аспекты, которые требуют освещения, и обновить описательный язык в многомерном каркасе нашей аналитической теории.

Используя принцип, лежащий в основе жестких структур, мы можем приступить к разработке концептуальной модели. **Глава 2** посвящена **государству**. Помимо определения основных понятий инструментария, таких как «государство», «принуждение», «неформальность» и «патронаж», в этой главе также объясняется, почему такие понятия, как «государство всеобщего благоденствия» и «государство развития», могут вводить в заблуждение при описании посткоммунистических режимов. Мы также показываем, как более полезные термины, такие как «неопатримониальное государство» и «хищническое государство», могут быть логически упорядочены как часть единой аналитической модели, в которой ни одно из этих понятий не отвергается, но указывается, к какому именно аспекту государства оно относится. Рассматривая типы государств, мы предлагаем определение «мафиозного государства», а также сравниваем его с «конституционным государством» в либеральных демократиях. Определив стабильные государства, мы обращаемся к проблемам, связанным с монополией на насилие, и вводим такие концепты, как «несостоявшееся государство», «силовые предприниматели» и «олигархическая анархия». Глава завершается сравнительным анализом типов государств, где мы вводим понятия «невидимая рука», «поддерживающая рука» и «грабящая рука» для определения важнейших типов государств в рассматриваемом регионе.

Главы 3–6 посвящены характерным свойствам шести идеальных типов **режимов**, а характеристики стран (площадь, национальный состав, вовлеченность в мировую политику и т. п.) рассматриваются в Главе 7. **Глава 3** обращается к **сравнительному анализу акторов** в политической, экономической и общественной сферах. Мы даем более точное и формальное определение трех сфер социального действия, после чего в нескольких разделах рассматриваем политических, экономических и социальных акторов идеального типа и их особые роли в либеральных демократиях, патрональных автократиях и коммунистических диктатурах. Эта глава также включает в себя отдельный раздел, который рассказывает об участвующей в сговоре посткоммунистической правящей элите и приемной политической семье, и заканчивается схематическим изображением структур элиты в шести режимах идеального типа (с примерами).

В **Главе 4** мы приводим **сравнительный анализ политических феноменов**. Мы начинаем с описания трех идеологических концепций гражданской легитимности, характерных для каждого режима полярного типа: конституционализм (либеральная демократия), популизм (патрональная автократия) и марксизм-ленинизм (коммунистическая диктатура). Далее мы рассматриваем структуру демократических процессов публичного обсуждения и показываем, как связанные с его фазами институты работают в каждом режиме полярного типа. Это описание включает такие феномены, как СМИ, демонстрации, выборы, правовые системы и правоохранительные органы. В оставшейся части главы мы фокусируемся на так называемых защитных механизмах, которые поддерживают стабильность режимов идеального типа. Мы показываем либеральные демократии с разделением ветвей власти, патрональные демократии с разделением сетей власти и патрональные автократии с разделением источников власти. Кроме того, в этой главе мы рассматриваем цветные революции как

специфические механизмы патрональных режимов, а также стратегии «обращения вспять» уже произошедших автократических изменений.

Глава 5 содержит **сравнительный анализ экономических феноменов** — это не только самая длинная, но и, вероятно, самая содержательная из всех глав. В качестве альтернативы традиционным экономическим отношениям мы используем «реляционную экономику», что важно для понимания четырех феноменов: (1) коррупции, (2) государственного вмешательства, (3) собственности и (4) сравнительных экономических систем. В пункте (1) мы проводим границу между лоббированием и коррупцией и предлагаем новую типологию коррупции, с помощью которой можно анализировать этот феномен в нескольких аспектах, включая ситуации, когда различные виды незаконной деятельности сосуществуют в так называемой криминальной экосистеме. В пункте (2) мы представляем общую теорию для разграничения нормативного и дискреционного государственного вмешательства, связанного с различными уровнями коррупции. Затем мы переходим к анализу регуляционного вмешательства и получения ренты, а также бюджетного вмешательства и функций налогообложения и расходов. В пункте (3) мы различаем три исторических процесса политической реорганизации структуры собственности и предлагаем аналитическую модель для приватизации, а также патронализации. Что касается последнего, мы подробно остановимся на правах собственности и экономическом хищничестве и предложим новый подход для экономического анализа процессов рейдерства и — в случае патрональных автократий — централизованного рейдерства. Наконец, пункт (4) касается сравнительного изучения экономических систем и описывает доминирующие и вспомогательные механизмы рыночных, плановых и реляционных экономик. Также рассматривается понятие «капитализм

для корешей» и объясняется, почему оно неприменимо к таким странам, как Россия и Венгрия.

В **Главе 6** мы говорим о **сравнительном анализе социальных феноменов,** уделяя особое внимание тому, как режим влияет на эти процессы и какие механизмы применяет, чтобы добиться поддержки большинства. Используя подходы науки о сетях, мы предлагаем концепт «клиентарного общества» как попытку осмыслить возникновение и механизмы действия патрональных зависимостей (как среди элит, так и среди других социальных групп). Вторая половина главы посвящена описанию идеологий: (1) какова разница между патрональными популистами и (радикально) правыми политиками; (2) чем отличаются друг от друга пользующиеся идеологией, управляемые идеологией и идеологически нейтральные режимы; (3) как применяется идеология. Отдельные разделы мы посвящаем понятиям ценностной и функциональной когерентности, а также запросу на популизм и тому, как он удовлетворяется. В конце главы мы приводим два резюме. Одно из них описывает популизм как идеологический инструмент коллективного эгоизма. В другом кратко излагаются наиболее важные черты, характерные для патрональной автократии, через структурированный обзор форм неформального управления.

Определив «анатомические» компоненты посткоммунистических систем, относящиеся к типу их политического режима, мы наконец можем **дать определение шести идеальным типам режимов** в **Главе 7**. Здесь мы объясняем, как треугольную концептуальную схему можно использовать для описания режимов в заданной временной точке, а также для описания их траектории. Глава содержит **смоделированные траектории двенадцати посткоммунистических стран** из приведенной выше треугольной концептуальной схемы (Схема 3). Мы представляем политическую эволюцию стран (1) визуально, используя треугольную схему и поясняя, как

страны «перемещались» относительно шести идеальных типов режимов, и (2) в текстовой форме, в виде «иллюстративных зарисовок». Этот краткий анализ конкретных примеров в значительной степени опирается на существующие публикации, которые мы реструктурируем и переосмысливаем в целях иллюстрации траекторий идеального типа. Глава 7 заканчивается обсуждением того, что мы обошли стороной в предыдущих главах, а именно **характерных особенностей стран**, то есть географических, геополитических и социальных (этнических и т. д.) условий, из которых вытекают различия в режимах. Мы также обсудим концепт **характерных особенностей политики** и предложим альтернативную парадигму для их анализа в патрональных режимах.

Книга завершается **Заключением**, в котором кратко изложены основные моменты исследования. Мы также предлагаем темы для будущих исследований, поднимая вопрос о возможности пространственного и хронологического расширения наших аналитических рамок — для других регионов и будущих времен соответственно.

1. Жесткие структуры

1.1. ГИД ПО ГЛАВЕ

После коллапса коммунизма по всей Евразии в 1989–1990-х годах формула для смены режимов в этом регионе казалась довольно ясной: **сделать шаг от однопартийной коммунистической диктатуры с монополией государственной собственности к многопартийной парламентской демократии, в основании которой лежат частная собственность и рыночная экономика**. Тот факт, что **эта идея потерпела неудачу в нескольких посткоммунистических странах**, породив своеобразные типы режимов, замерших на пути к либерально-демократическому идеалу, требует обновления языковых инструментов, используемых для описания таких систем. Но насколько далеко должна зайти эта языковая реформа и какие компоненты должны быть переосмыслены и исключены из языка, изначально созданного для описания политических систем западного типа, зависит от того, как мы объясняем провал посткоммунистического транзита. Чем более системными и структурными мы считаем его причины, тем более глубинное обновление нам необходимо. Кроме того, рассуждения о причинах развития специфических посткоммунистических режимов с необходимостью указывают на некоторые **феномены-триггеры,** которые являются отправной точкой для переосмысления и идентификации принципиально иных явлений.

На наш взгляд, явления, определяющие развитие посткоммунистического региона, **можно обобщить термином «жесткие структуры»**, который отсылает нас к фундаментальным причинам, требующим глубинного обновления терминологии[1]. Жесткие структуры — это комбинация культуры и истории.

[1] Отсюда заглавие работы Б. Мадьяра «Жесткие структуры»: *Magyar B.* Stubborn Structures. Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York, NY: CEU Press, 2019.

Мы утверждаем, что в докоммунистических обществах степень разделения сфер социального действия была разной в зависимости от цивилизации, к которой эти общества принадлежали (мы определяем «цивилизацию» так же, как ее определял Питер Каценштейн). Возникшие в результате общественная структура, культурные особенности и образ жизни были впоследствии подчинены коммунистической системе, образовавшей своего рода общий «политический колпак», надетый на разные народы. Под этим колпаком все предшествующее общественное развитие было остановлено и заморожено из-за насильственного вмешательства политических диктатур. Однако десятилетия диктаторской власти трансформировали существующие социальные закономерности и породили новые, что привело к образованию общественных структур особого рода. Когда распался Советский Союз, в стремящихся к демократии странах изменилась только политическая система и формальные институты, а акторы, действовавшие в рамках этих институтов, вернулись к своему первоначальному пониманию разделения сфер. В результате формальные институты были пронизаны и подорваны неформальными процедурами, включающими навязывание неформальных институтов, таких как приемная политическая семья (патрональные сети, политико-экономические кланы [▸ 2.2.2.2, 3.6]). Эти особенности определяли тип режима и его динамику спустя годы после «отхода» от коммунизма и в основном зависели от цивилизационной принадлежности отдельных стран с периодическими попытками поиска своего пути.

«Поиск пути», в противоположность «эффекту колеи», указывает на то, что **жесткость не означает детерминизм. Скорее, она присваивает определенные (более высокие) вероятности различным результатам развития**. Действительно, после распада Восточного блока бывшие коммунистические страны продемонстрировали большое разнообразие путей развития, от сохранения диктатуры до успешной

демократизации, не говоря уже о тех странах, в которых сформировались вышеупомянутые своеобразные режимы. В целом понятие «эффект колеи» возникает, когда общество создает режим, который находится в гармонии с его культурными глубинными структурами (то есть с доминирующим представлением о разделении сфер), тогда как «поиск пути» означает игнорирование ожиданий через построение такого режима, который выходит за цивилизационные рамки общества. Однако даже в таких случаях, в том числе в странах, где «сложились» либеральные демократии, прошлое почти неизменно просвечивает сквозь вновь построенные политические системы, а закономерности развития отчетливо прослеживаются в тех структурах, которые мы рассматриваем.

Первая глава разделена на пять частей. Части 1.2–5 раскрывают основную идею жестких структур через четыре тезиса. Тезис A представляет собой общее утверждение о взаимосвязи между разделением сфер социального действия и возможными типами режимов и закладывает основу для следующих трех тезисов, которые сфокусированы на этом утверждении в его связи с эволюцией посткоммунистических режимов. Тезис B посвящен докоммунистическому периоду и постулирует, что разделение сфер было тесно связано с цивилизационными границами. Хотя мы используем понятие «цивилизационные границы», как это делал Хантингтон, мы принимаем во внимание критику его подхода и склоняемся к более обоснованному пониманию «цивилизации», разработанному Каценштейном. Тезис C касается коммунистической системы, представляющей собой насильственное вмешательство, которое остановило и повернуло вспять разделение сфер социального действия. Наконец, тезис D утверждает, что демократизация не повлияла на разделение сфер. Она вылилась в одноуровневую трансформацию, которая повлекла за собой системное искажение демократического институционального устройства новых посткоммунистических стран.

Следом за очерчиванием понятия «жесткие структуры» в Части 1.6 мы представляем шесть режимов в концептуальном пространстве треугольника, показанного на Схеме 3 [▸ Введение]. Этот треугольник объединяет понятие жестких структур с господствующим подходом гибридологии и предоставляет общие основания для концептуального инструментария, который формирует остальную часть книги. Однако прежде чем мы начнем, необходимо сделать важное замечание: **каждое определение, которое мы даем в этой главе, следует рассматривать как предварительное**. В этой книге определение для каждого концепта инструментария дается в контексте других концептов, которым также даются определения, что делает их разграничение абсолютно ясным. Такое подробное описание концептов чрезмерно «растянуло» бы эту главу, испортив общую картину, для описания которой требовалось понятие «жесткие структуры». Таким образом, выбранные феномены определены здесь только в целях раскрытия нашей основной идеи, а более точной концептуализацией мы займемся в последующих главах.

1.2. ТЕЗИС А

Тип режима зависит от разделения сфер социального действия

Аргумент о жестких структурах состоит из четырех тезисов. **Тезис А предоставляет общую основу для интерпретации развития режимов**, включая эволюцию посткоммунистических режимов, которая изложена в остальных трех тезисах.

Тезис А. *Степень разделения сфер социального действия делает одни типы режимов в стране вероятными, а другие — невозможными. Разделение сфер проявляется в виде норм, в соответствии с которыми действуют акторы, «населяющие» этот режим», что, в свою очередь, предполагает определенную степень разделения для нормального функционирования. Вероятными будут те режимы, которые предполагают ту же степень разделения сфер, что и его акторы. Напротив, невозможными будут те режимы, которые подразумевают другую степень разделения, чем его акторы. Если устанавливается «невозможный» режим, он будет (a) либо слабым и склонным к трансформации в более вероятный тип, либо (b) введет специальные (эффективные) механизмы, чтобы избежать этой трансформации.*

Разделение сфер социального действия упоминалось во Введении, но в Главе 3 [▸ 3.2] мы даем более формальное его определение, а также определение самих сфер. **Разделение сфер можно понимать на двух уровнях: (a) на уровне акторов и (b) на уровне формальных институтов.** Социальное действие на обоих уровнях рассматривается в работе Оффе, который различает три типа: политическое, экономическое и общинное социальное действие (см. Текстовую

вставку 1.1)[1]. «**Сфера**» означает **сообщество акторов, которые участвуют в данном типе действия. Однако два уровня отличаются тем, как проявляется разделение сфер. На уровне акторов «степень разделения» сфер означает неформальное понимание акторами своих ролей, действий и мотивов, ограниченных определенными сферами**. При этом о разделении сфер социального действия можно говорить, если не происходит «перехлеста» ролей акторов, принадлежащих различным сферам. Разделение не означает, что индивид участвует только в одном типе социального действия. Оно означает, что, хотя человек выполняет разные социальные роли, его действия и мотивы в одной роли не влияют на его действия и мотивы в другой. Например, руководитель организации занимается политической деятельностью, но в своей семейной жизни он также может быть вовлечен в общинное действие. И если сферы социального действия отделены друг от друга, то его чувство принадлежности к семье и взаимные семейные обязательства не определяют его политические действия. Точно так же экономический актор может быть предпринимателем и другом политика, но если сферы социального действия отделены друг от друга, их дружеские отношения (относящиеся к общинной сфере) никак не сказываются на решениях в основной сфере деятельности. Политик остается политиком, только если фокус его действий и интересы ограничены политической сферой (получение большей политической власти, большего количества голосов и т. д.), тогда как предприниматель остается предпринимателем, только если

1 См. также: *Offe C.* Civil Society and Social Order: Demarcating and Combining Market, State and Community // European Journal of Sociology. 2000. Vol. 41. № 1. P. 71–94. О других авторах использующих такую же или похожую классификацию см.: *Goodin R.* Democratic Accountability: The Third Sector and All // European Journal of Sociology. 2003. Vol. 44. № 3. P. 359–396; *Philp M.* Defining Political Corruption // Political Studies. 1997. Vol. 45. № 3. P. 436–462.

фокус его действий и интересы ограничиваются экономической сферой (прибыльность, превосходство над конкурентами и т. д.).

Текстовая вставка 1.1: Три типа социального действия

[П]олитическое действие встроено в государственную структуру и лимитировано такими свойствами, как достижение и использование легитимных полномочий, ответственность, иерархия, а также использование подзаконной власти, позволяющей отдавать приказы и добывать ресурсы. Критерий оценки ее качества — это легальность. Экономическое действие представляет собой регулируемое через договоры стремление к приобретению благ в рамках правовых норм, определяющих, среди прочих моментов, таких как права собственности, множество вещей и услуг, которые можно и нельзя продавать. Критерием качества экономического действия является прибыльность. Наконец, общинное действие определяется чувством взаимной обязанности между индивидами, разделяющими одну идентичность или культуру: например, между людьми, принадлежащими к одной семье или религиозной группе, живущими в одном месте и т. д. Критерий качества общинного действия — это разделяемые ценности и разделяемые понятия о морали[1].

На уровне институтов, однако, разделение сфер означает, что **официально закрепленные за акторами роли в каждой из сфер разделены** и что существуют гарантии, правила и контрольные механизмы, которые сохраняют это разделение. Например, феодальное государство, как правило, поддерживает смешение сфер. Сеньор является как политическим, так и экономическим актором, а его община (в данном случае — семья) играет важную роль при дворе в целом и в вопросах наследства в частности. Коммунистическое государство

1 *Offe C.* Political Corruption: Conceptual and Practical Issues // Building a Trustworthy State in Post-Socialist Transition. Political Evolution and Institutional Change. New York: Palgrave MacMillan, 2004. P. 78.

характеризуется слиянием сфер, то есть партийное руководство подчиняет политической сфере две другие. Напротив, формальные институты либеральной демократии основаны на разделении сфер и представляют собой различные контрольные механизмы, не позволяющие политическим акторам учитывать собственные экономические и межличностные интересы при принятии решений[1].

«Режим» сочетает в себе уровень акторов и уровень формальных институтов, наряду с неформальными институтами, возникающими при взаимодействии этих двух уровней. Можно сказать, что режим — это не что иное, как **институционализированный набор фундаментальных формальных и неформальных правил, которые структурируют взаимодействия акторов** в целом и их взаимодействия с центром политической власти в частности [▸ 2.2.1]. Это мы имеем в виду, когда в Тезисе А говорим про акторов, «населяющих» режим, подразумевая, что именно акторы управляют институтами, тогда как режим, в свою очередь, помещает акторов в институциональные рамки. **Разделение сфер в этом контексте проявляется как фактическая автономия экономической и общинной сфер от политической** и, наоборот, как фактическая автономия политики от рынка и общины. Тот факт, что мы интерпретируем «институты» как наборы правил взаимодействия между акторами, подразумевает, что каждый институт предполагает некоторую степень автономии, понимаемую как свободу действий одного актора от действий другого. Другими словами, актор А считается независимым по отношению к актору Б, если структура институтов предписывает такие отношения, где действия А не зависят от мотивов Б. Похожим образом, скажем, экономическая сфера является автономной, если ее акторы не вынуждены следовать за акторами другой сферы, например политической. Однако

[1] Каждый вариант, главным образом либеральная демократия и коммунистическая диктатура, будет подробно проанализирован в следующих главах.

это принуждение может быть как формальным, так и неформальным, поэтому мы говорим о фактической автономии, а не номинальной, которая относилась бы только к формальной институциональной структуре [▸ 2.2.2.2]. Таким образом, если сферы социального действия разделены, акторы разных сфер могут вступать в отношения (в институциональных рамках), но сохраняют возможность свободного выхода из них, а это означает, что одна сторона не может вынудить другую продолжать отношения [▸ 5.3.1].

Поскольку режимы состоят из институтов, определяющих правила взаимодействия между акторами, **каждый режим предполагает определенный уровень разделения сфер социального действия**. Это выполняется как для режима в целом, так и для его формальных институтов, поскольку они тоже определяют правила взаимодействия и, следовательно, также предполагают определенную степень разделения сфер. Однако **поскольку режим населяют акторы, они будут всегда пытаться действовать в нем, исходя из своего собственного неформального понимания разделения сфер**. Хотя формальные институты предполагают определенную степень разделения сфер, действующие в нем акторы не захотят следовать формально-предписанным правилам взаимодействия между сферами, если их собственное неформальное понимание отличается. В результате, как утверждается в тезисе А, режим деградирует до состояния, согласующегося с мотивами населяющих его акторов.

Следует упомянуть, что ту же проблему Хантингтон осветил в своей работе «Политический порядок в меняющихся обществах». Он объяснил, что коррупция в модернизирующихся обществах часто появляется из-за того, что, «согласно традиционным понятиям многих обществ, чиновник обязан вознаграждать членов своей семьи и давать им работу. Не существовало различий между обязанностями по отношению к государству и обязанностями по отношению

к семье»[1]. В этом случае семейные обязанности актора, из которых нет свободного выхода [▸ 5.3.6], влияют на его действия в политической сфере и порождают смешение общинной и политической сфер.

По сути, тезис А указывает на **потенциальное несоответствие между целями акторов и целями формальных институтов**. Возьмем для примера либеральную демократию, политический режим, который после распада Советского Союза был взят за конечную цель транзита в постсоветском регионе. Целью формальных институтов либеральной демократии является разделение сфер. Если цели акторов в большинстве совпадают с целями институтов, то есть **если неформальное понимание этих целей большинством акторов заключается в разделении сфер социального действия, либеральная демократия может стабильно функционировать**. Однако **если акторы в основном разделяют идею о смешении или слиянии сфер социального действия, либеральная демократия потерпит фиаско**, а режим превратится в систему, где формальные демократические институты управляются неформальными решениями, действиями и сетями [▸ 2.2.2.2]. Именно так конструируется «гибридный» тип, о котором рассуждают гибридологи, однако все их усилия тщетны, если они используют категории, которые предполагают разделение сфер социального действия. Невозможно достоверно описать гибридный характер режима, если понятие предполагает, что самого явления, вызывающего гибридность, не существует.

Для развития режима уровень разделения сфер социального действия обуславливает своего рода «**эффект колеи**». Однако, как следует из последних строк тезиса А, речь не идет о жестком детерминизме. Существуют возможности для «**прокладывания своего пути**», то есть **установления режимов, которые в большинстве не поддерживаются**

[1] *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 77.

населяющими его акторами[1]. Таким образом, коммунистическая диктатура в Прибалтике, а также в центральноевропейских странах-сателлитах Советского Союза может рассматриваться в этом смысле как прокладывание пути (см. ниже). Среди относительно недавних примеров можно упомянуть Грузию, где после Революции роз политическая элита с помощью серии реформ попыталась разделить сферы социального действия [▸ 7.3.4.5], или Чехию, где правящая партия предприняла противоположную попытку, а именно: смешать сферы социального действия [▸ 7.3.3.3]. Венгрия и реформы Виктора Орбана по смешению сфер социального действия, которые проводятся с 2010 года, — еще один вероятный пример прокладывания своего пути [▸ 7.3.3.4], хотя некоторые ученые утверждают, что не только политическая элита, но и венгерский народ поддерживают отсутствие разделения сфер социального действия[2].

Суть прокладывания пути в том, что это всегда довольно чужеродный процесс, который уводит страну в сторону от того пути развития, по которому она, скорее всего, пошла бы, учитывая взгляды акторов ее режима. Следовательно, **этот процесс может быть запущен только при особых**

1 О преодолении эффекта колеи см.: *Garud R., Karnøe P.* Path Dependence and Creation. Mahwah: Psychology Press, 2001. Пример интерпретации в социальных науках см.: *McCloskey D.* Bourgeois Equality: How Ideas, Not Capital Or Institutions, Enriched the World. Chicago; London: University of Chicago Press, 2017.

2 Козак считает, что так происходит из-за скорее «восточного», чем «западного» набора ценностей, а Чизмадия утверждает, что факторы, которые делают либеральную демократию в Венгрии несостоятельной, это слабое национальное государство и демократические традиции, слабая социальная организационная сила либерализма, слабая сплоченность общества и социальная ответственность, обусловленные отсутствием политического образования. См.: *Kozák M.* Western Social Development with an Eastern Set of Values? // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 373–387; *Csizmadia E.* A Magyar Politikai Fejlődés Logikája: Összehasonlítható-e a Jelen a Múlttal, s Ha Igen, Hogyan? Budapest: Gondolat Kiadó, 2017.

обстоятельствах. До распада советской империи таким обстоятельством было иностранное вторжение, когда к слиянию сфер социального действия привело явное угнетение. После распада Советского Союза прокладывание пути обычно начиналось, когда из-за сочетания многих уникальных факторов к власти в стране приходила политическая элита, чьи взгляды о разделении сфер заметно отличались от взглядов большинства населения. Однако все подобные случаи различаются с точки зрения сроков существования и степени консолидации режима, допускающей или не допускающей его деградацию в тип режима, который точнее соответствует мотивам акторов.

1.3. ТЕЗИС B

Разделение сфер совпадает с цивилизационными границами

1.3.1. Цивилизации и три исторических региона

Изложив наш общий тезис о важности разделения сфер для развития режима, мы переходим к **трем конкретным тезисам об эволюции посткоммунистического региона**. Тезисы B, C и D касаются докоммунистического, коммунистического и посткоммунистического периодов соответственно, акцентируя внимание на тех условиях и событиях, которые оказали наибольшее влияние на уровень разделения сфер социального действия в рассматриваемом регионе.

Тезис B. *До наступления коммунизма разделение сфер социального действия коррелировало с цивилизационными границами. При том, что все государства в то время были феодальными, в странах, принадлежавших к западно-христианской цивилизации, степень разделения была наибольшей. Чуть меньшая степень разделения наблюдалась в православных странах и, наконец, наименьшая — в исламской и синской цивилизациях. Отсутствие разделения проявлялось через ряд взаимосвязанных феноменов, которые в различной мере присутствовали в разных цивилизациях.*

Как объясняет Карл Поланьи в «Великой трансформации», чувство общинности и принцип взаимности играли существенную роль в доиндустриальных экономиках. Для того, чтобы отделить экономическую и общинную сферы социального действия от политической, потребовалась промышленная революция, которая привела к развитию капиталистических

рынков в современном смысле[1]. Позже контроль за монархами и защита прав собственности создали начальные условия для свободной торговли и предпринимательства, которые обусловили появление в значительной степени независимых от политической сферы капиталистов, особенно после XVIII века и заката меркантилизма[2]. Однако эта **трансформация и разделение сфер социального действия были в основном характерны для западной цивилизации**. Как следствие, в XIX веке произошло «великое расхождение»: Запад отделился от Востока[3], где абсолютные монархи имели монополию на землю, юридическая защита частной собственности была слабой, а индустриализация происходила как политически управляемый процесс, отставая на несколько десятилетий[4].

Это расхождение привело к тому, что в восточных цивилизациях рубежа XX века **разделение сфер социального действия либо было рудиментарным, либо вообще отсутствовало**. Тезис B гласит, что это объясняется цивилизационными особенностями. И действительно, именно западная цивилизация позволила начать процесс разделения сфер задолго до промышленной революции. Мы делим посткоммунистический регион на зоны, очерченные цивилизационными границами так же, как это делал Хантингтон в своем знаменитом труде «Столкновение цивилизаций» (Схема 1.1)[5].

1 *Polányi K.* The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston: Beacon Press, 2001. P. 55–81.

2 *Acemoğlu D., Johnson S., Robinson J.* The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth // American Economic Review. 2005. Vol. 95. № 3. P. 546–579; *Raico R.* The Theory of Economic Development and the European Miracle // The Collapse of Development Planning. New York; London: NYU Press, 1994. P. 37–58; *De Soto H.* The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else. New York: Basic Books, 2003.

3 *Pomeranz K.* The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2000.

4 *Henderson W.O.* Industrial Revolution on the Continent: Germany, France, Russia 1800–1914. London: Routledge, 2013.

5 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

Однако наше понимание «цивилизации» отличается от того, как его сформулировал Хантингтон. Здесь мы, скорее, полагаемся на работы Питера Каценштейна[1], одного из самых внимательных читателей Хантингтона. Каценштейн более обоснованно реконструирует подход Хантингтона, принимая во внимание многочисленные критические замечания[2] и анализируя большой корпус литературы, посвященной цивилизационному анализу[3].

По мнению Каценштейна, существует консенсус в отношении утверждения Хантингтона, что цивилизации «многочисленны» (то есть в мире есть множество цивилизаций). Однако он также отмечает, что они «плюралистичны», то есть не столь однородны и однонаправленны, как Хантингтону хотелось бы верить. Как пишет Каценштейн, цивилизации «не статичны и не гомогенны, но, напротив, динамичны и полны внутренних политических противоречий. Если мы рассматриваем их с точки зрения множественных современностей (как в работах Эйзенштадта) или зон престижа, воплощающих интеллектуальные разногласия (как в работах Коллинза), или множественных процессов (как в работах Элиаса), [мы можем видеть, что] для каждого цивилизационного „созвездия“ характерны политические баталии и оспаривание непреложных истин»[4]. Тем не менее Каценштейн утверждает, что страны, принадлежащие к одной цивилизации, по-прежнему объединяются «по принципу „единства в разнообразии“» по двум причинам: (1) из-за особых типов взаимодействий элит,

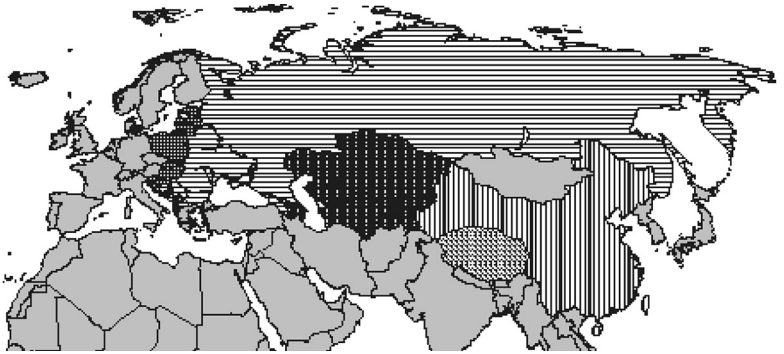
1 *Katzenstein P. J.* A World of Plural and Pluralist Civilizations: Multiple Actors, Traditions, and Practices // Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives. London; New York: Routledge, 2010. P. 1–40.

2 Обзор замечаний см.: *Orsi D., ed.* The «Clash of Civilizations» 25 Years On: A Multidisciplinary Appraisal. Bristol: E-International Relations, 2018.

3 Пример метаанализа см.: *Arnason J. P.* Civilizational Analysis, History Of // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Vol. 3. Oxford; New York: Elsevier, 2001.

4 *Katzenstein P.* A World of Plural and Pluralist Civilizations P. 29.

Схема 1.1: Цивилизации в посткоммунистической Евразии



Условные обозначения: заштрихована клеткой: западно-христианская; горизонтальные линии: православная; вертикальные пунктирные линии: исламская; вертикальные линии: синская; диагональные слева направо: буддистская; серый цвет — за пределами рассматриваемого нами посткоммунистического региона. На основе: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций.

подчеркивающих роль цивилизационных акторов (государств, империй и других политических единиц) и методов молчаливого распространения, социального подражания (копирования), самоутверждения и прямого экспорта[1]; и (2) из-за сложившейся цивилизационной идентичности народонаселения, которая воспринимается как «естественное чувство реальности, помогающее отличать себя от „другого", а также хорошее от плохого»[2]. Таким образом, цивилизации существуют, и «в определенных условиях <...> политические коалиции и интеллектуальные течения могут порождать глубинные цивилизационные категории, которые считаются неразрывными и даже способными к действию»[3].

Принимая аргумент Каценштейна, все остальные авторы, чьи работы вошли в книгу под его редакцией, анализировали практически те же цивилизации, что и Хантингтон, отметив в числе прочего способность Европы к переосмыслению самой себя, стремление Китая преподносить себя в качестве обязательной ролевой модели для соседних стран, желающих

1 *Katzenstein P.* A World of Plural and Pluralist Civilizations P. 24–35.

2 Ibid. P. 12.

3 Ibid. P. 7.

выстраивать с ним отношения (и вместе составлять синскую цивилизацию), или связующий характер исламской цивилизации — «моста» между Африкой и Евразией[1]. Соответственно, мы также принимаем подход Каценштейна как дополненную и исправленную версию теории Хантингтона, сохраняя при этом представление Хантингтона о цивилизационных границах и учитывая важность внутрицивилизационных процессов и способность стран прокладывать свой путь в пределах цивилизации [▸ 7.4.4]. Мы также **считаем целесообразным обозначать некоторые цивилизации по религиозному признаку**, как это делал Хантингтон в отношении западного христианства, православия и ислама. Мы делаем это не потому, что считаем религию самым важным фактором, определяющим развитие стран, хотя многие ученые подчеркивали ее важность в этом процессе, а также в конфликтах и других политических аспектах[2]. Скорее, мы отталкиваемся от того, что **общие религиозные принципы отражают, как исторически происходило разделение сфер социального действия**, что не может быть не связано с тем фактом, что **церкви поддерживали слияние сфер**, в разной степени участвуя в политике и общественной жизни. Хантингтон резюмирует роль церкви в западной и восточной цивилизациях следующим образом: «В течение всей западной истории сначала церковь вообще, затем многие церкви существовали отдельно от государства. Бог и кесарь, церковь и государство, духовные и светские власти — таков был преобладающий дуализм

1 *Katzenstein P.* A World of Plural and Pluralist Civilizations P. 7.

2 Пример метаанализа см.: *Deneulin S., Rakodi C.* Revisiting Religion: Development Studies Thirty Years On // World Development. 2011. Vol. 39. № 1. P. 45–54. Критику Хантингтона см.: *Baumgartner J., Francia P., Morris J.* A Clash of Civilizations? The Influence of Religion on Public Opinion of U.S. Foreign Policy in the Middle East // Political Research Quarterly. 2008. Vol. 61. № 2. P. 171–179; *Johns R., Davies G.* Democratic Peace or Clash of Civilizations? Target States and Support for War in Britain and the United States // The Journal of Politics. 2012. Vol. 74. № 4. P. 1038–1052.

в западной культуре. <...> В исламе Бог — это кесарь; в Китае и Японии кесарь — это Бог, в православии кесарь — младший партнер Бога. Это разделение и неоднократные столкновения между церковью и государством, столь типичные для западной цивилизации, ни в одной другой из цивилизаций не имели место»[1]. В связи с этим в Таблице 1.1 мы приводим структурированное сравнение западного христианства (состоящего из католицизма и протестантизма) и православия на основании работы Джона Маделея, подчеркивая различия в основополагающей роли двух церквей в политической и общинной сферах[2].

Китай, с распространенным на его территории буддизмом, представляет собой ядро синской цивилизации. Эта цивилизация в докоммунистическую эпоху исповедовала конфуцианство, которое привело к формированию сильной центральной власти и расширению имперского контроля над «общественными практиками <...> от языка и религии до политических институтов и экономической деятельности»[3]. Однако Китай является единственной страной синской цивилизации в рассматриваемом нами посткоммунистическом регионе. **Другие страны, а именно те, что позднее стали входить в советскую империю**, включая государства-члены и западные государства-сателлиты, могут быть разделены на три исторических региона по их цивилизационной принадлежности. В эпоху холодной войны венгерский историк Ено Сюч говорил о трех исторически сформировавшихся регионах Европы, утверждая, что задолго до Второй мировой войны регион Центральной и Восточной Европы существовал, но частично располагался

1 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 98.

2 *Madeley J.* A Framework for the Comparative Analysis of Church–State Relations in Europe // West European Politics. 2003. Vol. 26. № 1. P. 23–50.

3 *Kang D. C.* Civilization and State Formation in the Shadow of China // Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives. London; New York: Routledge, 2010. P. 91–113.

на территории, которая тогда была советским блоком[1]. Он рассматривал восточный периметр Центральной и Восточной Европы как границу между западным и православным христианством. «Четко обозначенная граница, — пишет Ено Сюч, — [проходит] через всю Европу на юг от нижнего течения вдоль южных пределов Эльбы-Заале, вдоль Литы и западной границы древней Паннонии», которая была «восточной границей империи Каролингов на рубеже VIII–IX веков», где «в течение трех предыдущих столетий земли на запад от этой границы являлись местом органического симбиоза элементов поздней античности и христианства, с одной стороны, и варварских германских влияний — с другой»[2]. По аналогии с Сючем Хантингтон говорит о «линии великого исторического раздела, существовавшей на протяжении столетий, отделяющей западные христианские народы от мусульманских и православных народов», линии, которая «определилась еще во времена разделения Римской империи в четвертом веке и создания Священной Римской империи в десятом». «Где заканчивается Европа?» — спрашивает он и кратко отвечает: «Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие»[3].

Территория Советского Союза после Второй мировой войны отошла от границ, обозначенных Сючем, только в двух местах: (1) Советский Союз вновь аннексировал католические и протестантские балтийские государства, которые Россия когда-то завоевала при царях, и (2) государства Балканского полуострова, которые в значительной степени или полностью находились в рамках господства православного христианства (Болгария, Румыния и часть Югославии), не стали частью Советского Союза. В пределах советской империи существовала

1 *Сюч Е.* Три исторических региона Европы // Центральная Европа как исторический регион. М.: ИСБ РАН, 1996. С. 131–184.

2 Там же. С. 149–150.

3 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 244.

Таблица 1.1: Сравнительная характеристика парадигм западного христианства и православия. Переработанный материал на основании работы: Madeley J. A Framework for the Comparative Analysis of Church–State Relations in Europe.

Западное христианство	Православие
Собственный церковный закон, полностью ориентированный на Папу Римского как на абсолютного правителя, законодателя и судью.	**Церковный закон включен в имперское государственное право** и находится в распоряжении имперских властей.
Церковь представляла собой **полностью независимый правящий институт.**	Церковь входила в имперскую систему управления, в которой **светская власть доминировала над духовной.**
Войны велись с одобрения церкви для достижения духовных целей (насильственное обращение, войны против язычников и еретиков, крестовые походы и т. д.).	**Будучи вовлеченной в большинство политических и военных конфликтов** светской власти, церковь часто давала богословскую легитимацию войнам, вдохновляла их.
Доминирующий социальный статус, но с безбрачным **духовенством, отличающимся от паствы** своим безбрачием.	Представители духовенства, кроме епископов, были женаты и, следовательно, были ближе к людям и **в большей степени ассимилировались в структуре общества.**

граница, отделяющая Центрально-Восточную Европу от Восточной Европы, или **исторический регион западного христианства от православного региона**. Это практически те же регионы, которые Сюч понимает как второй и третий исторические регионы Европы. Однако в советскую империю также входила **советская Центральная Азия**, которая представляет собой отдельный регион обществ **исламского** происхождения[1]. Линии раздела трех исторических регионов, определяемых их цивилизационной принадлежностью, четко показаны на Схеме 1.1.

1 Там же. С. 270–278.

Специалист по России Золтан С. Биро точно подметил, что «на Западе в контексте католического христианства всемогущество государства было ограничено [автономией] церкви, тогда как на Востоке православие не играло такой ограничивающей роли»[1]. То, что мы наблюдаем, — это институциональное **разделение светской и религиозной власти в западно-христианском регионе**, встроенное в более крупный проект «[реконструкции] европейской идентичности вокруг светских идей и принципа рациональности <...>. Растущая автономия политических, культурных и общественных центров; введение инноваций и ориентированность на будущее; сдвиги в концепции человеческой субъектности и автономии; и высокая осознанность [породили] <...> такие универсальные практики, как личную религию, парламентскую демократию, всеобщее гражданство и избирательное право, науку, рыночную экономику и торговлю, а также права человека»[2]. Все это находится в противоречии с **симбиозом церкви и государства в православном историческом регионе**, а также с еще более явным отсутствием разделения социальных сфер, которое усиливается **тождественностью светского и духовного правления (теократии) в исламском историческом регионе**. Действительно, следовавшие исламскому праву государственные институты Центральной Азии могли действовать беспрепятственно до 1917 года, и, «несмотря на годы репрессий и преследований в Советском Союзе, ислам <...> сумел сохранить свой дух как образ жизни, который определял в культурном плане каждый аспект жизни верующего»[3].

1 *Sz. Bíró Z.* Az Elmaradt Alkotmányozás: Oroszország Története a XIX. Század Második Felében Budapest: Osiris Kiadó, 2017. P. 201.

2 *Adler E.* Europe as a Civilizational Community of Practice // Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives. London; New York: Routledge, 2010. P. 71.

3 *Tazmini G.* The Islamic Revival in Central Asia: A Potent Force or a Misconception? // Central Asian Survey. 2001. Vol. 20. № 1. P. 65.

Схема 1.2: Логика базовых структур докоммунистических обществ

Темно-серый цвет обозначает первопричину, серый — вытекающий из нее тип личных отношений, а светло-серый — институциональные последствия

Подводя итог, можно сказать, что **цивилизационная принадлежность соответствует той модели, в рамках которой проходило разделение сфер**. То, что может показаться идентичностью на уровне индивидов, является цивилизацией на уровне коллектива. Иными словами, цивилизация связана с целым рядом феноменов, собранных в единую согласованную структуру. Изменение ее отдельно взятых элементов может оказаться невозможным, особенно через вмешательство извне, так как структура в целом обладает силой сопротивления или жесткостью. Мы раскроем это понятие немного позднее, но сначала мы должны рассмотреть, в каких формах проявляется рудиментарное либо полностью отсутствующее разделение сфер социального действия.

1.3.2. Базовая структура отсутствия разделения сфер в феодальном обществе

Отсутствие разделения сфер социального действия в феодальных государствах докоммунистических времен **проявлялось в целом ряде взаимосвязанных явлений**, которые в разной степени присутствовали в различных цивилизациях. Схема 1.2 представляет эти базовые структуры в виде модели, которая отображает исходную точку — отсутствие разделения

сфер, логически вытекающую из нее социальную структуру в отношении каждого социального слоя и структуру управления или правящей элиты.

В левой части схемы представлена цепь феноменов, касающихся **личных отношений**:

• ***Традиционные (феодальные) сети.*** В сочинениях Вебера феодализм выступает как особый **тип ранжирования**, где «„статус" представляет логику стратификации, в которой **экономические институты еще встроены в политические и правовые структуры**. В рамках такого порядка распределение власти и жизненных шансов определяется в первую очередь структурой взаимосвязанных обязательств, таких как повиновение персональному господину, чьи притязания на власть основываются на существовавших веками правилах и „статусных почестях". [В феодализме] **социальная власть — это сеть социальных связей и обязанностей**, [тогда как] способность монополизировать и аккумулировать эту власть можно обосновать, ссылаясь на авторитет „традиции"»[1] (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*). В работе «Построение капитализма без капиталистов» Иван Селеньи, Гил Эял и Элеанор Тоунсли подчеркивают разницу в формировании рангов и классов в докоммунистических обществах, хотя и признают, что «[в] Венгрии и Польше и <...> в еще большей степени в дореволюционной России существовал социальный капитал традиционного типа, основанный на феодальных социальных статусах, и в докоммунистическую эру власть дворянства оставалась нерушимой. Как результат, процесс обуржуазивания в этих странах блокировался, тормозился или прекращался», то есть образование классов не пришло к своему логическому завершению, и класс не мог

[1] *Селеньи И., Эял Г., Тоунсли Э.* Построение капитализма без капиталистов. Образование классов и борьба элит в посткоммунистической Центральной Европе. Киев: ИС НАНУ; Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2008. С. 90.

доминировать в социальной структуре, основанной на традиционных (феодальных) сетях[1].

С одной стороны, социальная структура феодальных сетей была устроена таким образом, что **отсутствие разделения сфер социального действия было легитимным и формализованным** и в докоммунистических обществах распространялось на повседневную жизнь каждого человека. Для примера возьмем работу Джеффри Хоскинга, который объясняет, что в имперской России «помещик имел неограниченную власть над жизнью крепостного: он был работодателем, судьей, сборщиком налогов, начальником полиции и рекрутером армии в одном лице». По мнению Хоскинга, такое слияние ролей было распространено вплоть до отмены крепостного права Александром II, и до 1917 года эта реформа проводилась довольно нерешительно[2]. С другой стороны, **наряду с жестко закрепленной феодальной иерархией** при распределении позиций и ресурсов **неформальные личные отношения доминировали**[3]. Действительно, доминирование личных отношений типично для доиндустриальных обществ[4], но в случае феодализма это не означает, что формальные титулы теряют свое значение. Напротив, неформальность в феодализме существует **как продолжение формальности**: у кого-либо есть официальный титул, подразумевающий официально предоставленные ему власть и ресурсы, которые могут использоваться в личных целях. И наоборот, бывает так, что сеть создается на основе формальных и неформальных (личных) отношений в браке,

1 Там же. С. 37.

2 *Hosking G.* Patronage and the Russian State // The Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78. № 2. P. 309–314.

3 *Shlapentokh V., Woods J.* Contemporary Russia as a Feudal Society. P. 151–155.

4 *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. С. 82–150.

в сфере торговли и при покровительстве для продвижения политической карьеры и получения официальных титулов, как в известном случае Козимо Медичи[1]. Однако **само по себе высокое неформальное положение** без сопутствующего официального титула **никому не дает власти**, а неформальные сети не заменяют формальные институты. **Патронаж**, который представлял собой особое слияние политической и экономической сфер в имперской России, также развивался в логике формальной феодальной иерархии, где дворянство пользовалось своей полученной по закону властью (см. Текстовую вставку 1.2).

Текстовая вставка 1.2: Патронаж в имперской России

Патронаж — это постоянное, иерархически организованное, но в какой-то степени обоюдное отношение, при котором клиент предлагает материальные ценности или услуги патрону в обмен на защиту и, возможно, продвижение интересов клиента или другие выгоды. Это неформальное отношение, не подразумевающее заключения контракта, и оно никак не относится к праву в его официальном понимании. <...>

В имперской России патронаж осуществлялся через четыре основных канала: (1) через близость к монарху, который выделял тех, кто <...> служил при дворе или имел право постоянного доступа ко двору императора; (2) через родственные связи, благодаря которым патронаж получали те, кто был связан по рождению или браку с семьями, занимающими высокое положение; (3) через географическое расположение, значимое в тех случаях, когда чиновник, которого назначили на высокий пост, тянул за собой своих бывших коллег и сослуживцев, если ценил их таланты или любил их компанию; (4) через институциональную позицию, связывающую тех, кто работал в одном учреждении, особенно если у этого

[1] *Padgett J., Ansell C.* Robust Action and the Rise of the Medici, 1400–1434 // American Journal of Sociology. 1993. Vol. 98. № 6. P. 1259–1319.

> учреждения были специальные функции, как, например, у Государственной канцелярии <...>. [В]се четыре пути сохраняли свою значимость вплоть до 1917 года[1].

• ***Патронализм.*** Как пишет Генри Хейл в своей основополагающей работе «Патрональная политика», патронализм — это естественное следствие наличия феодальных сетей и патронажа в структуре управления[2]. Как правило, патронализм предполагает иерархическую структуру социальных сетей, где все люди делятся на две группы: небольшое количество правителей или патронов и большое количество зависимых подчиненных, клиентов [▸ 2.2.2.2]. Как структура управления патронализм означает «**индивидуальный обмен вознаграждениями и наказаниями через каналы личных связей**» в отличие от «абстрактных, безличных принципов, таких как идеология или категоризация по экономическим классам»[3]. Патронализм также порождает принудительную, тираническую иерархию, на вершине которой стоит патрон, наделенный правом вознаграждать и наказывать клиентов по своему усмотрению [▸ 2.4.6]. Общества по всему миру «сочли естественным расширять сферу ручного управления через личные сети по мере того, как они увеличивались в масштабе по сравнению с первоначальными, небольшими группами, где все знали друг друга». Неудивительно, что при отсутствии разделения сфер социального действия «патронализм был неотъемлемой частью политики [докоммунистического] региона с момента появления в нем первых крупных государств»[4].

В правой части схемы представлена цепь **институциональных феноменов**:

1 *Hosking G.* Patronage and the Russian State // The Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78. № 2. P. 302, 312–313.

2 *Hale H.* Patronal Politics.

3 Ibid. P. 9.

4 Ibid. P. 41.

• ***Сращение власти и собственности.*** В странах современной западной цивилизации под частной собственностью понимается совокупность прав частного владельца, который может распоряжаться собственностью по своему усмотрению, если при этом не нарушает права других лиц. Свобода распоряжаться собственностью включает в себя право продавать и накапливать состояние, которое юридически защищено от посягательств других лиц и находится за пределами политической сферы. Однако отсутствие разделения на политическую и экономическую сферы приводит к институциональной структуре, известной в русскоязычной литературе как «власть-собственность». Хотя на протяжении всей книги мы используем этот термин в более узком смысле [► 5.5.3.5], в литературе он применяется к конкретным отношениям собственности, для которых характерно отсутствие разделения сфер социального действия. Как пишет Андрей Рябов, отличительные черты этого института, «вероятно, наиболее ярко представлены в работах Игоря Бережного и Вячеслава Вольчика и выглядят следующим образом: „1. **Наделение правами собственности** на те или иные объекты возможно **при деятельном участии государства как основного агента распределения** (перераспределения); 2. **Собственность может быть отобрана в любое время, если власть** (любого уровня) **заинтересована в перераспределении этой собственности**; 3. государство или иные представители власти получают ренту (в явной или неявной форме) от объектов, включенных в отношения власти-собственности“[1]. В подобных публикациях подчеркивается, что наличие власти-собственности основано на полной или частичной монополизации государством или, точнее, контролирующими его группами функций целых секторов или экономики страны в целом. <...> В России

[1] *Бережной И., Вольчик В.* Исследование экономической эволюции института власти-собственности. М.: Юнити-Дана, 2008. С. 116.

институт власти-собственности продемонстрировал удивительную жизнеспособность, играя огромную роль в ее истории начиная с XV века. <...> Как и в восточных обществах, царская монополия на землю составляла экономическую основу авторитарного автократического государства и его доминирующей роли в национальной экономике вплоть до падения монархии в 1917 году»[1].

Сращение власти и собственности может быть классифицировано как **социальная структура**, потому что имущественные отношения определяют связи между людьми во всем обществе, вплоть до повседневной жизни субъектов феодального государства.

• ***Патримониализм.*** Веберианский термин «патримониализм» происходит из представления о семейно-бытовом управлении вождя. Если рассматривать его как характеристику режима, то он предполагает **неделимость публичной и частной сфер**, а также **отношение власть имущих к обществу как к частной сфере**[2]. Как **структура управления** патримониализм является следствием слияния власти и собственности, что подразумевает отсутствие разграничения между частным сектором экономики (экономические действия) и публичной сферой (политические действия). Важно отметить, что патримониализм — это не то же самое, что патронализм, хотя эти два понятия находятся в тесной связи. В нашем понимании патронализм указывает на конкретных акторов и наличие личных, патронально-клиентарных отношений вассального характера, тогда как патримониализм указывает на институты или сферы деятельности, которыми актор (обычно патрон) может управлять, как если бы они были его частным владением.

[1] *Ryabov A.* The Institution of Power & Ownership in the Former U.S.S.R.: Origin, Diversity of Forms, and Influence on Transformation Processes // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. P. 416.

[2] Пример метаанализа см.: *Fisun O.* Neopatrimonialism in Post-Soviet Eurasia // Stubborn Structures. P. 75–96.

В то время как западные государства в целом защищены от притязаний частного характера по отношению к публичной сфере конституционными гарантиями, которые разрабатывались с целью отделения политической сферы социального действия от экономической и общинной, в имперские времена, до наступления коммунистической эпохи отсутствие разделения сфер в восточных цивилизациях проявлялось в явственно патримониальных институтах и управлении.

Индивидуальные и институциональные особенности, которые формируются из-за отсутствия разделения сфер, **усиливают друг друга**. На уровне общественных структур сращение власти и собственности включает в себя возможность распоряжаться собственностью по личному усмотрению на основе феодальных отношений, а глубоко укоренившаяся традиция патронажа, в свою очередь, объединяет собственность с властью, превращая все имущество и товары в валюту, которую можно обменять на благоприятное (или просто справедливое) отношение со стороны других, более высоких по статусу феодалов. Что касается структуры управления, то патримониализм требует патронального подчинения подданных, тогда как патронализм означает приоритет исполнения (личной) воли патрона над интересами его подданных, общественности. Иными словами, патримониализм — это системное вовлечение политической сферы в экономическую и общинную деятельность, тогда как патронализм означает личное зависимое положение людей, что дистанцирует такую систему управления от западного идеала безличного (то есть непатримониального) профессионального бюрократического управления в веберианском смысле[1].

Так была устроена система власти в имперском Китае, которую Вебер называл «наиболее последовательной

[1] *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 218–219.

политической формой патримониализма»[1], **а также в исламском и православном исторических регионах**, что подтверждается цитируемыми выше отрывками об имперской России (в которую входили оба названных исторических региона до появления коммунизма)[2]. Эти **структуры**, олицетворяемые феодальными государствами того времени, **присутствовали и в западно-христианском историческом регионе, но менее выраженно и с большим уважением к автономии личности**. Как объясняет Хантингтон, большинство обществ западно-христианской цивилизации «включали в себя относительно сильную и автономную аристократию, крепкое крестьянство и небольшой, но значимый класс купцов и торговцев. Сила феодальной аристократии была особенно важна для сдерживания тех пределов, в которых смог прочно укорениться среди европейских народов абсолютизм. [Социальный] плюрализм рано дал начало сословиям, парламентам и другим институтам, призванным выражать интересы аристократов, духовенства, купцов и других групп. [Индивидуализм] развился в XIV–XV веках, а <...> принятие права на индивидуальный выбор <...> доминировало на Западе уже к с XVII веку»[3]. Хантингтон отмечает, что эти характерные черты не «всегда и повсеместно присутствовали в западном обществе», а некоторые из них «проявлялись в других цивилизациях. <...> Однако их сочетание было уникально, и это дало Западу его отличительные особенности»[4].

1 Там же. С. 1090–1091. Также см.: *Eisenberg A.* Weberian Patrimonialism and Imperial Chinese History // Theory and Society. 1998. Vol. 27. № 1. P. 83–102; *Hamilton G.* Patriarchy, Patrimonialism, and Filial Piety: A Comparison of China and Western Europe // The British Journal of Sociology. 1990. Vol. 41. № 1. P. 77–104.

2 Пример классического анализа см.: *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.

3 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 95–100.

4 Там же. С. 101.

Следует отметить, что особенности, которые Хантингтон приписывал западной цивилизации, предполагают **уважение к автономии** определенных социальных групп, а также **плюрализм структур** в отличие от всемогущей власти одного сеньора. На этом фоне «Россия вовсе не подверглась или слабо подверглась влиянию основных исторических феноменов, присущих западной цивилизации», при этом большинство отличительных черт западного христианства «практически полностью отсутствуют в историческом опыте России»[1]. Это означает, что отсутствовали именно те культурные черты, которые были краеугольным камнем разделения сфер социального действия в западно-христианской цивилизации. Попытки модернизации и осуществления цивилизационного сдвига, такие как реформы Петра Великого на рубеже XVII–XVIII веков, в конечном счете привели только к укреплению центральной власти, то есть задали России диаметрально противоположное направление от того, в котором необходимо было двигаться для разделения сфер социального действия по западному образцу[2].

Неразделенность сфер социального действия при феодализме, а также различную степень разделения сфер в разных цивилизациях хорошо иллюстрирует Сюч, сравнивая феодальные отношения в западно-христианском и православном исторических регионах. Как он пишет, **характерной чертой западного феодализма было «сохранение человеческого достоинства даже в условиях подчинения**. За пределами Европы в целом и в том числе в русских княжествах „служилый человек“ должен был кланяться до земли, целовать руку своего господина или даже падать наземь и целовать край его одежды. В западном церемониале *homagium* (принесения феодальной присяги) вассал должен был опуститься на одно

[1] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 211.

[2] Там же.

колено с поднятой головой и затем обменяться рукопожатием со своим господином[1]. Новые отношения окончательно скреплялись взаимным поцелуем. Эпоха, выражавшая все в подчеркнуто демонстративных символах и эффектных жестах, не могла найти лучшего способа отражения основной модели тех отношений, которые стремились любыми путями отразить этот символизм на практике. <...> Это касается и моральных аспектов проблемы. „Честь" индивидуума была основным элементом ценности древних, а „верность" подчиненных — важнейшей в любом обществе, основанном на зависимости, хотя морфологически эти два феномена исключали друг друга: *honor* („честь") рыцаря и *fidelitas* („верность") вассала органически соединились только в западном феодализме. **Европа унаследовала понятие человеческого достоинства как одну из составляющих политических отношений не прямо от античности, а от феодализма и, разумеется, сохранила это понятие там, где человеческое достоинство продолжало присутствовать — в проходившем на Западе органическом процессе изменения форм**»[2] (выделено нами.— *Б. М., Б. М.*).

1 В определении феодальной присяги (*homagium*) из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (Том IX. СПб, 1893. С. 147) говорится не о рукопожатии, а о том, что вассал «кладет свои руки в руки [сеньора] и объявляет себя его „человеком"» (*прим. пер.*).

2 *Сюч Е.* Три исторических региона Европы. С. 170–171.

1.4. ТЕЗИС С

Коммунистические диктатуры остановили и «повернули вспять» процесс разделения сфер

1.4.1. Базовая структура неразделенных сфер социального действия при коммунистической диктатуре

Докоммунистическая эпоха закончилась установлением коммунистической диктатуры в России после Октябрьской революции 1917 года, а также в Китае и государствах-сателлитах СССР после Второй мировой войны[1]. Мы используем понятие «советская империя» для обозначения Советского Союза вместе с его государствами-сателлитами, которые входили в три исторических региона, описанные выше. Тезис С теории жестких структур касается **разделения сфер социального действия в разных цивилизациях при коммунизме**.

Тезис С. *При коммунизме страны, принадлежащие разным цивилизациям, были накрыты «политическим колпаком» диктатуры. С одной стороны, это остановило их социальное развитие. С другой стороны, коммунистический режим создал особый ряд взаимосвязанных феноменов, повлекших за собой слияние сфер социального действия и акцентировавших отсутствие данного разделения, которое существовало ранее. В то время как в разных цивилизациях могли развиваться разные виды коммунизма, однопартийная система и монополия*

[1] Под «государствами-сателлитами» мы понимаем коммунистические диктатуры Центральной и Восточной Европы. Монголия, хотя и являлась советским государством-сателлитом, исключена из нашего обсуждения посткоммунистического региона (хотя Хейл полагает, что концептуальная теория, которая применима к трем историческим регионам, применима и к Монголии). См.: *Hale H.* Patronal Politics. P. 471–472.

государственной собственности вызывали схожие социальные явления и в некоторой степени гомогенизировали процессы в рассматриваемых странах.

Хейл называет коммунистический захват власти в России «неудавшейся антипатрональной революцией», где риторика разгрома господствующего царского режима завершилась тем, что новые элиты в итоге стали прибегать к патрональным практикам, воспроизводя их уже в новых формах[1]. Но это лишь часть правды. В действительности **коммунистические режимы обновили все основные структуры докоммунистического периода, поскольку сам коммунизм**, со всей присущей его установлению жестокостью, **подразумевал полное слияние сфер социального действия**. Упразднив частную собственность, частную сферу и автономные сообщества, тоталитарный коммунизм фактически объединил три сферы, которые укрепили первопричину базовых структур, а также описанные выше структуры общества и управления.

Тем не менее важно отметить, что навязанное коммунизмом слияние сфер отличалось от ранее существовавшего рудиментарного или полностью отсутствующего разделения сфер социального действия. Коммунизм, несомненно, прокладывал новый путь, посредством которого отсутствие разделения сфер, связанное с цивилизационными особенностями и традиционным укладом народов докоммунистического периода, было навязано сверху через государственное принуждение, чтобы создать общества, воплощающие утопические проекты коммунистических идеологов. Поэтому **отправной точкой каждого коммунистического режима как такового была партия-государство, управляемая марксистско-ленинской идеологией**. Как пишет Корнаи в знаменитом труде «Социалистическая система», из этого управляемого

[1] Ibid. P. 47–54.

Схема 1.3: Внутренняя логика коммунистических режимов. Темно-серый цвет обозначает первопричину, серый — вытекающий из нее тип личных отношений, а светло-серый — институциональные последствия. Переработанный материал на основании: Корнаи Я. Социалистическая система.

идеологией режима правления партии-государства следует (1) доминирующее положение государственной и квазигосударственной собственности и (2) преобладание бюрократической координации[1]. Поскольку эти последствия свидетельствуют о слиянии сфер, навязанном партией-государством, мы можем представить анализ Корнаи в наших терминах, а также расширить его, добавив такие измерения, как структуры управления и личные отношения. Таким образом, мы можем обрисовать внутреннюю логику коммунистических режимов аналогично базовым структурам докоммунистических стран (Схема 1.3).

В отличие от традиционных и феодальных структур докоммунистических обществ при коммунистическом режиме происходит **бюрократизация**. Это **сказывается на личных отношениях** следующим образом:

- ***Формальные (бюрократические) сети.*** Поскольку основным средством коммунистического переустройства общества являлось государство, был создан обширный аппарат принуждения, по отношению к которому люди находились в подчиненном положении, лишившись свободы в пользу центрального планирования через формальные бюрократические

[1] *Корнаи Я.* Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М.: Вопросы экономики, 2000. С. 388–393.

каналы. Преемственность между этой общественной структурой и традиционными феодальными сетями хорошо иллюстрируют региональные партийные секретари СССР, которые не ликвидировали патрональные сети, а культивировали их в качестве центральных акторов. Как объясняет Хейл, «региональные <...> партийные секретари, знаменитые „советские префекты“ <...> были незаменимым ядром в наиболее важных сетях, создавая и развивая огромные массивы неформальных отношений со всеми, кто готов обмениваться услугами, когда возникает такая необходимость»[1]. Как показывает приведенный пример, даже неформальные **сети возникали в рамках формальной структуры**, которая определяла, кто имеет доступ к власти и ресурсам в системе. Важность патронажа, которая обеспечила ему долгую жизнь, заключалась в том, что люди при коммунистических режимах стремились преодолеть товарный дефицит, который был системным последствием бюрократической координации в экономике[2].

Если говорить об **элитах**, то, как и в феодальную эпоху, **их формальным отношениям** была присуща большая степень **неформальности**. Как объясняет Алена Леденёва, в СССР «личные связи стали частью институционального порядка, они индивидуализировали и поддерживали власть. <...> В советское время устные и личные приказы были гораздо важнее и исполнялись намного более строго, чем письменные указы и распоряжения <...>. Примат неформальных устных приказов и неофициальных договоренностей отражал слабость законов, [а также] кулуарную секретность и недоверие»[3]. Однако следует отметить, что эти **неформальные отношения формировались внутри формальной сети**, то есть между

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 53. Такой обмен услугами обозначался в Советском Союзе термином «блат» [▸ 5.3.5].

2 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 257–280 и др.

3 *Ledeneva A.* Can Russia Modernise?: Sistema, Power Networks and Informal Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 30.

официальными членами номенклатуры и в соответствии с бюрократической иерархией партии. При изучении партийных конфликтов и различий в уровне власти между теми, кто формально находится на властных позициях одинакового уровня, классическая «советология» не может игнорировать тот факт, что само наличие неформальной власти возможно только внутри формальной партийной структуры, поскольку, не будучи членом политического комитета, никто не может осуществлять реальную власть и влиять на принятие решений[1].

• ***Номенклатура (бюрократические патронально-клиентарные сети).*** В новой правящей элите патронально-клиентарные отношения также приняли бюрократическую форму. Она представляла собой пирамидальную патрональную сеть, так называемую **номенклатуру**, в которую вошли все принимающие решения вышеупомянутые лица, члены марксистско-ленинской партии, от политбюро до директоров предприятий. Другими словами, номенклатура была реестром руководящих должностей, как партийных (принимающих политические решения на национальном и местном уровнях), так и административных (принимающих решения в государственных компаниях и других учреждениях, работающих согласно генеральному плану)[2].

Так, трансформация феодальных патронально-клиентарных отношений в бюрократические показывает, как коммунисты, утверждавшие, что положили конец феодализму, сами опирались на феодальные традиции. В царские времена в Табеле о рангах, учрежденном Петром Великим в 1722 году[3], было установлено два типа дворянства: потомственное и личное.

1 Поздний пример анализа внутри данной дисциплины см.: *D'Agostino A.* Soviet Succession Struggles: Kremlinology and the Russian Question from Lenin to Gorbachev. Boston; London: Routledge, 1989.

2 *Voslensky M.* Nomenklatura: The Soviet Ruling Class. Garden City: Doubleday, 1984.

3 *Lieven D., Perrie M, Suny R.* The Cambridge History of Russia. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 223–250.

Личное дворянство находилось в более низком положении по отношению к потомственному, поскольку у первых не было права иметь поместье и крепостных, а их дети не могли наследовать дворянский титул (так как оно не было наследственным)[1]. В целом коммунистический режим продолжил логику Табеля о рангах, но главное отличие заключалось в том, что упразднение частной собственности положило конец потомственному дворянству. В то же время появилось новое личное дворянство, также без права накапливать богатство и передавать наследникам свое положение в виде членства в номенклатуре.

На протяжении всей книги мы подробно описываем **институциональные последствия** коммунизма[2]. На этом этапе мы можем в общих чертах представить их следующим образом:

• ***Государственная монополия на собственность***. Отмена частной собственности в пользу государственной подразумевает **бюрократическое слияние власти и собственности**, а принятие решений о правах собственности сосредоточено в руках чрезмерно разросшегося бюрократического аппарата. В этой структуре вместо традиций и более неформальной дискреционности права собственности определяются номенклатурой: на высшем уровне — политбюро или генеральным секретарем; на промежуточном уровне — региональными или муниципальными партийными секретарями; на самом низком уровне — директорами заводов и различных организаций[3].

Хотя ни одна из коммунистических диктатур не имела полной монополии на собственность, доля государственного сектора была чрезвычайно высока во всех коммунистических странах. В 1970-х и 1980-х годах она составляла 99,7% в Болгарии,

1 *Sz. Bíró Z.* Az Elmaradt Alkotmányozás. P. 186–200.

2 См. Главы 2–6. Также см.: *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 88–156.

3 *Nureev R.* Power-Property as a Path-Dependence Problem: The Russian Experiance // Paper presented at the 24th Annual Conference of the European Association for Evolutionary Political Economy (EAEPE). Krakow, 2012.

97% в Чехословакии, 96% в Советском Союзе, 95,5% в Румынии, 83,4% в Польше и 77,6% в Китае[1]. Эти данные свидетельствуют о сходстве стран, находящихся по разные стороны цивилизационных границ, а не об их различиях, что говорит об унифицирующей природе «политического колпака» однопартийной диктатуры и государственной собственности, который «примерили на себя» страны из разных цивилизаций.

• ***Общество как достояние партии.*** Как утверждает Корнаи, фактическая государственная монополия была необходима коммунистам, потому что «безраздельная власть и сопутствующий ей тоталитаризм несовместимы с той самостоятельностью, которую порождает частная собственность»[2]. Поскольку такая самостоятельность была ликвидирована, напрашивается вывод, что классический коммунистический режим воспринимал общество как собственность партии, то есть членов государственного аппарата. Таким образом, его можно назвать **бюрократизированной версией патримониализма**, когда подданные вместо прихотей сеньора подчинялись (идеологическим) целям партии. В таких обстоятельствах «[только] те, кто вступили в ряды коммунистической партии, имели возможность подняться на вершину социальной иерархии. Только те, чья лояльность к политическому лидеру и чье марксистско-ленинское мировоззрение не вызывали сомнения, могли достичь успеха. <...> Социальную структуру классического сталинизма можно описать, с известной долей точности, как дихотомию с доминантным, подобно кастовому, правящим сословием, противостоящим относительно иммобилизованной, пассивной „массе“. <...> Его сплоченность и авторитет основывались на отношениях патрон-клиент»[3].

1 *Pei M.* From Reform to Revolution: The Demise of Communism in China and the Soviet Union. Cambridge; London: Harvard University Press, 2009.

2 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 390.

3 *Селеньи И., Эял Г., Тоунсли Э.* Построение капитализма без капиталистов. С. 40–41.

Последнее предложение приведенной выше цитаты указывает на связь между двумя типами структур управления. Тот факт, что номенклатура состояла из лиц, принимающих решения, уже свидетельствует о том, что **бюрократическая патронально-клиентарная сеть и бюрократическая сторона коммунизма** укрепляли и подпитывали друг друга. Что касается социальных структур, то **государственная монополия и формальные сети также шли рука об руку**, поскольку частная собственность повлекла бы за собой уровень самостоятельности, несовместимый с тоталитарным переустройством общества, которое претворяли в жизнь бюрократические сети партийного государства.

1.4.2. Влияние коммунизма на разделение сфер в разных регионах

В Тезисе А мы утверждали, что в странах возможно установление тех режимов, которые предполагают такой же уровень разделения сфер социального действия, что и их акторы. Однако мы также упомянули, что этот «эффект колеи» можно преодолеть, проложив новый путь, и это возможно, если новый режим способен создать эффективные механизмы, позволяющие уберечь его от распада. Анализируя коммунистический опыт, мы можем утверждать, что одним из таких механизмов были репрессии, ставшие неотъемлемой частью коммунистических диктатур. То есть **структуры, представленные на Схеме 1.3, сохранились в каждой из стран, где они укоренились до распада Советского Союза.** Более того, агрессивно навязанное слияние сфер социального действия сказалось и на ранее существовавших уровнях разделения этих сфер в регионе. В целом можно сказать, что «колпак» **коммунизма «повернул вспять» разделение сфер социального действия в западно-христианском историческом регионе и полностью остановил этот процесс в православном**

регионе. В Китае и исламском историческом регионе установление коммунистических диктатур означало, что **отсутствие разделения сфер приобрело новые формы**[1]. Это подразумевает, что коммунизм в упомянутых цивилизациях был не прокладыванием своего пути, а режимом, который предполагал тот же уровень разделения сфер, что и находящиеся у власти люди. Однако здесь картина немного отличается, (1) так как коммунистическое слияние сфер носило антирелигиозный характер, то есть преследовало цель подавить ислам и в официальной пропаганде заменить «религиозные суеверия» на «научный марксизм» [▸ 3.5.3.1], и (2) так как в Китае, представлявшем собой единое цивилизационное ядро по отношению к трем историческим регионам, в 1970-х годах произошла смена режима, и диктатура поменяла свой характер с коммунистического на то, что мы называем «использованием рынка» [▸ 5.6.2.2–3].

Однако **коммунистические диктатуры не были идентичны во всех трех исторических регионах**, и, соответственно, их влияние на существовавшее ранее разделение сфер различалось. **В государствах, входивших в состав Советского Союза**, а также в Албании, Болгарии и Македонии **можно было наблюдать** один из типов коммунизма, который обозначался в литературе как «**патримониальный коммунизм**»[2]. По словам Валентины Димитровой-Грейзл и Эстер Шимон, этот тип коммунизма характеризуется «низким бюрократическим профессионализмом и, следовательно, высоким уровнем коррупции и непотизма, ограниченными возможностями для борьбы, малой экономической свободой или полным ее

1 *Boisot M., Child J.* From Fiefs to Clans and Network Capitalism: Explaining China's Emerging Economic Order // Administrative Science Quarterly. 1996. Vol. 41. № 4. P. 600–628.

2 *Kitschelt H., Mansfeldova Z., Markowski R., Tóka G.* Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 21–28.

отсутствием, большим количеством ограничительных мер, активной изоляционистской политикой и отсутствием доступа к Западу»[1]. Такие режимы наилучшим образом соответствуют нашей предыдущей модели коммунистических структур, поскольку там формальные бюрократические государственные структуры были пронизаны обширными иерархическими сетями во главе с патронами, которые в искусной борьбе за власть осуществляли покровительство и избирательно применяли наказания, чтобы сдерживать как элиту, так и массы.

За пределами Советского Союза появились другие виды коммунизма. В частности, ученые различают «национально-адаптивный» и «авторитарно-бюрократический» коммунизм, которые отличаются от патримониального коммунизма тем, что тирания в них поддерживается посредством более «профессиональной» бюрократии[2]. Такие формально-рациональные типы коммунизма развивались в Центральной и Восточной Европе, прежде всего в Чехословакии, Восточной Германии, Польше, Венгрии и Югославии[3].

Само собой разумеется, что формально-рациональный характер этих режимов мог с легкостью допускать патримониализм, и в те моменты, когда это происходило, эти коммунистические политические системы переживали патримониальный упадок. Тем не менее именно формальная рациональность привела к появлению **реформированных моделей** коммунизма в Европе. В своем сравнительном анализе Лайош Бокрош отличает классическую («сталинскую») модель от двух других: **венгерской и югославской**. В то время

1 *Dimitrova-Grajzl V., Simon E.* Political Trust and Historical Legacy: The Effect of Varieties of Socialism // East European Politics and Societies. 2010. Vol. 24. № 2. P. 206–228.

2 *Kitschelt et al.* Post-Communist Party Systems. P. 24–27.

3 *Hale H.* Patronal Politics. P. 59. Следует отметить, что Югославия содержала в себе элементы каждого исторического региона: западное христианство в Словении и Хорватии, православие в Сербии и Черногории и ислам в Косово и части Боснии.

как классическая модель характеризуется «исключительной государственной собственностью на большинство, если не на все, несельскохозяйственных средств производства», венгерская модель характеризовалась лишь доминированием государственной собственности. В Венгрии после 1968 года некоторым мелким собственникам позволялось владеть частной собственностью, и даже права собственности в определенной степени были защищены, поскольку коммунистическое руководство признало частный сектор как «неизменную черту социалистической экономики». Что касается югославской модели, ее характерной особенностью было то, что большинство предприятий «теоретически принадлежали коллективам работников», которые получили права на самоуправление в 1950-х годах[1]. **Обе модели были нацелены на смягчение жесткости режима, который стал следствием бюрократической координации в экономике** и соответствовал формально-рациональному характеру коммунизма.

Последствия различных типов коммунистических систем в трех исторических регионах проиллюстрированы в Таблице 1.2, показывающей наследие патронализма в каждой стране после окончания эпохи коммунизма. Страны, принадлежащие к западно-христианской цивилизации, особенно те, которые дальше продвинулись в плане разделения сфер и представляли формально-рациональные типы коммунизма (такие как Чехия, Венгрия и Польша), попали в категорию «наименее патроналистских». Единственным исключением здесь является Словакия, которой была присвоена «умеренно патроналистская» категория, но словацкий патронализм даже при максимально авторитарном Владимире Мечьяре в конце 1990-х годов был очень далек от того патронализма, который был распространен в других исторических

1 *Bokros L.* Accidental Occidental: Economics and Culture of Transition in Mitteleuropa, the Baltic and the Balkan Area. Budapest; New York: CEU Press, 2013. P. 31–55.

Таблица 1.2: Наследие патронализма в конце коммунистической эпохи. Источник: Hale H. Patronal Politics. P. 60.

Наиболее патроналистские	Албания, Армения, Азербайджан, Беларусь, Болгария, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Македония, Молдова, Румыния, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина, Узбекистан
Умеренно патроналистские	Эстония, Латвия, Литва, Сербия, Словакия
Наименее патроналистские	Хорватия, Чехия, Восточная Германия (ГДР), Венгрия, Польша, Словения

регионах[1]. К умеренно патроналистским странам мы также относим (1) прибалтийские страны, которые сочетают в себе меньшую цивилизационную склонность к патронализму («унаследованную» от западного христианства) и более патримониальную коммунистическую тиранию (следствие десятилетий, проведенных при советском коммунизме)[2], и (2) Сербию, которая, наоборот, сочетала в себе цивилизационную склонность к патронализму (из-за принадлежности к православию) с менее патримониальным коммунизмом (так как представляла собой видоизмененную модель коммунизма за пределами Советского Союза). В заключение можно заметить, что **чем дальше мы углубляемся в историю православной и исламской цивилизации, тем меньше разделение между правителями и их объектами владения** (если использовать категории Вебера)[3]. Эти общества породили патримониальные коммунистические режимы, и, соответственно, они более других несут в себе патроналистское наследие коммунистического правления.

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 460–461. Также см.: *Bunce V., Wolchik S.* Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 59–78.

2 *Greenslade G.* Regional Dimensions of the Legal Private Economy in the USSR. Berkeley: University of California Press, 1980.

3 *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 270.

1.5. ТЕЗИС D

Демократия не повлияла на уровень разделения сфер

1.5.1. Базовая структура отсутствия разделения сфер при демократических режимах

В некоторых посткоммунистических странах диктатура продолжала существовать. В частности, Китай сохранил однопартийную систему, которая остается номинально коммунистической даже сегодня. Однако поскольку это больше не коммунистическая диктатура, мы рассматриваем ее как «посткоммунистическую», и лучше всего ее можно представить как еще один идеальный тип режима (см. ниже). Однако после падения Берлинской стены в 1989 году и распада Советского Союза в 1991 году **в странах трех исторических регионов произошел переход от коммунистической диктатуры к режимам с избирательным правом**[1]. Распад Советского Союза создал вакуум власти в регионе: освобожденные страны бывшей советской империи должны были построить новые политические системы, и очевидной ролевой моделью для этого была либеральная демократия западного типа. Бывшие коммунистические системы покончили с тоталитаризмом и бюрократической государственной собственностью, что означало историческую победу «Запада» над «Востоком». Отсюда возникла эйфория, называемая «концом истории».

И все же эта победа является актуальной лишь по отношению к **концу диктатуры и плановой экономике**. Следствием освобождения от тоталитаризма было не то, что страны повсеместно переняли западные принципы, а то, что цивилизационные свойства стали оказывать на них более прямое

[1] *Хантингтон С.* Третья волна модернизации. С. 42–45.

и не ограничиваемое ничем влияние. Таким образом, как только исчез репрессивный политический колпак коммунизма, режимы начали активно проявлять свою сущность в разных формах и регионах, а также под разным влиянием. Эта мысль подводит нас к заключительному тезису D, воспроизводящему аргумент жестких структур.

Тезис D. *После распада Советского Союза смена режима означала изменение формального институционального устройства, но не неформального представления всех акторов о разделении сфер социального действия. Либеральная демократия стала возможна только в тех странах, где неформальное представление акторов о трех сферах социального действия заключалось в их отделении друг от друга (тезис A). Чем больше неразделенных сфер появлялось в связи с цивилизационной принадлежностью стран (тезис B) и влиянием на них коммунистических режимов (тезис C) на уровне акторов, тем больше патрональных режимов устанавливалось. На то, становился ли режим демократическим / мультипирамидальным или автократическим / однопирамидальным, как правило, влияли два фактора: (1) наличие или отсутствие президентской власти и пропорциональной избирательной системы и (2) наличие или отсутствие западных связей и рычагов влияния.*

Наш общий посыл заключается в том, что на уровне акторов **степень разделения сфер социального действия жестко закреплена в обществе: она не может легко измениться** сама по себе, без целенаправленного вмешательства или последовательных реформ. Естественно, элементы каждой цивилизации, такие как религия или ее роль в самоопределении личности, могут меняться[1]. Национальная идентичность также

1 *Hale H.* Civilizations Reframed: Towards a Theoretical Upgrade for a Stalled Paradigm // Medeniyet Araştırmaları Dergisi / Journal of Civilization Studies. 2014. № 1. P. 5–23.

претерпела огромные изменения после распада советской империи, заставив ученых признать, что посткоммунистические изменения режима выглядели как «тройной транзит», выражавшийся не только в перераспределении благ (экономика) и создании конституции (политика), но и в новой национальной принадлежности (идентичность)[1]. Но степень разделения сфер в силу исторических обстоятельств менялась медленно. Формальные институты могут влиять на уровень разделения сфер в долгосрочной перспективе, как это произошло на Западе и не только[2], но людей нельзя изменить, просто установив для них новый формальный институциональный режим. Напротив, именно люди «заселят» эти институты, и если их понимание разделения сфер отличается от институционально предписанного, **неформальная интерпретация формальных институтов одержит верх в политической системе**[3]. Действительно, влияние навязанных сверху коммунистических диктатур оказалось очень стойким, но главным образом из-за их агрессивного и всепроникающего характера, форсирования в обществе идеологической программы слияния сфер и поддержания ее в течение десятилетий[4]. Но даже здесь мы можем наблюдать, что если коммунистический режим захватывает общества, которые далеко продвинулись в плане разделения сфер социального действия, часть более раннего цивилизационного наследия впоследствии играет свою роль, несмотря на то, что общее

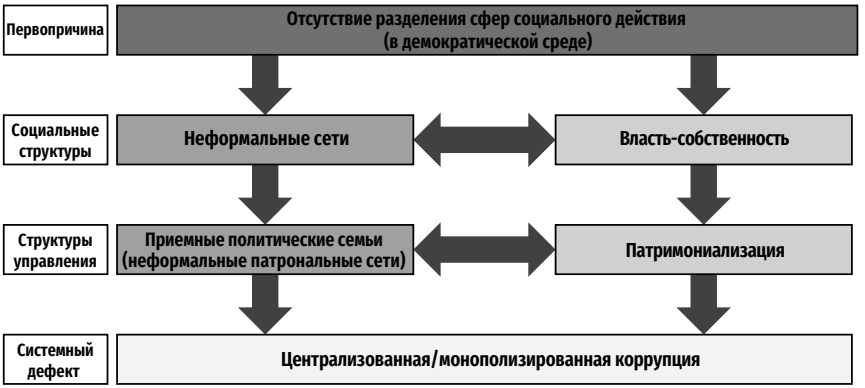
1 *Offe C.* Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research. 1991. Vol. 58. № 4. P. 865–892.

2 *Stefes C.* Historical Institutionalism and Societal Transformations // The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 95–105.

3 *Sztompka P.* The Sociology of Social Change. Oxford, UK; Cambridge, Mass: John Wiley & Sons, 1993; *Elster J., Offe C., Preuss U.* Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1998.

4 *Pop-Eleches G., Tucker J.* Communism's Shadow: Historical Legacies and Contemporary Political Attitudes. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2017.

Схема 1.4: Схематическое изображение эффекта жестких структур. Темно-серый цвет обозначает первопричину, обычный серый — вытекающий из нее тип личных отношений, светло-серый — институциональные последствия, а самый светлый серый — системный дефект, вытекающий из двух последовательностей

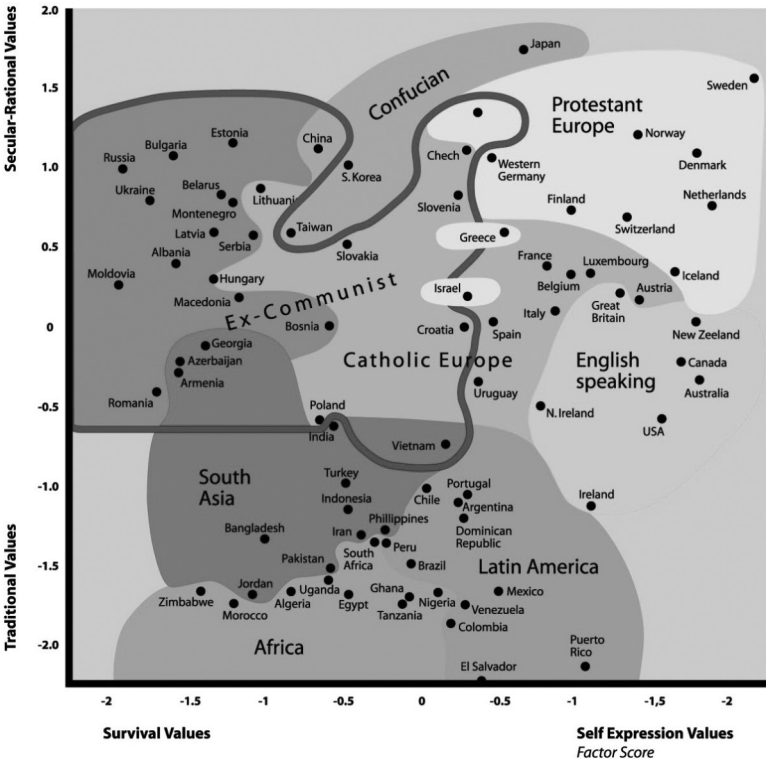


регрессивное влияние коммунизма неоспоримо. Примером тому служат прибалтийские страны: почти пять десятилетий советской оккупации не смогли уничтожить их западно-христианские корни и превратить их в патроналистские страны, такие как Россия и православные государства-правопреемники. Нахождение их в составе Советского Союза не привело к ассимиляции в православную цивилизацию[1].

На Схеме 1.4, как и на двух предыдущих, мы можем представить в виде ряда взаимосвязанных явлений, какие базовые структуры возникли в результате объединения социальных и управленческих структур, существовавших до смены режима, с формальными институтами после смены режима. Отправной точкой является отсутствие разделения сфер, которое существовало в формально-демократической среде. Это не означает, что посткоммунистическое развитие сразу привело к появлению образцово-либеральных демократических институтов. Произошло как раз обратное: посткоммунистические страны попытались перенять и официально

1 *Tiido A.* Where Does Russia End and the West Start? // The «Clash of Civilizations» 25 Years On: A Multidisciplinary Appraisal. Bristol: E-International Relations, 2018. P. 98–111.

Схема 1.5: Культурная карта мира, созданная на основе данных четвертой волны Всемирного обзора ценностей (1996 год) с обведенными контуром поскоммунистическими странами. К традиционным ценностям принадлежат религия, почтение к власти, традиционные семейные ценности. Секулярно-рациональные ценности подразумевают меньшее внимание к религии, традиционным семейным ценностям и авторитету. К ценностям самовыражения относятся защита окружающей среды, толерантность, запрос на участие в политической и экономической жизни, а к ценностям выживания — экономическая и физическая безопасность. Источник: WVS Database — Findings and Insights. 23.10.2018. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp.



утвердить западные институты, включая многопартийные выборы, конституционное разделение ветвей власти и юридическое признание системы свободного предпринимательства (а также прав человека). И все же вопрос заключается в том, **сопровождался ли демократический прорыв антипатрональной трансформацией или нет** [▸ 7.3.4]. Нижние рамки на Схеме 1.4 в идеальном виде представляют, чем оказались

формальные институты в отсутствие антипатрональной трансформации, то есть в условиях, когда на уровне акторов рудиментарное разделение сфер или его полное отсутствие преобладали. Таким образом, она показывает, как унаследованные социальные и управленческие структуры зажили своей жизнью, освободившись от давления бюрократической махины коммунистических систем.

После исчезновения коммунистических бюрократий, которые сформировали **личные связи** задолго до смены режима, эти связи начали действовать в новых институциональных рамках:

• ***Неформальные сети.*** Как в феодальную, так и в коммунистическую эпоху отсутствие разделения сфер социального действия и формальное институциональное устройство дополняли друг друга. До появления коммунистических режимов феодальные институты (включая государство и церковь) подпитывали картину мира доиндустриального общества, тогда как коммунистическая бюрократия явно и открыто объединяла сферы социального действия и соответствующим образом управляла людьми. Так, в политических системах, существовавших до смены режимов, доминировали формальные институты, а неформальные отношения, хотя и были важны, возникали либо внутри формальных иерархий (как среди феодальных сеньоров), либо формировались на основании формального статуса и полномочий соответствующих лиц (как в случае коррупционных сетей, также известных как «блат», которые возникали вокруг распределителей благ в коммунистическую эпоху [► 5.3.5])[1]. **После смены режима вновь созданные институты**, представляющие разделение сфер социального действия, разошлись с **социальной реальностью**. Это хорошо демонстрирует культурная карта Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля за 1996 год, представленная на Схеме 1.5[2]. Ось ценностей

[1] *Ledeneva A.* Russia's Economy of Favours.

[2] База данных Всемирного обзора ценностей. Результаты и выводы.

выживания и самовыражения можно также представить как ось закрытых и открытых обществ, то есть обществ, которые в меньшей или в большей степени похожи на либеральные демократии западного типа. Как мы видим, все западные демократии расположены в правой половине карты, ближе к краю оси самовыражения, тогда как все посткоммунистические страны расположены в левой половине карты, ближе к краю оси выживания.

Поскольку укоренившиеся социальные структуры превалировали над культурно чуждыми стандартами либеральной демократии, формальные институты систематически обходились стороной, а иногда трансформировались в соответствии с неформальным социальным контекстом. Таким образом, **доминировали** либо сами **неформальные институты,** либо их вышеупомянутая неформальная интерпретация. На уровне обычных людей это проявлялось в широко распространенной коррупции[1] и отсутствии доверия к формальным институтам, которые, как правило, не могли даже развиться до такой степени, чтобы люди могли начать им доверять[2]. На уровне элит превалирование неформальности означает, что формальные (государственные или партийные) должности сами по себе являются вторичными, и именно положение в неформальных сетях определяет реальную власть[3]. Как утверждает Владимир Гельман, мы можем видеть «уверенное доминирование неформальных институтов как на уровне принятия государственных решений, так и в повседневной жизни простых граждан»[4].

1 *Karklins R.* The System Made Me Do It: Corruption in Post-Communist Societies. New York: M.E. Sharpe, 2005.

2 *Kornai J., Rothstein B., Rose-Ackerman S.* Creating Social Trust in Post-Socialist Transition. Political Evolution and Institutional Change. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2004.

3 *Hoffman D.* The Oligarchs: Wealth And Power In The New Russia. New York: Public Affairs, 2011.

4 *Gel'man V.* Post-Soviet Transitions and Democratization: Towards Theory-Building // Democratization. 2003. Vol. 10. № 2. P. 87–104.

Это особенно заметно в православном и исламском исторических регионах в целом (Тезис B) и в странах, которые десятилетиями жили при советском патримониальном коммунизме в частности (Тезис C). По словам Гусейна Алиева, «в отличие от неформальности центральноевропейских и балканских посткоммунистических обществ постсоветские неформальные институты и практики были более распространены, более значимы для населения и более тесно связаны с политической и социокультурной сферами. <...> В большинстве бывших советских республик, не относящихся к прибалтийским странам, неформальность являлась не только частью общественной жизни, но и формировала незаменимые сети социальной защиты, а также служила механизмом ежедневного выживания, одинаково важным для экономики, политики, гражданской солидарности и межличностных отношений. Согласно опросу „Жизнь в переходный период“ <...>, более 60% постсоветских семей в настоящее время опираются на неформальные личные сети социальной поддержки. Тогда как в постсоциалистических странах Центральной Европы и Балканского полуострова на них опираются лишь 30 и 35% семей, соответственно»[1].

• ***Приемные политические семьи (неформальные патрональные сети).*** Одним из следствий описанного в предыдущем пункте (а также патронального исторического багажа стран, упомянутого выше в связи с Таблицей 1.2) является то, что патронализм, который реализовывался через формально-навязанные отношения, а также феодальное и бюрократическое подчинение выходит далеко за пределы любого отдельного формального института в условиях демократии. Другими словами, неформальные сети берут под свой контроль формальные институты и используют их в качестве фасадов,

1 *Aliyev H.* Post-Soviet Informality: Towards Theory-Building // International Journal of Sociology and Social Policy. 2015. Vol. 35. № 3–4. P. 187. Также см.: Life in Transition: After the Crisis. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2011.

тогда как **статус внутри неформальной патрональной сети не обязательно совпадает с формальными административными должностями**. Власть при этом основана на слиянии политических и экономических ресурсов (то есть на власти-собственности), а также на **положении, которое занимает актор в пирамидальной иерархической цепочке управления неформальной патрональной сетью**.

Такую сеть можно еще назвать «приемной политической семьей». Она представляет собой особую патрональную сеть, которая **сохраняет свое единство** не за счет формальных институциональных иерархий, таких как феодализм или номенклатура, но **за счет неформальных родственных и квазиродственных отношений, а также персональной лояльности главному патрону** (в соответствии с культурными особенностями патриархальных семей [▸ 3.6]). Иными словами, «существует иерархия отношений элиты, в которой представители небольших групп и властной элиты знают друг друга лично благодаря прямому личному контакту и опыту взаимодействия. Эти элитарные круги сплетены воедино: все лица из элиты знакомы и связаны с другими представителями элиты, стоящими в социальной иерархии выше и ниже». Эта иерархия также «сильно централизована пирамидальной структурой с вертикалью власти, исходящей от <...> двора»[1]. Описывая приемные политические семьи как «кланы» [▸ 3.6.2.1], Кэтлин Коллинз объясняет, что «клановые нормы требуют высокой лояльности и покровительства клану, [и] эти нормы могут вступать в противоречие с особенностями современного бюрократического государства. Кланы видят в государстве патрона и источник ресурсов <...>. Члены клана, имеющие доступ к государственным институтам, покровительствуют своим родственникам, распределяя рабочие места на основе клановых связей, а не заслуг. Клановые

[1] *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 91.

элиты крадут государственное имущество и направляют его в свою сеть. <...> Политика кланов является закрытой, изолированной и непрозрачной»[1].

Смена режима, помимо того, что позволила выжить обществам, которые через нее прошли, также осуществила трансформацию унаследованных **институциональных структур**:

• ***Власть-собственность.*** Ликвидация монополии государственной собственности при посткоммунистических режимах происходила по-разному. В большинстве из них в результате **приватизации** доля частного сектора в ВВП к 2000-м годам составляла от 60 до 80%[2]. Однако если на Западе приватизация — это рыночная операция, создающая альтернативный способ инвестиций для богатых слоев населения, в посткоммунистических режимах она **была нацелена на то, чтобы создать класс собственников**[3]. Так, волны приватизации, которые накрывали эти страны, не всегда представляли собой прозрачный, законный процесс[4]. В Главе 5 мы рассмотрим формы приватизации и то, как она влияет на выживание элиты [▸ 5.5.2]. Пока же мы обозначим это явление получившим широкое распространение в 1990-е годы термином «прихватизация», который намекает на произвольный, агрессивный характер процесса[5].

1 *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 52–53.

2 *Lane D.* Post-State Socialism: A Diversity of Capitalisms? // Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries. P. 13–39.

3 *Szelényi I.* Capitalisms After Communism // New Left Review. 2015. Vol. II. № 96. P. 39–51.

4 Примеры см.: *Hale H.* Patronal Politics. P. 95–115; *Kryshtanovskaya O., White S.* From Soviet Nomenklatura to Russian Elite // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. № 5. P. 711–733.

5 *Granville J.* «Dermokratizatsiya» and «Prikhvatizatsiya»: The Russian Kleptocracy and Rise of Organized Crime // Demokratizatsiya. 2003. Vol. 11. № 3. P. 449–458; *Wedel J.* Corruption and Organized Crime in Post-Communist States: New Ways of Manifesting Old Patterns // Trends in Organized Crime. 2001. Vol. 7. № 1. P. 3–61.

В коммунистических режимах государственная собственность была частью политического органа, а значит, принадлежала номенклатуре и управлялась ею. В результате того, что работа носила административный характер, члены номенклатуры распоряжались этой собственностью скорее как бюрократы, чем как частные владельцы. В ходе приватизации, сопровождавшей смену режима, политическая и экономическая сферы были разделены только внешне [▸ 5.5.2]. Политическая сфера не только назначала и обеспечивала первых частных собственников. Политические акторы, используя экономические рычаги, держали друг друга в определенном смысле в заложниках: в постсоветских автократиях экономика с центральным планированием не превращалась в рыночную экономику западного типа, но склонялась по мере транзита все ближе и ближе к «реляционной экономике» (*relational economy*) [▸ 5]. Система **власти-собственности** была воспроизведена в новой форме, **где экономическая власть невозможна без политической** (или, по крайней мере, без обладания небольшим куском политического пирога[1]), а **политическая власть бессмысленна без экономического веса**[2].

• ***Патримониализация.*** В докоммунистический период **рудиментарное или полностью отсутствующее разделение сфер социального действия** приводило к патримониализму в феодальных институтах. То же можно сказать и о наследии коммунистических времен, которое **привело к патримониализации недавно созданных демократических институтов**. Как пишет Александр Фисун, в России транзит был «процессом прямого патримониального присвоения правящими элитами (партия / руководство; номенклатура второго

1 Мара Фаччио подсчитала, что компании, имеющие политические связи, составляют 7,7% от общей капитализации мирового фондового рынка, тогда как в России доля таких компаний составляет 86,7%. См.: *Faccio M.* Politically Connected Firms // American Economic Review. 2006. Vol. 96. № 1. P. 369–386.

2 *Åslund A.* Russia's Crony Capitalism.

и третьего эшелонов; региональные республиканские элиты более низкого ранга) аппарата государственного контроля. <...> Этот процесс трансформировал элементы патримониального господства полутрадиционного типа, существовавшего в недрах советского режима, в систему обновленного и „модернизированного" неопатримониализма, в которой <...> патримониальные отношения утрачивают свой традиционалистский характер и приобретают современное экономическое измерение. <...> Возникшая неопатримониальная система <...> стимулировала развитие постсоветского политического капитализма и наделила демократические механизмы неопатримониальной логикой, в которой акторы руководствуются в большей степени финансовыми стимулами вроде получения ренты и в меньшей степени — традиционными или идеологическими мотивами»[1].

В посткоммунистических режимах, для которых типично использование власти в личных интересах (другими словами, **коррупция**), эти феномены не являются ни случайно сопутствующими, ни нежелательными. Напротив, они **представляют собой неотъемлемую часть режима** [▸ 2.4, 5.3]. Из таких **системных дефектов** вытекают социологически обоснованные структуры управления: патримониализация, с одной стороны, и неформальные патрональные сети — с другой. Иными словами, в этих структурах управления можно обнаружить совершенно новый уровень коррупции, который превосходит коррупцию свободного рынка, случайную и индивидуальную в своем проявлении, а также представляет собой нечто большее, чем присвоение государства, в котором участвуют преступные или олигархические группы и государственные функционеры низшего или среднего уровня. Когда неформальные патрональные сети патримониализируют государственные институты, которые также тесно связаны

1 *Fisun O.* Neopatrimonialism in Post-Soviet Eurasia. P. 85.

с посткоммунистической экономикой и отношениями собственности, государство не борется с **коррупцией** и не рассматривает ее как отклонение от нормы. Напротив, **она монополизируется и управляется централизованным образом**. Если отдельная приемная политическая семья получает коррупционную монополию на национальном уровне, такое положение дел можно назвать «мафиозным государством», то есть государством, узаконивающим полномочия, которыми наделяется патриархальный глава приемной семьи, то есть мафии, на уровне страны[1]. В мафиозном государстве акты коррупции делятся на санкционированные и несанкционированные нелегитимные действия, и от решения главного патрона или лояльности его клиентов зависит, против кого будут применяться законы, а кто будет наслаждаться безнаказанностью [▸ 3.6.3, 4.3.4].

Прежде чем начать рассматривать особенности демократизации в разных регионах, возможно, будет полезно проиллюстрировать три идеальных типа одним **примером**. Трансформацию патрональных сетей легче всего проследить **на примере России**, где до Февральской революции 1917 года царь обладал всей полнотой власти, а элита его патрональной сети была сформирована из служилых дворян и аристократии (Таблица 1.3). Революции 1917 года в конечном счете породили новый вид патрональной сети с генеральным секретарем партии во главе и партийной номенклатурой в качестве остальных участников. При президентской республике, которая установилась вслед за крахом коммунистического режима и стабилизировалась к концу 1990-х годов, элита патрональной сети принимает форму приемной политической семьи. Термин «правящая элита» является нейтральным выражением, которое само по себе не отражает ни ее

[1] Ср.: *Hobsbawm E.* Primitive Rebels. New York: W.W. Norton & Company, 1965. P. 30–56. Более точное определение мафиозного государства мы даем в Главе 2 [▸ 2.4.5].

Таблица 1.3: Официальная должность главного патрона, государственный орган, принимающий основные решения, и тип патрональной сети в России (Точные определения терминов из таблицы даны в Главах 2–3.)

	Официальная должность главного патрона (глава исполнительной власти)	**Ответственный государственный орган**	**Правящая элита как тип патрональной сети**	**Тип патронального государства**
до 1917	царь	двор	служилые дворяне, феодальное сословие	феодальное государство
1917–1991	генеральный секретарь партии	политбюро	номенклатура	государство-партия
после 2003	президент	двор патрона	приемная политическая семья	мафиозное государство

организационную структуру, ни отношения внутри элиты, ни даже ее легитимацию. Однако когда мы говорим о правящей элите патрональной сети, мы главным образом подразумеваем ее иерархическую природу.

В царской России члены правящей элиты входили в нее по признаку рождения, благодаря своему дворянскому титулу. Прерогативы элит воплощались в привилегиях индивида, принадлежащего к элитам. Принять кого-либо в этот круг было возможно, но никто не мог быть лишен этого статуса из-за отсутствия лояльности. Для неблагонадежных правоохранительная система предусматривала такие наказания, как лишение жизни, свободы или собственности, но не статуса. В случае коммунистической номенклатуры отношение было обратным: элита состояла из того, что можно было бы назвать безличным реестром должностей. Именно должность, а не статус человека имели здесь значение, и по прихоти генерального секретаря партии на ту же должность мог быть назначен другой человек. Тем не менее правящие элиты как царских, так и коммунистических патрональных сетей, формирующиеся по принципу личного статуса или безличного

реестра должностей, имели фиксированный свод правил для принятия в элиты и исключения из них. Совсем не так обстоят дела в случае с посткоммунистической неформальной патрональной сетью, созданной Владимиром Путиным к 2003 году в России, — пирамиды, в которой формальные и неформальные роли и позиции смешиваются в непрозрачной, не поддающейся отслеживанию конгломерации [▸ 7.3.3.5].

1.5.2. Однопирамидальные и мультипирамидальные системы: определяющие факторы демократизации в трех исторических регионах

Тот факт, что цивилизационная принадлежность и влияние коммунизма определили уровень разделения сфер социального действия, доминировавший после смены режима, не должен приводить к поспешным выводам. Мы не утверждаем того, за что теоретики модернизации часто упрекают Хантингтона: «отношения между экономикой, демократией и культурой являются <...> взаимно однозначными, четко определенными и устойчивыми»[1]. Действительно, даже в православном и исламском исторических регионах **само по себе присутствие структур, представленных на Схеме 1.4, определило лишь появление патрональных режимов, а не их демократический или автократический характер**[2]. Кроме того, **патрональный режим может быть «однопирамидальным»**, то есть иметь одну патрональную сеть, подчинившую себе, маргинализировавшую или ликвидировавшую все остальные

1 *Kollmorgen R.* Modernization Theories // The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 59.

2 В целом мы называем режимы, в которых явно присутствуют структуры из Схемы 1.4, «патрональными». Мы выделяем именно эту особенность из четырех, поскольку концептуализируем режимы, определяющими социальными акторами в которых являются правящие элиты [▸ 2].

сети; а также «**мультипирамидальным**», то есть допускающим конкуренцию множества примерно равносильных сетей, ни одна из которых не обладает достаточной властью, чтобы полностью доминировать над остальными [▸ 4.4][1]. К какой категории тяготели страны после краха коммунизма, двигаясь по своей «первоначальной траектории» [▸ 7.3.2], зависело главным образом от двух факторов: (1) наличия или отсутствия президентской власти и пропорциональной избирательной системы и (2) западных связей и рычагов влияния.

Первый фактор касается той версии формальных демократических институтов, которые возникли после смены режима. **Тип исполнительной власти** и **избирательная система** прямо влияли на то, сколько пирамид лягут в основу нового режима: одна или несколько. Несмотря на то, что изначально эти институты могли принимать случайные формы и иметь множество вариаций в зависимости от сделок элиты и политических возможностей во время смены режима[2], впоследствии их общий тип оказал глубокое влияние на структуру политической конкуренции. Это можно увидеть, если проанализировать политические системы, сложившиеся в странах, включенных в Таблицу 1.4, которая классифицирует режимы в зависимости от степени патронализма и типа исполнительной власти.

Эта таблица свидетельствует не только о том, что парламентская система имеет тенденцию противодействовать доминированию одной сети. Она также означает, что в отличие от президентской **система с разделенной исполнительной властью может предложить конкурирующим сетям больше институциональных возможностей для контроля друг над другом**, ведь они формируются вокруг позиций президента

[1] Хейл называет мультипирамидальную структуру «конфигурацией конкурирующих пирамид» (*competing-pyramid configuration*). См.: *Hale H.* Patronal Politics. P. 64–66.

[2] Об опыте Венгрии см.: *Széky J.* Bárányvakság: Hogyan Lett Ilyen Magyarország? [Дневная слепота: Как Венгрия стала тем, чем стала?]. Bratislava: Kalligram, 2015.

Таблица 1.4: Политическое устройство и патронализм в посткоммунистических странах с середины 1990-х годов Переработанный материал на основании работы: Hale H. Patronal Politics. P. 459. (Страны с прямыми президентскими выборами)*

Степень патронализма	Тип исполнительной власти		
	Президентское правление	**Разделенная исполнительная власть**	**Парламентаризм**
Высокая	Азербайджан*, Беларусь*, Грузия*, Казахстан*, Кыргызстан (до 2010*), Молдова (до 2000*), Россия*, Таджикистан*, Туркменистан*, Украина* (1991–2006; 2010–2014), Узбекистан*	Армения*, Украина (2006–2010*; 2014–*), Кыргызстан (2010–*), Молдова (2016–*), Румыния*	Албания, Болгария*, Венгрия (2010–), Македония*, Молдова (2000–2016)
Умеренная			Эстония, Венгрия (1998–2010), Латвия, Литва*, Сербия*, Словакия*
Низкая		Хорватия (до 2000*), Польша*	Хорватия (2001–*), Чехия (2012–*), Венгрия (до 1998), Словения*

и премьер-министра как ключевых фигур исполнительной власти, создавая тем самым более «демократические» условия. Тот факт, что, когда патрональная сеть стремится к доминирующей роли в политической системе с разделенной исполнительной властью, она, как правило, пытается перейти к президентскому устройству, не является случайным. И точно так же, когда такие попытки терпят неудачу, другие патрональные сети борются за восстановление разделенной исполнительной власти. Подобные процессы происходили в православных странах, таких как Украина [▸ 7.3.4.2], Молдова [▸ 7.3.4.4], Румыния [▸ 7.3.4.2].

Высокая степень патронализма и президентское правление неразрывно связаны с формированием однопирамидальных систем, и прямые выборы президентов воспринимаются как

данность. Это, однако, не означает, что там, где проводятся прямые президентские выборы, президентство обязательно становится ключевым институтом. Конституционное устройство может, например, обеспечить сильный мандат для президента, избираемого прямым голосованием, в то же время предоставляя ему лишь узкую сферу исполнительной власти. Мы можем говорить о реально действующей президентской системе, когда премьер-министр зависит не от парламентского большинства, а от президента. Между тем в странах, где исполнительная власть в значительной степени разделена между президентом и премьер-министром, существуют только прямые выборы президента. При парламентском устройстве препятствием для формирования однопирамидальных патрональных сетей служит в основном **пропорциональность избирательной системы**. Обычно она способна гарантировать, что ни один политический актор не получает конституционного большинства или исключительную возможность принимать решения о том, кто будет занимать должности в институтах, обеспечивающих систему сдержек и противовесов. В условиях непропорциональной избирательной системы монополия на власть может возникнуть даже при парламентских режимах, открывая путь для формирования однопирамидальной патрональной системы. Венгрии удавалось поддерживать демократию и избегать этой ситуации в течение двух десятилетий после смены режима, но в конечном счете она не смогла противостоять ни патрональной трансформации, ни автократическому сдвигу, который стал возможным благодаря непропорциональной избирательной системе, показавшей себя особенно ярко на выборах 2010 года [▸ 7.3.3.4].

Вторым фактором, влияющим на появление одно- либо мультипирамидальных структур, были **западные связи и рычаги влияния**, предоставлявшие различные стимулы для развития демократии в противовес авторитарному правлению (см. Текстовую вставку 1.3). Как пишет Хейл, логика патрональной

политики в странах, имеющих прочные связи с Западом, предполагает, что «западные акторы действительно могут проявить достаточную власть, чтобы изменить ожидания действующих и оппозиционных сетей относительно того, что нынешний лидер останется у власти после определенного срока. В [таких] странах прозападные силы также способны предоставлять внешнюю материальную поддержку и защиту активов в мере, достаточные для того, чтобы крупные сети не координировали свои действия в соответствии с полномочиями главного патрона. Все это способствует ослаблению тенденций однопирамидальной политики и, в более общем смысле, склонности к режимной петле»[1]. Действительно, каждый из трех исторических регионов — во-первых, западно-христианский регион с социалистическими странами за пределами Советского Союза, во-вторых, православный регион с европейскими государствами — бывшими республиками Советского Союза и, в-третьих, исламский регион с государствами — бывшими республиками Советского Союза в Центральной Азии — демонстрирует в этом отношении индивидуальные особенности и в разной степени стремился адаптироваться к институциональной системе либеральной демократии.

Текстовая вставка 1.3: Западные связи и рычаги влияния

[В странах, имевших] обширные связи с Западом, например в Восточной Европе и обеих Америках, конкурентные авторитарные режимы демократизировались в период после холодной войны. Эти связи увеличили риски для утверждения и поддержания авторитарного правления, повысив видимость автократических злоупотреблений в мире и вероятность ответных действий со стороны Запада, расширив число внутренних акторов, заинтересованных в предотвращении международной изоляции, и изменив баланс ресурсов и престижа в пользу оппозиции. Прочные связи создавали

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 457.

мощные стимулы для того, чтобы авторитарные правители выбирали отказ от власти, а не закручивание гаек в ответ на вызовы оппозиции. Они также создали стимулы для правительств-правопреемников к управлению в демократическом ключе. В странах, имевших прочные связи с Западом, <...> почти каждый транзит привел к демократии. Некоторые страны (например, Гайана, Македония и Румыния) приходили к такому результату даже тогда, когда внутренние условия для демократии были неблагоприятными. <...> Там, где связи с Западом были слабыми, как в большинстве <...> стран бывшего Советского Союза, внешнее демократизирующее давление было менее ощутимым. Следовательно, режим развивался, главным образом, в зависимости от внутренних факторов, например административных возможностей должностных лиц. Там, где государственные и/или правящие партии были хорошо организованы и сплочены <...>, должностные лица могли справляться с конфликтами элиты и препятствовать даже очень серьезным вызовам со стороны оппозиции <...>, и конкурентные авторитарные режимы выжили. <...> В этом контексте уязвимость государств перед западным демократизирующим давлением <...> часто была решающей. Там, где стратегическое или экономическое значение стран сдерживало внешнее давление (например, в России), <...> выживали даже относительно слабые режимы. Правительства тех стран, где западные рычаги влияния могли работать на полную, были более предрасположены к тому, чтобы сложить свои полномочия. В этих случаях смена власти создала возможности для демократизации. <...> Однако в <...> случаях, когда связи были слабыми <...>, низкая организованность власти была связана с нестабильным конкурентным авторитаризмом[1].

В западно-христианском историческом регионе бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы

1 *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 23–24.

(в настоящее время включая прибалтийские страны) после того, как **попали в цивилизационную область тяготения Европейского союза**, оказались связаны с экономиками государств — членов ЕС через бесчисленные каналы. Смена направления во внешней торговле уже началась к 1970-м годам и после падения режимов и переходного кризиса только усилилась. Распад Совета экономической взаимопомощи (*Comecon*) в 1991 году был лишь еще одним подтверждением того, что уже произошло на практике. Экономическая переориентация укрепилась еще сильнее после приватизации значительной части государственной собственности, в результате чего западный капитал оказался в выгодном положении повсюду (хотя и в разной степени). Последовавшее за этим расширение Европейского союза в период с 2004 по 2013 годы также охватило подавляющее большинство тех бывших социалистических стран, которые находились за пределами СССР, а также все те, которые исторически принадлежали к западной христианской цивилизации.

Предварительным условием для вступления в ЕС (а также в НАТО) было создание либерально-демократической институциональной системы. Поэтому единственным вопросом для этих стран было, кто победит во внутренней борьбе между импортированной и более или менее одомашненной западной институциональной системой, с одной стороны, и тем, что многие воспринимали как восточную культуру, усугубляемую коммунистическим прошлым, с другой. Оптимисты полагали, что недостатки в функционировании демократических институтов, соблюдении прав человека и управлении государственными финансами были лишь временными трудностями, с которыми можно было справиться через контроль со стороны институтов ЕС («кнут») и вожделенный доступ к ресурсам ЕС («пряник»). Казалось, что наиболее инфицированными с точки зрения традиционной коррупции странами были Румыния и Болгария, однако правительства этих стран раз за разом

подтверждали свою приверженность Евросоюзу и выполняли свои обязательства перед ним. Напротив, отход от демократии в целом [▸ 7.3.3] и венгерская автократия в частности бросают вызов тем европейским политикам, которые пытаются внедрить ценности ЕС в государство, которое его собственные лидеры считают «дойной коровой» [▸ 7.4.4.2, 7.4.6.2].

В православном историческом регионе для европейских советских республик смена режима означала лишь крах коммунистической структуры власти, за которым не последовало систематического развития либерально-демократических институтов, а возникли президентские республики, которые держали демократические институты на коротком поводке. Даже развитие президентского государственного устройства в некоторых случаях прерывалось или сопровождалось во время различных кризисов ослаблением государственной власти и появлением своего рода «олигархической анархии» в результате массовой приватизации [▸ 2.5]. Цивилизационное тяготение ЕС для них было слабым, и там, где оно имело место (например, в Молдове и Украине), оно скорее использовалось для защиты от предположительно вновь актуальной российской угрозы, связанной с желанием возродить империю, чем как попытка принять либеральные ценности ЕС.

Наконец, в **бывших советских республиках Центральной Азии посткоммунистические режимы никогда не входили в цивилизационную область тяготения западных либеральных демократий.** Таким образом, они создали свои собственные системы власти и продолжили двигаться по отдельной орбите. И все же было бы ошибкой описывать эти страны только с точки зрения их «недоработок» в отношении идеалов либеральной демократии. Мы должны признать наличие эффекта колеи или, точнее, тот факт, что существуют очень влиятельные, исторически сложившиеся ценностные структуры и цивилизационные модели, которые ограничивают возможности социально-политической трансформации.

1.6. ПОСЛЕ ГИБРИДОЛОГИИ

Режимы, расположенные в треугольном концептуальном пространстве

Мы не смогли бы отразить социальное и управленческое измерения, в которых жесткие структуры играют важную роль, если бы использовали традиционную ось гибридологии «демократия — диктатура», поскольку эта **условная ось уделяет главное внимание уровню безличных институтов, тогда как жесткие структуры, помимо этого, отражают также уровень личных связей**. Следовательно, для анализа посткоммунистических режимов такой двухмерный подход [▸ 7.3.4.1] необходим, поскольку только так мы можем рассматривать режим как явление, охватывающее политическую, экономическую и общинную сферы социального действия[1]. Иными словами, одномерный подход гибридологии способен отразить отсутствие разделения ветвей власти в политической сфере, но не отсутствие разделения сфер социального действия, которое (среди прочих факторов) к нему ведет.

Двухмерный подход позволяет **усовершенствовать направление гибридологии, вводя в него представление о жестких структурах**, то есть определить режимы идеального типа и развернуть концептуальное пространство для осмысления политических режимов в соответствии с этими идеальными типами. Наряду с нашими методами **наиболее подходящей для усовершенствования гибридологии** типологией в литературе о посткоммунизме **является концептуальный континуум Яноша Корнаи**[2]. Как мы упоминали во Введении, работа Корнаи отходит от парадигмы транзита, поскольку

[1] Определение «режима», которое мы используем в нашей книге, см. в Главе 2 [▸ 2.2.1].

[2] *Kornai J.* The System Paradigm Revisited.

Таблица 1.5: Первичные характеристики идеальных типов: демократия, автократия и диктатура. Источник: Kornai J. The System Paradigm Revisited. P. 38.

№	Демократия	Автократия	Диктатура
1	Правительство может быть распущено путем мирной и цивилизованной процедуры	Правительство не может быть распущено путем мирной и цивилизованной процедуры	Правительство не может быть распущено путем мирной и цивилизованной процедуры
2	Функционирование институтов, которые последовательно гарантируют прозрачность власти, хорошо налажено	Институты, которые должны последовательно гарантировать прозрачность власти, либо малоэффективны, либо создают лишь видимость работы	Институтов, которые должны последовательно гарантировать прозрачность власти, не существует
3	Существует парламентская оппозиция; на выборах в парламент баллотируется несколько партий	Существует парламентская оппозиция; на выборах в парламент баллотируется несколько партий	Парламентской оппозиции не существует; на выборы в парламент баллотируется только одна партия
4	Отсутствует террор (то есть крупномасштабные задержания, заключение в исправительно-трудовые лагеря и казни)	Отсутствует террор (то есть крупномасштабные задержания, заключение в исправительно-трудовые лагеря и казни), однако для оказания давления на политических противников периодически применяются различные методы (заключение в тюрьму по ложному обвинению или даже убийство по политическим мотивам)	Террор (крупномасштабные задержания, заключение в исправительно-трудовые лагеря и казни)

автор создает типологию институциональной системы посткоммунистических режимов, определяя демократию, автократию и диктатуру как отдельные идеальные типы[1]. При этом он предлагает два набора характеристик: первичные (Таблица 1.5) и вторичные (Таблица 1.6), которые находятся в иерархической, а также причинно-следственной связи друг

[1] Следом за Корнаи вместо термина «авторитаризм», широко распространенного в литературе по гибридологии, мы используем термин «автократия». Кроме того, в Главе 7 мы объясняем, каким образом принимаем типологию гибридологии в качестве одной из составляющих нашей структуры, наряду с десятью другими [▸ 7.2.2].

Таблица 1.6: Вторичные характеристики демократии, автократии и диктатуры. Источник: Kornai J. The System Paradigm Revisited. P. 39.

№	Демократия	Автократия	Диктатура
5	Против парламентской оппозиции не применяются репрессии	Против парламентской оппозиции применяются репрессии	Парламентской оппозиции не существует
6	Институты, обеспечивающие систему сдержек и противовесов, активны и независимы	Институты, обеспечивающие систему сдержек и противовесов, слабы и зависимы	Не создается никаких институтов, обеспечивающих систему сдержек и противовесов
7	Относительно немногие чиновники назначаются правящей политической группой	Правящая политическая группа назначает собственные кадры практически на все важные должности	Правящая политическая группа назначает собственные кадры практически на все важные должности
8	Гражданский протест против правительства не имеет правовых границ; сильное гражданское общество	Гражданский протест против правительства не имеет правовых границ; слабое гражданское общество	Гражданский протест против правительства запрещен законом
9	Заинтересованные лица и организации в различных формах и в разной степени принимают участие в принятии решений (значительный уровень гражданского участия)	Правовые основания для гражданского участия существуют, но практически не функционируют	Гражданское участие не предусматривается даже формально
10	Свобода слова гарантируется законом и применяется на практике	Свобода слова ограничена юридическими и экономическими средствами	Свобода слова отсутствует

с другом. Как пишет Корнаи, «первичные характеристики определяют систему в целом, включая вторичные характеристики. Совокупное наличие первичных характеристик является необходимым и достаточным условием появления вторичных. <...> Соответственно, при изучении какой-либо страны в самом начале имеет смысл попытаться определить первичные характеристики. Если это сделать, то результаты такого анализа будут иметь предсказательную силу. Однако между первичными и вторичными характеристиками не существует

строгого детерминизма. Скорее, характер отношений между ними можно назвать стохастичным. То есть возможно с высокой вероятностью найти вторичные характеристики в исследуемой стране, если первичные признаки уже определены»[1].

Идеальные типы Корнаи создают два концептуальных континуума: демократия-автократия и автократия-диктатура, а реально существующие режимы могут быть расположены ближе к тому идеальному типу, на который они больше всего похожи [▸ Введение]. Как видно из двух приведенных выше таблиц, десять переменных, предложенных Корнаи для определения трех типов режимов, **фокусируются исключительно на политических институтах**, то есть на сфере политического действия. К ним относятся правительственные учреждения, система сдержек и противовесов, партийная система, выборы и различные политические свободы, начиная от свободы слова и печати и заканчивая свободой ассоциаций и правом на выражение протеста.

Естественно, в реальности ни один режим не отвечает всем критериям того или иного идеального типа Корнаи. Однако, используя эти идеальные типы в качестве отправной точки, мы можем классифицировать посткоммунистические страны, исходя из того, на какой из них их политические системы похожи больше всего. Список стран, классифицированных таким образом, представлен в Таблице 1.7. Тем не менее, несмотря на четкие критерии и готовые классификации, нужно признать, что неопределенность здесь все-таки берет свое. Хотя по сравнению с посткоммунистическими автократическими режимами западные посткоммунистические режимы можно назвать демократиями, при противопоставлении их западным либеральным демократиям становится ясно, что природа этих демократий различна. Правильнее будет сказать, что **деление стран на три кластера (демократию,**

1 *Kornai J.* The System Paradigm Revisited. P. 28.

Таблица 1.7: Классификация посткоммунистических стран Евразии с точки зрения политического институционального устройства (по состоянию на 2020 год). Переработанный материал на основе работы: Kornai J. The System Paradigm Revisited.

Демократии	Автократии	Диктатуры
Албания, Армения, Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Грузия, Кыргызстан, Латвия, Литва, Македония, Молдова, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Украина	Азербайджан, Беларусь, Венгрия, Казахстан, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан	Китай, Вьетнам

автократию и диктатуру), исходя из десяти переменных Корнаи, **дает четкую и непротиворечивую категоризацию в соответствии с политической сферой**. Следует отметить, что Корнаи и не стремился к большему: его главной целью было выявление «альтернативных форм политических систем и правительств»[1]. Но если мы рассмотрим страны, **исходя из их социологических и экономических структур**, которые переплетены с политическим режимом как сферы социального действия в посткоммунистическом регионе, **страны** из одного кластера **демонстрируют значительную вариативность.** Действительно, можно заметить, что водоразделом между **различными типами режимов** является не формальное политическое институциональное устройство, а социально-экономические структуры, представленные выше.

Используя двухмерный подход и аргумент жестких структур, мы можем **разбить каждый из идеальных типов Корнаи на два подтипа**[2]. Основания для разграничения разных подтипов демократий следует искать в преобладающем уровне патронализма. Таким образом внутри категории демократических стран можно создать концептуальный континуум демократий:

[1] *Kornai J.* The System Paradigm Revisited. P. 35.

[2] Точное определение двух подтипов режимов каждого из трех идеальных типов требует четкого определения и ограничения их компонентов, которые можно найти в Главах 2–6. На этом этапе мы можем дать лишь общее описание типов режимов. Более точная картина будет представлена в Главе 7 [▸ 7.2.1].

от либеральных до патрональных. В либеральных демократиях вышеупомянутые характеристики Корнаи служат **для создания баланса между формально-учрежденными гражданскими институтами**, в то время как в патрональных демократиях они устанавливают **баланс между конкурирующими неформальными патрональными сетями.** Если разделить по такому принципу континуум демократия-автократия на две части, такие страны, как **Эстония и Чехия, попадут в первый континуум между либеральной и патрональной демократией** и расположатся относительно близко к либеральному идеальному типу, тогда как другие страны, например **Украина и Молдова, окажутся в континууме между патрональной демократией и автократией**, ближе к идеальному типу патрональной демократии [▸ 7.3]. Отличие Украины и Молдовы от автократий, имеющих однопирамидальную патрональную структуру, заключается в том, что ни одной патрональной сети не удалось закрепить доминирующее монопольное положение ни в одной из этих стран. И хотя попытки его закрепить предпринимались, общественное противодействие ограничило власть претендующих на монополию патрональных сетей и установило новый динамический баланс между различными конкурирующими патрональными сетями [▸ 7.3.4].

Точно так же мы можем ввести два подтипа для идеального типа **автократии** Корнаи: **консервативную и патрональную.** Наиболее распространенный подход гибридологии в целом и концепция автократии Корнаи в частности лучше всего характеризуют первый подтип, поскольку **консервативная автократия отражает присвоение политических институтов и монополизацию политической сферы для достижения политических целей**, власти и идеологии, **где при этом экономическая сфера социального действия отделена** от политической (единственный аспект экономической сферы, который она в себя включает, — это государственные компании и СМИ, то есть то, что в любом случае формально относится

к публичной сфере). Попытка установления такой консервативной автократии предпринимается с 2015 года в Польше, где Ярослав Качиньский, сосредотачивая в своих руках политическую власть, стремится к установлению гегемонии коллективистской системы ценностей христианского национализма, в то время как сам он является главой партии, но не патрональной сети. Таким образом, хотя основанная на автономии личности либеральная система ценностей видится здесь врагом, Качиньский не создал приемную политическую семью, основанную на смешении экономической и политической сфер, олигархическом правлении или систематическом накоплении богатства. В противоположность этому **патрональная автократия опирается на патронализацию политической и экономической сфер приемной политической семьей**, достигает политической монополии и, как следствие, становится базой для однопирамидальной патрональной сети. В патрональной автократии жесткие структуры расцветают в своем идеальном воплощении: государство патримониализируется и превращается в коммерческое предприятие приемной политической семьи, управляемое через неформальные личные связи в целом и органы государственной власти в частности. Из всех посткоммунистических режимов ближе всего к этой категории находятся путинская Россия с 2003 года и Венгрия под руководством Виктора Орбана с 2010 года: в обеих странах главы исполнительной власти также являются главными патронами своих сетей с однопирамидальной структурой[1].

Два подтипа диктатуры Корнаи сегодня иллюстрируют (1) Северная Корея, которая чрезвычайно близка к идеальному типу **коммунистической диктатуры, выражающемся в тотальном слиянии сфер социального действия через формальные институты однопартийной диктатуры и государственной монополии,** и (2) Китай, который представляет

[1] Сравнительный анализ Польши и Венгрии см.: *Magyar B.* Parallel System Narratives. P. 611–655.

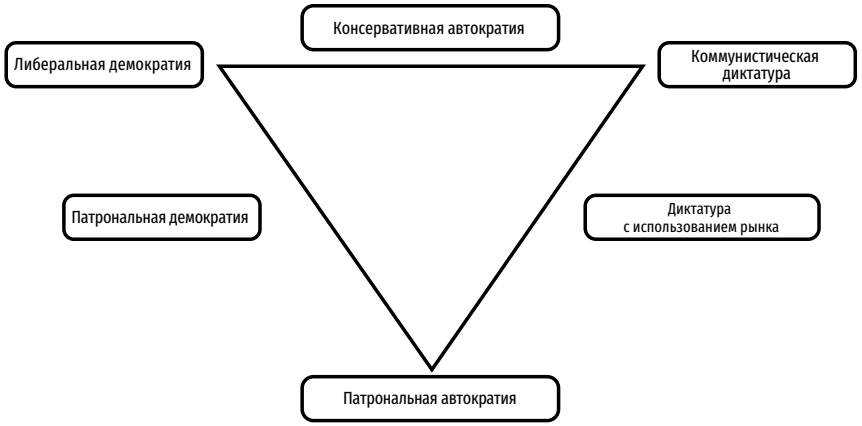
собой пример идеального типа **диктатуры с использованием рынка**[1]. Этот последний подтип **сохраняет диктаторские принципы политических институтов** и обладает всеми десятью характеристиками диктатуры, по Корнаи, **но в то же время имеет открытый рынок и допускает существование значительной доли частного сектора для решения политических задач** [▸ 5.6.2]. Излишне говорить, что однопартийный общественный сектор и капиталистический частный являются странными союзниками и их влияние друг на друга приводит к оригинальным способам функционирования режима. С одной стороны, партия-государство больше не является тоталитарной и представляет собой «разнообразие лиц, организаций и групп интересов, которые регулярно участвуют в принятии политических решений», но в то же время остается авторитарной и налагает юридический запрет на оппозиционную деятельность[2]. С другой стороны, частный сектор превращается в гибрид свободного предпринимательства и бюрократической координации, где неформальные патрональные сети преобладают внутри однопартийной системы и за ее пределами[3]. Таким образом, диктатуры с использованием рынка можно рассматривать в качестве зрелых преемников реформированного социализма, появившегося до смены режимов, когда частная собственность в определенной степени юридически признавалась коммунистическими государствами.

1 Мы в долгу перед Яношем Борисом, который придумал этот термин. В классической литературе диктатуры классифицируются как «тоталитарные» и «авторитарные» (см. Таблицу 1 [▸ Введение]), однако для наших целей больше подходит деление на «коммунистическую» и «с использованием рынка».

2 *Heilmann S.* 3.8. Between Fragmented Authoritarianism and a Re-Concentration of Power // China's Political System. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. P. 191. Ср.: *Linz J.* Totalitarian and Authoritarian Regimes. Boulder, CO: Lynne Rienner Pub, 2000.

3 Анализ неформальных сетей Китая см.: *Zhu J.* Corruption Networks in China: An Institutional Analysis // Routledge Handbook of Corruption in Asia. Oxford: Routledge, 2017. P. 27–41.

Схема 1.6: Треугольное концептуальное пространство режимов



Концептуальное пространство, «растянутое» между шестью режимами идеального типа, изображено на Схеме 1.6. В этой треугольной структуре есть три полярных типа: либеральная демократия, патрональная автократия и коммунистическая диктатура, и еще три типа делят пополам оси (стороны треугольника) с полярными типами на концах таким же образом, как автократия, в понимании Корнаи, делит ось между демократией и диктатурой.

Треугольное концептуальное пространство закладывает фундамент для оставшейся части книги. Описания шести идеальных типов этой главы следует понимать только как предварительные определения. Их доработка требует интерпретации механизмов этих систем, а также подходящего вокабуляра. Этому посвящены Главы 2–6, в которых подробно рассматриваются характерные компоненты шести идеальных типов режимов и соответствующее им концептуальное пространство. Мы наглядно показываем это в Главе 7, где приводим определения шести режимов идеального типа с помощью различных структур треугольного пространства. В конце концов сформулированный нами набор категорий позволит эффективно осуществлять сравнительный анализ посткоммунистических феноменов, которые прямо или косвенно вытекают из представленного в этой главе аргумента о жестких структурах.

2. Государство

2.1. ГИД ПО ГЛАВЕ

Вторая глава посвящена **сравнительному анализу разных типов государств**. Он представлен в тексте главы в соответствии с Таблицей 2.1, включающей в себя бóльшую часть вводимых нами понятий, отсортированных по трем полярным типам из шести режимов идеального типа, вписанных в концептуальное пространство треугольника.

Глава начинается с изложения базовых общих, а также частных понятий, составляющих нашу типологию государств. Часть 2.2 включает в себя, во-первых, определения «режима» и «государства», для которых необходимо пояснение, как мы используем такие термины, как «насилие», «принуждение» и «добровольные действия». Во-вторых, в этой же части мы даем определения для терминов «элита» и «правящая элита», а также описание сетей правящих элит в трех режимах полярного типа. Мы объясняем, в каком смысле мы используем термины «формальный», «неформальный», «патрональный» и «непатрональный», и описываем патрональные пирамиды с точки зрения их слоев и уровней.

В Части 2.3 мы приводим типологию базовых принципов функционирования государства. Мы показываем, как эти принципы непосредственно делят государства на группы в соответствии с различными ярлыками, приписываемыми им в литературе. Однако поскольку наш инструментарий разработан главным образом для посткоммунистического региона, мы фокусируемся в первую очередь на понятиях, подразумевающих описание так называемого принципа интересов элит (то есть двойного мотива монополизации власти и накопления богатства). Часть 2.4 посвящена типам государств (некоторые из них можно найти в Таблице 2.1 в пятой строке колонки «патрональная автократия»). Чтобы упорядочить все

Таблица 2.1: Государство в трех режимах полярного типа (с названиями частей и глав)

	Либеральная демократия	**Патрональная автократия**	**Коммунистическая диктатура**
Правящая элита	политическая элита с ограниченной властью	приемная политическая семья	номенклатура
	непатрональная сеть	неформальная патрональная сеть	бюрократическая патрональная сеть
	мультипирамидальная система	однопирамидальная система	однопирамидальная система
	доминирование формальных институтов	доминирование неформальных институтов	доминирование формальных институтов
Принцип функционирования государства	государство подчинено общественным интересам	государство подчинено интересам элит	государство подчинено принципу реализации идеологии
	конкурентное, совещательное согласование интересов	реализация интересов элит в ущерб интересам общества	принудительное навязывание провозглашаемых интересов
	сотрудничество и отношения между публичной и частной сферами урегулированы и прозрачны	непрозрачное / неформальное смешение публичной и частной сфер	подчинение частной сферы публичной
	конфликт частных и общественных интересов	слияние частных и общественных интересов	подавление частных интересов
Типы государства	конституционное государство	мафиозное государство (клановое государство + неопатримониальное / неосултанистское государство + хищническое государство + криминальное государство)	партия-государство
	разделение ветвей власти	ветви власти связаны между собой	слияние ветвей власти

те определения, которые были сформулированы для описания государств, но до сих пор применялись довольно бессистемно, мы будем использовать так называемые уровни толкования, привязанные к четырем основным аспектам управления, которые мы различаем. Каждое определение конкретного типа государства будет «сужено» таким образом, чтобы отражать только один аспект его функционирования, чтобы получившийся набор понятий можно было использовать внутри одной аналитической структуры, позволяющей определять и сравнивать многообразие государств.

Дав определение монополии на легитимное применение насилия как фундаментальной черты государства идеального типа, мы посвящаем Часть 2.5 тем вызовам, которые эта монополия встречает на практике. Во-первых, на примере опыта посткоммунистического региона после распада Советского Союза мы описываем развал государственных институтов, который привел к олигархической анархии в таких странах, как Россия и Украина. Во-вторых, мы приводим типологию легитимного применения насилия, отражающую отношения между формальными государственными акторами и неформальными (часто незаконными) акторами криминального подполья, а также рассматриваем феномен субсуверенного мафиозного государства.

Наконец, в Части 2.6 мы подытоживаем наши главные постулаты, а также пытаемся расширить поле обсуждаемой темы. Опираясь на знаменитую статью Фрая и Шляйфера «Невидимая рука и грабящая рука», мы сравниваем шесть наиболее важных типов государств в регионе. Это позволяет нам определить сходства и различия между типами государств, которые часто путают, например мафиозным государством и государством развития. Кроме того, наша типология позволяет отличить и описать скоординированное и нескоординированное хищничество в мафиозных и несостоявшихся государствах соответственно.

2.2. ОБЩИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Основные концепты нашей структуры

Ниже мы приводим два набора самых основных концептов этой книги. Во-первых, мы определяем «государство», а также связанные с ним понятия, такие как «насилие», «принуждение» и «режим». Во-вторых, мы поясняем, что мы имеем в виду под «элитой», а также смежными с ней понятиями «правящая элита», «патронально-клиентарные отношения» и «неформальность». Несмотря на то, что некоторые из этих терминов говорят сами за себя, чрезвычайно важно уточнить, в каком смысле мы их используем. Действительно, многие споры ведутся не о сущности данных явлений, а о тех ярлыках, которые им приписывают, хотя по сути речь может идти об одних и тех же ключевых характеристиках.

Поскольку мы пытаемся избегать моральных оценок, а скорее разрабатываем чисто описательный понятийный аппарат, технически любое определение может использоваться для чего угодно. Наша цель состоит в том, чтобы предоставить полезные и непротиворечивые средства для описания политических режимов [▸ Введение]. Мы определяем наши основные концепты именно так, чтобы прежде всего обеспечить фундамент для остальной части нашего теоретического инструментария. Большая часть последнего основывается на приведенных ниже определениях, включающих типы государства, которым мы посвящаем вторую половину этой главы, а также обсуждаемые в последующих главах концепты, касающиеся акторов, политики, экономики и общества.

2.2.1. Режим, государство, насилие и принуждение

В качестве дефиниции режима мы обычно используем метаопределение Свена-Эрика Скаанинга[1]:

• ***Политический режим (или просто режим)*** *— это институционализированный набор фундаментальных формальных и неформальных правил, упорядочивающих взаимодействие внутри центрального аппарата политической власти, а также его отношения с обществом.*

В то же время государство мы определяем на основании работ Вебера и Фишмана[2]:

• ***Государство*** *— это институт, с помощью которого правящая элита осуществляет монополию на легитимное применение насилия для того, чтобы добывать ресурсы, управлять ими и распределять их в пределах границ определенной территории.*

Эти две дефиниции связаны между собой: определение «государства» содержит в себе понятие «**политическая власть**», которое можно обнаружить в «политическом режиме», — это способность добывать ресурсы, управлять ими и распределять их с применением насилия. Следовательно, **государство — не что иное, как центр политической власти**, контролируемый людьми, которых обычно называют «правящей элитой» и которые осуществляют власть посредством институционализированного набора формальных и неформальных правил [► 2.2.1].

В определении государства есть два важных концепта, которые необходимо пояснить. Первый — «**применение**

[1] *Skaaning S.-E.* Political Regimes and Their Changes.

[2] *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избр. произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–707; *Fishman R.* Rethinking State and Regime: Southern Europe's Transition to Democracy // World Politics. 1990. Vol. 42. № 3. P. 422–440.

насилия» — особенно важен, потому что тесно связан с бинарной оппозицией «добровольность — принуждение», к которой мы часто обращаемся в нашей книге. Мы определяем насилие следующим образом:

• ***Насилие** — это тип воздействия, при котором один человек наносит ущерб другому человеку или его имуществу против его воли.*

Когда мы говорим о «применении насилия» государством, это означает, что обязательства, налагаемые государством на граждан, такие как сбор денег (налогообложение) или предписания вести себя определенным образом (законы), при их невыполнении подкрепляются угрозой насилия, то есть возможностью нанесения ущерба людям и их имуществу против их воли. Так, принуждение к исполнению налагаемых государством обязательств, как правило, осуществляют правоохранительные органы (полиция).

Угроза насилия, используемая государством, является наиболее важной формой **государственного принуждения**. Тем не менее **важно отличать насилие от принуждения в целом**, поскольку отождествление этих двух понятий, хотя и может быть обоснованной философской позицией[1], не отвечает описательным целям нашей структуры. Если их уравнять, это приведет к смешению двух видов ненасильственного обмена, когда А принимает предложение Б, потому что (1) рассчитывает улучшить свое изначальное положение (благосостояние, благополучие и т. д.) и потому что (2) не ожидает улучшения своего изначального положения, но стремится избежать его ухудшения. Мы видим, что в первом случае обмен продуктивен, а во втором непродуктивен: А выбирает не наиболее выгодную альтернативу, а ту, которая причинит ему вред, хотя она и является меньшим из двух зол[2]. Предложения непродуктивного

[1] Это вполне популярная либертарианская позиция. См.: *Rothbard M.* The Ethics of Liberty. New York: NYU Press, 1998.

[2] *Nozick R.* Anarchy, State and Utopia. New York: Basic Books, 1999. P. 84–87.

обмена, которые можно также назвать **угрозами ненасильственного характера**, включают, среди прочего, шантаж и экзистенциальные угрозы, например угрозу увольнения с должности, которую сотрудник не может поменять на равноценную.

Если угроза ненасильственного характера успешно меняет поведение А, то улучшается только положение Б, а положение А становится хуже, поскольку теперь он служит исполнению целей Б, а не своих собственных. Здесь необходимо отметить, что **результат получается такой же, как и в случае насильственных угроз**. Действительно, если А принимает решения, не принимая в расчет свою собственную выгоду, насильственные и ненасильственные угрозы для него по сути одинаковы, ведь оба типа угроз подразумевают вероятность ухудшения его изначального положения. И поскольку нас, как правило, интересуют социальные феномены, так как именно они влияют на поведение людей (социальное действие), для изложения нашего аргумента рассмотрение насильственных действий и ненасильственных угроз вместе, под общим термином «принуждение» будет обоснованным. Такое обобщение дает нам возможность сформулировать более широкое определение этого понятия:

• ***Принуждение** — это тип воздействия, при котором действия одного человека подчиняются воле другого человека и противоречат собственным интересам первого. Человек, на которого налагаются обязательства, не может улучшить свое изначальное положение. Он может выбирать только между большей потерей, то есть отклонением предложения, или меньшей потерей, то есть принятием на себя обязательств.*

Это определение принуждения наиболее близко к тому, как его понимает Фридрих фон Хайек в своей книге «Конституция свободы» (см. Текстовую вставку 2.1). То, что Хайек называет «свободой» и определяет как **отсутствие принуждения**[1], мы называем «добровольностью» или «**добровольными**

[1] *Хайек Ф. А.* Конституция свободы. М.: Новое изд-во, 2018. Гл. 1.

действиями». Дихотомия принудительных и добровольных отношений является одной из важнейших бинарных оппозиций нашей книги и служит ключевым фактором для различения определенных идеальных типов, институтов и отношений. Кроме того, после Вебера, который определил **власть** как способность человека осуществлять свою волю по отношению к другим, несмотря на их сопротивление[1], мы можем сказать, что **принуждение означает использование власти** в общественных отношениях.

Текстовая вставка 2.1: Определение принуждения по Хайеку

Принуждение имеет место, когда действия одного человека вызваны тем, что ему приходится служить воле другого ради достижения не своей, а чужой цели. Дело не в том, что в условиях принуждения человек вообще не принимает решений <...>. Принуждение предполагает, что я все-таки осуществляю выбор, но при этом в чей-то инструмент превращен мой ум, потому что открытыми для меня альтернативами проманипулировали таким образом, что поведение, которого добивается от меня принуждающий, оказывается для меня наименее болезненным. <...> Принуждением не исчерпываются все виды влияния, которое люди могут оказывать на действия других. <...> Нельзя сказать, что человек, который преграждает мне дорогу, и мне приходится отступить в сторону, человек, взявший в библиотеке книгу, которая понадобилась мне, и даже тот, кто производит неприятные звуки и отвлекает меня, тем самым осуществляет принуждение по отношению ко мне. Принуждение подразумевает угрозу причинения вреда и намерение добиться этим от меня определенного поведения. Хотя принуждаемый все же делает выбор, его альтернативы определены принуждающим так, что он выберет то, чего принуждающий хочет. Он не то чтобы совсем не может использовать свои способности, но лишен возможности использовать свои знания в собственных

1 *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 109.

> целях. <...> Хотя принуждаемый в любой данный момент времени будет делать для себя лучшее из того, что может, единственный общий план, в который составной частью входят его действия, придуман другим[1].

Помимо «применения насилия», мы также хотим обратить внимание на другой важный концепт, включенный в определение государства, а именно «**легитимность**». Мы подробно поговорим о ней в Главе 4, опираясь на понятие легитимности у Вебера [▸ 4.2.5][2]. Для получения предварительного представления об этом понятии необходимо подчеркнуть, что мы используем слово «легитимный» в описательном смысле. Это означает, что применение такого рода насилия **легитимировано его объектами, которые воспринимают наличие государственного принуждения как должное**. Это не означает, что люди не могут возражать против методов этого принуждения. Однако вместе с тем подавляющее большинство должно признавать, что (1) государственное принуждение необходимо, то есть применение насилия должно быть монополией одного института, и что (2) государственное принуждение должно каким-либо образом применяться. Если большинство не разделяет подобные взгляды, то у принуждения нет легитимности, и в таком контексте о государстве не приходится говорить[3].

На концептуальном уровне отношения между режимом и государством ясны: государство является центром политической власти режима, который, в свою очередь, представляет собой более широкое понятие, чем государство. Но на практике это различие не всегда так однозначно. В **западных политических режимах**, точнее в либеральных демократиях

1 *Хайек Ф. А.* Конституция свободы. Гл. 9.

2 Ср.: Там же. С. 254–255.

3 Ср.: *Call C.* Beyond the «Failed State»: Toward Conceptual Alternatives // European Journal of International Relations. 2011. Vol. 17. № 2. P. 303–326.

идеального типа, **отличие государства от режима очевидно, поскольку сфера политического действия явно отделена** от экономической и общинной сферы. Однако **чем больше смешиваются сферы социального действия** (то есть чем меньше они отделены друг от друга), **тем больше стирается граница между государством и режимом**. Действительно, исследователи признают факт слияния государства и общества в посткоммунистическом регионе, где после смены режимов вновь образованные государства влияли на общество, а в некоторых областях встроили общество в свою структуру таким образом, что оно стало второстепенным актором по отношению к государству[1]. Неудивительно, что во многих исследованиях слова «государство» и «режим» используются в качестве синонимов, а термины, которые применялись для описания таких стран в попытках уловить основные свойства их политических систем, часто включают в себя понятие «государство» с каким-нибудь уточняющим прилагательным.

2.2.2. Элита, правящая элита, патронализм и неформальность

2.2.2.1. О понятиях «элиты» и «неэлиты»

Понятие элиты можно осмысленно интерпретировать только в сравнительных терминах, поскольку существование «элиты» должно подразумевать существование «неэлиты», то есть людей, которые являются частью общества, но не входят в элитные круги. В классическом смысле элиты описываются как в определенном отношении лучшая часть общества, а неэлиты — как те, кто хуже элит[2]. Более узкое определение,

[1] Пример метаанализа см.: *Guliyev F.* Personal Rule, Neopatrimonialism, and Regime Typologies. P. 575–601.

[2] *Keller S.* Elites // International Encyclopedia of the Social Sciences. London: Macmillan, 1968. P. 26–29.

используемое в традиционной политологии, также приписывает элитам «бо́льший социальный вес, поскольку их деятельность имеет большую социальную значимость»[1]. Такие элиты обычно рассматриваются как «крошечные, но влиятельные меньшинства <...>, состоящие из независимых общественных и политических акторов, которые в первую очередь заинтересованы в сохранении и усилении своей власти»[2]. Другими словами, второе определение подчеркивает, что **члены элиты значительным образом влияют на жизнь неэлиты** и что они могут использовать это влияние для достижения собственных целей в противовес неэлитам.

В нашем исследовании мы определяем элиты и неэлиты следующим образом:

- ***Элита*** *— это группа людей, связанных или не связанных друг с другом, которые являются ведущими акторами на своем жизненном пути, то есть оказывают большее влияние на жизнь других людей, чем эти люди оказывают на элиты (под «этими людьми» в данной формулировке подразумеваются неэлиты). Такое влияние обусловлено наличием некоторых выдающихся качеств, таких как богатство, личные достижения или высокое (формальное) положение в иерархии.*

- ***Неэлита*** *— это группа людей, связанных или не связанных друг с другом, которые на своем жизненном пути следуют за другими акторами, то есть меньше влияют на жизнь других людей, чем на них самих влияют люди, стоящие над ними (под «другими людьми» в данной формулировке подразумеваются элиты). Такое подчиненное положение проистекает из наличия у этой группы заурядных или еще менее выигрышных качеств, таких как необеспеченность или низкое (формальное) положение в иерархии.*

1 *Keller S.* Elites. P. 26.

2 *Higley J., Pakulski J.* Elite Theory versus Marxism: The Twentieth Century's Verdict // Historical Social Research. 2012. Vol. 37. № 1 (139). P. 230.

Выражение «жизненный путь» может относиться к любому аспекту общественной жизни, начиная от общества целиком и заканчивая отдельными сегментами частного или государственного сектора. Действительно, чтобы дать определение «жизненного пути», приходится использовать тавтологию: любой аспект общественной жизни, где одни люди имеют большее влияние на других, может рассматриваться как отдельный жизненный путь, на котором присутствуют две основные группы: элиты и неэлиты.

Вслед за автором классической теории элит Вильфредо Парето[1] мы можем разделить элитные группы на две основные категории: неправящие и правящие элиты.

• ***Неправящая элита*** *— это элита, не имеющая доступа к возможности использования (государственного) принуждения. Другими словами, неправящая элита может влиять на участников своего жизненного пути только с помощью не связанных с принуждением мер, таких как убеждение, демонстрация на собственном примере или рыночные сделки. Как правило, в одном обществе сосуществует множество неправящих элит.*

• ***Правящая элита*** *— это элита, имеющая доступ к возможности использования (государственного) принуждения. Другими словами, правящая элита может влиять на участников своего жизненного пути, то есть само общество, живущее под властью правителей, с помощью принудительных мер — таких, какими обычно пользуются правоохранительные органы. Как правило, в обществе существует только одна правящая элита.*

Тот факт, что обычно в обществе есть только одна правящая элита, соответствует нашей политической действительности, в которой один народ или общество живет в одном

1 *Pareto V.* The Governing Elite in Present-Day Democracy // Classes and Elites in Democracy and Democratization. New York: Garland, 1997. P. 47–52.

государстве, владеющем монополией на легитимное применение насилия внутри своей территории. Однако, как мы увидим в следующих частях этой главы, так бывает не всегда. Государство может утратить эту монополию и превратиться в одну из инстанций, контролирующих насилие, среди многих других групп наемников, привлекаемых населением — легально или нелегально — для осуществления протекции или других «силовых» услуг [► 2.5]. В этом случае можно было бы говорить о наличии нескольких правящих элит, однако в дальнейшем, чтобы избежать путаницы, мы будем использовать это понятие исключительно в контексте стабильных государств.

2.2.2.2. Патримониализм, неформальность и общий характер правящих элит в трех режимах полярного типа

Хотя члены элиты не должны быть обязательно связаны друг с другом в каком-либо смысле, помимо принадлежности к одному и тому же жизненному пути, **члены правящей элиты всегда связаны**. Так происходит, потому что доступ к средствам принуждения в государстве обычно монополизирован, поэтому те, кто может их использовать, вынуждены координировать свою деятельность. Кроме того, координация (которая предполагает наличие связей) крайне необходима и для захвата власти, как в случае недемократических переворотов, так и в случае демократической передачи власти [► 4.3.2].

Опираясь на аргумент о жестких структурах, мы описываем правящие элиты идеального типа для посткоммунистического региона с помощью **двух главных характеристик: патронализма и формальности** (Таблица 2.2). Патронализм в нашем представлении распадается на два типа связей, определяемых как патрональные и непатрональные соответственно[1]:

1 *Eisenstadt S. N., Roniger L.* Patron—Client Relations as a Model of Structuring Social Exchange // Comparative Studies in Society and History. 1980. Vol. 22. № 1. P. 42–77.

Таблица 2.2: Главные свойства правящих элит в трех режимах полярного типа

Политическая элита с ограниченной властью (как в либеральных демократиях)	**Приемная политическая семья (как в патрональных автократиях)**	**Номенклатура (как в коммунистических режимах)**
непатрональная сеть	неформальная патрональная сеть	бюрократическая патрональная сеть
мультипирамидальная система	однопирамидальная система	однопирамидальная система
доминирование формальных институтов	доминирование неформальных институтов	доминирование формальных институтов

• ***Патронально-клиентарные отношения (патрональная связь)*** *— это тип связи между акторами, при которой их взаимодействие происходит через вертикаль подчинения, предполагающую безусловность власти, а также ее неравное распределение. В патронально-клиентарных отношениях один из участников — клиент — является вассалом (то есть подчиненным) другого — патрона. Патрональная связь — это принудительные отношения, которые не подразумевают свободного выхода (а часто и свободного входа).*

• ***Добровольные отношения (непатрональная связь)*** *— это тип связи между акторами, при которой их взаимодействия основаны на принципе равенства всех сторон, то есть происходят горизонтально. В добровольных отношениях нет вассальной зависимости (то есть подчинения), стороны не подчиняются друг другу. Непатрональная связь — это (добровольные) отношения без принуждения, предусматривающие свободный выход, а также свободный вход.*

В противопоставлении вертикали и горизонтали, на которое мы опираемся в наших определениях, первая относится к вассальной зависимости, субординации и асимметричным отношениям, тогда как вторая — к их отсутствию. Здесь мы руководствовались введенными выше понятиями принуждения и добровольности, к которым мы присовокупили аспект **свободного выхода** из отношений (сети). Этот

аспект определяет, столкнутся члены сети с принуждением, если попытаются покинуть ее (несвободный выход), или нет (свободный выход) [▸ 6.2.1]. Хотя добровольные отношения также могут быть иерархическими, они предполагают свободные вход и выход, тогда как патронализм подразумевает тираническую иерархию без возможности свободного входа и выхода.

Формальность и неформальность мы определяем следующим образом:

• ***Формальность*** *— это характерное свойство социальных связей, закрепленное юридически и признаваемое обществом. Иными словами, институт, то есть набор ограничений, придуманных обществом для структурирования социальных взаимодействий, будет считаться формальным, если его правила прописаны в соответствии с действующим законодательством и легко доступны в таком виде для большинства населения.*

• ***Неформальность*** *— это характерное свойство социальных связей, не закрепленное юридически и не проявляющееся открыто и публично. Другими словами, институт, то есть набор ограничений, придуманных обществом для структурирования социальных взаимодействий, будет считаться неформальным, если его правила не прописаны в официальных источниках и, соответственно, не представлены в таком виде большинству населения (поэтому его правила могут совпадать с действующим законодательством, а могут вступать с ним в противоречие).*

На самом деле для наших целей формальность и неформальность институтов можно определить проще, задавшись вопросом, **имеют ли эти институты юридически закрепленную форму**. Прежде всего государство и правящая элита, которые законом уполномочены использовать государственную власть, являются формальными, поскольку их положение закреплено юридически. Однако если политический, экономический или общественный актор выполняет функции,

которые юридически не закреплены, то (1) они являются неформальными, и (2) институт, который включает в себя эту юридически не закрепленную, не оформленную в письменном виде функцию, также считается неформальным. Что касается термина «институты», здесь мы используем его в таком же смысле, как и в приведенных выше определениях: набор ограничений, придуманных обществом для структурирования социальных взаимодействий, который порождает определенные закономерности социального поведения[1]. Если говорить точнее, «набор ограничений, придуманных обществом», включает в себя нормативные положения (то есть формальные правила), устоявшиеся практики (то есть неформальные правила) и нарратив (то есть их объяснение и обоснование)[2], хотя мы также будем использовать этот концепт в более широком смысле для описания формальных и неформальных групп элит, правительств и государственных институтов.

Если применять к правящим элитам представленные выше дихотомии, сначала мы должны дифференцировать **два типа правящих элит** — непатрональные и патрональные:

- ***Патрональная правящая элита*** *— это правящая элита, члены которой формально или неформально связаны через патронально-клиентарные отношения. Патрональная правящая элита имеет пирамидоподобную структуру подчинения (однопирамидальная система), и каждый ее член является частью иерархии, во главе которой стоит главный патрон.*
- ***Непатрональная правящая элита*** *— это правящая элита, члены которой формально или неформально связаны посредством добровольных связей, то есть горизонтальных отношений между равными сторонами. Непатрональная правящая*

[1] *North D. C.* Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5. № 1. P. 97–112; *Greif A.* Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006.

[2] *Lowndes V., Roberts M.* Why Institutions Matter: The New Institutionalism in Political Science. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.

элита состоит из многочисленных фракций с определенной степенью автономии (многопирамидальная система), что исключает таким образом возможность авторитарного правления одного лидера.

Для либеральных демократий характерна непатрональная правящая элита. Исходя из определения конституционного государства [▸ 2.3.2], многочисленные автономные фракции существуют обычно внутри правящей партии, но, безусловно, и внутри государственного аппарата, в форме отдельных ветвей власти [▸ 4.4.1]. Автономность ветвей власти гарантируется конституцией, тогда как автономия фракций внутри правящей партии может быть гарантирована множественностью ресурсов, то есть тем, что партийное руководство не может обладать всеми доступными экономическими или политическими ресурсами. Действительно, в либеральных демократиях, как пишут Дуглас Норт и его соавторы в «Насилии и социальных порядках» [▸ 2.4.6, 6.2.1], существует **«открытый доступ» к политическим и экономическим ресурсам**. Они утверждают, что в режимах, подобных либеральным демократиям, «политические партии борются за власть на конкурентных выборах. Успешное функционирование партийной конкуренции зависит от открытого доступа, которому способствуют конкурентная экономика и гражданское общество, обеспечивающие множество организаций, которые представляют самые различные интересы и могут мобилизовать самых разных избирателей, в случае если правящий режим попытается укрепить свои позиции путем создания ренты, ограничения доступа или принуждения»[1].

И все же даже в такой идеальной типичной модели в рамках либерально-демократического режима иногда бывает так,

[1] *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 205. Хотя это утверждение в значительной степени верно, особенно для режимов идеального типа, мы представим более сложный взгляд на сотрудничество политических и экономических элит в Главе 5 [▸ 5.3].

что определенную государственную сферу временно захватывает актор, который, получая доступ к средствам (государственного) принуждения, становится (неформальной) частью правящей элиты и делает предыдущего лидера это сферы своим вассалом. В таких случаях отношение «захватчик — захваченный» принимает форму отношения «патрон — клиент». Однако такой «захват» не может быть тотальным, и, что еще важнее, он представляет собой лишь **патрональную цепочку**, а не патрональную сеть. К последней по определению относится большое количество патрональных цепочек, организованных в пирамидообразную систему[1].

Поскольку сами фракции обычно имеют внутренние иерархии, их можно описать как пирамиды, а **большое количество конкурирующих фракций — как мультипирамидальную систему**[2]. В противоположность этому, коммунистической диктатуре и патрональной автократии присущи **однопирамидальные системы патрональных правящих элит**. Как пишет Хейл, в однопирамидальных системах основные сети власти «объединены и образуют единую пирамиду власти под руководством главного патрона, которого обычно считают лидером страны, а любые сети вне этой пирамиды систематически маргинализируются и широко признаются неспособными поставить под сомнение авторитет доминирующей группы»[3].

В **коммунистической диктатуре** единая пирамида опирается на два столпа. Первый — это стремление марксистско-ленинской партии проводить переустройство общества при помощи государственного принуждения, которое, в свою очередь, ведет к бюрократизации общества и превращению самой единой пирамиды в **бюрократическую сеть**. Второй

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 19–22.

2 Ibid. P. 21. Мы используем прилагательное «мультипирамидальный» в разных контекстах, но всегда с одним и тем же значением: ни одна социальная группа не доминирует над всеми остальными.

3 Ibid P. 64.

заключается в том, что партия-государство монополизирует все имеющиеся ресурсы и способствует слиянию ветвей власти, что означает, что в такой системе не выживают никакие другие пирамиды и что ни один из членов правящей элиты не может находится за пределами партии-государства и ее формальной институциональной структуры. **Номенклатура**, как обычно называют правящую элиту коммунистических диктатур, представляет собой **реестр государственных должностей**, включая партийные, то есть принимающие политические решения на национальном и местном уровнях, и административные, то есть принимающие решения в государственных компаниях и других учреждениях, ответственных за выполнение центральных планов[1]. Поскольку распределение экономических и политических ресурсов между людьми, находящимися на более низких уровнях, сосредоточено в руках людей на более высоких уровнях [▸ 5.6.1], между членами иерархии возникает неравенство, что указывает на наличие патронально-клиентарных отношений бюрократического типа. Неформальные патрональные сети также формируются вокруг этих формальных должностей, и, соответственно, неформальные связи не могут дать кому-то больше власти, чем та, которая предоставляется этому человеку вместе с должностью внутри отдельной бюрократической патрональной цепочки во властной сети.

В номенклатуре именно формальные должности стоят на первом месте, а конкретные люди, их занимающие, — на втором. Другими словами, табель бюрократических должностей намного стабильнее, чем список людей, выбранных для того, чтобы его наполнить. В правящей элите **патрональных автократий** дело обстоит иначе, поскольку там **первичной является** патрональная сеть: так называемая **приемная политическая семья** и **ее члены**. Фактически, сеть, как правило,

1 *Voslensky M.* Nomenklatura.

создается вне государства, и **как только власть попадает в ее руки, официальные должности подгоняются под нужды или желания семьи**. Таким образом, приемная политическая семья задает координаты, именно список людей в рамках патрональной иерархии более стабилен, чем формальная институциональная структура. В то время как в номенклатуре, где должности являются первичными и одному человеку обычно присваивается одна должность на определенном уровне бюрократической иерархии, член приемной политической семьи может занимать много различных должностей на разных уровнях формальной иерархии.

Это приводит нас к последнему аспекту формальности — неформальности, дифференцирующему правящие элиты в режимах полярного типа. **Приемная политическая семья — это главным образом неформальный феномен**, то есть, во-первых, ее подлинная иерархия не соответствует (и часто бывает важнее) формальной иерархии государственных институтов, а во-вторых, у нее нет юридически установленной формы. Реальное право принимать решения забирается у «руководящих» партийных органов (которые тем не менее остаются под чутким надзором) и передается через главного патрона его «двору», не имеющему формальной структуры и легитимности [► 3.3.2]. Патронально-клиентарные отношения, скрепляющие сеть и поддерживающие власть главного патрона, происходят не из бюрократической иерархии, а из того же источника, что и в коммунистических диктатурах, а именно из «монополизации патронами определенных позиций, которые жизненно важны для клиентов»[1]. Это относится в первую очередь к политическим ресурсам, то есть государственному сектору, но также распространяется и на экономические ресурсы, сконцентрированные в частном секторе. Приемная политическая семья также использует

1 *Eisenstadt S. N., Roniger L.* Patron — Client Relations as a Model of Structuring Social Exchange. P. 50.

государственное принуждение в качестве своего основного метода; однако в патрональных автократиях ветви власти формально разделены и связаны между собой только неформально [► 4.4.3]. Через полное присвоение государства, а также самовольное и неограниченное использование инструментов публичной власти неформальная патрональная сеть распространяется практически на все уровни общества[1].

Неформальность приемной политической семьи **отличается от неформальных феноменов, относящихся к коммунистической и демократической правящим элитам**. Как мы упоминали ранее, при коммунистической диктатуре между членами номенклатуры существовали неформальные связи, включая личные отношения, неофициальные устные приказы и договоренности [► 1.4.1][2]. В либеральных демократиях неформальность проявляется на уровне элит в трех формах: (1) неформальные отношения, такие как знакомства и дружба, которые способствуют интеграции политических и экономических элит[3]; (2) неофициальные соглашения, в частности те, которые были заключены до официальных дебатов (например, парламентских)[4]; и (3) такие неформальные внутриэлитные нормы, как взаимная толерантность (*mutual toleration*) или институциональная сдержанность (*institutional forbearance*)[5],

1 *Lakner Z.* Links in the Chain: Patron-Client Relations in the Mafia State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 149–180.

2 *Ledeneva A.* Can Russia Modernise? P. 30.

3 См., соответственно: *Moore G.* The Structure of a National Elite Network // American Sociological Review. 1979. Vol. 44. № 5. P. 673–692; *Heemskerk E., Fennema M.* Network Dynamics of the Dutch Business Elite // International Sociology. 2009. Vol. 24. № 6. P. 807–832.

4 *Reh C.* Is Informal Politics Undemocratic? Trilogues, Early Agreements and the Selection Model of Representation // Journal of European Public Policy. 2014. Vol. 21. № 6. P. 822–841.

5 Понятие «институциональная сдержанность», введенное Стивеном Левицким и Дэниелом Зиблаттом в книге «Как умирают демократии» (2018), означает, что политики и, соответственно, институты, которыми они руководят, делают осознанный выбор не использовать против политических

которые, по мнению некоторых исследователей, абсолютно необходимы для здорового функционирования либеральной демократии и ее способности противостоять автократическим тенденциям[1]. Такие проявления неформальности, **характерные для либеральных демократий и коммунистических диктатур, резко отличаются** от неформальности приемной политической семьи **по следующим причинам**:

• **Неформальность строится вокруг формальных институтов**, то есть (1) неформальные отношения подразумевают наличие у акторов формальных должностей. Иначе говоря, такие отношения формируются только между одними формальными акторами и другими формальными акторами, а их неформальные отношения не дают им дополнительных политических компетенций или власти (особенно в коммунистических диктатурах). (2) Неформальные нормы помогают функционированию формальных институтов, поскольку в действительности они просто превращают позитивный опыт использования неформальных моделей поведения в рамках формальных институтов в привычку (особенно в либеральных демократиях). (3) Неформальные внутриэлитные сети не выходят за пределы формального институционального пространства (что одинаково важно для обоих типов режимов). Следовательно, формальность имеет превосходство над неформальностью. **В патрональных автократиях, напротив, неформальность преобладает над формальными институтами**, то есть (1) неформальные отношения не подразумевают наличия у акторов формальных должностей и дают возможность человеку, не занимающему политический пост,

оппонентов свои законные полномочия «на полную», чтобы сохранить работоспособность политической системы. Другими словами, они сдерживают себя от злоупотребления буквой закона в ущерб его духу, несмотря на то, что такие их действия могли бы причинить значительный урон их политическим противникам, оставаясь при этом полностью в рамках закона (*прим. пер.*).

1 *Levitsky S., Ziblatt D.* How Democracies Die. New York: Crown, 2018. Подробнее об автократических тенденциях см. Главу 4 [▸ 4.4.1].

обладать политической властью; (2) неформальные сети используют формальные институты в той степени, в которой они необходимы, но в других случаях неформальность выходит на первый план как главный принцип распределения власти, правоприменения и поведения элит; и (3) неформальные связи существуют не только между теми, кто обладает формальной властью, но часто включают и тех, кто ею не обладает; это приводит к тому, что сеть выходит за границы формальной институциональной среды.

• **Неформальные соглашения не лишают формальные органы их фактической роли в процессе принятии решений**, который остается полностью в рамках их компетенций. Наиболее наглядно это проявлялось в кремленологии, изучавшей коммунистические диктатуры, ведь ее главным объектом были именно неформальные отношения внутри номенклатуры и между партийными лидерами, а неформальных властных позиций, занимаемых людьми извне, не существовало. В либеральных демократиях главной причиной, по которой соглашения могут заключаться до начала официальных дебатов — а значит, в обход официальных институтов, — является желание обеспечить секретность, то есть стремление скрыть реальные мотивы и договоренности от общественности. Однако решения *де-факто* и *де-юре* принимают одни и те же люди. То есть те, кто обладают формальными полномочиями для принятия каких-то решений, заключают и неформальные сделки по тому же предмету (как и в предыдущем пункте). Напротив, **в патрональных автократиях принимающие решения официальные органы становятся организациями, напоминающими «приводной ремень»**, то есть они лишены реальной власти, на самом деле сконцентрированной в руках приемной политической семьи. Решения принимает одна группа неформально связанных людей: некоторые из них (а) имеют официальные властные полномочия, но выходят далеко за их рамки (например, главный патрон, то есть

президент или премьер-министр), а некоторые (b) формально не наделены вообще никакой политической властью (например, олигархи из ближнего окружения [▸ 3.4.1]). В свою очередь, те, кто предлагают эти решения в рамках формальных (прозрачных) институтов и потом голосуют за них, являются преимущественно «политическим фасадом», то есть просто исполняют решения, принятые политической семьей [▸ 3.3.8].

• **Неформальные нормы соблюдаются, но, как правило, не являются принудительными**, то есть те, кто не признают неформальные нормы, могут восприниматься как аутсайдеры или провокаторы[1], и другие участники могут не захотеть с ними сотрудничать, но никого силой не заставляют следовать неформальной норме (особенно в либеральных демократиях). Подобным образом в либеральных демократиях неформальные внутриэлитные отношения могут быть дружескими или приятельскими, но они не принимают форму принудительных иерархий, возникающих между формально-независимыми членами элиты. **В отличие от этого в приемной политической семье неформальные отношения являются принудительными**, поскольку они действительно отражают отношения патрона и клиента, навязываемые главным патроном с помощью инструментов государственной власти (выборочное правоприменение, дискреционное государственное принуждение и вмешательство [▸ 2.4.6, 4.3.5, 5.4]).

На протяжении всей книги при обсуждении неформальности особую важность имеют **неформальные практики**, определяемые Леденёвой как «результат творческого подхода участников к формальным правилам и неформальным нормам или импровизация игроков, направленная на превращение ограничений в возможности. [Неформальные практики — это] повседневные инструменты и стратегии игроков, которые незаконно используют формальные правила,

1 *Levitsky S., Ziblatt D.* How Democracies Die. P. 72–96.

манипулируют ими или эксплуатируют их, а также <...> используют неформальные нормы и личные обязательства для достижения целей вне личной сферы»[1]. В либеральных демократиях неформальные практики проявляются как отклонения от нормы, например в случае добровольной коррупции [▸ 5.3.2.2] и демократического легализма [▸ 4.3.5.3]. В патрональных автократиях неформальные практики выступают в качестве сущностных элементов режима, как в случае принудительной коррупции [▸ 5.3.2.3], политически выборочного правоприменения [▸ 5.3.2.2] и введения условия соответствия «теневой норме» для применения закона в целом [▸ 4.3.4.2].

Неформальный патронализм представляет собой не только зависимость, но и передачу ресурсов, которыми патрон может распоряжаться. **Вознаграждения (а также наказания) распределяются с особого, личного разрешения патрона, а их объектом является непосредственно клиент**, будь то физическое лицо или организация. Это подводит нас к понятию дискреционности, которое мы рассматриваем более подробно далее [▸ 2.4.6]. В либеральных демократиях правящая политическая элита, конечно, может формировать отношения так, чтобы они обеспечивали поток ресурсов, но эти отношения могут быть оформлены только нормативно: вознаграждения и наказания получают целые отрасли или группы интересов, вне зависимости от того, какие конкретно лица к ним принадлежат [▸ 5.4.2.3]. В патрональных режимах патроны выбирают объекты не нормативно, а дискреционно, улучшая (или ухудшая) положение конкретных клиентов. Если перевести взгляд с распределения ресурсов на аспект принятия решений, мы также можем заметить, что **патрональные системы отдают право принятия решений в руки единственного актора, патрона**, и поэтому существующие и предоставляемые полномочия закреплены за конкретным лицом. Напротив,

[1] *Ledeneva A.* Unwritten Rules: How Russia Really Works. P. 20–22.

Таблица 2.3: Сопоставление патрональных и непатрональных отношений

	Непатрональные	**Патрональные**
Институты	формальные	неформальные
Нормативные правила	нормативные	дискреционные
Принятие решений	коллективные (полномочия)	персональные (полномочия)
Распоряжение	бюрократические/институциональные цепочки	клиентарные/персональные цепочки

в западных **либеральных демократиях коллективные полномочия и принятие решений (когда решения принимают органы, а не отдельные люди)** нужны, чтобы сохранять беспристрастность и избегать самовольного принятия решений.

В Таблице 2.3 кратко изложены **ключевые аспекты, по которым посткоммунистические патрональные отношения можно отличить от непатрональных отношений западного типа.** Во-первых, по сравнению с западным контекстом, где формально-правовые статусы и правила описывают и фактические статусы и отношения конкретных акторов, посткоммунистические патрональные отношения носят преимущественно неформальный характер. Во-вторых, тогда как непатрональные отношения предусматривают нормативные и безлично предоставляемые выгоды или наказания, патроны в патрональных отношениях на персональной и дискреционной основе выбирают акторов и распределяют между ними выгоды и наказания по своему усмотрению. В-третьих, в отличие от вышеупомянутых коллективных полномочий в либеральных режимах, патрональные системы подразумевают персональные полномочия и принятие решений. Наконец, **в либеральных демократиях** частные или государственные организации развиваются через **бюрократические институциональные цепочки, состоящие из нескольких уровней формально закрепленных на них акторов и соответствующих процедур.** Напротив, в организациях **патрональных автократий** преобладают

неформальные патрональные отношения, которые **зависят от клиентарных персональных цепочек**.

Поместив в наш фокус все три полярных типа режимов, можно заметить, что (1) как в **либеральных демократиях**, так и в **коммунистических диктатурах преобладают формальные институты**, будь то партийные или государственные, одно- или мультипирамидальные системы, тогда как **патрональные автократии** характеризуются **доминированием неформальных институтов**. Для большей точности мы можем использовать термин Стивена Левицкого и Гретхен Хельмке «неформальная организация»[1], который обозначает неформальную общность, (1) организованную по сетевому принципу и (2) противопоставляющую себя формальным институтам. Таким образом, в патрональных автократиях действительно можно наблюдать доминирующее положение одной конкретной неформальной организации, а именно неформальной патрональной сети правящей элиты, то есть однопирамидальной приемной политической семьи.

2.2.2.3. Стратификация патрональных пирамид: одноуровневые и многоуровневые единые пирамиды

В **однопирамидальных системах** власть сосредоточена в руках высшего руководства. Кроме того, такие системы **имеют внутреннюю стратификацию**. Во-первых, у них есть определенная иерархия, которая, как следует из названия, представляет собой пирамидоподобную конструкцию с самым могущественным актором наверху и наиболее слабыми акторами внизу. Однако это не означает, что акторы расположены в строгом порядке постепенного убывания ресурса власти. Скорее они разбиты на **слои** патрональной иерархии.

[1] *Helmke G., Levitsky S.* Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2. № 4. P. 725–740.

Каждый слой состоит из равных с точки зрения количества власти акторов[1], и, подобно пирамиде, наименее могущественный и самый «густонаселенный» слой находится внизу, второй, чуть менее могущественный и густонаселенный, — на один уровень выше и так далее, до самого верхнего слоя. Верхний слой является единственным, где нет нескольких равных акторов, а есть только главный патрон, власть которого, как правило, уникальна и не имеет аналогов внутри пирамиды [▸ 4.4.3.2].

• ***Главный патрон*** *— это глава патрональной сети. Его власть исключительно велика, то есть с точки зрения объема ресурса власти и степени влияния на членов конкретной сети никто не может с ним сравниться.*

Когда речь идет о **единой пирамиде**, главного патрона мы будем называть **верховным патроном** [▸ 3.3.1]. В подчинении у главного патрона есть также субпатроны, которые выполняют функцию связи между слоями патрональной иерархии.

• ***Субпатрон*** *— это клиент главного патрона, который также имеет своих собственных клиентов ниже по патрональной иерархии. Внутри патрональной сети есть акторы, которые могут сравняться в субпатроном по уровню могущества, но, как правило, у субпатрона всегда есть клиенты, которые отчитываются только перед ним (и опосредовано перед главным патроном).*

Что касается единых пирамид внутри правящих элит, **в коммунистических диктатурах каждый слой формализован**, и существует строгая, юридически обязывающая иерархия, которая выражена в табеле официальных должностей членов номенклатуры[2]. Напротив, **в патрональных автократиях слои являются неформальными**, а формальное служебное положение членов приемной политической семьи

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 21.

2 *Voslensky M.* Nomenklatura.

не обязательно выражает их фактическое положение внутри неформальной патрональной сети. Если говорить о фактическом положении, то здесь **самый главный водораздел проходит между теми, кто имеет возможность прямого контакта с главным патроном, и теми, кто такой возможности не имеет**, даже с учетом того, что может существовать несколько уровней приемных политических семей. Акторы, допущенные до личного общения с главным патроном, если сравнивать их с теми, у кого нет такой возможности, обладают большей властью и влиянием как на самого патрона, так и на всю патрональную сеть (первых мы называем **двором патрона** [▸ 3.3.2]). Так, Станислав Маркус анализирует сеть российского верховного патрона Владимира Путина и выделяет три важные группы: (1) личные друзья Путина («связанные с ним через дачный кооператив „Озеро", его хобби и его карьеру»); (2) так называемые силовархи[1] («бизнес-элиты, которые смогли баснословно разбогатеть, выгодно использовав свои контакты в ФСБ или вооруженных силах»); и (3) люди со стороны («сверхбогатые <...>, лично не связанные с Путиным, военными или ФСБ»)[2]. Хотя все эти группы важны и пользуются привилегиями, которыми их наделяет принадлежность к однопирамидальной патрональной сети, они различаются с точки зрения близости к власти и, следовательно, (1) их возможности влиять на решения Путина и (2) доступа к экономическим ресурсам [▸ 6.2.1][3].

В единых пирамидах **конкуренция существует внутри слоев и, возможно, между слоями, но не в отношении**

[1] Термин происходит от слияния русских слов «силовик» (сотрудник силового ведомства) и «олигарх» (*прим. пер.*).

[2] *Markus S.* The Atlas That Has Not Shrugged: Why Russia's Oligarchs Are an Unlikely Force for Change // Dædalus: Journal of the American Academy of Arts & Sciences. 2017. Vol. 146. № 2. P. 101–102.

[3] *Lamberova N., Sonin K.* Economic Transition and the Rise of Alternative Institutions: Political Connections in Putin's Russia // Economics of Transition and Institutional Change. 2018. Vol. 26. № 4. P. 615–648.

верховного патрона. В приемной политической семье субпатроны подчиняются принципу интересов элиты и пытаются присвоить как можно больше политических и экономических ресурсов, а равные по власти акторы на каждом уровне патрональной иерархии конкурируют друг с другом по принципу «кто кого»[1]. Однако никто из них **не может бросить вызов верховному патрону**. Последний допускает конкуренцию между своими клиентами, которые могут мобилизовать своих собственных клиентов, а также привлечь (государственные) ресурсы в той сфере, которой они управляют[2]. При этом главный патрон всегда имеет право вето на каждое их действие, то есть может в любой момент вмешаться, используя свои публичные полномочия, тогда как несогласие с патроном воспринимается как нелояльность, которая всегда наказуема [▸ 3.6.2.4]. В этом состоит отличие патрональных единых пирамид от бюрократических, где бросать вызов главному патрону, то есть генеральному секретарю партии, безусловно, тоже запрещено, но если это все же происходит, конкурент наказывается не за нелояльность к патрону как личности, а за предательство по отношению к партии-государству [▸ 3.3.5].

Помимо слоев, однопирамидальные сети также могут иметь **уровни**, которые подразумевают относительную автономию. В так называемых **многоуровневых единых пирамидах** патрон нижнего уровня (1) находится в подчиненном положении по отношению к главному патрону верхнего уровня, то есть верховному патрону, но при этом (2) у него есть своя сеть клиентов, и он может распоряжаться ими, а также политическими и экономическими ресурсами (местного) правительства практически беспрепятственно. Естественно, он делится своими ресурсами с главным патроном, а также

[1] Ср.: *Markus S.* Property, Predation, and Protection: Piranha Capitalism in Russia and Ukraine. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

[2] *Markus S.* The Atlas That Has Not Shrugged. P. 105–107.

ни в чем не смеет его ослушаться, но в обмен на это он получает относительную свободу самоуправления внутри своих владений. Чарльз Тилли называет такого рода отношения **посреднической автономией** [▸ 5.3.4.2][1]. Многоуровневые однопирамидальные системы **существуют главным образом в патрональных автократиях с большой территорией**, таких как Россия, тогда как патрональные автократии поменьше, такие как Венгрия, обычно выстраивают **одноуровневые единые пирамиды**, не допуская никаких посреднических автономий [▸ 7.4.3.1].

1 *Tilly C.* Trust and Rule. New York: Cambridge University Press, 2005. P. 32.

2.3. ДОМИНИРУЮЩИЙ ПРИНЦИП ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА

2.3.1. Общественные интересы, интересы элит и реализация идеологии

Правящая элита — это главный актор внутри государства. Из этого следует, что направление деятельности государства определяется действиями правящей элиты, движимой теми или иными мотивами в процессе управления. Уловив разницу между идеальными типами мотивов, мы можем определить **подтипы государства**, каждый из которых обычно возглавляет правящая элита, действующая в соответствии с определенным типом мотивации. Естественно, отдельные политические акторы могут преследовать различные цели, но нам кажется, что можно определить некие общие принципы, ценности и интересы, которые выделяют разные типы правящих элит и отличают их друг от друга. Точнее говоря, поскольку модель поведения некоторых фракций элит может не сочетаться с моделью поведения других акторов и фракций, мы определяем не просто общие, а доминирующие принципы, то есть те, которые лежат в основе большинства действий государства (правящей элиты). Мы называем это **доминирующим принципом функционирования государства**. При определении подтипов государства роль доминирующего принципа можно сравнить с «конституцией» правящей элиты, то есть с главным сводом норм, обуславливающих ее модель поведения, а следовательно, и фундаментальные свойства государства, главным актором которого она является.

Мы выделяем **три идеальных типа доминирующего принципа**, основанных на определенной комбинации свойств

Таблица 2.4: Идеальные типы принципов функционирования государства

	Идеология (стремление использовать власть для реализации ценностей на уровне общества)	Монополизация власти (стремление к полной концентрации власти в руках одной группы)	Накопление личного богатства (стремление использовать власть для личного обогащения)
Принцип общественных интересов	X	–	–
Принцип интересов элит	–	X	X
Принцип реализации идеологии	X	X	–

(Таблица 2.4). Первый — это принцип общественных интересов:

• ***Принцип общественных интересов*** *является доминирующим принципом функционирования государства, если правящая элита стремится использовать политическую власть для воплощения идеалов (присущих определенной идеологии), но не стремится исключительно обладать ею (то есть не монополизирует власть). В соответствии с этим принципом правящая элита сфокусирована на общественных группах за пределами политической сферы, а действия государства направлены главным образом на защиту интересов таких групп (увеличения их благосостояния, влияния, свобод и т. п.).*

В практических целях мы определяем «**интерес**» в этом контексте как стремление обеспечить и улучшить то, что философ Джон Ролз относит к категории первичных благ, в получении которых каждый человек предположительно должен быть заинтересован. К ним относятся доход и богатство, физическая безопасность, основные права и свободы, общественное положение и должности и т. д.[1] «**Общественный интерес**» означает (1) защиту основных прав и свобод всего

[1] *Rawls J.* Justice as Fairness: A Restatement. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 58–59.

населения и (2) удовлетворение материальных интересов некоторых социальных групп вне правящей элиты (то есть неполитических общественных групп, таких как социальные классы и т. п.), которым правители решают уделить приоритетное внимание. Другими словами, общественный интерес складывается из **отдельных интересов** определенных групп общества. Какие группы должны быть в приоритете, определяет **идеология** политических акторов, которую мы понимаем как систему взглядов на то, как должно жить общество, продвигаемую политиками в своих заявлениях [▸ 6.4]. Таким образом, мы утверждаем, что там, где доминирующей мотивацией правящей элиты является реализация идеологии без стремления к монополизации власти, правящая элита управляет государством по принципу общественных интересов. Так, (1) отсутствие концентрации власти в руках одной группы ведет к плюрализму, а принятие плюрализма (то есть отсутствие стремления захватить всю власть) выливается в необходимость предоставления основных прав и свобод для всего населения [▸ 4.2.2], и (2) идеология подразумевает представление о наилучшем общественном устройстве, которое неизбежно приводит к тому, что в государство в своей деятельности начинает приоритетно относиться к некоторым социальным группам, не включенным в правящую элиту [▸ 4.3.4.1].

Второй идеальный тип — это принцип интересов элит.

• ***Принцип интересов элит*** *является доминирующим принципом функционирования государства, если правящая элита стремится сконцентрировать всю власть в своих руках (монополизация власти) и использовать ее для личного обогащения (накопления богатства). Исходя из этого принципа, правящая элита ориентируется на себя, то есть на политическую сферу, и действия государства в основном направлены на защиту интересов правителей (их богатства, власти, свободы и т. д.).*

Дихотомия общественных интересов и интересов элит обсуждается в политической науке со времен Аристотеля[1]. В работе Норта различается «теория контрактного государства», где «государство преумножает благосостояние общества», и «теория хищнического государства», в которой государство преумножает «доходы правящей группы»[2]. В нашем понимании государство действует по принципу интересов элит в следующих ситуациях:

1. Правящая элита пытается сконцентрировать всю власть в своих руках (централизация и монополизация власти) и (a) распространяет формальное и неформальное влияние на политическую сферу, а также (b) обеспечивает собственную несменяемость и подрывает автономию и авторитет конкурирующих акторов, чтобы они не могли помешать лидеру властвовать.

2. Правящая элита использует неограниченную власть для увеличения своего благосостояния (накопления личного богатства), то есть (a) обогащает себя, а в случае патрональной автократии — и членов приемной политической семьи, а также (b) обогащает своих потенциальных вассалов, то есть тех, с кем правящая элита (и особенно ее лидер) может установить прочные патрональные отношения.

Следует понимать, что **мотивы монополизации власти и накопления личного богатства идут рука об руку: их**

[1] «[Люди], которые нисколько не нуждаются во взаимопомощи, безотчетно стремятся к совместному жительству. Впрочем, к этому людей побуждает и сознание общей пользы, поскольку на долю каждого приходится участие в прекрасной жизни (*dzen kalos*); это по преимуществу и является целью как для объединенной совокупности людей, так и для каждого человека в отдельности. <...> Итак, ясно, что только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих — все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных» (*Аристотель.* Политика // *Аристотель.* Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 455–456).

[2] *North D.* Structure and Change in Economic History. New York: W. W. Norton & Co., 1981. P. 22.

трудно отделить друг от друга или расставить в иерархическом порядке, ведь для накопления богатства необходимо обладать властью [▸ 5.3.2], а для того, чтобы ее удержать, приходится использовать богатство [▸ 5.3.4.4]. Неудивительно, что в русскоязычной литературе возникает понятие власть-собственность, которое очень четко отражает тот факт, что **в посткоммунистическом регионе нет власти без собственности и нет собственности без власти**[1]. Эти два мотива всегда тесно связаны, и их нельзя разделить в отсутствие идеологической программы, которая не была бы сосредоточена на накоплении богатства. Более того, такую правящую элиту можно охарактеризовать **не как управляемую идеологией, а как пользующуюся идеологией** [▸ 6.4.2]. Элита может публично транслировать некую идеологию и видение того, как должно функционировать общество, но те конкретные политические шаги, которые она предпринимает на практике, как правило, не соответствуют этой идеологии. Таким образом, мы не можем принять транслируемую элитами идеологию как доминирующий принцип функционирования государства[2]. Скорее действия государства с такой правящей элитой можно объяснить тем, что последняя сосредоточена на себе самой и использует инструменты государственной власти для удовлетворения своих интересов. В государстве, подчиненном принципу интересов элит, правящая элита злоупотребляет политической властью ради собственной выгоды [▸ 5.3] и пытается устранить плюрализм, чтобы сохранить свою монополию на власть [▸ 4.4.3].

1 *Ryabov A.* The Institution of Power & Ownership in the Former U.S.S.R. P. 415–435.

2 *Madlovics B.* A maffiaállam paravánjai: ideológiák és rendszerleírások argumentációs-logikai megközelítésben [Ширмы мафиозного государства: аргументированно-логический подход к идеологии и описанию режимов] // Magyar Polip — a posztkommunista maffiaállam 3 [Венгерский спрут — посткоммунистическое мафиозное государство 3]. Budapest: Noran Libro, 2015. P. 317–370.

Несмотря на то, что следующий вопрос будет рассмотрен подробно в Главе 6, нам уже сейчас, забегая немного вперед, важно отметить, что **ведóмость правящей элиты политической идеологией — это не психологический, а социологический вопрос**. Наше утверждение о том, что система лишь пользуется идеологией, не означает, что правители «не верят» в то, что говорят. Как известно, чужая душа — потемки, что в нашем случае создает вполне реальную аналитическую проблему, связанную с невозможностью доступа к мыслям правителей или их точной верификации[1]. Поэтому мы утверждаем лишь то, что система управляется идеологией только в том случае, когда идеология действительно отражает доминирующий принцип, как мы его определяем, то есть когда ее можно разглядеть в основе большинства государственных действий. Как будет показано далее, государства, где этот критерий выполняется, существуют. Например, в коммунистических диктатурах основные черты режима действительно вытекают из базовых принципов идеологии марксизма-ленинизма [► 4.2–3, 5.5.1]. В то же время основные черты государств, функционирующих по принципу интересов элит, не имеют ничего общего с той идеологией, которую публично транслируют их правящие элиты, поэтому, придерживаясь аналитических принципов описательной социологии, мы можем рассматривать эти государства не как управляемые идеологией, а только как использующие идеологию в интересах политической верхушки.

Когда кто-то пытается интерпретировать действия правящей элиты, анализируя идеологию, которую она публично транслирует, этот человек, несомненно, не менее предвзят, чем тот, кто пытается интерпретировать эти действия, пытаясь определить истинные интересы элиты. Обе точки зрения основаны на определенных допущениях. Первая допускает, что главной целью рассматриваемой элиты всегда

1 *Madlovics B.* A maffiaállam paravánjai. P. 317–321.

является реализация идеологии (то есть служение «общему благу»), а вторая не подвергает сомнению, что элита всегда стремится к накоплению власти и богатства (то есть служит только самой себе). В рамках нашего аналитического подхода пытаться установить, какое из этих допущений «истинно», а какое «ложно», не имеет ни малейшего смысла, поскольку мы опираемся на позитивные понятия, а не на нормативные[1] [▸ Введение]. Для нас важно понять, какое из допущений соответствует реальной политической практике. Если правящую элиту, постоянно накапливающую богатство и власть, или государство, часто действующее в своих интересах, лучше всего описывает идеальный тип приоритета интересов элит (например, мафиозное государство [▸ 2.4.5]), то допущение о главенстве этого принципа в данном конкретном случае состоятельно, тогда как пытаться утверждать, что это государство на самом деле преследует идеологические цели, но на практике допускает «политические ошибки» вновь и вновь, «отклоняясь» тем самым от своих идеологических ориентиров, было бы неоправданно. Однако если правящая элита в основном фокусируется на обществе и пытается реформировать его в соответствии с идеологией, мы предполагаем, что она исходит из принципа реализации идеологии.

• ***Принцип реализации идеологии*** *является доминирующим принципом функционирования государства, если правящая элита стремится сконцентрировать всю власть в своих руках (монополизация власти) и использовать ее для реализации ценностей (идеологии). В соответствии с этим принципом правящая элита направляет свое внимание на общественные группы за пределами политической сферы, но действия государства не служат общественным интересам.*

[1] Под позитивными понятиями в данном случае понимаются концепты, определение которых строго основано на эмпирическом опыте и которые противопоставляются нормативному аналитическому языку, допускающему использование умозрительных образов и ценностных ориентиров (*прим. пер.*).

Хотя оба принципа предполагают, что правящая элита руководствуется определенной идеологией, принцип реализации идеологии отличается от принципа общественных интересов, поскольку он не гарантирует базовые права и свободы людей[1]. Точнее, особенность **принципа общественных интересов** заключается в том, что **содержание общественных интересов** (то есть какие именно интересы должно обслуживать государство) **определяется в открытом**, прозрачном и формализованном **процессе публичных обсуждений** и переговоров, в которых участвует каждая заинтересованная социальная группа [▸ 4.3]. Другими словами, этот принцип подразумевает **самоопределяемый общественный интерес**, который формулируется через открытую конкуренцию интересов социальных групп. Роль государства в данном случае заключается в предоставлении пространства для разговора и непредвзятого жюри для согласования этих интересов [▸ 4.2.2]. С другой стороны, **направление действий государства, руководствующегося принципом реализации идеологии, определяется в закрытом**, непрозрачном, а иногда и неформальном **процессе централизованного принятия решений**. Таким образом, правящая элита **постулирует** некие **интересы**, обсудив их между собой за закрытыми дверями, а у тех, за кого принимаются решения, нет никакого доступа к сфере обсуждения спорных вопросов. Роль государства в этой модели заключается в определении интересов людей, для которых оно использует идеологические рамки, отражающие представление правителей о том, как должно функционировать общество. Это представление, а также постулируемые интересы затем навязываются людям

[1] Некоторые диктатуры в XX–XXI веках показали, что, хотя они и могут повысить благосостояние людей, они делают это не так эффективно, как демократии, и не служат общественным интересам с точки зрения защиты основных свобод. См.: *Acemoğlu D., Robinson J.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. London: Crown Publishing Group, 2012.

государством, которое не дает им права голоса в управлении своей жизнью [▸ 4.3].

Каждый принцип функционирования государства влечет за собой специфические отношения между публичной сферой — правителями и государственным аппаратом — **и частной сферой** — остальным обществом. В государствах, которые действуют по принципу **общественных интересов**, мы видим **прозрачное, регулируемое взаимодействие и связь** между двумя сферами, которая всегда дает возможность прийти к согласованному между всеми заинтересованными группами решению. Поскольку, исходя из этого принципа, должностные лица должны ставить общественные интересы выше собственных (то есть интересов элиты), можно говорить о **конфликте интересов** между публичной и частной сферами. Если государство руководствуется принципом **интересов элиты**, происходит **непрозрачное и неформальное смешение** публичной и частной сфер, что приводит к **смешению общественных и частных интересов**. Наконец, когда речь идет о **реализации идеологии**, **частная сфера оказывается подчинена публичной**, поскольку первая не имеет никакого доступа к обсуждению решений, принимаемых и реализуемых последней. Это также можно назвать **подавлением частных интересов**, то есть и самой частной сферы [▸ 5.3.5].

2.3.2. Государство в демократиях и диктатурах

От конституционного государства к партии-государству и от государства — «ночного сторожа» к государству развития через государство всеобщего благоденствия

Опираясь на вышеописанные принципы, мы можем теперь определить идеальные типы государства для полярных типов режимов, а также упорядочить все разнообразие спектра представлений о государстве, встречающееся в академической

литературе[1]. В **либеральных демократиях** идеальным типом государства является «конституционное государство» (от немецкого *Rechtstaat*[2]):

• ***Конституционное государство*** *— это государство, полностью подчиняющееся принципу общественных интересов и управляемое ограниченной в своих полномочиях политической элитой. Ее главные ограничители — разделение властей, а также свобода и независимость общественных групп, закрепленная в конституции.*

С одной стороны, это определение наследует традицию общепринятого понимания конституционализма и верховенства права [▸ 4.4.1.1]. С другой стороны, оно опирается на теорию Мэдисона о контролирующих друг друга противоборствующих фракциях [▸ 4.4.1.2]. Кроме того, оно включает в себя идею о **разделении властей**, то есть закрепленное в конституции разграничение исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти [▸ 4.4.1.1].

В **коммунистических диктатурах** мы, напротив, обычно видим **слияние ветвей власти**, каждая из которых формально подчинена марксистско-ленинской партии-государству [▸ 3.3.8]. Соответственно, государство в контексте коммунизма можно обозначить как «партию-государство».

• ***Партия-государство*** *— это государство, которое подчинено принципу реализации идеологии и которым управляет партия, состоящая из правящей элиты, полностью слившейся с государством. Партия-государство тоталитарно, что подразумевает (1) полное отсутствие независимости всех других*

1 Среди прочих определений существуют также определения типов государств, которые напрямую не отражают способ управления ими. Хорошим примером здесь является понятие «петрокартия», описывающее государства с большим количеством природных ресурсов. Это понятие является скорее характеристикой страны, нежели типа режима, поэтому мы обратимся к таким понятиям только ближе концу [▸ 7.4].

2 Пример метаанализа см.: *Tamanaha B.* On the Rule of Law: History, Politics, Theory. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2004. P. 114–126.

акторов внутри такого режима, а также (2) каких бы то ни было сдержек по отношению к представителям власти.

В целом можно утверждать, что **принцип общественных интересов характерен для демократий, тогда как принцип реализации идеологии лучше описывает диктатуры**. Несомненно, одной из ключевых характеристик диктатур, отличающих их от демократий, является неоспоримая монополия на верховную власть, принадлежащая одному органу власти (партии или чему-то подобному). Таким образом, базовые права и свободы граждан, как правило, подавляются [▸ 1.6].

Однако конституционное государство и партия-государство — это довольно широкие понятия, так как они не уточняют, какую именно идеологию исповедуют их правящие элиты. Фокусируясь на этом аспекте, а именно на типе **публичной политики** [▸ 4.3.4.1], которую эти государства продвигают, мы можем определить несколько подтипов государств, встречающихся среди демократий и диктатур. Используя понятия, закрепившиеся в академической литературе, мы предлагаем классификацию, которая включает так называемые **государства — «ночные сторожа»**, то есть государства, выполняющие лишь самые базовые функции, связанные с обеспечением общественного порядка, судами и национальной безопасностью; **государства всеобщего благоденствия**, то есть те, которые также предоставляют государственное образование и социальные льготы; и **государства развития** [▸ 2.6], или государства, которые берут на себя роль экономических игроков и всячески способствуют реализации целей общественного прогресса[1]. Стоит отметить, что тип «государство — „ночной сторож“» довольно редко встречается в реальном мире и служит в основном для того, чтобы расширить нашу типологическую шкалу, так как большинство демократий в современном мире являются государствами всеобщего

[1] *Johnson C.* The Developmental State: Odyssey of a Concept // The Developmental State. Ithaca: Cornell University Press, 1999. P. 32–60.

Схема 2.1: Шкала типов государственного управления по принципу общественных интересов (ведущая в сторону реализации идеологии [справа])

Государство-«ночной сторож» (полиция, суды, национальная безопасность)	**Государства всеобщего благоденствия** (предоставляющие социальные льготы)			**Государства развития** (играющие роль экономического игрока)
	Либеральное государство всеобщего благоденствия (пособия, предоставляемые с учетом материального положения)	*Консервативное государство всеобщего благоденствия* (семейное социальное страхование)	*Социально-демократическое государство всеобщего благоденствия* (всеобщее социальное страхование)	

благоденствия. Однако по мере продвижения от государств, тяготеющих к полюсу «ночного сторожа», к государствам, больше похожим на государства развития (то есть от минимального количества государственных социальных функций к максимальному), мы можем наблюдать, что тенденция к монополизации власти правящими элитами возрастает[1]. Таким образом, в правой части нашей шкалы государственное управление тяготеет скорее к реализации идеологии, чем к приоритету общественных интересов.

При составлении шкалы вышеупомянутых типов государственного управления, представленной на Схеме 2.1, мы руководствуемся знаменитой классификацией государств всеобщего благоденствия, предложенной Гестой Эспинг-Андерсеном[2]. Кто-то может возразить, что эта типология устарела и что после Эспинг-Андерсена было разработано уже несколько альтернативных типологий таких государств[3]. Помимо этого, поскольку вопрос государственного регулирования является ключевым вопросом дебатов в экономических науках, сразу несколько более свежих типологий используют экономический язык и говорят о «разновидностях капитализма»

1 *Holcombe R.* Political Capitalism: How Economic and Political Power Is Made and Maintained. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 20–43.

2 *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. Oxford: Princeton University Press, 1990.

3 Пример метаанализа см.: *Arts W., Gelissen J.* Models of the Welfare State // The Oxford Handbook of the Welfare State. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 569–583.

и неолиберализма вместо разновидностей государственного устройства [► 5.6][1]. Несомненно, анализ, посвященный систематизации и конкретизации этих категорий, был бы крайне полезен. Однако тут мы вынуждены вернуться к аргументу о жестких структурах, который постулирует, среди прочего, что две преобладающие модели управления в посткоммунистическом регионе — это патримониализация и неформальные патрональные сети. А это значит, что в нашем представлении **посткоммунистические государства скорее основаны на принципе интересов элит**. И поэтому мы более не будем распространяться на тему типологий, базирующихся на принципе общественных интересов, а сразу перейдем к литературе, исследующей государства, базирующиеся на принципе интересов элит.

1 Классическим трудом на эту тему является: Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. New York: Oxford University Press, 2001. Более поздние труды, фокусирующиеся на посткоммунистическом регионе: *Lane D., Myant, M.,* eds. Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries. Studies in Economic Transition. London: Palgrave Macmillan UK, 2007; *Bohle D., Greskovits B.* Capitalist Diversity on Europe's Periphery. Ithaca: Cornell University Press, 2012; *Szelényi I., Mihályi P.* Varieties of Post-Communist Capitalism.

2.4. АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВ, ДВИЖИМЫХ ИНТЕРЕСАМИ ЭЛИТ

Теории о посткоммунистических государствах, которые основаны на презумпции приоритета общественных интересов, неизбежно упускают из вида целый пласт явлений, вызванных наличием таких элементов, как, например, патрональная правящая элита или централизованная / монополизированная коррупция. И то, и другое являются довольно характерными особенностями посткоммунистических режимов. Не обращать внимания на их явное присутствие — это то же самое, что не обращать внимания на мяч при попытке понять футбол: и в том, и в другом случае ключевой элемент, который придает смысл всей остальной игре, неоправданно игнорируется.

В литературе существует целая **группа понятий**, описывающих посткоммунистические (и другие) государства, **которая учитывает допущение о приоритете интересов элит**. Проблема, однако, состоит в том, что исследователи в основном используют эти концепты не как части одной целостной аналитической структуры, а отдельно друг от друга. Не секрет, что такие понятия, как «сетевое государство» и «клановое государство» или «хищническое государство» и «клептократия», используются, по сути, как синонимы. И осознание того, что (1) эти определения в действительности описывают разные сущности и (2) что они **могут быть объединены в логически упорядоченную структуру**, обычно отсутствует.

Чтобы произвести такое логическое упорядочивание, нам необходимо определить набор **измерений**, которые отражаются во всех этих концептах. В поисках этих измерений обратимся снова к аргументу о жестких структурах, и в частности

к Схеме 1.4 из предыдущей главы, на которой показаны особенности посткоммунистического управления [▸ 1.5.1]. На этой схеме представлены две цепочки последовательных явлений, первая из которых касалась личных взаимоотношений. Соответственно, мы можем определить первое измерение, характеризующее государство, которое в форме вопроса будет выглядеть следующим образом:

1. Какова природа правящей элиты?

Вторая цепочка касается институциональных процессов. Так как мы сейчас находимся в сфере принципа интересов элит, то вопрос о втором измерении государственного устройства будет следующим:

2. С помощью каких действий происходит апроприация государственных институтов в интересах элит?

В большинстве случаев эти цепочки явлений привели к появлению системных изменений, в частности — к централизованным и монополизированным формам коррупции (общим определением которой является недобросовестное использование властных полномочий для достижения личных целей [▸ 5.3.2.1]). Это явление можно рассматривать с двух позиций. С одной стороны, можно исследовать сами акты коррупции, когда собственность переходит под контроль правящей элиты (и ее союзников) через злоупотребление государственным аппаратом. Вопрос, позволяющий лучше понять этот процесс, можно сформулировать так:

3. С помощью каких действий происходит апроприация собственности в интересах элит?

С другой стороны, коррупцию можно анализировать с точки зрения отношения к ней государства. Оно может относится к ней либо враждебно, либо поддерживать ее, либо занимать промежуточное положение. Все эти позиции, как правило, отражаются в существующих законах и контроле за их исполнением [▸ 4.3.4–5, 5.3.4.2]. Другими словами, отношение государства к коррупции может меняться от признания

Таблица 2.5: Анализ государств, движимых интересами элит

	Терминологическая основа	Альтернативные определения принципа интересов элит в посткоммунистических режимах
1.	Актор	сетевое / патрональное / клановое государство
2.	Действие (направленное на государственные институты)	патримониальное / султанистское / неопатримониальное / неосултанистское государство
3.	Действие (направленное на собственность)	рентоорентированное государство / клептократия / хищническое государство
4.	Законность	коррумпированное / плененное / криминальное государство

ее несовместимости с государственным правовым пространством до ее фактического поощрения, что позволяет нам сформулировать наш последний вопрос об измерениях государственного устройства:

4. Каковы, с точки зрения законности, действия, направленные на максимизацию интересов элит?

Пытаясь исправить распространенное в существующей литературе случайное и непоследовательное использование терминологии, **мы организуем относящиеся к нашему вопросу понятия** в соответствии с четырьмя упомянутыми измерениями. Мы действуем следующим образом. Сначала мы даем наиболее общее определение государства. Затем, шаг за шагом мы даем все более развернутые ответы на каждый вопрос, соотнося их с так называемыми **уровнями толкования**. Это значит, что для каждого измерения мы принимаем «государство» как базовую единицу, а затем добавляем к нему определяющую характеристику, выраженную через прилагательное. Далее мы добавляем еще одно свойство, меняя прилагательное в соответствии с новым качеством. Мы продолжаем этот процесс, пока не достигнем наиболее радикального воплощения государственного устройства, проявившегося в посткоммунистическом регионе (Таблица 2.5).

Пожалуй, метод шкалы обобщения, введенный в сравнительную политологию Джованни Сартори[1], который предполагает добавление все новых специфицирующих определений ко все более сужаемому классу явлений, наиболее близок по значению и духу к предложенным нами уровням толкования. Однако мы предпочитаем «уровни толкования» сарторианскому языку, потому что считаем, что они лучше отвечают нашим целям. Во-первых, в результате мы стремимся получить набор четко разграниченных категорий, используя которые можно описать то или иное государство по всем присущим ему параметрам. Во-вторых, наши категории действительно наслаиваются друг на друга или отталкиваются от других определений внутри аналитической структуры, что означает, что их регрессивное или взаимозаменяемое использование недопустимо. Необходимо избегать использования более абстрактных понятий (состоящих из меньшего количества уровней), если отдельно взятое государство вписывается в рамки определения более конкретного понятия (включающего, соответственно, большее количество уровней).

2.4.1. Уровни толкования. Какова природа правящей элиты?

Первое измерение — это **природа правящей элиты**. Уровни толкования и относящиеся к ним понятия о государственном устройстве приведены в Таблице 2.6. Разделяя государства по типам, мы опираемся на концепты и определения, приведенные выше в Части 2.2.2.2, прежде всего такие, как неформальность, патронализм и приемная политическая семья.

Нашей концептуальной отправной точкой является **государство** во главе с правящей элитой, которая владеет

[1] *Sartori G.* Concept Misformation in Comparative Politics. P. 1033–1053.

Таблица 2.6: Уровни толкования категорий, относящихся к правящей элите

	Тип государства	Уровни толкования	К какому свойству государства относится категория
1.	**Государство**	Монополия на право санкционировать легитимное применение насилия	Институт, с помощью которого правящая элита осуществляет легитимное применение насилия
2.	**Сетевое государство**	1-е свойство + усиление неформального характера связей внутри государственных институтов и между ними	Осуществление власти правящей элиты главным образом через неформальную сеть
3.	**Патрональное государство**	1-е и 2-е свойство + индивидуальный, патрональный, иерархически зависимый характер правящей элиты	Внутренняя зависимость правящей элиты, патрональ-но-клиентарные отношения (патрональная сеть власти)
4.	**Клановое государство**	1-е, 2-е и 3-е свойство + политико-экономическая клановая (приемная политическая семья) структура правящей элиты	Антропологическая структура и культурные особенности правящей элиты

монополией на легитимное применение насилия. Дальнейшую дифференциацию этого понятия мы определяем следующим образом:

- ***Сетевое государство** — это государство, в котором функции организации государственного управления берут на себя неформальные сети внутри правящей элиты, в то время как формальные институты отходят на второй план.*
- ***Патрональное государство** — это сетевое государство, структура управления которого представляет собой неформальную сеть патронально-клиентарного типа, то есть основанную на иерархических цепочках подчинения.*
- ***Клановое государство** — это патрональное государство, в котором правящая элита представляет собой клановый тип приемной политической семьи, то есть патрональную сеть, основанную на родственных или квазиродственных связях и управляемую патриархальным верховным патроном.*

Из трех прилагательных, определяющих тип государства, «**сетевое**» является самым нейтральным. Возможно, кто-то даже подумает, что оно слишком нейтральное: ведь каждое государство формирует сети, состоящие из членов правящей элиты, которая также очевидным образом связана с государственным аппаратом. Однако тот факт, что мы называем сетевыми не все государства, означает, что именно в этом употреблении слово «сетевое» отражает некое нетривиальное свойство, которое обычно не является частью нормального функционирования государства. Это свойство свидетельствует о **неформальном характере** правящей элиты и ее неформальных методах отправления власти. Согласно нашему определению, неформальность означает отсутствие законной и открыто признаваемой формы, тогда как в сетевом государстве мы можем говорить о **преобладании неформальных институтов** над формальными [▸ 2.2.2.2]. Как пишет Вадим Кононенко в книге, описывающей путинскую Россию как сетевое государство, **сети следует понимать как «менее формальные средства социального взаимодействия, чем те, что существуют между государственными институтами и внутри них** <...>. [Такие] сети можно обнаружить как за пределами государственных институтов, так и внутри <...> министерств и административных иерархий. В этом отношении сети всегда индивидуальны и связывают людей или группы, которые разделяют общие интересы, убеждения и идентичности» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1]. «Засилье» неформальности подразумевает приоритет принципа интересов элит, поскольку при таком сценарии (1) правящая элита вынуждена скрывать от населения настоящие мотивы своих действий, так как удовлетворение ее интересов — в частности, личное обогащение — ни при каких обстоятельствах не может стать приемлемым для ее электората,

[1] *Kononenko V.* Introduction // Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not? Berlin: Springer, 2011. P. 6.

а также (2) неформальность позволяет обходить формальные институты, организованные специально для противодействия интересам элит, и допускать эксклюзивное обладание политической властью [► 4.4.1], а также возможность злоупотребления государственными должностями в личных целях (коррупция [► 5.3]).

Можно утверждать, что неформальность также предполагает элемент секретности, который необходим для удовлетворения интересов элит, таких как стремление к обогащению, поскольку едва ли можно признаться в этом людям (то есть избирателям). Но если речь идет о неформальном патронализме, основной момент заключается в том, что формальная институциональная система профессиональной веберианской бюрократии менее пригодна для постоянных вознаграждений и наказаний по усмотрению правителя, чем неформальные институты и указания [► 3.3.5, 3.6.3]. Это приводит нас к термину «**патрональное государство**», которое Хейл использовал применительно к Молдове[1]. Однако мы понимаем этот термин немного иначе, чем Хейл, в том смысле, что наше определение отталкивается от понятия сетевого государства. Так, мы применяем термин «патрональный» по отношению к особого рода неформальной сети, которой свойственны **патронально-клиентарные отношения**. Как мы объясняем выше, такие отношения имеют вертикальную структуру и демонстрируют безусловность власти и ее неравное распределение между одним человеком — патроном — и его вассалом или подчиненным — клиентом. Иными словами, если неформальная сеть, управляющая государством имеет иерархическое строение, а акторы нижних уровней (неформально) подчиняются акторам высших уровней или зависимы от них, можно говорить о патрональном государстве [► 2.2.2.2].

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 165–174.

Понятие «**клановое государство**» было популяризировано Джанин Ведель[1], хотя ее определение (неформальная элитная группа, которая управляет во множестве областей политики, экономики и права и, соответственно, размывает границы публичной и частной сфер) легко входит в наше понятие сетевого государства[2]. Добавив к этому определению два дополнительных слоя толкования, мы характеризуем сеть не просто как (1) **неформальную**, но и как (2) **патрональную** структуру, (3) **члены которой связаны через родственные или квазиродственные отношения** и образуют «клан» (см. Текстовую вставку 2.2). Таким образом, клановое государство — это государство, управляемое кланом, то есть неформальной патрональной сетью, построенной на основе родственных или квазиродственных уз [▸ 3.6.2.1]. В посткоммунистическом регионе мы называем такие кланы **приемной политической семьей**, потому что комбинация патронально-клиентарных отношений и родственных или квазиродственных связей также влечет за собой все антропологически изученные черты расширенной патриархальной семьи. Вебер понимает патриархальную семью в ее традиционной форме, и основная характерная черта, которую он выделяет, — это **патриархальное господство**. Он пишет, что при патриархальном господстве «именно личное подчинение господину порождает легитимность вводимых им правил, и лишь факт и границы его господской власти вытекают из „норм", но это не сознательно, рационально установленные нормы, а нормы традиции. <...> Власть господина не сдерживается традицией или конкурирующей силой, она

1 Вебер также использовал в своих сочинениях выражение «клановое государство» *(Geschlechterstaat)* (в русском переводе — «родовое государство», *прим. пер.*), но в другом контексте и в другом смысле. См.: *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 287.

2 *Wedel J.* Clans, Cliques and Captured States: Rethinking «Transition» in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union // Journal of International Development. 2003. Vol. 15. № 4. P. 427–440; *Wedel J.* Corruption and Organized Crime in Post-Communist States. P. 3–61.

используется неограниченно и произвольно и, главное, не подчиняется никаким правилам. <...> источником веры в основанный на почитании авторитет является „естественность“ издавна существующего положения»[1]. Такую модель патриархального господства или «единоличной власти»[2] можно наблюдать в нескольких неформальных патрональных сетях посткоммунистического региона, хотя основным связывающим фактором для клана могут быть и другие вещи, помимо традиции. Таким образом, можно выделить как минимум четыре основания для формирования клана: (a) национальность, (b) номенклатурное прошлое (то есть бывшее членство в коммунистической правящей элите), (c) партия и (d) братство[3]. Другие важные связи включают в себя семейные отношения, а также общий бизнес приемной семьи. В некоторых посткоммунистических правящих элитах связь с клиентом не подкреплена ни организационным духом, ни кровными узами, ни фактическим родством, которые соответствовали бы культурному укладу приемной семьи, но лишь лояльностью к главе этой семьи, верховному патрону [▸ 3.6.2.4].

Текстовая вставка 2.2: Общая характеристика клана

<...> клан — это неформальная организация, состоящая из сети индивидов, связанных родственными или фиктивно родственными узами. Эти аффективные связи включают в себя идентичность и обязательства перед группой. Родственные связи уходят своими корнями в расширенную семью, которая была характерна для обществ рассматриваемого региона, а также для племенных обществ. «Фиктивно родственные» связи выходят за пределы кровного родства и включают индивидов в сеть через заключение брака, семейные альянсы, школьные контакты, локальные интересы

1 *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 4. С. 72–73.

2 *Guliyev F.* Personal Rule, Neopatrimonialism, and Regime Typologies.

3 Ср.: *Wedel J.* Corruption and Organized Crime in Post-Communist States. P. 48–49.

и происхождение <...>, соседство, <...> и деревню. Как часто отмечали антропологи и историки, кланы характерны для районов проживания племен и коллективистских культур. Кровные узы не всегда имеют место в кланах. Субъективное чувство идентичности и использование принципов родства, необходимых для сплоченности группы и защиты ее членов, таких как взаимный обмен и лояльность, оказываются более важны, чем объективная реальность родства. Хотя границы клана не фиксированы и изменчивы, их трудно преодолеть. Индивиды не могут легко войти в клан или выйти из него <...>. Кланы обычно выходят за границы социальных классов[1].

2.4.2. Уровни толкования

С помощью каких действий происходит апроприация государственных институтов?

Второе измерение — это **действия правящей элиты**, направленные на использование государственных институтов в интересах элит. Уровни толкования и связанные с ними понятия о государственном устройстве можно найти в Таблице 2.7. Нашей концептуальной отправной точкой снова станет **государство**, управляемое правящей элитой, которая владеет монополией на легитимное применение насилия. А концепты этого уровня толкования мы определяем следующим образом:

- ***Патримониальное государство*** *— это государство, движимое принципом интересов элит, который проявляется в том, что правящая элита стремится рассматривать общество как свою собственность, вписанную в формальную институциональную структуру.*
- ***Султанистское государство*** *— это патримониальное государство, в котором формальные институты не оказывают никакого сдерживающего влияния на правящую элиту (или, скорее, на того, кто ее возглавляет), которая может свободно*

1 *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 17–18.

Таблица 2.7: Уровни толкования категорий, относящихся к патримониализации

	Тип государства	Уровни толкования концепта	К каким свойствам государства относится концепт
1.	**Государство**	Монополия на право санкционировать легитимное применение насилия	Институт, с помощью которого правящая элита осуществляет легитимное применение насилия
2.	**Патримониальное государство**	1-е свойство + движимая собственными интересами правящая элита, стремящаяся к присвоению государственной сферы	Отношение к обществу как к частной собственности
3a.	**Султанистское государство**	1-е + 2-е свойство + управление в условиях отсутствия сдержек	Полное самоуправство при отношении к обществу как к частной собственности
3b.	**Неопатримониальное государство**	1-е + 2-е свойство + управление в рамках формально демократических институтов	Патримониальное правление в новой институциональной структуре (где демократические институты оказывают умеренное сдерживающее воздействие)
4.	**Неосултанистское государство**	1-е + 2-е + 3-е свойство + демократические институты служат прикрытием и используются исключительно в личных целях	Султанистское правление в новой институциональной структуре (где демократические институты не имеют сдерживающего действия)

преследовать свои интересы и расценивать общество как свою собственность, как и когда ей заблагорассудится.

• ***Неопатримониальное государство** — это патримониальное государство, в котором формальная институциональная структура является демократической по виду (то есть предполагает выборы с участием разных партий, разделение ветвей власти, зафиксированное в конституции, а также юридическое признание системы свободного предпринимательства и основных прав человека). Такая институциональная система может частично сдерживать патримониализм правящей элиты или, во всяком случае, оказывать существенное влияние*

на ее действия, заставляя политиков придумывать все более изощренные схемы (которые, в свою очередь, оказывают разрушающее воздействие на институты).

• ***Неосултанистское государство** — это неопатримониальное государство, в котором формальные демократические институты не оказывают никакого сдерживающего влияния на правящую элиту (или, скорее, на того, кто ее возглавляет). При таком режиме правящая элита может свободно преследовать свои интересы и расценивать общество как свою собственность, как и когда ей заблагорассудится, в то время как демократические институты становятся простыми инструментами патримониализма.*

Вводя эти понятия, основанные на адаптированной и переформулированной типологии систем управления Вебера, мы пытаемся передать своеобразный характер посткоммунистических режимов. «**Патримониальным** называется господство, которое изначально традиционно ориентировано, но реализуется в силу полного личного права [господина], — пишет Вебер. — **Султанистским** [называется] патримониальное господство, по способу управления движущееся в сфере свободного, не связанного традицией произвола» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1]. Мы модифицировали это определение таким образом, чтобы измерение институциональной структуры стало более выраженным. Хотя эти понятия в своей первоначальной форме отражают то, что мы описали выше как принцип интересов элит, именно институциональная оболочка, в которой применяется этот принцип, отличает такие государства друг от друга. В патримониальных государствах господство четко выражено и сдерживается традиционными институтами. В султанистских государствах таких сдержек, которые могли бы действительно ограничивать власть правящей элиты, не существует, и, как правило, **глава правящей**

[1] *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 270.

элиты распоряжается государством согласно своим прихотям (отсюда слово «султан»). Таким образом, даже внутриэлитные ограничительные механизмы, которые в других режимах могут реализовываться в виде какого-либо органа, уполномоченного принимать решения, полностью отсутствуют [▸ 3.6.2]. Именно поэтому многие исследователи называют султанизм радикальной формой патримониализма[1].

Простое добавление приставки «нео-» к веберианским понятиям, возможно, не так хорошо передает смысл обозначаемых явлений, как это могли бы сделать содержательные прилагательные (то есть конкретно выражающие природу новизны этих государств). Однако мы все же выбираем именно такой способ формирования понятий, потому что (1) он отражает тот факт, что свойства политических режимов, описанные Вебером, встречаются не только в его эпоху, но и на других исторических интервалах, также (2) он соответствует тому, как эти понятия уже используются в существующей литературе (см. Текстовую вставку 2.3)[2]. Фактически слово «**неопатримониальный**» указывает на трансформацию институциональной структуры и означает, что **патримониализм больше не так явно выражен и не испытывает на себе действие традиционных (жестких) ограничений, но скрывается за фасадом демократических институтов, которые накладывают на него правовые (мягкие) ограничения**. В неопатримониальных государствах правящая элита более или менее выполняет требования существующего правового режима, который она при этом постоянно модифицирует, чтобы он точнее отвечал ее интересам [▸ 4.3.4]. Тем не менее закон все же оказывает воздействие на неопатримониальных правителей, которые вынуждены выискивать все более изощренные способы удовлетворения интересов элит, чтобы скрыть свои настоящие намерения

1 *Guliyev F.* Personal Rule, Neopatrimonialism, and Regime Typologies. P. 577–580.

2 Ср.: *Gerring J.* What Makes a Concept Good?

в демократической среде, где правители полагаются на электоральную гражданскую легитимацию [▸ 4.2].

Текстовая вставка 2.3: О понятии неопатримониализма

Гюнтер Рот был первым, кто отметил появление новых современных форм патримониального господства <...> в своей знаменитой статье «Единоличное правление, патримониализм и построение империи в новых государствах», опубликованной в 1968 в журнале *World Politics*. <...> Шмуэль Эйзенштадт, разрабатывавший в своих трудах комплексную теорию неопатримониализма, сделал следующий шаг в развитии этого концепта. <...> Можно выделить три основных принципа функциональных возможностей неопатримониальных систем:

1) Политический центр отделен и независим от периферии. В нем сконцентрированы политические, экономические и символические ресурсы власти, при этом все другие группы и слои общества лишены доступа к этим ресурсам и контроля над ними.

2) Правящие группы — обладатели государственной власти, которые приватизируют различные социальные функции и институты, превращая их в источники собственной частной прибыли, — управляют государством, как если бы это была их частная собственность (*patrimonium*).

3) Этнические, клановые, региональные и семейно-родственные связи не исчезают, а воспроизводятся в современных политических и экономических отношениях, определяя методы и принципы их функционирования[1].

Неосултанистские государства, напротив, состоят из **формальных институтов, которые используются исключительно в личных интересах**. Другими словами, формальная институциональная структура не имеет никакого влияния на правящую элиту и никак ее не ограничивает, а методы управления могут оставаться такими, какие они есть, без необходимости

1 *Fisun O.* Neopatrimonialism in Post-Soviet Eurasia // Stubborn Structures. P. 94.

идти на ухищрения. И если закон противоречит принципу интересов элит, он будет либо изменен, либо просто проигнорирован [▸ 4.4.3.3]. Легитимация в таких политических системах — всего лишь шоу: всеобщие выборы проводятся, но в случае неблагоприятных для правящей элиты результатов она без колебаний прибегает к фальсификациям [▸ 4.4.3.2].

Следует отметить, что с концептуальной точки зрения неосултанистское государство можно рассматривать как подтип султанистского, где присутствие демократических институтов — лишь дополнительный контекст, внутри которого осуществляется управление. И хотя такая классификация этих режимов кажется довольно логичной, она имела бы меньше аналитической ценности, поскольку в посткоммунистическом регионе именно **неопатримониальные государства**, а не султанистские, **как правило, эволюционируют в неосултанистские** [▸ 4.3.3.3]. Как замечают Хучанг Чехаби и Хуан Линц, использование термина «неосултанистский» «[имеет] преимущество не только потому, что помогает отличать [такие государства] от тех, которые Вебер описывал термином „султанизм“, но также и потому, что соответствует внутренней логике веберианской терминологии; <...> точно так же, как переход от патримониализма к султанизму являлся для Вебера „определенно непрерывным“, неосултанистские режимы — это радикальная версия неопатримониальных форм управления»[1].

2.4.3. Уровни толкования

С помощью каких действий происходит апроприация собственности?

Третье измерение — это **деятельность государства (публичных акторов), направленная на присвоение собственности**. Поскольку каждое государство по определению «использует

[1] *Chehabi H., Linz J.* Sultanistic Regimes. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1998. P. 6.

монополию на легитимное применение насилия для извлечения и распределения ресурсов, а также управления ими», то в этом смысле оно неизбежно вовлечено в принудительную апроприацию и перераспределение частной собственности. Однако чтобы различать государства в зависимости от их подхода к этому, нам необходимо обозначить три признака, по которым отличаются разные типы присвоения собственности. Во-первых, **мы различаем присвоение собственности (a) для личной выгоды**, когда кто-либо завладевает собственностью для повышения собственного благосостояния, а также обогащения других определенных групп людей (семьи, однопартийцев и т. д.), и **(b) для общественной выгоды**, когда кто-либо присваивает собственность и использует ее не для собственного обогащения как такового, а передает ее другим, заранее неизвестным людям (например, для использования в общественных целях, то есть для раздачи всем тем, кто отвечает набору объективных и неуникальных критериев и т. д.)[1]. Во-вторых, мы различаем **отъем (a) денежных средств**, как в случае с налогами, и **(b) собственности в неденежной форме**, как в случае с вмешательством с отъемом собственности или национализации (в либеральных демократиях). Действительно, если мы говорим о денежных средствах, то речь не идет о личной или общественной выгоде как таковой, поскольку большая часть налогов в государстве собирается не на конкретные цели — скажем, подоходный налог не собирается строго для финансирования здравоохранения и образования. В современных государствах налоги поступают в общий фонд, из которого потом финансируются большинство (централизованных) государственных программ[2]. Таким образом, собираемые с людей денежные средства просто пополняют

[1] Ср. с похожими признаками: *Epstein R.* Takings: Private Property and the Power of Eminent Domain. Cambridge: Harvard University Press, 1985. P. 161–181.

[2] *Browning E.* Collective Choice and General Fund Financing // Journal of Political Economy. 1975. Vol. 83. № 2. P. 377–390.

Таблица 2.8: Уровни толкования категорий, относящихся к апроприации собственности

	Тип государства	Уровни толкования концепта	К какому свойству государства относится концепт
1.	**Государство**	Монополия на налогообложение в обмен на выполнение государственных функций	Основной источник государственных доходов
2.	**Рентоориентированное государство**	1-е свойство + законное чрезмерное налогообложение в пользу правящей элиты и ее бенефициаров	Фаворитизм для расширения государственного аппарата или предприятий для правящей элиты и ее бенефициаров
3.	**Клептократическое государство**	1-е + 2-е свойство + незаконный вывод текущих доходов в частные руки	Незаконный фаворитизм
4.	**Хищническое государство**	1-е + 2-е + 3-е свойство + присвоение неденежного имущества через незаконное использование государственного принуждения	Незаконное хищничество

доходную часть бюджета, а потом этот бюджет расходуется на различные цели, как государственные, так и частные. Однако когда денежные средства перераспределяются и расходуются в личных целях, мы различаем (a) **законные** и (b) **незаконные** случаи таких действий — в зависимости от того, соответствует ли передача налоговых средств конкретному (знакомому) лицу / компании существующему законодательству или нет.

Учитывая эти три признака, мы можем выделить несколько типов государств, отражающих разные толкования этого измерения (Таблица 2.8).

Отправной точкой является **государство** во главе с правящей элитой, которая владеет монополией на легитимное применение насилия и использует его для сбора налогов, то есть отъема денежных средств у людей, на которых распространяется власть государства [▸ 5.4.3]. Дальнейшая типологизация выглядит следующим образом:

• ***Рентоориентированное государство*** *— это государство, в котором налоговое бремя, по замыслу покрывающее лишь сферу государственных услуг, специально повышается в целях обеспечения определенных интересов правящей элиты и ее бенефициаров. «Рентоориентированность», то есть «стремление к извлечению ренты» отражается в завышенном уровне дохода, тогда как необоснованные расходы можно назвать «фаворитизмом». На этом уровне и государственная рента, и фаворитизм остаются в рамках правовых норм.*

• ***Клептократическое государство*** *— это рентоориентированное государство, в котором фаворитизм принимает незаконные формы. Незаконное изъятие текущих доходов и ренты может происходить как в обход регламентированных и прозрачных финансовых механизмов, контролирующих государственные расходы, так и через государственные каналы (такие как система госзакупок), и в таких случаях необходимо бывает нейтрализовать систему предусмотренных сдержек.*

• ***Хищническое государство*** *— это клептократическое государство, в котором правящая элита может изымать денежную и неденежную собственность (например, компании) в целях получения личной выгоды. Хищнические методы часто сочетают в себе действия, незаконные по умолчанию (например, вымогательство или хищение средств), с действиями, которые, в сущности, не являются незаконными (например, ходатайства, вносимые независимыми членами парламента, или инициирование налоговых проверок).*

Мы не единственные, кто использует понятие рентоориентированности в таком широком смысле. Часто этот термин используется для обозначения вообще всех вышеупомянутых явлений: начиная с чрезмерного налогообложения и заканчивая хищениями[1]. Однако, с аналитической точки

[1] Пример метаанализа см.: *Holcombe R.* Political Capitalism // Cato Journal. 2015. Vol. 35. № 1. P. 41–66.

зрения, при описании качественно различных практик полезно дифференцировать подтипы и использовать термин «рентоориентированное государство» только для тех правящих институтов, которые не достигают клептократического или хищнического уровней.

Из нескольких определений **ренты**, встречающихся в литературе, мы выбираем веберианское понимание этого концепта, как делают Иван Селеньи и Петер Михайи[1]. Вебер различает два типа социальных отношений: открытые и закрытые. В этой связи он пишет: «социальное отношение <...> называется открытым вовне, если и поскольку участие в социальном действии, которое его конституирует, согласно смыслу этого действия и регулирующему его порядку, не запрещено никому, кто к этому способен и склонен. Напротив, закрытым вовне оно является, если и поскольку <...> регулирующие его порядки исключают, или ограничивают участие, или связывают его с определенными условиями»[2]. В соответствии с этими определениями мы различаем открытые и закрытые рынки на основании того, зависит ли каким-то образом вход новых участников от государства или существующих участников. А «ренту» в этом контексте мы определяем как разницу между тем, (1) какой доход мог бы быть получен в условиях открытого рынка, и (2) фактическим доходом, полученным в результате деятельности на рынке, закрытом для определенных участников. Проще говоря, **рента — это прибыль, обусловленная отсутствием конкуренции**, и чем более закрыт рынок, тем выше рента (при прочих равных условиях) [▸ 5.4.2].

Рента обычно считается сугубо рыночным явлением, но нам кажется, что не стоит настолько сужать это понятие. Можно, например, утверждать, что государство, по сути,

1 *Szelényi I., Mihályi P.* Rent-Seekers, Profits, Wages and Inequality. P. 57–58.

2 *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 100–101.

извлекает ренту всякий раз, когда предоставляет свои услуги в рамках локальных государственных монополий, если его доходы (налоги и другая постоянная прибыль, обусловленная естественными или искусственными государственными монополиями) превышают доход, который оно могло бы получить, если бы предоставляло свои услуги не как монополист, а как предприниматель на свободном рынке, то есть в открытых, а не закрытых отношениях [▸ 5.4.2.4]. Если исходить из этого определения, получается, что «государство» идеального типа вовсе не собирает ренту, поскольку его правительство, приверженное принципу общественных интересов, предоставляет своему населению услуги по такой же или даже более низкой цене (в налоговом исчислении), чем цена, которая могла бы сформироваться на свободном рынке. Так, реально существующие государства, опирающиеся на этот принцип, стараются минимизировать государственную ренту с помощью открытых тендеров, то есть публично обозначая лишь общественно значимые цели, но оставляя их достижение частным акторам. Цена вопроса в данном случае определяется через открытую рыночную конкуренцию между участниками тендера [▸ 5.5.2.1]. Между тем **государственная рента взимается, когда существующая налоговая ставка превышает рыночную стоимость государственных услуг**. Это также можно назвать **завышенным налогообложением**. Кроме того, там, где извлечение ренты происходит намеренно, то есть в государствах, демонстрирующих рентоориентированное поведение, всегда имеет место и расходная часть: дополнительный доход тратится на товары и услуги, пользующиеся особым спросом и расположением правящей элиты и ее бенефициаров. Мы называем такой тип государственных расходов **фаворитизмом**, что в нашем представлении является более нейтральным понятием, чем часто используемое понятие «непотизм» [▸ 5.3.2.2].

В рентоориентированных государствах фаворитизм не нарушает правовые нормы государства. Он обычно выражается в таких действиях, как раздача должностей с высокими зарплатами в государственном аппарате и госкомпаниях друзьям или однопартийцам, расходование налоговых средств на дополнительные льготы политикам или предоставление дотаций конкретным фирмам[1]. Например, Душан Павлович, который исследует посткоммунистическую Сербию, обнаружил, что сербский партийный фаворитизм породил непомерно раздутый бюрократический аппарат и ряд бесполезно растрачивающих средства государственных учреждений, причем все они финансируются из завышенных налогов, которые препятствуют экономическому развитию страны[2]. Однако если фаворитизм принимает незаконные формы, режим превращается в **клептократическое государство**. В такой системе экономические выгоды предоставляются конкретным акторам либо (a) в обход прозрачных и подконтрольных каналов государственных расходов, либо (b) посредством этих каналов через нейтрализацию предусмотренной системы сдержек. Примером для пункта (b) может служить система государственных закупок в тех случаях, когда государство объявляет тендеры, заранее приспособленные под желания заказчика, или приказывает тендерному комитету принять решение в пользу конкретных участников [▸ 5.3.3.3].

Эндрю Ведеман обобщает свойства «чистой клептократии» следующим образом: «(1) системная коррупция, где коррупционная деятельность пронизывает как низшие, так и верхние слои государства; (2) тесно интегрированная иерархия коррумпированных синдикатов во главе

1 Ср.: *Mitchell M.* The Pathology of Privilege: The Economic Consequences of Government Favoritism // SSRN Scholarly Paper. Rochester: Social Science Research Network, 2012.

2 *Pavlović D.* Mašina Za Rasipanje Para: Pet Meseci u Ministarstvu Privrede. Belgrade: Dan Graf, 2016.

с верховным вором, наподобие крестного отца; (3) беспрепятственные хищения; (4) почти полная безнаказанность тех, кто получил от верховного вора право грабить; (5) большой отток денег, полученных в результате коррупции, и (6) широкое использование этих денег для оказания влияния на политиков и чиновников в других странах»[1]. Этот список содержит несколько свойств, которые мы не включили в наше определение, поскольку оно фокусируется на необходимых и достаточных условиях для отнесения государств к клептократическому типу. При этом несколько дополнительных черт, указанных Ведеманом, действительно характерны для клептократических систем: например, навязываемая сверху коррупция (свойство 2 [▸ 5.3.2.3]) или политически выборочное правоприменение (свойство 4 [▸ 4.3.5]). Однако, тогда как слово «клептократия» подразумевает незаконность деятельности правящей элиты, термин «**хищническое государство**» предполагает **насилие**, сопровождающее такую деятельность[2]. Мы определяем «хищничество» следующим образом:

• ***Хищничество*** *— это принудительная апроприация неденежной собственности в личных целях.*

Мы даем более узкое определение для хищничества, чем то, которое обычно используется общественных науках, где это понятие обозначает любой принудительный захват (частной) собственности[3]. Мы делаем это, используя обозначенные выше признаки, чтобы определить государства, которые, помимо перераспределения денежных средств в виде налогов, регулярно захватывают неденежную собственность,

1 *Wedeman A.* Does China Fit the Model? // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. № 1. P. 86–95.

2 *Yakovlev A., Sobolev A., Kazun A.* Means of Production versus Means of Coercion: Can Russian Business Limit the Violence of a Predatory State? // Post-Soviet Affairs. 2014. Vol. 30. № 2–3. P. 171–194.

3 *Vahabi M.* The Political Economy of Predation: Manhunting and the Economics of Escape. New York: Cambridge University Press, 2015. P. 41–45.

такую как компании, преследуя личные интересы правящей элиты. Исходя из принципа интересов элит, цель такого захвата может состоять в передаче собственности членам правящей элиты или изъятии ее из рук врагов [▸ 5.5.4]. Для достижения этих целей хищническое государство использует инструменты государственной власти, распорядительные документы и дискреционное налогообложение в сочетании с незаконными практиками, такими как вымогательство и экономическое «высушивание» компании через нерациональное распределение государственных средств или их урезание [▸ 5.4–5]. В Главе 5 мы называем такие действия «централизованное корпоративное рейдерство», которое является подтипом известного нам из русскоязычной литературы рейдерства[1].

Важно подчеркнуть, что, как видно из Таблицы 2.8, хищническое государство не только занимается хищничеством, но и соединяет в себе свойства всех трех предыдущих типов государства. Таким образом, с точки зрения действий, направленных на отъем собственности, **государство считается хищническим**, если **использует (1) законное взимание ренты (завышенное налогообложение и фаворитизм), (2) незаконное взимание ренты (расходы организованы по клептократическому принципу через такие каналы, как государственные выплаты и госзакупки) и (3) хищничество (централизованное корпоративное рейдерство) для обогащения правящей элиты**. Все эти стратегии дополняет присутствие коррумпированной сети, пронизывающей все государство и, как правило, находящейся в подчинении у верховного патрона, который может контролировать накопление средств и способы его осуществления [▸ 2.6].

1 *Lanskoy M., Myles-Primakoff D.* Power and Plunder in Putin's Russia // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. № 1. P. 76–85; *Viktorov I.* Russia's Network State and Reiderstvo Practices: The Roots to Weak Property Rights Protection after the Post-Communist Transition // Stubborn Structures. P. 437–459.

2.4.4. Уровни толкования

Каковы, с точки зрения законности, действия, направленные на максимизацию интересов элит?

Четвертое и последнее измерение — это **законность действий публичных акторов, движимых интересами элит**[1]. Нашим базовым понятием в данном контексте является «коррупция». Для определения коррупции мы используем следующую распространенную дефиницию, предлагаемую антикоррупционной НПО «Transparency International»[2]:

• ***Коррупция*** *— это злоупотребление вверенными полномочиями в целях личной выгоды.*

Уровни толкования этого измерения и связанные с ними концепты представлены в Таблице 2.9. Отправной точкой является **государство** во главе с правящей элитой, которая владеет монополией на легитимное применение насилия и использует его для сбора налогов, то есть (законного) изъятия денежных средств у людей, живущих под властью государства. Дальнейшая типологизация выглядит следующим образом:

• ***Коррумпированное государство*** *— это государство, в котором коррупция влияет на правоприменение. На этом уровне коррупция представляет собой часто повторяющиеся, не связанные между собой инциденты, когда государственные чиновники принимают или вымогают взятку в денежном или ином выражении, обещая рассмотреть дело таким способом, который выгоден дающему взятку человеку. Стоит добавить,*

[1] В более ранних работах мы использовали для этого измерения термин «легитимность» (*legitimacy*) вместо законности (*legality*). Однако было бы странно, если бы мы заявили здесь, что некоторые государства нелегитимны, при том что ранее охарактеризовали государство как обладающее монополией на легитимное принуждение. Впрочем, способы применения этого принуждения могут быть и незаконными (равно как и законными).

[2] Transparency International. Индекс восприятия коррупции за 2011 г. Часто задаваемые вопросы. URL: http://transparency.ee/cm/files/lisad/2_cpi2011_faqs_ru.pdf.

Таблица 2.9: Уровни толкования законности действий, направленных на реализацию интересов элит

	Тип государства	Уровни толкования концепта	К какому свойству государства относится концепт
1.	**Государство**	Монополия на налогообложение (налоги, рента и т. д.) в обмен на выполнение государственных функций	Основной источник государственных доходов
2.	**Коррумпированное государство**	1-е свойство + злоупотребление доверенной властью в личных целях (кратковременные, нестабильные сети вассальной зависимости)	Коррупция = девиантный элемент системы
3.	**Плененное государство**	1-е + 2-е свойство + устоявшиеся коррумпированные цепочки вассальной зависимости	Коррупция = структурный элемент системы
4.	**Криминальное государство**	1-е + 2-е + 3-е свойство + подчинение политической корпорации и монополизация коррупции (управление по принципу организованной преступной группы)	Коррупция = системообразующий элемент

что, хотя в коррумпированном государстве гражданские, административные или деловые вопросы лучше всего решаются с помощью взяток, взяточничество и другие виды коррупции рассматриваются государством как отклонения от нормы и, соответственно, преследуются как незаконные действия.

• ***Плененное государство*** *— это коррумпированное государство, в котором коррупция влияет не только на применение законов и норм, но и на их содержание. На этом уровне коррупция по вертикали доходит до самых верхних слоев структуры управления и выражается уже не в единичных транзакциях, а происходит регулярно в более или менее устоявшихся цепочках коррупционной вассальной зависимости. Хотя на этом уровне захват государства является частичным в том смысле, что инструменты государственной власти присваиваются коррумпированными акторами*

не полностью, коррупция становится структурным элементом системы.

• ***Криминальное государство** — это плененное государство, в котором коррупция централизована, а правящая элита является ее монополистом. На этом уровне иерархия коррумпированных акторов полностью присваивает инструменты государственной власти. Обычно в роли присваивающего выступает политическая корпорация, имеющая конституционные полномочия (поскольку для полного присвоения требуется отмена юридических сдержек и подкуп множества государственных институтов на национальном уровне). Таким образом, в криминальном государстве коррупция является системообразующим элементом.*

В Главе 5 мы подробнее остановимся на типах коррупции [▸ 5.3]. Здесь же стоит отметить лишь два момента. Первый: приведенные выше типы государств **не всегда руководствуются принципом интересов элит**. В **коррумпированном государстве** присутствует конфликт интересов между правящей элитой и государственным аппаратом, и последний, как правило, пытается продвинуть свои интересы, часто противоречащие интересам правящей элиты. Обычно это означает, что правящая элита преследует общественные интересы, а коррумпированные члены государственного аппарата препятствуют ей в этом, преследуя личные цели [▸ 5.3.2.2]. Таким образом, поскольку ни законодательный орган (тот, что принимает законы, которые коррупционеры впоследствии приспосабливают под свои интересы), ни доминирующий институт (в данном случае формальный правовой институт, создающий контекст для политических действий) не занимаются коррупцией намеренно и целенаправленно, мы можем рассматривать довольно частые, но все же точечные случаи коррупции на низких уровнях как **несистемное отклонение**. Похожая ситуация наблюдается и в **плененном государстве**, где именно частные акторы — в основном

бизнесмены — убеждают отдельных членов правящей элиты действовать против принципа общественных интересов [▸ 5.3.2.3]. Однако, хотя государство в целом не руководствуется интересами элит, в результате его присвоения законодательный орган начинает способствовать коррупции. Так **коррупция становится системной девиацией**. Из трех концептов только **криминальное государство** всегда действует по принципу интересов элит, а коррупционные мотивы имеют как законодательный орган, так и доминирующий институт (в данном случае это неформальная патрональная сеть). Коррупция становится режимообразующим элементом, а коррупционные сделки монополизируются правящей элитой и носят централизованный характер [▸ 5.4.1.1][1].

Второй момент заключается в том, что **если мысленно двигаться от коррумпированного государства в направлении криминального, правовой статус коррупции повышается**: незаконные махинации коррумпированных акторов включают в себя все больше законных элементов, а сама коррупция нормализуется или даже получает одобрение в некоторых исключительных случаях. В коррумпированном государстве коррупция воспринимается как отклонение от нормального функционирования правовой системы государства и преследуется по закону. В плененном государстве она является структурным элементом, а коррупционные выгоды для частных лиц предстают в виде желаемых правовых норм и фаворитизма, оставаясь при этом в установленных законом рамках. В то же время сговор обычно считается незаконным, и тот факт, что инструменты государственной власти лишь «частично присвоены», как утверждает Джанин Ведель, противопоставляющая

[1] Хотя мы используем разные определения, на нашу терминологию сильно повлияли идеи Дэвида О. Фридрикса, который разработал более обширную типологию государственной преступности. См.: *Friedrichs D.* Trusted Criminals: White Collar Crime in Contemporary Society. Belmont: Cengage Learning, 2009. P. 133–141.

такие государства полностью присвоенным «клановым государствам» (см. Текстовую вставку 2.4), предполагает, что законное преследование присвоения государства на национальном уровне остается возможным [► 5.4.1.2].

Текстовая вставка 2.4: Частичное и полное присвоение государства

«Частично присвоенное государство» отличается от «кланового государства» (1) степенью проникновения вертикальных связей в государственные органы и институты и характером этих связей, а также (2) степенью доминирования в политике таких групп, как «институциональные (ведомственные) кочевники» и кланы, и их восприятием политики исключительно как доступа к государственным ресурсам для получения личных выгод. Частично присвоенные государства и клановые государства находятся в континууме между значительной и полной апроприацией государства частными акторами, а также между использованием политики для получения доступа к государственным ресурсам и тотальным переплетением ресурсов и политики. <...> В частично присвоенном государстве неформальные группы используют подкупленных государственных акторов. Например, в Польше неформальные группы могут использовать в своих целях не входящих в группу членов парламента или помочь им туда попасть. Между тем в России, государстве, устроенном по клановой модели, члены клана сами занимают позиции в системе исполнительных органов государственной власти, и их самих можно подкупить. <...> Что касается (2) доминирования и восприятия роли политики, то в клановом государстве, в отличие от частично присвоенного, политика — это не столько способ представить избирателям конкурирующие взгляды на публичную политику, сколько средство дележа добычи в виде государственных ресурсов[1].

1 *Wedel J.* Corruption and Organized Crime in Post-Communist States: New Ways of Manifesting Old Patterns // Trends in Organized Crime. 2001. Vol. 7. № 1. P. 33.

В криминальном государстве государство оказывается полностью присвоенным, а все его институты связаны между собой и формируют единый коррупционный механизм. Как следствие, преступные деяния правящей элиты невозможно преследовать по закону [▸ 4.3.5.2]. Однако от этого сами деяния не перестают быть незаконными — как раз наоборот [▸ 4.3.4.3]. Помимо использования законных инструментов государственной власти, криминальное государство совершает правонарушения**, сопровождающие коррупцию**. Они включают в себя незаконные действия (вымогательство, мошенничество, хищение, незаконное присвоение имущества и средств, отмывание денег, инсайдерские торговые операции, соглашения, ограничивающие конкуренцию в госзакупках или процедурах предоставления концессий и т. д.), а также действия, которые не являются незаконными сами по себе (ходатайства, вносимые независимыми представителями парламента, инициирование налоговых проверок и т. д.). Таким образом, хотя **большая часть деятельности этих государств принимает законные формы**, правящая элита, согласно Палермской конвенции[1], **проявляет признаки организованной преступной группы**: участие «трех или более лиц» в группе «существующей в течение определенного периода времени и действующей согласованно», «имеющей иерархию» и «внутренние механизмы, усиливающие взаимозависимость ее участников», а также ставящей своей «целью совершение уголовных преступлений» с требуемым «распределением задач» и «наймом» сторонних лиц, не входящих в преступную группу, при необходимости.

Незаконность действий криминального государства довольно трудно установить, поскольку в современном государстве, основанном на верховенстве права, такие полномочия

[1] Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, подписанная в декабре 2000 года в Палермо.

имеет суд, а согласно определению криминального государства, судебная власть в нем не обладает достаточной независимостью, чтобы идти против правителей. Тем не менее существуют два феномена, которые подтверждают (и так довольно правдоподобные) заявления исследователей о незаконном характере действий криминального государства. Во-первых, не без участия правящих акторов, совершающих определенные действия и продвигающих определенные правила и назначения, деактивируются надзорные механизмы. **У криминальной организации, будь она частной или государственной, есть три ключевые потребности: источники денег, возможность их отмывать и безнаказанность ее членов**. Криминальное государство должно добиться удовлетворения каждой из них с учетом того, что деактивация надзора нужна для третьего пункта[1]. Она достигается через политически выборочное правоприменение, включающее ситуации, когда генеральная прокуратура постоянно отклоняет жалобы против правящей элиты. Неработающие механизмы контроля — это одно из важнейших условий для проведения успешных коррупционных сделок, особенно если они совершаются регулярно. Естественно, если бы все действия были законны, в этом не было бы необходимости, поскольку тогда даже независимый суд не нашел бы к чему придраться [▸ 4.3.5].

Во-вторых, в полностью правовом государстве члены общества занимают определенные позиции в различных структурах, выполняя роли, предусмотренные этими позициями. В таком государстве нет места тем, кто мог бы выступить посредником между обладателями реальной политической или экономической власти и официальными акторами из этих сфер. Другими словами, *де-юре* и *де-факто* их позиции

[1] Мы вернемся к источникам денег в Главе 7 [▸ 7.4.6]. Что касается отмывания денег, далее мы приводим различные его методы — от участия специализированных брокеров-коррупционеров [▸ 5.3.3.2] до международных схем, например так называемой мировой бездонной бочки недвижимости [▸ 5.3.4.3].

совпадают, и не требуются никакие дополнительные игроки, которые скроют разницу между действительным и номинальным социальным положением, богатством и властью тех, кто эти роли выполняет. В то же время в криминальном государстве возникают так называемые экономические подставные лица, формально владеющие колоссальным состоянием, на деле принадлежащим верхушке правящей элиты, которой закон не позволяет обогащаться за счет государственных расходов [▸ 3.4.3].

2.4.5. Объединяя уровни толкования для различных измерений: определение мафиозного государства

Приведенные выше **типы государства** определяют его только в рамках одного измерения и не отражают аспекты по трем другим измерениям. Так мы приходим к более точному способу формулирования типов государств: поскольку четыре набора уровней толкования касаются различных аспектов функционирования государства, **относящиеся к ним концепты можно одновременно использовать** для описания государства, действующего по принципу элит. Например, рентоориентированное государство может быть также плененным, патрональным и неопатримониальным. И хотя не все комбинации возможны, учитывая согласованность определений для различных государств[1], можно отметить тот тип, который не только возможен, но представляет собой **идеальный тип государства патрональной автократии**. Мы называем его «мафиозное государство». Этот тип соединяет в себе самые экстремальные варианты каждого из измерений государства, действующего по принципу интересов элит (Таблица 2.10).

[1] Пересечения между уровнями толкования с точки зрения законности и с точки зрения деятельности государства, направленной на апроприацию собственности, будут показаны в Таблице 5.9 в Главе 5.

Таблица 2.10: Определяя посткоммунистическое мафиозное государство

	Основа для используемого концепта	**Концепт, относящийся к одному определенному свойству мафиозного государства**	
1.	Актор	клановое государство	
2.	Действие (направленное на получение власти)	неопатримониальное / неосултанистское государство	мафиозное государство
3.	Действие (направленное на получение собственности)	хищническое государство	
4.	Законность	криминальное государство	

Основываясь на каждом последнем из трех определений типов государств для уровней толкования, мы определяем мафиозное государство следующим образом:

• ***Мафиозное государство*** *— это государство, управляемое приемной политической семьей, которая патримониализирует политическую власть в демократической среде и использует ее хищническим образом, регулярно нарушая нормы формального права и управляя государством как организованной преступной группой. Иными словами, мафиозное государство —* ***это комбинация кланового, неопатримониального или неосултанистского, хищнического и криминального типов государств.***

Журналисты используют термин «мафиозное государство» в двух случаях: (a) если государство имеет тесные связи с организованной преступностью, в определенной степени захвачено криминальным синдикатом и вовлечено в различного рода преступную деятельность (наркоторговля, торговля людьми и т. д.)[1] и (b) если государство чрезвычайно

[1] *Naím M.* Mafia States: Organized Crime Takes Office // Foreign Affairs. 20.04.2012; *Dickie J.* Mafia Republic: Italy's Criminal Curse. Cosa Nostra, 'Ndrangheta and Camorra from 1946 to the Present. London: Sceptre, 2014; *Wang P., Blancke S.* Mafia State: The Evolving Threat of North Korean Narcotics Trafficking // The RUSI Journal. 2014. Vol. 159. № 5. P. 52–59.

агрессивно и использует жестокие, «мафиозные» методы для сохранения власти[1]. Однако в нашем академическом повествовании термин определяется следующим образом:

• Мафиозное государство не всегда имеет связи с организованной преступностью, присвоено или управляется криминальной группировкой.

• Правящая элита мафиозного государства не всегда происходит из организованной преступности (хотя это возможно)[2].

• Мафиозное государство необязательно занимается преступной деятельностью, традиционно связываемой с мафией (наркоторговля, торговля людьми и т. д.).

• Мафиозное государство не всегда использует жестокие, насильственные методы в повседневной работе.

Таким образом, **под мафиозным государством мы понимаем не симбиоз государства и организованной преступности, а государство, функционирующее как мафия не с точки зрения преступной деятельности как таковой, но с точки зрения внутренней культуры и управления**. Другими словами, мафиозное государство — это не историческая аналогия, отсылающая к сицилийской или американской мафии, но концепт, акцентирующий внимание на свойствах мафии как социологическом феномене. Мы определяем характерные черты мафии, основываясь на классической работе Эрика Хобсбаума «Простые бунтовщики». По его словам, характерная социологическая особенность **мафии** заключается в том, что это насильственная, **незаконная попытка санкционировать власть доиндустриальной эпохи, которой был наделен патриархальный глава семьи**. Мафия — это приемная семья,

[1] *Ayittey G* The Imminent Collapse of the Nigerian «Kill-and-Go» Mafia State // *Black Renaissance*. 1998. Vol. 1. № 3. P. 97–115; *Harding L.* Mafia State: How One Reporter Became an Enemy of the Brutal New Russia. London: Guardian, 2011.

[2] Ср.: *Miller A.* Moldova under Vladimir Plahotniuc: Corruption and Oligarchy. Tel-Aviv: Studio Igal Rozental Ltd., 2018. Также см. «преступный клан» в Главе 3 [▸ 3.6.2.1].

«форма фиктивного родства, которая подразумевает наиболее значительные и почетные обязательства взаимопомощи для сторон договора»[1]. В то же время Хобсбаум описывает **классическую мафию**, некую форму **организованного подполья**, которая существует в обществе, основанном на принципах современного равенства прав. Таким образом, в этом контексте патриархальная семья бросает вызов государственной монополии на применение насилия, при том что органы государственной власти препятствуют попыткам санкционировать власть, которой наделен глава семьи. Одним словом, мафия — это нелегитимный неоархаизм[2].

В противоположность этому **мафиозное государство** (или, как мы еще его называем, **организованное «надполье»**) ставит целью санкционирование власти патриархального главы семьи на уровне страны через институты демократической политической системы и вмешательство в полномочия государства и его инструментарий. По сравнению с классической мафией мафиозное государство реализует те же характерные социологические особенности только в другом контексте, делая патриархальную семью не просто претендентом на суверенную власть государства, а ее обладателем.

Соответственно, классическая мафия добивается своих целей такими средствами, как угрозы, шантаж и, если это необходимо, кровопролитие, а в мафиозном государстве приемная политическая семья применяет бескровное насилие. С точки

[1] *Hobsbawm E.* Primitive Rebels. P. 55.

[2] Существуют и другие определения мафии: например, экономисты описывают ее как частный институт защиты (см.: *Gambetta D.* The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection. Cambridge: Harvard University Press, 1996). Очевидным образом мы не используем этот концепт в таком смысле. Причина, по которой мы используем другое определение, а именно определение Хобсбаума, заключается в том, что мы хотим определить мафиозное государство по тем особенностям, которые он обозначил как характерные. Определения, подчеркивающие другие особенности, могут хорошо работать в других контекстах, но в контексте этой книги «мафию» следует понимать только в том смысле, в котором мы определили ее выше.

зрения структуры управления, осуществления суверенной власти «крестным отцом» (верховным патроном), патриархальная семья, домохозяйство, поместье и страна являются сходными понятиями. На всех этих уровнях действуют одни и те же принципы осуществления власти. Так же, как патриархальный глава семьи играет главенствующую роль в решении вопросов личного и имущественного характера и устанавливает правила (которые регулируют все аспекты ролей и компетенций «людей из его домашнего хозяйства»), глава приемной политической семьи является лидером страны, где нация переосмысливается и означает его «домашнее хозяйство» (*patrimonium*). Он не управляет людьми, а распоряжается ими. Он обладает властью, отправляет правосудие и делится этой властью с «людьми из своего домохозяйства», нацией, и воздает им по заслугам в соответствии с их статусом. Кроме того, мафиозное государство стремится положить конец неупорядоченной коррупции, заменив ее на централизованное, монополизированное и организованное сверху собирание дани так же, как классическая мафия ликвидирует мелкий бандитизм[1]. По сути мафиозное государство — это **деловое предприятие приемной политической семьи, управляемое с помощью инструментов государственной власти.**

Таким образом, описание мафиозного государства включает в себя концепты, фигурировавшие ранее в контексте политико-экономических кланов, патримониализма и хищничества (централизованный способ распоряжения имуществом). Оно также подразумевает нарушение закона: хотя приемная политическая семья использует инструменты государственной власти, она также совершает незаконные действия. В целом нет такого закона, который обязывал бы передавать государственные средства одному и тому же человеку или группе лиц (лояльным клиентам), как нет и инструментов публичной

[1] *Hobsbawm E.* Primitive Rebels. P. 40.

власти, которые были бы призваны усиливать надзор за врагами приемной политической семьи и предписывать проверки в их отношении (не говоря уже о приказах верховного патрона). Если точнее, установленное законом определение преступлений, совершаемых правящей политической элитой мафиозного государства, включает в себя вымогательство, мошенничество, хищение, незаконное присвоение имущества и средств, отмывание денег, инсайдерские торговые операции, дачу взятки должностному лицу (как активную, так и пассивную), злоупотребление властью, покупку влияния, рэкет и т. п.[1] Именно поэтому мафиозное государство подрывает механизмы судебного преследования или, скорее, распоряжается ими по своему усмотрению и применяет их точечно, только против конкретных лиц [▸ 4.3.5.2]. По сути, **преступность** в мафиозном государстве делится на **дозволяемую и запрещаемую**, при этом последняя преследуется по закону, а первая — нет [▸ 5.3.4]. Таким образом, основания для обвинений в преступных действиях обусловлены не объективной принципиальной позицией, а тем, соответствуют ли они существующему (уголовному) законодательству режима, применению которого препятствует приемная политическая семья, полностью присвоившая государство.

Тогда как с экономической точки зрения мафиозное государство является бизнесом приемной политической семьи, с политической точки зрения оно нуждается в поддержке. Из нашего определения интересов элит, а именно из неделимого двойного мотива личного обогащения и накопления власти, следует единство политических и экономических мотивов. Однако можно также использовать понятия Мансура Олсона, который в своей книге «Власть и процветание» различает кочующих и **оседлых бандитов**. Последние — это те,

1 *Magyar B.* The Post-Communist Mafia State as a Form of Criminal State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 85–110.

кто постоянно грабят одну и ту же территорию, и поэтому вынуждены заниматься ее поддержанием. Именно это и происходит в мафиозном государстве, где приемная политическая семья хочет как можно дольше грабить страну и ее народ [▸ 7.4.7.2] и оставаться у власти, чтобы избежать печальных последствий ее утраты, начиная от потери состояния и заканчивая уголовным преследованием [▸ 4.3.3.2].

2.4.6. Сравнивая конституционное и мафиозное государства: нормативность и дискреционность

Дав определение мафиозному государству, которое, пожалуй, является лучшим примером государства, действующего в интересах элит, имеет смысл сравнить его с конституционным государством, которое находится на другом полюсе этого спектра, то есть представляет собой классический пример государства, руководствующегося общественными интересами. Как было отмечено выше, первый тип характерен для патрональных автократий, тогда как второй тип часто встречается в либеральных демократиях. Возвращаясь к четырем уровням толкования, начнем с утверждения, **что управляющая элита в конституционном государстве является элитой, ограниченной в своих возможностях**, которые распространяются лишь на сферу политического действия [▸ 2.2.2.2]. Конечно, это не значит, что между сферами не существует никакого взаимодействия. Напротив, политические акторы постоянно вступают во взаимоотношения как с экономическими, так и с общественными акторами [▸ 5.3]. Однако при идеальных условиях эти взаимоотношения принимают форму прозрачной и урегулированной кооперации, в то время как сами сферы социального действия остаются разделенными — акторы не смешивают свои мотивы, даже если играют несколько ролей одновременно. Например, мать, которая

также является политиком, обычно не принимает политические решения исключительно для того, чтобы принести выгоду своим детям. Однако **в мафиозном государстве** сферы социального действия смешиваются, а правящая элита превращается в клан, то есть в неформальную патрональную сеть, основанную на патриархальном господстве [▸ 3.6.2.1]. В этом случае **правящая элита ничем не ограничена** и может легко задействовать постоянные неформальные и незаконные связи вассального типа, которые полностью стирают границы сфер социального действия. Кроме того, **для мафиозного государства характерна однопирамидальная система распределения власти**, в которой все другие (формальные или патрональные) властные пирамиды либо подчинены, либо изолированы, либо уничтожены. **В конституционном государстве чаще всего присутствует мультипирамидальная система распределения власти**, внутри которой правящие элиты «сожительствуют» (1) с независимыми ветвями власти и независимыми институтами (например, с конституционным судом), а также (2) с независимой оппозицией, у которой есть как (a) ресурсы, защищенные от решений главы правительства или президента [▸ 3.7.1.1] (в том числе партийное финансирование и гарантированные права собственности для поддерживающих партию экономических акторов), так и (b) шанс на победу на выборах, на который не могут повлиять ни использование административного ресурса, ни односторонние изменения выборного законодательства [▸ 4.3.3.2]. Одним словом, в конституционном государстве существует **плюрализм**, который является основной характеристикой либеральной демократии [▸ 4.4.1].

Сфера действия, относящаяся к государственным институтам, перекликается со всем вышеизложенным. По формальным признакам и конституционное государство, и мафиозное государство строят демократические институты, такие как, например, многопартийные выборы или система

сдержек и противовесов, ограничивающая властные институты. Однако **если в конституционном государстве номинальная институциональная структура совпадает с фактической, в мафиозном государстве эти два уровня сильно расходятся**. Мафиозное государство, как правило, является неопатримониальным или неосултанистским государством, а это значит, что правящая элита рассматривает политический режим как свою личную собственность, тогда как демократические институты для них являются лишь фасадом [▸ 4.3]. Эта особенность среди прочего также влияет и на **законность государственных действий**, которая мгновенно подрывается преступлениями, упомянутыми выше. В отличие от традиционного патримониального государства, где политическая власть «действительно работает в основном по собственному усмотрению», не заботясь о формальных ограничениях или о поддержке электората[1], в демократической системе есть избранный лидер, задачи и полномочия которого строго определены конституцией. Конечно, **в конституционном государстве тоже может происходить беззаконие, но оно, как правило, не является структурной и постоянной характеристикой**. Уважая конституцию, правящие круги обычно сами не нарушают закон. Напротив, когда верховный патрон выстраивает однопирамидальную патрональную сеть на государственном уровне, предпочитая неформальные правила формальным, законность всегда нарушается, что и является главной причиной для отключения институциональных сдержек. **Мафиозное государство является также криминальным государством, в котором верховный патрон выходит за пределы своих полномочий** и управляет страной как организованной преступной группой, действующей по принципу однопирамидальной патрональной сети.

1 *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 267.

Переходя к последнему уровню толкования (присвоение собственности), стоит упомянуть подход, предложенный Нортом и его соавторами в книге «Насилие и социальные порядки». Они считают, что все социальные порядки в известной нам истории человечества могут быть разделены на две группы: порядки открытого доступа и порядки ограниченного доступа («естественные государства»), которые различаются по степени доступа народных масс (а не элит или правителей) к «ценным ресурсам — земле, труду и капиталу — или [их доступа к контролю] над ценными видами деятельности, такими как торговля, религия и образование»[1]. Среди различий, которые они отмечают между этими двумя группами, наиболее важным для нас является критерий безличности. «Безличность, — как пишут авторы, — означает одинаковое отношение ко всем. [Она] вырастает из структуры организаций и способности общества поддерживать безличные организационные формы (то есть организации со своей собственной идентичностью, независимой от индивидуальных идентичностей членов организации). В правовых терминах безличные организации могут быть охарактеризованы в западной традиции как *постоянно существующие организации* — организации, существование которых не зависит от жизни их членов»[2]. По мнению авторов, все порядки открытого доступа «в основном безличны. Эти общества имеют только такой тип правительства, который может систематически предоставлять гражданам и организациям услуги и блага на безличной основе, то есть не обращая внимание на социальное положение граждан или идентичность и политические связи руководства организаций. <...> Важной особенностью безличности является верховенство права: гражданские права, справедливость и защита связаны правилами

[1] *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 82.
[2] Там же. С. 71.

и беспристрастны. Экономика в этих государствах также характеризуется безличным обменом»[1]. В противоположность этому порядок ограниченного доступа «построен на личных связях и повторяющемся взаимодействии <...>. В естественных государствах отношения в рамках господствующей коалиции в основном носят личный, а не безличный характер. Статус и иерархия определяются в терминах социальных аспектов личности, которые уникальны для каждого индивида, даже если эти аспекты схожи в рамках более широкого класса. <...> Люди, не относящиеся к элите, — это не массы одинаковых индивидов, с которыми обращаются безлично. Защита расширяется благодаря отношениям патрона и клиента. Верхушку в отношениях патрона и клиента занимают властные элиты, которые распределяют покровительство среди клиентов, обеспечивают защиту по некоторым аспектам собственности и личной безопасности клиентов, а также ведут переговоры об обязательствах между различными элитами <...>. Социальная идентичность людей, не относящихся к элите, тесно связана с идентичностью отношений патронажа, в которых они находятся»[2].

Хотя описание, предложенное Нортом и его коллегами, является слишком общим для того, чтобы опираться на него в рамках нашей концептуальной структуры, некоторые особенности порядков открытого и ограниченного доступа целесообразно использовать для понимания либеральных демократий и патрональных автократий, соответственно. В Главе 6 мы рассматриваем создание порядка ограниченного доступа через патронализацию общества [▸ 6.2], а здесь фокусируемся на дихотомии личного и безличного. Говоря о действиях, с помощью которых происходит апроприация собственности, действия конституционного государства в целом можно

[1] *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 208.
[2] Там же. С. 85–90.

охарактеризовать как безличные, тогда как мафиозное государство можно идентифицировать именно по признаку наличия личных действий. На протяжении всей книги мы фиксируем это различие с помощью дихотомии «нормативность — дискреционность»:

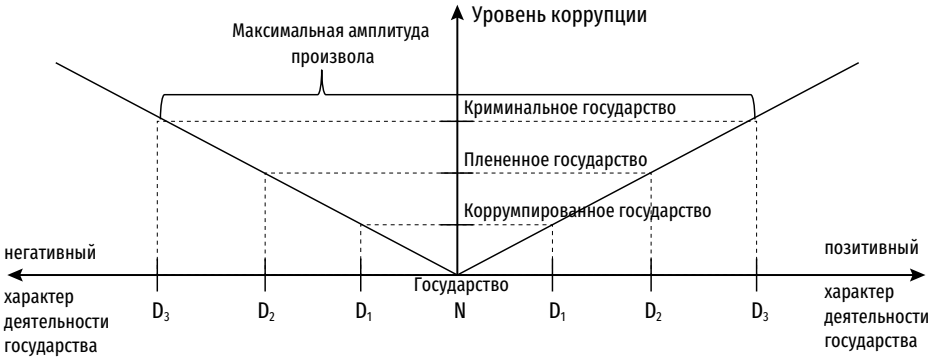
- **Действия государства являются нормативными**, если их последствия обусловлены объективными и формальными критериями, не допускающими различного отношения к людям на основании их идентичности (**безличные, без двойных стандартов**);
- **Действия государства являются дискреционными,** если их последствия обусловлены субъективными и неформальными критериями, допускающими различное отношение к людям на основании их идентичности (**личные, двойные стандарты**).

Действия конституционного государства нормативны. Так, суть верховенства права, как с точки зрения разрешения споров, так и с точки зрения уважения и защиты прав собственности, заключается в безличности и равенстве всех перед законом, а также «после» него (то есть в рамках правоприменительных процедур) [▸ 4.3.5.1]. **Действия, направленные на присвоение собственности**, периодически могут быть дискреционными, как в случае принудительного отчуждения частной собственности [▸ 5.5.3], однако **в большинстве случаев** они **остаются нормативными**. Как мы упоминали ранее, государство владеет монополией на легитимное применение насилия, добывает ресурсы и распределяет их через налогообложение и государственные расходы. **Налогообложение** в конституционном государстве осуществляется через установление нормативного, общего и отраслевого налогов [▸ 5.4.3]. Однако в случае мафиозного государства не все так однозначно. С одной стороны, очевидно, что **мафиозное государство использует дискреционные действия**, как с точки зрения выборочного правоприменения, так и хищничества.

При этом мафиозное государство также собирает налоги и имеет судебную систему, которая рассматривает огромное количество заявлений обычных людей в соответствии с формальным законом. Все это является прямым следствием политических компонентов мафиозного государства, которые мы описали выше: на различных уровнях толкования новые качества государств дополняют, а не замещают прежние государственные функции. Несмотря на то, что мафиозное государство является также хищническим государством, оно по-прежнему получает значительную часть своих доходов от налогообложения [▸ 7.4.6].

Эта неоднозначность разрешается с помощью введения понятия **амплитуда произвола**. В этом контексте «амплитуда» означает **диапазон возможностей выбора между различными методами воздействия** или, другими словами, степень свободы лидеров действовать негативно или позитивно по своему усмотрению. **Чем шире амплитуда произвола, тем больше возможностей для дискреционного принятия решений есть у политических акторов**, а реальные случаи вмешательства государства будут разбросаны между конечными точками амплитуды. Таким образом, понятие амплитуды помогает решить проблему, связанную с анализом патрональных автократий. Мафиозное государство может действовать нормативно во множестве случаев, но сопутствующая практика (систематического) применения дискреционных действий указывает на то, что верховный патрон может проигнорировать формальные ограничения и начать действовать, как ему вздумается. Это означает, что у него широкая амплитуда произвола. Схема 2.2 иллюстрирует вышесказанное, используя концепты государства, связанные с законностью. Мы берем именно эти концепты, потому что, как мы объясняли ранее, они отражают разную степень использования государства в интересах элит и, следовательно, указывают на различные амплитуды произвола.

Схема 2.2: Амплитуда произвола (корреляция между характером коррупции и действиями государства)



Условные обозначения: N: нормативное действие; D_1: дискреционное действие как неструктурное отклонение (Замечание: прерывистые линии добавлены для наглядности); D_2: дискреционное действие как структурное отклонение; D_3: дискреционное действие как режимообразующий элемент

Широта амплитуды произвола зависит от спектра государственных институтов, которые присваивает правящая политическая элита. **Чем больше институтов патронализированы одной и той же сетью, тем шире амплитуда**, в том числе потому что все патронализированные институты можно объединить в одном координированном политическом действии [▸ 2.4.4]. В частично присвоенном государстве патрональная сеть может использовать в своих целях один местный или государственный институт либо регулирующий орган. В полностью присвоенном государстве главный патрон может использовать парламент, налоговое управление, прокуратуру и тому подобное как единый и согласованный коррупционный механизм, способствующий осуществлению его дискреционной деятельности.

Конституционное государство имеет минимальную амплитуду произвола. Хотя несистематическая коррупция всегда может иметь место, ее случаи единичны, а тип нарушений, как правило, несопоставим с теми коррупционными действиями, которые наблюдаются в других типах государств.

В конституционных государствах, как правило, сохраняется принцип верховенства права, а права собственности регулируются безлично. Даже упомянутое выше принудительное отчуждение частной собственности осуществляется не по личному усмотрению властей, а строго регулируется и подлежит обжалованию[1]. Как отмечают Норт и его соавторы, экономическим акторам в таких режимах «не надо участвовать в политике для отстаивания своих прав, обеспечения исполнения контрактов или защиты от экспроприации; их право на существование и участие в конкуренции не зависит от сохранения привилегий»[2].

На противоположной стороне этого спектра находится **мафиозное государство, обладающее максимальной амплитудой произвола**. Главный патрон распоряжается позициями и собственностью, используя инструменты публичной власти, которые полностью контролирует приемная политическая семья. Что касается действий, направленных на апроприацию собственности, максимальная амплитуда позволяет мафиозному государству «выборочно вмешиваться в работу судебной системы, чтобы при необходимости поощрять сторонников и наказывать противников, но такое положение дел также дает субъектам права некоторую уверенность в том, что их права будут соблюдаться в более обыденных случаях. Это позволяет последним эффективно использовать свои активы, если они не оспаривают интересы правителя и продолжают генерировать для него налоговые поступления»[3]. По сути, **собственность** в таких режимах **носит условный**

1 Ср.: *Sullivan E.* A Brief History of the Takings Clause // Eminent Domain and Economic Growth: Perspectives on Benefits, Harms and New Trends. Jefferson: McFarland, 2018. P. 14–22.

2 *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 205.

3 *Frye T.* Property Rights and Property Wrongs: How Power, Institutions, and Norms Shape Economic Conflict in Russia. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2017. P. 137.

характер: те, кто находятся на вершине социальной иерархии, попадают туда и получают собственность по решению главного патрона, тогда как последний может лишить их (как и любого другого актора) собственности по своему личному усмотрению [▸ 5.5.4][1].

Подводя итог, можно сказать, что **мы опровергли господствующие аксиомы о функционировании государств по всем четырем измерениям**. Эти аксиомы могут быть хорошо применимы к конституционным государствам, но не к мафиозным. Во-первых, обычно считается, что правящая элита — это формальная организация, такая же как партия или правительство, и в либеральных демократиях она таковой и является. Однако в патрональных автократиях правящая элита — это неформальная организация, приемная политическая семья, где акторы получают признание, как правило, в зависимости от своих неформальных ролей, с которыми их формальные роли связаны лишь опосредованно. Во-вторых, принцип общественных интересов обычно касается государственных институтов, поскольку правящая элита представляется обслуживающим персоналом для определенных (мелких или крупных) общественных групп или классов, в интересах которых реализуется публичная политика. В этом смысле мафиозное государство — это неопатримониальное / неосултанистское государство, поскольку правящая элита действует не только исходя из интересов элит, но и распоряжается обществом как своей собственностью, прикрываясь фасадом демократических институтов. В-третьих, предполагается, что государство изымает денежную собственность и перераспределяет ее от одной социальной группы к другой. Мафиозное государство, в свою очередь, занимается хищничеством, то есть изымает компании и другую неденежную собственность, руководствуясь интересами правящей элиты, вместо

[1] *Ryabov A.* The Institution of Power & Ownership in the Former U.S.S.R.

того, чтобы собирать налоги и использовать их для удовлетворения общественных интересов. Наконец, обычно предполагается, что коррупция — это то, с чем государство борется, а правящая элита принимает законы, которые она соблюдает, а не нарушает. Однако если правящая элита руководствуется принципом неформальности, она может и должна совершать незаконные действия для того, чтобы превращать формальные институты в фасады для преследования своих неформальных интересов и инструменты для осуществления приказов главного патрона. В отличие от конституционного государства **мафиозное государство не стоит на страже закона, но обладает монополией на его нарушение** [▸ 5.3.4].

2.5. Монополия на насилие и связанные с ней проблемы

2.5.1. Государственная несостоятельность, силовые предприниматели и олигархическая анархия

Классифицируя государства по типам, мы предполагали, что все они отвечают критериям определения государства, которые было приведено в начале главы. То есть они (1) владеют монополией на легитимное применение насилия, которую (2) используют для того, чтобы добывать ресурсы, управлять ими и распределять их в пределах границ определенной территории [▸ 2.2.1]. Однако в посткоммунистическом регионе в период транзита существовало несколько государственных структур, которые номинально считались государствами, но не обладали одним или сразу двумя вышеупомянутыми свойствами. На самом деле, **государственность оставалась стабильной после смены режима** только в западно-христианском историческом регионе. Это объясняется тем, что формально-рациональные принципы, которые проявлялись в природе локальных коммунистических режимов, не противоречили идеалам веберианской профессиональной бюрократии [▸ 1.4.2], и поэтому такие государства смогли совершить транзит, который не привел их к недееспособности. В исламском регионе разрушение государственности можно было предотвратить, только превратив прежние коммунистические структуры, в особенности высшие слои партийной номенклатуры и спецслужб, в «реформированные» национальные центры власти. В результате монополия на насилие осталась в руках правителей[1]. Несмотря на это, в данном

[1] *Luong P.* Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

регионе имели место как государственная несостоятельность, так и гражданские войны: в первую очередь в Таджикистане (который впоследствии все равно стал патрональной автократией)[1]. Наконец, в православном историческом регионе не произошло полной передачи власти, равно как и не было рационально-бюрократического фундамента. Возможности для укрепления государственной власти в этом регионе зависели от динамики конкуренции между патрональноклиентарными сетями. Часто на то, чтобы в отдельной стране появилось полноценное государство, владеющее монополией на легитимное применение насилия, уходили годы[2].

Лучшим примером преодоления государственной несостоятельности служит Россия 1990 года, утверждает Вадим Волков в своем фундаментальном труде «Силовое предпринимательство»[3]. После краха Советского Союза российское государство потеряло монополию на легитимное применение насилия, поскольку у него появились конкуренты — в основном они происходили из среды организованного подполья и воспринимались частными экономическими акторами как легитимные источники информации и защиты, которые при этом контролировали исполнение правил и норм и выступали посредниками при разрешении споров (см. Текстовую вставку 2.5). Согласно современным источникам, в России даже в 1998 году 2500 банков и 72 000 коммерческих организаций имели собственные службы безопасности[4].

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 153–155. Кыргызстан представляет собой единственную патрональную демократию в этом регионе [▸ 7.4.1].

2 Подробнее на эту тему см:. *Melville A., Stukal D., Mironyuk M.* Trajectories of Regime Transformation and Types of Stateness in Post-Communist Countries // Perspectives on European Politics and Society. 2013. Vol. 14. № 4. P. 431–459.

3 *Volkov V.* Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism. Ithaca: Cornell University Press, 2002. Обсуждение этого феномена также см.: *Varese F.* The Russian Mafia: Private Protection in a New Market Economy. Oxford; New York: Oxford University Press, 2001.

4 Цит. по: *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 178.

Текстовая вставка 2.5: Россия в анархических условиях 1990 года

Смысл частного охранного бизнеса, который расцвел вскоре после установления формальных прав собственности в России, заключался в том, чтобы обеспечить заменитель отсутствующего доверия к рыночной экономике, внутри которой <...> государственная система правосудия полностью игнорировалась. Таким образом, российскую организованную преступность можно рассматривать как ответ на определенный институциональный запрос зарождающейся рыночной экономики, а именно потребность в защите прав собственности, которую не удовлетворяли органы государственной защиты и правоприменения. <...> Между 1987 и 1992 годами произошло быстрое распространение банд рэкетиров и неформальных охранных организаций различного толка <...>. Безусловно, многие криминальные группировки сформировались гораздо раньше, но только в конце 1980-х годов рэкет стал основным бизнесом организованной преступности. <...> В период с 1992 по 1997 годы между инстанциями, контролирующими насилие, велась ожесточенная конкуренция за расширение коммерческих возможностей. <...> В этот период частная охрана и принуждение превратились в институты, и появился рынок силовых услуг. В то же время государство утратило приоритет в сфере обеспечения безопасности, налогообложения и вынесения судебных приговоров. <...> Поскольку бюрократическая деятельность государства и правоохранительных органов всегда может быть оспорена, а предоставляемые государством услуги, как правило, имеют более высокую стоимость, силовые предприниматели (читай: мафия) вытесняют государство и назначают себя вместо него. <...> Россия 1990-х годов была близка к естественному состоянию, в котором преобладает анархия, а не иерархия[1].

Чтобы описать такое положение вещей теоретически, нам необходимо ввести концепты, отражающие три основные

1 *Volkov V.* Violent Entrepreneurs. P. 18–26.

составляющие: (1) государство, (2) конкуренты государства на рынке обеспечения безопасности и (3) форма правления, которая обусловлена двумя первыми факторами. Что касается государства, можно начать с понятий «несостоявшееся государство» и «уязвимое государство»[1]. Как замечают исследователи, существует несколько комбинаций факторов, при которых государство может оказаться несостоявшимся[2], и использование понятия «несостоявшееся государство» для обозначения всех подобных сценариев размывает его содержание, как уже случалось в литературе, поскольку все несостоявшиеся государства не состоялись по-своему, а причины и динамика этого процесса, равно как и пути выхода из кризиса, всегда имеют свои контекстуальные особенности[3]. Чтобы избежать этой проблемы, мы сузили определение несостоявшегося государства, ограничившись аспектом монополии на насилие.

• ***Несостоявшееся государство*** *— это институт, который де-юре является государством, но де-факто не в состоянии удерживать монополию на легитимное применение насилия. Другими словами, такое «государство» деградирует до роли одного из конкурентов на рынке охранно-силовых услуг (market for violence).*

Такое определение хорошо подходит для номинального государства, описанного выше. Как пишет Волков, «образ государства, играющего роль одной из многих частных охранных компаний, лучше описывает интересующую нас действительность, чем восприятие государства как источника публичной

1 Обзор литературы см.: *Naudé W., Santos-Paulino A. U., McGillivray M.* Fragile States: Causes, Costs, and Responses. Oxford: Oxford University Press, 2011.

2 *Grävingholt J., Ziaja S., Kreibaum M.* State Fragility: Towards a Multi-Dimensional Empirical Typology // SSRN Scholarly Paper. Rochester: Social Science Research Network. 01.03.2012. URL: https://papers.ssrn.com/abstract=2279407.

3 *Call C.* The Fallacy of the «Failed State» // Third World Quarterly. 2008. Vol. 29. № 8. P. 1491–1507.

власти»[1]. На самом деле, государство в этой ситуации — лишь одна из **инстанций, контролирующих организованное насилие**, или, другими словами, институционализированная группа акторов, которые легитимно используют насилие внутри некоего политического образования[2].

Во всех трех полярных типах режимов, о которых мы писали ранее (и во всех шести идеальных типах), государство — это единственная инстанция, которая контролирует организованное насилие. «Монополия на легитимное применение насилия» означает именно это. Однако в несостоявшихся государствах государство вступает в конкуренцию с акторами, которых вслед за Волковым можно назвать «силовыми предпринимателями»[3].

• ***Силовой предприниматель** — это частный актор, конкурирующий на рынке охранно-силовых услуг. Предлагаемые на этом рынке услуги включают в себя либо (1) защиту, связанную с институциональной структурой экономики и общества, такую как предоставление информации, безопасность, обеспечение исполнения обязательств и урегулирование споров, либо (2) насилие в отношении конкурентов и других лиц, выбранных в качестве объекта атаки.*

Говоря про силовых предпринимателей, необходимо сделать два замечания. Во-первых, **не все, кто используют насилие, являются силовыми предпринимателями**. Последние (1) не только применяют насилие в своих собственных интересах, но и предлагают его в качестве услуги другим акторам, а (2) другие акторы воспринимают их предложение как легитимное. Питер Померанцев очень точно описывает такую

1 *Volkov V.* Violent Entrepreneurs. P. 26.

2 Инстанциями, контролирующими организованное насилие, Волков называет только частные охранные предприятия (см.: Ibid. P. 64–96). Однако поскольку он утверждает, что государство следует понимать как де-факто частное охранное агентство, мы считаем целесообразным расширить это понятие.

3 Ibid. P. 27–63.

практику следующим образом: «бандиты [в России после смены режима] занимались не только вымогательством и кражами. Бизнесмены приглашали их для сопровождения сделок (если один из партнеров нарушит слово, бандиты с ним разберутся); обычные люди обращались к ним за помощью для поимки насильников и воров, которых российская милиция искать категорически не хотела. Они становились влиятельными людьми, своего рода клеем, который скрепляет все. В этом новом мире никто по большому счету не знал, как себя вести: старые советские ролевые модели уже не были актуальны, а Запад был слишком далеко»[1]. Играя подобные социальные роли, силовые предприниматели сильно отличались от обычных преступников или акторов, применяющих насилие в состоявшихся государствах, поскольку последние не воспринимались как легитимные, и, следовательно, их присутствие не подрывало монополию государства на легитимное применение насилия. Но в тех случаях, когда люди предпочитают обращаться к силовым предпринимателям, а не к номинальному государству, это государство теряет свою монополию на легитимное применение насилия и становится несостоявшимся. (Кроме того, в тех случаях, когда охранно-силовые услуги предоставляет не отдельный человек, а организация, мы можем говорить именно об инстанции, контролирующей насилие.)

Второе замечание состоит в том, что силовых предпринимателей не следует воспринимать как экономических акторов, которые используют насилие для заключения рыночных сделок. Вполне очевидно, что они могут принуждать людей пользоваться их услугами, как делает мафия, которая предоставляет защиту в обмен на деньги[2], являясь частной инстанцией, контролирующей насилие, однако это не является

1 *Pomerantsev P.* Nothing Is True and Everything Is Possible. New York: Public Affairs, 2014. P. 27.

2 *Gambetta D.* The Sicilian Mafia.

неотъемлемой частью «профессии». Обязательным аспектом таких отношений является вступление в так называемое **силовое партнерство** с другими акторами, которым силовые предприниматели предоставляют вышеописанные услуги[1]. И, как следует из цитаты Померанцева, некоторые частные акторы более чем готовы заключать контракты с силовыми предпринимателями, если государство не способно предоставлять полезные охранные услуги, такие как защита прав собственности и контроль за выполнением обязательств по договорам. Кроме того, силовых предпринимателей можно нанять для атаки на конкурентов, как в случае с рейдерством, то есть силовым захватом компаний [▸ 5.5.3.1].

Теперь, когда мы дали определение государству и его конкурентам, остается только описать государственное устройство, формирующееся в результате слияния этих двух феноменов. Поскольку монополия на легитимное насилие отсутствует, мы можем для начала обратиться к понятию «**анархия**». Обычно ее определяют как отсутствие аппарата власти, в том смысле, что отсутствует институт, который подпадал бы под определение государства (монополия на легитимное применение насилия)[2]. Но все же «анархия» как таковая — слишком широкое понятие по двум причинам. Во-первых, оно включает в себя как случаи, (a) когда государство присутствует формально, но является несостоявшимся, так и случаи, (b) когда нет никакого формального государства. Во-вторых, ему не хватает конкретики, поскольку оно полностью игнорирует новые центры власти, то есть ничего не сообщает о том, появляются ли какие-то другие акторы, которые становятся главными клиентами силовых предпринимателей (и если да, то кто они). Так, в России и некоторых других посткоммунистических странах, в которых разворачивался

[1] *Volkov V.* Violent Entrepreneurs. P. 40–63.

[2] Anarchy // Merriam-Webster.com. Web: Merriam-Webster, 2019. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/anarchy.

схожий политический сценарий, такими центрами власти стали **олигархи** [▸ 3.4.1], то есть богатейшие бизнесмены, которые приобрели огромные состояния и влияние в ходе приватизации [▸ 5.5.2][1]. Олигархи создали основной спрос на услуги силовых предпринимателей, такие как защита и насилие в отношении конкурирующих олигархов и бизнесменов.

Таким образом, политическое устройство России и подобных ей государств после смены режима можно описать не просто как анархию, но как олигархическую анархию.

◆ ***Олигархическая анархия*** *— это режим, основными компонентами которого являются несостоявшееся государство и олигополия на рынке обеспечения защиты и в котором конкурирующие олигархи выступают в качестве новых центров власти (то есть главных клиентов силовых предпринимателей). Несмотря на свою недееспособность, государство все еще остается крупнейшим центром политической власти режима, но при этом с ним конкурируют другие «центры», применяющие насилие, которое зачастую считается легитимным.*

Важной чертой олигархической анархии является тот факт, что **никто из олигархов не занимает доминирующего положения**, и поэтому государственное устройство имеет несколько «центров» с точки зрения политической власти. Такая конфигурация, несомненно, напоминает **патрональную демократию**, для которой характерна конкуренция патрональных сетей приблизительно одинакового размера, что не позволяет какой-то одной из них доминировать над всеми остальными [▸ 4.4.2]. Главное различие между ними — это, конечно же, государство. В патрональных демократиях государственная монополия на легитимное применение насилия не ставится под сомнение, а олигархи получают доступ к охранно-силовым услугам только через государство (участвуя

[1] *Granville J.* «Dermokratizatsiya» and «Prikhvatizatsiya». P. 449–458. Силовых предпринимателей, чья деятельность стала легальной, можно также причислить к олигархам.

таким образом в присвоении государства). В олигархических анархиях контроль за насилием осуществляют сами олигархи внутри частной сферы.

2.5.2. Легитимное применение насилия. Типология

Необходимо понимать, что **ни один из типов государств, обсуждаемых в частях 2.3–4, нельзя назвать несостоявшимся государством,** поскольку каждый из них отвечает критерию государства, то есть владеет монополией на легитимное применение насилия.

Однако эти государства, несомненно, являются **довольно разношерстной группой в плане дееспособности государственной власти**. Лучше всего это можно проиллюстрировать на примере трех типов государств, определяемых в соответствии с уровнем толкования с точки зрения законности, а именно коррумпированного, плененного и криминального государств. В случае **коррумпированного государства** можно говорить не о несостоявшемся, а, скорее, о слабом государстве[1].

• ***Слабое государство*** *— это (формально состоявшееся) государство, которое из-за неподчинения государственного аппарата не способно эффективно реализовывать свою монополию на легитимное применение насилия. Другими словами, хотя слабое государство считается единственным актором режима, применяющим легитимное насилие, каким конкретным образом это насилие применяется, определяет не правящая элита, а другие акторы (входящие или не входящие в государственный аппарат).*

Коррумпированное государство является слабым государством, потому что, несмотря на то, что государственный

1 Ср.: *Malejacq R.* Warlords, Intervention, and State Consolidation: A Typology of Political Orders in Weak and Failed States // Security Studies. 2016. Vol. 25. № 1. P. 85–110.

аппарат получает приказы от правящей элиты (в форме законов обязательных к исполнению), он не подчиняется этим приказам[1]. Напротив, члены государственного аппарата либо (a) ставят выполнение приказов (то есть соблюдение законов) в зависимость от получения взяток, либо (b) начинают использовать свою власть в хищнических целях, то есть для присвоения личного капитала средствами государственного управления (серое рейдерство [▸ 5.5.3.1]).

В слабых государствах члены государственного аппарата зачастую становятся независимыми единицами и злоупотребляют своим публичным положением для извлечения личной выгоды. Они делают это неорганизованно, в условиях жесткой конкуренции, как для себя самих, так и в интересах конкретных олигархов, которые наняли их в качестве силовых предпринимателей [▸ 3.4.1][2]. Это явление можно было наблюдать главным образом в развивающихся государствах в период олигархической анархии, что указывает на то, что **несостоявшееся государство обычно является еще и слабым** (а также коррумпированным) с точки зрения идеальных типов. Эти прилагательные, несомненно, относятся к различным аспектам государственности: «несостоявшееся» означает, что правители не в состоянии контролировать рынок законных охранно-силовых услуг за пределами государственного аппарата, тогда как «слабое» означает, что правители не могут контролировать собственную бюрократию внутри государственного аппарата («коррумпированное», в свою очередь, подразумевает наличие взяточничества).

Напротив, государство является привлекательной целью для захвата, если оно не слабое, то есть если есть уверенность

[1] Естественно, коррупция — не единственный элемент слабого государства. Например, отсутствие бюрократической культуры также может быть одним из его признаков. См.: *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. С. 77.

[2] *Markus S.* Property, Predation, and Protection.

в том, что законы, которые захватчики государства стремятся подмять под себя, действительно выполняются. Таким образом, **плененное государство** должно иметь как минимум нормальное государство в своей основе.

• ***Нормальное государство*** *— это государство, которое сохраняет монополию на легитимное применение насилия и способно реализовывать ее в рамках конституции. Другими словами, нормальное государство считается монополистом в плане применения легитимного насилия, а то, каким конкретно образом оно будет применяться, определяет правящая элита. Однако над деятельностью последней осуществляется институциональный контроль — специальные акторы следят за исполнением формальных правил, выполняя тем самым сдерживающую функцию.*

Естественно, наличие конституционных сдержек не является обязательным условием для захватчика. Не ограниченное конституцией государство, несомненно, может сослужить ему даже лучшую службу, и поэтому всегда является более желаемой целью, чем ограниченное[1]. Однако государства посткоммунистического региона, прошедшие через демократизацию, в большинстве своем приобрели формальные конституциональные ограничения. Чтобы устранить эти ограничения, необходимо деактивировать систему сдержек и противовесов (конституционные механизмы контроля), для чего требуются конституционные полномочия, а это с наибольшей вероятностью ведет к **криминальному государству**. С точки зрения дееспособности государственной власти неограниченное государство можно назвать сильным.

• ***Сильное государство*** *— это государство, которое сохраняет монополию на легитимное применение насилия и способно реализовывать ее без оглядки на конституционные ограничения. Иными словами, в сильном государстве правящая элита*

1 Ср.: *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 246–249.

определяет, как будет использоваться государственная власть. При этом нет никаких других сдерживающих акторов, осуществляющих институциональный контроль и следящих за исполнением формальных правил.

Таким образом, используя эти новые категории, можно выстроить **шкалу дееспособности государства**, где на одном полюсе будет располагаться несостоявшееся государство, на другом — сильное государство, а между ними — слабое и нормальное. Другая шкала, где по порядку идут коррумпированное, плененное и криминальное государства добавляет измерение уровня нелегальности, то есть показывает, насколько незаконными являются действия того или иного государства. С помощью этих двух шкал можно построить **каркас для толкования практики применения насилия государственными институтами**: с одной стороны, если рассматривать, насколько полной и эффективной является государственная монополия на легитимное применение насилия, можно выделить несостоявшееся, слабое, нормальное и сильное государства. С другой стороны, если власть в этих государствах используется незаконно, то слабое, нормальное и сильное государства становятся коррумпированным, плененным и криминальным государствами соответственно.

Мы также можем добавить в эту структуру измерение **легитимного применения насилия частными институтами** — не государством, а силовыми предпринимателями. Похожую классификацию предложил Волков, выделив четыре типа защиты, которые различаются по признакам легальности — нелегальности, а также ее публичного или частного характера[1]. Однако мы можем расширить типологию нелегально-публичного, легально-публичного, нелегально-частного и легально-частного применения насилия, указав для каждого из них по порядку по четыре идеальных типа, как

1 *Volkov V.* Violent Entrepreneurs. P. 167–173.

Схема 2.3: Контролирующие насилие инстанции и акторы различной степени дееспособности, классифицированные по признакам легальности — нелегальности, а также их публичной или частной природы

мы уже делали выше, говоря о легальном и нелегальном государственном насилии (Схема 2.3).

Мы выделяем следующие четыре типа частных акторов, легитимно применяющих насилие, то есть **легальных силовых предпринимателей**[1]:

• ***Охранник*** *— это легальный силовой предприниматель, которого наняли для оказания охранных услуг.*

• ***Служба безопасности*** *— это легальная инстанция, контролирующая насилие (силовое предприятие), которую нанимают для оказания охранных услуг одному актору или институту.*

• ***Охранная компания*** *— это легальная инстанция, контролирующая насилие (силовое предприятие), которую нанимают для оказания охранных услуг большому количеству акторов и институтов.*

• ***Частная полиция*** *— это легальная инстанция, контролирующая насилие (силовое предприятие), которую нанимают*

1 Ср.: *Varese F.* The Russian Mafia. P. 55–72.

для оказания охранных услуг каждому актору и институту на определенной географической территории.

Напротив, к **нелегальным силовым предпринимателям** можно отнести следующие четыре типа акторов[1]:

- ***Преступный крышеватель*** *— это нелегальный силовой предприниматель, который оказывает охранные услуги одному актору или институту. Его либо нанимают, либо он сам вынуждает своих клиентов принять его услуги.*
- ***Преступная группа крышевателей*** *— это нелегальная инстанция, контролирующая насилие (силовое предприятие), которая оказывает охранные услуги одному актору или институту. Ее либо нанимают, либо она сама вынуждает своих клиентов принять ее услуги.*
- ***Преступное крышевание*** *— это нелегальная инстанция, контролирующая насилие (силовое предприятие), которая оказывает охранные услуги большому количеству акторов и институтов. Она вынуждает своих клиентов принять ее услуги.*
- ***Полевой командир*** *— это нелегальный силовой предприниматель, который оказывает охранные услуги каждому актору и институту на определенной географической территории. Он вынуждает своих клиентов принять его услуги при помощи военизированной группировки (militia) (то есть группы наемников, рекрутированных полевым командиром).*

Стоит отметить, что преступники и криминальные группировки, помимо защиты, также участвуют в ряде других незаконных действий. Однако логика концептуализации здесь аналогична той, что мы использовали при обсуждении уровней толкования, когда каждый вводимый концепт описывал лишь один аспект деятельности государства

[1] Пример комплексного анализа нелегальных силовых предпринимателей см.: *Berti B.* Violent and Criminal Non-State Actors // The Oxford Handbook of Governance and Limited Statehood. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 272–290.

[▸ 2.4]. Так, приведенные выше типы нелегальных силовых предпринимателей также описывают только один вид деятельности преступных акторов, а именно силовое предпринимательство в том смысле, который мы сформулировали ранее.

Хотя преступное крышевание подпадает под экономическое определение (классической) мафии как частной охранной компании[1], полевой командир описывается в литературе как «лидер вооруженного отряда <...>, который может удерживать территорию и в то же время проявлять финансовую и политическую активность в международной системе без вмешательства со стороны государства, в котором он находится»[2]. Действительно, полевой командир действует как лидер «государства в государстве», и если не было бы никакого государства над ним, то он сам мог бы фактически считаться предводителем сильного государства[3]. Эта связь между левой нижней и правой верхней конечными точками Схемы 2.2, а также важность взаимоотношений между полевым командиром и государством приводят нас к вопросу о том, **какие отношения силовые предприниматели и силовые предприятия могут иметь между собой** (Таблица 2.11). Во-первых, поскольку мы рассматриваем государство как единое целое, **легальные и нелегальные публичные акторы, применяющие насилие,** могут находиться только в отношениях соответствия. Как мы упоминали выше, коррумпированное государство соответствует слабому, плененное — нормальному,

1 *Gambetta D.* The Sicilian Mafia.

2 *MacKinlay J.* Defining Warlords // International Peacekeeping. 2000. Vol. 7. № 1. P. 48–62.

3 Мансур Олсон утверждал, что первые государства были основаны полевыми командирами, или, как он их называет, «оседлыми бандитами», которые правили как тираны и создали институты для удержания своей власти над отдельными географическими территориями на длительный срок. См.: *Олсон М.* Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое изд-во, 2012.

Таблица 2.11: Отношения между контролирующими насилие инстанциями с различным статусом

	Нелегальные публичные силовые предприятия и предприниматели	**Нелегальные частные силовые предприятия и предприниматели**	**Легальные частные силовые предприятия и предприниматели**
Легальные публичные силовые предприятия и предприниматели	соответствие	борьба / неформальный сговор	законный франчайзинг
Легальные частные силовые предприятия и предприниматели	законный франчайзинг / неформальный сговор	борьба / неформальный сговор	не существует
Нелегальные частные силовые предприятия и предприниматели	незаконный франчайзинг	не существует	не существует

а криминальное — сильному[1]. Естественно, если государство использует в основном законные методы, каждый его тип, от слабого до сильного, соответствует идеальному типу «государство», который является концептуальной отправной точкой шкалы, отображающей государственную коррупцию. Во-вторых, отношения **между легальными и нелегальными частными акторами, применяющими насилие,** складываются совсем по-другому, поскольку они представлены разными, независимыми друг от друга акторами, которые по умолчанию **борются** друг с другом, находясь по разные стороны закона. Но иногда они могут и мирно сожительствовать, например в случае **неформального сговора**, который возникает вопреки закону, но часто по соображениям необходимости или на

1 Если бы мы хотели разделить государство на легальных и нелегальных акторов, мы могли бы сказать, что легальные акторы находятся в антагонистических отношениях с нелегальными, поскольку терпимое отношение к нарушению закона со стороны легального актора само по себе незаконно и должно превратить легального актора в нелегального.

основании рационального подсчета всех возможных выгод и затрат. В-третьих, **между нелегальными частными и легальными публичными акторами, применяющими насилие**, обычно складываются отношения такого же рода, как между легальными и нелегальными частными акторами — то есть конфронтация или сговор — и, как правило, по тем же самым причинам. Государство может заключить неофициальный мир с полевым командиром, который не подчиняется закону, посчитав, что война с ним может обойтись слишком дорого[1].

В-четвертых, как легальные, так и нелегальные **публичные акторы могут законно выдавать лицензию (франчайзинг) на применение государственного принуждения легальным частным акторам, применяющим насилие**. Например, государство может нанять частных охранников, службу или компанию для защиты государственных акторов или собственности и даже может выдать лицензию частной полиции на обеспечение защиты, если оно не в состоянии контролировать территорию своими силами. Так, в 1992 году Россия, которая на тот момент являлась несостоявшимся государством, приняла «важнейший закон „О частной детективной и охранной деятельности“, который легализовал частные охранные агентства и на несколько лет официально санкционировал многие виды деятельности, которыми уже занимались преступные группировки и другие организации. Он превратил многие неформальные охранные ассоциации в легальные компании и службы безопасности, а их членов — в лицензированный персонал»[2]. Другими словами, в момент, когда государство оказалось недееспособным, а сферу охранно-силовых услуг захватили нелегальные силовые предприниматели, государство

1 *Russell J.* Chechen Elites: Control, Cooption or Substitution? // Elites and Identities in Post-Soviet Space. New York: Routledge, 2013. P. 149–164. Ср.: *Mukhopadhyay D.* Warlords, Strongman Governors, and the State in Afghanistan. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

2 *Volkov V.* Violent Entrepreneurs. P. 24.

решило узаконить такое положение дел и создать правовое поле, в рамках которого нелегальные акторы могли вступить в формальные отношения с государством, превращаясь тем самым в легальных силовых предпринимателей.

Важно отметить, что **в случае законного франчайзинга государство не утрачивает монополию на легитимное применение насилия**. Скорее, это похоже на децентрализацию ранее централизованной деятельности государства, которая остается монополией и может делегироваться (в данном случае через лицензию) только тем, кого выбирает монополист. Похожим образом государство не становится *де-факто* несостоявшимся в случае **незаконного франчайзинга на государственное принуждение**, обычно имеющим место, **когда нелегальные публичные акторы, применяющие насилие, вступают в сговор с нелегальными частными акторами**. Государственное принуждение может быть незаконно делегировано, если нелегальный публичный актор (как правило, верховный патрон в криминальном государстве) хочет применить такое насилие, которое с политической точки зрения было бы опасно применять через формальные / государственные институты. В таком случае нелегальный публичный актор может прибегнуть к черному принуждению [▸ 4.3.5.4], то есть незаконному франчайзингу государственного принуждения легальным частным акторам, таким как, например, футбольные фанаты, либо нелегальным частным акторам, таким как вооруженные формирования или криминальное подполье[1]. Таким образом, нелегальные публичные акторы, применяющие насилие, могут делегировать государственное принуждение даже полевым командирам, если страна очень большая, а главный патрон не обладает достаточной властью, чтобы контролировать отдельные регионы.

1 *Stephenson S.* It Takes Two to Tango: The State and Organized Crime in Russia // Current Sociology. 2017. Vol. 65. № 3. P. 411–426.

2.5.3 Субсуверенное мафиозное государство

Регионализм приводит нас к последней дифференциации. Ради простоты и ясности мы рассматриваем государство как единое целое. Но необходимо отметить, что **хотя государство владеет монополией на легитимное применение насилия, оно может быть как централизованным, так и децентрализованным**. Обычно государство бывает децентрализованным, что означает, что государственное управление осуществляется на нескольких уровнях — **центрального и региональных правительства**. Местные органы власти — это субсуверенные образования, которые, согласно теории либеральной демократии, должны реализовывать демократию на местах и давать людям возможность избирать руководителей органов местного самоуправления, чей главной задачей должно являться решение специфически местных проблем и удовлетворение местных потребностей [▸ 4.4.1][1]. Однако **местные органы власти могут стать коррумпированными, плененными или криминальными,** даже если государство как целое таковым не является. В таких случаях местные руководители — это нелегальные публичные акторы, применяющие насилие, которые действуют против центральных руководителей, то есть легальных публичных акторов, применяющих насилие. При этом если правоохранительная система работает плохо, а правящая элита не заинтересована в устранении нелегальных публичных акторов, последние могут обладать относительной автономией. Такие ситуации часто встречаются в патрональных демократиях, например в Румынии, где так называемые местные феоды *(baronni locali)* строятся преимущественно

1 *Loughlin J., Hendriks F., Lidström A.* Subnational Democracy in Europe: Changing Backgrounds and Theoretical Models // The Oxford Handbook of Local and Regional Democracy in Europe. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 1–23.

вокруг местных выборных глав, председателей окружных советов, мэров и руководителей региональных учреждений[1].

В нашем исследовании мы говорим о таком варианте развития событий, когда местные органы власти становятся криминальным государством и вступают в неформальный сговор с центральным криминальным государством, которое делегирует им суверенитет. Для описания этих местных образований мы вводим термин «субсуверенное мафиозное государство».

• ***Субсуверенное мафиозное государство*** — *это тип местного или регионального правительства, которое функционирует как мафиозное государство на местном уровне. Оно является частью более крупного политического образования, и если последнее является мафиозным государством (на национальном уровне), то первое может поддерживать свое существование, только если его глава уполномочен верховным патроном на совершение незаконных действий в данном регионе.*

В последующих частях книги мы поговорим о региональных субпатронах в так называемых многоуровневых единых пирамидах [► 2.2.2.3] и о субсуверенных мафиозных государствах в контексте диктатуры с использованием рынка [► 5.6.2.3]. Такие субгосударства могут существовать в государствах с нормальным или сильным (а не слабым или лишенным почти всех полномочий) местным правительством, включая вышеупомянутые патрональные демократии. Обращаясь к криминальным государствам, стоит вспомнить пример из России — **Республику Коми под управлением Вячеслава Гайзера**. Как пишут Мириам Ланской и Дилан Майлс-Примакофф, «Гайзер, <...> видный лидер правящей партии „Единая Россия“, в 2010 году был назначен президентом Дмитрием Медведевым, а в 2014 году переназначен

[1] *Magyari L.* The Romanian Patronal System of Public Corruption // Stubborn Structures. P. 291.

Путиным на должность губернатора. <...> Как подробно изложено в докладе активиста от оппозиции Ильи Яшина „Партия «Криминальная Россия»“, деятельность команды Гайзера была практически неотличима от действий классической мафиозной структуры. В течение многих лет группировка бывшего губернатора использовала насильственную и политическую тактику для захвата имущества и вымогательства взяток у местных бизнесменов»[1]. Поскольку эта деятельность была хорошо известна и освещалась в СМИ, но не получила никаких официальных комментариев, Коми представляет собой отличный пример субсуверенного мафиозного государства. Гайзер и его сеть занимались **санкционированной незаконной деятельностью** с благословения высшего руководства страны, и, как отмечают Ланской и Майлз-Примакофф, «это было скорее правилом, чем исключением»[2] [► 5.3.4.2].

В 2015 году Гайзер был арестован по обвинению в мошенничестве и рэкетирстве вместе с 18 сообщниками[3]. Довольно забавно, что, если взглянуть на официальную характеристику «организованной преступной группы» Гайзера, в ней можно усмотреть явные черты мафиозного государства, которые присущи не только Республике Коми, но и другим субсуверенным мафиозным государствам, а также центральному мафиозному государству во главе с Путиным (см. Текстовую вставку 2.6). Позже появились сообщения, что Путин знал о планируемом аресте Гайзера, а эксперты высказывали мнения, что его причиной стало снижение рентных поступлений на фоне слабеющей экономики [► 7.4.6], а также желание дисциплинировать и запугать других членов приемной политической

[1] *Lanskoy M., Myles-Primakoff D.* Power and Plunder in Putin's Russia. P. 78. Также см.: *Yashin I* Criminal Russia Party: An Independent Expert Report. URL: https://www.4freerussia.org/wp-content/uploads/2016/10/Edro_full_US-paper.pdf.

[2] *Lanskoy M., Myles-Primakoff D.* Power and Plunder in Putin's Russia. P. 79.

[3] СК назвал главу Коми лидером ОПГ // Взгляд. 19.09.2015. URL: https://vz.ru/society/2015/9/19/767774.html.

семьи[1]. Таким образом, пример Республики Коми иллюстрирует два важных аспекта субсуверенного мафиозного государства: (1) хотя верховный патрон может предоставлять автономию и защиту (крышу [▸ 3.6.3.1]), в основе таких отношений лежит договор, который верховный патрон может разорвать; (2) верховный патрон не вмешивается в повседневную жизнь субсуверенных мафиозных государств, помимо вопросов назначения и отстранения главных патронов и их регионального двора [▸ 7.4.3.1]. Полагаясь на политически выборочное правоприменение, действующее в соответствии с его неформальными приказами [▸ 4.3.5], верховный патрон в чрезвычайных обстоятельствах может ликвидировать субсуверенное мафиозное государство, хотя в обычное время гарантирует ему значительную (условную) свободу, как произошло с Гайзером, который был министром финансов Республики Коми в 2003–2010 годах и ее главой в 2010–2015 годах.

Текстовая вставка 2.6: Официальная характеристика мафиозного государства

ФСБ России и Следственным комитетом Российской Федерации пресечена деятельность преступного сообщества, возглавляемого главой Республики Коми Вячеславом Гайзером, его заместителем Алексеем Черновым, а также Александром Зарубиным и Валерием Веселовым <...>. Управлением по расследованию особо важных дел Следственного комитета 18 сентября 2015 года возбуждено уголовное дело в отношении 19 руководителей и участников преступного сообщества, совершивших в период с 2006 по 2015 год преступления, предусмотренные статьями 210 (преступное сообщество) и 159 (мошенничество) Уголовного кодекса Российской Федерации.

Целью деятельности возглавляемого Зарубиным, Гайзером, Черновым и Веселовым преступного сообщества было совершение тяжких преступлений, направленных на завладение преступным

[1] Гайзергейт // Коммерсант. 20.09.2015. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2814839.

путем государственным имуществом. <...> Следует отметить, что данное преступное сообщество отличалось масштабностью своей деятельности, выраженной в межрегиональном и международном характере преступных действий ее участников, иерархическим построением преступной организации, сплоченностью и тесной взаимосвязью руководителей и участников преступного сообщества, строгой подчиненностью нижестоящих участников вышестоящим, отработанной системой конспирации и защиты от правоохранительных органов[1].

[1] Владимир Маркин, официальный представитель Следственного Комитета России. См.: СК назвал главу Коми лидером ОПГ // Взгляд. 19.09.2015. URL: https://vz.ru/society/2015/9/19/767774.html)

2.6. НЕВИДИМАЯ РУКА И ГРАБЯЩАЯ РУКА

Сравнительная структура для типов государств

В предыдущей части книги мы остановились на акторах, которые могут посягать на государственную монополию на насилие в ситуации, когда силовые предприниматели конкурируют с несостоявшимся государством. Однако не стоит забывать, что даже несостоявшееся государство может использовать насилие легитимно, являясь немонопольным менеджером силовых ресурсов, поэтому оно почти всегда сохраняет некоторую возможность извлекать, использовать и распределять ресурсы внутри своих границ. Кроме того, как подчеркивает Маркус и другие исследователи, несостоявшееся государство, а вернее, **неорганизованные бюрократы несостоявшихся государств используют хищнические практики**, эксплуатируя имеющуюся у них власть, чтобы заниматься незаконным насильственным присвоением неденежной собственности (например, компаний) для удовлетворения своих личных интересов[1]. Единое в разных лицах **хищничество является характерной особенностью несостоявшихся и хищнических государств**, то есть двух типов государств, которые сильно отличаются по другим признакам. В конце концов, хищническое государство не только сохраняет монополию на легитимное применение насилия, но и само по себе является сильным государством в отличие от несостоявшегося государства, которое таковым не является.

Подобные параллели можно провести и между другими, на первый взгляд непохожими типами государств. Например, **максимальная амплитуда произвола объединяет мафиозное**

[1] *Markus S.* Property, Predation, and Protection. Типологию см. в Главе 5 [▸ 5.5.3.1].

государство и государство развития[1]. Сталкиваясь с мафиозными государствами, исследователи зачастую принимают их за государства развития, поскольку обращают внимание лишь на общие характеристики, роднящие эти два типа, при этом упуская из виду, что такие государства, будь то клановое, неопатримониальное, хищническое или криминальное, действуют исходя из принципа интересов элит, а не из общественных интересов или реализации идеологии[2]. Другую параллель можно провести между **партией-государством и государством всеобщего благоденствия, поскольку оба делают ставку на доминирование формальных институтов и нормативную государственную деятельность**, которая направлена на группы, а не на индивидов. Корнаи в своих размышлениях доходит до того, что называет реформированный коммунистический режим Венгрии «незрелым государством всеобщего благоденствия»[3], проводя параллель, основанную на предоставлении всеобщей социальной защиты. Однако примерно то же самое можно сказать и про классическую сталинскую модель государства (лежащую в основе идеального типа коммунистической диктатуры), которая также ориентировалась на группы, в данном случае классы, в процессе национализации и коллективизации [▸ 5.5.1].

Чтобы увидеть такие сходства, не упуская при этом различия, мы предлагаем создать основу для сравнения. Для этого мы попытались расширить типологию Тимоти Фрая и Андрея Шляйфера, предложенную авторами в знаменитой статье, в которой они классифицировали Россию 1990-х годов

1 *Kang D.* Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

2 Ср.: *Szentkirályi B.* Orbán Viktor félreértett rendszere: Hogyan bukhat el a NER? [Неверно понимаемый режим Виктора Орбана: Как NER может потерпеть неудачу?] // Index.hu. 26.10.2016. URL: http://index.hu/gazdasag/2016/10/26/orban_viktor_felreertett_rendszere/. Также см. Главу 6.

3 *Kornai J.* Reforming the Welfare State in Postsocialist Societies // World Development. 1997. Vol. 25. № 8. P. 1183–1186.

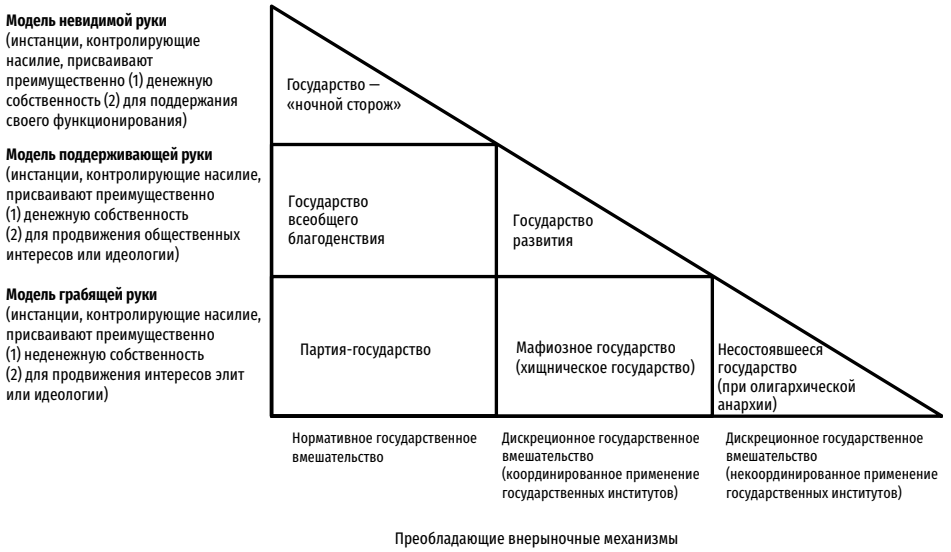
в рамках концептуального пространства, ограниченного тремя идеальными типами взаимодействия политических и экономических акторов[1]. Согласно статье, олигархическая анархия находится ближе всего к так называемой **модели грабящей руки, которая противопоставлена модели невидимой руки** (отсылающую к знаменитой метафоре Адама Смита), поскольку в последней «государство хорошо организовано, в основном свободно от коррупции и руководствуется относительно благими намерениями. Его функции ограничиваются предоставлением важнейших общественных благ, <...> и сдержанным регулированием. Что касается права принятия решений, связанных с распределением ресурсов, оно остается за частным сектором»[2]. Напротив, в рамках модели грабящей руки «правительство <...> постоянно проводит вмешательства, но при этом значительно менее организованно <...>. Органы власти состоят из большого числа относительно независимых чиновников, преследующих собственные цели <...>. [Они] фактически игнорируют цели общегосударственной политики, успешно сохраняют свою независимость от судебной системы и способны навязывать собственную волю в коммерческих спорах, а также имеют возможность облагать бизнес разнообразными хищническими нормативами»[3]. Что касается третьей модели идеального типа, авторы называют ее «**модель поддерживающей руки**», а за ее основу берут такие государства, как Китай и Южная Корея. В рамках этой модели «чиновники непосредственно занимаются поддержкой частной экономической деятельности: они помогают одним фирмам и топят другие, проводят определенную промышленную политику <...>. Правовые институты в такой модели

1 *Frye T., Shleifer A.* The Invisible Hand and the Grabbing Hand // The American Economic Review: Papers and Proceedings of the Hundred and Fourth Annual Meeting of the American Economic Association. 1997. Vol. 87. № 2. P. 354–358.

2 Ibid. P. 354.

3 Ibid. P. 354–355.

Схема 2.4: Типы государств в зависимости от преобладающих внерыночных механизмов и взаимодействия с собственниками



имеют очень ограниченное значение, так как большинство споров разрешают сами чиновники. Эти чиновники коррумпированы, но коррупция остается относительно ограниченной и организованной»[1].

Если перевести Фрайя и Шляйфера на язык нашей концептуальной структуры, то можно сказать, что они описали несостоявшееся государство, государство — «ночного сторожа» (или, возможно, либеральное государство всеобщего благоденствия) и государство развития, назвав их грабящей, невидимой и поддерживающей рукой, соответственно. Однако эту классификацию можно усовершенствовать, включив в нее, помимо уже названных, еще три идеальных типа: государство всеобщего благоденствия, (тоталитарную) партию-государство и хищническое государство (Схема 2.4). Для этого необходимо слегка переосмыслить определения трех «рук», сфокусировавшись на том свойстве, которым обладают **все**

[1] *Frye T., Shleifer A.* The Invisible Hand and the Grabbing Hand. P. 354.

типы государств, даже несостоявшееся, а именно **использование легитимного насилия для добычи ресурсов, управления ими, а также их распределения (все в пределах границ определенной территории)** [▸ 2.2.1]. Конечно, все они также занимаются правовым регулированием, поскольку у них у всех есть законы и нормативные предписания [▸ 4.3.4], однако разные типы государств не используют абсолютно разные формы нормативно-правового регулирования, поэтому этот критерий не может лечь в основу их дифференциации. Если сосредоточиться на аспекте добычи ресурсов и их распределения, можно различить государства по (1) **типам ресурсов, которые они преимущественно распределяют**, то есть присваивают ли они в основном денежную собственность (как при налогообложении) или неденежную собственность (как при хищничестве или экспроприация [▸ 5.5.3]), и по тому, (2) **с какой целью они это делают**, что обычно отражается в доминирующем принципе функционирования государства. Таким образом, **модель невидимой руки сужается до государства — «ночного сторожа», которое присваивает (1) денежную собственность (2) для поддержания собственного функционирования**. Это означает, что такое государство по-прежнему финансируется за счет налогов, применяя монополию на насилие для добычи ресурсов[1], но использует налоговые средства только для поддержания своих основных функций, то есть полиции, судов и национальной обороны. Оно не отдает предпочтение одним акторам и социальным группам в ущерб другим и никогда не присваивает

1 Некоторые сторонники концепции государства — «ночного сторожа» утверждают, что оно должно финансироваться не за счет налогов, а за счет добровольных взносов (наиболее известное исследование: *Herbert A., Levy J. H.* Taxation and Anarchism. London: Personal Rights Association, 1912). Тем не менее мы полагаем, что если бы это было возможно, то такой институт был бы больше похож на общенациональную частную полицию или страховое агентство, чем на реальное государство, а само понятие «государство» по отношению к такому институту использовалось бы с большой натяжкой.

неденежную собственность. Оно только контролирует насилие и пытается ликвидировать принуждение в обществе. Таким образом, оно действительно оставляет большинство решений, касающихся распределения ресурсов, свободному рынку или смитовской «невидимой руке» (которая в рамках нашего исследования обозначает результат добровольного взаимодействия частных акторов)[1].

Для **модели поддерживающей руки** чаще всего характерно (1) **присвоение преимущественно денежной собственности** (в то время как присвоение неденежной собственности в форме национализации и принудительного отчуждения частной собственности происходит довольно редко и в небольших объемах [► 5.5.3]) в целях (2) **продвижения общественных интересов или идеологии**. При таком положении дел государство не является нейтральным актором, который позволяет невидимой руке руководить процессом принятия добровольных решений и определять, кому что должно принадлежать, но вмешивается в процесс, чтобы помочь некоторым социальным группам или акторам. Другими словами, государство полагает, что определенные группы или акторы не получили бы достаточно ресурсов, если бы у других акторов было право не отдавать их, и вмешивается для того, чтобы заставить последних собрать необходимое количество ресурсов для их последующего распределения среди нуждающихся социальных групп и акторов.

Однако на самом деле модель поддерживающей руки применима к нескольким типам государств. Поэтому мы предлагаем расширить типологию Фрая и Шляйфера и добавить **аспект доминирующих механизмов внерыночного регулирования**. В свете вышесказанного «рыночные механизмы» предполагают добровольные взаимодействия, тогда как «внерыночные механизмы» предполагают принудительные

[1] Ср.: *Smith A.* The Wealth of Nations. New York: Bantam Classics, 2003.

взаимодействия акторов. Это не означает, что все «рыночное» или частное добровольно, а все «государственное» или публичное принудительно. В нашем представлении частный работодатель также способен принуждать, если, например, его работники не могут найти работу где-либо еще (и поэтому угроза быть уволенным является для них экзистенциальной [▸ 2.2.1]), а государство при этом может участвовать в добровольных рыночных операциях, таких как торговля и продажа государственной собственности (приватизация). Именно поэтому мы вводим понятия рыночных и внерыночных механизмов, которые могут использовать как частные, так и публичные акторы[1]. Именно по типу преобладающих механизмов внерыночного регулирования можно идентифицировать разные типы государств, объединенные моделью поддерживающей руки. В частности, как мы упоминали в предыдущем абзаце, государственная поддержка может быть преимущественно направлена на (a) социальные группы, представляющие низший и средний класс, или на (b) отдельных акторов, таких как конкретные предприниматели или компании государственного / стратегического значения. Если выполняется пункт (a), преобладающие механизмы внерыночного регулирования принимают форму **нормативного государственного вмешательства**, и тогда можно говорить о **государстве всеобщего благоденствия**; если выполняется пункт (b), преобладающие механизмы внерыночного регулирования превращаются в **дискреционное государственное вмешательство**, и тогда речь идет о **государстве развития** [▸ 5.4].

Что конкретно государство с поддерживающей рукой выбирает для продвижения — общественные интересы или идеологию, — зависит от того, является это государство автокра-

[1] Мы используем слово «рыночный» для создания дихотомии со словом «внерыночный» вслед за Корнаи, который называет горизонтальные отношения, в которых индивиды добровольно соглашаются передать что-либо покупателю, «координацией рынка» [▸ 5.6.1].

тическим или нет, то есть уважаются в нем базовые права и свободы человека или попираются [▸ 2.3]. В любом случае в этой модели **накопление личного богатства не может быть главным мотивом** государственных акторов. Конечно, как пишут Фрай и Шляйфер, чиновники в государствах развития «часто имеют тесные экономические и семейные связи с отдельными предпринимателями»[1], однако эти связи не являются основанием для оказания государственной поддержки. В своем идеальном виде государство развития распределяет ресурсы и использует другие механизмы регулирования для поддержания фирм, руководствуясь в основном безличными критериями, такими как конкурентоспособность на мировом рынке (экспортноориентированная индустриализация)[2]. Оно опирается на формальный бюрократический аппарат, а не на патримониальную логику неформальных патрональных режимов, при этом личность или харизма правителя тоже не играют особой роли в политической системе[3]. Естественно, государственное вмешательство создает ренту [▸ 5.4.2], а ее распределение зависит от относительного политического влияния и взаимоотношений деловых групп. Это свойство в одинаковой степени присуще двум идеальным типам: либеральным демократиям [▸ 5.3.1] и государствам развития[4]. Но сам по себе этот факт уже указывает на то, что рентоориентированная активность преимущественно направлена снизу вверх (а не сверху вниз, как бывает при централизованном распределении ренты среди лояльных клиентов верховного патрона), а цели индустриальной (публичной) политики

1 *Frye T., Shleifer A.* The Invisible Hand and the Grabbing Hand. P. 354.

2 Ср.: *Choi, Young Back.* Industrial Policy as the Engine of Economic Growth in South Korea: Myth and Reality // The Collapse of Development Planning. New York; London: NYU Press, 1994. P. 231–255.

3 *Scheiring G.* The Retreat of Liberal Democracy: Authoritarian Capitalism and the Accumulative State in Hungary. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.

4 *Kang D.* Crony Capitalism. P. 12–18.

никогда не игнорируются полностью в угоду обогащения порой абсолютно неконкурентоспособных родственников и друзей. Кроме того, у главы исполнительной власти в государстве развития, как правило, нет экономических подставных лиц, которые накапливали бы для него личное богатство, полученное в результате дискреционного государственного распределения [▸ 3.4.3, 5.5.4.3].

Наконец, мы модифицируем определение **модели грабящей руки**, распространяя его на три типа государств. В большинстве случаев такая модель предполагает (1) **присвоение неденежной (а также денежной) собственности для (2) продвижения интересов элит или идеологии.** Все типы государств в рамках этой модели осуществляют политическую реорганизацию структуры собственности [▸ 5.5.1], хотя и делают это с помощью разных преобладающих внерыночных механизмов. Сначала рассмотрим **партию-государство**, которая присваивает неденежную собственность в ходе установления коммунистической диктатуры. Этот тип использует такие методы, как **национализация и коллективизация**, процессы, при которых **производственная собственность изымается в безличном порядке у всех, кто ею владеет**[1], а экономическая сфера подчинена политической и порождает бюрократическое слияние власти и собственности [▸ 1.4.1]. Кроме того, в основе такого **нормативного государственного вмешательства** лежит идеология, поскольку марксизм-ленинизм подразумевает государственный контроль над средствами производства в целом и над «командными экономическими высотами» в частности[2]. **Мафиозное государство** или (если мы хотим отразить только аспект, связанный с реорганизацией собственности) хищническое государство кардинально

1 *Iordachi C., Bauerkamper A.*, eds. The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe: Comparison and Entanglements. Budapest; New York: CEU Press, 2014.

2 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 43, 388–390.

отличается от партии-государства, поскольку использует **дискреционное государственное вмешательство** для продвижения **интересов элит**. Посткоммунистическое хищничество не основывается на классовой теории, а происходит в произвольном порядке, поскольку добычу выбирает приемная политическая семья, а государственные акторы инициируют хищничество по принципу сверху вниз. По сути, **мафиозное государство перераспределяет неденежную собственность, забирая ее у автономных нелояльных владельцев или аутсайдеров и отдавая ее лояльным зависимым лицам** [▸ 5.5.3.4, 5.5.4]. Получающееся в результате смешение сфер социального действия носит неформальный характер, а правители накапливают личное богатство (через экономических подставных лиц), тогда как в партии-государстве смешение сфер социального действия формально, и никто не может значительно обогатиться благодаря изъятию компаний.

Как было сказано выше, мафиозное государство и государство развития схожи тем, что для обоих характерна довольно широкая амплитудой произвола. Оба типа государств используют дискреционное государственное вмешательство как главный механизм внерыночного регулирования, при котором **координированное применение рычагов власти** служит достижению поставленных государством целей. В мафиозном государстве это значит, что законодательная власть, налоговые органы, прокуратура используются согласованно как часть одной процедуры для достижения общей цели внутри единого политического аппарата. Это становится возможным только в том случае, когда один единственный актор — верховный патрон — имеет возможность использовать рычаги всех органов власти одновременно, что дает ему (неформальную) возможность устраивать точечную охоту на своих политических жертв [▸ 5.5.4.1]. Наконец, мы добрались до того типа государства, с которого начали — **несостоявшееся государство**. Именно уровень координации атаки отличает грабящую руку

мафиозного государства от такой же руки несостоявшегося государства. В олигархической анархии **хищничество, как правило, инициируется индивидами, которые не координируют свои атаки и используют, соответственно, какой-то один изолированный сегмент государственной власти**. Как пишет Маркус, в слабых государствах к хищничеству часто прибегают индивидуальные акторы, которые злоупотребляют властью в своих личных интересах. К ним относятся полицейские, руководители на местах, директора государственных предприятий, сборщики налогов, то есть «акторы любого из многочисленных департаментов, способных остановить производственную деятельность (санитарно-эпидемиологический надзор, пожарная инспекция, работники социального страхования и т. д.)»[1].

В Главе 5 мы приводим типологию хищничества, в которой действия таких хищников-бюрократов относятся к категории (местного и изолированного) серого рейдерства, тогда как хищничество в мафиозном государстве — это централизованное коллективное рейдерство, комбинирующее методы серого и белого рейдерства [► 5.5.3.1]. В обоих случаях можно говорить о наличии грабящей руки, а чтобы скрыть свои настоящие действия хищники часто прибегают к риторике поддерживающей руки [► 6.4.1.4][2]. При этом грабящая рука в олигархической анархии предполагает множество некоординированных рук с узкими и конкурирующими между собой интересами, тогда как в мафиозном государстве грабящая рука принадлежит верховному патрону или уполномоченному им региональному субпатрону. В предыдущей части мы писали, что субпатрон может быть главой местной администрации, которая является субсуверенным мафиозным государством. Такие локальные механизмы могут использоваться

1 *Markus S.* Property, Predation, and Protection. P. 11.

2 *Frye T., Shleifer A.* The Invisible Hand and the Grabbing Hand. P. 354.

субпатронами в хищнических целях, а расслоение патрональных однопирамидальных сетей даже допускает конкуренцию между членами приемной политической семьи [▸ 2.2.2.3]. Однако эта конкуренция скоординирована, в отличие от того, как это работает в олигархической анархии. Используя предложенное Маркусом сравнение чиновников в хищнических государствах с пираньями, можно сказать, что пираньи в олигархической анархии плавают в едином обширном водоеме, и только степень их прожорливости и энергия ограничивают их действия. Напротив, субпатроны в мафиозном государстве — это более крупная хищная рыба, у которой в распоряжении гораздо больше средств, чем у отдельных хищников-бюрократов, но они плавают в четко разделенных аквариумах с ограниченным количеством добычи и диапазоном дозволенного [▸ 5.3.4.2]. Таким образом, **высший государственный орган (верховный патрон) может действовать как в качестве хищника, так и в качестве координатора хищных акторов**. Глава исполнительной власти в несостоявшемся государстве, как правило, не может ни того ни другого, поскольку хищничество возникает в результате того, что государственные акторы не способны контролировать государственный аппарат. В несостоявшемся государстве возможность украсть порождает хищника, тогда как в мафиозном государстве сам хищник создает возможность украсть.

3. Акторы

3.1. ГИД ПО ГЛАВЕ

В третьей главе мы приводим **сравнительную характеристику политических, экономических и общинных акторов**. Эта характеристика основывается на приведенных в Таблице 3.1 понятиях, представляющих три полярных типа режимов из нашей треугольной концептуальной схемы, включающей шесть идеальных типов.

В этой главе семь частей. Поскольку в ней дается определение акторам трех сфер социальной деятельности, сначала мы должны определить эти сферы более формально, чем мы делали это ранее. Этому посвящена Часть 3.2, где приводится общая концептуальная структура для всей книги в целом и рассмотрения конкретных акторов в частности.

В части 3.3, размечая концептуальные пространства через определение акторов идеального типа, а также присущих им видов организации и деятельности, мы начинаем с описания формально-политических ролей, таких как премьер-министр и правящая и оппозиционные партии (как их называют в либеральных демократиях). В Части 3.4 мы переходим к формально-экономическим акторам, включающим предпринимателей, лоббистов и экономических подставных лиц. Кроме того, мы предлагаем типологию олигархов в патрональных режимах и объясняем, как формирование однопирамидальных патрональных сетей, осуществляющих монополию на власть, разрушает относительную автономию олигархов и направлено на их объединение в единую иерархическую цепочку.

Часть 3.5 посвящена общинным акторам. Здесь мы говорим о гражданах трех режимов полярного типа и о том, как они защищают права человека и частную сферу; о церкви и о том, в каких отношениях она состоит с различными идеальными типами государств; о НПО и аналогичных организациях,

Таблица 3.1: Политико-экономические акторы в трех полярных типах режимов (с названиями частей и глав)

	Либеральная демократия	**Патрональная автократия**	**Коммунистическая диктатура**
Сферы социального действия	разделенные сферы социального действия	смешанные сферы социального действия	слитые сферы социального действия
Политические акторы	премьер-министр / президент	верховный патрон	генеральный секретарь партии
	ограниченное правление (в рамках формальных полномочий)	неограниченное распоряжение (выходящее за пределы формальных полномочий)	тоталитарное правление (в рамках формальных полномочий)
	кабинет	двор патрона	политбюро
	политик	полигарх / политическое подставное лицо	партийный функционер высокого уровня
	доверенное лицо	рука патрона (*смотрящий*)	партийный функционер среднего / низкого уровня
	госслужащий	патрональный служащий	аппаратчик
	государственная служба безопасности	служба безопасности патрона	партийная служба безопасности
	демократическая партия партия политиков присоединение	партия патрона партия вассалов кооптация / принятие в семью	централизованная партия партия функционеров прием в партию
	управляющая партия	партия — «приводной ремень»	партия-государство
	оппозиционная партия	маргинализированная / приручeнная / абсорбированная / ликвидированная / фейковая партия	отсутствует
Экономические акторы	предприниматель субподрядчик	олигарх / минигарх клиент	руководитель государственного предприятия отсутствует
	лоббист представительство бизнес-интересов	брокер-коррупционер содействие коррупционной деятельности	толкач, плановая сделка или бартер
	отсутствует	экономическое подставное лицо (подставная компания)	отсутствует
Общинные акторы	гражданин	слуга (клиент)	объект
	независимая церковь	клиентарная церковь	репрессированная церковь
	НПО	ГОНГО (НПО, организованное государством)	ОПР (организация — «приводной ремень»)
Правящая элита	ограниченная политическая элита	приемная политическая семья	номенклатура
	автономные элиты	патронализированные элиты	инкорпорированные элиты

таких как ГОНГО (неправительственная организация, организованная правительством) в патрональных автократиях, и ОПР (организация — «приводной ремень») в коммунистических диктатурах.

В Части 3.6 мы подробно обсуждаем понятие «приемная политическая семья», являющееся нашим главным концептуальным нововведением в рамках этой главы. Мы приводим как позитивное, так и негативное определение этого понятия, то есть объясняем, что является приемной политической семьей, а что нет. Мы пытаемся объяснить, почему такие термины, как «новое феодальное сословие», «неономенклатура» или «новый правящий класс», плохо подходят для описания правящих элит посткоммунистических патрональных режимов. Помимо этого, мы также обсуждаем антропологический характер приемной политической семьи. Наконец, Часть 3.7 содержит схематические изображения, иллюстрирующие связи идеального типа между правящей элитой и другими элитными группами во всех шести режимах идеального типа.

3.2. ТРИ СФЕРЫ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Как уже говорилось во Введении, в основном мы опираемся на идеи Оффе и то, как он различает политическую, экономическую и общинную сферы деятельности в обществе[1]. Мы принимаем его подход, поскольку он сочетается с основной веберианской отправной точкой нашего исследования, а именно с понятием социального действия [▸ Введение]. Действительно, мы начинаем с трех типов деятельности и очерчиваем для них сферы, между тем как **сама «сфера» может называться таковой, только если для нее характерен определенный тип деятельности**. Таким образом, мы используем три типа действия, описанных Оффе, чтобы дать рабочие определения для трех сфер социального действия.

• ***Сфера политического действия*** *— это сегмент общества, состоящий из людей, которые (1) устанавливают курс применения власти, (2) используют власть или (3) содействуют использованию власти в качестве наемных работников, напрямую или в рамках своих намерений. (Понятие «политическая деятельность» подразумевает использование власти.) Люди из этой сферы, которую также можно назвать «политической сферой», являются* ***политическими акторами.***

• ***Сфера экономического действия*** *— это сегмент общества, состоящий из людей, которые (1) устанавливают курс производственной деятельности, (2) производят товары и услуги или (3) участвуют в производстве в качестве наемных работников, напрямую или в рамках своих намерений. (Понятие «рыночная деятельность» подразумевает производство.) Люди*

1 *Offe C.* Political Corruption.

из этой сферы, которую также можно назвать «экономической сферой», являются ***экономическими акторами.***

• ***Сфера общинного действия*** *— это сегмент общества, состоящий из людей, которые (1) устанавливают курс для совершения взаимных обменов, (2) участвуют во взаимных обменах или (3) способствуют проведению взаимных обменов в качестве наемных работников напрямую или в рамках своих намерений (понятие «общинная деятельность» подразумевает взаимный обмен.) Люди из этой сферы, которую также можно назвать «общинной сферой», являются* ***общинными акторами.***

Что касается политического действия, понятие «политическая власть» уже было определено в предыдущей главе как способность государства добывать ресурсы, управлять ими и распределять их, применяя легитимное насилие [► 2.2.1]. Понятие «производство» говорит само за себя и подразумевает трансформацию, организацию и комбинирование существующих ресурсов для создания новых товаров и услуг, которые можно продать или купить на рынке[1]. Наконец, понятие «взаимный обмен» мы пока не упоминали вовсе, хотя ссылались на понятие «взаимности» (*reciprocity*) Карла Поланьи, которое он понимает как главную форму взаимодействия между членами некоторых социальных групп, как, например, семьи[2]. Опираясь на более свежие исследования по этой теме[3], мы определяем взаимный обмен следующим образом:

• ***Взаимный обмен*** *— это тип межличностного взаимодействия, при котором сторона А передает что-либо, обладающее ценностью, стороне Б, либо (а) не зная о том, когда сторона Б*

[1] *Mises L. von*. Human Action: The Scholar's Edition. Auburn Ala.: Ludwig von Mises Institute, 2010. P. 140.

[2] Ср.: *Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 62–73.

[3] *Khatri N., Tsang E., Begley T.* Cronyism: A Cross-Cultural Analysis // Journal of International Business Studies. 2006. Vol. 37. № 1. P. 62.

сможет ответить взаимностью, либо (b) отвечая на услугу, ранее оказанную стороной Б. Как правило, взаимный обмен включает бартер товаров и услуг, который характеризуется тем, что, хотя в момент первого обмена условия предоставления взаимной услуги или подарка никак не оговариваются, взаимность тем не менее ожидается как нечто естественное и в обозримом будущем.

Хотя мы построили все определения по одному образцу, «установление курса» или «планирование» определенного типа действия — это основная функция акторов только из политической и экономической сфер. Например, главная функция предпринимателя заключается в том, чтобы определять, что должно быть произведено [▸ 3.4.1.1], тогда как главная функция политика при либеральной демократии — определять направление государственной деятельности в рамках конституции. При голосовании граждане также становятся на время политиками, поскольку их цель — повлиять на политический курс своего государства (опосредованно, через представителей [▸ 4.2.2, 4.3]). В общинной сфере, однако, курс взаимного обмена — это то, что Оффе называет «знаковыми маркерами идентичности и культурной принадлежности», а также «общими ценностями и общими понятиями о добродетели»[1], которые не устанавливаются конкретными акторами или волей центрального актора, а, скорее, развиваются вместе с культурой и цивилизацией[2]. Таким образом, именно участие во взаимном обмене на базе общих ценностей и идентичности составляет основную функцию акторов в общинной сфере, а создание организаций, которые формируют систему ценностей и поддерживают их понятия о добродетели и чувство причастности, такие как церковь и НПО, являются лишь вторичными функциями.

1 *Offe C.* Political Corruption. P. 78.

2 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 57–60.

Сферы социального действия считаются разделенными, если не происходит «перехлеста» ролей акторов, принадлежащих различным сферам. Разделение не означает, что между сферами или их акторами нет никаких связей, а индивид может быть задействован только в одном типе социального действия. Оно означает, что, хотя **человек выполняет разные социальные роли, его действия и мотивы в одной роли не влияют на его действия и мотивы в другой**. Например, руководитель организации занимается политической деятельностью, но в своей семейной жизни он также может быть вовлечен в общинное действие. И если сферы социального действия разделены, то его чувство принадлежности к семье и взаимные семейные обязательства не определяют его политические действия. Точно так же экономический актор может быть предпринимателем и другом политика, но если сферы социального действия разделены, их дружеские отношения, принадлежащие к общинной сфере, никак не сказываются на их решениях в основной сфере деятельности.

Выше мы используем абсолютные категории (например, «никак не сказывается»), чтобы яснее передать значение разделения. Однако в реальном мире разделение сфер социального действия никогда не бывает настолько четким. Следовательно, его **стоит воспринимать не как часть бинарной оппозиции, а, скорее, как континуум**, на одном конце которого **полное разделение сфер** (то есть роль индивида в одной сфере никак не влияет на другие его роли в других сферах), а на другом — **полное отсутствие этого разделения** (где каждое действие в каждой роли актора подчинено одному и тому же мотиву). Иными словами, **разделение говорит об определенной степени автономии** социальных акторов и ролей, тогда как отсутствие разделения говорит об отсутствии автономии.

В посткоммунистическом регионе, как правило, наблюдается **отсутствие разделения сфер социального действия**.

• **политические акторы вмешиваются в экономическую сферу**, то есть неформально участвуют в экономической деятельности для достижения своих политико-экономических целей;

• **экономические акторы вмешиваются в политическую сферу,** то есть неформально участвуют в политической деятельности для достижения своих экономических целей;

• **экономические и общинные акторы подчинены политическим** и вынуждены способствовать достижению их политико-экономических целей (особенно в патрональных автократиях).

Далее в этой главе мы анализируем и типологизируем акторов на основании наличия / отсутствия у них автономии и разделения / смешения сфер. Если точнее, мы подробно описываем акторов, действующих при трех полярных типах режимов:

• **в либеральных демократиях**, для которых характерно **разделение** сфер социального действия, причем в такой степени, что сферы сохраняют свою автономию, а политические акторы не вмешиваются в экономическую сферу;

• **в патрональных автократиях**, для которых характерно **смешение** сфер социального действия, приводящее к тому, что автономия экономической и общинной сфер часто попирается со стороны политической сферы, а политические акторы беззастенчиво вмешиваются в экономическую и общинную деятельность;

• **в коммунистических диктатурах**, для которых характерно **слияние** сфер социального действия, причем в такой степени, что экономическая и общинная сферы полностью лишаются своей автономии, а все их акторы подчиняются формальной бюрократической сети партии-государства.

3.3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ В ТРЕХ ПОЛЯРНЫХ ТИПАХ РЕЖИМОВ

В этой части мы задаем координаты для описания **акторов, принадлежащих сфере политического действия** в трех полярных типах режимов (определяя по три идеальных типа для каждого полюса). Выбор акторов основывался на (1) их важности для функционирования каждого типа режима и (2) присутствии очевидного различия между идеальными типами этих акторов в трех полярных типах режимов. Другими словами, хотя некоторые принадлежащие к политической сфере акторы (такие как полицейские) могут иметь важное значение в одном или двух типах режимов, мы решили не обсуждать их в этой главе, если их роль в различных типах режимов по существу одинакова, то есть если в идеальных категориях их нельзя различить.

Естественно, поскольку сферы социального действия полностью разделены только в либеральной демократии идеального типа, некоторые из приведенных ниже акторов (встречающихся в патрональных автократиях или коммунистических диктатурах) также являются частью экономической и общинной сфер. Кроме того, **акторы, которых мы относим к нескольким типам режимов, часто имеют внутри этих режимов довольно разный вес**, и поскольку режимы структурированы не одинаково, порядок нашего изложения не всегда соотносится с иерархией политических институтов. Например, тот факт, что доверенные лица (и рука патрона) обсуждаются нами после политиков (и политических подставных лиц) не означает, что это два «уровня», следующие один за другим в каждом типе режимов. Мы лишь хотели структурировать рассмотрение

акторов и поэтому решили разделить их таким же образом, как это принято в литературе. Этот подход позволяет увидеть, почему слова (по сути, формальные титулы), используемые для описания акторов на языке либеральной демократии, не подходят для соответствующих акторов в патрональных режимах, где доминируют неформальные институты.

3.3.1. Президент / премьер-министр — верховный патрон — генеральный секретарь партии

Начнем с актора, который в рассматриваемых нами политических системах **возглавляет (формально и/или неформально) исполнительную власть. В либеральных демократиях** это либо президент, если режим является президентской или смешанной (полупрезидентской) республикой, либо премьер-министр, если режим является парламентской республикой[1].

• ***Премьер-министр*** *или* ***президент*** *— это актор, который является главой исполнительной власти в либерально-демократических режимах. Определяющая характеристика его власти —* ***ограниченность****: во-первых, она ограничена пределами сферы политического действия, а во-вторых — разделением ветвей власти в этой сфере. Соответственно, его основной деятельностью является* ***управление****, то есть формально санкционированное применение собственных полномочий для управления конституционным государством.*

В патрональных автократиях президенту или премьер-министру соответствует верховный патрон:

• ***Верховный патрон*** *— это актор, формально являющийся главой исполнительной власти, а неформально — главой однопирамидальной патрональной сети в патрональной автократии.*

[1] Примеры классического анализа форм государственного устройства см.: *Lijphart A.* Parliamentary Versus Presidential Government. Oxford; New York: Oxford University Press, 1992.

*Определяющая характеристика его власти — **неограниченность**: он обладает монополией внутри политической сферы, в которой ветви власти объединены, и поэтому в отсутствие каких-либо сдержек и противовесов он может действовать во всех сферах полностью на свое усмотрение. Соответственно, его основной вид деятельности — это **распоряжение**, то есть неподотчетное формальным процедурам применение собственной власти для управления мафиозным государством.*

В коммунистической диктатуре похожим статусом обладает генеральный секретарь партии.

• ***Генеральный секретарь партии** — это актор, являющийся главой исполнительной власти, а также руководителем марксистско-ленинской партии в коммунистической диктатуре. Определяющая характеристика его власти — **тоталитарность**: он управляет системой, которая объединяет как сферы социального действия, так и ветви власти, так что он неизбежно действует во всех сферах без каких-либо эффективных сдержек, которые могли бы ограничить его полномочия. Соответственно, его основная деятельность заключается в том, чтобы* **командовать**, *то есть применять власть для управления партией-государством в рамках формальных полномочий.*

Каждое из приведенных выше определений заключает в себе целый кластер понятий. Во-первых, это понятие, обозначающее главу исполнительной власти; во-вторых — понятие, определяющее характер его правления; в-третьих — глагол, характеризующий его действия в качестве главы исполнительной власти (вытекающий из двух предыдущих понятий). Понятия внутри каждого кластера логически связаны друг с другом, поэтому ни одно из них нельзя заменить понятием из другого кластера.

Эти определения в целом соответствуют тому, что мы писали выше про правящие элиты. Но, возможно, все же стоит подчеркнуть два тонких отличия между вышеупомянутыми акторами. С одной стороны, **верховный патрон — единственный актор, объем власти которого отличается от его формальных**

полномочий. На самом деле его власть связана с неформальным статусом, в рамках которого он патронализировал (или патримониализировал) политическую сферу. Другими словами, действия верховного патрона выходят за пределы его формальных полномочий, тогда как двое других акторов действуют в рамках формальных предписаний. Несмотря на то, что верховный патрон формально ограничен разделением властей и пределами политической сферы, он часто нарушает границы между исполнительной и другими ветвями власти, а также вмешивается в экономическую и общинную сферы. Следовательно, его действия можно рассматривать как **незаконные** в отличие от действий генерального секретаря партии, который тоже вмешивается в неполитические сферы социального действия, но имеет на то законные полномочия (поскольку «авангард» марксистско-ленинской партии — это «ведущая сила» общества, как прописано в конституции [▸ 4.3.4.2]).

С другой стороны, **и верховный патрон, и генеральный секретарь партии обладают неограниченной властью, но первый не обязательно подчиняет себе все сферы социального действия**. Следовательно, власть верховного патрона остается неограниченной, тогда как власть секретаря партии становится тоталитарной. Об этом свидетельствуют различия в характере их режимов или их основные мотивы. Главный мотив коммунистических режимов — это идеология, направленная на переустройство всего общества. Главный мотив патрональных автократий — продвижение интересов элит, то есть накопление власти и богатства. Первый фактор требует (по крайней мере, по мнению коммунистических идеологов) применения государственной власти на всех уровнях общества, что означает тоталитаризм. Последний требует подчинения не всех социальных групп, а только тех, которые угрожают власти верховного патрона и важны для накопления состояния, то есть верховный патрон может ограничиться «просто» неограниченной властью. В коммунистической

диктатуре идеального типа все общество подчинено реализации идеологии, и в ней нет места свободе или автономии. В патрональной автократии идеального типа сферы, которые не таят угрозы и не сулят богатств, игнорируются.

3.3.2. Кабинет — двор патрона — политбюро

3.3.2.1. Основные определения

Рассмотрев фигуру главы исполнительной власти, мы переходим к **основному органу, принимающему решения**, в трех режимах полярного типа. **В либеральных демократиях** это кабинет[1].

• ***Кабинет*** *— это группа акторов, которая принимает правительственные решения в либеральных демократиях. Ее возглавляет президент либо премьер-министр, и в нее входят высокопоставленные члены правящей политической элиты (то есть акторы, занимающие формальные должности в исполнительной ветви власти), которые могут (1) принимать решения, противоречащие воле президента или премьер-министра, и (2) занимать официальные должности в соответствии с мандатом партии-победителя.*

Соответствующий орган в патрональных автократиях — это двор патрона[2].

• ***Двор патрона*** *— это группа акторов, которая принимает правительственные решения в патрональных автократиях. Ее возглавляет верховный патрон, и в нее входят высокопоставленные члены приемной политической семьи (то есть акторы, принадлежащие исполнительной ветви власти или*

[1] *Lijphart A.* Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven: Yale University Press, 2012. P. 79–104.

[2] Ср. с описанием «двора Путина»: *Judah B.* Fragile Empire: How Russia Fell In and Out of Love with Vladimir Putin. New Haven; London: Yale University Press, 2014. P. 115–134.

экономической сфере, с формальными должностями или без), которые (1) не могут принимать решения, противоречащие воле верховного патрона, и (2) не всегда занимают официальные должности в соответствии с мандатом партии-победителя.

В коммунистических диктатурах в этой роли выступает политбюро.

• ***Политбюро** — это группа акторов, которая принимает правительственные решения в коммунистических диктатурах. Ее возглавляет генеральный секретарь партии, и в нее входят высокопоставленные члены номенклатуры (то есть акторы, занимающие высшие позиции в иерархии марксистско-ленинской партии), которые (1) не могут принимать решения, противоречащие воле генерального секретаря, и (2) занимают официальные должности, полученные в результате внутрипартийных механизмов отбора.*

Главная разница между двором патрона и двумя другими директивными органами заключается в наличии неформальных акторов. В либеральных демократиях идеального типа люди, у которых нет официальной должности в органах исполнительной власти, не могут участвовать в управлении. Среди советников президента или членов партии могут быть люди, имеющие большое влияние на принятие решений, но это влияние обусловлено полномочиями их официальных должностей, которые эти акторы законно занимают наряду с главой исполнительной власти. Похожим образом в коммунистических диктатурах никто не может пользоваться реальной властью без официального членства в политбюро, тогда как потеря места в этом политическом комитете равноценна утрате всех властных прерогатив[1]. В свою очередь,

1 В сталинские времена это означало ГУЛАГ и неминуемую гибель, тогда как позже, в «гуманизированной» форме коммунизма, оно предполагало синекуру без какого-либо доступа к власти, пенсию и частичное право пользования потребительскими привилегиями, как в случае с Никитой Хрущевым. См.: *Таубман У.* Хрущев. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 34–35.

в патрональных автократиях центр принятия решений — это малый двор верховного патрона, стоящего во главе приемной политической семьи, а периодически меняющийся круг его участников состоит как из акторов, занимающих формальные должности в органах исполнительной власти, так и из тех, кто таких должностей не имеет. Принадлежность акторов ко двору отслеживать бывает довольно сложно, поскольку перестановки не ограничиваются сменой людей на официальных должностях. Акторы из двора патрона, описание которых последует далее, включают в себя полигархов, олигархов, учрежденческих кураторов, службу безопасности политической семьи и охранников.

3.3.2.2. Посткоммунистические региональные различия: «новогодняя елка» Назарбаева, столы Путина, VIP-ложа семьи Орбана

Поскольку двор патрона не является официальным органом власти, он может принимать различные формы в разных посткоммунистических режимах. Любопытно будет взглянуть на три примера из исторического региона советской империи [▸ 1.3.1].

Начнем с самого восточного, исламского региона и обратимся к **Казахстану и двору патрона Нурсултана Назарбаева**. Как мы отмечали в Главе 1, в этом регионе, типичной реакцией стран на смену режима была преемственность, при которой ключевые позиции в коммунистической партии и спецслужбах напрямую трансформировались в эквивалентные ранги внутри неформальных патрональных сетей. Это хорошо иллюстрируют различные титулы Назарбаева: сначала он был генеральным секретарем партии (первым секретарем) Казахской Советской Социалистической Республики, затем, в 1990 году он был избран президентом вновь образовавшегося Казахстана, а в настоящий момент он носит законный титул «**лидера нации**», что отражает его реальную роль — роль

верховного патрона — и характер его правления, похожий на правление отца римского семейства (*pater familias*) [▸ 3.6.2.2][1].

Веб-сайт оппозиции наглядно представляет приемную политическую семью Назарбаева в виде новогодней елки, повторяющей форму патрональной пирамиды, которую он возглавляет[2]. Основываясь на публикациях в прессе, веб-сайт рассказывает о его патрональной сети, глядя на которую можно заметить, насколько разнообразны позиции, занимаемые ее членами: родственники (например, его дочери) стоят в одном ряду с квазиродственными людьми (например, главой государственной нефтегазовой компании «КазТрансГаз»), а люди, занимающие официальные должности (например, министр юстиции), соседствуют с людьми на неформальных позициях (например, доверенное лицо Назарбаева). Что касается **двора патрона**, то в него входят брат Назарбаева, его первая и вторая жены, (формальное) доверенное лицо, личный помощник, средняя дочь (богатейшая женщина Казахстана) и младшая дочь (крупнейший застройщик Казахстана). Обширные бизнес-интересы этих акторов свидетельствуют об отсутствии разделения сфер социального действия, что позволяет всем этим людям одновременно занимать формальные и неформальные должности[3].

Возвращаясь к православному региону, рассмотрим двор патрона **Владимира Путина в России**, который, согласно классическому исследованию Стивена Уайта и Ольги Крыштановской, «представляет из себя „ближний круг“ людей, принимающих участие практически во всех совещаниях Путина»[4]. Они описывают этот круг как объединенную сеть из **трех «столов»**.

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 249–253. Назарбаев ушел с поста президента в 2019 году, но сохранил большую часть своих полномочий [▸ 4.4.3.3].

2 Nazarbayev's Christmas Tree. URL: https://www.elka-nazarbaeva.net/en/.

3 The Chart of N. Nazarbayev's Family OCG. URL: https://www.elka-nazarbaeva.net/en/scheme1.jpg.

4 *Kryshtanovskaya O., White S.* Inside the Putin Court: A Research Note // Europe-Asia Studies. 2005. Vol. 57. № 7. P. 1066.

• **Кабинет президента**. Совещания, которые проводятся по понедельникам, — это, по сути, встречи президента с членами правительства, то есть директивным органом, который повторяет структуру официального правительства[1].

• **Совет безопасности**. Круг участников субботних совещаний более узкий, а его состав не привязан к какой-либо конкретной бюрократической структуре. Члены так называемого Совета безопасности занимают формальные политические позиции (внутри правительства, президентского кабинета, спецслужб и прокуратуры), являются доверенными лицами Путина и ключевыми фигурами в органах исполнительной власти и правоохранительных органах. Согласно сообщениям СМИ, на встречах обсуждаются «различные вопросы внутренней и внешней политики»[2].

• «**Группа чаепития**». «В эту [группу] входят близкие друзья Путина, которые встречаются в неформальной обстановке в его резиденции. Ничего неизвестно о том, как часто они проходят, и предпринимаются все меры, чтобы даже имена их участников не просочились в публичное поле. Эта „группа чаепития“ в основном состоит из ведущих чиновников, которые, как и сам Путин, родились в Ленинграде и закончили Ленинградский университет. Среди них Сергей Иванов, Игорь Сечин, Дмитрий Медведев (в прошлом член преподавательского состава университета), глава Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Виктор Черкесов, полпред президента Дмитрий Козак <...>, помощник президента Владимир Кожин и Георгий Полтавченко (полпред президента в Центральном федеральном округе <...>). <...> В основе такого взаимодействия лежит неформальное объединение или „клан“»[3].

Что касается западно-христианского региона и **недавно возникшего в Венгрии патронального режима**, то реальный

1 *Kryshtanovskaya O., White S.* Inside the Putin Court. P. 1067–1068.

2 Ibid. P. 1068.

3 Ibid. P. 1068–1069.

центр власти последнего наиболее ярко представляет **семейная VIP-ложа Виктора Орбана** на футбольном стадионе. Здесь, в обстановке нелепого уюта ближнего круга, в котором официально назначенные чиновники (министр, мэр, прокурор, глава Государственной счетной палаты, председатель банка, бизнесмены и т. п.) соседствуют с домочадцами Орбана, верховный патрон болеет за свою команду[1]. По изменению состава людей, вхожих в семейную VIP-ложу, можно судить о том, кто был принят в ряды директивного органа, а кто был из него исключен. Ярким примером здесь является Лайош Шимичка, который был ближайшим другом Орбана и крупнейшим олигархом, пока не развязал «мафиозную войну» с верховным патроном [▸ 3.4.1.4][2]. Кроме того, с недавнего времени принимающий решения орган в полном составе можно увидеть на борту **частного самолета**, принадлежащего одному из главных олигархов режима, который Орбан и его двор используют для перелетов на футбольные матчи[3].

3.3.3. Политик — полигарх / политическое подставное лицо — партийный функционер высокого уровня

Люди, выполняющие политические роли в посткоммунистических автократиях, обычно считаются политиками, хотя

1 Orbán és Polt fergetegesen érezte magát a pénteki meccsen — fotó [Орбан и Польт отлично провели время на матче в пятницу — фото] // hvg.hu. 20.05.2016. URL: https://hvg.hu/itthon/20160520_Orban_es_Polt_fergetegesen_jol_erezte_magat_a_penteki_meccsen__foto; A NER elitje Orbánnal nézi a Vidi stadionavatóját a díszpáholyból — fotók [The NER elite watches Videoton stadium opening from VIP box — photos] // hvg.hu. 21.11.2018. URL: https://hvg.hu/itthon/20181121_orban_vidi_stadionavato_fotok.

2 *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 95–102.

3 *Balogh E.* Corruption at the Very Top: Orbán's Use of a Businessman's Jet // Hungarian Spectrum (blog). 25.09.2018. URL: http://hungarianspectrum.org/2018/09/25/corruption-at-the-very-top-orbans-use-of-a-businessmans-jet/.

таковыми не являются, по крайней мере в западном смысле этого слова. Так, политика в либеральных демократиях можно определить следующим образом:

• ***Политик*** *— это актор, обладающий только формальной политической властью, которую он может использовать автономно, по своему усмотрению. Другими словами, его действия не ограничены, но возможны исключительно в политической сфере, где он принимает участие в управлении государственными делами с позиций государственной власти, полученной (прямо или косвенно) путем выборов.*

К патрональным автократиям строгие правила, необходимые для того, чтобы исключить конфликт интересов и отделить частные интересы от общественных, не применяются. Наоборот, если перефразировать Макса Вебера, свою власть в них воспринимают как источник экономических возможностей и используют ее в своих личных интересах. Следовательно, в контексте патрональных автократий следует, скорее, говорить о «полигархах»[1]:

• ***Полигарх*** *— это актор, который обладает формальной политической и неформальной экономической властью. Другими словами, он действует как в сфере политического, так и в сфере экономического социального действия, накапливая нелегитимное богатство с помощью легитимной политической власти и управляя политическим бизнесом.*

Несмотря на то, что личное богатство полигарха обеспечено его политическим положением и решениями, полученные нелегитимным путем финансовые преимущества выходят за пределы дозволенного его привилегиями, которые могли бы быть связаны с его должностью и доходами от классической коррупции (см. Текстовую вставку 3.1). Управляя семейным бизнесом как политическим предприятием, полигарх сдает

[1] Мы заимствовали это удачное выражение из романа: *Frei T.* 2015 — A Káosz Éve És a Magyar Elit Háborúja [2015 — Год хаоса и войны венгерских элит]. Budapest: Ulpius, 2013. P. 18.

в аренду землю, приобретает объекты недвижимости и формирует сеть компаний через так называемых экономических подставных лиц, которые фиктивно владеют его незаконно приобретенной собственностью и властью (см. ниже). Иногда полигархи накапливают свои богатства, прикрываясь какой-нибудь псевдообщественной организацией или фондом. Такая организация, как правило, финансируется из государственных средств, а сам полигарх сохраняет за собой неформальное право распоряжаться ее деньгами[1].

Текстовая вставка 3.1: Путин — главный полигарх России

У Путина [есть] более 20 официальных резиденций, 59 самолетов и 4 яхты. <...> Он не является «владельцем» этого имущества, кроме, <...> пожалуй, самой первой яхты, которую ему подарила группа олигархов во главе с Романом Абрамовичем <...>. Те, кто утверждают, что политика нельзя назвать коррумпированным до тех пор, пока полиция не обнаружит в его морозилке 20 000 долларов США мелкими купюрами <...>, должны задуматься о том, сколько государственных средств было потрачено на эти резиденции, большинства из которых не существовало <...> до прихода Путина к власти, на их строительство, эксплуатацию, меблировку, а также круглосуточную работу персонала. <...>

Путин усилил свое влияние на совет директоров «Газпрома», [крупнейшей российской компании], сразу после своего избрания, заменив [бывшего председателя совета директоров] на Дмитрия Медведева, который был советником Путина по правовым вопросам, возглавлял его предвыборную кампанию и стал первым заместителем главы Администрации Президента. <...> 30 мая 2001 года Путин лично присутствовал на заседании

[1] Примером здесь может служить футбольный стадион и академия в частном владении семьи Орбана в его родном городе Фельчут, построенном и обслуживаемом за счет налогов и перераспределенных государственных средств. См.: *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 106–107.

> и <...> сообщил шокированному совету директоров «Газпрома», что он поручил пяти его директорам, которых назначило правительство, заменить [действующего генерального директора] на Алексея Миллера, <...> его давнего знакомого по работе в Санкт-Петербурге <...>. В первые годы правления Путина все больше членов его клана стали входить в совет директоров «Газпрома» <...>. По общему мнению, Путин с самого начала [...] лично интересовался работой компании, ее политикой (особенно в отношении поставок газа соседним государствам) и распределением прибыли. <...> Назначение Медведева председателем совета директоров открыло Путину прямой доступ к решениям и дискуссиям совета директоров[1].

С другой стороны, в патрональных автократиях есть люди, которые обладают формальной политической властью, предоставленной им на основании их государственной должности, но они не могут самостоятельно ею пользоваться. Таким образом, сфера деятельности этих людей не соответствует формальным полномочиям, поскольку они зависимы от патрона, чьи приказания должны исполнять. С учетом того, что в руках патрона сосредоточена вся власть в политической сфере (и это не поддается контролю), и того, что он полностью регулирует подобные назначения, формально демократическая институциональная система становится территорией таких политических подставных лиц.

◆ ***Политическое подставное лицо*** *— это актор, который формально обладает политической властью, но не может ею пользоваться по своему усмотрению. Другими словами, он участвует в политической сфере, но является клиентом в патрональной сети, подчиненной воле патрона (прежде всего верховного патрона), который распоряжается формальными полномочиями подставных лиц.*

1 *Dawisha K.* Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia? New York: Simon & Schuster, 2014. P. 10, 281–282.

Верховный патрон распоряжается политическими подставными лицами двумя способами: (1) он распоряжается **их статусом (должностью)** и (2) **действиями, на которые они уполномочены**. Таким образом, формальная должность и правовое положение подставных лиц необходимо только для того, чтобы преодолеть разрыв между легитимной и нелегитимной сферами, то есть между системой формальных институтов и неформальной патрональной сетью.

Такого несоответствия между властью или структурой управления *де-юре* и *де-факто* нет **в коммунистических диктатурах**, где акторы, обладающие формальной политической властью, являются партийными функционерами высокого уровня.

• ***Партийный функционер высокого уровня** — это актор, который обладает формальной политической властью в составе номенклатуры коммунистической диктатуры. Другими словами, исходя из природы этого режима, партийный функционер высокого уровня действует сразу во всех сферах социального действия, принимая решения о целях и планах марксистско-ленинской партии.*

Партийные функционеры (или партийные кадры) — это общий термин для занимающих государственные должности членов партии-государства. Однако реальная политическая власть принадлежит только партийным функционерам высокого уровня, тогда как обязанности кадров более низких уровней отличаются. Мы опишем их в следующих двух частях.

3.3.4. Доверенное лицо — рука патрона (смотрящий) — партийный функционер среднего / низкого уровня

В то время как политическое подставное лицо — это актор, который формально обладает компетенцией принимать решения, но на деле выполняет волю своего патрона, во всех

трех полярных типах режимов существуют **акторы, которые в качестве агентов представляют интересы своих начальников**, не занимая при этом никакой официальной должности, которая может ввести в заблуждение стороннего наблюдателя. **В либеральных демократиях** это доверенное лицо.

• ***Доверенное лицо*** *— актор, который уполномочен действовать от имени своего начальника, представляя его формальные интересы. Такой актор может вести свою деятельность как в политической (политическое доверенное лицо), так и в экономической (экономическое доверенное лицо) сферах, но это всегда та же сфера, к которой формально принадлежит его начальник. Деятельность доверенного лица официально оформлена и может носить как постоянный, так и нерегулярный характер.*

В патрональных автократиях актор, действующий в интересах членов приемной политической семьи, называется рукой патрона, или смотрящим.

• ***Рука патрона*** *— это актор, который уполномочен действовать от имени своего начальника, представляя его неформальные интересы. Поскольку руку патрона, как правило, нанимает приемная политическая семья, он не всегда действует в той же сфере, к которой формально принадлежит его начальник. Деятельность руки патрона непрозрачна, она либо официально оформлена, либо нет, и может носить как постоянный, так и нерегулярный характер.*

Смотрящих можно классифицировать с помощью двух критериев. По критерию занимаемой должности можно выделить три подтипа: тех, кто вообще не имеет формальной должности и действует неформально; тех, кто занимает какую-либо формальную должность (не доверенное лицо) и при этом действует неформально; и тех, кто занимает должность доверенного лица, но фактически представляет неформальные интересы. Например, «в системе Путина государственные институты контролируются через его „ключевых агентов“,

„кураторов“ и крайне персонализированные методы мониторинга и отчетности внутри его сетей. Такие механизмы контроля проникают и в негосударственные компании, над которыми осуществляет неформальный надзор „парашютист“, или человек, стоящий выше формальных глав компаний и лично контактирующий с политическими лидерами»[1]. **По критерию выполняемой функции** рука патрона может либо соединять различные уровни одной вертикали, либо соединять различные вертикали. Пример соединения вертикалей, практически совпадающий с идеальным типичным определением, можно обнаружить в Венгрии под руководством Орбана, где руки патрона на различных официальных должностях неофициально связывают партию (и государство) с номинально частными СМИ и следят за тем, чтобы «удерживаемые» ими редакторы и журналисты получали указания, что можно публиковать, через представителей приемной политической семьи (см. Текстовую вставку 3.2)[2]. По словам журналистов-расследователей, в России такую же роль выполняет Алексей Громов, член приемной семьи Путина, который лично следит за содержанием российских патрональных СМИ и контролирует их[3].

Руки патрона необходимы главным образом в силу размера приемной политической семьи и ее собственности: несмотря на то, что все в конечном счете подчиняются воле верховного патрона, он не может находиться во всех местах одновременно, поэтому вынужден использовать руки патрона, которые представляют его интересы в определенных сферах и слоях общества.

1 *Baez-Camargo C., Ledeneva A.* Where Does Informality Stop and Corruption Begin? Informal Governance and the Public / Private Crossover in Mexico, Russia and Tanzania // Slavonic & East European Review. 2017. Vol. 95. № 1. P. 63.

2 *Rényi P.D.* Ez Nem Újságírás, Ez Politikai Nehézfegyverzet [Это не журналистика, это политическая тяжелая артиллерия].

3 *Rubin M., Zholobova M., Badanin R.* Master of Puppets: The Man Behind the Kremlin's Control of the Russian Media // The Project. 05.06.2019. URL: https://www.proekt.media/portrait/alexey-gromov-eng/.

Текстовая вставка 3.2: Рука патрона в подконтрольных партии «Фидес» венгерских СМИ

Партийные СМИ *de-факто* возглавлял Габор Лискаи, руководитель принадлежащей олигарху Лайошу Шимичке медиагруппы *Nemzet-group*. Контент для [ежедневной] газеты *Magyar Nemzet*, общенационального телеканала *Hír TV*, бесплатной ежедневной газеты *Metropol*, [распространяемой на улицах Будапешта], радиостанций *Lánchíd* и *Class FM* создавался в [офисе] газеты при ежедневном непосредственном участии партии. Петер Тарр, заместитель генерального директора канала *Hír TV*, как-то сказал в [интервью], что к ним «каждую неделю приходил с визитом представитель правительства и указывал, кого приглашать в эфир и какие задавать вопросы». [В последнее время Антал] Роган и его министерство в составе 200 человек контролирует официальные коммуникации с правительством и определяет политический контент для <...> медиаимперии, а также участвует в подготовке наиболее важных статей и других материалов. В качестве министра Роган еженедельно проводит брифинги, посвященные актуальной стратегии поведения, ключевым словам и потенциальным участникам дискуссий, с выступающими по телевидению партийными деятелями <...>, с редакторами околопартийных СМИ и с [телевизионными] аналитиками «Фидес». Редакторы государственных СМИ <...> также поддерживают связь с сотрудниками Рогана[1].

В коммунистических диктатурах партия следит за тем, чтобы ее интересы всегда соблюдались на всех руководящих постах **путем дублирования номенклатурной иерархии** и назначения партийных функционеров среднего или низкого уровня на должности внутри соответствующих слоев общества.

• ***Партийный функционер среднего / низкого уровня*** *— это актор, который формально уполномочен действовать в интересах марксистско-ленинской партии. Он может вести*

[1] *Rényi P.D.* Ez Nem Újságírás, Ez Politikai Nehézfegyverzet // Tldr 444 (blog). 18.05.2017. URL: https://tldr.444.hu/2017/05/18/fideszmedia.

свою деятельность во всех сферах социального действия, бюрократизированных партией-государством. Поскольку он функционирует в рамках режима, для которого характерно слияние сфер социального действия, партийный функционер среднего / низкого уровня всегда находится в той же сфере, к которой формально принадлежит его начальник (партийный функционер высокого уровня). Деятельность функционера среднего / низкого уровня легитимна и носит постоянный характер.

Адам Подгурецкий называет использование партийных функционеров среднего / низкого уровня во всех слоях общества «тоталитарной бюрократизацией», при которой партия-государство формирует «запутанную сеть <...>, окружающую людей и заставляющую их действовать в соответствии с ожиданиями системы. <...> В советских школах были учреждены организации для контроля за социально-политическим поведением родителей; во всех коммунистических странах на рабочих местах и в жилых районах были созданы партийные ячейки, которые тщательно и всесторонне следили за поведением всех сотрудников и жителей»[1]. Кроме того, наличие партийных функционеров среднего / низкого уровня позволяет (1) удерживать автономную деятельность партийных элит в некоторых пределах и (2) при мобилизации, инициируемой сверху, временно переключать бюрократическую функциональность партийных элит в режим проведения кампании [► 4.3.3.1].

3.3.5. Госслужащий — патрональный служащий — аппаратчик

Эти три актора **заняты решением административных задач, связанных с правящей элитой**, в режимах полярного типа.

1 *Podgórecki A.* Totalitarian Law: Basic Concepts and Issues // Totalitarian and Post-Totalitarian Law. Dartmouth, 1996. Aldershot; Brookfield: Dartmouth, 1996. P. 14–17.

В либеральных демократиях административные акторы называются госслужащими.

• ***Госслужащий*** *— это актор, который занимается администрированием в либеральных демократиях. Соответственно, он назначается на должность на основании нормативных (профессиональных) критериев в рамках четко определенных компетенций, подчиненных безличным правилам. Предполагается, что он действует в соответствии с законом и лоялен скорее организации и ее идеалам, чем прямому (и косвенному) начальству.*

В патрональных автократиях это патрональный служащий.

• ***Патрональный служащий*** *— актор, который занимается администрированием в патрональных автократиях. Соответственно, он назначается на должность на основании дискреционных (политических и личных) критериев в рамках компетенций, обусловленных изменяющимся неформальным образом политическим спросом. Предполагается, что он действует в соответствии с волей приемной политической семьи и лоялен скорее прямому (и косвенному / неформальному) начальству, чем организации и ее идеалам.*

Наконец, колоссальная бюрократическая машина партии-государства **в коммунистических диктатурах** требует большого количества аппаратчиков.

• ***Аппаратчик*** *— это актор который занимается администрированием в коммунистических диктатурах. Соответственно, он назначается на должность на основании дискреционных нормативных (профессиональных) критериев в рамках компетенций, обусловленных изменяющимся формальным образом политическим спросом. Предполагается, что он действует в соответствии с волей марксистско-ленинской партии и лоялен скорее организации и ее идеалам, чем своему прямому (и косвенному) начальству.*

Чтобы полностью понять роль бюрократии во всех трех полярных типах режимов, стоит вернуться к **Веберу и его объяснению социологических функций и идеальных типичных**

характеристик этих ролей. Вебер пишет, что «господин правит либо 1) при отсутствии, либо 2) при наличии штаба управления. <...> Типичный штаб управления может быть рекрутирован a) из тех, кто традиционно связан с господином узами пиетета (патримониально рекрутируемые), то есть из α) членов рода, β) рабов, γ) крепостных домашних чиновников, особенно министериалов, δ) клиентов, ε) колонов, ζ) вольноотпущенных и т. д. и b) из экстрапатримониально рекрутируемых α) в силу личных доверительных отношений (свободные фавориты любого рода) или β) благодаря договору о верности господину (вассалы) и, наконец, γ) из свободных чиновников, вступающих в отношения пиетета с господином»[1]. Если решением административных задач занимаются преимущественно вассалы, это уже феодальная форма патримониального правления, при которой «определенные полномочия господина и соответствующие экономические возможности *апроприированы штабом управления*» либо в пользу союза / категории лиц, либо в пользу конкретных индивидов[2].

Вебер обобщает **свойства профессионального бюрократического администрирования**, осуществляемого (как правило, в современных обществах) свободными чиновниками, следующим образом[3]:

- непрерывный, то есть характерный для предприятия регулируемый правилами процесс административного производства;
- наличие компетенций (сфер ответственности);
- принцип служебной иерархии;
- правила, организующие административную деятельность: технические правила и нормы. В обоих случаях для рационального применения правил необходимо профессиональное обучение;

[1] *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 265–266.
[2] Там же. С. 270.
[3] Там же. С. 256–257.

• принцип полного отделения штаба управления от средств управления и производства;

• невозможность апроприации должности ее исполнителем;

• принцип документированности управления: письменные документы и осуществляемое чиновниками непрерывное делопроизводство — это и есть «бюро»;

• административная группа, функционирующая на основании изложенных выше принципов, называется «армией» чиновников, или бюрократией.

В свою очередь, **в рамках административной системы мафиозного государства все чаще возникают модели традиционного автократического правления**. Патриархальный глава приемной политической семьи управляет в условиях, которые выходят за рамки законов. Скорее, он сам или с помощью доверенных лиц отдает приказы, тем самым копируя черты бюрократической администрации, характерные для современного государства, и приспосабливает их под свои собственные потребности. Тогда как мотивы госслужащего заключаются в стремлении следовать процессуальным нормам, патрональный служащий демонстрирует лояльность (верховному) патрону своей патрональной сети.

Соответственно, если сравнить **профессиональное бюрократическое администрирование в патрональных автократиях** с веберианской моделью[1], его **можно охарактеризовать следующим образом**:

• нормативная система «*упорядоченного назначения по свободному контракту и упорядоченное продвижение по службе*» демонтирована;

• «*устойчивые компетенции, распределенные согласно требованиям дела*», расшатаны. Политические назначенцы в рамках легитимной сферы управления выполняют в приемной политической семье самые разные роли: подставных лиц,

[1] *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 267.

наместников, комиссаров, кураторов, казначеев и т. д. И с социологической точки зрения эти понятия лучше описывают реальные функции, чем официальные названия административных должностей;

• «*устойчивая рациональная иерархия*» нарушена. Члены приемной политической семьи свободно проникают в нижние и верхние уровни государственного управления; централизованный и полностью субъективный способ принятия решений о продвижении по службе начинает преобладать по мере того, как нормативная система заменяется дискреционными механизмами, в основе которых лежат политические интересы. Если эластичные законы все еще слишком тесны для того, чтобы приемная политическая семья могла реализовать все свои предпочтения в плане кадровой политики, она формирует «нормативную» среду путем создания индивидуализированных положений, чтобы эта среда удовлетворяла ее потребностям целиком;

• значение «*профессионального обучения (как нормы)*» умаляется. Когда это необходимо, на должность, которая ранее предусматривала обязательное наличие определенных профессиональных компетенций, может быть назначен человек, ими не обладающий;

• помимо «*стабильного содержания*», человек, поднимающийся по социальной лестнице и достигающий областей, выходящих далеко за пределы легальных источников дохода, получает также различные льготы и имущественные права.

Одним словом, веберианские черты профессионального бюрократического управления либо регрессируют, что происходит, как правило, в самом западном историческом регионе, где эти черты изначально существовали, либо не формируются вовсе, что происходит, как правило, в двух других регионах, где смена режима оказалась заменой лояльности партии и формальной иерархии на личную лояльность и неформальную иерархию. Тем не менее в таких случаях влияние

бюрократии на приемную политическую семью нельзя недооценивать. Действительно, **в случае номенклатурных кланов** [▸ 3.6.2.1] **патрональная бюрократия находит место для большей части бывшей номенклатуры**, и поэтому патрональная бюрократия сама по себе является мощной ветвью правящей элиты. Как пишет Николай Петров, в номенклатурном клане Путина, который, как отмечалось ранее, следует рассматривать в качестве приемной политической семьи под патриархальным господством верховного патрона, «отсутствует <...> конкуренция между двумя вертикалями власти, — коммунистической и чекистской, — которая обеспечивала значительную внутреннюю прочность [первоначальной коммунистической номенклатуре]. С определенной долей упрощения можно сказать, что при Ельцине ослабленная административная вертикаль взяла на себя функции партийной вертикали, а вертикаль чекистов была урезана, но осталась в подчинении у Кремля. При Путине административная и чекистская вертикали были значительно усилены и фактически слились, причем чекистский компонент впервые стал играть доминирующую роль»[1].

Здесь мы приходим к рассмотрению коммунистических диктатур и **бюрократии аппаратчиков**. В коммунистических режимах аппаратчики **действуют в условиях нормативности, как веберианские бюрократы, и подчиняются политическим требованиям, как патрональные служащие**. Однако помимо традиционных различий между формальностью (коммунистическая диктатура) и неформальностью (патрональная автократия), следует отметить еще одно более тонкое различие, которое возникает, когда бюрократия оказывается под властью главного патрона, даже если она включает в себя бывших членов номенклатуры. Оно заключается в том, что аппаратчик следует той линии, которую диктует партия, и он предан ей как организации. Как иронично заметил венгерский историк

[1] *Petrov N.* Putin's Neo-Nomenklatura System and Its Evolution // Stubborn Structures. P. 182.

Миклош Сабо: «хороший коммунист непоколебим в своей готовности колебаться вместе с партией»[1]. В свою очередь, патрональный служащий доказывает свою профпригодность и лояльность (верховному) патрону, нарушая закон по его указанию. Из этого следует, что, во-первых, в патрональных автократиях лояльность организации заменяется на личную лояльность. Во-вторых, тот факт, что **патронального служащего заставляют совершать преступления, за которые тот может понести ответственность, если верховный патрон этого захочет, помогает создать и закрепить неформальное подчинение, на котором держатся патронально-клиентарные сети мафиозного государства.** Ведь патрон может использовать сам факт совершения преступления, чтобы шантажировать или принудить к чему-то патронального служащего. Таким образом, в то время как в либеральных демократиях бюрократа увольняют, если он совершает преступление, в патрональных автократиях его увольняют, если он не смог совершить преступление и тем самым не доказал свою лояльность и готовность идти на компромисс.

3.3.6. Государственная служба безопасности — служба безопасности патрона — партийная служба безопасности

Спецслужбы играют различные роли в трех идеальных типах режимов в зависимости от того, кому они подчиняются[2]. В либеральных демократиях речь пойдет о государственной службе безопасности.

1 *Szabó M.* A jó kommunista szilárdan együtt ingadozik a párttal [Хороший коммунист непоколебим в своей готовности колебаться вместе с партией]. JATEPress Kiadó, 2013.

2 Здесь мы рассматриваем только те службы безопасности, которые подчиняются правящей элите. Те, что приобретают большую автономность и формируют нечто вроде «теневого государства», рассматриваются в Главе 7 [▸ 7.4.2].

• ***Государственная служба безопасности*** *— это спецслужба, которая подчиняется институту государства напрямую. Ее контролирует исполнительная власть, а секретность ее работы актуальна для всех, кто не входит в правительство или в саму службу, и не нарушается при смене политического руководства режима.*

В патрональных автократиях служба безопасности подчиняется верховному патрону.

• ***Служба безопасности патрона*** *— это спецслужба, которая подчиняется лично верховному патрону. Она находится под контролем исполнительной власти, а секретность ее работы может быть нарушена в угоду политическим требованиям двора патрона.*

В коммунистических диктатурах служба безопасности и государственные исполнительные службы подчиняются небольшой группе высших партийных функционеров.

• ***Партийная служба безопасности*** *— это спецслужба, которая подчиняется партии-государству. Она находится под контролем исполнительной власти (неотделимой от других ветвей), а секретность ее работы актуальна для всех, кто не входит в саму службу или в политбюро.*

Секретность работы спецслужб и то, как она проявляется в трех режимах идеального типа, можно изучить на примере практики засекречивания. В целиком и полностью формальных политических системах либеральной демократии и коммунистической диктатуры информация считается «государственной тайной» на основании нормативных критериев, определяемых государством, и, соответственно, на долгие годы получает гриф секретности, то есть не может передаваться кому-либо без официального разрешения. С другой стороны, в глубоко неформальной политической системе патрональной автократии информация может объявляться «государственной тайной» и, соответственно, засекречиваться на долгие годы на основании дискреционных критериев, определяемых

верховным патроном[1]. Засекреченная информация дискреционным решением патрона может использоваться либо для внутрипартийного шантажа (компромат), либо для публичных кампаний по уничтожению имиджа и криминализации [▸ 4.3.5.2].

Характер лояльности спецслужб в трех режимах полярного типа также различается. В коммунистических режимах лояльность генеральному секретарю партии неотделима от формальной должности, и в случае смены власти спецслужбы доказывают свою лояльность другому лидеру. В патрональных автократиях личная привязанность к патрону и зависимость от него и его «семьи» выражены более ярко. Хотя довольно трудно проверить, как сохранялась лояльность автократам после их смерти и транзитов, вызванных цветными революциями, **пример Венгрии** является показательным во многих отношениях. После того как партия «Фидес» не смогла переизбраться после завершения своего парламентского срока, длившегося с 1998 по 2002 год, верховный патрон снял с официальной должности некоторых сотрудников службы безопасности и учредил личную секретную службу безопасности, а затем, после победы «Фидес» на парламентских выборах в 2010 году, поставил ее во главе реформированной государственной службы безопасности. Этот новый **Центр по борьбе с терроризмом**, на который были возложены функции службы безопасности, контрразведки, полиции и следствия, возглавляет бывший личный охранник Виктора Орбана[2]. Аналогичную ситуацию в более широком масштабе можно наблюдать в России, где основанную в 2016 году

1 Подробнее см.: *Oroszi B.* Hungarian Government Classified Whether Russia Gets Compensation If Paks II Nuclear Plant Expansion Is Called Off // Atlatszo.hu (blog). 07.02.2018. URL: https://english.atlatszo.hu/2018/02/07/hungarian-government-classified-whether-russia-gets-compensation-if-paks-ii-nuclear-plant-expansion-is-called-off/.

2 *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 121–124.

Владимиром Путиным Национальную гвардию тоже возглавил его личный телохранитель[1].

Все вышесказанное подводит нас к третьему и последнему аспекту — **назначение глав служб безопасности**. В коммунистических режимах глава партийной службы безопасности сам по себе был важным политическим актором. Некоторые из них, например Гейдар Алиев в Азербайджане, смогли даже подняться на вершину властной пирамиды после смены режима, поскольку там номенклатурные лидеры сохранили свою власть[2]. В целом кадровая политика служб безопасности и правоохранительных органов в коммунистических диктатурах (а также либеральных демократиях) подчинена формальному порядку продвижения по службе, установленному предшествующей номенклатурой. Этот порядок регулирует и в некоторой мере ограничивает количество людей, которые могут рассматриваться в качестве кандидатов на определенные должности. В патрональных автократиях, напротив, главные критерии для назначения на должность, подразумевающую реальную власть, — это персональное близкое знакомство и доверительные отношения с верховным патроном, независимо от предыдущей карьеры и формального положения этого кандидата в «табеле о рангах».

3.3.7. Демократическая партия (партия политиков) — партия патрона (партия вассалов) — централизованная партия (партия функционеров)

Политические партии считаются **основными коллективными политическими акторами в режимах с избирательными**

1 *Savage P.* The Russian National Guard: An Asset for Putin at Home and Abroad // American Security Project. 2017. URL: https://www.americansecurityproject.org/wp-content/uploads/2017/12/Ref-0208-Russian-National-Guard.pdf.

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 149–151.

системами: в либеральных демократиях и др.[1] В этой части мы приводим типологию партий по критерию взаимоотношений между их членами и природе самого членства. Если точнее, мы фокусируемся на том, какие полномочия (1) имеют руководители партии по сравнению с (2) остальными членами партии, и даем определение партиям в трех режимах полярного типа, учитывая оба этих аспекта.

В либеральных демократиях партия с точки зрения управления представляет собой демократическую партию, а с точки зрения ее членов — партию политиков.

• ***Демократическая партия*** *— это организованная группа акторов во главе с демократически избранным партийным руководством. Это руководство де-факто и де-юре является главным директивным органом партии, а его компетенции строго ограничены формальными партийными правилами (уставом). Членами партии являются политики, автономные акторы, которые приобрели свое членство,* ***присоединившись*** *к партии, то есть сделали это добровольно и были приняты на основании заранее установленных (формальных и нормативных) критериев. Следовательно, такую партию также можно назвать* ***партией политиков****.*

Как и в других регионах, в посткоммунистических режимах действует множество политических партий, однако определение «демократической партии» больше всего подходит для описания партий из стран Центральной и Восточной Европы, входящих в Евросоюз. Но даже в их случае возникают вопросы, например **действуют ли эти партии в тесной связке с доминирующими патрональными сетями** (которые сформировались в ходе распоряжения государственной собственностью и ее случайного перераспределения) или независимо от них. Рассматривая посткоммунистические режимы второго (Восточная Европа, православие) и третьего исторических

[1] Пример классического анализа партий см.: *Sartori G.* Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

регионов (Центральная Азия, ислам) можно увидеть, что определение для партий, сложившихся в либеральных демократиях, можно применять далеко не везде. В этом случае следует скорее говорить о **партии патрона, которая предоставляет патрональным сетям формальные основания для их легитимации в условиях (ограниченной) конкуренции**. Название «партия патрона» описывает этот феномен с точки зрения ее управления, а с точки зрения ее состава такая партия является «партией вассалов»[1].

• ***Партия патрона*** *— это организованная группа акторов во главе с верховным патроном, который либо является формальным главой партии, либо нет. Верховный патрон де-факто, но не обязательно де-юре принимает все основные решения партии, а его компетенции не ограничены формальными партийными правилами (уставом). Членами партии являются вассалы (то есть неформально зависимые клиенты), которые были приняты в партию через процесс* ***кооптации****, то есть добровольного включения в партию на основании неписаных (неформальных и дискреционных) критериев. Следовательно, такую партию также можно назвать* ***партией вассалов****.*

В отличие от демократических партий в либеральных демократиях партия патрона функционирует не как политический институт, в задачи которого входит посредничество между патроном и электоратом и формулирование невербализованных желаний последнего. Она действует как **один из необходимых формальных институтов** — необходимых даже для автократий, — **целью которого является расширение и углубление неформальной патрональной сети сверху вниз**. Именно через партию патрона приемная политическая

[1] Ее также можно назвать «партией подставных лиц», что более четко соответствовало бы нашему понятийному аппарату. Однако мы называем ее «партия вассалов», поскольку считаем, что смысл концепта таким образом более ясен.

семья может действовать в политической сфере и получать формальные политические должности. Таким образом, партия становится «креативным фасадом» режима, в котором формально сохраняются демократические институты [▸ 6.5], а **каждая должность, которую получают официальные члены партии, означает расширение власти верховного патрона через своих вассалов**. Так, партийных лидеров выбирает не население, которое стремится получить политическую власть на основании идеологии, программы или личных интересов, а верховный патрон, внедряющий клиентов в патронально-клиентарную сеть, которой распоряжается. Доминирующая партия действует как своего рода «отдел кадров», который привлекает не тех, кто разделяет схожие идеалы, но тех, кто доказал лояльность верховному патрону. Таким образом, не члены партии выбирают из соревнующихся между собой потенциальных партийных лидеров, а лидеры выбирают себе наиболее подходящих потенциальных клиентов из всех тех, кто борется за их покровительство [▸ 4.3.4.4].

В партиях патрона индивидуальная кооптация порой принимает форму **принятия в семью**. Тогда как «кооптация» является более общей категорией [▸ 6.3] и включает в себя другие способы привлечения людей в партию, принятие в семью предполагает неформальную привязанность к приемной политической семье, а также трансформацию неродственных отношений в квазиродственные. В случае принятия в семью отношения выходят за рамки простого патронализма и начинают проявлять антропологические свойства, характерные для приемной политической семьи [▸ 3.6.2].

Хорошим примером партии патрона является «Партия регионов» в Украине, которая является патрональной демократией со множеством конкурирующих патрональных сетей, пребывающих в динамическом равновесии [▸ 4.4.2]. Как пишет Михаил Минаков: «Донецкая региональная группировка — это общее название для многих больших и малых

патрональных организаций кланового типа, которые <...> возникли в Донецке в середине 1990-х годов, а начиная с 1997 года объединились вокруг фигуры Виктора Януковича. <...> В 2001 году они (вместе с небольшими кланами из Крыма, Винницы и других регионов) создали „Партию регионов". Эта партия успешно налаживала связи между авторитетными кланами и местными элитами из юго-восточной Украины. Хотя Виктор Янукович редко являлся формальным главой партии, он был ее неформальным лидером вплоть до своего побега в Россию в феврале 2014 года»[1]. Далее Минаков указывает на кланы, олигархов и полигархов, которые стоят практически за каждым формальным политическим актором в Украине, что в итоге приводит к тому, что он определяет Украину в целом как «республику кланов». Не секрет, что и в других патрональных демократиях, таких как Румыния и Болгария, правящие партии, будучи номинально левыми или правыми, на самом деле также являются партиями патрона, камуфлируя конкуренцию патрональных сетей под флером политической легитимности.

Демократические партии могут трансформироваться в партии патрона. Это может произойти даже вопреки воле партийного руководства, как, например, произошло в Чехии, где партии были заполнены так называемыми мертвыми душами, то есть политическими подставными лицами частных экономических акторов (олигархов), чья роль заключалась в том, чтобы влиять на внутрипартийные голосования и принимаемые решения в соответствии с пожеланиями олигарха[2]. Этот процесс можно понимать как

[1] *Minakov M.* Republic of Clans: The Evolution of the Ukrainian Political System // Stubborn Structures. P. 236.

[2] Выражение «мертвые души» взято из одноименного романа Гоголя, но для описания этого явления, его использовал даже Конституционный суд Чехии. См.: Ústavní soud. Nález II: ÚS 1969/10 z 27. Prosince 2011. 2011. URL: http://nalus.usoud.cz/Search/ResultDetail.aspx?id=72560.

патронализацию снизу вверх, а также как патримониализацию власти, поскольку эти экономические акторы избирают своей добычей партии, члены которых занимают высокие государственные должности, и практически приватизируют их «снизу»[1]. Однако даже партийный лидер без патрональных амбиций может оценить все выгоды такой трансформации в условиях патрональной демократии, при которой демократические партии, запертые внутри политической сферы, находятся в невыгодном положении по отношению к конкурирующим с ними партиям патрона. Это связано с тем, что последние не только (1) распоряжаются политическими, а также значительными экономическими ресурсами, компаниями и так далее, но и (2) являются партиями вассалов, то есть они более дисциплинированны и могут эффективнее управляться в квазивоенной манере для достижения общей цели. Кроме того, в посткоммунистическом регионе обычно нет места демократическим партиям западного типа из-за отсутствия достаточной социальной дифференциации по критериям, связанным с рыночной экономикой и свободным рынком труда[2]. Если происходит трансформация из демократической партии в партию патрона, можно говорить о **появлении партийного клана** [▸ 3.6.2.1][3].

Очевидная причина, по которой правящие партии в патрональных автократиях не одобряют внутреннее демократическое устройство демократических партий, заключается в том, что такое устройство несовместимо с автократической природой этих режимов. То же самое происходит

1 *Klíma M.* Informal Politics in Post-Communist Europe. P. 31–62.

2 *Weßels B.* Corporate Actors: Parties and Associations // The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 426–430.

3 Ядром партии, которая в итоге трансформируется в партию патрона, может быть также клан другого типа. Например, партия «Фидес» является кланом, устроенным по принципу братства. См.: *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 51–56.

и в коммунистических диктатурах, где главный орган иерархически организованной пирамидальнообразной партии — политбюро — обладал монополией на власть. Однако в коммунистических режимах главный надзорный орган партии не теряет своей значимости даже в сравнении с полномочиями первого секретаря. Например, каждый, кто считался доверенным лицом или фаворитом Сталина в определенное время, был также и членом формального директивного органа, то есть политбюро. Именно поэтому одной из любимых тем советологии был анализ состава и внутренней эволюции политбюро через изучение неформальных коалиций[1].

С другой стороны, **руководитель партии вассалов — обычно верховный патрон доминирующей патрональной сети — больше не подчиняется решениям какого-либо официального органа**. Назначения на внутрипартийные и другие должности зависят от личного, дискреционного решения правителя. Партийная иерархия больше не является самой обширной системой власти в отличие от той, которая сформировала коммунистическую номенклатуру. Теперь это всего лишь часть патрональной сети. Что касается «ведущей силы» патрональных автократий, то строго контролируемые органы партии лишены возможности принимать важные решения. Эта прерогатива остается за патроном и его двором, который не имеет формальной структуры и легитимности.

Наконец, **в коммунистических диктатурах** партия с точки зрения управления называется централизованной, а с точки зрения ее членов — партией функционеров[2].

• ***Централизованная партия*** *— это организованная группа акторов во главе с диктаторским партийным руководством.*

[1] *D'Agostino A.* Soviet Succession Struggles: Kremlinology and the Russian Question from Lenin to Gorbachev. Boston; London: Routledge, 1989.

[2] Не путать с «кадровыми партиями» Дюверже. Ср.: *Duverger M.* Political Parties: Their Organisation and Activity in the Modern State. New York: Wiley, 1954.

Это руководство де-юре и де-факто является первостепенным директивным органом партии, а его компетенции в соответствии с формальными правилами партии (уставом) неограниченны. Членами партии являются партийные функционеры высокого, среднего и низкого уровней — то есть бюрократически зависимые клиенты, которые с разрешения партии-государства или по ее приказанию получили членство в партии, пройдя через процедуру ***приема****. Следовательно, такую партию можно также назвать* ***партией функционеров****.*

Понятие «централизованная партия» происходит из ленинского определения «демократического централизма», который был принят и практиковался в Коммунистической партии Советского Союза и ее аналогах в других коммунистических странах[1]. В частности, это понятие отражает диктаторскую природу руководства партии: (1) члены политического комитета формально избираются более широким составом (партийным съездом), но конкуренция за места отсутствует; и (2) членам партии (функционерам) не разрешается формировать фракции или действовать каким-либо образом против текущего руководства. Такое положение дел является симметричной противоположностью демократической партии, члены которой (политики) автономны, могут формировать фракции и могут сместить партийное руководство, если коллективно найдут это полезным. В централизованной партии недовольство может привести только к внутрипартийной борьбе, которую следует отличать от внутрипартийной конкуренции, характерной для демократических партий, ведь конкуренция, помимо присутствия соперничающих акторов, подразумевает также возможность свободного и открытого выражения вызовов и недовольств. Эти два режима, несомненно, относятся к конкуренции довольно однозначно: **в либеральных демократиях конкуренция есть как между**

[1] Пример комплексного анализа см.: *Waller M.* Democratic Centralism: An Historical Commentary. Manchester: Manchester University Press, 1981.

партиями, так и внутри них, тогда как в коммунистических диктатурах конкуренции не существует ни в первом случае, ни во втором.

3.3.8. Управляющая партия — партия — «приводной ремень» — партия-государство

В предыдущей части мы о говорили о партиях как таковых в идеальных типах режимов. Теперь, учитывая все сказанное выше, мы можем сосредоточится на **формально правящих партиях** в трех режимах полярного типа. В дополнение к тому, что статус правящей партии, вероятно, лучше всего иллюстрирует необходимость отличать *де-юре* от *де-факто* в патрональных автократиях, именно этот институт часто становится основанием для некорректных сравнений патрональных правящих партий с правящими партиями коммунистических и либерально-демократических режимов. Чтобы проиллюстрировать это и продемонстрировать разницу, мы сначала рассмотрим правящие партии в либеральных демократиях и коммунистических диктатурах, а затем перейдем к патрональной автократии.

В либеральных демократиях правящая партия называется управляющей.

• ***Управляющая партия*** *— это партия политиков, которая де-юре и де-факто является правящей партией в либеральных демократиях. Ее формальные директивные органы фактически контролируют деятельность партии. Следовательно, такая партия действительно управляет политической системой, в которой она была избрана.*

Когда мы говорим о «правящей партии» в единственном числе, это сильное упрощение, поскольку часто, чтобы иметь возможность управлять (то есть получать большинство голосов для принятия законов), даже победившая на

парламентских выборах партия должна сформировать **многопартийную коалицию**[1]. В патрональных автократиях, как правило, этого не требуется. Самый поразительный пример в этом отношении представляет Молдова во главе с верховным патроном Владимиром Плахотнюком, партия которого на парламентских выборах 2014 года получила только 19 мест из 101, после чего он начал «покупать» депутатов от других партий, то есть давать им взятки в обмен на поддержку своей партии, чтобы в итоге получить парламентское большинство [▸ 7.3.4.4][2]. В более общем плане можно сказать, что в патрональных автократиях либо одна партия добивается (конституционного) большинства, либо у большой партии патрона есть один или несколько подчиняющихся ей партнеров по коалиции, таких как партия *KDNP* в Венгрии, которая является младшим коалиционным партнером партии «Фидес». Таким образом, деятельность **правящей политической элиты** не ограничена в патрональных автократиях и **ограничена** в либеральных демократиях. **«Управление» подразумевает ограниченное правление, то есть никто не обладает возможностью править монопольно. В такой системе ни партия не может управлять всей страной, ни партийный лидер — партией.** Чья-то воля может принять форму закона, только если с ней согласны многие другие акторы — от партийного руководства до членов парламента. Все эти политики участвуют в принятии решений правящей партии, действуя на различных уровнях формальной иерархии. Другими словами, **деятельность правящей партии определяется действиями формальной партийной директивной иерархии.** Акторы, формально занимающие какую-то должность, не являются политическими подставными лицами, а могут

[1] *Lijphart A.* Patterns of Democracy. P. 80–85.

[2] О том, каким образом Плахотнюк пришел к власти, см.: *Mizsei K.* The New East European Patronal States and the Rule-of-Law // Stubborn Structures. P. 566–576.

действовать в соответствии с полномочиями, которыми они наделены. Они могут делать это автономно, поскольку никакое лицо или партийный орган их не принуждает, то есть (1) политики могут свободно выступать против более высокопоставленных коллег (хотя могут и не делать этого, либо потому, что не имеют возражений, либо из-за добровольно избранной «партийной дисциплины»), и (2) из таких отношений можно свободно выйти, то есть уйти из партии и сложить с себя полномочия [▸ 2.2.2.2].

Тогда как управляющая партия — это лишь один из органов политической системы, который окружают другие автономные институты и акторы [▸ 4.4.1], **в коммунистических диктатурах** доминирует марксистско-ленинская партия, которая по сути практически идентична государству и его бюрократии. Как отмечает Корнаи, в некоторых социалистических странах «конституции закрепляют руководящую роль в стране за коммунистической партией», «но не прописывают, как партия должна использовать свою власть»[1]. Однако, по его мнению, на практике юрисдикция партии включает: (1) все основные назначения, повышения и увольнения, касающиеся должностей в государственной администрации и основных руководящих позиций в экономике; (2) принятие решений по каждому важному государственному вопросу до того, как ответственные за него государственные организации вынесут по нему свое решение (например, главным решениям правительства предшествуют резолюции центрального руководства партии, решениям областных советов — резолюции областных комитетов партии и т. д.); и (3) непосредственная связь партийного аппарата с государственным, в результате которой (как мы упоминали ранее, когда рассматривали партийных функционеров среднего и низкого уровня) «возникает своеобразное дублирование, когда определенный

1 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 62.

партийный функционер или группа функционеров отвечают в партийном аппарате за каждую важную сферу государственной деятельности»[1]. Следовательно, в таких режимах высшим органом власти является партия-государство.

• ***Партия-государство*** *— это партия функционеров, которая де-юре является правящей партией в коммунистических диктатурах. Ее формальные директивные органы де-факто руководят деятельностью партии, которая управляет государством и его политической системой. Следовательно, такая партия неотличима от государства.*

Помимо коммунистической диктатуры, **диктатура с использованием рынка также имеет партию-государство** в качестве единственного формального и фактического источника власти. И тем не менее **ее центральный контролирующий орган в обычное время** менее суров, чем в коммунистических партиях-государствах. Анализируя особенности китайской политики, Хайльманн обнаружил, что местная партия-государство сохраняет ленинский демократический централизм, запрещая формирование внутренних фракций, но обычно она функционирует не в тоталитарном, а «нормальном режиме». «Партийные лидеры устанавливают общие руководящие принципы и цели национальной политики», «правительственные ведомства ведут переговоры друг с другом о разработке национальных нормативных актов» и «местные органы власти гибко применяют национальные законы и постановления в соответствии с местными условиями»[2]. Видоизмененная партия-государство входит в «кризисный режим» только тогда, когда возникает угроза национальной безопасности, внутрипартийный организационный кризис и сбой в процессе принятия решений, кризис во внешней политике и военная напряженность или какие-либо другие острые

[1] *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 63.

[2] *Heilmann S.* 3.1. The Center of Power // China's Political System. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. P. 161.

кризисы, которые воспринимаются как угроза стабильности[1]. Все это сопровождается «резкой централизацией процессов принятия решений и вмешательством в партийную иерархию», «персонализацией и повышенным вниманием к идеологии в процессе принятия решений», «использованием риторики военной мобилизации» и «политической модернизацией дисциплинарных органов и органов безопасности»[2]. Этот кризисный режим можно сравнить с кампанией с приостановлением прав в коммунистических диктатурах, когда государственный аппарат входит в режим чрезвычайного положения и члены номенклатуры для выполнения центрального плана могут фактически нарушать писанные законы [▸ 4.3.3.1, 5.6.1.2]. Китайский кризисный режим, однако, является не чем иным, как временной мерой, повторяющей нормальные способы функционирования коммунистических диктатур[3]. Кампании, проводимые в коммунистических диктатурах, тоже носят чрезвычайный характер, но они выходят за пределы коммунистического правления в условиях чрезвычайного положения и в определенные периоды приводят к еще более жесткому контролю и ограничению в правах.

Наконец, **в патрональных автократиях номинальная правящая партия не управляет страной, поскольку реальные властные полномочия находятся в руках акторов за пределами формальных партийных органов**. Хотя деятельность государства в патрональных автократиях направлена на реализацию интересов элит [▸ 2.3.1], ни централизация власти, ни накопление личного богатства не являются предметом контроля официальных партийных органов. Партия является лишь посредником между неформальными или личными и формальными или институциональными полномочиями

1 *Heilmann S.* 3.1. The Center of Power. P. 159–160.

2 Ibid. P. 161.

3 *Heilmann S.* 3.8. Between Fragmented Authoritarianism and a Re-Concentration of Power. P. 191.

и должностями. Следовательно, ее можно назвать партией — приводным ремнем».

• ***Партия — «приводной ремень»*** *— это партия вассалов, которая де-юре является правящей партией в патрональных автократиях. Ее формальные директивные органы не имеют реальной власти над действиями партии, которая не принимает никаких решений, а только лишь излагает и исполняет решения, неформально принятые приемной политической семьей, в формальной институциональной сфере. Следовательно, такая партия действительно выполняет функции приводного ремня для приемной политической семьи.*

До распада Советского Союза марксистско-ленинская партия, являясь центром власти, опиралась на организации — «приводные ремни», которые транслировали волю высшего органа коммунистической партии разным слоям населения [▸ 3.5.2]. В патрональных автократиях правящая партия становится приводным ремнем для неформальной патрональной сети, то есть приемной политической семьи. Отличия партии такого типа от двух других, то есть от управляющей партии и партии-государства, можно суммировать следующим образом:

• **Номинально правящая партия не является центральным актором режима.** Правящую партию принято считать центральным актором режима, который разрабатывает законы, формулирует политику и в целом определяет направление, в котором движется страна. Так происходит в либеральных демократиях и коммунистических диктатурах, но не в патрональных автократиях. Несмотря на то, что в партию — «приводной ремень», как правило, также входят принимающие решения акторы (часто это верховный патрон), она является подчиненным, второстепенным образованием по отношению к правящей патрональной сети, то есть приемной политической семье. Таким образом, партия — «приводной ремень» является одним из множества институтов, которые

неформальная патрональная сеть использует, чтобы придать своей деятельности формально демократический облик. При этом реальным центральным актором режима является приемная политическая семья, а вассальная партия верховного патрона не может действовать независимо от него.

• **Решения о деятельности партии принимает не формальное партийное руководство (или рядовые члены), а неформальные представители двора патрона.** Это отличие входит в определение понятия. Естественно, формальное и неформальное членство часто совпадают, однако именно неформальная позиция имеет приоритет. Представители двора патрона имеют формальные или неформальные полномочия по принятию решений, тогда как члены партийного руководства, не входящие в его состав, не могут принимать решения и не являются политиками. И хотя они могут казаться политиками, по сути это политические подставные лица, которые являются лишь исполнителями решений, *де-факто* принятых руководством.

• **В партии нет фракций или альянсов.** В то время как в демократических партиях фракции являются обычным делом, а у централизованной партии может быть реформированное отделение либо другие неформальные альянсы формальных членов, основанные на общих ценностях и интересах, в партиях типа «приводной ремень» такое явление отсутствует. Это объясняется тем, что партия является только исполнителем, партией вассалов, члены которой, имея лишь номинальные компетенции и не имея никаких реальных полномочий, не могут быть объединены во фракцию для достижения общих целей. Конфликты могут возникать только в рамках приемной политической семьи, например между верховным патроном и олигархом-ренегатом [▸ 3.4.1.4], а борьба, которая, на первый взгляд, ведется между членами партии, на самом деле связана с внутренними делами неформальной патрональной сети [▸ 4.4.3.3].

Чтобы подчеркнуть, почему представление о номинально правящей партии как о фактически ведущем акторе в патрональных автократиях обманчиво, стоит рассмотреть партию — «приводной ремень» не только с точки зрения власти, но и с точки зрения собственности. Если точнее, **богатство, накопленное приемной политической семьей, не принадлежит партии. Формальные партийные органы не владеют ни деньгами, ни компаниями** (ни формально, ни неформально). Другими словами, тот факт, что верховный патрон и его круг накапливают богатство, не означает, что члены партии, даже самые высокопоставленные, автоматически имеют доступ к этому богатству или право голоса в вопросах его накопления. Обогащением занимаются высокопоставленные члены приемной политической семьи, полигархи и олигархи, и это происходит независимо от партии (то есть от формальных компетенций партийных лидеров). Независимое накопление богатства предполагает, что даже если партия утратила власть в результате выборов, богатство не переходит сразу же в руки новых правителей (в противоположность государственной собственности). Скорее, оно будет формально находиться в собственности олигархов и экономических подставных лиц [▸ 3.4.3], которые по этой причине могут влиять на политику даже в таких обстоятельствах [▸ 5.3.4.4, 4.4.4].

Подводя итог, можно сказать, что **приемная политическая семья** в патрональных автократиях **становится реальной центральной силой, которая обретает формальную легитимность через партию, транслирующую волю приемной политической семьи формально демократическим политическим институтам**. В некотором смысле сама партия является политическим подставным лицом приемной политической семьи, в то время как верховный патрон, если он занимает пост президента страны, стоящего над всеми партиями, может иногда (как, например, в России) даже не

быть формальным членом такой партии, но контролировать при этом партийных функционеров и вопросы политического курса[1].

3.3.9. Оппозиционная партия — маргинализированная / приручennая / абсорбированная / ликвидированная / фейковая партия

Партии, которые выступают против действующего руководства страны, запрещены в коммунистических диктатурах идеального типа. Однако в либеральных демократиях они являются одной из самых важных основ политической системы, гарантирующей смену администрации.

• ***Оппозиционная партия*** *— это партия, которая стремится получить политическую власть или руководящие посты в государстве, сместив текущее руководство. Оппозиционные партии — это автономные организации, способные принимать политические решения, сохраняя свою независимость от действующего правительства. У них есть свой электорат, а также возможности и желание расширять его для получения большинства голосов на выборах.*

В патрональных автократиях оппозиционная деятельность законна, но у таких партий нет шансов победить на выборах. Ниже мы приводим **типологию (формально) оппозиционных партий** в патрональных автократиях, где различаем четыре идеальных типа (см. Таблицу 3.2).

Первые **четыре идеальных типа** отражают разные **способы нейтрализации оппозиционных партий**, что является частью более широкого процесса нейтрализации демократического публичного обсуждения [▸ 4.3]. **Первый способ — это маргинализация**, то есть создание таких условий на выборах,

[1] *Hale H.* Patronal Politics. P. 282–291.

Таблица 3.2: Оппозиционные партии с различными формальными и фактическими статусами в патрональных автократиях

	Формальный статус	**Фактический статус**	**Функция**
Маргинализированная партия	Оппозиция	Нейтрализованная оппозиция (без шанса на победу)	Создание видимости конкуренции (с минимальными возможностями контроля и прибылью)
Приручённая партия	Оппозиция	Нейтрализованная оппозиция (подчиняется верховному патрону)	Создание видимости конкуренции
Абсорбированная партия	Оппозиция (бывший партнер по коалиции)	Нейтрализованная оппозиция (выхолощена верховным патроном)	Создание видимости конкуренции
Ликвидированная партия	Оппозиция	Нейтрализованная оппозиция (ликвидирована верховным патроном)	Не существует
Фейковая партия	Оппозиция	Виртуальная оппозиция (создана верховным патроном)	Создание видимости конкуренции / препятствование деятельности настоящей оппозиции

при которых партия, напоминавшая бы при иных обстоятельствах оппозиционную партию в либеральной демократии, не может на этих выборах победить.

• ***Маргинализированная партия*** *стремится получить политическую власть или руководящие посты в государстве, сместив текущее руководство. Маргинализированные партии — это автономные организации, которые не зависят от приемной политической семьи в принятии ответственных решений. У них есть свой электорат, но из-за вмешательства мафиозного государства у них есть только желание и нет возможности расширять его до тех пор, пока партия не сможет одержать победу на выборах.*

«Вмешательство мафиозного государства» может происходить двумя способами. Первый — это **создание условий для финансовой несостоятельности** партии через штрафы,

устранение частных спонсоров путем (неявного) шантажа, экзистенциальные угрозы членам партии и их семьям и т. д. Это не только ограничивает спектр политических действий партии, но **лишает ее возможности построить патрональноклиентарную пирамиду**, то есть стать партией патрона и партийным кланом. Таким образом, деятельность этих партий ограничена политической сферой, и это одна из причин, по которой они напоминают оппозиционные партии западного типа, помещенные в патрональную среду.

Второй метод — это ограничение доступа к СМИ, инициированная государством дискриминация активистов, объявление членов партии преступниками, политически выборочное правоприменение и т. д.[1] В гибридологии это часто называют «неровным игровым полем» с подачи Левицкого и Вэя и их знаменитого исследования «Конкурентный авторитаризм»[2]. Однако эта стратегия не исключает возможности победы оппозиционной партии, а лишь максимально снижает ее вероятность. При этом **в патрональных автократиях идеального типа «игровое поле» можно делать настолько неровным, насколько это необходимо для полного исключения возможной победы оппозиции**. Следовательно, оппозиция постоянно маргинализируется, поэтому следует отличать понятие «маргинализированная партия» от слабой «оппозиционной партии».

Базовая функция маргинализированных партий или причина, по которой они (и в целом все оппозиционные группы) не уничтожаются полностью, состоит в **создании видимости конкуренции**. Получая незначительное количество мест в парламенте, маргинализированные партии могут минимально контролировать партию — «приводной ремень»

1 *Ripp Z.* The Opposition of the Mafia State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 603–607.

2 *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 9–12.

и обычно могут рассчитывать на некоторое финансирование со стороны государства. Однако это не отменяет того факта, что у них нет шансов на победу или сколь-нибудь значительного влияния. Напротив, места в парламенте и государственное финансирование подталкивают партию к тому, чтобы сохранять видимость конкуренции[1].

Второй тип нейтрализации — это приручение.

• ***Прирученная партия*** *— это партия, которая формально стремится получить политическую власть, но неформально играет роль оппозиции, которая не способна одержать победу на выборах с участием правящей партии. Прирученные партии — это клиентарные организации, которые зависимы от приемной политической семьи в вопросе принятия ответственных решений. У них есть свой электорат, но нет ни желания, ни возможности расширять его для того, чтобы добиться победы на выборах.*

Прирученная партия по определению занимает более низкое положение, чем оппозиционная партия (в либерально-демократическом смысле) или маргинализированная партия, которая затем была «приручена» приемной политической семьей. Приручение включает в себя неформальные сделки или шантаж, а также вознаграждение, которое получает руководство прирученной партии в виде финансовых и карьерных возможностей. В то же время такие партии могут выступать против правящей партии и привлекать оппозиционно настроенных избирателей, которые не знают, что на самом деле голосуют за партию вассалов, зависимую от приемной политической семьи. Создавая видимость конкуренции, **прирученные партии служат подтверждением аргумента правителей о том, что не система препятствует**

1 Анализ на примере Венгрии во главе с Виктором Орбаном см.: *Balogh E.* A Few Tricks Later, Hungarian Legislators Overwhelmingly Vote Themselves a Raise // Hungarian Spectrum (blog). 15.07.2018. URL: http://hungarianspectrum.org/2018/07/15/a-few-tricks-later-hungarian-legislators-overwhelmingly-vote-themselves-a-raise/.

победе оппозиции, а неумелость самих критикующих правительство партий[1].

Третий тип нейтрализации — абсорбция / поглощение.

• ***Абсорбированная партия*** *— это партия которая формально стремится получить политическую власть, но, поскольку она некогда была оппозиционной партией, которая представляла угрозу правящей партии, режим поглотил и выхолостил ее. Абсорбированные партии (если они не были распущены) сохраняют автономность и независимы от приемной политической семьи в принятии ответственных решений. У них больше нет ни существенного электората, ни возможности его расширять для того, чтобы добиться победы на выборах, однако сохраняется желание это делать.*

Поглощение партии режимом протекает в три этапа: (1) партия патрона (возможно, еще находясь в оппозиции) делает рассматриваемую партию союзником или даже партнером по коалиции; (2) конструируются ситуации, в которых партия лишается доверия избирателей; (3) партия патрона забирает у нее голоса избирателей, выдавая себя за истинную представительницу тех ценностей, которые продвигала абсорбированная партия. Таким образом, поглощение партией патрона представляет из себя что-то вроде «смертельного поцелуя», с помощью которого она в итоге нейтрализует партию, лишая ее народной поддержки. В Венгрии такое поглощение произошло с Независимой партией мелких хозяев (*FKGP*) и Венгерским демократическим форумом (*MDF*), двумя важными правыми партиями, которые были кооптированы «Фидес» в правительственную коалицию в 1998 году и полностью абсорбированы в последующие годы[2].

1 Подробнее см.: *March L.* Managing Opposition in a Hybrid Regime: Just Russia and Parastatal Opposition // Slavic Review. 2009. Vol. 68. № 3. P. 504–527.

2 *Enyedi Z.* The Survival of the Fittest: Party System Concentration in Hungary // Post-Communist EU Member States: Parties and Party Systems. New York: Routledge, 2006. P. 177–202.

Четвертый тип нейтрализации — ликвидация.

• ***Ликвидированная партия*** *— это партия, которая формально стремится получить политическую власть, но, поскольку она некогда была оппозиционной партией, которая представляла угрозу правящей партии, режим ликвидировал ее. Ликвидированные партии (если они не были распущены) сохраняют автономность и независимы от приемной политической семьи в принятии ответственных решений. У них больше нет существенного электората, а также нет ни желания, ни возможности расширять его с целью добиться победы на выборах.*

Ликвидация включает в себя запрет на деятельность, арест или даже убийство партийных лидеров. Она всегда применяется после неудачных попыток приручения, но не всегда сопровождается роспуском. После ликвидации партия может продолжить свое существование, но в отличие от маргинализированной партии она фактически покидает политическую арену, не стремится больше получить политическую власть и занимает нейтральную, безразличную позицию в политической системе.

Стоит отметить, что в некоторых странах (например, в России) существуют так называемые отмененные партии, имеющие некоторое сходство с ликвидированными партиями. При этом ликвидации не происходит, потому что партию невозможно сформировать в принципе[1]. Однако важно понимать, что такое положение дел отличается от однопартийной системы коммунистических диктатур, где не разрешается создавать оппозиционные партии и есть законы, запрещающие оппозиционную деятельность. Напротив, патрональные автократии на дискреционной основе делают невозможным формирование партий, при том что формально

[1] См.: Партия Алексея Навального в девятый раз подала документы на регистрацию // Meduza.io. 16.05. 2019. URL: https://meduza.io/news/2019/05/16/partiya-alekseya-navalnogo-v-devyatyy-raz-podala-dokumenty-na-registratsiyu.

(а в случае других разрешенных партий — и фактически) это допускается.

Когда речь идет о нейтрализации уже созданных оппозиционных партий, можно заметить, что **четыре описанных способа нейтрализации отличаются по степени жестокости.** С одной стороны, существуют средства, целью которых является партия как организация: лишение финансирования (наименее жестокое средство, используемое при маргинализации); выталкивание с политической арены (умеренная мера, сопровождающая большинство ликвидаций); запрет на деятельность или роспуск партии (самое радикальное средство, используемое при некоторых случаях ликвидации). С другой стороны, принимаемые меры могут также быть направлены на руководство партии: подрыв репутации в СМИ (наименее жестокое средство); возбуждение уголовного дела, в итоге ведущего к тюремному заключению лидера оппозиции (умеренный метод); и убийство (самое жестокое средство). Выбор средства зависит не от идеологии, а от практических целей. Какое бы средство ни потребовалось приемной политической семье для нейтрализации определенной партии, она будет его использовать, стараясь при этом сохранять демократический фасад многопартийной конкуренции[1]. **Момент для нейтрализации** также может быть выбран разный: верховный патрон может начать действовать (a) перед выборами, превентивно нейтрализуя партию, которая может стать угрозой[2], или (b) после выборов, чтобы сдерживать оппозиционных акторов, получивших больше всего голосов и возглавивших протестное движение. Вариант (b) часто применяется в Беларуси, где в течение долгого времени ни одна по-настоящему оппозиционная партия не получала мест в парламенте, а после

1 *Wilson A.* Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven: Yale University Press, 2005. P. 187–265.

2 *Schedler A.* The Menu of Manipulation // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 2. P. 36–50.

фальсификаций были организованы акции протеста (см. Текстовую вставку 3.3)[1].

Текстовая вставка 3.3: Манипулирование оппозицией в Беларуси

[В Беларуси] в результате разногласий для участия в парламентских выборах 2004 года появилось два неформальных блока оппозиционных партий: «Народная коалиция 5+» и «Коалиция демократических центристов». Из-за мобилизационных ограничений, наложенных на оппозиционные партии властью в ходе предвыборной кампании, ни один из кандидатов от оппозиции, участвовавших в выборах, не получил места в парламенте. Как и на парламентских выборах 2000 года, большинство мест досталось независимым кандидатам, которые поддерживали курс президента. [На президентских выборах 2006 года] Лукашенко официально получил почти 85% голосов <...>. Международные наблюдатели опять заявили, что выборы были сфальсифицированы, и после объявления результатов тысячи протестующих вышли на центральную площадь Минска. Многодневные протесты завершились арестами Александра Козулина и Александра Милинкевича [двух ведущих оппозиционных кандидатов]. Козулин был приговорен к длительному тюремному заключению. Милинкевич избежал подобной участи, но в последующие месяцы его неоднократно задерживали по различным обвинениям, от участия в несанкционированной акции до незаконного оборота наркотиков. [В] 2009 году, [хотя] предвыборная кампания проходила без официальных ограничений, СМИ положительно освещали деятельность президента Лукашенко, который официально получил почти 80% голосов. [Андрей] Санников был лидером среди оппозиционных кандидатов, но ни один из девяти [кандидатов] официально не получил больше 2,5% голосов. Семь

1 *Ash K.* The Election Trap: The Cycle of Post-Electoral Repression and Opposition Fragmentation in Lukashenko's Belarus // Democratization. 2015. Vol. 22. № 6. P. 1030–1053.

из девяти кандидатов были задержаны в ходе протестов, последовавших за президентскими выборами[1].

То, что ни одна «по-настоящему оппозиционная партия» не смогла получить места в парламенте Беларуси, означает, что были и «ненастоящие» партии, которые смогли. Действительно, **Беларусь** представляет собой особый, аномальный случай, описываемый как «непартийная политическая система», в которой большинство мест достается не правящей партии, а формально независимым кандидатам, которые поддерживают Лукашенко[2]. Это, в свою очередь, приводит нас к **последнему типу «оппозиционной партии»**, характерному для патрональных автократий, — фейковой партии.

• ***Фейковая партия*** *— это партия, которая формально стремится получить политическую власть, но в действительности была создана приемной политической семьей для имитации оппозиции. Фейковые партии — это клиентарные организации, зависимые от приемной политической семьи в принятии ответственных решений. У них есть свой электорат, но нет ни желания, ни возможности расширять его для того, чтобы добиться победы на выборах.*

Верховный патрон создает фейковые партии, как правило, в двух случаях. С одной стороны, **это происходит, когда устранение оппозиционных партий из партийной структуры прошло «слишком успешно»**, и центральная власть решает, что ей нужны «оппозиционные партии», чтобы хорошо смотреться на демократической арене. Хорошим тому примером является **Туркменистан**, где в 2007 году появилась фейковая оппозиция в виде фейковых партий, а также

1 *Ash K.* The Election Trap: The Cycle of Post-Electoral Repression and Opposition Fragmentation in Lukashenko's Belarus // Democratization. 2015. Vol. 22. №. 6. P. 1036–1037.

2 *Kazakevich A.* The Belarusian Non-Party Political System: Government, Trust and Institutions 1990–2015 // Stubborn Structures. P. 353–369.

фейковые кандидаты в президенты. Все они являются активными сторонниками верховного патрона Гурбангулы Бердымухамедова[1]. С другой стороны, **верховный патрон может прибегнуть к созданию фейковых партий в целях маргинализации существующих оппозиционных партий**, тем самым увеличивая свои шансы на победу через дробление оппозиции. Такие партии были созданы в Венгрии в 2014 году, хоть и не напрямую верховным патроном (или его клиентами), но косвенно, через тщательно спланированную реструктуризацию финансирования избирательных кампаний и послабления в правилах об участии в выборах. Избыточная доступность средств для проведения кампании давала мошенникам, ищущим приключений, стимул получать их на имя партий, которых практически не существовало[2]. Появление этих партий дезориентировало избирателей и раздробило критически настроенный электорат, что позволило партии «Фидес» сохранить квалифицированное большинство голосов[3].

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 247–248.

2 *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 266–267.

3 *Balogh E.* Fidesz-Created Bogus Parties as Means of Political Gain // Hungarian Spectrum (blog). 11.03.2018. URL: http://hungarianspectrum.org/2018/03/11/fidesz-created-bogus-parties-as-means-of-political-gain/.

3.4. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АКТОРЫ В ТРЕХ РЕЖИМАХ ПОЛЯРНОГО ТИПА

В этой части мы подробнее раскрываем концептуальное пространство (определяя по три соответствующих идеальных типа) для **акторов экономической сферы** в трех режимах полярного типа. Акторы были выбраны, исходя из (1) их важности для функционирования каждого типа режима и (2) отчетливости различия между их идеальными типами в трех режимах полярного типа. Другими словами, хотя некоторые принадлежащие к экономической сфере акторы (такие как рабочие) могут иметь важное значение в одном или двух типах режимов, мы решили не включать их в нашу классификацию, если их роли в различных типах режимов по существу одинаковы, то есть если в идеальных типах режимов их нельзя различить.

Поскольку сферы социального действия полностью разделены только в либеральной демократии идеального типа, некоторые из приведенных ниже акторов (принадлежащих к патрональной автократии или коммунистической диктатуре) также являются частью политической и общинной сфер. Но так как нам хотелось представить максимально структурированное описание акторов, мы решили разделить их таким же образом, как это принято в литературе. Такой подход позволит нам нагляднее продемонстрировать, почему названия — а по сути, формальные должности — акторов, используемые в рамках языка либеральной демократии и традиционной экономики для описания интересующих нас индивидов, на самом деле не отражают смысл их деятельности в контексте патрональных режимов, где преобладают неформальные институты.

3.4.1. Предприниматель — олигарх — руководитель государственного предприятия[1]

3.4.1.1. Сравнение предпринимателей и руководителей государственного предприятия

Основной формой экономического действия является **налаживание процесса производства**, то есть принятие решений о том, как использовать ограниченные ресурсы для производства товаров и услуг. Люди, занимающиеся такой деятельностью, являются «**основными экономическими акторами**». В нашем понимании, именно они обладают **экономической властью**, то есть способностью принимать решения о функционировании своей экономической единицы, в частности ее специализации и/или организации процесса производства («экономическая единица» подразумевает любую организацию, которая поставляет товары и/или услуги частным клиентам.) Иными словами, говоря об основных экономических акторах, мы подразумеваем **владельцев**, то есть тех, кто *де-факто* обладает правами собственности, позволяющими активно использовать экономическую единицу и управлять ею (эндогенные имущественные права [▸ 5.5.3.4]).

Для коммунистических диктатур характерна плановая экономика, в которой доминирует государственная собственность, тогда как в либеральных демократиях и патрональных автократиях (несмотря на то, что их экономические системы отличаются по многим признакам) преобладает капиталистическая экономика, в основе которой формально лежит частная собственность [▸ 5,6]. Таким образом, **основные экономические акторы в коммунистических системах также являются основными политическими акторами**, а именно центральными планировщиками

[1] Мы благодарны Юлии Кирай за ее замечания к этой части (а также к некоторым другим).

из номенклатуры[1], а **основные экономические акторы, номинально оторванные от политической сферы, существуют только в капиталистических экономиках**. Здесь мы приходим к первому типологическому отличию, а именно отличию между предпринимателями, действующими в капиталистических экономиках, и руководителями государственных предприятий в коммунистических диктатурах.

• ***Предприниматель*** *— это актор, у которого есть формальная экономическая власть и ничего больше. Другими словами, этот актор владеет экономической единицей, управляемой в рамках нормативных требований. Критерием его / ее успеха является конкурентоспособность (то есть его / ее способность удовлетворять потребительский спрос), которая определяет размер прибыли или убытков. Предприниматель может иметь связи с (формальными) политическими акторами, но при условии их наличия эти связи — по крайней мере, те, что имеют решающее значение, — формальны и добровольны с обеих сторон (оторванность от правящей элиты).*

• ***Руководитель государственного предприятия*** *— это актор, у которого нет экономической власти, но который занимается экономической деятельностью, управляя находящейся в собственности государства экономической единицей. Другими словами, он не является владельцем, но принимает относительно нее ответственные решения в рамках нормативных требований. Критерий его успеха — способность организовывать производство так, чтобы это отвечало требованиям центрального плана, из чего следует, что лично он не получает прибыль и не несет убытки. У него всегда есть связи с (формальными) политическими акторами, которые — по крайней мере, те, что имеют решающее значение, — формальны и принудительны со стороны политических акторов (центральные планировщики).*

[1] *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 137–139.

Как видно из последнего определения, **руководитель государственного предприятия — это лишь функционер**, член номенклатуры, которому **поручено выполнение конкретных задач центрального плана**. Поскольку производственный план заранее предопределен центральными органами планирования, в деятельности руководителей государственных предприятий нет места шумпетерианскому предпринимательству и инновациям[1]. На самом деле, инновации на социалистических предприятиях, принадлежащих государству, внедряются не со стороны производства или поставок (поиск новых способов обслуживания клиентов), а со стороны управления (поиск новых способов выполнить план в условиях недостаточного количества или качества ресурсов и преодоление лимитирующих факторов, присущих плановой экономике)[2]. Кроме того, в связи с отсутствием прибыли или убытков у самих руководителей государственного предприятия у них **нет никаких стимулов управлять бизнесом так, чтобы он приносил прибыль**. Термин «мягкое бюджетное ограничение» был введен Корнаи для описания ситуации, при которой государство компенсирует убытки (государственных) предприятий, тем самым устраняя стимул их не иметь[3]. Тем не менее он отмечает, что в коммунистических диктатурах «для создания у высших управляющих государственных фирм определенной заинтересованности в увеличении прибылей применяются различные методы стимулирования, которые могут также распространяться и на всех работников фирмы. Но обычно такая заинтересованность не слишком

1 *Kornai J.* Innovation and Dynamism: Interaction between Systems and Technical Progress // Economics of Transition. 2010. Vol. 18. № 4. P. 629–670.

2 *Laki M.* Kényszerített Innováció: Műszaki Fejlesztés Az Eladók Piacán [Принудительные инновации: техническое развитие на рынке продавцов] // Szociológia. 1984–1985. № 1–2. P. 45–52.

3 *Kornai J.* The Soft Budget Constraint: An Introductory Study to Volume IV of the Life's Work Series // Acta Oeconomica. 2014. Vol. 64. P. 35–39.

велика. Размеры (как правило, небольшие) и точную формулу стимулирования вышестоящие власти устанавливают произвольно, так что последняя становится простым средством управления (то есть видом стимулирования, ранее названным искусственным), а не правом собственности <...>, когда весь остаточный доход принадлежит собственнику»[1].

В противоположность этому предприниматель является владельцем экономической единицы, обладает экономической властью и **идет на рыночный риск, создавая стимулы для получения прибыли и предотвращения убытков**[2]. Как гласит определение, критерием успеха предпринимателя является не выполнение центрального плана, а конкурентоспособность, то есть способность удовлетворять потребительский спрос. Естественно, «конкурентоспособность» не подразумевает наличия у предпринимателя каких-либо объективно выдающихся качеств, а на его успех оказывает влияние большое количество факторов, многие из которых не связаны с его личными талантами[3]. Но в конечном счете предприниматель может заработать, только если другие люди на рынке готовы платить за предлагаемый продукт, словом, если на товар есть спрос. Кроме того, предприниматель соревнуется за получение как рыночных, так и государственных контрактов в рамках прозрачных механизмов конкуренции, при этом другие предприниматели также могут свободно включиться в соревнование и выиграть контракт, предложив более выгодные условия. Это, конечно же, невозможно в экономике, где государство является монопольным владельцем. В такой экономике руководители государственных предприятий не «включаются» в соревнование, когда видят возможность

1 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 100.

2 *Mises L.* Profit and Loss // *Mises L.* Planning for Freedom: And Other Essays and Addresses. Spring Mills: Libertarian Press, 1974. P. 108–150.

3 Пример классического анализа см.: *Blanchflower D., Oswald A.* What Makes an Entrepreneur? // Journal of Labor Economics. 1998. Vol. 16. № 1. P. 26–60.

получения прибыли, а назначаются высокопоставленными членами номенклатуры.

Подводя итог, можно сказать, что **предприниматели являются основными экономическими акторами, тогда как руководители государственных предприятий — второстепенными**, поскольку они подчиняются центральным планировщикам — основным экономическим акторам в коммунистических режимах. В капиталистической системе наиболее похожими на руководителей государственных предприятий акторами являются корпоративные менеджеры, в чьи задачи, однако, входит увеличение прибыли владельца, а не обеспечение выполнения центрального плана. Их сходство заключается в том, что руководители государственных предприятий, особенно в реформированных коммунистических режимах, — это тоже технократы, которые получили больше свободы в более децентрализованной системе. И хотя у них не было надлежащих средств для стимулирования прибыли и предотвращения убытков, поскольку бюджетные ограничения оставались довольно мягкими[1], **технократические навыки позволили бывшим руководителям государственных предприятий стать предпринимателями** после того, как с помощью приватизации была установлена капиталистическая система (выкуп менеджерами акций у сотрудников и повторная приватизация [▸ 5.5.2]). Как заметили Селеньи и его соавторы по поводу экономик стран Центральной и Восточной Европы 1990-х годов, «большинство руководящих позиций в посткоммунистическом корпоративном секторе экономики заняли прежние коммунистические технократы, более молодые и образованные, чем кадры старшего поколения»[2]. Однако это стало возможным только тогда, **когда монополия государственной собственности была разрушена и появилась**

[1] *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 518–527.

[2] *Селеньи И., Эял Г., Тоунсли Э.* Построение капитализма без капиталистов. С. 22, 216–220.

частная собственность. После смены режима частные акторы приобрели экономическую власть в среде, которая налагает ограничения на предпринимательскую деятельность на свободном рынке нормативно-правовыми средствами, а не задает производственный план в результате слияния экономической и политической сфер.

3.4.1.2. Сравнение главных предпринимателей и посткоммунистических олигархов

Предприниматели есть не только в либеральных демократиях. Они существуют в любом режиме с капиталистической экономикой, хотя и отличаются по своей относительной значимости. Если говорить о режимах полярного типа, то **предприниматели есть как в либеральных демократиях, так и в патрональных автократиях**. Тем не менее экономика первых, где сферы социального действия разделены, отличается от экономики последних, где происходит **смешение экономической и политической сфер.** В случае смешения инструменты государственной власти используются дискреционно, то есть поощряются определенные акторы, которые получают прибыль независимо от того, отвечают ли они потребительскому спросу (то есть являются ли они конкурентоспособными). В такой системе **политического капитализма** [▸ 5.6.3] номинальные владельцы собственности стремятся заручиться незаконной поддержкой своей (в остальном законной) экономической деятельности различными коррупционными методами.

Мы остановимся на коррупции и понятии политического капитализма подробнее в Главе 5 [▸ 5.6.3]. На данном этапе стоит лишь отметить, что тот тип политического капитализма, о котором мы здесь говорим, преобладает в **патрональных автократиях**, где сферы социального действия формально отделены друг от друга, но неформально связаны через приемную

политическую семью. **Особый тип экономического актора**, который появляется в системах политического капитализма патрональных режимов, — это олигарх.

• ***Олигарх*** *— это актор, обладающий формальной экономической и неформальной политической властью. Другими словами, он является собственником экономической единицы, которая функционирует в соответствии с дискреционными правилами. Критерием его успеха является союзничество с патроном (то есть способность использовать его покровительство), на основании которого он либо получает прибыль либо несет убытки. У него всегда есть связи с (формальными) политическими акторами, и эти связи — по крайней мере, те, что имеют решающее значение, — неформальны и принудительны либо с его стороны, либо со стороны другого актора (встроенного в правящую элиту).*

С одной стороны, **олигарх является противоположностью полигарха**. Последний имеет формальную политическую и неформальную экономическую власть, тогда как у олигархов есть формальная экономическая и неформальная политическая власть [▸ 3.3.3]. Появление таких акторов в патрональных автократиях логически проистекает из слияния власти и собственности, в результате чего появляется власть-собственность, в рамках которой не может быть собственности без власти и власти без собственности [▸ 5.5.3.5]. В **системе власти-собственности формальные политические акторы становятся полигархами, а формальные экономические акторы — олигархами.** Тем не менее следует пояснить, что **олигархи** есть не только в патрональных автократиях. **Они могут появляться и в других режимах** с другими типами политического капитализма. Кроме того, хотя термин «олигарх» обычно ассоциируется с огромным богатством, а также большим национальным и региональным влиянием, в странах посткоммунистического региона существуют и местные «олигархи». Таких акторов, учитывая их

местное влияние, богатство и включенность в региональную правящую элиту, точнее будет назвать **минигархами**, если использовать уместно подобранный ранее термин[1]. Несмотря на то, что масштабы деятельности олигархов и минигархов сильно отличаются, их структурные характеристики практически одинаковы.

С другой стороны, **олигарх — это противоположность предпринимателя**. Этот тезис будет иметь очень важное значение при обсуждении рыночной и реляционной экономик [► 5], однако, на первый взгляд, различия между этими двумя типами акторов не так очевидны. Действительно, в повседневной речи **главных предпринимателей в либеральных демократиях, имеющих прочные политические связи, часто называют «олигархами»** и даже сравнивают их с баронами-разбойниками, орудовавшими в капиталистических Соединенных Штатах XIX века. Андерс Ослунд, эксперт-экономист, специализирующийся на рассматриваемом регионе, утверждает, что российские олигархи 1990-х годов были практически идентичны баронам-разбойникам: это были бизнесмены, которые накапливали огромные состояния за счет средств, полученных от монопольной ренты, эксплуатировавшие слаборазвитые и подкупавшие развитые институты, такие как суды и законодательные органы[2]. Джоанна Гранвиль, также исследующая посткоммунистический регион, возражает Ослунду, замечая, что «эти молодые люди с хорошими связями [олигархи] разбогатели не на создании новых предприятий, которые повысили благосостояние страны, как это сделали Карнеги (сталь), Рокфеллер (нефть), Форд (автомобилестроение)

[1] *Havrylyshyn O.* The Formation and Role of Oligarchs // The Political Economy of Independent Ukraine: Slow Starts, False Starts, and a Last Chance? London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 201–222.

[2] *Ослунд А.* Сравнительная олигархия: Россия, Украина и США // Отечественные записки. 2005. № 1 (22). URL: http://www.strana-oz.ru/2005/1/sravnitelnaya-oligarhiya-rossiya-ukraina-i-ssha.

и Морган (финансы). Вместо этого они выступали в роли старых государственных торговых монополий, спекулятивно создавая огромный разрыв между внутренними ценами на российские товары и ценами, преобладающими на мировом рынке. Вместо того, чтобы инвестировать в российскую экономику, они складывали миллиарды долларов на счета в швейцарских банках. По оценкам экспертов, ежегодно из России выводится до 15 млрд долларов в виде оттока капитала или через отмывание денег, полученных в результате незаконных операций»[1].

На примере современных миллиардеров мы можем провести более подробный сравнительный анализ олигархов и главных предпринимателей («главный» в этом контексте означает, что актор может сравниться с посткоммунистическими олигархами по размеру состояния, экономической власти и государственному значению), пересмотрев их определения. Исходя из наших определений «предпринимателя» и «олигарха», можно сразу же выделить **три идеальных типа свойств, по которым их можно различать**:

• **Характер политических связей**. Наличие у **главного предпринимателя** хороших связей может означать, что его компания тратит много средств на лоббирование, то есть формализованный процесс, когда политики получают предложения, на которые могут дать как положительный, так и отрицательный ответ. Кроме того, что **эти отношения формальны**, они также **добровольны с обеих сторон**. Лоббирование может привести к результату, если политик найдет предложение предпринимателя выгодным, а предпринимателя не заставляют устанавливать и поддерживать контакт с политиком [► 5.3.1]. В противоположность этому экономического актора можно назвать **олигархом**, если у него есть формальная экономическая и неформальная политическая власть, то есть

1 *Granville J.* «Dermokratizatsiya» and «Prikhvatizatsiya». P. 449.

неформальные и принудительные отношения с формальными политическими акторами. Это не означает, что у него вообще не может быть формальных государственных связей. Скорее это означает, что связи, которые преимущественно влияют на его экономическую деятельность (соответственно, по определению «имеют решающее значение»), неформальны. Таким образом, подразумевается, что олигарх является частью патрональной сети, а главный предприниматель — нет. Отношения могут быть принудительными как (a) со стороны олигарха, так и (b) со стороны формально политического актора, такого как президент — верховный патрон. Оба этих варианта относятся к принудительной коррупции [▸ 5.3.2.3].

• **Характер политических услуг**. **Главный предприниматель** действует в условиях конкуренции на рынке и в соответствии с **нормативными актами**, поскольку он осуществляет свои задачи в конституционном государстве с минимальной амплитудой произвола (см. предыдущую главу [▸ 2.4.6]). Усилия по лоббированию, которые предпринимает главный предприниматель в либеральных демократиях, как правило в составе **бизнес-группы**, также могут быть направлены на изменение этих нормативных актов, поскольку они применяются ко всем отраслям промышленности. Это отличает их от **олигархов**, которые входят не в бизнес-группу, а **неформальную патрональную сеть**. Они действуют в рамках дискреционных норм, которые спускают сверху патроны с более широкой амплитудой произвола в плане «отбора победителей» среди конкурентов и оказания давления на других по своему усмотрению (мы вернемся к этой теме в Главе 5 [▸ 5.4.2.3]).

• **Характер успеха**. Главные предприниматели в условиях рыночной конкуренции (1) становятся «главными» через внедрение технических или организационных инноваций, то есть используют рыночные возможности для того, чтобы предложить товар или услугу с высоким рыночным спросом, а (2) сохранение статуса «главного» не зависит от их личной

преданности формальному политическому актору. Напротив, олигарх в системе политического капитализма (1) становится олигархом не благодаря внедрению рыночных инноваций, а, как правило, через укрепление монопольных прав, обеспечиваемых политической и патрональной поддержкой[1], (2) сохранение этого статуса зависит от его личной преданности патрону, то есть неформальные политические связи олигарха необходимы ему для сохранения своего места и статуса внутри экономической элиты. Другими словами, **главный предприниматель может получать доход без оказываемых ему политических услуг**, полагаясь только на невидимую руку свободного рынка [▸ 2.6], тогда как **прибыльность олигарха зависит от политических акторов, предоставляющих ему дискреционные привилегии**.

Одним словом, основная разница между олигархами и главными предпринимателями заключается в том, что первые используют свое законное состояние для укрепления не только экономической, но также политической власти, способствуя слиянию сфер социального действия. **Экономическая власть олигарха публична, но его политическая власть остается тайной**. Впрочем, процитированный выше пассаж о различиях между олигархами и баронами-разбойниками свидетельствует о том, что первые отличаются от предпринимателя идеального типа не только преимуществами, которые им предоставляет режим. В Таблице 3.3 представлен всесторонний обзор главных предпринимателей и олигархов, рассмотрены такие аспекты, как беззащитность перед властью, то есть насколько экономическая деятельность олигарха и условия его существования делают возможным принудить его к участию в патронально-клиентарных отношениях. Многие из них либо уже упоминались ранее, либо будут

[1] Олигарх-попутчик является исключением, так как может сначала стать главным предпринимателем, а затем превратиться в олигарха, чтобы выжить и преуспеть в патрональной среде [▸ 3.4.1.3].

Таблица 3.3: Отличия в положениях главного предпринимателя и олигарха идеального типа

	Главный предприниматель	**Олигарх**
Отношения с правящей элитой	Не встроен (остается в экономической сфере, для усиления влияния использует лоббирование через формальные каналы)	Встроен (входит в политическую сферу, формируя неформальные патрональные отношения с правящей политической элитой)
Экономическая деятельность	законная	законная
Принципы, на которых основана экономическая деятельность	Конкуренция, законные рыночные практики	Личные (патрональные) контакты, незаконные или «легализованные» практики
Эффективность бизнеса	Зависит преимущественно от эффективности бизнеса	Зависит преимущественно от патрональных отношений
Характер деятельности	Не может быть монополизирована государством или это затруднено	Может быть легко монополизирована государством
Условия для предпринимательской деятельности	Не находится под прямым влиянием или почти не подвержен произволу государства (нелегко шантажировать, менее уязвим перед политическими решениями)	Зависит от произвола государства и, следовательно, полностью находится под его влиянием, вплоть до ликвидации (легко поддается шантажу)
Источник накопления богатства	Преимущественно рынок, а также успешная приватизация	В основном управляемая приватизация, концессии, госконтракты, полученные нелегальными способами
Характер рисков	Независимы от отдельных формальных политических акторов. Зависимы от рынка	Зависимы от отдельных формальных политических акторов. Основаны на патрональноклиентарных отношениях.
Использование прибыли	Используется прозрачным образом, по большей части реинвестируются	Выводится из капитала предприятия, используется другим менее прозрачным способом
Тип предприятия	Инновационное, ориентированное на рынок, растет благодаря поддержке потребителей (рыночные средства)	Неинновационное, ориентировано на патрональные сети, растет благодаря патрональному вмешательству (внерыночные средства)

подробно рассмотрены в Главе 5 (например, приватизация [▸ 5.5.2] и получение ренты [▸ 5.4.2]). Здесь же мы можем детально остановиться лишь на **характере деятельности, относящейся к способности государства обеспечить олигарха возможностью получать ренту**. Как упоминалось в Главе 2, рента — это разница между доходом, который мог бы быть получен в открытых отношениях, и тем, который получают, если доступ к этим отношениям закрыт для некоторых участников. Характер деятельности, в свою очередь, определяет, могут ли отношения быть закрыты, то есть монополизированы государством, которое вытесняет конкурентов. В тех секторах экономики, которые сложно монополизировать (чаще всего благодаря инновационной природе бизнеса), действуют преимущественно главные предприниматели, даже в патрональных режимах, тогда как более легкие для монополизации отрасли заняты олигархами.

Несмотря на то, что олигархи являются буквально визитной карточкой, представляющей экономических акторов патрональных режимов, в этих режимах также существуют и предприниматели. Как можно заметить, **чем больше становится группа олигархов, тем больше сужается группа предпринимателей** (при прочих равных условиях). Это верно как для мульти-, так и для однопирамидальных систем, как для рынков, которые были успешно присвоены олигархами, так и для тех, которые не были. В последнем случае предприниматели, которым удалось сохранить свою автономию (как правило, в секторе малого и среднего бизнеса), часто принимают решение (a) сократить или остановить производство на внутреннем рынке [▸ 5.5.4.3] или (b) стать подрядчиками и поставщиками олигарха, попав в зависимость от системы политического капитализма [▸ 6.2.2.3]. В качестве альтернативы предприниматели могут входить в серую зону неформальной экономики, реализовывая свои инновационные способности не в целях максимизации реального

производства и удовлетворения потребительского спроса, а для того, чтобы не стать жертвой приемной политической семьи [► 5.6.1.4].

3.4.1.3. Типология олигархов и нарушение олигархической автономии в патрональных автократиях

В рамках нашего концептуального инструментария для посткоммунистического региона мы предлагаем типологию олигархов в двух патрональных режимах — демократии и автократии (Таблица 3.4). Для начала определим типы, которые есть **как в патрональной демократии, так и в патрональной автократии**, то есть и в мульти-, и в однопирамидальных системах.

- ***Олигарх ближнего круга*** *— это олигарх, который является одним из основателей патрональной сети. Изначально у него не было сколь-либо существенного состояния, и свой стартовый капитал он накопил через связи с политиками. Олигархи ближнего круга принадлежат к высшим слоям приемной политической семьи и играют ключевые роли как в экономической, так и в политической сферах.*
- ***Приемный олигарх*** *— это олигарх, который был принят в патрональную сеть. Он и до этого обладал значительным состоянием, но решил увеличить свой капитал через политические связи. Приемные олигархи могут входить, а могут и не входить в верхушку приемной политической семьи и, как правило, играют более важную роль в экономической сфере, чем политической.*
- ***Поддерживаемый патроном олигарх*** *— это олигарх, которому содействует патрон (как правило, верховный). Поначалу у него не было значительного состояния, но он стал частью приемной политической семьи и, соответственно, приобрел положение, приносящее большие доходы. Поддерживаемые патроном олигархи не входят в верхушку приемной политической*

Таблица 3.4: Типология олигархов в патрональных режимах (в порядке убывания степени близости к верховному патрону в патрональных автократиях)

	Первоначальный источник богатства	Положение в патрональной сети	Характерные свойства	Наличие в патрональных режимах
Олигарх ближнего круга	Патрональная сеть	Встроен	Является основателем патрональной сети	Патрональная демократия + автократия
Приемный олигарх	Частный сектор / патрональная сеть (отличная от действующей)	Встроен	Был принят в уже существующую сеть	Патрональная демократия + автократия
Поддерживаемый патроном олигарх	Патрональная сеть	Встроен	Патрон оказывает ему поддержку	Патрональная демократия + автократия
Покорившийся олигарх	Частный сектор / патрональная сеть (отличная от доминирующей)	Встроен	Подчиняется верховному патрону	Патрональная автократия
Олигарх-попутчик	Частный сектор	Не встроен	Сохраняет ограниченную автономию от однопирамидальной сети	Патрональная автократия
Упорствующий олигарх	Частный сектор / патрональная сеть (отличная от доминирующей)	Не встроен	Не определился, какие отношения следует иметь с верховным патроном	Патрональная автократия (временно)
Автономный олигарх	Частный сектор	Не встроен	Не является частью патронального альянса (поддерживает хорошие отношения с каждой сетью)	Патрональная демократия
Олигарх-конкурент	Частный сектор / патрональная сеть (отличная от доминирующей)	Не встроен	Сопротивляется доминированию однопирамидальной сети	Патрональная автократия (временно)
Устраненный олигарх	Частный сектор / патрональная сеть (отличная от доминирующей)	Не существует	Выведен из игры (живым или мертвым)	Патрональная автократия
Олигарх-ренегат	Частный сектор / патрональная сеть	Не встроен (ранее встроен)	Предает приемную политическую семью и выступает против нее	Патрональная демократия + автократия

семьи и действуют в экономической сфере при активной помощи соседствующих акторов из сфер экономического и/или политического действия.

Как можно заметить, три типа олигархов расположены в порядке их влияния на политическую сферу или, скорее, их значимости для патрональной сети, к которой они принадлежат. Эти акторы представляют собой три основных типа олигархов, которые можно найти внутри каждой патрональной сети, демократической или автократической.

В посткоммунистическом регионе приемные олигархи приобрели состояние в период олигархической анархии [▸ 2.5], то есть после смены режима и часто в результате хаотичной и спонтанной приватизации бывшей (коммунистической) государственной собственности [▸ 5.5.2]. Принятие в политическую семью только стабилизирует их положение и дает защиту в мире политически мотивированного, насильственного перераспределения богатства. У них появляется доступ к возможностям, предлагаемым приемной политической семьей, в обмен на которые они предоставляют ей различные выгоды. Их участие и вклад может потребоваться в любой момент в зависимости от экономических и политических требований приемной политической семьи. Баланс их счета тем не менее уверенно остается в плюсе. Что касается олигархов ближнего круга, их состояние сравнимо с состоянием приемных олигархов, но первые приобрели его, главным образом вступая в тесные связи с политиками и политическими предприятиями и развивая вокруг себя независимые патрональные сети. В отличие от них поддерживаемые патроном олигархи приобрели свое богатство после того, как патрональная сеть была развита и они были в нее приняты. Существует несколько подтипов поддерживаемых патроном олигархов, такие как: олигарх, связанный с приемной политической семьей через родственников (жену, мужа, зятя и т. д.); олигарх, который был частью приемной политической семьи

из политической сферы, а затем перешел в экономическую (бывшие министры и т. п.); олигарх, который разбогател, будучи экономическим подставным лицом патрона (см. определение ниже).

Существует один тип олигарха, который есть только **в патрональных демократиях**.

• ***Автономный олигарх*** *— это олигарх, который не состоит ни в каком патрональном альянсе, но сохраняет хорошие отношения с главными неформальными патрональными сетями. Он обладал значительным состоянием ранее, но решил защитить свой капитал через политические связи. Автономные олигархи не встроены ни в какую приемную политическую семью и действуют в экономической сфере при периодическом содействии акторов из смежных сфер экономического и политического действия, но как правило без него.*

Автономные олигархи не являются постоянными членами какой-либо патрональной пирамиды и не хотят создавать собственную политическую силу. При попытке установления коррупционных деловых отношений с акторами из политической сферы они стараются сохранить свою целостность. В каком-то смысле они выстраивают не строго патрональ-но-клиентарные, а скорее **клиентарно-клиентарные отношения**, которые предполагают добровольные (хоть и неформальные) коммерческие сделки со всеми патрональными сетями на нерегулярной основе с сохранением свободного входа и выхода[1]. Однако **это возможно, только если ни одной из патрональных сетей не удалось монополизировать власть**, поскольку, если ей это удалось, возникает однопирамидальная патрональная сеть, которая, опираясь на свою монополию на власть, разрушает относительную автономию олигархов и стремится интегрировать их в свою вертикаль подчинения.

[1] См.: *Klíma M.* Informal Politics in Post-Communist Europe.

У автономного олигарха есть три перспективы, **если патрональная демократия**, при которой он добился своего положения, **превращается в патрональную автократию**:

• **он может относиться** к верховному патрону **положительно**, то есть смириться с новым положением вещей и желать быть принятым;

• **он может относиться** к верховному патрону **отрицательно,** то есть не принять новое положение вещей и активно бороться против попыток доминирования патрональной сети;

• **он может относиться** к верховному патрону нейтрально, то есть пытаться сохранять автономность.

Также в течение короткого периода автономный олигарх может оставаться **неопределившимся**. В этом случае он является уже не автономным олигархом, а скорее — упорствующим.

◆ ***Упорствующий олигарх*** *— это бывший автономный олигарх, который пока не определился, как ему относиться к недавно созданной однопирамидальной патрональной сети. Он приобрел свое состояние в патрональной демократии, но поскольку она превратилась в патрональную автократию, он рискует оказаться под властью верховного патрона (стать его клиентом). Упорствующий олигарх — это временный статус, который предполагает, что в конце концов олигарх должен выбрать один из возможных вариантов (позитивное, негативное или нейтральное отношение).*

Если олигарх выбирает **позитивное** отношение, он становится **приемным олигархом**. Если он выбирает **негативное** отношение, он становится олигархом-конкурентом.

◆ ***Олигарх-конкурент*** *— это бывший автономный олигарх, который негативно относится к недавно созданной однопирамидальной патрональной сети. Он приобрел свое состояние в патрональной демократии, но поскольку она превратилась в патрональную автократию, он активно борется против попыток доминирования патрональной сети.*

Олигарх-конкурент — это также временный статус. В конце концов он либо выигрывает, и в этом случае режим возвращается к мультипирамидальной системе, либо **проигрывает**. В последнем случае один из ожидающих его вариантов — это устранение.

• ***Устраненный олигарх*** *— это бывший олигарх-конкурент, который проиграл в борьбе против доминирования патрональной сети и был вынужден оставить политико-экономическую арену (либо живым, либо мертвым).*

Самыми опасными среди олигархов-конкурентов приемная политическая семья считает тех, у кого явно есть собственные политические амбиции. Она пытается их экономически уничтожить и ликвидировать при помощи средств государственного принуждения. С другой стороны, те, кто не имеют собственных политических амбиций, а только лишь поддерживают альтернативные политические силы, могут рассчитывать на более мягкие формы ликвидации. Оба этих сценария имели место в России после 2003 года, когда Путин начал кампанию по укрощению бывших автономных олигархов[1]. Дело Михаила Ходорковского — типичный пример устранения за проявление собственных политических амбиций, поскольку он был не только лишен значительной доли своего состояния, но посажен в тюрьму. Второй вариант устранения испытал на себе Борис Березовский, которого вынудили продать его медиакомпании и покинуть страну[2].

Еще один вариант для олигарха-конкурента — покориться. Статус покорившегося олигарха является также участью бывших автономных олигархов, которые решили сохранять

1 Пример классической статьи на эту тему см.: *Sakwa R.* Putin and the Oligarchs // New Political Economy. 2008. Vol. 13. № 2. P. 185–191.

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 272–273. Через десять лет после того, как Березовский покинул страну, он был найден мертвым в своем доме. На данный момент большинство признаков указывает на то, что он совершил самоубийство, хотя несколько наблюдателей высказали мнение о том, что он мог стать жертвой убийства.

нейтралитет, но им это **не удалось**, и они утратили свою автономию.

• ***Покорившийся олигарх*** *— это либо олигарх-конкурент, который проиграл в борьбе против доминирования патрональной сети, либо бывший автономный олигарх, который решил сохранять* ***нейтралитет*** *по отношению к однопирамидальной патрональной сети, но утратил свою автономию. Олигархи, которые были конкурентами, то есть являлись членами конкурирующей патрональной пирамиды в патрональной демократии, также становятся покорившимися в патрональной автократии.*

Олигархи, которые ранее были автономны, но «играли за команду соперников», являются «олигархами-конкурентами» с точки зрения конкурирующей с ними патрональной сети. И если эта сеть получает монополию на власть и становится единой пирамидой, бывшие олигархи-конкуренты становятся покорившимися (или устраненными). Способы их покорения в мафиозных государствах включают сокращение государственных контрактов, а также внерыночные средства государственного принуждения, такие как налоговые органы, прокуратура, полиция, которые приводят к необходимым изменениям косвенно. Поскольку они изо всех сил пытаются выжить экономически, при том что им есть что терять, а их позиция на переговорах с государством никак не защищена, они вынуждены искать себе место в вертикали подчинения политической семье. Они пользуются привилегиями, но строго выполняют все условия главного патрона и в плане экономических активов подвергаются повторяющимся циклам «кормления и стрижки» [▸ 5.5.4.1].

Наконец, если бывший автономный олигарх выбирает **нейтральную позицию** и ему это **удается**, он становится олигархом-попутчиком.

• ***Олигарх-попутчик*** *— это бывший автономный олигарх, который решил сохранять нейтралитет по отношению к недавно созданной однопирамидальной патрональной сети, и ему*

удалось остаться автономным без каких-либо политических амбиций и несмотря на риск дальнейшего соперничества с главным патроном.

Слово «попутчик» использовалось коммунистическими идеологами для представителей интеллигенции, которые не входили в номенклатурную вертикаль подчинения и не были ни ярыми сторонниками коммунистической партии, ни жертвами репрессий[1]. Похожим образом олигархи-попутчики не подчиняются однопирамидальной патрональной сети, а существуют вне ее, пользуясь наряду с приемной политической семьей ограниченной автономией.

В противоположность олигарху-конкуренту, который активно борется с системой и в случае успеха которого патрональная автократия превращается в мультипирамидальную патрональную демократию, успехи олигарха-попутчика не приводят к смене режима. В посткоммунистическом регионе олигархи-попутчики, как правило, не обязаны какой-либо из конкурирующих на данный момент патрональных сетей своим состоянием. Появление их сети, вероятнее всего, восходит к периоду смены режима или предшествующему ей. Также они могли сначала стать главными предпринимателями, а затем превратиться в олигархов, чтобы выжить и преуспеть в патрональной среде. Хотя олигарх-попутчик автономен, его благосклонности и поддержки добиваются различные политические силы, и эта взаимозависимость еще больше укрепляет его положение. Однако позиция «одинаковой дружбы и одинаковой дистанции» по отношению к конкурирующим политическим силам часто бывает подорвана нарушением политического равновесия между конкурирующими патрональными сетями. Настойчивое наступление приемной политической семьи выбивает этих ранее автономных олигархов с позиции балансирования между различными политическими силами и для начала навязывает

[1] *Троцкий Л.* Литература и революция. М.: Госиздат, 1924. С. 44–86.

им роль преданных попутчиков. И, хотя они еще не включены в качестве союзных олигархов в субординационную иерархию политической семьи, им приходится прекратить всякое содействие конкурирующим силам или кланам.

Возможные траектории автономных олигархов приведены на Схеме 3.1. В верхней части схемы указан первоначальный статус, автономный олигарх. В середине расположены две временные категории (упорствующий олигарх и олигарх-конкурент), а внизу — «конечные пункты» в патрональной автократии, которые расположены слева направо в порядке возрастания степени подчинения. Поскольку верховный патрон стремится к централизации власти и устранению всех других автономных акторов, естественно, что **наиболее предпочтительной для него была бы строгая субординация всех олигархов**, будь то в подчиненном или приемном статусе. Ликвидация представляет из себя наихудший вариант развития событий, однако если олигарх не желает принимать верховного патрона и начинает с ним бороться, она становится необходимой. **Наличие олигархов-попутчиков наименее предпочтительно для верховного патрона**, поскольку, по сравнению с другими олигархами, более укорененными в приемной политической семье, олигархи-попутчики не обязаны своим состоянием патрону, следовательно, они более автономны и **потенциально способны использовать свои средства для финансирования оппозиционной пирамиды** (например, они могут стать олигархами ближнего круга). С другой стороны, меньшая степень укорененности также означает, что олигархи-попутчики не имеют такой защиты, как другие члены семьи [▸ 3.6.3.1], и являются **потенциальными мишенями для хищничества**, к которому верховный патрон не преминет прибегнуть, как только он сможет сделать это без чрезмерных потерь [▸ 5.5.4.1].

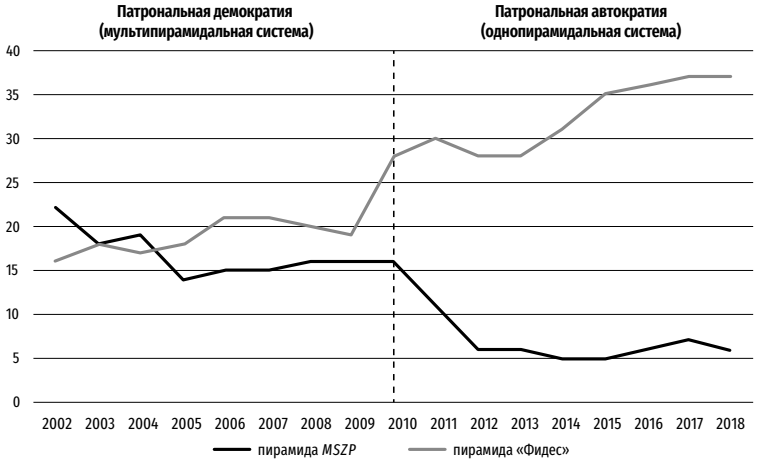
Модель, которую мы описали с помощью идеальных типов, четко просматривается на примере эмпирических данных из венгерской патрональной автократии (Схема 3.2). Венгрия

Схема 3.1: Возможные траектории автономных олигархов в однопирамидальной патрональной сети

является хорошим примером, поскольку до 2010 года у нее был относительно длительный период патрональной демократии, когда две патрональные пирамиды конкурировали с собственными олигархами ближнего круга и приемными олигархами со значительной степенью автономии. Эти две пирамиды были одинаково могущественны, однако та, которую представляла правящая на тот момент Венгерская социалистическая партия (*MSZP*), имела доступ к большему количеству ресурсов, чем оппозиционная партия «Фидес» Виктора Орбана. Габор Шайринг проанализировал данные о политической принадлежности ста богатейших людей Венгрии за 2002–2018 годы и обнаружил, что средний размер состояния миллиардеров, симпатизировавших Орбану, был значительно меньше, чем у тех, кто поддерживал *MSZP*. Однако несмотря на то, что правительство в 2002–2010 годах состояло преимущественно из членов *MSZP*, отмечает Шайринг, число миллиардеров на их стороне вскоре стало падать и было всегда ниже, чем число миллиардеров на стороне Орбана начиная с 2005 года[1]. Это

1 *Scheiring G.* The Retreat of Liberal Democracy. P. 220–221. Шайринг рассматривает как главных предпринимателей (венгерских и иностранных), так и олигархов как единый «класс капиталистов». Об этом см. ниже Часть 3.6.1.1. Мы также вернемся к аргументу Шайринга о роли транснациональных компаний в Венгрии в Главе 7, где рассматриваем особенности стран [▸ 7.4.5].

Схема 3.2: Количество венгерских олигархов, поддерживавших MSZP или «Фидес» в 2005–2018 годы Переработанный материал на основании работы: Scheiring G. The Retreat of Liberal Democracy. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 221.



объясняется тем, что, хотя сеть, связанная с *MSZP*, и имела преимущества в плане доступа к каналам поступления доходов, она была хуже организована и менее эффективна, чем партия Орбана [▸ 7.3.3.4]. Следует также отметить, что **способность переходить на сторону противника** или, по крайней мере, маневрировать между правящей *MSZP* и оппозиционной «Фидес» с 2005 года **свидетельствует о степени автономности, которой пользовались олигархи** в тот период патрональной демократии.

Просьбы от венгерских олигархов о принятии в семью стали поступать еще за год до выборов 2010 года, когда стало очевидно, что Виктор Орбан одержит на них убедительную победу. Он даже объявил о том, что собирается строить единую пирамиду, которую назвал «центральным силовым полем», которое будет «способно определять <...> национальные интересы <...> без постоянных дискуссий» в последующие два десятилетия[1]. Шайринг добавляет, что главные

[1] *Orbán V.* Megőrizni a Létezés Magyar Minőségét [Сохраняя венгерское качество жизни] // Nagyítás. 17.02.2010. URL: http://tdyweb.wbteam.com/Orban_Megorizni.htm.

предприниматели также встали на сторону Орбана, ожидая от него вознаграждения, в частности защиты от международной конкуренции[1]. С 2010 года большинство олигархов-конкурентов и автономных олигархов были покорены или приняты в члены однопирамидальной патрональной сети, а число олигархов, поддерживающих теперь оппозиционную партию *MSZP*, значительно сократилось. Шайринг пишет: «[в] год смены правительства соотношение [„Фидес" — *MSZP*] уже составляло 28:16, и в начале 2011 года превосходство [„Фидес"] продолжало расти (30:11). <...> В 2018 году среди 100 богатейших людей Венгрии было 37 [поддерживавших „Фидес"] миллиардеров по сравнению с шестью, связанными с [*MSZP*]»[2]. Следует отметить, что число олигархов Орбана в 2018 году было выше, чем общее число олигархов за каждый год между 2003 и 2009 годами (и только на один меньше, чем их общее количество в 2002 году).

Подводя итог, можно сказать, что в патрональных демократиях идеального типа олигарх может сохранять автономию от конкурирующих патрональных сетей. Укорененность в патрональной сети имеет как свои плюсы, так и минусы. С одной стороны, прибыльные экономические возможности, более высокие доходы, если связанная с олигархом сеть является еще и правящей, и защита государства. С другой — необходимость выказывать лояльность верховному патрону и быть его клиентом, что означает признание того, что он может в определенной степени распоряжаться собственностью олигарха. В патрональных автократиях верховный патрон стремится сделать всех олигархов своими клиентами; в случае приемного олигарха это достигается через добровольное соглашение, а в случае покоренного олигарха — через принуждение. Что касается устраненного олигарха, главный патрон

1 *Scheiring G.* The Retreat of Liberal Democracy. P. 238–248.

2 Idem. P. 221.

не просто может «в определенной степени» распоряжаться его собственностью «единолично», но и принудительно лишает его экономических активов (а также политических возможностей), которые переходят во владение приемной политической семьи.

3.4.1.4. Олигарх-ренегат и выбор вариантов «верность — голос — выход из приемной политической семьи»

В Таблице 3.4 есть один тип олигархов, которому мы пока не дали определение[1].

• ***Олигарх-ренегат*** *— это бывший член приемной политической семьи (олигарх ближнего круга, приемный или поддерживаемый патроном олигарх), который предал свою сеть и начал действовать против нее. Он приобрел бóльшую часть своего состояния с помощью приемной политической семьи, но начал активно бороться против своей изначальной патрональной сети.*

Олигархи-ренегаты могут появляться как в патрональных демократиях, так и в патрональных автократиях. Они являются бывшими членами ближнего круга либо приемными и поддерживаемыми патроном олигархами, которые превратились в «конкурентов» (однако определение олигарха-конкурента на них не распространяется). Хрестоматийным примером здесь служит Лайош Шимичка, некогда самый могущественный олигарх ближнего круга Виктора Орбана и его приемной политической семьи, который выступил против своего друга и верховного патрона. В нашей предыдущей работе мы назвали это противостояние **мафиозной войной организованного**

[1] Этот термин используется Маркусом для олигархов-конкурентов, но слово «ренегат» явно отражает предательство, то есть тот факт, что человек был членом приемной политической семьи до того, как стал ее врагом. См.: *Markus S.* The Atlas That Has Not Shrugged. P. 107–108.

«надполья», которая завершилась финансовой ликвидацией и маргинализацией Шимички[1].

У олигархов-ренегатов и олигархов-конкурентов похожая участь: они могут стать устраненными или покорившимися, если проиграют, или могут выиграть, и тогда система становится мультипирамидальной. Однако последнее случается довольно редко, поскольку верховный патрон распоряжается государственной властью и может наказывать нелояльных акторов. Несомненно, **в политической системе, где есть конкурирующие патрональные сети,** среди обладающих некоторой политической властью, с одной стороны, и экономической — с другой, **все еще может оставаться открытым вопрос о том, кто является лидером (патроном), кто от кого зависит, кто отдает приказы и кто их выполняет**. Но в однопирамидальной патрональной системе верховный патрон является очевидным «начальником», который с помощью законодательной власти, налоговых органов, прокуратуры или полиции способен объявить своего соперника вне закона. Тот, кто может выкинуть другого из игры, используя государственную власть, и есть победитель, который получает все. Люди, которые утверждают, что в патрональных автократиях олигархи «захватили власть», на самом деле не понимают, что все как раз наоборот: в крепком политическом предприятии под названием мафиозное государство приемная политическая семья назначает собственных олигархов и наделяет их властью. Некоторые исследователи утверждают, что «неформальное подчинение частного бизнеса государственным интересам», как это происходит, например, в путинской России, следует понимать как «захват бизнеса»[2].

1 *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 95–102; *Rényi P. D.* The Rise and Fall of the Man Who Created Viktor Orbán's System // 444 — Tldr (blog). 22.04.2019. URL: https://tldr.444.hu/2019/04/22/the-rise-and-fall-of-the-man-who-created-viktor-orbans-system.

2 *Yakovlev A.* The Evolution of Business: State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58. № 7. P. 1033–1056.

Однако, как мы объясняем выше, захваченным оказывается не бизнес или главные предприниматели, а олигархи, которых заставляют действовать не в интересах государства, а в интересах верховного патрона. Следовательно, более подходящим термином в этой ситуации будет «захват олигарха».

◆ ***Захват олигарха*** *— это ситуация, при которой в условиях однопирамидальной патрональной сети олигархи теряют свою автономию и начинают подчиняться верховному патрону. Статус и собственность олигарха попадают в зависимость от решений верховного патрона, который может назначать собственных олигархов или отстранять от дел неугодных. Захват олигарха — это процесс подчинения неформальному патрональному актору, который был инициирован этим актором и который отличается от захвата государства, когда олигархи захватывают формальных политических акторов по принципу «снизу вверх».*

Очевидно, что в случае захвата олигарх не может шантажировать верховного патрона, так как этот классический мафиозный прием требует публичности и наличия демократических институтов, которые можно использовать, если политик делает что-то противозаконное. Задолжавшего политика шантажируют, угрожая не физической расправой, а разоблачением. Поскольку в мафиозном государстве налоговые органы, прокуратура, парламент и тому подобное принадлежат верховному патрону организованного надполья, шансы, что олигарх сможет его шантажировать, очень малы [► 4.3.5.2].

Итак, приведем заключительные аналитические замечания об олигархах, их статусе и возможных перспективах после укрепления однопирамидальной сети. Используя знаменитую **триаду** Хиршмана **голос — выход — верность**, Маркус анализирует российских олигархов и описывает их положение в патрональной автократии[1]. Очевидно, что самый простой выход

[1] *Markus S.* The Atlas That Has Not Shrugged. Также см.: *Хиршман А.* Выход, голос и верность. Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое изд-во, 2009.

для олигарха — это **верность**, поскольку она означает лишь отказ от попыток противостоять верховному патрону. Так он может свести к минимуму возможность лишиться своих активов и даже пользоваться различными привилегиями, причитающимися приемной политической семье. Однако, как отмечает Маркус, такая ситуация для него не идеальна, потому что он находится в подчиненном положении и не имеет эффективных средств, чтобы контролировать верховного патрона. Олигарх подчиняется его прихоти, и это в итоге делает отношения бизнеса и власти непредсказуемыми (см. Текстовую вставку 3.4).

Текстовая ставка 3.4: Неподконтрольность российских олигархов

В целом сверхбогатые люди в России, вероятно, не хотят институционализированной системы контроля (конкурентные и честные выборы, а также независимость законодательной и судебной власти). Однако среди них существует спрос на фактическую подконтрольность элит. С точки зрения олигархов, теоретически этого можно достичь несколькими путями, в том числе 1) относительно беспристрастным арбитражем <...>; 2) уполномоченным и контролируемым олигархами парламентом <...>; 3) авторитарной властью в сингапурском стиле, гарантирующей права собственности без конкурентной политики; или 4) с помощью влиятельных ассоциаций крупных предприятий, которые могут контролировать государство <...>. Спрос на такую фактическую подконтрольность элит, в какой бы то ни было форме, неуклонно растет. Условный статус олигархической собственности в России — давно признанный факт. Как гласит местная шутка: «в России нет миллиардеров — есть только люди, работающие миллиардерами». <...> Внимательный наблюдатель может заметить, что состав группы друзей Путина довольно изменчив. <...> Где гарантии, что Путин не исключит из этого списка и некоторых из них? Поток процессов в коммерческих судах западных юрисдикций со стороны российских бизнес-элит свидетельствует о том, что Путин в глазах олигархов не справляется

> с ролью арбитра или авторитарного правоприменителя. [Многие] судебные процессы, решения по которым выносятся за рубежом, ведутся между российскими заявителями. Иначе говоря, даже олигархи, которым комфортно живется в путинской России, не удовлетворены качеством урегулирования споров в своей стране[1].

Среди возможных решений это проблемы **выход** представляется достойным вариантом. На основании статьи Маркуса[2] можно выделить несколько типов стратегий выхода по двум параметрам: (1) туда, где размещены приносящие прибыль активы, и (2) туда, где находится человек и его семья. Эти стратегии можно описать следующим образом:

- **стратегия личной безопасности**, когда олигарх получает вид на жительство для себя и своей семьи за рубежом, а приносящие прибыль активы хранит в стране их происхождения (под управлением верховного патрона);
- **стратегия личной и финансовой безопасности,** когда олигарх получает вид на жительство для себя и своей семьи за рубежом и перемещает все приносящие прибыль активы и наличный оборот за рубеж (в офшоры);
- **стратегия отъезда**, когда олигарх (со своей семьей) уезжает за рубеж и перемещает туда приносящие прибыль физические активы, отдаляясь на безопасную дистанцию от власти верховного патрона.

Если речь идет об обычных людях, выход — это стратегия, которая помогает консолидации режима, поскольку предполагает добровольное самоустранение наиболее упорных, антирежимных элементов [► 6.2.2.1]. Однако если говорить об олигархах, то, хотя возможность отъезда «может снизить их потребность в переменах», «утечка капитала или ее скрытая

[1] *Markus S.* The Atlas That Has Not Shrugged: Why Russia's Oligarchs Are an Unlikely Force for Change // Dædalus — Journal of the American Academy of Arts & Sciences. 2017. Vol. 146. № 2. P. 103–104.

[2] Ibid. P. 102–106.

угроза оказывают давление на систему, потенциально лишая экономику инвестиций, рабочих мест и налоговых поступлений. Иными словами, опция выхода снижает явный спрос олигархов на более выгодные условия со стороны государства и одновременно увеличивает количество их неявных рычагов влияния для улучшения этих условий»[1]. Верховный патрон может отреагировать на эту ситуацию двумя способами: попытаться ограничить бегство капитала (а) формальными средствами, как это произошло в путинской России, где для противодействия этому были созданы специальные законы[2], или (б) неформальными средствами, такими как шантаж или вымогательство посредством отсроченного наказания [► 6.5]. Действительно, если олигарх хочет уехать, он с большей вероятностью пойдет на сделку с верховным патроном, который позволит ему оставить себе достаточное для комфортной жизни количество накоплений в обмен на передачу приемной политической семье большинства из его приносящих прибыль активов.

Наконец, олигарх может выбрать вариант **голоса**. Как пишет Маркус, в России «даже если бизнес-элиты выражают свое несогласие с системой, они могут на уровне фирм оказывать давление на государство, требуя от него фактической подотчетности, через альянсы акционеров с рабочими, общественностью или иностранными инвесторами. Такие альянсы служат в качестве псевдоинститутов, которые позволяют владельцам бизнеса защищать конкретные фирмы и не заботиться о необходимости верховенства закона на уровне страны»[3]. Отсюда вытекает главное различие между либеральной демократией и патрональной автократией. **В либеральных демократиях голос предпринимателя направлен**

1 Ibid. P. 106. Ср.: *Yakovlev A.* The Evolution of Business. P. 1048–1050.

2 *Markus S.* The Atlas That Has Not Shrugged. P. 106–107.

3 Ibid. P. 103.

на то, чтобы быть услышанным двумя типами акторов: как правило, это (a) **люди**, если предприниматель дискредитирует государство через прессу, стремясь настроить против него общественное мнение (и тем самым нанести ущерб его народной поддержке), или (b) **суд**, если предприниматель подает иск против правительства, стремясь получить правовую защиту в соответствии с нормативным верховенством права. **В патрональных автократиях, однако, обе эти опции недоступны**, поскольку таким режимам свойственна так называемая контролируемая сфера коммуникации [▸ 4.3.1.2], а судебная власть либо зависима, либо неэффективна [▸ 4.3.5.2]. Следовательно, у олигархов нет других вариантов, кроме как защищать свои интересы на более локальном уровне. Неудивительно, что верность и выход являются наиболее популярными опциями среди российских олигархов[1].

3.4.2. Лоббист — брокер-коррупционер — толкач

Среди множества специализированных ролей, которые играют экономические акторы, есть одна профессия, которая наиболее ярко демонстрирует различия между тремя полярными типами режимов. Ее суть заключается в **посредничестве между политической и экономической сферами**[2]. Даже если сферы социального действия разделены, это не значит, что они изолированы друг от друга. Они сосуществуют внутри одного общества и вынуждены коммуницировать для обеспечения совместной работы в целом. Кроме того, если связи

[1] *Markus S.* The Atlas That Has Not Shrugged. P. 105–110.

[2] Несомненно, можно также найти примеры посредников, являющихся общинными акторами, которых часто называют так же, как и их экономических коллег. Мы решили сосредоточиться на экономических акторах, так как они демонстрируют наиболее выраженные и, как мы увидим в Главе 5, наиболее важные типичные различия в режимах полярного типа.

между акторами из разных сфер предполагают не только коммуникацию, но и передачу ценных ресурсов, посредников можно назвать брокерами, то есть промежуточным звеном в процессе обмена между акторами[1]. При этом «брокер» является общим термином, можно выделить несколько типов брокеров, исходя из уровня разделения сфер в режимах полярного типа.

В либеральных демократиях посредник между экономическими и политическими акторами называется лоббистом.

• ***Лоббист*** *— это актор, который устанавливает связи между частными (предпринимателями) и публичными (политиками) акторами легальным, регламентированным и прозрачным способом. Задачи, которые входят в его законные полномочия, заключаются в том, чтобы (1) представлять интересы индивидуальных экономических акторов в их взаимодействии с политическими акторами, (2) передавать информацию, которая облегчает согласование интересов, и (3) выступать в качестве брокера в законном процессе обмена ценными ресурсами между экономическими и политическими акторами.*

Лоббистов, как правило, нанимают группы, объединенные общими интересами, чтобы те действовали от лица социальных акторов, например главных предпринимателей [▸ 4.3.2.3, 5.4.2.3]. Ученые обратили внимание на феномен «вращающихся дверей», то есть на переход с государственной службы в лоббистские организации, где бывшие политические акторы используют свои политические связи для того, чтобы представлять интересы крупного бизнеса[2]. Однако тот факт, что политики могут действовать в экономической сфере только

1 *Gould R., Fernandez R.* Structures of Mediation: A Formal Approach to Brokerage in Transaction Networks // Sociological Methodology. 1989. № 19. P. 89–126; *Stovel K., Shaw Le.* Brokerage // Annual Review of Sociology. 2012. Vol. 38. № 1. P. 139–158.

2 *Blanes i Vidal J., Draca M., Fons-Rosen C.* Revolving Door Lobbyists // American Economic Review. 2012. Vol. 102. № 7. P. 3731–3748.

после того, как покинули политическую, означает, что сферы социального действия остаются разделенными. Таким образом, речь идет о регламентированном сотрудничестве между экономической и политической сферами через лоббистов, а не о смешении сфер, где действующие политические акторы также становятся экономическими [▸ 5.3].

В патрональных автократиях экономическая и политическая сферы формально отделены друг от друга, но неформально связаны. Таким образом, посредники / брокеры выходят за пределы законных и прозрачных каналов для того, чтобы (a) связать участников коррупционных сделок и (b) легитимировать нелегитимные коммерческие сделки, выступая в качестве судебных экспертов. Такие акторы называются **брокерами-коррупционерами**:

• ***Брокер-коррупционер*** *— это актор, который налаживает незаконные и непрозрачные каналы связи между частными и публичными акторами. Его задачи, которые не входят в его законные полномочия, заключаются в том, чтобы (1) представлять интересы индивидуальных частных акторов в их взаимодействии с публичными акторами, (2) передавать информацию, которая облегчает согласование интересов, (3) выступать в качестве брокера в незаконном процессе обмена ценными ресурсами между экономическими и политическими акторами и (4) гарантировать безопасность сделки, а также защиту от (законных) проверок.*

Брокеры-коррупционеры появляются в различных ипостасях в разных типах политического капитализма, то есть во всех случаях, когда сделка совершается вне законных и регламентированных каналов [▸ 5.3.3.2]. В патрональных автократиях существуют два типа брокеров-коррупционеров. Первый тип — это **учрежденческий куратор**, то есть брокер-коррупционер в государственной администрации, которую используют для обеспечения бюрократического прикрытия и защиты нелегитимных сделок. Учрежденческими кураторами

выступают, как правило, руководители органов правопорядка, члены тендерных комитетов, судьи и т. п. Второй тип — это так называемые **проектировщики коррупции**, которые являются не отдельными индивидами, а фирмами, вовлеченными в процесс передачи государственных средств в частные руки. Чаще всего это юридические фирмы, компании, специализирующиеся на тендерных заявках, компании, управляющие проектами и т. п.[1]

Учрежденческие кураторы и проектировщики коррупции присутствуют и в других режимах. Однако в патрональных автократиях, которым свойственны централизованные и монополизированные формы коррупции (как упоминалось в Главе 1), эти акторы имеют несколько характерных черт. Во-первых, в идеальном типичном случае все механизмы контроля парализованы, поскольку их ключевые фигуры превращены в учрежденческих кураторов, которые подчиняются главному патрону. Во-вторых, различные фирмы-проектировщики коррупции работают не на отдельных коррумпированных частных акторов, а совместно с ними, формируя единый механизм с разделением труда, который является частью коррумпированной сети приемной политической семьи. В-третьих, после (неформальной) институционализации большой коррупции происходит специализация отдельных фаз коррупционного процесса, и за каждый шаг коррупционной сделки отвечает специализированная фирма-проектировщик коррупции. Наконец, **как у олигархов, так и у полигархов могут быть свои собственные брокеры-коррупционеры**, но обычно именно верховный патрон (как правило, полигарх) распоряжается учрежденческими кураторами, тогда как олигархи находятся в более тесной связи с разработчиками коррупции.

1 *Jancsics D.* From Local Cliques to Mafia State: The Evolution of Network Corruption // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 129–147.

В коммунистических диктатурах эквивалентом лоббиста частного предприятия является толкач (снабженец) государственного[1].

• ***Толкач*** *— это актор, который налаживает связи между функционерами, ответственными за экономические единицы (руководители государственных предприятий), и функционерами, ответственными за бюрократическую координацию (центральные планировщики и партийные функционеры высокого уровня), нерегламентированными и непрозрачными способами. Его задачи, которые не входят в его законные полномочия, заключаются в том, чтобы (1) представлять интересы компаний в их взаимодействии с должностными лицами и (2) проводить плановые сделки, то есть пытаться скорректировать план по срокам либо ускорить поставки продукции в фирму через агрессивное вмешательство или коррупцию.*

Главное отличие между толкачом и двумя другими типами посредников или брокеров заключается в том, что **толкач работает не для обеспечения личной выгоды своего нанимателя**, а для того, чтобы преодолеть сдерживающие факторы плановой экономики и сохранить производство. Корнаи называет деятельность толкача «остаточными формами рыночных отношений». «[Если] фирме не хватает средств производства (материалов, полуфабрикатов, комплектующих), она стремится получить их, подкупив представителя фирмы-поставщика какими-то услугами, подарками или даже деньгами. Все это в искаженной форме заменяет то, что при рыночных отношениях решалось бы предложением более высокой цены; отличие состоит в том, что доплату вместо собственника фирмы-поставщика получают участвующие в сделке чиновники»[2].

1 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 128; *Ledeneva A.* Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 25–27.

2 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 128.

Кроме того, хотя ни толкач, ни брокер-коррупционер по закону не уполномочены действовать от имени своего нанимателя, толкач прямо не нарушает закон. Скорее он просто обходит нормативно-правовой контекст (то есть его действия «не регламентированы»). **Брокер-коррупционер обходит законные способы продвижения интересов, тогда как толкач просто обходит официальные (номенклатурные) каналы.** Таким образом, толкачу не приходится проходить через все ступени бюрократического управления и оказывать давление на функционера, стоящего непосредственно над его начальником, а затем шаг за шагом двигаться вверх по этой номенклатурной лестнице. Он может сразу же отправиться к самому высокому должностному лицу, к которому у него есть доступ. И в то время как толкач, которого нанимают для общения с людьми на более высоких должностях, всегда действует снизу вверх, брокер-коррупционер может действовать также сверху вниз, когда его нанимает полигарх для связи со своими клиентами.

3.4.3. Экономическое подставное лицо (подставная компания)

Напомним, что в патрональных автократиях само появление политических подставных лиц указывает на то, что трансформация общественного блага в личную выгоду становится уже не частным случаем, а системным процессом. Однако существуют также и экономические подставные лица, которых в Венгрии также называют *stróman* (от нем. *Strohmann* — марионетка)[1]. Играя роль заместителя полигарха, такой актор может даже представляться владельцем богатств или экономических единиц патрона.

[1] В более ранних работах вместо понятия «подставное лицо» мы использовали понятие «марионетка», но в итоге остановились на первом варианте для большей ясности.

• ***Экономическое подставное лицо*** *— это актор, который обладает формальной экономической властью, но не может пользоваться ею по своему усмотрению. Другими словами, он действует в сфере экономического действия, но является клиентом патрональной сети и подчиняется воле патрона (прежде всего верховного патрона), который распоряжается формальными правами подставного лица.*

Ни либеральные демократии, ни коммунистические диктатуры не нуждаются в подставных лицах, поскольку в этих режимах каждый является тем, кто он есть, по закону либо по принуждению. Другими словами, в этих режимах характер власти и ее легитимность совпадают, что было свойственно и различным историческим предшественникам патрональных систем. В конце концов, феодальный землевладелец не зависел от признания своих вассалов и, конечно же, мог публично демонстрировать, что владеет своими вещами и имуществом. В коммунистических режимах должностные лица представляли из себя именно то, что предполагала их официальная формальная должность. Ни либеральная демократия, ни коммунистическая диктатура не нуждаются в подставных лицах, чтобы преодолеть разрыв между формальной должностью и фактическими компетенциями акторов. Однако в патрональных автократиях, где формальная институциональная структура используется приемной политической семьей в качестве фасада, подставные лица требуются как в экономической, так и в политической сферах [► 3.3.3].

Компании, которые формально возглавляют экономические подставные лица, можно сами называть «экономическими подставными лицами» (только юридическими) либо использовать для их обозначения расхожее выражение «подставная компания»[1].

[1] В России подставные компании («левые фирмы») называют еще «пустышками» или «мартышками»: *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 148.

• ***Подставная компания*** *— это экономическая единица, номинальный владелец которой обеспечивает анонимность фактического владельца и предоставляет ему полный контроль над самой компанией и ее ресурсами.*

В этом более широком смысле подставные компании могут возглавлять как предприниматели, так и экономические подставные лица. Это может происходить по разным причинам — начиная от отмывания денег и уклонения от уплаты налогов и заканчивая сокрытием реального богатства и экономической мощи политического актора (как в патрональных автократиях)[1]. Коррумпированные подставные компании не часто удостаиваются внимания ученых, но исследователь коррупции Давид Янчич заполняет этот пробел, предлагая типологию подставных компаний в посткоммунистической Венгрии[2]. Опираясь на его терминологию, их можно разделить на два подтипа: **действующие подставные компании** и **компании-пустышки**. В патрональных автократиях оба подтипа создаются в интересах верховного патрона или одного из его субпатронов, а затем используются для получения денежных средств, которые неофициально и незаконно направляются в подставную компанию. Как пишет Янчич, «государство распределяет ценные ресурсы, лицензии, концессии либо другие монопольные позиции на рынке в пользу таких подставных компаний, которые фактически гарантируют прибыль»[3]. Однако если действующие подставные компании функционируют как нормальные экономические единицы (компании) с той лишь разницей, что их неформальным владельцем и кормильцем является патрон, компании-пустышки вообще не ведут никакой экономической деятельности. Они

[1] *Cooley A., Heathershaw J., Sharman J. C.* Laundering Cash, Whitewashing Reputations // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. № 1. P. 39–53.

[2] *Jancsics D.* Offshoring at Home? Domestic Use of Shell Companies for Corruption // Public Integrity. 2017. Vol. 19. № 1. P. 4–21.

[3] Ibid. P. 12.

создаются из чисто технических соображений, так как всегда требуется некое юридическое лицо для «узаконенного» освоения государственных средств, получаемых, например, от выигранных госконтрактов[1]. Подставные компании, управляемые экономическими подставными лицами, молниеносно проходят стадию наращивания объемов и становятся «национальными лидерами», несмотря на то, что были созданы непосредственно перед объявлением самого первого государственного тендера, который они легко выиграли, или даже после его объявления. Они способны выигрывать колоссальные госконтракты без соответствующих рекомендаций или базового капитала, а также при необходимости получать кредиты на довольно выгодных условиях, не имея при этом капитала на покрытие рисков.

Экономических подставных лиц в посткоммунистических режимах на основании данных журналистских расследований можно разделить на три **подтипа**[2]:

• ***Рядовое подставное лицо*** *— это экономическое подставное лицо, у которого нет большого состояния или финансовых профессиональных компетенций и которое может предложить патрону только свою личность (имя и т. п.). Его основная функция заключается в том, что он формально управляет компаниями-пустышками («фантомизация»), следовательно, на его счетах могут быть огромные суммы, но только в течение ограниченных промежутков времени. В идеальном варианте никакой другой роли в приемной политической семье у него нет.*

• ***Подставное лицо среднего уровня*** *— это экономическое подставное лицо, которое обладает некоторым состоянием,*

1 Янчич использует другое определение. См.: *Jancsics D.* Offshoring at Home? P. 14–16.

2 *Brückner G.* A strómanlét elviselhető könnyűsége [Выносимая легкость марионеточного бытия] // Index.hu. 27.11.2018. URL: https://index.hu/gazdasag/2018/11/27/a_stromanlet_elviselheto_konnyusege_-_viszont_csalas_hazugsag_es_nagy_riziko/.

а также финансовыми и/или профессиональными компетенциями, которые оно предлагает патрону наряду со своей идентичностью (именем и т. п.). Его основная функция заключается в накоплении богатства для своего патрона, следовательно, на его счетах могут быть огромные суммы и его услугами пользуются в течение длительного периода времени. Подставное лицо среднего уровня может быть также брокером-коррупционером или олигархом.

• ***Элитное подставное лицо*** *— это экономическое подставное лицо, которое обладает значительным состоянием, а также финансовыми и/или профессиональными компетенциями, которые оно предлагает патрону наряду со своей идентичностью (именем и т. п.). Его основные функции заключаются в (1) накоплении богатства и (2) управлении действующими подставными компаниями от имени патрона, а его услугами пользуются в течение длительного периода времени. Элитное подставное лицо почти всегда является олигархом.*

В связи с вышеприведенными определениями следует особо отметить два аспекта. Первый аспект — это **гарантии**, то есть проблема соблюдения неформальных контрактов между подставным лицом и его патроном[1]. С рядовыми подставными лицами, как правило, проблем не возникает. Иногда они даже не знают, что их персональные данные используются таким образом, поскольку патрон присваивает их без оповещения подставного лица[2]. Что касается подставного лица среднего уровня и элитного подставного лица, то в их случае есть существенный риск, поскольку

[1] Ср.: *Lambsdorff, Johann Graf.* The Institutional Economics of Corruption and Reform: Theory, Evidence and Policy. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007.

[2] Подробное описание такой практики (на примере рядового подставного лица Белы Оргован) см.: *Balogh E.* The Quaestor Scandal // Hungarian Spectrum (blog). 24.03.2015. URL: http://hungarianspectrum.org/2015/03/24/the-quaestor-scandal/.

они формально владеют состоянием своего патрона и теоретически могут отказать ему в доступе к его средствам, воспользовавшись правовыми инструментами. Патроны могут уберечь себя от такой ситуации, используя либо более рискованное устное соглашение и институт репутации, либо менее рискованный, но более сложный правовой договор, ограничивающий возможности подставного лица[1]. Однако наиболее эффективным решением является политически выборочное правоприменение; оно предполагает, что уголовное преследование подставных лиц начинается тогда и только тогда, когда они предают своего патрона. Но такой вариант доступен только тем акторам, которые имеют власть над правоохранительными органами.

Последнее замечание приводит нас ко второму аспекту, а конкретнее — к вопросу о том, **кто может пользоваться услугами подставных лиц и каких именно**. В целом и олигархи, и полигархи могут иметь экономические подставные лица, которые будут представлять их в экономической сфере. Это могут быть «друзья семьи», маловажные бизнесмены или даже олигархи, которые подчиняются либо более влиятельному олигарху, либо полигарху. Так, **верховный патрон** однопирамидальной патрональной сети **делает всех олигархов своими клиентами, и таким образом они все становятся его элитными подставными лицами**. Однако они не полностью лишены автономии и их можно классифицировать по принципу вероятности получения ими роли подставного лица (например, поддерживаемые патроном олигархи с большей вероятностью станут подставными лицами, чем приемные олигархи или олигархи ближнего круга, поскольку два последних типа не так зависимы от патрона, как первый). Верховный патрон как отец семейства может распоряжаться их собственностью по своему усмотрению,

1 *Brückner G.* A strómanlét elviselhető könnyűsége.

а значит, они не являются владельцами частной собственности в западном смысле [▸ 5.5.3.4–5]. Пока верховный патрон может в любой момент задействовать правоприменение против нелояльных подставных лиц (олигархов и т. п.), олигархи нуждаются в дополнительных гарантиях, поскольку, даже будучи олигархами ближнего круга, не могут быть уверены, что верховный патрон поможет им в разрешении их споров.

3.5. ОБЩИННЫЕ АКТОРЫ В ТРЕХ РЕЖИМАХ ПОЛЯРНОГО ТИПА

В этой части мы подробнее раскрываем концептуальное пространство, определяя по три соответствующих идеальных типа для **акторов общинной сферы** в трех режимах полярного типа. Акторы были выбраны исходя из (1) их важности для функционирования каждого типа режима и (2) отчетливости различия между их идеальными типами в трех режимах полярного типа. Другими словами, хотя некоторые принадлежащие к общинной сфере акторы (такие как художники) могут иметь важное значение в одном или двух типах режимов, мы решили не включать их в нашу классификацию, если их роли в различных типах режимов по существу одинаковы, то есть если в идеальных типах режимов их нельзя различить.

Поскольку сферы социального действия полностью отделены друг от друга только в либеральной демократии идеального типа, естественно, что некоторые из приведенных ниже акторов (принадлежащих к патрональной автократии или коммунистической диктатуре) также являются частью политической и экономической сфер. Но поскольку нам хотелось представить максимально структурированное описание акторов, мы решили разделить их таким же образом, как это принято в литературе. Такой подход также позволит нам нагляднее продемонстрировать, почему названия — а по сути, формальные должности — акторов, используемые в рамках языка либеральной демократии и традиционной экономики для описания интересующих нас индивидов, на самом деле не отражают смысл их деятельности в контексте патрональных режимов, где преобладают неформальные институты.

3.5.1. Гражданин — слуга (клиент) — объект

В общинной сфере наиболее существенными акторами являются **люди**, живущие под властью определенного государства. В целом людей **в либеральных демократиях** можно назвать гражданами.

• ***Гражданин** — это актор, живущий под властью конституционного государства, которое создает законы, регулирующие его действия. У него есть базовые права и свободы, и он может пользоваться ими, не опасаясь прямого вмешательства (репрессий) со стороны правящей элиты.*

В нашем понимании, слово «гражданин» соответствует французскому понятию *citoyen* и английскому *freeman*, которые обозначают людей, пользующихся гражданскими и политическими свободами[1]. Под «базовыми правами и свободами» мы подразумеваем следующие: право голосовать и занимать государственные должности, свободу слова и собраний, свободу вероисповедания и свободу мысли, право на личную неприкосновенность, а также право владеть частной собственностью[2]. Государство вмешивается в осуществление этих свобод только в случае конфликтов, то есть когда осуществление прав одного гражданина нарушает права другого. Во всех других случаях государство сохраняет нейтралитет и обеспечивает равенство всех членов общества перед законом[3].

В патрональных автократиях людей в основном можно охарактеризовать как слуг.

• ***Слуга** — это актор, живущий под властью мафиозного государства, которое создает законы, регулирующие его действия.*

[1] Freeman // Merriam-Webster.com. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/freeman.

[2] *Rawls J.* A Theory of Justice. Cambridge: Harvard University Press, 1999. P. 53. Ср.: Universal Declaration of Human Rights. Paris: United Nations, 1948. URL: http://www.un.org/en/ universal-declaration-human-rights/.

[3] Ср.: *Kis J.* State Neutrality // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 318–335.

Он формально обладает базовыми правами и свободами, но не может ими пользоваться, не опасаясь прямого вмешательства (репрессий) со стороны правящей элиты.

Слугу также можно назвать **клиентом**, поскольку это понятие отражает то, что все люди в патрональных автократиях идеального типа в конечном счете подчиняются верховному патрону однопирамидальной патрональной сети. Номинально слуге предоставляются все те же права, которые есть у гражданина. В реальности их осуществлению препятствует приемная политическая семья, которая использует для этого широкий спектр средств: от политически выборочного правоприменения до экзистенциальных угроз. Однако следует заметить, что **мафиозное государство не следует догмам**: оно отказывается от присущего либеральным демократиям нормативного правоприменения в пользу дискреционного «правосудия», которое вершит патрон, и в случае репрессий против отдельных личностей принимает решения в индивидуальном порядке. В предыдущей части мы коснулись вопроса о положении слуг, когда рассматривали нейтрализацию политической оппозиции в патрональных автократиях. Приемная политическая семья **интересуется только эффективной оппозицией, то есть той, которая может угрожать ее власти**. Если люди пользуются своими базовыми правами, не представляя угрозу для режима, их не трогают[1].

В коммунистических диктатурах люди для номенклатуры являются не более, чем объектами.

• ***Объект*** *— это актор, живущий под властью партии-государства, которая создает законы, регулирующие его действия. У него нет базовых прав и свобод, и если он пытается осуществлять какие-либо из них, то подвергается преследованиям со стороны правящей элиты (через государственный аппарат).*

[1] Мы вернемся к статусу свободы слова (СМИ) в Главе 4.

3.5.2. НПО — ГОНГО — ОПР (организация — «приводной ремень»)

Основными коллективными акторами общинной сферы являются различные **некоммерческие организации**, которые работают с людьми и помогают им в достижении разных социальных целей. Слово «некоммерческий» в данном случае, конечно, не означает «отсутствие прибыли», или что доходы таких организаций никогда не превысят их расходы, или что эти организации должны быть убыточными. В определенном смысле это также экономические или коммерческие структуры, которые не могли бы вести свою деятельность, если бы постоянно тратили больше, чем могут себе позволить[1]. «Некоммерческий» означает, что прибыль не является основной мотивацией организации. В случае убытков ее владельцы не будут ее ликвидировать или пытаться «переориентировать ее» или ее «продукты», как сделал бы рыночный предприниматель, если бы его предложение не соответствовало спросу. Некоммерческая организация, как правило, является «единственной в своем роде», то есть она занимается одной проблемой или представляет одну точку зрения на определенную проблему, и не будет меняться, даже если ей придется терпеть убытки. Она скорее будет упорно продолжать выполнять свою миссию и пытаться найти деньги у альтернативных источников (от ссуд до пожертвований и различных форм взаимного субсидирования), чем откажется от достижения своих коллективных целей.

В либеральных демократиях такими организациями являются НПО[2]:

[1] Эту мысль высказал Дёрдь Иванди, который также написал рецензию на нашу книгу в венгерском еженедельнике. См.: *Iványi G.* Keresem a szót: Magyar Bálint és Madlovics Bálint rendszeranatómiájáról [В поисках слов: о типологии режимов Балинта Мадьяра и Балинта Мадловича] // Élet és Irodalom. 2021. Vol. 65. № 2. URL: https://www.es.hu/cikk/2021-01-15/ivanyi-gyorgy/keresem-a-szot.html.

[2] Пример метаанализа см.: *Haque M. S.* Non-Governmental Organizations // The SAGE Handbook of Governance. SAGE, 2010. P. 330–341. Некоторые

• ***НПО*** *(неправительственная организация) — это действующая в общинной сфере организованная группа акторов, которая де-юре и де-факто функционирует независимо от государства. Эта организация создается по принципу низовой инициативы, то есть (1) ее может основать любой гражданин или группа граждан, и (2) в ее цели входит продвижение интересов граждан, а не правящей элиты.*

В патрональных автократиях соответствующая организация называется ГОНГО.

• ***ГОНГО*** *(НПО, организованные государством, или «Государством Организованные НеГосударственные Организации», как в оригинальной английской аббревиатуре „GONGO“) — это действующая в общинной сфере организованная группа акторов, которая де-юре функционирует независимо от государства, но де-факто зависит от него. Эта организация создается по принципу сверху вниз, то есть (1) ее может основать уполномоченный на это член правящей элиты, и (2) в ее цели входит продвижение интересов правящей элиты, а не людей (слуг).*

Понятие ГОНГО отражает противоречивость феномена, поскольку такие организации формально позиционируют себя как НПО, тогда как в реальности являются государственными в том смысле, что они были основаны правящей элитой и существуют благодаря ее (неформальной) поддержке, обслуживая существующую власть[1]. Поскольку мафиозные государства прагматичны, они запрещают только те оппозиционные группы и НПО, которые представляют угрозу для власти и/или для идеологии, которой пользуется правящая элита, оставляя при этом остальных оппозиционных акторов

реально существующие НПО являются коммерческими организациями. Однако если речь идет об идеальных типах, можно сказать, что, как правило, они некоммерческие.

[1] *Naím M.* Missing Links: What Is a GONGO? // Foreign Policy. 2009. № 160. P. 95–96.

в покое. Однако те НПО, которые такую угрозу представляют, особенно антикоррупционные организации, в представлении власти подлежат нейтрализации [▸ 4.4.3.2], при этом ГОНГО с точки зрения регулирования и финансирования имеют привилегированный статус.

В коммунистических диктатурах основными коллективными акторами общинной сферы являются организации — «приводные ремни», которые можно обозначить аббревиатурой ОПР.

• ***ОПР*** *(организация — «приводной ремень») — это действующая в общинной сфере организованная группа акторов, которая де-юре и де-факто зависит от государства. Эта организация создается по принципу сверху вниз, то есть (1) ее может основать уполномоченный на это член правящей элиты, и (2) в ее цели входит продвижение интересов правящей элиты, а не людей-объектов.*

Мы используем понятие «приводной ремень» как синоним выражения «передаточный механизм», которое Ленин использовал для описания роли профсоюза по отношению к компартии[1]. Действительно, все подобные организации, включая профсоюзы, известные подставные организации, коммунистические молодежные организации, культурные ассоциации, женские организации и так далее, были ОПР, которые основала партия-государство для трансляции объектам диктатуры своей воли в целом и предлагаемого общинного образа жизни в частности. Главы ОПР назначаются (с разрешения) партийного руководства и, как правило, являются членами номенклатуры.

Напомним, что в Части 3.3.8 мы использовали термин «приводной ремень» по отношению к правящей партии в патрональных автократиях. Таким образом, **в патрональных**

[1] *Ленин В.* Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1974. Т. 44. С. 349. В английском переводе статьи Ленина выражение «передаточный механизм» фигурирует как *transmission belt* («приводной ремень»), и авторы используют именно его (*прим. пер.*).

автократиях у приемной политической семьи есть различные приводные ремни в общинной сфере. Некоторые из этих организаций, такие как партия — «приводной ремень», не соответствуют по своим функциям и природе ни одной из приведенных выше аббревиатур, поскольку принадлежат другим сферам социального действия. Тем не менее существуют различные государственные организации (культурные, научные, спортивные и т. п.), которые подпадают под определение ОПР. Формально эти организации автономны, но неформально они подчиняются приемной политической семье. Такие организации могут иметь **три основные функции**, которые в разных обстоятельствах имеют различные акценты: (1) они являются **коррумпированными платежными учреждениями**, через которые приемная политическая семья может перенаправлять государственные средства в частные руки и предоставлять своим бенефициарам синекуры; (2) они выполняют **функцию подбора кадров**, то есть являются формальными организациями, где желающие быть принятыми в политическую семью могут присоединиться к ней; и (3) они являются **бастионами символической политики**, то есть организациями, которые предоставляют режиму идеологическую легитимацию и публично его поддерживают, а также транслируют (обычно консервативные) культурные нормы и образ жизни патриархальной семьи[1].

3.5.3. Независимая церковь — клиентарная церковь — репрессированная церковь

3.5.3.1. Основные определения

Наконец, среди коллективных акторов, играющих особую роль в общинной сфере (а в посткоммунистическом регионе эта роль была исторически важной), можно назвать **церкви**.

[1] *Bozóki A.* Nationalism and Hegemony: Symbolic Politics and Colonization of Culture // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 459–490. Мы вернемся к роли идеологии в Главе 6 [▸ 6.4].

Мы сужаем обычное определение этого понятия до **институтов, которые представляют верующих**, хотя обычно «церковь» используется для обозначения как института, так и самих верующих. Кроме того, на этом этапе мы не различаем церкви по их принадлежности к разным религиям, но скорее фокусируемся на типичных различиях статуса церкви в трех режимах полярного типа.

В либеральных демократиях церкви независимы.

• ***Независимая церковь*** *— это религиозная организация, функционирование которой (общение с паствой, внутренние правила, обряды и т. п.) не зависит от государства. Она признается государством на нормативной основе, а ее основной функцией является оказание религиозных услуг верующим.* ***Государство*** *по отношению к независимой церкви может быть названо* ***секулярным****, поскольку оно стремится обеспечить нейтральную основу для сосуществования религий.*

Независимость церквей проистекает из **разделения** сфер социального действия в целом и отделения церкви от государства в частности[1]. Конечно, независимые церкви в идеальных типичных обстоятельствах обеспечивают себя за счет государственных субсидий или освобождаются (частично) от уплаты налогов. Однако эти привилегии предоставляются им на нормативной основе, если церкви отвечают четким, заранее установленным критериям, необходимым для того, чтобы религиозная группа (конфессия) была признана государством. Напротив, **в патрональных автократиях**, где происходит **смешение** церкви и государства, вопрос о финансировании, а также официальном признании конфессий решается дискреционным образом, что подразумевает необходимость ведения переговоров с верховным патроном и выказывания ему лояльности. Следовательно, церкви занимают позицию клиента.

[1] Пример метаанализа см.: *Dreisbach D.* The Meaning of the Separation of Church and State: Competing Views // The Oxford Handbook of Church and State in the United States. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 207–225.

• ***Клиентарная церковь*** *— это религиозная организация, функционирование которой (общение с паствой, внутренние правила, обряды и т. п.) зависит от государства. Она признается государством на дискреционной основе, а ее основной функцией является агитация за правящую элиту и идеологическое (религиозное) оправдание ее действий.* ***Государство*** *по отношению к клиентарной церкви может быть названо* ***ханжеским,*** *поскольку оно использует религию в качестве политического инструмента.*

Основания для выбора религиозной принадлежности приемной политической семьи настолько же прагматичны, как и для ее приверженности какой-либо идеологии [▸ 6.4.3]. Во-первых, религия нужна прежде всего для того, чтобы перевести легитимацию власти из подконтрольной демократической сферы в неподконтрольную автократическую и идеологизировать действия верховного патрона как руководимые провидением. Во-вторых, религия предоставляет нефальсифицируемый лингвистический инструментарий для ритуализации государственной политики. Наконец, религия отвечает за то, что власть приемной политической семьи добирается до самых далеких регионов и социальных групп, входящих в общинную сферу. Одним словом, связь между церковью и мафиозным государством носит деловой, секулярный характер[1].

Наконец, в контексте **коммунистических диктатур** речь идет о репрессированной церкви.

• ***Репрессированная церковь*** *— это религиозная организация, которая либо запрещена государством, либо ее деятельность (общение с паствой, внутренние правила, обряды и т. п.) затруднена. Она не признается государством, поэтому лишена открытых (законных) общественных функций.* ***Государство*** *по отношению к репрессированной церкви может быть*

1 *Gábor G.* The Land of an Appropriated God: Sacred Political Symbols and Symbolic Political Sacrality // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 421–458.

*названо **антирелигиозным**, поскольку оно преследует религиозные группы и церкви.*

Коммунизм не признает за церковью выполнение какой-либо полезной общественной функции. Напротив, религия противопоставляется «научному марксизму», который, с точки зрения коммунистической пропаганды, предлагает «рациональность» вместо «суеверий», «полный контроль над судьбой» вместо «подчинения божественной воле» и «богатство и процветание» вместо бедности, которая стала следствием «долгих лет чтения молитв в прошлом»[1]. Исходя из этого партия-государство разрушает культовые здания, конфискует имущество церкви и лишает ее законного статуса[2]. Церкви, которые запрещены не полностью, подчиняются номенклатуре, назначающей местных глав (так же, как руководство ОПР), которые также могут являться секретными агентами службы безопасности партии.

3.5.3.2. Региональные особенности церковно-государственных взаимоотношений в посткоммунистическом регионе

Как отмечалось в Главе 1, церковь была определяющим элементом исторических регионов советской империи. Особенно важную роль она играла в исламском регионе, где до начала коммунистического правления была тождественна государству. В коммунистическую эпоху церкви (как и полагается коммунистической диктатуре идеального типа) были вытеснены из процесса слияния сфер социального действия, который продолжился при коммунизме, но уже под эгидой бюрократии. После распада Советского Союза на территории постсоветской Центральной Азии **в общинной сфере**

1 *Dragadze T.* The Domestication of Religion under Soviet Communism // Socialism: Ideals, Ideologies, and Local Practice. New York: Routledge, 2003. P. 145.

2 Ibid.

началось возрождение ислама, в то время как в политической сфере местные патрональные автократии после многочисленных конфликтов с исламскими экстремистами **расправлялись с религиозными движениями, добивавшимися политической власти**[1].

В православном историческом регионе существовала традиция симбиоза церкви и государства, при котором глава светской власти контролировал главу религиозной[2]. Если мы посмотрим на пример **России**, то там после смены режима религия переживала возрождение, и к 2010 году по всей стране появилось более ста православных братств[3]. Тем не менее, вопреки расхожему мнению, **церковь была не системообразующим институтом, а скорее, идеологической накидкой,** наброшенной на российскую **политическую систему**. Исследователи пришли к выводу, что после распада Советского Союза влияние Русской православной церкви (РПЦ) в политической сфере было относительно слабым[4], и она ориентировалась на общинную сферу, где ее влияние было велико[5]. А уже в разгар путинского правления, то есть в режиме полноценно развитой патрональной автократии, можно было наблюдать взаимовыгодное слияние церкви и государства идеального типа. Как пишет Бен Джуда в работе, посвященной комплексному анализу путинского режима, «бюджет [Русской православной церкви] сейчас не разглашается, но [ее] состояние оценивается как минимум в несколько миллиардов долларов. [Размеры ее] имущественного комплекса

1 *Khalid A.* Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. Los Angeles; London: University of California Press, 2014.

2 *Knox Z.* Russian Society and the Orthodox Church: Religion in Russia after Communism. London: Routledge, 2009.

3 Ibid.

4 *Papkova I.* The Orthodox Church and Russian Politics. New York: OUP USA, 2011.

5 *Judah B.* Fragile Empire. P. 150–154.

начали бурно расти после принятого в 2010 году закона о возвращении РПЦ всех земель, экспроприированных во время Октябрьской революции. Так она стала крупнейшим земельным собственником в России. [С другой стороны], патриарх [фактически поселился] в Кремле и благословляет президента после каждой инаугурации, а также регулярно появляется на телевидении вместе с Путиным и его министрами, тогда как священники РПЦ уже давно на деле стали поборниками и пастырями партии и государства прежде всего»[1]. Неудивительно, что в конце 2018 года **Украина**, которая расположена по восточную сторону от границы между православным и западно-христианским историческими регионами, **решила учредить новую церковь, которая была бы независима от российского влияния**, что привело к расколу религиозной власти после длительного периода противостояния между властями светскими[2].

Наконец, мы можем обратиться к **западно-христианскому историческому региону**. В **Венгрии**, единственной патрональной автократии в регионе, слияния церкви и государства не происходило, так как они были отделены друг от друга еще до наступления коммунизма. Вскоре после смены режима слияние главных церквей с политической сферой стало очевидным. На выборах 1998 года спонсорами «Фидес», у которой иначе не было бы достаточной финансовой поддержки, стали Католическая и Кальвинистская церкви, поскольку риторически партия вернулась в христианское русло. Это помогло «Фидес» не только сэкономить много денег на предвыборной кампании, но и заработать себе общенациональную известность, а также повлиять на те группы избирателей, выбор которых обычно не был основан на их

1 *Judah B.* Fragile Empire. P. 151.

2 *Talmazan Y.* Christianity Faces One of Its Biggest Splits in Centuries This Weekend // NBC News. 14.12.2018. URL: https://www.nbcnews.com/news/world/ukraine-moves-create-its-own-orthodox-church-out-russia-s-n947451.

вероисповедании[1]. После 2010 года, ознаменовавшегося установлением однопирамидальной патрональной сети, особое внимание в рамках стратегически важной системы общего начального образования уделялось церковным школам (1) для налаживания каналов политически контролируемой социальной мобильности и (2) в целях насаждения идеологии и препятствования развитию критического мышления[2]. Находясь под влиянием приемной политической семьи, венгерские церковные лидеры были склонны ориентироваться скорее на Орбана, чем на главу церкви. Показательным примером этого является несогласие церковных лидеров с позицией папы по миграционному вопросу во время миграционного кризиса, когда «Фидес» также использовала крайне резкую антимигрантскую риторику[3].

Венгрия резко контрастирует с **Польшей,** другой страной из этого же региона. На первый взгляд этот контраст не так очевиден, если учесть, что Ярослав Качиньский и его партия «Право и справедливость» (*PiS*) олицетворяют слияние церкви и государства. Тем не менее более детальное сравнение раскрывает важные различия между этими режимами[4]. **Церковь**, которая в течение долгого времени занимает важное положение в жизни польского государства и общества, **является союзницей *PiS* в ведении публичной политики**. По мнению Симоны Герры, Католическая церковь и *PiS* состоят во взаимовыгодном альянсе, где первая легитимирует последнюю и ее **«социал-христианскую» программу**. Она

1 *Enyedi Z.* Religious and Clerical Polarisation in Hungary // Religion and Mass Electoral Behaviour in Europe. London: Routledge, 2000. P. 157–175.

2 *Andor M.* Restoring Servility in the Educational Policy // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 530–535.

3 *Balogh E.* They Don't See Eye to Eye: Pope Francis and the Hungarian Bishops // Hungarian Spectrum (blog). 28.12.2017. URL: http://hungarianspectrum.org/2017/12/27/they-dont-see-eye-to-eye-pope-francis-and-the-hungarian-bishops/.

4 Более детальное сравнение см.: *Magyar B.* Parallel System Narratives. P. 611–655.

включает в себя очень строгое пролайферское абортное законодательство, привилегии для церковного образования и продвижение религиозных принципов в повседневной жизни[1]. Фактически церковь в Польше является крайне влиятельной группой интересов как в политической, так и в общественной жизни [▸ 4.3.2.3]. В отличие от польской церкви, **церковь в современной Венгрии — это союзница Виктора Орбана в ведении патрональной политики**, она является одним из связующих звеньев в строго секулярной корпоративной цепочке. Конечно, как и в Польше, церковь в Венгрии имеет привилегированный статус в сфере образования, а Орбан часто прибегает к религиозной риторике. Однако кроме этого он использует и противоречащие христианству языческие аргументы [▸ 6.4.2.2][2], а влияние церкви ограничивается сферой образования в отличие от Польши. Так, за пределами образовательной сферы другие государственные ведомства и программы в Венгрии преследуют интересы, которые часто противоречат религиозному учению или интересам церкви как института [▸ 6.4.1.3]. Судя по тому, как ведется государственная деятельность в целом, политический курс Венгрии так же эклектичен, как и идеологическая позиция Орбана, и обе эти эклектичности имеют под собой одни и те же основания. Они заключаются в том, что Орбан выбирает стратегию поведения и политический курс по принципу, который мы называем «функциональная когерентность». Согласно этому принципу, используются та идеологическая риторика и политические средства, которые лучше всего помогают добиться двойной цели — концентрации власти и личного

1 *Guerra S.* Eurosceptic Allies or Euroenthusiast Friends? The Political Discourse of the Roman Catholic Church in Poland // Representing Religion in the European Union: Does God Matter? London; New York: Routledge, 2012. P. 139–151.

2 *Ádám Z., Bozóki A.* State and Faith: Right-Wing Populism and Nationalized Religion in Hungary // Intersections — East European Journal of Society and Politics. 2016. Vol. 2. № 1. P. 98–122.

обогащения [► 6.4.1]. Совсем не так действует **Качиньский, для которого власть и идеология являются основной мотивацией**: концентрация власти идет рука об руку с целью достичь гегемонии «христианско-националистической» системы ценностей. Польский режим гораздо в большей мере управляется идеологией, а редко наблюдаемая непоследовательность в его функционировании не предполагает разворотов на 180 градусов, как это случается с Орбаном. По замыслу Качиньского, государство и Католическая церковь тесно связаны друг с другом (по его словам, «христианство — это часть нашей национальной идентичности, а церковь была и остается проповедницей и хранительницей единственной, разделяемой всеми в Польше системы ценностей»)[1]. В конечном счете разница между церковно-государственными отношениями в Польше и в Венгрии, резко отличающая эти два режима, заключается в том, что **Качиньский — это популист, управляемый идеологией, тогда как Орбан — популист, идеологией пользующийся** [► 6.4].

[1] *Schmitz R.* As An Election Nears In Poland, Church And State Are A Popular Combination // NPR.org. 12.10.2019. URL: https://www.npr.org/2019/10/12/768537341/as-an-election-nears-in-poland-church-and-state-are-a-popular-combination.

3.6. ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА В СМЕШАННЫХ СФЕРАХ. ПРИЕМНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ

Перечислив индивидуальных и коллективных акторов в трех режимах полярного типа, мы подробно остановимся на **приемной политической семье, то есть правящей элите, которая объединяет политических, экономических и общинных акторов** [▸ 2.2.2]. Это единственный тип правящей элиты, которому мы посвящаем отдельную часть, поскольку этот концепт является нашим главным нововведением в исследования посткоммунистических режимов. Итак, начнем с объяснения того, чем приемная политическая семья отличается от других типов элит, таких как номенклатура, феодальные элиты и в общем смысле «правящий класс», которые мы также рассмотрим, чтобы выделить на их фоне приемную политическую семью. Дав определение приемной политической семье, мы перейдем к рассмотрению ее антропологических свойств, то есть внутренних связей и культуры, которые присущи идеальным типичным главам патрональных автократий.

3.6.1. Что такое приемная политическая семья

В существующей литературе есть два подхода к концептуализации правящих элит в посткоммунистическом регионе. Первый, который нам более близок, рассматривает такие правящие элиты как уникальные[1] типы. Например, Джанин Р. Ведель и Ольга

[1] Под словом «уникальный» мы понимаем то, что в отличие от социологических и исторических категорий, описанных ниже, приемная политическая семья является новым, особым явлением в регионе. Тем не менее для

Крыштановская, использующие термин «клан», который мы рассматриваем в следующей части [► 3.6.2.1], придерживаются именно такого подхода. Однако существует и другой, более популярный подход, согласно которому посткоммунистические правящие элиты можно обстоятельно описать как редуцированные или расширенные подтипы существующих или когда-то существовавших идеальных типов правящих элит. В рамках первого подхода появляются такие понятия, как «новый правящий класс»; в рамках второго — за основу берутся как докоммунистические, так и коммунистические режимы, что порождает такие понятия, как «неономенклатура»[1].

Текстовая вставка 3.5: Понятие класса по Максу Веберу

Можно говорить о «классе» в том случае, когда: (1) для определенного числа людей некоторый каузальный компонент их жизненных возможностей является общим, поскольку (2) этот компонент представлен исключительно экономическими интересами, касающимися обладания благами и возможностей получения тех или иных доходов, и (3) только в условиях товарного рынка и рынка труда. <...> «Собственность» и «отсутствие собственности» — это <...> основные категории, в которых можно описать все классовые ситуации. <...> Внутри этих категорий <...> можно производить и дальнейшую дифференциацию классовых ситуаций, с одной стороны, по виду собственности, с точки зрения возможности пускать ее в оборот, а с другой, — по виду услуг, которые можно предложить на рынке. <...> Вид возможностей на рынке <...> является решающим генеральным условием, определяющим всю его судьбу. «Классовая ситуация» в этом смысле — это, в конечном счете, «ситуация

читателей идеальный тип «приемной политической семьи» может стать полезным для понимания сетей, объединяющих формальные должности и неформальные элементы в других регионах и эпохах. Сеть Козимо Медичи во Флоренции в эпоху Возрождения представляет собой именно такой случай (хотя она не носила криминального характера). См.: *Padgett J., Ansell C.* Robust Action and the Rise of the Medici, 1400–1434. P. 1259–1319.

1 *Petrov N.* Putin's Neo-Nomenklatura System and Its Evolution. P. 179–215.

> на рынке». Результат чистого обладания *per se* <...> — это только предвестник настоящей «классовой формации». [Ф]актор, формирующий класс, — это, несомненно, экономические интересы[1].

Причина, по которой мы отвергаем второй подход, заключается в том, что в нашем представлении у приемной политической семьи и упомянутых выше типов больше различий, чем сходств. Чтобы это доказать, мы подробно остановимся на том, почему **приемная политическая семья это (1) не класс, (2) не феодальное сословие и (3) не номенклатура**. Мы утверждаем, что главная причина, по которой некоторые исследователи считают вышеупомянутые категории за отправные точки при определении приемной политической семьи, состоит в том, что все они, как правило, делят некий общий признак с последней. Однако при рассмотрении других аспектов, включая те, что являются определяющими для функционирования и характера приемных политических семей, сходства найти нельзя.

3.6.1.1. Почему приемная политическая семья — это не класс

Чтобы рассмотреть понятие «класс», можно обратиться к марксистской традиции либо к веберианскому определению класса из его знаменитого исследования «Класс, статус и партия» (см. Текстовую вставку 3.5)[2]. В обеих традициях самой главной характерной особенностью класса является то, что это фундаментально экономический феномен[3], поэтому и общность интересов внутри групп, и различия в интересах между группами

[1] *Вебер М.* Класс, статус и партия // Социальная стратификация: сб. ст. Вып. 1. М.: Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН, 1992. С. 21–23.

[2] Там же. С. 19–38. Естественно, существует много различных подходов к пониманию класса, см.: *Wright E. O.* Approaches to Class Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

[3] *Pakulski J., Waters M.* The Reshaping and Dissolution of Social Class in Advanced Society.

определяются разделением труда и капиталистическим способом производства[1]. Именно этот аргумент подталкивает многих исследователей к тому, чтобы интерпретировать класс как исходное понятие для определения приемной политической семьи, члены которой также связаны исключительно на экономической основе. Однако патрональная сеть в посткоммунистической однопирамидальной системе **не может быть описана как класс, потому что приемная политическая семья** обладает следующими специфическими свойствами**:**

• **Она не является экономическим в своей основе феноменом.** Хейл отмечает, что под патрональной политикой подразумевается «политика в таких обществах, где индивиды воплощают свои политические и экономические устремления через персонализированный обмен реальными благами, а также наказания, осуществляемые через цепочки действительных знакомств, а не при помощи таких категорий, как экономический класс»[2]. Таким образом, патронализм является продуктом культуры и политических амбиций [▸ 1.5.1], тогда как главный двигатель экономического и социального неравенства в пользу патрональной элиты — это дискреционное государственное вмешательство [▸ 5.4]. В отличие от патронализма класс появился в результате капиталистической деятельности или безличных рыночных сил (следовательно, является фундаментально экономическим феноменом). Конечно, как утверждают некоторые классовые теоретики, государство может стать для капиталистического класса инструментом укрепления элитарной позиции[3]. В то время как такой классовый анализ может работать для либеральных демократий [▸ 5.3.1],

1 *Wright E.* Understanding Class: Towards an Integrated Analytical Approach // American Sociological Review. 2009. Vol. 67. № 6. P. 832–853.

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 9–10.

3 *Domhoff W.* Who Rules America? Power and Politics, and Social Change. New York: McGraw-Hill, 2006. Также см.: *Scheiring G.* The Retreat of Liberal Democracy. P. 55–60.

в патрональных автократиях вовсе не класс капиталистов или предприниматели, подчиняющиеся законам рынка, используют государство. Все происходит как раз наоборот: именно политическое предприятие превращается в бизнес, а верховный патрон распоряжается государством, использует его ресурсы для вознаграждения и наказания, а также для подчинения себе олигархов [▸ 3.4.1.3–4, 5.3.2.3]. Таким образом, приемная политическая семья возникает не как результат социального неравенства, расслоения и фрагментации, а наоборот, является их причиной. Материальное неравенство является результатом деятельности политико-экономических групп, то есть приемной политической семьи и ее бенефициаров, направленной против остальных членов общества [▸ 6.2.2.2].

• **Она на политической (патрональной) основе подчиняет себе и экономических акторов с похожим классовым статусом.** Верховный патрон часто атакует богатых капиталистов, то есть людей с похожим классовым статусом в том смысле, что у них столько же производственной собственности, сколько и у приемной политической семьи [▸ 5.5.3]. Отсюда вытекает, что расхождения между элитными группами возникают не по экономическому, а по политическому принципу, поскольку жертвами приемной политической семьи становятся те, кто отказываются попадать в патрональную зависимость, включаться в ближний круг или проявлять лояльность [▸ 5.5.4]. При этом олигархов и подставных лиц нельзя назвать «капиталистами», поскольку они не могут использовать свой капитал без позволения верховного патрона [▸ 5.5.3.4][1]. Динамика

[1] Ср.: *Scheiring G.* The Retreat of Liberal Democracy. P. 55–60. При рассмотрении патрональных автократий, экономика которых зависит от прямых иностранных инвестиций и где иностранные предприятия имеют значительный вес [▸ 7.4.5], классовый подход вносит еще большую путаницу, поскольку в таких режимах внешнеэкономические акторы образуют бизнес-группу, вовлеченную в поддержание стабильности режима, в то время как домашние олигархи и экономические подставные лица подчиняются неформальной патронатной сети [▸ 5.4.2.3].

отношений между политическими и экономическими акторами определяется не условиями рынка или разделением труда, а личными факторами, вытекающими из патронализма.

• **Ее сплоченность основана не на классовом сознании или идентичности, а на персональной лояльности**. Как пишут Пакульски и Уотерс, в классовой теории «принадлежность [классу] также имеет причинно-следственную связь с сознанием, идентичностью и деятельностью за пределами сферы экономического производства. Она влияет на политические взгляды, стиль жизни <...>, брачные стратегии, включенность в трудовые династии <...> и так далее»[1]. В свою очередь, приемной политической семье свойственен культурный уклад патриархальных семей, прежде всего в плане патриархального господства верховного патрона. Поэтому при условии, что все члены семьи отвечают критерию личной лояльности (а также способны понимать и выполнять неформальные приказы)[2], они могут быть сколь угодно разными с точки зрения культуры и образа жизни, если последние не связаны с их (неформальным) статусом внутри приемной политической семьи.

• **Ей свойственны вертикальные иерархические, а не горизонтальные связи между членами**. Из марксистского и веберианского классового анализа следует, что неравенство возможностей возникает между классами, а не внутри них. Таким образом, класс идеального типа состоит из людей, которые связаны только горизонтально и не включены в цепочки подчинения (а вертикальные отношения возникают, только когда эти люди вступают в формальную организацию, например партию)[3]. Между тем, как мы отмечали

1 *Pakulski J., Waters M.* The Reshaping and Dissolution of Social Class in Advanced Society. P. 670.

2 *Ledeneva A.* Can Russia Modernise? P. 95.

3 См. подробнее о знаменитом «железном законе олигархии» в работе: *Michels R.* The Oligarchical Tendencies in Working Class Organizations // Classes and Elites in Democracy and Democratization. New York: Garland, 1997. P. 243–250.

в Главе 2, приемная политическая семья — это патрональная сеть, состоящая из (неформальных) иерархических цепочек.

• **Она формирует общество, в котором созданные по классовому принципу горизонтальные организации для коллективных переговоров ликвидируются**. В классовом обществе интересы каждого гомогенного класса составляют одно целое, и в рамках цивилизованных межклассовых отношений их представителем является какая-либо общественная организация (например, профсоюз). Приемная политическая семья не учреждает подобные институты, даже неформальные, поскольку интересы ее членов не считаются одинаково значимыми. Институты, предназначенные для коллективных переговоров других социальных групп, ликвидируются, а вместо классового общества формируется так называемое клиентарное общество [► 6.2], в условиях которого анализ социального статуса с точки зрения подчинения и зависимости имеет больше смысла, чем с точки зрения производственной собственности.

• **Кооптирует и подчиняет себе социальные группы, а не борется с ними**. У Маркса классы по умолчанию всегда имеют противоположные интересы и борются друг с другом, тогда как Вебер утверждает, что борьба интересов может возникать, а может и не возникать в зависимости от идеологии[1]. Тем не менее к патрональным автократиям понятие «классовая борьба» можно применить лишь с очень большой натяжкой, поскольку для построения однопирамидальной патрональной сети необходимо вовлечение и подчинение других социальных групп, а это исключает возможность борьбы [► 6.2.2]. Такое положение дел также сильно отличается от «классового компромисса»[2], поскольку здесь не классовое, а патрональное

1 *Bendix R.* Inequality and Social Structure: A Comparison of Marx and Weber // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. № 2. P. 149–161.

2 *Korpi W.* The Democratic Class Struggle. London; Boston: Routledge Kegan & Paul, 1983.

(то есть неэкономическое в своей основе) объединение ставит других в зависимость от своего правления;

• **Она не связывает людей с одинаковым экономическим статусом в капиталистическом обществе правового равенства.** Поскольку класс — это фундаментально экономический феномен, это также и рыночный феномен, а классовые различия предполагают наличие неравенства в плане владения собственностью (особенно производственной). Однако рыночное неравенство не предполагает неравенства перед законом [▸ 4.3.5.1]. Наоборот, классовые отношения существуют в капиталистической системе, состоящей из равных перед законом людей, поскольку, если бы это было не так, можно было бы утверждать, что именно политика, а не экономика порождает классовое неравенство[1]. В свою очередь, приемная политическая семья смешивает сферы социального действия, а богатство ее членов является следствием того, что правовая система поставлена на службу их интересов. В такой системе дискреционное вмешательство государства подрывает нормативный статус правового равенства, а законы произвольно приспосабливаются для конкретных индивидов и бизнесов [▸ 5.4]. Напротив, в капиталистических обществах классы приобретают социальный статус через конкуренцию, а не специальные законы или принуждение [▸ 4.3.4–5].

3.6.1.2. Почему приемная политическая семья — это не феодальная элита

Проводя **исторические аналогии**, можно сказать, что основанием для выбора **феодальных элит** в качестве исходного понятия для концептуализации приемной политической семьи

[1] Некоторые авторы считают, что насаждаемое государством неравенство — это часть классовых отношений, но нам кажется, что это довольно сомнительный аргумент. См.: *Hoppe H.-H.* Marxist and Austrian Class Analysis // Requiem for Marx. Auburn: Ludwig von Mises Institute, 1993. P. 51–74.

являются присущие таким элитам патронализм или вассальная зависимость, то есть «постоянное служение и подчинение одному хозяину»[1]. В феодальную эпоху отношения типа «хозяин — раб» обычно существовали между королем (землевладельцем и т. п.) и его подданными. Непотизм, важность двора и преобладание единоличной власти в правящей иерархии часто используются как дополнительные основания для сравнения приемной политической семьи с феодальным строем[2]. Однако при феодализме права и обязанности, причитающиеся различным рангам, закреплялись законом, как это было в царской России (см. Текстовую вставку 3.6), которую чаще всего используют в качестве примера феодального государства, сравнивая ее с государствами посткоммунистического региона[3]. Соответственно, патрональная сеть в посткоммунистической однопирамидальной системе **не похожа на служилых дворян или феодальные сословия, поскольку для приемной политической семьи характерны приведенные ниже свойства.**

Текстовая вставка 3.6: Правовой статус феодального дворянства в России

Потомственные дворяне были <...> определенной законом группой <...>, члены которой пользовались особыми привилегиями и институтами. Такое положение главным образом закреплено в своде законов, изданных при Петре I и Екатерине II. Эти законы устанавливали, кто является дворянином, а кто нет, как можно приобрести дворянский титул, какие права и обязанности он

1 *Hosking G.* Patronage and the Russian State P. 305.

2 *Török G.* A tüntetésektől nem lesz vége Orbán királyságának, de fordulat jöhet [Возможно, протесты не приведут к концу царства Орбана, но перемены грядут] // 24.hu. 09.01.2019. URL: https:// 24.hu/belfold/2019/01/09/torok-gabor-interju/.

3 *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество. М.: Столица-Принт, 2008.

подразумевает и какие общие институты объединяли дворянство. Самый знаменитый петровский законодательный акт, изданный в 1722 году, носит название Табеля о рангах. В нем подчеркивалась связь между служением короне и дворянскими привилегиями, а также вводилось правило, согласно которому чиновники и государственные служащие автоматически получали дворянский статус по достижении определенного ранга. <...> Законодательство XVIII века подтвердило, что дворянство является классом землевладельцев с абсолютным правом собственности на недвижимость и недра и исключительным правом на владение крепостными. Сын Екатерины II, Павел I (1796–1801), предпринял попытку посягнуть на изданную ей в 1785 году Жалованную грамоту дворянству, которая подтверждала, что дворянская собственность ни при каких условиях не может быть конфискована монархом и что дворянская честь подразумевает полное освобождение от телесных наказаний. Посягательство Павла на права дворян и чувство их достоинства (в действительности довольно скромное) стало главной причиной его свержения и убийства членами петербургской аристократии[1].

• **У нее отсутствует какая-либо корпоративная организация, отдельные должности, расположенные в иерархическом порядке по отношению к верховному патрону, и корпоративное самосознание.** Хотя неформальные личные связи чрезвычайно важны в обоих типах правящих элит, в феодализме они включены в «формализованную иерархическую систему отношений»[2] и в принципе возможны благодаря ей. Приемная политическая семья же — это неформальная организация, в которой формальная иерархия членов второстепенна по отношению к неформальной [▸ 2.2.2.2]. Таким образом, у приемной политической семьи нет формальной структуры членства, и поэтому она не может принимать

1 *Lieven D. et al.* The Cambridge History of Russia. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 229.

2 *Hosking G.* Patronage and the Russian State. P. 302.

форму корпоративной организации или ранговой иерархии должностей по отношению к верховному патрону. Кроме того, у нее нет корпоративного самосознания, которое было у феодальной знати или священства, поскольку члены приемной политической семьи могут занимать множество различных (формальных) общественных позиций одновременно.

• **С юридической точки зрения клиент не является вассалом, но его социальное положение ничем не отличается от вассалитета.** В то время как вассал в феодальную эпоху имел право владеть имуществом на основании своего статуса, сеньор также мог правомерно отобрать у него это имущество. Внутри феодальной системы такое действие считалось легитимным, поэтому юридическое и социальное положения вассала совпадали. Однако, и это следует из предыдущего пункта, в патронально-клиентарных отношениях слепое подчинение клиентов патронам носит неформальный характер, хотя и подкрепляется инструментами публичной власти приемной политической семьи. Таким образом, социальное положение с помощью юридических норм закрепляется за всеми без исключения вассалами, в то время как в патрональных автократиях у клиентов и патронов равные права.

• **С верховным патроном невозможны «договорные» отношения**. Феодальные сословия имели в некотором роде легитимные договорные отношения со своим хозяином (монархом), подразумевающие права и обязанности, которые ограничивали как знать, так и самого монарха. В противоположность этому у приемной политической семьи нет формальной организации и набора обязательных правил, а главный патрон, будучи патриархальным главой семьи, полностью контролирует позиции в однопирамидальной сети. Как показывает судьба одного из императоров России Павла I (см. Текстовую вставку 3.6), совсем не так обстояли дела в феодальную эпоху, когда вассалы были готовы отстаивать свои законные права.

• **Власть осуществляется незаконным образом, что подразумевает систематическую компрометацию, которая создает дополнительные поводы для повиновения членов сети верховному патрону.** Исследователи, которые проводят аналогию между приемной политической семьей и феодализмом, игнорируя при этом неформальный характер первой, уверены в том, что это позволяет им выделить центральный элемент обоих режимов (то есть патронально-клиентарные отношения). Однако они упускают другой важный аспект, который определяет динамику правящей элиты. Причина, по которой верховный патрон, в отличие от короля с его формально ограниченной властью, контролирует все позиции в сети, заключается в том, что это позволяет ему шантажировать клиентов, угрожая преследованием за совершенные преступления [▸ 4.3.5.2][1]. Эти преступления, равно как и способность главного патрона угрожать своим клиентам, имеют место именно потому, что (1) функционирование неформальных сетей не согласуется с формальным правом, что с неизбежностью приводит к постоянным нарушениям закона; (2) клиенты обязаны принимать участие в незаконной деятельности криминального государства и могут быть приняты в семью, только если главный патрон прежде всего способен контролировать их с помощью шантажа (они могут участвовать в преступной деятельности с целью быть принятыми в семью или уже совершить преступление, которое дает им право быть принятыми); (3) верховный патрон обладает властью над правоохранительными органами, что означает, что именно он решает, какие преступления будут преследоваться, а какие нет (политически выборочное правоприменение). Следовательно, системная компрометация, проистекающая из самой природы режима, является ресурсом («кнутом»), который верховный патрон использует, чтобы дисциплинировать своих клиентов.

[1] *Lanskoy M., Myles-Primakoff D.* Power and Plunder in Putin's Russia. P. 78–80. Также см.: *Ledeneva A.* Can Russia Modernise?

• **Измена верховному правителю и ее последствия не формализованы, но приводят к потере клиентом своего статуса в иерархии**. При феодальном строе измена монарху (или государственная измена) по закону считалась преступлением, что действительно отражало открытый и легитимный характер феодальной власти. В патрональных автократиях предательство верховного патрона или нелояльность ему фактически считаются преступлением, но поскольку приемная политическая семья неформальна, то и осуждение за измену должно быть неформальным. Поэтому предателей наказывают, используя такие средства государственной власти и дисциплинарные меры, как, например, конфискация имущества, причиной которой становится не нарушение формальных законов государства, а нарушение неписанных правил патриархальной семьи. Кроме того, в феодальную эпоху никто не мог быть лишен своего статуса из-за нелояльности: по закону предатель мог лишиться жизни, свободы или имущества, но не статуса. В патрональных автократиях лишенные наследства члены приемной политической семьи теряют и свой статус: сначала в неформальной, а затем, как следствие, и в формальной сфере.

3.6.1.3. Почему приемная политическая семья не является номенклатурой

Наконец, следует обратить внимание на попытки сравнить приемную политическую семью с **номенклатурой**. Эти группы акторов часто уподобляются, потому что во многих посткоммунистических режимах члены старой номенклатуры пережили смену режима и сумели сохранить свою формальную и неформальную власть как в исполнительной, так и в законодательной ветвях[1]. Однако если мы возьмем для сравнения

[1] Анализ посткоммунистических режимов на основе этого предположения см.: *Frydman R., Murphy K., Rapaczynski A.* Capitalism with a Comrade's Face. Budapest: CEU Press, 1998.

классический анализ номенклатуры Михаила Восленского (см. Текстовую вставку 3.7), то увидим существенные различия между коммунистической и посткоммунистической правящими элитами. Патрональная сеть в посткоммунистической однопирамидальной системе **не похожа на номенклатуру, потому что приемная политическая семья** обладает следующими свойствами:

Текстовая вставка 3.7: Номенклатура

Двумя основными функциями номенклатуры являются управление и осуществление власти. <...> Номенклатура — это прежде всего воплощение политического лидерства в обществе. И только как следствие этого лидерства она также обладает и экономической властью. Ее главной задачей является политическое лидерство <...>, и здесь важно провести четкую линию между политической и чисто административной работой номенклатуры. <...>[Н]оменклатура — это (1) набор ключевых позиций, на которые высшее руководство партии назначает людей, и (2) список лиц, назначенных на эти должности или находящихся в резерве. <...> Министры и послы входят в номенклатуру Политбюро; заместители министров и директора институтов входят в состав Секретариата ЦК. <...> Каждый представитель номенклатуры принадлежит к номенклатуре определенного ведущего партийного учреждения. Именно это учреждение назначило его, и только оно может его уволить. <...> Член номенклатурной семьи может провести свою жизнь от колыбели до могилы за работой, отдыхом, едой, хождением по магазинам, путешествиями, разговорами и болезнями, ни разу не вступив при этом в контакт с советским народом[1].

• **Она распространяет сеть политического и бюрократического управления за пределы своих формальных институтов.** Одна из главных особенностей приемной политической

1 *Voslensky M.* Nomenklatura. P. 70–82, 213.

семьи состоит в том, что в нее входят люди, занимающие официальные позиции как в государственном секторе (формально: политики, министры и т. д.), так и частном (формально: предприниматели, пропагандисты и т. д.). В свою очередь, в номенклатуру входили люди, состоящие в партии и представляющие бюрократический аппарат государства.

• **В ее состав входят люди, которые могут иметь не одну формальную позицию, но несколько одновременно.** Как мы упоминали в предыдущем пункте, члены номенклатуры могли иметь только одну формальную позицию, поскольку именно эта позиция определяла и ограничивала их власть в рамках бюрократической патрональной сети. В то же время член приемной политической семьи может занимать различные формальные позиции (как публичные, так и частные), имея при этом только одну позицию в неформальной патрональной сети, которая и определяет границы его власти.

• **Она не имеет двойной структуры для активации горизонтальных связей между разными уровнями партийных комитетов (партийные функционеры среднего / низкого уровня).** В коммунистических диктатурах формальная номенклатурная иерархия дублируется во всем объеме партийно-государственной иерархии, распространяясь на низшие страты общества [▸ 3.3.4]. Таким образом, номенклатура осуществляет идеологический контроль над обществом благодаря тому, что каждый уровень иерархии членов номенклатуры связан с уровнем зеркальной иерархии партийных функционеров среднего и низкого уровня. У приемной политической семьи такой двойной организации нет (как нет и самой формальной организации)[1], а общественный контроль, который не является идеологическим по своей природе, обеспечивается через социальную патронализацию и меняющиеся модели экзистенциальной уязвимости [▸ 6.2.2].

1 *Petrov N.* Putin's Neo-Nomenklatura System and Its Evolution. P. 182.

• **Она, как правило, принимает в свои ряды не отдельных индивидов, а семью кровных родственников или приемных членов.** В рамках номенклатуры на определенные должности назначались отдельные индивиды. Члены их семей пользовались некоторыми формальными и неформальными привилегиями благодаря непотизму, но их влиятельность и доступ к привилегиям были сильно ограничены, если они не являлись официальными членами номенклатуры[1]. Напротив, приемная политическая семья принимает в свой состав семьи (состоящие из кровных родственников или приемных членов) через формирование с одним из ее членов родственных или квазиродственных отношений, скрепляемых общим бизнесом. Кроме того, протекционизм со стороны члена номенклатуры не порождает патрональную зависимость, а только взаимный обмен благами, тогда как члены приемной политической семьи получают привилегии тогда и только тогда, когда они являются частью патрональной сети зависимости и повиновения.

• **Она обладает привилегиями, которые обеспечивают ей не только дополнительный доход и высокий уровень жизни, но и собственность.** Поскольку частная собственность в коммунистических режимах допускалась в лучшем случае лишь в ограниченном виде, члены номенклатуры могли пользоваться привилегиями только в смысле более высоких доходов или дополнительных сфер потребления, например через использование государственных объектов (автомобилей, недвижимости, курортов и т. д.)[2]. Соответственно,

1 *White S. et al.* Interviewing the Soviet Elite // The Russian Review. 1996. Vol. 55. № 2. P. 309–316.

2 Система личных привилегий служит ключом к расшифровке иерархических отношений между должностями в местных номенклатурных элитах. Например, в коммунистической Венгрии обменный курс между должностями, занимаемыми этими элитами, принял форму изощренных и престижных потребительских преимуществ. Они включали основанный на иерархии доступа к товарам и услугам, включая отдых на курортах, государственную лицензию

отдельные члены номенклатуры не могли накапливать состояние в виде материальных благ или финансов. Но поскольку приемная политическая семья управляет патрональной автократией, которая служит фасадом для хищнического государства, ее члены могут накапливать богатство как в денежном выражении, так и в виде собственности, компаний, земли, концессий и т. д.[1]

• **Она обеспечивает своих членов привилегиями в виде собственности, владение которой не ограничивается сроком их «службы» и может быть сохранено после ее завершения.** Набор привилегий номенклатуры был строго привязан к должностям, а не индивидам. Соответственно, и это следует из предыдущего пункта, возможность пользоваться привилегиями ограничивалась тем сроком, в течение которого соответствующие люди были на службе (либо занимали формальную партийную должность). Члены приемной политической семьи, напротив, имеют возможность оставить свое состояние себе, если не будут исключены из патрональной сети (за нелояльность), не покинут страну или не умрут [▸ 5.5.3.4]. Даже в случае «государственной измены» конфискация имущества может стать постепенным и/или частичным процессом с использованием нелегитимных способов государственного принуждения.

3.6.1.4. Уникальный характер приемной политической семьи

Суммируя тезисы, приведенные выше, **неформальную патрональную сеть в посткоммунистических режимах можно назвать приемной политической семьей по следующим причинам:**

на охоту и отстрел определенного количества оленей с указанием размера их рогов, различные уровни привилегированного медицинского обслуживания, иерархию автомобильных номеров для служебных автомобилей и т. д.

1 *Petrov N.* Putin's Neo-Nomenklatura System and Its Evolution. P. 183.

• различные расширенные сети личных связей организованы в единую сеть приемной политической семьи;

• в нее включены не только отдельные индивиды, но и целые семьи;

• это образование остается неформальным и не имеет официального членства;

• оно распространяется на формальные институты;

• приемная политическая семья основана на патрональной, а не на организационной лояльности (возможности свободного входа или выхода не существует);

• статус внутри приемной политической семьи не обязательно соответствует официальной административной позиции ее членов;

• внутрисемейная власть основана на слиянии политических и экономических «ресурсов»;

• внутрисемейное управление организовано в соответствии с культурной моделью патриархальной семьи (то есть патриархальным господством).

Показательным примером функционирования и развития приемной политической семьи является исследование Михаила Минакова, посвященное украинским «кланам», которые эволюционировали от мелких тесно связанных сетей до «хитроумных многоуровневых организаций» на государственном уровне[1]. Ниже мы приводим довольно пространную цитату из его исследования, чтобы продемонстрировать, как сферы социального действия полностью смешиваются внутри сложной неформальной структуры приемных политических семей: «На начальной стадии, кланы сплотились вокруг ключевой фигуры „полигарха“ (одного или нескольких), которые требовали от всех членов этого клана или группы кланов полной лояльности. Эти фигуры были окружены олигархами ближнего круга, а также „приемными“

[1] *Minakov M.* Republic of Clans. P. 238.

и „покорившимися“ олигархами, контролирующими основные заводы, банки и другие экономические объекты. Следующий круг (состоящий из подставных лиц и политических партнеров) включал в себя лидеров зависимых политических партий, глав исполнительных, законодательных и судебных институтов, а также глав формально государственных корпораций и медиахолдингов. Отдельную группу союзников представляло „силовое крыло“, состоящее из преступных групп и зависимых работников спецслужб и полиции. Эта структура оказалась достаточно прочной, чтобы преуспеть во время приватизации, пережить эпоху бандитских разборок и успешно осуществлять (или отражать) корпоративные рейдерские атаки. <...> В 2000–2002 годах главные кланы начали постепенно выходить в публичное политическое и экономическое поле. Экономические ресурсы и объекты, законно принадлежавшие полигархам и близким к ним олигархам, были также выведены из тени; в результате этого процесса была создана самая крупная украинская корпорация 2000–2014 годов. То же самое происходило с политическими активами и клиентарными сетями. Маленькие партии сливались в более крупные и более долговечные организации, такие как, например, „Партия регионов“ или „Батькивщина“, возглавляемая Юлией Тимошенко. Клиентарные сети управлялись в основном через вновь появившиеся благотворительные фонды»[1].

Можно заметить, что приемная политическая семья включает в себя большое количество акторов, характерных для патрональных автократий, — от олигархов и полигархов до подставных лиц и партий патрона. Образованная ими неформальная сеть и является тем, что мы называем приемной политической семьей, воплощающей в лучшем виде полное слияние политической, экономической и общинной сфер

[1] Ibid.

социального действия. Для большей конкретики мы приводим определение приемной политической семьи.

◆ ***Приемная политическая семья*** *— это неформальная патрональная сеть, принимающая форму клана. Другими словами, она основана как на родственных, так и квазиродственных связях, полностью контролируемых верховным патроном. Приемные политические семьи борются за политические позиции и право на (государственное) принуждение в отношении каждой из сфер социального действия внутри формально демократического режима. Поскольку участие в приемной политической семье подразумевает приоритет неформальности над законом, ассоциированная с ней власть, как правило, выходит за рамки законности и часто является преступной.*

3.6.2. Антропологический характер приемной политической семьи

Термин «приемная политическая семья» выделяет три характерные особенности неформальных патрональных сетей:

• «**приемная**» указывает на структуру сети в целом и на тип связей (родственных и квазиродственных), возникающих внутри этой структуры в частности;

• «**политическая**» указывает на функцию элиты внутри политического образования, в частности на то, что члены элиты стремятся заполучить политические посты и право на (государственное) принуждение, распространяющееся на все сферы социального действия;

• «**семья**» указывает на культурные особенности внутрисетевого взаимодействия, позаимствованные у патриархальной семьи: например патриархальное господство со стороны верховного патрона;

До этого момента мы в основном обращали внимание на второе слово — «политическая» — и представляли приемную политическую семью как идеальный тип правящей

элиты в патрональных автократиях [▸ 2.2.2.2–3]. Что касается двух других слов, включенных в это понятие, то они описывают антропологические характеристики правящей элиты с точки зрения типа связей («приемная») и субординации («семья»). Ниже мы раскрываем эти характеристики по порядку.

3.6.2.1. Тип связей: Типология посткоммунистических кланов

Если рассматривать только антропологическую составляющую, характеризующую тип связей, возникающих внутри правящей элиты, то многомерное понятие «приемная политическая семья» можно заменить на короткое и емкое слово «**клан**» точно так же, как патрональную автократию можно назвать «клановым государством» или «мафиозным государством», когда главным аспектом анализа является природа правящей элиты[1]. Выше мы определяли кланы следующим образом [▸ 2.4.1]:

- ***Клан** — это неформальная патрональная сеть, характеризующаяся родственными или квазиродственными связями.*

В доиндустриальном обществе кланы, как и династии при феодализме, были организованы по принципу родословного дерева, но также они принимали в свои ряды людей со стороны, по мере того как расширялись через новые личные, семейные связи. В посткоммунистических кланах к родственным отношениям добавились также квазиродственные, через которые патрональная сеть (или ядро ее основателей) обрастает дополнительными семьями, не связанными узами родства с другими членами клана [▸ 2.4.1].

Исследования, использующие понятие «клан» для анализа посткоммунистических режимов, определяют это понятие

[1] Мы использовали такую логику концептуализации в предыдущей главе, когда относили наименования для типа государственной системы к разным уровням толкования [▸ 2.4].

похожим образом. Определение, которое дает Коллинз в своей знаменитой книге «Клановая политика», отличается от нашего главным образом тем, что оно подчеркивает наличие общей идентичности, обеспечивающей сплоченность сети, а не патронально-клиентарные отношения[1]. Мы, в свою очередь, решили включить патронализм и исключить общую идентичность, потому что патронализм является более общей характеристикой кланов как политических сетей (правящих элит), тогда как общая идентичность относится лишь к определенному подтипу политических кланов, обитающему в посткоммунистическом регионе.

Кланы посткоммунистического региона отличаются от других в основном по своему происхождению, то есть по типу социальной группы, составляющей ядро патрональной сети, или по набору ценностей, на которых клан был основан. В соответствии с этим ниже мы приводим типологию кланов, разделяя их на пять идеальных типов в зависимости от природы первоначала:

• ***Этнические кланы*** *формируются на основании общей этнической принадлежности их членов, то есть на сходстве, зависящем от общего происхождения, языка, культуры или нации. Для такого клана характерно наличие общей идентичности — это означает, что базовая характеристика, лежащая в основе такого клана (этническая принадлежность), разделяется всеми членами клана без исключения.*

• ***Номенклатурные кланы*** *формируются на основании политической принадлежности их членов до смены режимов, в частности их общего членства в номенклатуре. Для таких кланов, как правило, характерен раскол в идентичности, то есть членство в номенклатуре — базовый кланообразующий признак — разделяется основателями клана, но не теми, кто присоединился позднее.*

1 *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. P. 27.

• ***Партийные кланы*** *основываются на общей истории участия их членов в посткоммунистическом транзите, в частности на их общей принадлежности к партии, создавшей свою собственную патрональную сеть в процессе конкуренции с другими партиями и сетями (особенно в патрональных демократиях [▸ 3.3.8]). Такие кланы, как правило, также испытывают раскол в идентичности, который проявляется в том, что основатели партии разделяют и ценят главный кланообразующий признак (членство в партии), тогда как принятые позднее участники клана не обязательно являются членами партии.*

• ***Братские кланы*** *основываются на маленькой, очень тесной и замкнутой компании друзей или коллег, которая образовалась в результате какой-либо общей социальность активности (например, в университете или спортивной секции). Такие кланы, как правило, также испытывают раскол в идентичности, который проявляется в том, что главный кланообразующий признак (братство и близкая дружба) разделяют и ценят основатели клана, но не те, кто присоединился позднее.*

• ***Криминальные кланы*** *имеют в своей основе криминальную группировку, которая, вероятно, в ходе посткоммунистического транзита трансформировалась из организованного подполья в организованное надполье. Такие кланы, как правило, также испытывают раскол в идентичности, который проявляется в том, что главный кланообразующий признак (принадлежность к преступной группе) разделяют и ценят основатели клана, но не те, кто присоединился позднее.*

К какому типу клана тяготеет правящая элита в отдельных посткоммунистических странах, зависит от **довольно случайных, личных факторов**[1]. Например, хотя в **посткоммунистических режимах Центральной Азии** именно высшее

[1] Китайская партия-государство борется с тенденцией неформальных патрональных сетей к присвоению государства по принципу «снизу-вверх» [▸ 5.6.2.3] и, вероятно, в тех же целях запрещает членам номенклатуры состоять в организациях, из которых потенциально происходят кланы. Эти

руководство коммунистической партии и служб безопасности сформировало патрональные сети, эти постсоветские республики имеют признаки сильной этнической разобщенности. Традиционные кланы, как правило, объединяются в племена, и порой племена образуют племенные союзы, которые в Казахстане называются словом «жуз» (*zhuz*). Верховный патрон иногда балансирует между несколькими подобными крупными этническими кланами, вовлекая их в функционирование режима и тем самым предотвращая появление клановой оппозиции[1]. На территории других государств кланы могут формировать шесть-семь региональных групп, а одна или две наиболее сильные из них начинают монополизировать имеющиеся позиции (Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). В других случаях множество независимых, конкурирующих на политической арене племен заставляют политическую систему прибегать к механизму парламентских обсуждений (Кыргызстан)[2].

Номенклатурные кланы особенно часто формировались там, где до смены режима различные службы безопасности и военные структуры играли наиболее важную роль из-за более жесткого характера их иерархических цепочек (например, в Азербайджане)[3]. Но даже в таких случаях не везде

организации включают в себя внутрипартийные фракции, официально не признанные объединения (такие как выпускники университетов, курсанты военно-учебных заведений) и неформальные региональные клубы (то есть партийные функционеры из одного региона). Таким образом, членам партии-государства «разрешается вступать только в те объединения, учреждение которых официально было одобрено правительством» (*Heilmann S.* 3.7. Informal Methods of Exercising Power // China's Political System. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. P. 184).

1 *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. P. 50.

2 По материалам интервью, которое один из авторов этой книги взял у канд. полит. наук Досыма Сатпаева (директора консалтинговой неправительственной организации «Группа оценки рисков», Алматы, Казахстан).

3 Ср.: *Hale H.* Patronal Politics. P. 149–153; *Széky J.* Bárányvakság [Дневная слепота]. P. 213–249.

номенклатура превращалась в клан. Действительно, на территории советской Центральной Азии высшее руководство коммунистической партии и служб безопасности сразу же сформировало неформальные патрональные сети, однако если мы начнем двигаться через православный регион в сторону западно-христианского, то увидим, что по мере продвижения все меньший процент членов номенклатуры становился членами посткоммунистической правящей элиты[1]. Это связано с тем, что **номенклатура, которая зависела от бюрократической иерархии, по большому счету не подходила на роль посткоммунистического клана**, основанного на неформальных связях и личной преданности верховному патрону. Этот момент хорошо иллюстрирует участь старых коммунистических партий в регионе. После смены режима патрональные автократии, ранее входившие в состав Советского Союза (особенно Туркменистан и Узбекистан), отделились от СССР под руководством местной партийной элиты или службы безопасности, не запустив при этом никакого демократического транзита[2]. Однако такие партии, по-видимому, могут существовать лишь временно и в конце концов теряют свое значение, исчезают или трансформируются в «националистические». Так, **бывший глава местной коммунистической партии**, укрепив свою власть через президентскую систему, **часто покидает старую партию и учреждает новую,** как змея, которая сбрасывает старую кожу[3]. Заметным исключением из этого правила является Туркменистан, где правящая партия остается коммунистической партией-правопреемницей. Это во многом объясняется тем, что основные демократические

1 *Szelényi I., Szelényi S.* Circulation or Reproduction of Elites during the Post-communist Transformation of Eastern Europe: Introduction // Theory and Society. 1995. Vol. 24. № 5. P. 615–638.

2 *Luong P.J.* Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia.

3 Ibid.

институты не были созданы даже формально (страна оставалась *де-юре* однопартийной системой до 2008 года)[1]. Однако если создание однопирамидальной системы происходило после более длительного транзита через патрональную демократию, как это было в России в ходе правления Ельцина и Путина, то новая патрональная сеть превращается в политическую партию, дистанцирующуюся от коммунистического прошлого, тогда как коммунистической партии приходится довольствоваться ролью оппозиции[2].

В **Украине** кланы, отличаясь своеобразным региональным характером, породили днепропетровскую и донецкую региональные группировки, которые включают множество малых и больших кланов и имеют в своем составе несколько важных для украинской политической жизни фигур и партий. Эти в значительной степени этнические кланы[3], сначала входившие в номенклатуру, а затем продолжившие свое существование в посткоммунистическую эпоху, «также были связаны с организованной преступностью. Формирование украинских кланов происходило в эпоху постсоветской „криминальной революции". Некоторые из лидеров этой „революции" оказались впоследствии полигархами и олигархами (включая дважды судимого Виктора Януковича и Рината Ахметова, который, как считается, с 1995 года возглавлял преступные группировки в Донецке). Другие остались на уровне поставщиков охранных услуг и глав группировок, осуществляющих рейдерские захваты. Криминальное подполье было одним из важнейших источников кадров для украинских кланов»[4]. Таким образом, в случае Украины можно говорить о наличии не только этнических, но и криминальных кланов.

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 242–248.

2 *Sz. Bíró Z.* The Russian Party System // Stubborn Structures. P. 319–352.

3 *Way L.* Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016.

4 *Minakov M.* Republic of Clans. P. 238.

Где-то между идеальными типами номенклатурного и братского клана находится приемная политическая семья Владимира Путина в **России**. Центр принятия решений приемной политической семьи базируется на тех связях, которые сложились (1) на нижних уровнях бывшей номенклатуры, состоящей из партийных функционеров и сотрудников службы безопасности, и (2) между людьми, родившимися в Ленинграде и закончившими Ленинградский университет (как и сам Путин). Строго ограниченный круг людей и географическая привязка дают основания называть его «питерским кланом»[1]. Несколько бывших членов номенклатуры заняли позиции в патрональной бюрократии [▸ 3.3.5], которая в результате стала важной частью путинской приемной политической семьи [▸ 7.4.2]. Как мы объясняем ниже, членство в путинском клане со временем изменилось, а он сам часто рассматривается в качестве «арбитра» между различными фракциями приемной политической семьи[2]. Тем не менее неясно, действительно ли он разрешает их споры или же просто позволяет субпатронам бороться друг с другом на более низких уровнях патрональной пирамиды [▸ 2.2.2.3]. Однако решающим моментом здесь является то, что роль простого арбитра — это нестабильная позиция по отношению к почти равным членам семьи и не описывает положение Путина. В действительности он распоряжается семьей и как верховный патрон может защищать или наказывать ее членов по своему усмотрению.

Наконец, наблюдать «взлет» братского клана можно в **Венгрии** на примере бывшей либеральной партии «Фидес». Эта партия была первоначально основана как молодежная организация, которая превратилась непосредственно в патрональную сеть, базирующуюся на студенческой дружбе

1 *Kryshtanovskaya O., White S.* Inside the Putin Court.

2 *Staun J.* Siloviki versus Liberal-Technocrats: The Fight for Russia and Its Foreign Policy. Copenhagen: DIIS Report, 2007.

и университетском братстве[1]. Трансформация партии и ее последующая победа на выборах 2010 года, где она смогла добиться большинства в две трети голосов, привели к тому, что Виктор Орбан и его окружение приобрели неограниченную политическую власть. Это позволило им ликвидировать индивидуальные и институциональные автономии, а также систему сдержек и противовесов парламентского устройства и объединить членов общества в однопирамидальную патрональную систему, где доминирует сеть Орбана. Конечно, это было сделано не на основе бывшей номенклатуры коммунистической партии и службы безопасности, однако «покорившиеся» члены номенклатуры были приняты в приемную политическую семью, а аппарат спецслужб был «приручен» для выполнения ее целей.

3.6.2.2. Подчиненный строй: роль отца семейства

Культурные паттерны главы приемной политической семьи и характеристики его правления сильно отличаются от паттернов коммунистического диктатора. Первый редко демонстрирует свою власть, возглавляя парады или съезды партии, а ее проявления носят черты, свойственные отношениям внутри патриархальной семьи. Если рассмотреть роль главы приемной политической семьи в исторической перспективе, то ее истоки можно найти в архаичном патриархе, за которым следуют римский отец семейства (*pater familias*) и верховный патрон в патрональных автократиях. То, что объединяет эти роли, проще всего объяснить на примере **римского *pater familias*.** Римская семья как община, подчиненная изначально неограниченной власти отца семейства, располагала значительной автономией по отношению к государству. «Действие публичного права (*ius publicum*), а также власть магистратов

[1] *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 51–56.

в определенном смысле оканчивались на границе частных земельных владений, на пороге частных домов, за которыми начиналось действие норм частного права (*ius privatum*), предусматривавшего абсолютную власть главы семейства»[1]. Эта **власть распространялась на все сферы жизни, людей, имущество и деятельность семьи**. «Сущностью семьи считалась совокупность лиц, подчинявшихся власти одного и того же главы семейства»[2], начиная с его жены и детей, кровных и приемных, а также других живущих с ними родственников, и заканчивая разного рода зависимыми людьми и слугами. Показательно, что русское слово *семья*, происходит от древне-русского *съмиіа*, что означает «челядь», «домочадцы»[3]. В исторической перспективе можно наблюдать процесс постепенной эмансипации лиц различного статуса, принадлежащих к домочадцам патриархального отца семейства и подчиненных ему, то есть их освобождения от неограниченной личной и имущественной зависимости. За долгие века этого процесса мы, например, только в наши дни пришли к запрету семейного насилия[4].

В свою очередь, в патрональных автократиях **патриархальный глава приемной политической семьи** нелегитимным и незаконным образом **на национальном уровне распространяет свою власть** над людьми, имуществом и деятельностью семьи на юридически совершенно независимых от него граждан и их семьи, пользуясь при этом государственной монополией на применение насилия. Для него семья, дом, имение

1 *Földi A.* A Római Család Jogi Rendje [Правовой порядок римской семьи] // Rubicon. 1997. № 3–4. URL: http://www.rubicon.hu/magyar/oldalak/a_romai_csalad_jogi_rendje/.

2 Ibid.

3 Семья // *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/fc/slovar-209-4.htm#zag-11820.

4 *Felter E.* A History of the State's Response to Domestic Violence // Feminists Negotiate the State: The Politics of Domestic Violence / ed. by C. Daniels. Lanham: University Press of America, 1997. P. 5–20.

и страна принадлежат к одному культурному паттерну. Хотя формально он «**управляет**» страной, его деятельность **нельзя описать** этим глаголом так же, как и **деятельность отца семейства в рамках своей семьи**. В действительности **он скорее распоряжается людьми**, их имуществом и статусом. Соответственно, глагол «распоряжаться» более точно описывает управленческую деятельность верховного патрона во всех сферах социального действия.

3.6.2.3. Вассализация и построение карьеры при поддержке патрона

На первый взгляд, существует очевидное противоречие между тем, как мы описываем связи внутри группы, и ее иерархическим порядком, поскольку в контексте связей мы говорим, что кланы могут базироваться на маленьких группах или еще более тесных компаниях друзей, составляющих ядро неформальных сетей, тогда как теперь, в контексте иерархии, говорим, что верховный патрон по аналогии с отцом семейства подчиняет себе всех членов приемной политической семьи и распоряжается ими, что не предполагает наличия в клане равных акторов. Это противоречие разрешается в пользу иерархий: **горизонтальные связи**, хотя и могут поначалу присутствовать **в братстве**, **рано или поздно трансформируются в вертикальную патрональную иерархию**. По мере консолидации режима бывшие «товарищи» становятся «вассалами», то есть людьми, которые не только лояльны верховному патрону, но и готовы пожертвовать своей автономией, выполняя любое данное им задание, независимо от того, насколько оно унизительно в глазах общественности. Тех, кто не принимает вассализацию (то есть патронализацию), но при этом остается лояльным, отправляют на синекуру, где они получают должность с достойным доходом, но небольшим количеством или отсутствием должностных обязанностей.

Того, кто хочет сохранить свое достоинство и не проявляет лояльности, изгоняют[1].

По мере того, как в ходе автократической консолидации [▸ 4.4.1.3] «товарищи» по автократическому прорыву выводятся из игры, на их место приходят следующие поколения членов клана, которые не разделяют идентичность его первоначального ядра и подчиняются патрону по умолчанию[2]. Хотя **новички** более лояльны, чем первоначальные члены, считавшие себя равными патрону, **при получении политических должностей они, как правило, подвергаются различным тестам**: (1) **тест на лояльность** предполагает различные специфические задания (в действительности часто незаконные), при выполнении которых они должны доказать, что служат интересам клана в целом и верховному патрону в частности; (2) **тест на потенциальные возможности** предполагает наличие некоего вызова. Как правило, это непростая должность, где они должны показать профессиональные умения и мастерство; и (3) **компрометация** предполагает, что задачи, которые они выполняют в соответствии с пунктами (1)–(2), практически закрывают для них возможность начать альтернативную карьеру, не говоря уже о карьере в конкурирующей патрональной сети. Пункты (1)–(2) помогают укрепить доверие, тогда как пункт (3) формирует патронально-клиентарные отношения, поскольку компрометация означает, (1) что

1 Показательным является пример братского клана Орбана в Венгрии. Хотя сначала на вершине клана находилось около полудюжины политических акторов, спустя десять лет из всей команды остался только Орбан. Остальные были изгнаны из ближнего круга власти: Йожеф Сайер, Тамаш Дейч и Янош Адер были отосланы в Европейский парламент в Брюссель (хотя позднее место службы последнего было изменено, и он был вновь назначен президентом республики); Золтана Покорни сделали главой одного из столичных районов, Иштвана Штумпфа — членом Конституционного суда. Ласло Кёвер был назначен председателем парламента, а Аттилу Вархеди пристроили в частной сфере, аффилированной с приемной политической семьей.

2 Обзор на примере России см.: *Gaaze K.* Court and Politburo: Putin's Changing Inner Circle // Carnegie Moscow Center (blog). 22.09.2017. URL: https://carnegie.ru/commentary/73193.

новичка, совершившего незаконные действия, можно шантажировать, чтобы он и дальше выполнял приказы патрона, и (2) что он становится клиентом, которому требуется нечто (карьера или высокая должность), чем монопольно обладает патрон. Лишившись автономии после подобного трехступенчатого обряда перехода, такие люди на политических должностях являются одними из лучших слуг верховного патрона. Несмотря на то, что в перспективе они могут удалиться на синекуру в какое-нибудь тихое политическое захолустье, время от времени их могут вызывать для выполнения каких-либо ненавистных «дополнительных обязанностей». Таким образом, то, что является наказанием для бывших членов-основателей и соратников верховного патрона в прошлом, предоставляется в качестве награды для присоединившихся в последствии акторов.

3.6.2.4. Кланы или трибы? Нелояльность и аморальная семейственность

Поскольку патрональные автократии также являются мафиозными государствами, для верховного патрона, то есть крестного отца, **самым страшным грехом приемной политической семьи**, за которым всегда следует месть, является **нелояльность**. Лояльность — это важное условие как для принятия в семью, так и для получения доли ее доходов[1]. Акторы, желающие покинуть систему или вступить с ней в конфронтацию, могут быть наказаны за такие проступки и такими средствами, которые в либеральных демократиях сложно было бы себе представить. Из-за затрудненной деятельности институтов по поддержке демократии или их полной ликвидации, а также в силу создания патронально-клиентарной системы дискреционные инструменты, не доступные

[1] *Ledeneva A.* Can Russia Modernise? P. 39.

при условии, что система сдержек и противовесов работает исправно, а полномочия разделены, становятся доступными и используются, чтобы обеспечивать молчание и повиновение. Эти инструменты работают на самом глубинном уровне, их использование вызывает всеобъемлющие и долгосрочные последствия. А, как нам известно из криминологии, жертвы, сталкивающиеся с экзистенциальной угрозой, обычно молчат, потому что если заговорят, это лишь навлечет на них неприятности.

Именно поэтому невозможно покинуть систему мирно и по собственной воле. Глава политической семьи либо исключает из нее принятого ранее члена, либо преследует его в случае его отступничества. Независимо от того, был ли он президентом республики, назначенным на эту должность политической семьей, министром или членом парламента, он знает, какие последствия его ожидают в случае ухода или протеста. Эти последствия предполагают не просто потерю некоторых преимуществ, но и возможность полной потери средств к существованию. Отступничество влечет за собой не только «право стрелять», что означает, что другие члены семьи могут действовать в ущерб отступнику и использовать против него политические и экономические средства, но и «обязанность стрелять».

С другой стороны, **когда нелояльность считается грехом, члены политической семьи, совершившие какой-либо другой проступок**, будь то преступление против закона или нравственности, **в патрональных автократиях могут избежать наказания**. Имело ли место злоупотребление государственными должностями в личных целях, подделка официальных документов или домашнее насилие, не имеет значения, по крайней мере до тех пор, пока эти преступления не выходят за пределы того, на что был уполномочен актор [► 5.3.4.2][1].

[1] *Baez-Camargo C., Ledeneva A.* Where Does Informality Stop and Corruption Begin? P. 57.

Если общественность активно выступает против преступника или если на преступление следует исключительно серьезная реакция международного сообщества, то совершивший его может быть принесен в жертву. И все же эти люди могут быть уверены в одном: **верховный патрон всегда будет их поддерживать, обеспечивая их неприкосновенность и безнаказанность**. В крайнем случае по аналогии с программами защиты свидетелей политическая семья даст им возможность начать свою жизнь заново в другом месте, удалив их от взоров общественности. Однако это возможно только в том случае, если человек лоялен. В этом и заключается сила режима: он не сдает «врагам» своих людей. Для тех, кто осознает все потенциальные потери, которые можно понести, выбрав противоборство, а также все защитные преимущества послушания, конфронтация не только становится почти невозможной, но и теряет всякий смысл.

Термин «**аморальная семейственность**» (*amoral familism*) Эдуарда К. Банфилда, описывающий пропитанные мафиозными обычаями отношения в среде бедного населения Южной Италии, может быть также использован для описания правил поведения приемной политической семьи и мафиозного государства[1]. Аморальная семейственность в патрональных автократиях вытекает из внутренней культуры кланов и означает отсутствие какой-либо ответственности и солидарности в отношении тех, кто не принадлежит к приемной семье. Кроме того, аморальная семейственность часто приводит к манихейскому мировоззрению, которое делит мир на «нас» и «их» в целях защиты сети от посторонних людей, чьи интересы находятся под угрозой или нарушаются мафиозным государством [▸ 6.4.2.4].

В литературе, посвященной современной политике, для описания этого свойства применяется понятие «**трайбализм**»

1 *Banfield E.* Moral Basis of a Backward Society. New York: Free Press, 1967.

или «неотрайбализм», а лежащее в их основе понятие «триба» (от лат. *tribus* — племя) очень тесно связано с социологическим и антропологическим определением кланов (в том числе в работах Макса Вебера)[1]. Однако социологическая структура триб и их правящей элиты довольно сильно отличается от посткоммунистических кланов. Главное отличие состоит в том, что **в трибе черты, свойственные роли отца семейства, верховного патрона или крестного отца, не проявляются**. Как в доиндустриальных, так и в современных трибах власть вождя, как правило, ограничивается «советом старейшин» или похожим органом. При этом нередко существует какой-либо формализованный обряд или процедура, в рамках которой другие члены трибы могут бросить ему вызов[2]. В приемной политической семье требование лояльности и страшная кара за нелояльность, присущие роли отца семейства, не допускают подобных практик.

3.6.3. Как верховный патрон распоряжается своим статусом и имуществом

3.6.3.1. Предоставление защиты: крыша, порядок ограниченного доступа и накопление имущества

Распоряжаясь судьбой своего политического режима и страны, верховный патрон также распоряжается статусом и имуществом различных заинтересованных лиц, в особенности членов своей приемной политической семьи. Это становится

1 *Вебер М.* Хозяйство и общество.

2 См., например: *Bamfo N.* The Hidden Elements of Democracy Among Akyem Chieftaincy: Enstoolment, Destoolment, and Other Limitations of Power // Journal of Black Studies. 2000. Vol. 31. № 2. P. 149–173; *Gibson A.* Constitutional Experiences of the Five Civilized Tribes // American Indian Law Review. 1974. Vol. 2. № 2. P. 17–45; *Förster T., Koechlin L.* «Traditional» Authorities // The Oxford Handbook of Governance and Limited Statehood. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 231–247; *Baldwin K.* The Paradox of Traditional Chiefs in Democratic Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 20–65.

возможным благодаря максимальной амплитуде произвола, присущей всей его деятельности, и означает, что он может абсолютно беспрепятственно выбирать, в какой момент ему использовать свои публичные полномочия, а в какой момент действовать иначе [▸ 2.4.6]. Однако, как мы указывали на Схеме 2.2 в Главе 2, **дискреционное вмешательство государства может быть как позитивным, так и негативным**. Примером позитивного вмешательства является предоставление защиты.

• ***Предоставление защиты*** *предполагает дискреционное использование (государственных) средств в пользу определенного актора. В патрональных режимах патроны, как правило, предоставляют защиту своим клиентам.*

Внутри приемной политической семьи самым распространенным видом предоставления защиты является **крыша**. Исследуя Россию в период олигархической анархии [▸ 2.5.1], Волков определил, что изначально «этот термин относится к частному силовому партнеру — неважно, легальному или преступному — и обозначает комплекс услуг, предоставляемых [экономическим акторам] для обеспечения их физической безопасности и снижения степени риска деятельности их предприятий»[1]. Леденёва также изначально давала определение этому понятию: «защита сверху, которая может предоставляться группами, происходящими из криминальных структур, армии или спецслужб»[2], хотя позже обобщила его до «политического и криминального покровительства, получаемого в обмен на регулярные выплаты или другую финансовую поддержку со стороны бизнесменов»[3]. Наше определение, в которое мы пытаемся вместить как нисходящие, так и восходящие формы коррупции [▸ 5.3], является еще более общим.

1 *Volkov V.* Violent Entrepreneurs. P. 251–252.

2 *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 238.

3 *Ledeneva A.* Can Russia Modernise? P. 274.

• ***Крыша*** *— это неформальная, дискреционная защита чьих-то свобод и собственности от законных и незаконных посягательств.*

В случае приемной политической семьи самая важная разновидность крышевания — это обеспечение **безнаказанности**, то есть защита от правоохранительных органов и от различных наказаний, предусмотренных официальными контрольными органами. Насколько всеобъемлющей будет являться такая защита, зависит (1) от амплитуды произвола конкретного актора и (2) широты спектра институтов, внутри которых актор может прибегнуть к произволу. Лояльные члены приемной политической семьи находятся под особой защитой: верховный патрон как неопатримонильный / неосултанистский правитель, воспринимающий органы государственной власти как свои личные инструменты, имеет возможность диктовать решения или менять их на свое усмотрение [▸ 2.4.2]. До тех пор, пока у клиента есть надежная крыша, он может нарушать законы или совершать откровенные преступления абсолютно безнаказанно. Естественно, ему не все дозволено. Кроме того, верховный патрон обычно устанавливает конкретные географические и практические рамки (регион, город, министерство и т. п.), которые должны ограничивать сферу коррупционной деятельности клиента [▸ 5.3.4.2], и строго следит за тем, чтобы клиент не нарушал установленные границы. Однако пока клиент играет по правилам, он может быть абсолютно уверен, что институты, которые формально должны наказывать его за коррупционную активность, будут на практике не обращать на нее никакого внимания либо помогать ему ее сокрыть по (неформальному) приказу верховного патрона.

«Крыша» представляет собой нечто намного более важное, чем просто персональная защита. Без нее приоритет неформальных правил над формальными был бы непредставим. В условиях, когда действия акторов преимущественно опираются на неформальные нормы, интересы и предоставленные

права, а формальные нормы игнорируются, последние должны стать неактуальными, что возможно, только если контрольные механизмы, призванные обеспечивать законность и порядок, будут избирательно отключены. Таким образом, **акторы в режимах, основанных на неформальности, должны иметь крышу, что означает, что неформальные правила становятся важнее формальных**. Более того, актор может преследовать свои неформальные интересы, совершать преступления и коррупционные сделки только в том случае, если его крыша надежна: применительно к патрональной автократии это означает, что он уверен в том, что верховный патрон не лишит его крыши. Знаменитая поговорка «друзьям — все; врагам — закон» приобретает здесь буквальное значение[1], за исключением того, что мы ведем речь не о «друзьях» или подельниках, а о клиентах в подчинении у патрона [▸ 5.6.3]. Крыша по природе своей производит компромат, то есть улики, которые можно использовать в суде [▸ 4.3.5.2], а главный патрон всегда осведомлен обо всей незаконной деятельности, которую совершил клиент до того момента, пока не потерял крышу. Поэтому преступная природа этих отношений повышает у членов сети уровень повиновения, которого нет в режимах, основанных на законности, а нелояльность может привести к потере имущества или даже свободы (то есть тюрьме). Мы описывали одну из таких ситуаций в предыдущей главе, где губернатор Республики Коми Вячеслав Гайзер возглавлял подпольное субсуверенное мафиозное государство на протяжении многих лет, пока его, наконец, не осудили, хотя до этого в публичном доступе имелось достаточно доказательств и ходило много слухов о его сомнительной деятельности, которые не вызывали никакой официальной реакции сверху [▸ 2.5.2].

[1] Цит. по: *O'Donnell G.* The Quality of Democracy: Why the Rule of Law Matters // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15. № 4. P. 40.

Однако крыша — это не единственный вид предоставления защиты. На самом деле она является наиболее мягкой ее формой, которая требуется для самого базового управления государством, основанного на неформальности. В типологическом смысле можно выделить **три уровня предоставления защиты**:

- **защита**, то есть крыша, или устранение формальных препятствий для осуществления неформальных практик;
- **предпочтение**, то есть предоставление неравных возможностей членам приемной политической семьи по сравнению со сторонними лицами;
- **продвижение**, то есть активное содействие членам приемной семьи в накоплении богатства с помощью государственных средств.

Сам факт, что патрон кому-то покровительствует, уже создает нелегитимные преимущества, так как все остальные лишены этих преимуществ и вынуждены следовать формальным процедурам и правилам. Однако когда член приемной политической семьи удостаивается **предпочтения** патрона, это значит, что ему или ей **открывается доступ к ресурсам, которые остаются недоступными для не входящих в правящую политическую элиту людей**. К таким ресурсам относятся государственные должности, участие в госконтрактах, возможности для ведения международной торговли и практически все другие экономические и политические возможности, доступ к которым в либеральных демократиях, как правило, предоставляется на основании формальных норм и беспристрастного отбора [▸ 2.4.6]. Норт и его соавторы называют такую политическую модель порядком ограниченного доступа, внутри которого самые важные ресурсы резервируются исключительно за членами политической элиты [▸ 6.2.1].

Наконец, **верховный патрон может заниматься продвижением** члена своей приемной политической семьи, когда **перераспределяет государственные и частные ресурсы** в его

пользу, **используя инструменты государственной власти**. В основном это относится к экономическим акторам, входящим в приемную политическую семью, например к поддерживаемым патроном олигархам, олигархам ближнего круга, а также подставным лицам. Все эти люди являются главными бенефициарами тех практик, к которым периодически прибегает мафиозное государство, то есть (1) дискреционному вмешательству, введению избирательных норм и разрешению на осуществление монополии [▸ 5.4], (2) клептократическому управлению, направляющему государственные средства в частный карман, и (3) хищническому управлению, в рамках которого мафиозное государство отбирает компании и ресурсы сторонних лиц и передает их в собственность тех, кому верховный патрон оказывает поддержку [▸ 5.4]. Все эти практики включены в арсенал реляционного перераспределения рынка, являющегося главным экономическим механизмом реляционной экономики патрональных автократий [▸ 5.6]. Они также являются одной из лучших иллюстраций принципа интересов элит. Приемная политическая семья может накапливать имущество, деньги и активы, которые потом используются как для личных нужд, так и для укрепления политической монополии верховного патрона [▸ 5.3.4.4].

3.6.3.2. Нарушение целостности: угроза, преследование и атака

Противоположным предоставлению защиты является метод, который можно назвать «нарушением целостности» и который находится в левой части Схемы 2.2, описывающей негативный характер деятельности государства.

• ***Нарушение целостности*** *— это дискреционное использование (государственных) ресурсов и средств против формально независимого положения актора. В патрональных режимах патроны инициируют нарушение целостности, если акторы*

нелояльны, представляют из себя угрозу или кажутся легкой добычей.

Среди потенциальных жертв, подвергающихся нарушению целостности, только (бывшие) члены приемной политической семьи могут быть наказаны за **нелояльность**, тогда как все остальные жертвы — это, как правило, аутсайдеры, враждебно или нейтрально настроенные по отношению к режиму, объявленные либо угрозой, либо добычей. На самом деле, чтобы представлять **угрозу** для патрона, необязательно активно выступать против режима. Чтобы потенциально противостоять ему, достаточно иметь значительное количество независимых ресурсов и автономию. Под «ресурсами» могут подразумеваться экономические ресурсы, если речь идет об автономных олигархах [▸ 3.4.1.4], или политические, если речь идет об оппозиционных партиях [▸ 3.3.9] и медиаперсонах, которые могут разглашать не подлежащую разглашению информацию и тем самым влиять на общественное мнение и результаты выборов. С другой стороны, процедуре нарушения целостности подвергаются не все активно оппозиционные акторы, а только те, которые представляют реальную угрозу монополизации власти и накоплению личного богатства. В этом смысле мафиозное государство действует очень прагматично [▸ 4.3], так же как и при выборе **жертвы** [▸ 5.5.4.1]. На этапе циркулярного обогащения приемная политическая семья перераспределяет собственность, отнимая ее у частных владельцев [▸ 5.5.4.2], и использует ее для продвижения, а также накопления капитала для долгосрочного функционирования приемной политической семьи.

Процедура **нарушения целостности** имеет **три уровня**:

- **угрозы,** то есть устные предупреждения о предстоящей атаке, если жертва не подчинится политической семье;
- **преследование**, то есть «предупредительные выстрелы», которые не вредят жертве постоянно, но явно сигнализируют о враждебном отношении патрона;

• **атака,** то есть полномасштабное применение как законных, так и незаконных средств, потенциально ведущих к потере имущества, свободы или лишению жизни.

Угрозы не включают в себя никаких хищнических действий как таковых, но предшествуют им, то есть подразумевают преследование и атаки, призванные заставить жертву подчиниться. Если использовать знаменитое и очень емкое выражение из фильма «Крестный отец», то, по сути, это **предложение, от которого невозможно отказаться**. Что касается двух последних уровней, то преследование бывает в форме (a) этических, (b) экзистенциальных и (c) физических действий. **Этические** акты воздействуют преимущественно на имидж в глазах общественности, то есть их цель — испортить репутацию при помощи очерняющих кампаний (**уничтожение репутации**). Несмотря на то, что такое может происходить и в либеральных демократиях, существует несколько серьезных отличий[1]. Во-первых, патрональные автократии имеют свои патрональные СМИ, господствующие в сфере коммуникаций [▸ 4.3.1.2]. В отличие от либеральных демократий, где ведущее очерняющую кампанию СМИ окружено множеством других источников массовой информации[2], в патрональных автократиях подобные кампании могут опираться на патрональные СМИ и часто с использованием компромата представлять кого-либо врагом народа, безнравственным человеком или козлом отпущения. При этом у жертвы нет ни возможностей, ни ресурсов, чтобы ответить на обвинения, охватывая при этом такую же широкую аудиторию. Кроме того, в целях криминализации деятельности

[1] Здесь мы фокусируемся на характерных особенностях режима, связанных с другими чертами патрональных автократий. Подробнее о формальных различиях см. главу о черном пиаре в книге: *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 28–57.

[2] Ср.: *Min Y.* News Coverage of Negative Political Campaigns: An Experiment of Negative Campaign Effects on Turnout and Candidate Preference // Harvard International Journal of Press/Politics. 2004. Vol. 9. № 4. P. 95–111.

жертвы также может использоваться прокуратура, которая проводит тщательно фотографируемые аресты и инициирует расследования по неформальному приказу. Проще говоря, прокуратура может действовать фактически как участник кампании, которую ведет главный патрон [▸ 4.3.5.2]. Второе отличие между процедурами уничтожения репутации в двух режимах заключается в том, что в либеральных демократиях целевой аудиторией таких кампаний является электорат, который необходимо убедить в неприемлемости конкурентов. В патрональных автократиях уничтожение репутации (1) необязательно привязано к выборам, поскольку проводится не для электората как такового, а в целях нарушения целостности жертвы, и (2) в качестве целевой аудитории направлено на членов однопирамидальной сети, которые, как упоминалось выше, «обязаны стрелять», чтобы нанести ущерб жертве (или, по крайней мере, обязаны избегать ее), а также на других людей в статусе потенциальной жертвы. Если деятельность журналиста подвергается этическому нарушению целостности, то это сигнал другим журналистам, что им стоит опасаться аналогичных последствий, если они не будут повиноваться (негативное подкрепление [▸ 4.3.2.1]).

Последнее отличие заключается в том, что в либеральных демократиях в процедуру уничтожения репутации не входят **экзистенциальные** преследования или атаки. Слово «экзистенциальный» относится здесь к достатку или в более общем смысле к тем жизненным условиям индивида, которые определяют его благосостояние и доход. Преследование может включать в себя увольнение друзей и родственников с государственных должностей или позиций, связанных с экономической империей приемной политической семьи [▸ 6.2]. Наиболее очевидной формой экзистенциальной атаки является хищничество, то есть захват активов посредством централизованного корпоративного рейдерства. Наконец, **физические** преследования и атаки подразумевают белое и черное

принуждение, то есть использование для физической атаки на жертву полиции и преступных группировок соответственно [▸ 4.3.5.4]. Этот метод, как правило, является наихудшим вариантом и применяется, когда жертва непреклонна или когда другие методы просто нельзя применить, поскольку она обладает высокими моральными качествами и независимостью, а также, вероятно, и связями с зарубежными странами, куда может бежать. Однако в большинстве случаев верховный патрон может устранять риски, преследовать добычу и наказывать нелояльных акторов, не прибегая к физическим расправам, что делает принуждение в целом в рамках его режима более изощренным, чем в коммунистических диктатурах XX века [▸ 4.3].

3.7. СТРУКТУРА ЭЛИТЫ В ШЕСТИ РЕЖИМАХ ИДЕАЛЬНОГО ТИПА

В начале этой главы мы утверждали, что в либеральных демократиях сферы социального действия отделены друг от друга. Перейдя теперь к рассмотрению элит [▸ 2.2.2], мы можем сказать, что в этом типе режима правящая элита состоит исключительно из **политической элиты**, то есть из формальных членов ветвей власти. Кроме того, такая политическая элита **делится на тех**, кто поддерживает группу лиц у власти (и является ее частью), и тех, кто противостоит ей, то есть **оппозицию и ее лидеров**.

Однако в других режимах политическая элита частично или полностью объединена с другими сферами деятельности (**экономической и общинной**), что предполагает аннексию соответствующих этим сферам **элит**, которая призвана нарушить их автономию и подчинить иерархии правящей элиты.

Отобрав различные по роду занятий элиты из разных сфер [▸ 2.2.2], мы в форме идеальных типов описываем их отношения с политическими элитами во всех шести режимах идеального типа. До сих пор мы не давали точные определения этим режимам (поскольку для этого необходимы концепты, рассматриваемые в последующих главах), как и не определяли акторов для трех промежуточных типов режимов. Однако в Главе 1 мы описали общий характер этих шести типов режимов [▸ 1.6]. Для патрональных демократий характерно наличие конкурирующих патрональных сетей, то есть в этих режимах действуют акторы, встречающиеся также и в патрональных автократиях, такие как главные патроны, полигархи и олигархи, однако такие режимы обладают и некоторыми демократическими характеристиками, такими как правящая партия (вместо

партии — «приводного ремня»). Консервативные автократии больше всего похожи на либеральные демократии в том смысле, что социальные сферы в них отделены друг от друга, однако среди формальных государственных институтов там можно найти бюрократически патронализированные, а среди оппозиционных партий — нейтрализованные. Наконец, диктатуры с использованием рынка представляют из себя однопартийное государство с процветающим рынком частных услуг, а значит, в них можно обнаружить примеры сосуществования политбюро, партийных функционеров и партии-государства с предпринимателями и лоббистами (а также толкачами).

Чтобы представить режимы как идеальные типы, мы выбрали пять элитных групп и описали их связи с правящей политической элитой (но не между собой):

- **экономическая элита**, в которую входит элита предпринимательского сектора;
- **медийная элита**, в которую входят общенациональные СМИ, а также профессионалы, формирующие общественное мнение (журналисты и т. д.);
- **культурная элита**, в которую входят ведущие культурные деятели страны, артисты, режиссеры и т. п.;
- **административная элита**, в которую входят лица, принимающие решения в государственном аппарате (администрации), формирующие государственную политику и контролирующие ее исполнение;
- **правоохранительная элита**, в которую входят лица, принимающие решения в правоохранительных органах, сотрудники спецслужб, главный прокурор и т. п.[1]

Отметим, что два последних типа элит принадлежат к политической сфере, тогда как первые три — к экономической

[1] Эти элиты были выбраны по принципу наибольшей значимости для посткоммунистических режимов. Однако список может быть дополнен другими, не приведенными здесь элитами, такими как религиозные или военные элиты [▸ Заключение].

и общинной сферам. Идеальные типы **связей** этих элит, а также оппозиционной политической элиты с правящей политической элитой приведены в Таблице 3.5, где мы выделяем **три основных типа**:

- **отсутствие аннексии**, при которой политическая элита может только создавать правовую систему, но не участвует в принятии исполнительных решений другой элиты;
- **частичная аннексия**, при которой политическая элита участвует в принятии исполнительных решений другой элиты[1];
- **полная аннексия**, при которой политическая элита принимает основные исполнительные решения, а у аннексированной элиты нет никакой автономии.

Другими словами, в случае полной аннексии политическая элита по определению становится «элитой элит», поскольку члены исполнительной и законодательной власти имеют большее влияние на жизнь подчиненных элитных групп, чем наоборот. Однако это не то же самое, что **слияние**, которое мы также определяем и которое предполагает, что люди, формально принадлежащие к двум разным элитным группам, фактически становятся элитными фигурами в сферах жизни друг друга, размывая границы между этими группами.

Перед тем как перейти к рассмотрению элитных структур идеального типа (с примерами), необходимо сделать два технических замечания. Во-первых, они расположены в следующем порядке: сначала идут режимы полярного типа (либеральная демократия, коммунистическая диктатура и патрональная автократия), а затем три «промежуточных» (консервативная автократия, диктатура с использованием рынка и патрональная демократия), в которые, как правило, превращаются режимы

[1] Идеальный тип аннексии обозначает только то, что части определенных элит входят в состав правящей. Точное их количество или пропорциональное соотношение являются эмпирическими вопросами, ответы на которые будут разными в каждом конкретном случае.

Таблица 3.5: Аннексия элит правящей политической элитой в шести режимах идеального типа

	Экономическая элита	**Медийная элита**	**Культурная элита**	**Административная элита**	**Правоохранительная элита**	**Политическая элита (оппозиция)**
Либеральная демократия	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует
Коммунистическая диктатура	Полная	Полная	Полная	Полная	Полная	Не применимо
Патрональная автократия	Частичная (слияние)	Частичная	Частичная	Полная	Полная	Частичная (слияние)
Консервативная автократия	Частичная (только государство)	Частичная (только государство)	Отсутствует	Полная	Полная	Отсутствует
Диктатура с использованием рынка	Частичная	Частичная	Частичная	Полная	Полная	Не применимо
Патрональная демократия	Частичная (слияние; делится между пирамидами)	Частичная (делится между пирамидами)	Частичная (делится между пирамидами)	Частичная (делится между пирамидами)	Частичная (делится между пирамидами)	Отсутствует

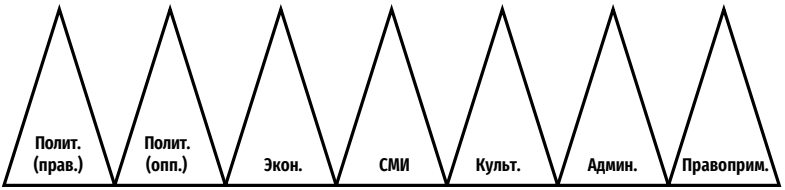
полярного типа, если приходят в упадок. Во-вторых, **элитные структуры идеального типа проиллюстрированы на схемах при помощи равнобедренных треугольников**, расположенных в определенных конфигурациях. Мы приводим для этих схем условные обозначения и хотим подчеркнуть, что **не стоит пытаться вкладывать в них какие-либо смыслы, не предусмотренные этими обозначениями**. Например, размер треугольников и то, насколько они перекрывают друг друга (в случае аннексии), зависит исключительно от возможностей редактирования и не отражает ни их абсолютные размеры, ни соотношение долей. Единственным исключением из этого правила является патрональная демократия, в которой типичная оппозиционная патрональная пирамида, как правило, меньше, чем правящая. Однако точная разница в их размерах в одном случае или размеры и соотношение долей (аннексии) в другом остаются на откуп эмпирических исследований.

3.7.1. Элиты в трех полярных типах режимов

3.7.1.1. Либеральная демократия: автономные элиты, демократическая политическая элита

Структура элиты идеального типа в либеральных демократиях представлена на Схеме 3.3. **Правящую политическую элиту** этого режима можно назвать **демократической**, потому что (1) она уважает автономию других элит в рамках публичной сферы и (2) характерна для идеального типа либеральной демократии. Таким образом, **элиты** здесь можно назвать **автономными**, поскольку в этом типе режима разделение социальных сфер и ветвей власти формирует такое общество, в котором ни одна из элит не доминирует. Через создание правовой системы **политическая элита определяет для других элит только диапазон возможностей**, но не вмешивается в исполнительные решения каких-либо их членов или групп.

Схема 3.3: Автономные элиты в либеральных демократиях идеального типа



Условные обозначения: Каждый треугольник обозначает элиту, а их вершины — верхушки элит

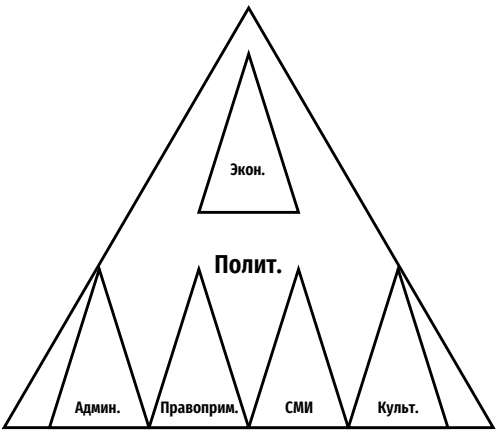
Политическая оппозиция законна и может действовать беспрепятственно [▸ 4.3].

Из всех стран посткоммунистического региона **Эстония** наиболее близка к либеральной демократии идеального типа [▸ 7.3.2.2]. Согласно докладу *Freedom House*, эстонские СМИ защищены законом и в значительной степени свободны от открытого политического влияния, а права собственности на СМИ находятся преимущественно в частных руках и зависят от коммерческих, а не политических интересов (в качестве проблем *Freedom House* отмечает «рост коммерциализации и незаконной рекламы»)[1]. В экономике в условиях свободного рынка доминируют предприниматели, а не олигархи, а государство после смены режима придерживалось консервативно-либеральной экономической программы[2]. Естественно, разделение сфер и изолированные треугольники на Схеме 3.2 не означают, что между этими элитами нет никаких связей. Лоббирование — это характерная черта либеральных демократий [▸ 5.3.1], и реформирование этой практики давно обсуждается в эстонской политике. Случались в Эстонии и коррупционные скандалы. Фигурантом самых громких из них стал бывший министр по вопросам окружающей среды Виллу Рейльян, который был осужден эстонскими судами за получение взятки в размере около 100 тыс. евро, а также оказывал содействие

[1] *Pettai V., Ivask P.* Estonia // Nations in Transit 2018. Freedom House, 2018. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/NIT2018_Estonia.pdf.

[2] *Bohle D., Greskovits B.* Capitalist Diversity on Europe's Periphery. P. 96–137.

Схема 3.4: Инкорпорированные элиты в коммунистических диктатурах идеального типа



Условные обозначения: Каждый треугольник обозначает элиту, а их вершины — верхушки элит. Треугольники, перекрывающие друг друга, обозначают аннексию

давнему сторонникy своей партии при обмене земельного участка[1]. Эстонские политики не аннексировали экономику. В Эстонии нет ни неформальных патрональных сетей, ни олигархов. У оппозиционных партий сильные позиции, правоприменение носит нормативный характер, а из-за пропорциональной избирательной системы правительства Эстонии, как правило, были коалиционными и множество раз сменялись[2].

3.7.1.2. Коммунистическая диктатура: инкорпорированные элиты, тоталитарная политическая элита

Структура элиты идеального типа в коммунистических диктатурах представлена на Схеме 3.4. **Правящую политическую элиту** этого режима можно назвать **тоталитарной**, потому что

[1] *Lumi O.* Comparative Insight into the Status of the Lobbying Regulation Debate in Estonia // Journal of Public Affairs. 2015. Vol. 15. № 3. P. 300–310.

[2] *Mikkel E.* Patterns of Party Formation in Estonia: Consolidation Unaccomplished // Post-Communist EU Member States: Parties and Party Systems. Aldershot; Burlington: Routledge, 2006. P. 23–49.

она максимально не уважает автономию других элит и радикальным образом стирает границы между различными социальными сферами и ветвями власти. Таким образом, речь идет об **инкорпорированных элитах**. Элиты, не являющиеся правящими, как правило, не обладают автономией и могут существовать только в рамках единой номенклатуры, управляемой партией-государством. **Организации, состоящие из инкорпорированных элит, выполняют функцию «приводных ремней» партии**, то есть являются лишь носителями и исполнителями воли марксистско-ленинской партии [▸ 3.5.2]. Это могут быть профсоюзы, женские организации, университеты и т. п. Только у ведущих деятелей этих «субэлит» есть шанс когда-нибудь попасть в обширный руководящий орган истинной политической элиты, а именно в центральный комитет коммунистической партии. В меньшие по размеру органы, принимающие фактические решения, то есть в политические комитеты, могут быть включены только руководители служб безопасности и представители военной элиты. **Политическая оппозиция незаконна**, а каждая группа, выступающая против системы, подвергается преследованиям.

Поскольку во всех коммунистических диктатурах инкорпорированные элиты имели аналогичную структуру, для ее иллюстрации можно взять **Советский Союз**. Ричард Саква в своей книге «Советская политика в перспективе» пишет, что Коммунистическая партия Советского Союза «была, по сути, высшей исполнительной ветвью власти советского правительства, где принимались или утверждались решения. [Это] естественным образом вытекало из отсутствия разделения ветвей власти»[1]. Он также отмечает, что партия контролировала государственную и правительственную системы через партийные группы внутри институтов и общественных организаций, обширную сеть партийных организаций,

1 *Sakwa R.* Soviet Politics in Perspective. London; New York: Routledge, 1998. P. 96–97.

назначения на номенклатурные должности и строгую систему проверки кадров на качество выполнения спущенных сверху инструкций[1]. Поскольку частная собственность была практически ликвидирована, не существовало и частных учреждений, СМИ или организаций культуры. Соответствующие элиты, напротив, подчинялись партии, которая выполняла «социализирующую» функцию через обширную агитационно-пропагандистскую сеть (агитпроп) [► 4.3.1.2][2]. Все цензурные и коммунистические органы были формальными, как и подчинение всех неполитических элит тоталитарной политической элите. Существование оппозиции также не допускалось, даже внутри самой партии, где фракции были запрещены еще на ранних стадиях[3].

3.7.1.3. Патрональная автократия: патронализированные элиты, монополистическая патрональная политическая элита

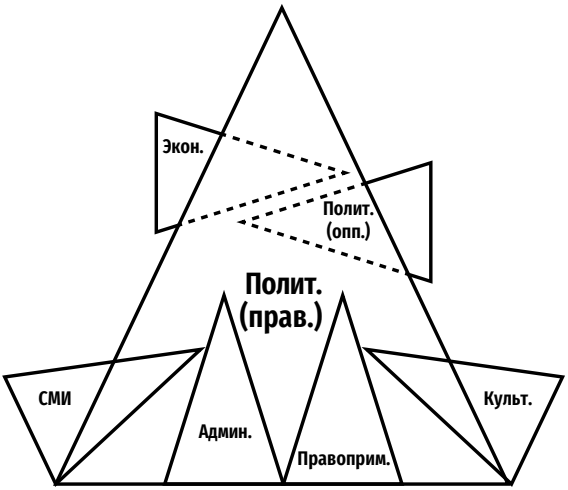
Структура элиты идеального типа в патрональных автократиях представлена на Схеме 3.5. **Правящую политическую элиту** этого типа режима можно назвать **монополистической патрональной политической элитой**, во-первых, потому что она подчиняет себе другие политические элиты, организуя их в патрональную сеть (этот процесс называется **патронализацией**), а во-вторых, потому что это единственная элита, которая действует подобным образом. Следовательно, **элиты** здесь **патронализированы**. В отличие от (полной) аннексии элит в коммунистических диктатурах здесь их подчиненное положение не носит тотального характера. И если элиты, принадлежащие к политической сфере, полностью

1 Ibid. P. 97–98.

2 Ibid. P. 100.

3 Ibid. P. 26–27.

Схема 3.5: Патронализированные элиты в патрональных автократиях идеального типа



Условные обозначения: Каждый треугольник обозначает элиту, а их вершины — верхушки элит. Треугольники, перекрывающие друг друга, обозначают аннексию, а пунктирные линии — слияние

патронализированы, поскольку правящая элита монополизирует политическую власть, то некоторые сегменты элит из других сфер социального действия остаются за пределами иерархической вертикали доминирующей сети однопирамидальной системы. Тем не менее у таких **независимых элит более низкий статус, и, конечно, они не имеют возможности влиять на режим**, **а те, кто может это делать** (то есть верхушки соответствующих элит), как правило, **аннексированы**.

Аннексированные **элиты номинально не инкорпорированы, но фактически подчинены**. Другими словами, если коммунистическая правящая элита (номенклатура) — это формальное, бюрократическое явление, то правящая элита патрональных автократий (приемная политическая семья) — это **неформальный феномен**, представляющий из себя совокупность формальных и неформальных позиций, организованных в патрональную сеть главным образом по принципу **слияния**. С одной стороны, патроны однопирамидальных

патрональных сетей обладают как политической, так и экономической властью (имея формальное право лишь на одну из них), вследствие чего **невозможно понять, к какой из соответствующих элит они принадлежат**. С другой стороны, **правящая и оппозиционная политические элиты также сливаются**, и оппозиционные партии работают в интересах правящей политической элиты, поскольку они являются либо фейковыми, либо прирученными приемной политической семьей. Независимые члены оппозиции либо маргинализируются, либо ликвидируются [▸ 3.3.9].

В России и **Венгрии**, хрестоматийных примерах патрональной автократии, есть как монополистические политические элиты, так и высокий уровень патронализации. Андраш Бозоки следующим образом описывает Венгрию после 2010 года: «Центральной фигурой системы является <...> патриархальный глава семьи <...>. Далее от него расходятся концентрические круги в виде важных, влиятельных и взаимозаменяемых сторонников. Несмотря на то, что парламент может голосовать при наличии большинства в две трети, членов парламентской группы выбирает сам Орбан. То же справедливо и в отношении руководителей учреждений, которые ранее были независимы от правительства. <...> Мафиозное государство распространяет свое влияние через неформальную пропаганду „семейственности", ассоциирующуюся с централизованной властью и фигурой лидера»[1]. Бозоки анализирует влиятельных формальных политических и экономических акторов и то, как они сливаются в единую правящую элиту, отмечая при этом, что они зависят от Орбана, который «контролирует их посредством систематических экзистенциальных угроз, пропаганды, цензуры, кооптации, демонстративной криминализации, дискриминационного правоприменения и других

1 *Bozóki A.* A Párttól a Családig: Hatalmi Rendszerek És Befolyási Modellek [От партии к семье: системы власти и модели влияния] // Magyar Polip 3 — A Posztkommunista Maffiaállam. Budapest: Noran Libro, 2015. P. 236–237.

подобных методов»[1]. Леденёва аналогичным образом описывает путинскую «систему», ее внутреннюю культуру и неформальную патронализацию институтов и людей[2]. Патронализация медийных элит проводится с помощью экономических средств, и большинство независимых журналистов вынуждены иметь неэлитный, невлиятельный статус в контролируемой сфере коммуникации [▸ 4.3.1.2], тогда как культурные элиты в обеих странах, как пишет Бозоки, «вместо культурных войн (*Kulturkampf*) [испытывают на себе] войну с культурой»[3]. Оппозиционные партии также нейтрализованы и частично инкорпорированы, и в обеих странах по отношению к ним применяют все описанные ранее методы[4].

3.7.2. Элиты в трех промежуточных типах режимов

3.7.2.1. Консервативная автократия: частично автономные элиты, авторитарная политическая элита

Структура элиты идеального типа в консервативных автократиях представлена на Схеме 3.6. **Правящую политическую элиту** этого режима можно назвать **авторитарной** (в противоположность демократической в либеральных демократиях) потому что она не уважает автономию других элит в рамках публичной сферы. Таким образом, **элиты** здесь **частично автономны**. С одной стороны, элиты, принадлежащие к политической сфере, **административная и правоприменительная элиты подчиняются** правителю, который ***де-юре* и *де-факто* принимает основные исполнительные решения**, регулирующие деятельность этих элит. По этой причине государство

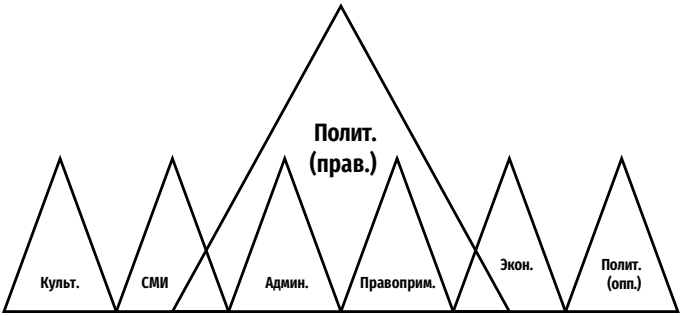
1 *Bozóki A.* A Párttól a Családig. P. 252.

2 *Ledeneva A.* Can Russia Modernise?

3 *Bozóki A.* Nationalism and Hegemony. P. 467–473.

4 *Sz. Bíró Z.* The Russian Party System. P. 319–352; *Ripp Z.* The Opposition of the Mafia State. P. 603–607.

Схема 3.6: Частично автономные элиты в консервативных автократиях идеального типа



Условные обозначения: Каждый треугольник обозначает элиту, а их вершины — верхушки элит. Треугольники, перекрывающие друг друга, обозначают аннексию

в консервативной автократии идеального типа обладает более широкими полномочиями, чем в либеральной демократии, которая в нашей категоризации предшествует консервативной автократии.

С другой стороны, в этом типе режима **политическая оппозиция законна** и может действовать беспрепятственно; **культурная элита**, как правило, отделена от политической сферы и **независима**; а **экономическая и медийная элиты инкорпорированы только в публичную сферу, тогда как их частные элементы сохраняют автономность**. Несмотря на то, что нормативно-правовая база, регулирующая их деятельность, может изменяться, они свободны в принятии собственных исполнительных решений.

Хотя в рассматриваемом регионе пока нет полностью сложившейся консервативной автократии [▸ 7.2.1], **Польша** предпринимает попытки стать ею с 2015 года. Соответственно, мы можем рассматривать правительство *PiS* как формальный орган, влияние которого на государственные СМИ (транслирующие проправительственную и антисоросовскую пропаганду)[1] и экономику неуклонно растет и который увеличивает долю

[1] *Wójcik A.* Poland // Nations in Transit 2018. Freedom House, 2018. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/NiT2018_Poland_0.pdf.

государственных предприятий и количество видов государственного контроля над частным сектором[1]. Тем не менее польская правящая элита применяет нормативные методы, а в самой *PiS* нет олигархов, что удерживает экономику страны от патронализации. Несмотря на сильное влияние церкви и продвижение идеологии, возведенной в ранг публичной политики [▸ 3.5.3.2], в Польше все еще есть независимая оппозиция, средства массовой информации и культурные элиты[2]. И все же в консолидированной консервативной автократии независимая оппозиция обычно нейтрализуется бюрократическими средствами[3], тогда как у польской оппозиции по-прежнему есть шанс с помощью выборов противостоять попыткам установления автократии [▸ 4.4.4].

3.7.2.2. Диктатура с использованием рынка: частично инкорпорированные элиты, доминантная политическая элита

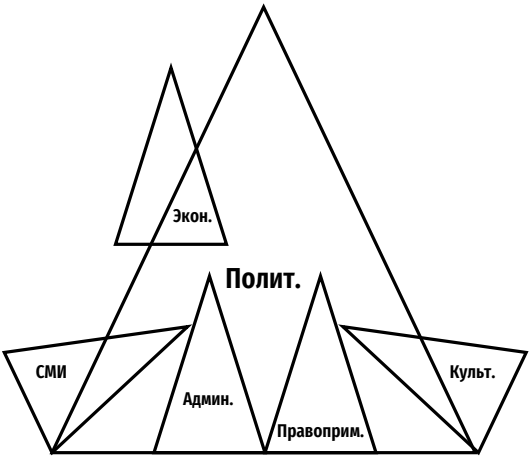
Структура элиты идеального типа в диктатурах с использованием рынка представлена на Схеме 3.7. **Правящую политическую элиту** этого типа режима можно назвать **доминантной политической элитой** (в противоположность тоталитарной в коммунистических диктатурах), потому что она оставляет другим элитам очень мало автономии либо не оставляет вообще, стирая при этом границы между различными социальными сферами и ветвями власти. Таким образом, речь идет о **частично инкорпорированных элитах**. С одной стороны,

1 *Kozarzewski P., Bałtowski M.* Return of State-Owned Enterprises in Poland // Paper presented at Seventh Annual Conference of the Leibniz Institute for East and Southeast European Studies. Regensburg, Germany. 30.05.2019.

2 *Wójcik A.* Poland.

3 Подобный пример, хотя и не из посткоммунистического региона, приведен: *Raby D.* Controlled, Limited and Manipulated Opposition under a Dictatorial Regime: Portugal, 1945–1949 // European History Quarterly. 1989. Vol. 19. № 1. P. 63–84.

Схема 3.7: Частично инкорпорированные элиты в диктатурах с использованием рынка идеального типа



Условные обозначения: Каждый треугольник обозначает элиту, а их вершины — верхушки элит. Треугольники, перекрывающие друг друга, обозначают аннексию

элиты, принадлежащие к политической сфере, **административная и правоприменительная элиты подчиняются** правителю, который ***де-юре*** **и** ***де-факто*** **принимает основные исполнительные решения, регулирующие действия** этих элит. С другой стороны, **экономическая, медийная и культурная элиты инкорпорированы лишь частично**, то есть сохраняют некоторую степень автономии в рамках жесткого государственного регулирования. Следовательно, в то время как в коммунистических диктатурах (которые в нашей классификации следуют за диктатурами с использованием рынка) единственной подлинной элитой является правящая, номенклатура диктатуры с использованием рынка не является единственной, а сосуществует с другими элитами. Более того, несмотря на серьезное государственное вмешательство, а также прямое влияние государства на исполнительные решения некоторых компаний, существует большое количество **автономных главных предпринимателей**, **составляющих верхушку экономической элиты**. Причиной этому становится

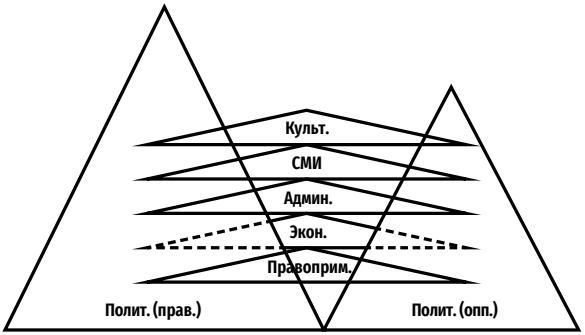
рыночный характер режима, который позволяет объемному частному сектору служить политическим или экономическим целям партии-государства [► 5.6.2.2].

Однако иметь формальную политическую организацию позволяется только номенклатуре. Элиты, покинувшие сеть партии-государства, могут пользоваться своим статусом принадлежности к элитам только индивидуально, и никто не может объединяться против правящей политической элиты. Таким образом, **политическая оппозиция объявляется незаконной**, а любая группа, выступающая против системы, подвергается преследованиям.

Среди всех рассматриваемых нами посткоммунистических стран **Китай** лучше всего подходит под описание диктатуры с использованием рынка. По мнению Селеньи и Михайи, «в течение 1980-х годов Китай строил „капитализм снизу" и <...> многие предприниматели, входившие в списки богатейших людей Китая даже в начале 2000-х годов, имели скромное происхождение (например, братья Лю или династия Юань). Даже тем, кто, кажется, соответствует образу политических капиталистов (такие как Ронг), все еще очень далеко до политических капиталистов из посткоммунистической России»[1]. Об интегрированности экономических элит свидетельствует судьба многих главных предпринимателей, которые либо разбогатели благодаря партийным связям, либо нуждались в защите партии. Однако некоторые из богатейших китайцев, такие как Джек Ма, заработали свое состояние на развитии инновационных информационных технологий или других высокотехнологичных отраслей. И хотя такие предприниматели, как Ма, все же вступили в Коммунистическую партию Китая, они по-прежнему довольно самостоятельны при принятии административных решений в своих компаниях в отличие от руководителей государственных предприятий в коммунистических

[1] *Szelényi I., Mihályi P.* Varieties of Post-Communist Capitalism. P. 198.

Схема 3.8: Частично патронализированные элиты в патрональных демократиях идеального типа



Условные обозначения: Каждый треугольник обозначает элиту, а их вершины — верхушку элит. Треугольники, перекрывающие друг друга, обозначают аннексию, а пунктирные линии — слияние. Оппозиционная пирамида, как правило, меньше, чем правящая

диктатурах до смены режима[1]. С другой стороны, СМИ и сфера культуры в Китае испытывают довольно серьезные ограничения, а Коммунистическая партия Китая (КПК) действует как доминирующая в политике партия-государство[2].

3.7.2.3. Патрональная демократия: частично патронализированные элиты, конкурирующая патрональная политическая элита

Структура элиты идеального типа в патрональных демократиях представлена на Схеме 3.8. **Правящую политическую элиту** этого режима можно назвать **конкурирующей патрональной политической элитой** (в противоположность монополистической в патрональных автократиях), во-первых, потому что она подчиняет себе другие политические элиты, организуя их в свою патрональную сеть (этот процесс называется **патронализация**), во-вторых, потому что это не единственная элита, которая действует таким образом.

1 *Brant R.* Why Is Jack Ma a Communist Party Member? // BBC News. 27.11.2018. URL: https://www.bbc.com/news/business-46353767.

2 *Heilmann S.* China's Political System. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016.

Следовательно, **оппозиционная политическая элита также имеет свою неформальную патрональную сеть**, которая патронализирует некоторые сегменты неполитических элит.

В этом типе режима **элиты частично патронализированы**. Каждая неполитическая элитная группа делится на три части. Одна часть патронализирована правящей политической элитой, вторая — политической оппозицией. В патрональную сеть правящей элиты также входят высшие слои неполитических элит, и она, как правило, больше, чем оппозиционная[1]. Наконец, существует третья, автономная часть, которая равноудалена от первых двух, то есть находится с ними в одинаково хороших отношениях, но избегает какого-либо патронального подчинения. Таким образом, наиболее часто поддерживаются клиентарно-клиентарные отношения вместо сугубо патрональных: неформальные сделки добровольно заключаются с существующими патрональными сетями без подчинения им, то есть с сохранением свободного входа и выхода. Наличие **автономных акторов** обеспечивается **конкуренцией патрональных пирамид**, то есть отсутствием такой политической элиты, которая обладала бы монополией на власть и, как следствие, доминировала бы в сферах социального действия. Кроме того, поскольку патроны патрональных сетей обладают как политической, так и экономической властью, происходит **слияние** сфер социального действия, и становится **невозможно определить, к какой конкретно элите — политической или экономической — эти патроны принадлежат**.

Украина была и остается патрональной демократией с самого момента распада Советского Союза. В своем исследовании Минаков перечисляет позиции, находившиеся в руках

[1] Если оппозиция разобщена, эта часть также может быть поделена между несколькими оппозиционными патрональными сетями. Для простоты мы описываем здесь ситуацию, при которой оппозиционная политическая элита консолидирована.

кланов, включая днепропетровскую и донецкую региональные группировки, которые контролировали основную деятельность приведенных выше элитных групп. В днепропетровской группировке неформальная патрональная сеть группы «Приват» контролирует некоторых членов парламента, парламентские партии и фракции (с 1998 года по настоящее время), заместителей руководителей Национального банка, менеджеров и членов правления государственных газовых и нефтяных компаний, тогда как малозаметный клан Кучмы — Пинчука с 2005 года контролирует некоторых членов парламента, заместителей министров и заместителей генерального прокурора. Донецкая региональная группа, в свою очередь, состоит из (1) «старых» кланов, которые контролируют «Партию регионов», вице-премьеров, губернаторов, членов парламента, некоторых министров и заместителей министров, налоговую администрацию и др.; (2) «новых» кланов, контролирующих губернаторов и мэров Донецка (1996–2014), должности в «Партии регионов», оппозиционный блок, отдельных членов парламента, парламентские фракции (с 1998 года по настоящее время), генеральных прокуроров, некоторых министров и др.; а также (3) малых и новейших кланов, которые контролируют судебные органы / некоторые суды, центральную избирательную комиссию, отдельных министров и государственные компании[1]. В условиях интенсивной патрональной конкуренции украинские олигархи обладали значительно большей автономией, чем российские, и после «оранжевой революции» [► 4.4.2.3] контролируемый олигархами парламент успешно удерживал полигархов в узде[2]. Согласно опросу, проведенному в Украине в 2015 году, олигархи считались наиболее влиятельными акторами: их выбрали

[1] *Minakov M.* Republic of Clans. P. 234–237.

[2] *Markus S.* The Atlas That Has Not Shrugged. P. 103. Также см.: *Markus S., Charnysh V.* The Flexible Few: Oligarchs and Wealth Defense in Developing Democracies // Comparative Political Studies. 2017. Vol. 50. № 12. P. 1632–1665.

44,6% респондентов, тогда как государственных чиновников выбрали только 21,8% населения[1].

Подводя итог, можно сказать, что **в посткоммунистических режимах завоевание элитами относительной автономии началось еще на ранних этапах смены режима, однако вскоре за ним последовало объединение элит в конкурирующие политико-экономические патрональные сети**. В тех государствах, где ротация конкурирующих политических сил продолжалась достаточно долго, у автономных экономических, культурных, медийных и других элит было больше шансов укрепить свои позиции или, по крайней мере, найти кров, присоединившись к какой-то из патрональных сетей, конкурирующих за власть, но не способных захватить ее полностью. Последний сценарий, вероятно, наиболее предпочтителен для стран, находящихся за пределами западной цивилизации и вне гравитационного притяжения ЕС [▸ 7.4.4], поскольку он позволяет создать мультипирамидальную структуру патрональной демократии, а не однопирамидальную патрональную сеть, в которую организованы акторы патрональных автократий.

[1] Цит. по: *Dubrovskiy V. et al.* Six Years of the Revolution of Dignity: What Has Changed? Kyviv: CASE Ukraine, 2020. P. 20.

4. Политика

4.1. ГИД ПО ГЛАВЕ

Четвертая глава посвящена **сравнительному анализу политических феноменов**. Этот анализ представлен в соответствии с логикой Таблицы 4.1, которая содержит множество концептов, рассортированных по трем полярным из шести идеальных типов режимов нашего треугольного концептуального пространства.

Глава начинается с описания типов гражданской легитимации и способов интерпретации общего блага, а также институтов, с помощью которых они поддерживаются и через которые осуществляется политическая власть. В Части 4.3 мы обращаемся к понятию публичного обсуждения, чтобы показать на его примере, как политические процессы в либеральных демократиях отличаются от соответствующих процессов в коммунистических диктатурах и патрональных автократиях. Мы определяем общее отношение этих режимов к институтам публичного обсуждения и показываем, как их идеология формирует это отношение, а также влияет на создание политических институтов. Эта часть затрагивает следующие темы: (1) СМИ и сферы коммуникации, включая реорганизацию медиарынков в патрональных автократиях; (2) протесты, ставящие под сомнение политику режима либо легитимность режима, и проправительственные митинги, политика групп интересов и типология партийных систем; (3) типология кампаний и выборов в трех режимах полярного типа и описание референдумов; (4) отличие публичной политики от патрональной и силовой, для которых характерны определенные типы законов — ограниченные или инструментальные, соответственно — и законодательные органы; а также (5) суды, прокуратура и институты государственного принуждения, от белого и серого до черного. В этой части мы

Таблица 4.1: Политические феномены в трех полярных типах режимов (с названиями частей и глав)

	Либеральная демократия	**Патрональная автократия**	**Коммунистическая диктатура**
Интерпретация общего блага	конституционализм	популизм	марксизм-ленинизм
	электоральная гражданская легитимация	электоральная гражданская легитимация	неэлекторальная гражданская легитимация
	публичное обсуждение представлений об общем благе (легитимные интерпретаторы — граждане)	патрональное присвоение права интерпретировать общее благо (легитимный интерпретатор — верховный патрон)	бюрократическое присвоение права интерпретировать общее благо (легитимный интерпретатор — партия-государство)
	легально-рациональное господство	субстантивно-рациональное господство	субстантивно-рациональное господство
Институты публичного обсуждения	открытая сфера коммуникации; свобода слова	контролируемая сфера коммуникации; вытеснение/геттоизация	закрытая сфера коммуникации; цензура
	конкурентная/ двухпартийная система	система с доминирующей партией и конкурентным окружением/фейковой оппозицией	однопартийная система
	маркетинговая кампания	кампания, формирующая лояльность	кампания с приостановлением прав
	честные выборы	манипулируемые выборы	выборы с одним кандидатом
	формальный процесс принятия решений (в парламенте); члены парламента являются политиками; принимающий решения законодательный орган	неформальный процесс принятия решений (вне парламента); члены парламента являются политическими подставными лицами; законодательный орган — «приводной ремень»	формальный процесс принятия решений (вне парламента); члены парламента являются партийными функционерами; законодательный орган — «приводной ремень»
	rule of law (власть закона) (равенство перед законом, равенство после закона)	*law of rule* (закон власти) (равенство перед законом, неравенство после закона)	беззаконие (неравенство перед законом, неравенство после закона)
	ограниченный закон; граждане подчиняются закону	инструментальный закон; закон подконтролен приемной политической семье	инструментальный закон; закон подконтролен партии
	нормативное правоприменение	политически выборочное правоприменение	политически выборочное правоприменение
	непредвзятое судопроизводство	политически выборочное судопроизводство	показательный процесс
	доказательство (при совершении преступления процесс запускается автоматически)	компромат (при совершении преступления процесс запускается на основании политического решения)	сфабрикованное обвинение (преступление отсутствует, процесс запускается на основании политического решения)
Защитные механизмы	защитные механизмы в пользу плюрализма	защитные механизмы в против плюрализма	отсутствует
	разделение ветвей власти	разделение ресурсов власти	отсутствует
	свободное гражданское общество	подчиненное гражданское общество	гражданского общества не существует
	протесты, ставящие под сомнение политику режима; мирная смена правительства (без смены режима)	протесты, ставящие под сомнению легитимность режима; смена режима / системное воспроизводство	протесты отсутствуют; смена режима (законная революция)

также описываем различные формы демократического и автократического легализма как характерную угрозу стабильности режимов и правовых систем.

Часть 4.3 посвящена концептуализации отдельных институтов, а Часть 4.4 описывает основные процессы, поддерживающие стабильность и самодостаточность режимов идеального типа. Мы называем эти процессы защитными механизмами и различаем их в трех идеальных типах режимов: либеральной демократии, патрональной демократии и патрональной автократии. Мы показываем, как разделение ветвей власти сохраняет либеральную демократию, разделение сетей власти поддерживает патрональную демократию, а разделение ресурсов власти гарантирует стабильность патрональной автократии. Рассматривая демократии, мы вводим такие понятия, как «попытка установления автократии», «автократический прорыв» и «антипатрональная трансформация». Эти понятия пригодятся нам при описании так называемых цветных революций в Евразии. Мы утверждаем, что при изучении цветных революций успешные попытки следует интерпретировать как защитные механизмы патрональной демократии, а не как триумф либеральной демократии западного типа. В контексте патрональных автократий мы рассматриваем неудачные цветные революции, а также монополистическую структуру таких режимов и использование верховным патроном инструментов государственной власти для сохранения статус-кво. В заключение мы обсуждаем типичную для таких режимов проблему преемственности, фигуру президента — хромой утки и возможность демократических изменений.

4.2. ГРАЖДАНСКАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБЩЕМ БЛАГЕ

4.2.1. Гражданская легитимация как основа современных государств

Политическая деятельность опирается на применение политической власти, то есть (1) легитимное насилие, (2) монополией на которое обладает государство в шести идеальных типах режимов [▸ 2.2]. Оба пункта определения важны. С одной стороны, **легитимная** политическая власть должна обладать определенными свойствами, чтобы люди согласились ей подчиниться[1]. С другой стороны, «монополия» **государства** на власть предполагает, что оно **является главным институтом сферы политического действия**. Таким образом, анализируя политические явления, необходимо обращать внимание на то, **каким образом,** в рамках каких институтов и с участием каких акторов **принимаются государственные решения**.

Начиная с эпохи Просвещения легитимность государства основывалась на понятии **народного суверенитета**. До этого правители могли опираться на так называемую божественную легитимацию (власть от бога), которая не подразумевала понятия «народ»: государство обладало легитимностью не потому, что выполняло волю народа или служило общему благу, а потому, что его господство признавалось священным[2]. Однако в современную эпоху государства полагаются на **гражданскую легитимацию**, то есть любая правящая политическая элита всегда заявляет о том, что она представляет волю

[1] *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 252–255.

[2] *Sternberger D.* Legitimacy // International Encyclopedia of the Social Sciences. New York: Macmillan, 1968. P. 244–248.

народа и/или (следовательно) служит **общему благу**, а значит, интересам своих граждан[1].

Соответственно, **все три полярных типа режима опираются на гражданскую легитимацию**. Кроме того, все три называют себя «демократиями», обосновывая это тем, что в действительности все они практикуют народовластие. Либеральные демократии также называют себя «конституционными демократиями»[2], патрональные автократии — «суверенными»[3] или «нелиберальными демократиями»[4], а коммунистические диктатуры — «народными демократиями»[5]. Однако в трех полярных типах режимов, что видно из их самоназваний, **гражданская легитимация интерпретируется по-разному** в зависимости от используемых нарративов и идеологических установок. Это напрямую связано с вопросом о принятии государственных решений, поскольку различные нарративы **легитимируют различные способы принятия государственных решений**.

В Таблице 4.2 приведены три нарратива: конституционализм, популизм и марксизм-ленинизм, которые кладутся в основу гражданской легитимации в либеральных демократиях, патрональных автократиях и коммунистических диктатурах, соответственно. Эти три нарратива отличаются по **типу актора или процесса, которому делегируется право интерпретировать общее благо**. Это может показаться тривиальным,

1 *Diggs B. J.* The Common Good as Reason for Political Action // Ethics. 1973. Vol. 83. № 4. P. 283–293.

2 *Graber M. A., Levinson S., Tushnet M. V.* Constitutional Democracy in Crisis? Oxford; New York: Oxford University Press, 2018.

3 *Okara A.* Sovereign Democracy: A New Russian Idea or a PR Project? // Russia in Global Affairs. 2007. Vol. 5. № 3. P. 8–20.

4 *Orbán V.* Speech at the 29th Bálványos Summer Open University and Student Camp. 28.07.2018. URL: https://www.kormany.hu/en/the-prime-minister/the-prime-minister-s-speeches/prime-minister-viktor-orban-s-speech-at-the-29th-balvanyos-summer-open-university-and-student-camp.

5 *Shilling H. G.* «People's Democracy» in Soviet Theory-I // Soviet Studies. 1951. Vol. 3. № 1. P. 16–33.

Таблица 4.2: Разновидности гражданской легитимации в трех режимах полярного типа (конституционализм, популизм и марксизм-ленинизм)

Конституционализм (в либеральных демократиях)	**Популизм (в патрональных автократиях)**	**Марксизм-ленинизм (в коммунистических диктатурах)**
всеобщая защита человеческого достоинства; представлена гражданами	защита нации, связанная с интересами одной группы лиц; представлена приемной политической семьей	защита рабочего класса, связанная с интересами одной группы лиц; представлена партией
индивидуализм	коллективизм	коллективизм
всеобщий подход на гуманистической основе	национализм на клановой основе (аморальная семейственность)	интернационализм на классовой основе
неограниченные моральные обязательства	ограниченные моральные обязательства	ограниченные моральные обязательства
плюрализм	антиплюрализм (мажоритаризм)	антиплюрализм
→ ПУБЛИЧНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ интерпретации общего блага: создание и поддержка разнообразных конкурентных процессов и каналов для выражения и реализации интересов и ценностей (люди являются гражданами)	→ ПАТРОНАЛЬНОЕ ПРИСВОЕНИЕ интерпретации общего блага: продвижение приемной политической семьи как высшего авторитета при принятии государственных решений, не нуждающегося в конструктивной критике и политической оппозиции (люди являются слугами)	→ БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ПРИСВОЕНИЕ интерпретации общего блага: продвижение партии как высшего авторитета при принятии государственных решений, не нуждающегося в конструктивной критике и политической оппозиции (люди являются объектами)

но «общее благо» невозможно определить объективно. Каждая разновидность легитимации указывает на определенных людей (или человека), которые обладают правом определять общее благо и интересы народа. Легитимация государства при этом происходит благодаря тому, что цели его деятельности прямо или косвенно устанавливаются легитимным интерпретатором.

Следующие три части посвящены трем типам идеологических оснований, разработанным для трех полярных типов режимов. Мы рассматриваем эти основания в веберианских

терминах легитимного господства и утверждаем, что каждое из них является разновидностью юридической власти. Если конституционализм представляет собой легально-рациональное господство, популизм и марксизм-ленинизм нацелены на установление субстантивно-рационального господства с той разницей, что последний предполагает революционную замену формальных институтов, а первый — нет.

4.2.2. Гражданская легитимация в либеральных демократиях: конституционализм

В либеральных демократиях идеологическим основанием гражданской легитимации является **конституционализм**. Отправными точками этого нарратива, берущего свои истоки в либеральной политической философии, являются **индивид** и уважение к его **достоинству**. Это значит, что с индивидом необходимо обращаться как со свободным человеком, имеющим право голоса в вопросах организации своей жизни. В теории либеральной демократии, как отмечает Уолтер Ф. Мерфи, совершеннолетние люди «как существа, достойные уважения по своей природе <...>, должны обладать значительной степенью самостоятельности, то есть статусом, который главным образом достигается в современном мире через возможность участия в управлении»[1]. Это значит, что конституционное государство [▸ 2.3.2] обязано:

- **уважать достоинство каждого человека**, поскольку каждый совершеннолетний, с которым государство имеет дело (как правило, в эту категорию входят все индивиды, оказавшиеся по какой-то причине на территории этого государства), достоин уважения по умолчанию (**всеобщий гуманизм**);

1 *Murphy W.* Constitutions, Constitutionalism, and Democracy // Constitutionalism and Democracy: Transitions in the Contemporary World. New York: Oxford University Press, 1993. P. 3.

• **защищать права каждого человека**, то есть государство не должно дискриминировать отдельных людей или группы, но относиться ко всем как к равным (**неограниченные моральные обязательства**);

• **гарантировать такую общественную среду, в которой не подавляется ни одно мнение и ни один интерес**, так как если личность каждого совершеннолетнего человека одинаково уважаема, это означает, что взгляды, ценности и интересы каждого человека одинаково легитимны и должны быть представлены (**плюрализм**).

Мы называем тип институциональной среды, которую легитимирует эта идеология, **публичным обсуждением**[1]. «Публичное обсуждение» означает, что вопрос о том, как должна использоваться политическая власть, решается в ходе обсуждения, при котором люди с разнообразными ценностями и интересами в **качестве легитимных альтернатив могут взаимодействовать и конкурировать** между собой. Это обусловлено тезисом о том, что в общественной сфере не должны подавляться ничьи взгляды и что все достойны уважения в равной степени просто по факту своего рождения[2]. На основании такой философии государство создает институты публичного обсуждения. Как пишут Филипп Шмиттер и Терри Линн Карл, либеральная демократия «предлагает множество конкурентных процедур и каналов для выражения интересов и ценностей: как объединяющих, так и разъединяющих, как функциональных, так и территориальных, как коллективных, так и индивидуальных. Все это составляет суть демократии»[3].

1 Ср.: *Bohman J.* Public Deliberation: Pluralism, Complexity, and Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

2 *Goodin R.* Reflective Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 1–22.

3 *Schmitter P., Karl T.* What Democracy Is... and Is Not // Journal of Democracy. 1991. Vol. 2. № 3. P. 6.

Опираясь на аргументацию Шмиттера и Карл, а также на процедурный минимум «полиархии»[1] Роберта Даля, мы можем дать более детальное определение публичного обсуждения, основанное на следующей цепочке публичных институтов:

1. дискуссия, в ходе которой каждый гражданин [▸ 3.5.1] государства имеет шанс выразить свои политические взгляды и услышать мнение других граждан в рамках мирных дебатов, где альтернативные мнения считаются легитимными, а следовательно, могут быть свободно представлены;

2. объединение, то есть процесс, при котором граждане могут самостоятельно решить объединиться в относительно независимые ассоциации или организации, представляющие их взгляды (например, группы интересов или партии), чтобы конкурировать с организациями и группами, созданными другими гражданами;

3. избрание, в рамках которого ценности и интересы трансформируются в (пропорциональное) представительство, формирующееся в ходе мирной ненасильственной конкуренции, где (1) практически все граждане могут участвовать либо в качестве кандидатов, либо в качестве избирателей, и (2) возможность представительства зависит от фактического мнения людей, выраженного через голосование (честные выборы и честный подсчет голосов);

4. законотворчество, в рамках которого законы и нормативные акты, то есть коллективные нормы и решения, обязательные для исполнения в обществе и подкрепленные государственным принуждением, принимаются представителями, избранными большинством голосов и определяющими, как будет применяться политическая власть;

5. правоприменение, в рамках которого принятые законы непосредственно приводятся в исполнение, то есть государ-

[1] *Даль Р. А.* Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. ГУ ВШЭ, 2010.

ство принуждает людей следовать своим правилам (опираясь на свою монополию на легитимное применение насилия).

Если обобщить, то публичное обсуждение — это процесс интерпретации людьми общего блага, при котором воля граждан кристаллизуется в ходе дискуссии (шаг 1), проявляет себя в гражданской активности (шаг 2) и выборах (шаг 3), организационно закрепляется через назначение представителей, работающих на условиях полной занятости (шаг 4), а ее практическая реализация обеспечивается политической властью (шаг 5). Однако мы разграничили эти фазы в сугубо аналитических целях, что не предполагает их изолированность друг от друга, то есть это не значит, что шаг 2 начинается, когда заканчивается шаг 1, а шаг 3 начинается, когда заканчивается шаг 2 и т. п. Скорее, **каждая последующая фаза подразумевает наличие предыдущей, но не требует ее полного завершения**. Эти фазы продолжают друг друга. Например, дискуссия не прекращается никогда и в действительности достигает своего пика в разгар избирательных кампаний фазы избрания.

Последнее свойство публичного обсуждения — это **цикличность**, которая предполагает, что все пять шагов этого процесса повторяются через определенные временные интервалы. Это необходимо для того, чтобы люди могли выбирать новых правителей, если их перестанет удовлетворять деятельность тех, кто представляет их интересы в настоящее время[1]. Таким образом, публичное обсуждение тесно переплетается с понятием **ответственности**, а суть цикличности заключается в том, что принятые ранее решения о применении политической власти регулярно пересматриваются. По мнению Шмиттера и Карл, «[демократические] власти несут публичную ответственность перед гражданами за свои действия, а граждане, в свою очередь, подспудно контролируют этот

[1] Подробнее о представительстве см.: *Urbinati N.* Representative Democracy and Its Critics // The Future of Representative Democracy. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2011. P. 23–46.

процесс, обеспечивая конкуренцию и взаимодействие своих выборных представителей»[1]. Кроме того, если механизм публичного обсуждения работает исправно, то в большинстве случаев результат демократической конкуренции невозможно предсказать, и ни одному из кандидатов не гарантируется защита в силу его политического положения. По словам Адама Пшеворски, либеральную демократию можно описать как **институционализированную неопределенность**, при которой институты помогают изменяющейся воле народа находить выражение в структуре и составе власти[2].

Конституция в том смысле, в котором она употребляется в выражениях «конституционализм» и «конституционное государство», **является институциональной гарантией публичного обсуждения**, обеспечиваемого и поддерживаемого государством[3]. Как отмечает Ким Лейн Шеппеле, «конституционализм укрепляет демократию, поскольку накладывает на все ветви власти два типа конституциональных ограничений: (1) условие о необходимости защиты государством достоинства и свобод индивидов, чтобы среди прочего они могли оставаться активными гражданами демократического государства; и (2) требование, чтобы все источники публичной власти были сменяемы в ответ на изменение мнения демократического большинства, а также подвергались обязательным юридическим проверкам, удерживающим власть в рамках закона»[4]. В наших терминах конституция — это институциональная гарантия, поскольку она предусматривает, что (1) государство обязано бороться с тенденциями, разрушающими

1 *Schmitter P., Karl T.* What Democracy Is... and Is Not. P. 4.

2 *Пшеворский А.* Демократия и рынок. Политические экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000.

3 *Sartori G.* Constitutionalism: A Preliminary Discussion // The American Political Science Review. 1962. Vol. 56. № 4. P. 853–864.

4 *Scheppele K.* Autocratic Legalism // University of Chicago Law Review. 2018. Vol. 85. № 2. P. 558.

описанные выше процессы публичного обсуждения (например, запрещать партии, напрямую угрожающие конституционному порядку и т. п.)[1], и что (2) власти ограничены таким образом, что в соответствии с конституционализмом не могут нарушить процесс публичного обсуждения даже большинством голосов. Как подытоживает Мерфи, конституционализм «полагает в качестве своего основного принципа уважение к человеческой жизни и достоинству. Чтобы защитить эту ценность, граждане должны иметь право на участие в политической жизни, а их правительство должно быть существенно ограничено в своих возможностях, даже если оно точно отражает волю народа»[2].

4.2.3. Гражданская легитимация в патрональных автократиях: популизм

В патрональных автократиях идеологическим основанием гражданской легитимации является **популизм**. В отличие от того, как это обычно происходит на Западе, в посткоммунистическом регионе популизм не строится на низовой мобилизации, бросающей вызов политическому истеблишменту и выталкивающей популистского политика наверх. В нашем регионе популизм скорее работает сверху вниз, то есть исходит от самих правящих кругов и призван легитимировать правление верховного патрона[3]. Для этого гражданская легитимация интерпретируется таким образом, что подразумевает **отказ от публичного обсуждения в пользу неограниченной**

1 *Fox G., Nolte G.* Intolerant Democracies // Harvard International Law Journal. 1995. Vol. 36. № 1. P. 1–70. См. также знаменитый «парадокс толерантности»: *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992.

2 *Murphy W.* Constitutions, Constitutionalism, and Democracy. P. 3.

3 *Ryabov A.* The Reasons for the Rise of Populism in Developed Countries and Its Absence in the Post-Soviet Space // Populism as a Common Challenge. Moscow: Political encyclopedia, 2018. P. 37–46.

власти правящей политической элиты. Естественно, популист не заявляет об этом открыто, но именно к этому все ведет, если власти предержащие используют популистскую логику.

Номинально популизм исходит из тех же предпосылок, что и конституционализм, поскольку также является формой гражданской легитимации и заявляет о служении общему благу[1]. Однако отправной точкой популизма является не индивид, а коллектив. Популисты часто говорят, что представляют «народ» и «общую волю» (*volonté générale*)[2], а после избрания — «нацию» и «национальные интересы»[3]. Таким образом, в популистском нарративе **любой, кто выступает против популиста, также идет против народа и нации** и, следовательно, не только заслуживает презрения с моральной точки зрения, но и **теряет легитимность.** Как отмечает Ян-Вернер Мюллер, популизм — «это особое моралистическое воображение политики, способ восприятия политической действительности, предполагающий моральную чистоту и внутреннюю однородность <...> народа, который противопоставляется коррумпированным и морально деградировавшим элитам. <...> Помимо того, что <...> популисты выступают против элит, они также противники плюрализма: популисты утверждают, что они — и только они — являются истинными представителями народа. <...> Базовая идея популизма — это морализированная форма **антиплюрализма**» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[4].

Провозглашая себя единственным легитимным представителем народа, популист отвергает процедуру публичного

1 *Pappas T.* Populism and Liberal Democracy: A Comparative and Theoretical Analysis. New York: Oxford University Press, 2019. P. 57–63.

2 *Mudde C.* The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. Vol. 39. № 4. P. 541–563.

3 *Bozóki A.* Broken Democracy, Predatory State, and Nationalist Populism // The Hungarian Patient: Social Opposition to an Illiberal Democrac. Budapest; New York: CEU Press, 2015. P. 3–36.

4 *Мюллер Я.* Что такое популизм? М.: Изд-во ВШЭ, 2016. С. 25–26.

обсуждения, которая основывается на том, что политические взгляды всех людей, будучи одинаково легитимными, должны конкурировать между собой. Следовательно, дискуссия о применении политической власти становится невозможной, поскольку **различные мнения и интересы не могут быть представлены легитимно,** если популистские деятели не допускают никакой критики и никаких идей, отличных от своих собственных, называя их «антинародными». Важно отметить, что оппозиция в принципе объявляется нелегитимной, теперь и всегда. Смысл в том, что, если люди начинают испытывать недовольство властью и готовы поддержать кого-то другого, их позиция автоматически считается нелегитимной. Так, популизм **лишает их шанса изменить свое мнение легитимным путем**, если они вдруг решат настроится против единственно легитимного популиста. Поэтому процесс публичного обсуждения, по сути, замирает (несмотря на то, что формально он сохраняет свою цикличность), а людям, независимо от того, насколько разумно и справедливо они голосовали, не остается никакого другого выхода, кроме как соглашаться с тем, каким образом популистские лидеры используют политическую власть. У граждан фактически отнимают право участвовать в принятии государственных решений, в то время как **популисты становятся единственными легитимными интерпретаторами общего блага**.

В результате **граждане**, считающиеся «ключевым элементом демократии»[1], в патрональных автократиях **низводятся до слуг** [▸ 3.5.1]. Несмотря на то, что *де-юре* их права кажутся защищенными, в реальности популистская идеология и автократические институты, которые она легитимирует, полностью обезоруживают граждан. Во-вторых, некоторые люди, главным образом те, кто находится в **оппозиции** к популисту, **исключаются из нации**, то есть лишаются статуса,

1 *Schmitter P., Karl T.* What Democracy Is... and Is Not. P. 5.

предполагающего защиту государством их прав[1]. В отличие от универсального / всеобщего подхода на гуманистической основе, характерного для конституционализма, популизм позволяет верховному патрону полностью игнорировать тех, кто не поддерживает его определение нации. Но в отличие от традиционного национализма, **национализм мафиозных государств направлен не на другие нации, а на свою собственную**, точнее на тех, кто не входит в приемную политическую семью или не подчиняется ей в качестве клиента, а также на ее противников. Другими словами, популистское определение «нации» фактически **ничем не отличается от определения клана** [▸ 3.6.2.1], а все те, кто не попадают в сферу влияния верховного патрона, вынуждены нести за это ответственность. Таким образом, «нация» приравнивается к приемной политической семье со всеми ее ответвлениями — от главного патрона до самых низовых слуг. Мафиозное государство занимается защитой **интересов узкой группы** своих людей и не защищает при этом интересы тех, кто настроен против верховного патрона. Таким образом, приемная политическая семья берет на себя лишь ограниченные моральные обязательства в форме **аморальной семейственности** [▸ 3.6.2.4].

В-третьих, популист, приравнивающий себя к «народу» и «нации» в своем собственном нарративе, также вооружается для защиты от внешних нападок, поскольку иностранные акторы, такие как международные НПО, политические союзы, наднациональные альянсы или даже влиятельные индивиды, по определению могут быть только против интересов народа, если они не согласны с популистом или тем,

[1] Здесь следует упомянуть, что мы даем определение популизма в соответствии с целями нашей работы, то есть для описания его проявлений в посткоммунистическом регионе в целом и патрональных автократиях в частности. Поэтому мы не включаем в наше определение так называемых левых популистов Латинской Америки. Ср.: *Mudde C., Kaltwasser C. R.* Exclusionary vs. Inclusionary Populism: Comparing Contemporary Europe and Latin America // Government and Opposition. 2013. Vol. 48. № 2. P. 147–174.

как он использует власть. В этом контексте опора на народный суверенитет превращается в опору на **национальный суверенитет**, в рамках которого популист по определению представляет народ и его интересы, а следовательно, и национальные интересы, против которых выступают его критики. В этом вся суть путинского нарратива о «суверенной демократии»[1], а также постоянные упоминания Орбаном национального суверенитета в многочисленных дебатах с ЕС[2]. Иными словами, популист может уходить от ответственности за свои действия и риторику, отражая таким образом иностранную и внутреннюю критику, которые в итоге даже играют ему на руку, поскольку помогают укрепить позицию «защитника осажденной нации».

В-четвертых, если популист является легитимным представителем народа, то, по словам Орбана, он, по сути, «обладает способностью определять национальный интерес без необходимости вступать в постоянные дискуссии об этом, то есть он сам представляет национальный интерес абсолютно естественным образом»[3]. Так, в популистском нарративе **система институтов публичного обсуждения теряет свою функциональность**, поскольку формирование публичного мнения и его трансляция снизу вверх становятся излишними, ведь популист действительно знает, чего хотят люди. Более того, популисты резко критикуют институты публичного обсуждения как коррумпированные и контролируемые влиятельными кругами («теневое правительство», «элиты» и т. д.), создавая тем самым подтекст для их реформирования по своему усмотрению. Другими словами, популист утверждает, что

[1] *Belousov A.* Political Propaganda in Contemporary Russia // Russian Politics & Law. 2012. Vol. 50. № 3. P. 56–69.

[2] *Ablonczy B.* General Narrative: The Struggle for Sovereignty // The Second Term of Viktor Orbán: Beyond Prejudice and Enthusiasm. London: Social Affairs Unit, 2015. P. 53–66.

[3] *Orbán V.* Megőrizni a Létezés Magyar Minőségét [Сохраняя венгерское качество жизни].

между ним и народом существует **прямая связь**, что он лично знает волю народа и представляет национальные интересы, как выразился Орбан, «абсолютно естественным образом», именно поэтому он стремится **освободить политическую арену от всех посреднических институтов и процедур**[1]. Путинский идеолог Владислав Сурков, придумавший понятие «суверенная демократия», также затрагивает этот аспект, утверждая, что в России есть «глубинный народ, недосягаемый для социологических опросов, агитации, угроз и других способов прямого изучения и воздействия», который Путин понимает и включает в центральную политическую повестку. Как пишет Сурков, «умение слышать и понимать народ, видеть его насквозь, на всю глубину и действовать сообразно — уникальное и главное достоинство государства Путина. <...> В новой системе **все институты подчинены основной задаче — доверительному общению и взаимодействию верховного правителя с гражданами**. Различные ветви власти сходятся к личности лидера, считаясь ценностью не сами по себе, а лишь в той степени, в какой обеспечивают с ним связь. <...> По существу же **общество доверяет только первому лицу**» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[2].

Выше мы обозначили, какие выводы можно сделать из популистской аргументации. Тем не менее, поскольку «популизм» — это фундаментально оспариваемый концепт, необходимо прояснить, в каком значении мы его употребляем. Мы посвятим этому часть Главы 6, где, рассмотрев подробнее понятие «идеологии», мы также дадим довольно новаторское определение популизма, опирающееся на введенный нами понятийный вокабуляр [▸ 6.4.3]. Однако чтобы продемонстрировать, какие вызовы популизм бросает конституционалистской

[1] *Макаренко Б.* Популизм и политические институты: сравнительная перспектива // Вестник общественного мнения. 2017. № 1–2 (124). С. 15–28.

[2] *Сурков В.* Долгое государство Путина // Независимая газета. 11.02.2019. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html.

риторике, на этом этапе достаточно **представить его в виде следующей цепочки рассуждений** (каждое из которых отражает одну из характеристик популизма):

1. популист позиционирует себя в качестве истинного представителя народа (опора на народный суверенитет)[1]; следовательно,

2. он не участвует в дискуссионной фазе публичного обсуждения, поскольку не считает легитимными мнения, отличные от «народных» или его собственных (**антиплюрализм**)[2]; следовательно,

3. он отказывается от системы институтов, выполняющих функцию медиатора воли народа, и провозглашает себя прямым представителем нации и ее общего блага (**плебисцитарный характер**)[3]; следовательно,

4. он утверждает, что институты должны служить основной цели, то есть институты и законы могут существовать, только если они служат общему благу, которое при этом интерпретирует сам популист как прямой представитель народа; если они не служат общему благу, то могут быть аннулированы (**мажоритаризм, неуважение к власти закона**)[4]; следовательно,

5. он борется с теми, кто выступает против основных целей, которые он устанавливает; как правило, это (a) господствующие властные круги, если популист находится в оппозиции к ним, или (b) прежние властные элиты, связанные с институциональной системой сдержек и противовесов, которым он пришел на смену (**антиэлитизм**)[5]; следовательно,

1 *Mudde C., Kaltwasser C.R.* Populism // The Oxford Handbook of Political Ideologies. Oxford: OUP Oxford, 2013. P. 493–513.

2 *Müller J.-W.* What Is Populism? University of Pennsylvania Press, 2016. P. 7–40.

3 *Körösényi A.* The Theory and Practice of Plebiscitary Leadership: Weber and the Orbán Regime // East European Politics and Societies. 25.09.2018.

4 *Pappas T.* Populism and Liberal Democracy. P. 31–48.

5 *Barr R.* Populists, Outsiders and Anti-Establishment Politics // Party Politics. 2009. Vol. 15. № 1. P. 29–48.

6. он усугубляет поляризацию политических сил, то есть разрыв между теми, кто поддерживает основную цель, и теми, кто настроен против; если популист приходит к власти, то выступающие против «общего блага» или те, кто могли бы ограничить его действия, исключаются из нации в целом и из числа тех, в отношении кого государство имеет моральные обязательства в частности (**риторика в духе «они против нас»**)[1].

Каждый из шести пунктов добавляет к определению популизма новую черту, тогда как все они вместе взятые довольно точно описывают популиста идеального типа. Необходимо также четко обозначить, что наше определение **подразумевает** наличие **харизматического лидера** (то есть персону, которую мы выше обозначаем понятием «популист»). Мы не включили этот аспект в наши шесть пунктов, поскольку мы пытаемся определить популизм как определенную логическую и идеологическую систему. Тем не менее сложно представить себе популизм, особенно в посткоммунистическом регионе, без «персоналистского характера, <...> выстраивающего плебисцитарную связь с народом» и получающего «разовое одобрение <...> общества и *де-факто* полный карт-бланш на осуществление любого политического курса»[2].

На этом этапе шесть характеристик популизма помогут нам **отличить его от смежных понятий**. **Демагогия**, пейоративное понятие, подразумевающее обращение к низменному «внутреннему чутью» простых людей, часто становится инструментом популизма, но не отражает все шесть свойств[3]. Похожим образом популизм может использовать риторику, **направленную против элит**, однако не все использующие ее акторы являются популистами, а только те, которые прибегают к описанной выше цепочке рассуждений. Кроме того,

1 *Rooduijn M.* The Nucleus of Populism: In Search of the Lowest Common Denominator // Government and Opposition. 2014. Vol. 49. № 4. P. 573–599.

2 *Макаренко Б.* Популизм и политические институты. С. 21.

3 Ср.: *Mudde C.* The Populist Zeitgeist. P. 542–543.

несмотря на то, что современные популисты активно представляют политический истеблишмент главной причиной социального, политического и экономического кризисов[1], ключевой целью их антиэлитарной повестки является отключение системы сдержек и противовесов. Иначе говоря, они пытаются обойти такие препятствия, как легитимная оппозиция или конституция, которые могли бы ограничить продвижение интересов правящей политической элиты (замаскированных под общее благо). Наконец, все успешные популисты, заполучившие достаточно власти для реконструкции институтов, практикуют некоторые аспекты **харизматического и плебисцитарного управления**, такие как установление прямой связи между лидером и управляемыми им людьми, которое воплощается в создании новой системы подчинения[2]. Однако харизма и плебисцитарное лидерство в веберианском смысле включают в себя еще один элемент, а именно возможность бросить ему вызов, которая подразумевает, что правитель участвует в соревновании, где превосходит своих соперников, а люди «свободно <...> снимают его [с должности] в том случае, если потеря харизмы и отсутствие ее подтверждения вызывают утрату подлинной легитимности»[3]. Конечно же, в патрональных автократиях популизм работает совсем не так: в них верховный патрон последовательно укрепляет свою неограниченную власть, в то время как оппозиция объявляется нелегитимной.

Из вышесказанного уже становится понятно, как в таких режимах принимаются государственные решения, то есть какую структуру институтов легитимирует этот нарратив. **Верховный патрон как популистский лидер монополизирует право интерпретировать общее благо**, вследствие чего получает наивысшие полномочия при принятии государственных

1 *Pappas T.* Populism and Liberal Democracy. P. 123–130.

2 *Pappas T.* Are Populist Leaders «Charismatic»? The Evidence from Europe // Constellations. 2016. Vol. 23. № 3. P. 378–390.

3 *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 303.

решений, то есть может единолично решать, как использовать политическую власть. Таким образом, он учреждает **неопатримониальное или неосултанистское государство** [▸ 2.4.2]. Другими словами, популизм легитимирует патримониализацию формальных демократических институтов [▸ 4.4.1.3]:

• ***Патримониализация*** *— это действие политического актора, направленное на отключение всех контрольных механизмов (системы сдержек и противовесов) структуры, которую он возглавляет либо к которой имеет доступ, для того чтобы в дальнейшем использовать ее как свое частное владение.*

Популистский нарратив, несомненно, очень подходит для неограниченной власти верховного патрона, поскольку нет никакой логической связи между тем, что он критикует («диагноз»), и тем, что он предлагает в качестве альтернативы («лечение»)[1]. Функция критики заключается только в том, чтобы подорвать легитимность ее объекта, например государственных институтов в лице правящих элит. Что с ними нужно делать дальше, решает верховный патрон. Хорошей иллюстрацией этого процесса является уже упоминавшаяся критика публичного обсуждения как коррумпированного и элитистского института. Эта критика может быть справедливой или нет, но в рамках популистского нарратива она нужна только для того, чтобы подорвать легитимность существующей системы, то есть попытаться представить ее как нелегитимную и предложить реконструировать ее так, как хочется популисту, а точнее, в соответствии с его монопольной интерпретацией общего блага (в случае публичного обсуждения речь идет о «непосредственном понимании» популистом воли народа и разрушении институтов публичного обсуждения).

Отсутствие логической связи между диагнозом и лечением объясняет, почему популистской в сущности можно назвать практически любую политическую программу: правую,

1 *Madlovics B.* A maffiaállam paravánjai. P. 334.

левую или какую-либо другую. Из-за этого свойства популизм часто называют «тонкой идеологией»[1]. Тем не менее корректнее будет назвать его не идеологией, а **идеологическим инструментом**, то есть стилем аргументации, который может использовать любой человек для оправдания своих действий независимо от того, придерживается ли он какой-то идеологии или нет [► 6.4.1.2]. Действительно, если признать популизм политической идеологией, хотя бы и тонкой, есть риск приравнять его к правым, левым, либеральным и консервативным идеологиям, которые в отличие от популизма действительно являются последовательными программами о надлежащем функционировании общества. В этом смысле популизм не идеология, так как его единственная функция — это легитимация. Популистский нарратив — это не более, чем гибкий инструмент, с помощью которого политический актор легитимирует себя и лишает легитимности других. Он не имеет никакого идеологического ориентира или концепции развития общества: **в нем нет ценностного наполнения, а есть только функциональное**.

Следует, однако, отметить, что комбинация разных политических программ также является важной характеристикой конституционализма, поскольку главная цель последнего — обеспечить нейтральную платформу для конкуренции идеологий. Тем не менее **популизм является полярной противоположностью конституционализма**, поскольку (1) **ему свойственен антиплюрализм**, то есть стремление пресечь конкуренцию идеологий; (2) **он проповедует моральные обязательства лишь в отношении небольшой группы людей**, то есть отрицает универсальные моральные обязательства в отношении каждого; (3) **он не принимает в расчет разнообразие интересов, а постулирует лишь один единственный «национальный интерес»**, то есть отрицает публичное

[1] Ср.: *Stanley B.* The Thin Ideology of Populism // Journal of Political Ideologies. 2008. Vol. 13. № 1. P. 95–110.

обсуждение и формализованные процессы рассмотрения и учета интересов различных социальных групп; и (4) **ему свойственен коллективизм**, то есть популисты рассматривают людей как группы (особенно в терминах «мы» и «они»), а не как автономных индивидов. Таким образом, **популизм отрицает либеральную политическую философию**, из чего вытекает именно такой тип гражданской легитимации, который часто встречается в патрональных автократиях. Неограниченность власти верховного патрона как в рамках приемной политической семьи, так и всей нации, не может быть легитимирована через конституционализм, так как последний подразумевает, что институты публичного обсуждения, конкуренция фракций и конституция должны ограничивать власть. Легитимировать власть верховного патрона способна только такая идеологическая основа, которая может гарантировать, что (1) любая оппозиция верховному патрону нелегитимна по умолчанию, (2) верховный патрон может легитимно игнорировать (формальные / конституционные) ограничения своей власти, и (3) верховный патрон решает, когда и по каким причинам игнорировать эти ограничения. Именно это и предлагает популизм как идеологический инструмент: легитимацию неподконтрольности и вместо публичного обсуждения **патрональное присвоение интерпретации общего блага** верховным патроном и приемной политической семьей.

4.2.4. Гражданская легитимация в коммунистических диктатурах: марксизм-ленинизм

В коммунистических диктатурах идеологическим основанием гражданской легитимации является **марксизм-ленинизм**. В сущности эта идеология имеет много общего с популизмом, но базируется на других принципах. Во-первых, для марксизма-ленинизма, как и для популизма, характерен **коллективизм**,

а также **защита интересов** не всех людей в рамках определенной политической единицы, а только **определенной группы**. Однако если в патрональных автократиях собирательное понятие «нация» имеет клановую основу, в марксизме-ленинизме группа, интересы которой защищаются, выделяется по **классовому признаку**. Действительно, фундаментом этой идеологии становятся «крестьянство и другие слои общества, [которые] являются союзниками пролетариата». Во-вторых, ту группу людей, интересы которой защищает марксизм-ленинизм, представляет соответствующий институт. В рамках популизма таким институтом является популистская правящая политическая элита, то есть верховный патрон и приемная политическая семья. В марксизме-ленинизме это партия-государство. Как пишет Корнаи, перефразируя официальную коммунистическую идеологию, рабочий класс «не осуществляет власть непосредственно, он представлен партией. **Партия есть передовой отряд рабочего класса, а потому в конечном счете и всего общества. Как авангарду ей предназначено вести за собой общество**. <...> Партия является организацией, которая, осуществив руководство революцией и разгромив ее врагов, доказала свою способность возглавлять народ» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1].

В-третьих, «представительство» выбранной группы через специально учрежденный для этого институт приводит к похожим результатам, а именно: к **антиплюрализму, делегитимации оппозиции и лишению людей возможности участвовать в управлении**. Однако **если популизм пытается замаскировать эти явления, марксизм-ленинизм заявляет о них совершенно открыто**. С одной стороны, сходство очевидно. Пытаясь передать идеологический посыл коммунизма, Корнаи пишет, что «[если] политике, проводимой властями, оказывается сопротивление со стороны тех или

[1] *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 81.

иных политических групп, это не означает, что с политикой не все ладно. Это лишь свидетельствует о том, что ее противники глупы, злонамеренны или просто являются рупором внутренних и внешних классовых врагов»[1]. Главный советник верховного патрона-популиста Виктора Орбана Дьюла Теллер похожим образом объясняет, что «настоящий суверен, который отваживается преследовать свои интересы», должен постоянно бороться с «„политическими тисками", создаваемыми объединенной местной и евроатлантической оппозицией»[2]. Такой же аргумент, записывающий всех оппозиционеров в иностранные агенты, которые всегда пытаются разрушить целостность и суверенитет нации, лежит в основе путинского популистского нарратива[3]. С другой стороны, марксизм-ленинизм «идет еще дальше. Широкая оппозиция народных масс также не может служить основанием для утверждения, что часть населения не поддерживает власть. **Партия лучше, чем сами люди, знает, чего требуют народные интересы**: именно это и означает „авангард". <...> Совокупность идей и методов, объединяемых понятием „научный социализм", гарантирует интеллектуальное превосходство <...>, поскольку позволяет партии понять интересы народа лучше, чем их понимают миллионы людей вне ее. Для тех, кто находится у власти, это **делает ненужным подчиняться контролю посредством процедуры выборов**, предполагающей наличие альтернативных партий. Действительно, такое подчинение было бы тяжелой ошибкой и преступлением против народа, поскольку большинство голосов может получить партия, которая плохо служит интересам людей. Процитирую

1 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 82.

2 *Tellér G.* Született-e «Orbán-Rendszer» 2010 És 2014 Között? [Возникла ли система Орбана между 2010 и 2014 годами?] // Nagyvilág. 2014. № 3. P. 346–367.

3 *Applebaum A.* Putinism: The Ideology // IDEAS reports — Strategic Updates. LSE IDEAS. London: London School of Economics and Political Science, 2013. URL: http://eprints.lse.ac.uk/59082/.

Сталина: „Партия не может быть действительной партией, если она ограничивается регистрированием того, что переживает и думает масса рабочего класса, если она тащится в хвосте за стихийным движением... Партия должна стоять впереди рабочего класса, она должна видеть дальше рабочего класса...“» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1].

Из этого вытекает четвертое и пятое отличия между двумя идеологическими основаниями. Что касается четвертого, то **в коммунистических диктатурах господство, которое легитимирует марксизм-ленинизм, является формальным, тогда как в патрональных автократиях господство, легитимируемое через популизм, неформально**. В обоих режимах происходит патримониализация, а также патронализация институциональной сферы.

• ***Патронализация*** *— это действие политического актора, благодаря которому он становится патроном (или расширяет свою уже существующую патрональную сеть), превращая других (новых) людей в своих клиентов в определенной сфере социального действия. Патронализация может затрагивать как индивидов, так и формальные и неформальные институты (организации).*

Однако, как мы отмечали в Главе 3, политической элитой в патрональных автократиях является неформальная патрональная сеть (приемная политическая семья), а в коммунистических диктатурах — бюрократическая патрональная сеть (номенклатура). Другими словами, в обоих режимах происходит ликвидация ранее добровольных и горизонтальных связей либо их встраивание в принудительные и вертикальные отношения, но в коммунистических диктатурах это происходит через формальные институты партии-государства, в котором члены номенклатуры расположены в строгом иерархическом порядке.

[1] *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 82. Также см.: *Сталин И.* Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1952. С. 66.

Пятое отличие — это **наличие или отсутствие выборов** как основы гражданской легитимации. И популизм, и конституционализм подразумевают электоральную гражданскую легитимацию. В либеральных демократиях в выборах участвуют граждане, чьи права человека соблюдаются как *де-юре*, так и *де-факто*. Патрональные автократии также проводят выборы, но их участниками скорее являются слуги, которые лишены своих прав *де-факто*, но не *де-юре* [▸ 4.3.3]. Кроме того, когда необходимо показать, что популист у власти является истинным представителем людей и нации, электоральная легитимация становится одним из его важнейших аргументов[1]. Однако в коммунистических диктатурах **марксизм-ленинизм подразумевает неэлекторальную легитимацию**, при которой партия-государство, используя изложенный выше аргумент, объявляет многопартийные выборы излишними и вредными и берет «на себя роль родителей: все остальные слои, группы или отдельные члены общества — дети, подопечные, чье сознание должно быть сформировано их взрослыми опекунами»[2]. Таким образом, **люди**, которые являются гражданами в либеральных демократиях и слугами — в патрональных автократиях, в коммунистических диктатурах в действительности — лишь **объекты**, и поэтому *де-юре* и *де-факто* лишены базовых прав и свобод. Номенклатура и партия-государство **бюрократически присваивают интерпретацию общего блага** (в противоположность патрональному присвоению в патрональных автократиях).

В-шестых, необходимо отметить, что неэлекторальные режимы (диктатуры) идеального типа практикуют массовый террор и гораздо более жестокие репрессии, чем возглавляемые популистами электоральные режимы (автократии). Это происходит потому, что марксизм-ленинизм **поддерживает**

[1] *Scheppele K.* Autocratic Legalism. P. 568–570; *Madlovics B.* A maffiaállam paravánjai. P. 326–327.

[2] *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 83.

значительно меньший процент населения (по сравнению с популизмом), так как он практически полностью исключает людей из процесса управления, что делает его диктаторскую природу более явной. Как показывает история, популисты были гораздо более убедительны в своих призывах к народу добровольно надеть на себя ярмо[1], и даже когда коммунисты добивались успеха, это происходило скорее в силу материальной легитимности, то есть обуславливалось ростом уровня жизни людей [▸ 6.3][2]. И все же марксизм-ленинизм не теряет своей актуальности в первую очередь потому, что эта идеология достаточно хорошо объясняет действия государства и устройство институтов в коммунистических диктатурах [▸ 6.4.1].

Седьмым и последним отличием между популизмом и **марксизмом-ленинизмом** является то, что последний **придерживается определенной политической программы**. Сущность этой программы заключается в слиянии сфер социального действия под властью партии-государства в целом и в национализации и коллективизации в частности [▸ 5.5.1]. Так, популизм, как это ни парадоксально, дает верховному патрону больше простора для маневра, чем марксизм-ленинизм — генеральному секретарю партии, который вынужден следовать коммунистической идеологии. Разумеется, поскольку в коммунистических диктатурах отключены механизмы контроля, а террор и принуждение применяются гораздо более широко, чем в патрональных автократиях, изменения в политической программе, а также идеологии вполне

1 *Guriev S., Treisman D.* The New Dictators Rule by Velvet Fist // The New York Times. 24.05.2015. URL: http://www.nytimes.com/2015/05/25/opinion/the-new-dictators-rule-by-velvet-fist.html.

2 *White S.* Economic Performance and Communist Legitimacy // World Politics. 1986. Vol. 38. № 3. P. 462–482. Кроме того, Уайт отмечает, что в периоды экономического спада коммунистические диктатуры, чтобы держать людей под контролем, вынуждены были адаптироваться, используя такие методы, как кооптация и пропаганда.

возможны[1]. Тем не менее у номенклатуры все же есть некая точка отсчета, которая устанавливает (более или менее мягкие) ограничения для конкретных направлений политики, тогда как у приемной политической семьи таких ограничений нет. Как бы то ни было, в обоих режимах интерпретация общего блага присваивается правящей политической элитой, и, соответственно, в ее руках концентрируется власть, необходимая для принятия государственных решений.

4.2.5. Типы легитимности по Веберу: популизм как требование легально-рациональной легитимности

Мы закончили изложение идеологических оснований гражданской легитимации в трех режимах полярного типа. Теперь имеет смысл сравнить их с **типами легитимного господства Вебера**, которые также иногда используют для описания этих режимов. В своем труде «Хозяйство и общество» Вебер различает три «чистых типа» легитимного господства: (1) **легальное**, которое базируется «на вере в легальность зафиксированных в формальных актах порядков и прав распоряжения, принадлежащих тем, кто призван к господству на основе этих порядков»; (2) **традиционное**, основанное «на повседневной вере в святость издавна действующей традиции и в легитимность основанного на этой традиции авторитета»; и (3) **харизматическое**, основанное «на выходящем за пределы повседневного опыта убеждении в святости или героической мощи или совершенстве какой-то персоны и провозглашенного или созданного ею порядка»[2]. Другими

[1] Наиболее отчетливо это видно на примере Китая, который номинально все еще провозглашает свою приверженность марксизму-ленинизму, тогда как в действительности экономика страны имеет капиталистическую природу [▸ 5.6.2]. Фундаментальное идеологическое обоснование см.: *Muqiao X.* China's Socialist Economy. Beijing: Foreign Languages Press, 1981.

[2] *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 254–255.

словами, главное оправдание легального господства звучит следующим образом: «потому что это закон»; традиционная власть опирается на формулу «потому что таков обычай»; тогда как харизматическая власть использует утверждение «потому что этот лидер — самый выдающийся».

По мнению Вебера, власть, основанная исключительно на одном типе господства, является редким явлением, и легитимное господство в современных государствах, как правило, базируется на комбинации всех трех типов[1]. И хотя мы всецело согласны с ним и также говорим о доминирующих типах легитимации в шести идеальных типах режимов, а не о тотальных, наш анализ трех идеологических оснований показывает, что **их нельзя в полной мере описать, используя только эти три веберианских термина**. В частности, Вебер описывает легальную власть как «рациональный» тип правления, однако, в нашем случае этот признак подходит ко всем трем режимам полярного типа. Действительно, все они рациональны в двух смыслах. Во-первых, во всех трех идеологиях порядок прихода к власти четко обозначен: как в конституционализме, так и в популизме выборы играют центральную роль в обеспечении легитимности правящих политических элит, тогда как в марксизме-ленинизме партия берет на себя роль авангарда общества, доказав свой потенциал путем успешного руководства революцией. Во-вторых, профессиональная бюрократия, которую Вебер связывает в основном с легально-рациональной властью, при которой иерархически организованное госуправление проявляет себя в наиболее совершенном виде[2], также играет важную роль во всех трех наших режимах идеального типа, хотя и в разных формах [▸ 3.3.5]. Кроме того, у популизма и марксизма-ленинизма есть свойство, которое нельзя отнести ни к одному из веберианских типов, а именно: они легитимируют деятельность правителей, ссылаясь

1 Там же. С. 300–303.

2 Там же. С. 256–264.

на коллектив, а не на закон, традиции или исключительность отдельного лидера как таковые.

Это указывает на то, что теории Вебера недостаточно для того, чтобы описать интересующие нас явления. Так, понятие «рациональности» по изложенным выше причинам следует считать зонтичным и выделять в его рамках как минимум два подтипа: **легально-рациональную и субстантивно-рациональную легитимность**[1]. **Первый подтип** представляет собой то, что Вебер называет собственно легальной (рациональной) легитимностью, то есть такое положение вещей, при котором **люди расценивают упорядоченные законные процедуры, осуществляемые государством**, а также позволяющие выбирать представителей и принимать решения, **как самоцель**. Таким образом, если кто-то получает власть посредством этих процедур и руководствуется ими в своем управлении, он автоматически приобретает легитимность. **В случае субстантивной рациональности** институты, хотя и продолжают существовать и играют важную роль в легитимации политической системы и/или управлении ею, скорее рассматриваются не как самоцель, а как средство достижения общего блага (Таблица 4.3).

Конституционализм опирается на легально-рациональную легитимацию, **популизм отказывается от последней, заменяя ее на субстантивно-рациональную**. Марксизм-ленинизм, по сути, делает то же самое (то есть переключается с легальной рациональности на субстантивную), но при этом является открыто революционной идеологией. В режимах, где марксизм-ленинизм — доминирующая идеология, сохраняется соответствие формальных правил и практики: как мы показываем ниже, коммунисты открыто провозглашают свою приверженность субстантивной рациональности и устанавливают

[1] Мы позаимствовали этот термин у Ивана Селеньи, приславшего нам рукопись книги, которую он опубликовал вместе с Петером Михайи в конце 2019 года. См.: *Szelényi I., Mihályi P.* Varieties of Post-Communist Capitalism. P. 43–47.

Таблица 4.3: Легально-рациональная и субстантивно-рациональная легитимность

	Легально-рациональная легитимность (конституционализм)	**Субстантивно-рациональная легитимность (популизм, марксизм-ленинизм)**
Носитель легитимности	Безличные институты (выраженные в формальных правилах)	Индивидуальные акторы (состоящие в формальной или неформальной организации)
Статус правящей элиты	Подчиняется закону	Обслуживается законом
Характер процессов	Совещательный: согласование интересов множества акторов	Декларативный: продвижение интересов одного актора (другие интересы подавляются)

диктатуру, формально оправдываемую необходимостью защитить рабочий класс. В отличие от этого патрональные автократии никогда не возводят защиту интересов отдельной группы людей в ранг официально принятого закона. Происходит обратное: формальные демократические институты, как правило, используются инструментально в рамках субстантивной рациональности. Одним словом, если закон не служит «общему благу», им можно пренебречь. Однако поскольку приемная политическая семья присваивает интерпретацию общего блага (патрональное присвоение), субстантивная рациональность **проявляется в пренебрежении верховенством закона и поддержке любого решения, принимаемого правителями**, несмотря на то, что последние фактически вынуждены следовать принципу интересов элит [► 2.3.1]. Другими словами, в то время как легально-рациональная легитимность конституционализма подразумевает совещательный процесс согласования интересов множества акторов, **субстантивно-рациональная легитимность носит декларативный характер**: один актор объявляет, как все должно быть, тогда как все другие (отличающиеся) интересы либо просто игнорируются, либо подавляются.

4.3. ИНСТИТУТЫ ПУБЛИЧНОГО ОБСУЖДЕНИЯ В ТРЕХ РЕЖИМАХ ПОЛЯРНОГО ТИПА

В Главе 1 мы приводили определения демократии, автократии и диктатуры, предложенные Корнаи, которые включают в себя наиболее важные, характерные для этих режимов идеального типа институты и процессы [▸ 1.6]. В этой части мы представляем более **подробное описание политических институтов**, структурируя его в соответствии с **пятью шагами публичного обсуждения**, описанными выше. Мы определяем пять институтов: дискуссия, объединение, избрание, законотворчество и правоприменение — а также сравниваем, как они работают в либеральных демократиях, патрональных автократиях и коммунистических диктатурах.

В неискаженном виде публичное обсуждение присутствует только в либеральных демократиях. Однако есть две причины, по которым целесообразно говорить о публичном обсуждении и в контексте двух других полярных типов режимов. Во-первых, именно этот процесс включает в себя самое большое разнообразие институтов, которые отвечают за взаимодействие между публичной и частной сферами, поэтому он является наиболее полной имеющейся у нас концептуальной структурой для обзора и оценки политических институтов. Во-вторых, хотя коммунистические диктатуры играют важную роль в рамках нашего анализа, большинство посткоммунистических режимов расположены в левой части предложенной нами треугольной схемы, между либеральной демократией и патрональной автократией. Эти режимы являются формально демократическими, поэтому в обоих типах присутствуют институты публичного обсуждения в сферах, связанных

с законами и нормативными актами. Таким образом, именно сравнительных анализ этих институтов поможет понять, какие между ними существуют различия в либеральных и патрональных режимах.

Во-первых, начнем с общего замечания о том, что каждый режим полярного типа имеет **свой особый подход** к институтам публичного обсуждения. Эти подходы, придающие институтам внутри режима определенный характер, можно обобщить следующим образом:

- **в либеральных демократиях** правящая политическая элита демонстрирует **всеобщее уважение и защиту** институтов публичного обсуждения;
- **в коммунистических диктатурах** номенклатура демонстрирует **доктринерскую репрессивность и контроль** по отношению к институтам публичного обсуждения;
- **в патрональных автократиях** приемная политическая семья демонстрирует **прагматическое использование и нейтрализацию** институтов публичного обсуждения.

На практике «всеобщее уважение и защита» означает, что существуют эффективные механизмы контроля, которые поддерживают и защищают эти институты, обеспечивая возможность беспрепятственного публичного обсуждения. «Доктринерская репрессивность и контроль», в свою очередь, означают, что партия-государство правит тоталитарными методами, вынуждая всех акторов во всех сферах социального действия соответствовать линии партии и наказывая тех, кто не желает подчиняться ее воле. Наконец, «прагматическое использование и нейтрализация» означают, что **патрональная автократия (1) подавляет только то, что представляет угрозу стабильности ее властной монополии, и (2) использует существующие институты или акторов, если те способны упрочить эту монополию**. Здесь отсутствует доктринерство в том смысле, что правящая политическая элита иногда не обращает внимания даже на те процессы, которые напрямую

противоречат функционированию режима. Все предоставлены сами себе, то есть могут пользоваться правами и участвовать в деятельности, связанной с демократическим публичным обсуждением (свобода слова, участие в выборах и т. п.) до тех пор, пока это не начинает представлять угрозу автократическому правлению. Кроме того, эти процессы становятся частью здорового функционирования политической системы, создавая демократический фасад, который препятствует резкому отторжению режима и позволяет избежать открытых репрессий, имеющих, как правило, довольно высокую цену как в плане потенциальной народной поддержки, так и в плане экономического развития (см. Текстовую вставку 4.1)[1]. Тем не менее у мафиозного государства есть все возможности для прямой атаки на любую внутреннюю угрозу, и чем эта угроза больше, тем более жесткие меры использует против нее приемная политическая семья. Эти меры могут включать физическое насилие, однако (1) в гораздо меньших масштабах, чем при любой диктатуре, которая, как отмечает Корнаи, использует массовый террор [▸ 1.6], и (2) только в отношении тех индивидов, которые не могут быть нейтрализованы или встроены в иерархию однопирамидальной патрональной сети. К ним, как правило, относятся преданные своему делу журналисты и политические активисты, которые сталкиваются с насилием в различных его проявлениях — от избиения в темном переулке до пыток или убийства[2].

Последнее замечание, которое необходимо сделать перед тем, как мы начнем рассматривать институты, состоит в том, что патрональные автократии проявляют такой же

[1] *Scheppele K.* Autocratic Legalism. P. 571–581; *Wilson A.* Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven: Yale University Press, 2005. P. 187–265; *Dobson W.* The Dictator's Learning Curve: Inside the Global Battle for Democracy. New York: Anchor, 2013.

[2] Это также зависит от приемлемости насилия в культуре страны, а также от уровня автократической консолидации. См. Часть 4.4.3.2.

прагматизм к своей идеологии. Действительно, как в демократии, так и диктатуре **подходы к публичному обсуждению,** а следовательно, и сами институты **обуславливаются идеологическими основаниями этих режимов**. Другими словами, конституционализм и марксизм-ленинизм предполагают наличие именно тех политических институтов, которые преобладают в соответствующих политических системах. Однако **в популизме такой логической связи не наблюдается. Популизм подразумевает только неограниченную власть автократа, а не то, как он использует свою власть**. В соответствии с субстантивно-рациональной легитимностью он может игнорировать законы, когда посчитает это целесообразным, однако это не объясняет, почему он игнорирует одни законы и при этом следует другим, как и не объясняет механизмы прагматического подхода к нейтрализации. Естественно, поскольку оппозиционные партии в отличие от популиста считаются нелегитимными, то их нейтрализация, а также попытка популиста удержать власть любой ценой всегда считаются оправданными. Но тогда остается неясным, почему это должно происходить тайно, с сохранением демократического фасада и многопартийных выборов (и если гражданская легитимация популиста происходит через выборы, то не понятно, почему он меняет электоральные правила и нейтрализует избирательный процесс [▸ 4.3.3] вместо того, чтобы просто просиять, оставив в тени всех своих соперников, как это сделал бы веберианский плебисцитарный лидер)[1]. На самом деле, нейтрализованный демократический фасад в *де-факто* автократических политических системах создается из уже упомянутых прагматических соображений, поскольку его главной функцией является сокрытие факта монополизации власти в глазах как международной, так и домашней аудитории.

1 Ср.: *Körösényi A.* The Theory and Practice of Plebiscitary Leadership. P. 284–287.

Текстовая вставка 4.1:
Прагматизм новых автократов

Новые автократы <...> избегают повторения хорошо известных всем сценариев, которые вызвали бы незамедлительную и непреодолимую общественную реакцию. Они выбирают более мягкие, но в итоге не менее разрушительные методы. Они маскируются под демократов и правят на основании своих электоральных мандатов. Они не разрушают унаследованные ими государственные институты, а, скорее, изменяют их назначение. Их оружие — это законы, конституционные поправки и институциональные реформы. <...> И они оставляют в игре достаточное количество несогласных, чтобы казаться политически толерантными. Вместо политики выжженной земли, которая уничтожает всех критиков режима, в таких системах можно найти пару-тройку небольших оппозиционных газет, несколько слабых политических партий, некоторые дружественные правительству НПО и, возможно, даже двух-трех видных оппозиционеров <...>. В них нет чрезвычайного положения или массовых нарушений традиционных прав. Для случайного посетителя, который пристально не присматривается к происходящему, страна в тисках [нового автократа] выглядит совершенно нормально. <...> Новые автократы стремятся заполучить неограниченную власть, однако они поняли, что для этого не обязательно уничтожать своих противников. Скорее наоборот. Для сохранения легитимного публичного образа целесообразно проявлять определенную демократическую открытость, поскольку так у них появляется возможность утверждать, что они не являются авторитарными правителями образца двадцатого века. Поэтому они допускают ослабленную оппозицию и другие демократические признаки жизни, такие как небольшие критически настроенные СМИ или несколько оппозиционных НПО, чтобы продемонстрировать, что они не полностью задушили политическую среду своей автократией[1].

1 *Scheppele K.* Autocratic Legalism // University of Chicago Law Review. 2018. Vol. 85. № 2. P. 573–577.

4.3.1. Дискуссия: СМИ и сферы коммуникации

4.3.1.1. Четыре права СМИ

Итак, давайте начнем с первой фазы публичного обсуждения, а именно дискуссии. В либеральных демократиях суть этой фазы заключается в том, что у каждого гражданина есть возможность выражать свои политические взгляды и обмениваться мнениями с другими гражданами. Однако это право подразумевает и наличие других прав. Как гласит статья 19 Всеобщей декларации прав человека: «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ»[1]. Таким образом, если дискуссия носит открытый характер и люди могут свободно выражать свои взгляды, это также означает, что они могут их свободно публиковать, транслировать и делать легкодоступными для поиска. Кроме того, поскольку для конкуренции различных взглядов необходимо их взаимодействие (что является сутью публичного обсуждения), каждый должен иметь право «искать, получать и распространять информацию и идеи».

Более структурированное изложение этих идей предложил Миклош Харасти, определив **четыре права СМИ** на основе статьи 19[2]:

- **право знать**, которое позволяет получать информацию о политике (в первую очередь ту, которая представляет общественный интерес и касается работы государства);

[1] Всеобщая декларация прав человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

[2] *Haraszti M.* Illiberal State Censorship: A Must-Have Accessory for Any Mafia State // Stubborn Structures. P. 371–384.

• **право говорить**, которое позволяет передавать информацию или чьи-либо мнения;

• **право выбирать**, которое предполагает доступ к большому количеству разноплановых СМИ;

• **право взаимодействовать онлайн,** которое позволяет свободно общаться и обмениваться информацией через интернет с людьми как внутри страны, так и за рубежом[1].

4.3.1.2. Открытая, закрытая и контролируемая сферы коммуникации

Четыре права СМИ помогают определить три **сферы коммуникации** идеального типа, каждая из которых ассоциируется преимущественно с одним из трех режимов полярного типа (Таблица 4.4). Мы определяем сферу коммуникации, сужая это определение до обсуждения политических вопросов, следующим образом:

• ***Сфера коммуникации** — это совокупность публичных и частных институтов, которые используются для коммуникации, то есть для передачи взглядов и информации политического характера от одного или нескольких человек другим людям.*

В либеральных демократиях сфера коммуникации, как правило, **открытая**, то есть по большому счету **все четыре права СМИ уважаются и поддерживаются**. Это является прямым следствием идеологии конституционализма и публичного обсуждения[2]. Во-первых, доступ к знанию и получению

[1] Харасти отмечает, что хотя «право на объединения и выбор — это, на первый взгляд, новые свободы, <...> на самом деле они уже содержатся в последних семи словах статьи 19: „любыми средствами и независимо от государственных границ“» *(Haraszti M.* Illiberal State Censorship. P. 375).

[2] Хотя в условиях идеального типа эти права соблюдаются, в реальности можно видеть небольшие расхождения, главным образом в том, как именно они соблюдаются. Подробнее о существующих моделях см. хрестоматийный труд: Comparing Media Systems Beyond the Western World / ed. by D.C. Hallin, P. Mancini. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Таблица 4.4: Открытая, закрытая и контролируемая сферы коммуникации

	Право знать (получение информации)	**Право говорить (передача информации)**	**Право выбирать (многообразие источников информации)**	**Право взаимодействовать (онлайн-информация)**
Открытая сфера коммуникации (права СМИ соблюдаются)	доступ к информации, представляющей общественный интерес	свобода слова (государство модерирует коммуникацию)	непредвзятые государственные СМИ; свободные частные (оппозиционные) СМИ	свободный доступ в интернет
Закрытая сфера коммуникации (права СМИ ущемляются)	отказ в доступе к информации, представляющей общественный интерес	цензура (государство пресекает нежелательную коммуникацию)	контролируемые государственные СМИ; частные (оппозиционные) СМИ запрещены	ограниченный доступ в интернет
Контролируемая сфера коммуникации (права СМИ нейтрализованы)	затрудненный доступ к информации, представляющей общественный интерес	свобода слова (государство ограничивает широкое распространение нежелательной коммуникации)	предвзятые государственные СМИ; вытесненные и гетоизированные частные (оппозиционные) СМИ	регулируемый доступ в интернет

информации о политических процессах допускается и даже намеренно упрощается. Другими словами, либеральные демократии идеального типа стремятся к **прозрачности** при принятии государственных решений. Так, представляющая общественный интерес информация, а именно точное содержание государственных решений, нормы кодификации и данные о расходовании налоговых средств на различные бюрократические и другие цели (за исключением довольно узкого набора данных, который засекречен в целях национальной безопасности), обычно находится в открытом и бесплатном доступе для всех граждан. В целом, как пишет Харасти, в либерально-демократических режимах «**граждане считаются естественными „владельцами" информации, с которой работает государство**»[1].

1 *Haraszti M.* Illiberal State Censorship. P. 379.

Во-вторых, в открытой сфере коммуникации в условиях **свободы слова** соблюдается право говорить. Следовательно, все граждане в равной степени свободно могут иметь и выражать политические взгляды, а мнение каждого человека воспринимается как потенциально легитимное предложение, как следует использовать политическую власть. Однако чтобы поддерживать такое положение дел и предоставлять каждому одинаковые возможности реального участия в публичном обсуждении, **государство берет на себя роль модератора**, ограничивающего мнения определенного рода и налагающего на них взыскания. Строго говоря, это относится только к враждебным высказываниям, которые открыто унижают человеческое достоинство других граждан и/или стремятся заменить мирную дискуссию насилием, то есть к таким, которые явно противоречат свободному духу публичного обсуждения[1]. Если речь не идет о враждебных высказываниях, государство остается политически нейтральным. Мнения, критикующие правительство или институциональный порядок, не призывающие при этом к насилию или открытой вражде, можно выражать и обсуждать как легитимные.

В-третьих, право выбирать в открытой сфере коммуникации подразумевает наличие (1) **непредвзятых государственных СМИ**, распространяющих действительно важные (и иногда сложные) политические новости полно и непредвзято[2], и (2) **свободных частных СМИ**, обеспечивающих наличие разнообразных источников информации, независимых от государства. Иными словами, тогда как государственные СМИ должны обладать механизмами обеспечения внутреннего плюрализма, роль частных каналов заключается в обеспечении плюрализма внешнего, в масштабах всей страны[3]. Естественно, частные СМИ могут производить и коммерческий контент,

1 *Hare I., Weinstein J.* Extreme Speech and Democracy.
2 *Soroka S. et al.* Auntie Knows Best?
3 *Haraszti M.* Illiberal State Censorship. P. 377.

однако, с точки зрения публичного обсуждения и сферы коммуникации, нас интересуют только СМИ, освещающие политические вопросы. В либеральных демократиях, как пишут Дэниел Халлин и Паоло Манчини, эти каналы могут быть (a) партийными, то есть независимыми от государства, но зависимыми от определенных политических партий, или (b) полностью независимыми от политических акторов и просто высказывать свое мнение по актуальным политическим вопросам, отражая разногласия внутри политической системы (политический параллелизм)[1]. При этом **гражданин** в любом случае является **свободным потребителем СМИ**, чье право выбирать обеспечено доступностью широкого спектра источников информации и политического контента.

Это приводит нас к четвертому и последнему праву — праву взаимодействовать онлайн. В открытой сфере коммуникации есть **свободный доступ в интернет**, и эта свобода понимается примерно таким же образом, как свобода СМИ, описанная выше. То есть интернет должен предоставлять «разнообразную и конкурентную цифровую публичную среду», в которой граждане могут создавать и потреблять политический контент, делиться информацией, объединяться и взаимодействовать друг с другом, невзирая на государственные границы[2]. С точки зрения публичного обсуждения, онлайн-пространство представляет собой универсальную платформу для дискуссий[3], тогда как право взаимодействовать онлайн гарантирует, что **ни один гражданин не может быть отрезан от мира и коммуникации против его воли**. Другими словами, в либеральных демократиях это право имеет первостепенное значение

1 *Hallin D., Mancini P.* Western Media Systems in Comparative Perspective // Media and Society. London: Bloomsbury Academic, 2011. P. 103–121.

2 *Zuckerman E.* New Media, New Civics? // Policy & Internet. 2014. Vol. 6. № 2. P. 151–168.

3 Ср.: *Fox R. Ramos J.* IPolitics: Citizens, Elections, and Governing in the New Media Era. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

для обеспечения **автономии** граждан, поскольку участие в политической жизни реализуется практически без какого-либо вмешательства или помощи со стороны государства.

Полярной противоположностью открытой сфере является **закрытая сфера коммуникации**. В соответствии с идеологией марксизма-ленинизма, этому типу свойственно **формальное и открытое ущемление всех четырех прав СМИ**. Государство отрицает право знать (информацию, представляющую общественный интерес) в том смысле, что функционирование режима не является прозрачным ни для собственных граждан, ни для иностранцев[1]. Право говорить и право выбирать также игнорируются, что обеспечивается тремя взаимосвязанными свойствами коммунистических диктатур:

1. государственная монополия и общий запрет **частной собственности**, которые подразумевают, что (1) каждое СМИ принадлежит государству и (2) частные СМИ запрещены;

2. СМИ являются подразделением партии-государства, а журналисты — членами номенклатуры, то есть они действуют в рамках бюрократического иерархического порядка;

3. контент ограничен цензурой или самоцензурой.

Таким образом, цензура в закрытой сфере коммуникации означает, что весь контент СМИ должен быть одобрен цензором, а в полном виде могут быть опубликованы только те тексты, которые идеально соответствуют линии партии. Тексты, которые не отвечают этому критерию, либо (a) сокращаются так, что из них удаляются те мнения или информация, которые не вписываются в официальную риторику диктатуры (а тем более противоречат ей или критикуют ее), либо (b) вообще не допускаются к публикации[2]. Однако важно

[1] Неудивительно, что лозунгом для проводимых Михаилом Горбачевым реформ в СССР стала «гласность», то есть в буквальном смысле «открытость», подразумевающая повышение прозрачности правительства, которого он номинально стремился добиться.

[2] *Dewhirst M., Farrell R.* The Soviet Censorship. Metuchen: Scarecrow Press, 1973.

отличать цензуру коммунистических диктатур от традиционной цензуры, которую практиковали докоммунистические режимы (в XIX веке), где писатели вынуждены были обращаться в цензурный комитет, который определял, может ли их произведение быть опубликовано[1]. Во-первых, в докоммунистическую эпоху цензор и деятель культуры находились в разных сферах социального действия, поскольку первый был политическим актором, а последний — общинным или экономическим. В коммунистических диктатурах нет отдельного цензурного комитета. По причине монополии государственной собственности и запрета частных СМИ человек искусства является наемным работником партии-государства и на соответствующих условиях включен в иерархию, где каждый начальник является также и цензором. Партийные функционеры высокого уровня скорее устанавливают общие правила для номенклатуры, чем занимаются цензурой самостоятельно. Во-вторых, в докоммунистическую эпоху число урезанных или неутвержденных цензором работ не имело прямого влияния на источники дохода, работу или экзистенциальное положение частного актора. Однако если все СМИ и издательства являются государственными учреждениями и, в сущности, каждый работает на государство, выражение взглядов, которые противоречат официальной линии, указывает на нелояльность партии и, следовательно, в лучшем случае чревато такими наказаниями, как понижение в должности или увольнение. Таким образом, в коммунистических диктатурах работники средств информации часто подвергают себя **самоцензуре** в том смысле, что даже если у них есть антикоммунистические взгляды, они предпочитают их не высказывать[2]. Наконец, в коммунистических диктатурах

[1] *Goldstein R.* Political Censorship of the Arts and the Press in Nineteenth-Century Europe. New York: Palgrave Macmillan, 1989.

[2] Подробнее о самоцензуре см. классический труд: *Haraszti M.* The Velvet Prison: Artists Under State Socialism. New York: I. B. Tauris, 1988.

писателям и другим людям искусства приписывается особая роль выразителей воли партии-государства, которую с гордостью принимают те из них, кто верит в марксизм-ленинизм. Они воспринимают цензуру не как запретительную меру, а, скорее, как необходимую воздержанность в процессе строительства коммунизма. Цензор не враг художника, а помощник в выполнении его миссии, тогда как цензура — это просто результат практической деятельности или последняя лакировка, которую государство накладывает на текст перед тем, как одобрить его выпуск. Как отмечает Харасти, коммунистическая партия-государство «способна приручать деятелей искусств, потому что художник уже сделал государство своим домом. <...> Традиционной цензуре присуще противостояние между творцом и цензором; новая цензура стремится устранить этот антагонизм. Художник и цензор, два лица официальной культуры, неустанно и радостно вместе возделывают сады искусства»[1].

В одной из классических работ на эту тему Фред Сиберт и его соавторы утверждают, что из официальной идеологии и представлений о вреде партийной конкуренции напрямую следует, что «ответственность за все средства массовой коммуникации сосредоточивается в руках небольшой группы высокопоставленных партийных руководителей. Все средства массовой информации [в коммунистических диктатурах] являются рупором этих руководителей, а редакторы и директора этих средств информации внимательно прислушиваются к самым свежим отзвукам „истины“, исходящим с олимпийских высот»[2]. В теории, как пишет Сара Оутс, «СМИ служат интересам рабочего класса, а чувство соблюдения границ / цензуры появляется благодаря самосознанию журналистов, действующих из солидарности с рабочими»;

[1] *Haraszti M.* The Velvet Prison. P. 5–7.

[2] *Сиберт Ф., Петерсон Т., Шрамма У.* Четыре теории прессы. М.: Вагриус, 1998. С. 176.

однако на практике коммунистические СМИ стремятся создать сферу коммуникации, в которой единственно возможный стандарт осмысления реальности принадлежит партии (то есть марксизму-ленинизму), а люди при этом лишены права иметь другие представления или свободно высказывать их, если они не согласны с партией[1]. Если обратиться к историческим примерам, то даже в более умеренных версиях реформированного коммунизма, где цензура была более сдержанной[2], только изготовители и распространители самиздата из среды антикоммунистического диссидентства, охват деятельности которых едва ли достигал аудитории в пару тысяч человек, могли скрытно распространять свою литературу, оставаясь за пределами контролируемого государством общественного мнения[3].

Наконец, **право взаимодействовать онлайн** в закрытой сфере коммуникации **не признается**, поскольку **доступ в интернет значительно ограничен**, требует специального разрешения и практически недоступен обычным людям, не входящим в номенклатуру. Примеров из коммунистических диктатур времен, предшествовавших появлению интернета, которые бы подтверждали этот тезис, не существует, но его хорошо иллюстрирует все еще существующая жесткая коммунистическая диктатура Северной Кореи[4]. Тогда как такая тоталитарная модель соответствует идеальному типу

1 *Oates S.* The Neo-Soviet Model of the Media // Europe-Asia Studies. 2007. Vol. 59. № 8. P. 1280–1284.

2 Типичным примером здесь является венгерский коммунизм, где в 1966 году партия определила три категории публикаций, также известных как «три „Т“» (венг.*: tilt, tűr, támogat*), обозначающие то, что запрещено, разрешено и поддерживается. См.: *Tőkés R.* Opposition in Eastern Europe. London: Springer, 2016. P. 144.

3 *Skilling G.* Samizdat and an Independent Society in Central and Eastern Europe. London: Palgrave Macmillan, 1989.

4 *Ko K., Lee H., Jang S.* The Internet Dilemma and Control Policy: Political and Economic Implications of the Internet in North Korea // Korean Journal of Defense Analysis. 2009. Vol. 21. № 3. P. 279–295.

коммунистической диктатуры, в чуть более мягких диктатурах с использованием рынка преобладает ее «сглаженный» вариант. Конечно, в таких режимах все СМИ также подцензурны, а право взаимодействовать онлайн ущемляется, хотя и с помощью более изощренных практик. Например, в Китае у людей номинально есть доступ в интернет, но в целях контроля трафика так называемый «Великий китайский файрвол» использует множество различных способов цензуры и фильтрации контента[1]. Китайская партия-государство не допускает свободный доступ к таким сетям, как *Google* и *Facebook*, и разрешает только их китайские аналоги. В дополнение к тому, что партия может блокировать местные сайты, она также ввела систему социального кредита, чтобы наказывать тех, чье поведение она посчитает ненадлежащим, что включает взгляды, отличающиеся от общепринятых[2]. Таким образом, формально менее репрессивный Китай практически воскрешает обстановку коммунистических диктатур, стимулируя самоцензуру среди своих граждан, чье экзистенциальное положение напрямую зависит от положительной или негативной реакции государства на их мнения. Помимо прочего, эта политическая система подавляет именно то качество автономии, которая обеспечивается правом взаимодействия в открытой сфере коммуникации.

Между двумя полярными противоположностями находится номинально открытая, но фактически закрытая **контролируемая сфера коммуникации**, типичная для **патрональных автократий**. Она характерна для тех формально демократических посткоммунистических стран, где довольно часто «превращение средств массовой информации в плюралистическую

1 *Ensafi R., Winter P., Mueen A., Crandall J.* Analyzing the Great Firewall of China Over Space and Time // Proceedings on Privacy Enhancing Technologies. 2015. № 1. P. 61–76.

2 *Qiang X.* President Xi's Surveillance State // Journal of Democracy. 2019. Vol. 30. № 1. P. 53–67.

и независимую четвертую власть, трансформация журналистского сообщества в автономную профессиональную группу, ориентированную на общественное служение, и самосознание аудитории в качестве группы граждан вообще не состоялось»[1]. Так же как популизм предполагает скрытую монополизацию политической сферы, патрональные автократии неформально нарушают права СМИ. Другими словами, суть контролируемой сферы коммуникации заключается **не в подавлении, а в нейтрализации прав СМИ**, а граждане являются слугами, а не бесправными объектами. Это становится очевидным, если мы проанализируем статус всех четырех прав и сравним его с полным запретом в закрытой сфере, с одной стороны, и с абсолютным уважением в открытой сфере — с другой.

Во-первых, **право знать ограничено**, поскольку доступ общества к информации затруднен. Объем доступной информации сокращается, поскольку (1) увеличивается объем засекреченной информации, (2) снижается количество СМИ, которым разрешено присутствовать на государственных пресс-конференциях или брать интервью у государственных акторов, и (3) доступ к информации, вместо того чтобы упрощаться, всячески затрудняется (отсутствуют данные на государственных сайтах, представители власти отказываются отвечать на вопросы журналистов и оппозиционеров, людей лишают доступа к информации, представляющей общественный интерес, а также последующего доступа к данным, несмотря на решения судов последней инстанции и т. п.)[2].

[1] *Smaele H. de.* The Applicability of Western Media Models on the Russian Media System // European Journal of Communication. 1999. Vol. 14. № 2. P. 173.

[2] *Haraszti M.* Illiberal State Censorship; *Vartanova E.* The Russian Media Model in the Context of Post-Soviet Dynamics // Comparing Media Systems Beyond the Western World. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 119–143; *Balogh E.* Hungary Quits the Open Government Partnership in a Huff // Hungarian Spectrum (blog). 09.12.2016. URL: http://hungarianspectrum.org/2016/12/08/hungary-quits-the-open-government-partnership-in-a-huff/.

Что касается права говорить, патрональные автократии ограничивают не содержание, а охват. Озвученные мнения, отличные от официальной пропаганды, вызывают у них интерес не сами по себе, а в контексте того, достигают ли эти мнения ушей достаточного количества людей, чтобы нарушить политическую стабильность. «Достаточное количество людей» понимается здесь как в непосредственно количественном смысле (то есть до скольких людей из аудитории СМИ оппозиция может донести информацию), так и в географическом (то есть если охват большой, то становится важно, сконцентрированы ли эти люди в паре крупных городов или районов)[1]. На практике, в ходе процесса, который можно назвать «**геттоизацией**», правящая политическая элита не выпускает критические высказывания за пределы небольших кругов, где те, кто уже были убежденными противниками правительства, просто общаются между собой. Так она оставляет режиму мало шансов на изменение пропорции лояльных голосов к критическим у большой аудитории. Постоянно уменьшающееся количество критически настроенных каналов начинает играть роль «**резиновых комнат**» **коммуникации** для противников режима, которые могут обсуждать обиды и претензии между собой, но не на широкую аудиторию. Активное участие в спорах в социальных сетях может производить ложное впечатление массового недовольства правительством, хотя, по сути, это одни и те же люди обмениваются мнениями в одних и тех же группах. Одним словом, геттоизация — это, несомненно, метод **нейтрализации**, аналогичный (или являющийся частью) нейтрализации оппозиционных партий [▸ 3.3.9]. В отличие от коммунистической партии-государства мафиозное государство не практикует доктринерство: оно не боится слов и может терпеть критику до тех пор, пока она не имеет значительного охвата.

[1] Этот последний аспект особенно важен в режимах со смешанными избирательными системами.

Все это приводит нас непосредственно к **праву выбирать**. Тогда как в либеральных демократиях оно соблюдается благодаря параллельному функционированию непредвзятых государственных и свободных частных СМИ, в патрональных автократиях именно эти два основания создают почву для его нейтрализации. С одной стороны, **государственные СМИ предвзяты**, поскольку их контролирует приемная политическая семья, используя прямые государственные инструменты. В число этих инструментов входит раздача должностей в СМИ подставным лицам и патрональным служащим (которыми руководит рука патрона [▸ 3.3.5]), прямые указания о том, какие темы (или каких персон) освещать, цензура в отношении важных политических новостей, которые все еще официально транслируют СМИ, и управление контентом в соответствии с пропагандой партии — приводного ремня[1]. С другой стороны, **частные СМИ, как правило, куплены приемной политической семьей, тогда как оппозиционные СМИ вытеснены, присвоены или геттоизированы**. По мнению Елены Вартановой, когда Путин строил в России свою патрональную автократию, он использовал похожие методы: избирательные правовые санкции (налоговое или таможенное законодательство, пожарные и санитарные нормы); судебные иски против оппозиционных СМИ, часто по делу о клевете; приобретение местных и региональных газет в собственность[2]. Особенно заметна в этом процессе была патронализация олигархов из медиасреды, когда Путин совершил стратегический шаг, заменив олигархическую анархию на однопирамидальную патрональную сеть в общем плане и отняв и присвоив наиболее значительные

1 *Vásárhelyi M.* The Workings of the Media: A Brainwashing and Money-Laundering Mechanism // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 501–504; *Zassoursky I.* Media and Power in Post-Soviet Russia. Routledge, 2016.

2 *Vartanova E.* The Russian Media Model in the Context of Post-Soviet Dynamics. P. 135.

общенациональные российские СМИ в частности (см. Текстовую вставку 4.2)[1].

Текстовая вставка 4.2: Как Путин патронализировал (медиа)олигархов

Когда Путин впервые сел в ельцинское кресло, Кремль жил в страхе перед двумя крупными «медиаолигархами»: Владимиром Гусинским, основавшим канал НТВ, и Борисом Березовским, владевшим ОРТ. <...> Эти телеканалы вещали на такую огромную аудиторию, что легко могли бы разрушить его хрупкую империю, если бы он испортил с ними отношения. <...> Однако, спустя несколько недель после своей инаугурации, [Путин] сказал, что «способствующих сращиванию власти с капиталом олигархов не будет как класса». [Он собрал] двадцать одного медиамагната в Кремле, чтобы поставить им простой ультиматум — они смогут сохранить свой бизнес, если не будут вмешиваться в политику. Два человека не были туда приглашены — Березовский и Гусинский. То, что [с ними] потом произошло, является иллюстрацией того, насколько дорого обошелся бы отказ от предложения, сделанного Путиным. <...> Путин <...> попросил Гусинского вернуть долг, взятый у Газпрома в 1996 году. <...> Магнат <...> был арестован <...> и под давлением переписал акции НТВ на имя Газпрома. Потом [Путин] сказал Березовскому: «Я хочу контролировать ОРТ. Я буду им управлять». <...> Против Березовского было заведено уголовное дело, и он под давлением продал свою долю в ОРТ Роману Абрамовичу, который без промедления передал ее государству. Завладев ОРТ и НТВ, Путин добился именно того, чего хотел <...>. К 2008 году Путин, прямо или косвенно, контролировал около 90% всех российских СМИ[2].

[1] В отношении (оппозиционных) журналистов совершались акты насилия, включая физическое насилие, а также было зарегистрировано несколько загадочных смертей. (См.: *Oates S.* The Neo-Soviet Model of the Media. P. 1293–1295). Такие методы можно рассматривать как частные случаи вытеснения.

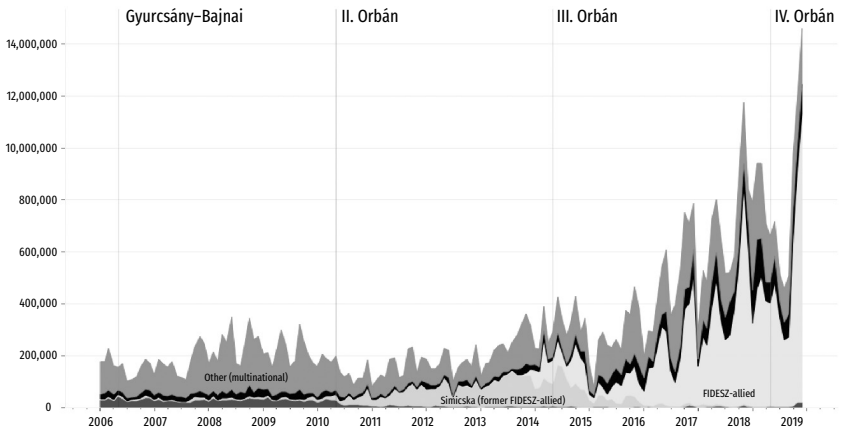
[2] *Judah B.* Fragile Empire: How Russia Fell In and Out of Love with Vladimir Putin. New Haven; London: Yale University Press, 2014. P. 42–46.

В Венгрии под руководством Виктора Орбана произошла аналогичная реорганизация медиарынка, включавшая в себя покупку местных и региональных газет и радиостанций приемной политической семьей, а также вытеснение из информационного пространства оппозиционных СМИ (при том что Орбану необязательно было воевать с олигархами, поскольку его приемная политическая семья уже в значительной степени контролировала СМИ в стране). К 2014 году на медиарынке сформировалась квазимонополия, а в 2017 году, по данным аналитического центра *Mérték Média Monitor*, доля независимых СМИ составила всего 22,2%. Все остальные СМИ были патрональными: государственные СМИ, ставшие рупором партии «Фидес» (38,1%); СМИ, принадлежащие олигархам режима (15,7%); и 476 информационных агентств, которые были объединены в медиахолдинг Центральноевропейский фонд прессы и СМИ (венг. сокр. *KESMA*) (24%)[1]. Этот медиахолдинг, сформированный на рубеже 2018–2019 годов, является типичным продуктом патрональной автократии: в него входят патрональные СМИ, владельцы которых «добровольно» подарили все свои медиакомпании общей стоимостью около 90 млн евро холдингу, который в обмен на это не выплатил им никакой компенсации [▸ 4.4.3.2]; его номинально возглавляет подставное лицо Виктора Орбана [▸ 5.5.3.4]; и его формирование стало возможным благодаря правительственному постановлению, в котором *KESMA* объявлялся «реорганизацией стратегического значения на национальном уровне», что освободило его от действия антимонопольного закона [▸ 4.3.4.2][2].

[1] Mindent Beborít a Fidesz-Közeli Média // Mérték. 25.04.2019. URL: https://mertek.atlatszo.hu/mindent-beborit-a-fidesz-kozeli-media/.

[2] *Kovács Z.* Fidesz's Media Empire Just Became Even More Centralised// Index.hu. 08.03.2019. URL: https://index.hu/english/2019/03/08/kesma_fidesz_media_government_centralisation_propaganda_liszkay_mediaworks_meszaros/. Краткое описание положения СМИ в Венгрии см.: Conclusions of the Joint International Press Freedom Mission to Hungary // European Centre for Press and Media Freedom (ECPMF). 03.12.2019. URL: https://www.ecpmf.eu/files/hungary_conclusions_-_international_mission.pdf.

Схема 4.1: Доходы от государственной рекламы в соответствии с политическими группами в Венгрии (2006–2019). Измерения даны в 1000 форинтов (около 3,5 долларов США). Источник: Bátorfy A., Urbán Á. State Advertising as an Instrument of Transformation of the Media Market in Hungary // East European Politics. 07.09.2019.



В Венгрии, где рекламный рынок исторически довольно мал и лишь пара-тройка СМИ могут финансировать себя исключительно за счет рынка, **преимущественное право на размещение государственной рекламы** всегда было основным средством оказания политического давления на средства массовой информации[1]. Феномен этой привилегии представлен на Схеме 4.1, где приведены доходы от государственной рекламы в соответствии с различными политическими группами Венгрии с 2006 по 2019 годы. Как следует из графика, до победы Орбана в 2010 году преимущественное право на рекламу было распределено между сетями партии «Фидес» (Орбана) и тогдашней правящей коалиции *MSZP—SZDSZ* (либерально-социалистического толка), при этом бóльшая часть заказов поступала от других, международных рекламодателей. Такое распределение свидетельствует о том, что режим располагался где-то между патрональной демократией (так как правящая и оппозиционная патрональные

[1] *Bátorfy A., Urbán Á.* State Advertising as an Instrument of Transformation of the Media Market in Hungary // East European Politics. 07.09.2019. P. 1–22.

пирамиды конкурировали между собой) и либеральной демократией идеального типа (так как доля автономных и нейтральных групп была больше, чем в патрональных демократиях идеального типа) [▸ 3.7.2.2]. Эта ситуация коренным образом изменилась после 2010 года, когда связанные с партией *MSZP* медиагруппы начали получать меньше заказов на рекламу, не только в абсолютном, но и в относительном выражении. При этом доходы СМИ, которые были связаны с единой пирамидой, существенно выросли в период между 2010 и 2015 годами и по-настоящему взлетели после предательства олигарха ближнего круга Лайоша Шимички [▸ 3.4.1.4], за которым последовало установление нового патронального порядка в СМИ. Целью этого переустройства была победа в мафиозной войне и снижение относительного веса медиаимперии предателя Шимички[1].

В результате того, что мафиозное государство через государственное принуждение присвоило заказы на государственную рекламу и отпугнуло частных рекламодателей, доходы частных СМИ снизились и свобода прессы была ограничена. «Отпугивание», помимо прямого шантажа, также подразумевает **самоцензуру**: частные рекламодатели очень хорошо знают, что если они начнут поддерживать оппозиционных или нелояльных акторов (то есть вести с ними бизнес), они могут стать врагами приемной политической семьи. Аналогичным образом коммерческие СМИ, которые могли бы выражать свое мнение по политическим вопросам, деполитизируются, поскольку получают предупреждения о необходимости самоцензуры[2]. В то же время правительство наносит

1 *Rényi P. D.* Ez Nem Újságírás, Ez Politikai Nehézfegyverzet [Это не журналистика, это политическая тяжелая артиллерия] // 444 — Tldr (blog). 18.05.2017. URL: https://tldr.444.hu/2017/05/18/fideszmedia.

2 Кто-то может возразить, что венгерский телеканал *RTL* по-настоящему политически активен, по крайней мере в том, что касается его службы новостей. Однако канал был политически нейтральным до 2014 года, когда он был обложен дискреционным налогом [▸ 5.4.3] в рамках централизованной

удары по критически настроенным СМИ, перераспределяя радиочастоты, подвергая их геттоизации в кругу лишь нескольких интеллектуальных групп, или просто высасывает из них все ресурсы[1]. Кроме того, поскольку государственное информационное агентство обычно транслирует новости бесплатно, мафиозное государство может таким образом ослабить и практически ликвидировать рынок независимых новостных агентств[2]. Так, режим косвенно диктует повестку дня для новостных программ частных коммерческих СМИ, включая таблоиды, которые обычно читают люди, далекие от политики.

Однако, как отмечает Мария Вашархейи, **роль приемной политической семьи заключается не только в промывке мозгов, но и в отмывании денег**[3]. Клиенты приемной политической семьи являются не только крупнейшими субподрядчиками государственных СМИ, но и строителями частотных сетей, бенефициарами государственных средств поддержки массовой информации, исполнителями заказов на государственную рекламу и финансируемыми государством покупателями и основателями медиакомпаний. Именно они занимают места тех игроков рынка, которые были вытеснены при помощи средств государственного принуждения. На основании обширного анализа медиаимперии, связанной с приемной политической семьей Орбана[4], можно примерно представить

попытки хищничества [▸ 5.5.4]. После того, как попытка не удалась, в основном из-за серьезной немецкой поддержки канала, *RTL* начал передавать больше негативных новостей о правительстве и особенно коррупционных делах. См.: *Vásárhelyi M.* The Workings of the Media. P. 517–519.

1 *Máriás L. et al.* An Illiberal Model of Media Markets — Soft Censorship 2017 // Mérték Booklets. Budapest: Mérték Media Monitor, 2018. URL: http://mertek.eu/wp-content/uploads/2018/08/MertekFuzetek15.pdf.

2 *Vásárhelyi M.* The Workings of the Media. P. 503.

3 Ibid.

4 *Bátorfy A.* How Did the Orbán-Simicska Media Empire Function? // Kreatív (blog). 09.04.2015. URL: http://kreativ.hu/cikk/how_did_the_orban_simicska_media_empire_function.

себе структуру и функционирование СМИ, присущие всем патрональным автократиям:

1. политическая семья назначает своих подставных лиц и патрональных служащих на должности, где принимаются решения о деятельности государственных СМИ, бюджетных средствах и размещении государственной рекламы;

2. эти люди перенаправляют подавляющее большинство государственной рекламы и комиссионных выплат в политическую семью или лояльные ей СМИ;

3. параллельно они формируют общественное мнение в соответствии с определенной идеологией и занимаются передачей государственных ресурсов в частные руки через госзакупки по завышенным ценам и откаты;

4. и, замыкая круг, олигархи политической семьи способствуют назначению своих людей (подставных лиц, рук патрона и т. д.) на ключевые должности для обеспечения устойчивого функционирования этой системы.

Для СМИ в патрональных автократиях идеального типа характерны такие функции, как (1) распространение пропаганды посредством манипулятивного использования различных идеологий [▸ 6.4.2] и (2) передача государственных средств в руки приемной политической семьи. Кроме того, существует третья функция, а именно (3) **информационный шум**. Эта функция является одним из способов нейтрализации критики и связана с феноменом, который Померанцев и Вайс описывают как «милитаризацию» информации[1]. **Цель создания шума заключается не в том, чтобы в чем-то убедить людей, но в том, чтобы**, в весьма постмодернистском духе, **сбить их с толку и дезориентировать**. Хотя СМИ приемной политической семьи используют нарратив популизма

[1] *Pomerantsev P., Weiss M.* The Menace of Unreality: How the Kremlin Weaponizes Information, Culture and Money. New York: Institute of Modern Russia, 2014. URL: http://www.interpretermag.com/wp-content/uploads/2014/11/The_Menace_of_Unreality_Final.pdf.

как общую основу для освещения событий и мнений, в определенных вопросах они транслируют множество противоречивых подходов и фактов, комбинируя правдивые и заведомо ложные новости[1]. С одной стороны, это создает атмосферу общего замешательства и недоверия. С другой — в процесс публичного обсуждения внедряется множество различных точек зрения с единственной целью создания путаницы. В результате **публичное обсуждение становится практически невозможным**, поскольку оппозиционные нарративы смешиваются с информационным шумом хаотичной сферы коммуникации, и среди какофонии нарративов людям сложно понять, какой из них следует воспринимать всерьез.

Что касается права на взаимодействие онлайн, то подобный информационный шум можно найти и в онлайн-пространстве. В этой среде он особенно незаменим, потому что ее очень сложно регулировать, хотя некоторые патрональные автократии предпринимали такие попытки[2]. Но для нейтрализации пространства, которое по своему замыслу является свободным, лучше подходят другие средства. Основное — это информационный шум, который принимает форму «**нейтроллизации**». Ксимена Куровска и Анатолий Решетников придумали этот термин для обозначения координированного и массового применения армии троллей, то есть людей, в задачи которых входит тиражирование пропагандистских взглядов, распространение загрязняющих информационное пространство нарративов и «запутывание» дискуссий в разделе комментариев в социальных сетях[3]. Тролли, которые

[1] *Khaldarova I., Pantti M.* Fake News: The Narrative Battle over the Ukrainian Conflict | // Journalism Practice. 2016. Vol. 10. № 7. P. 891–901; *Pomerantsev P.* This Is Not Propaganda: Adventures in the War Against Reality. New York, NY: Public Affairs, 2019.

[2] *Duffy N.* Internet Freedom in Vladimir Putin's Russia: The Noose Tightens // AEI Paper & Studies. 01.01.2015. В 1.

[3] *Kurowska X., Reshetnikov A.* Neutrollization: Industrialized Trolling as a pro-Kremlin Strategy of Desecuritization // Security Dialogue. 2018. Vol. 49. № 5. P. 345–363.

в патрональных автократиях являются наемными работниками партии — «приводного ремня», делятся на «рядовых» и активистов, которые распространяют сообщения партии, исходя из своих убеждений[1]. Второе средство нейтрализации — это **наложение штрафов** на веб-сайты, публикующие оппозиционный контент и объединяющие людей, что препятствует созданию платформ, предполагающих свободный доступ. Наконец, вероятно, самое эффективное средство нейтрализации — это **самоцензура**. Она преобладает в первую очередь среди людей, чье материальное, экзистенциальное положение зависит от государства, таких как госслужащие или субподрядчики, работающие по государственным контрактам, которым может грозить дискреционное наказание, если они выскажут свои настоящие, критические взгляды на мафиозное государство.

4.3.2. Объединения: протесты, группы интересов и партийные системы

Акторы, имеющие определенные политические взгляды, могут предпринимать действия для их продвижения, то есть для изменения политического статус-кво. Эти действия, характерные для фазы объединения, можно разделить на две большие группы. В первую входят **попытки вызвать изменения извне,** за пределами процесса принятия решений, что означает, что акторы пытаются оказывать давление на действующих должностных лиц с целью заставить их использовать политическую власть по-другому. Такие действия могут предприниматься и на этапе дискуссии: деятельность СМИ

[1] Ibid. P. 352–357; Fidesz Online Army Is Commanded Right from the Party Headquarters // The Budapest Beacon. 31.01.2018. URL: https://budapestbeacon.com/fidesz-online-army-commanded-right-party-headquarters; *Dezső A., Panyi S.* We Are Not Paid Agents of Russia, We Do It out of Conviction // Index.hu. 30.01.2017. URL: http://index.hu/belfold/2017/01/30/we_are_not_paid_agents_of_russia_we_do_it_out_of_conviction/.

и публичное выражение взглядов уже являются разновидностью давления на власть. Тем не менее актор может попытаться придать этим взглядам больший вес, действуя другими методами, а именно с помощью коллективного действия. Если актор выбирает такой вариант, то он переходит в фазу объединения, где принимаются решения создавать (или не создавать) формальные или неформальные группы с целью вызвать изменения.

Ориентируясь на главных акторов этой фазы в либеральных демократиях, в первой группе мы можем выделить два типа действий, свойственных фазе объединения:

• **протест,** то есть **происходящее время от времени** мероприятие **или их серия**, где люди собираются вместе и **в одностороннем порядке** выражают мнения о принимающих решения лицах (**главным актором является гражданин,** который участвует в протесте индивидуально либо в составе формальной или неформальной группы);

• **лоббирование,** то есть **планомерные** действия по отстаиванию особых интересов группы в рамках **двусторонних** переговоров с лицами, ответственными за принятие решений (**главным актором является группа интересов**, которая отстаивает особые интересы своих членов).

Конечно, это разграничение (между односторонним и двусторонним давлением) проведено только в аналитических целях, и общественные движения используют, как правило, оба типа[1]. С другой стороны, могут предприниматься **попытки добиться изменений изнутри,** то есть в рамках процесса принятия решений. В этом случае акторы, вместо оказания внешнего давления, сами стремятся стать принимающими решения лицами. В этой группе также можно выделить два типа:

1 *Tarrow S.* Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

• **присоединение,** где **главным актором является гражданин**, который индивидуально присоединяется к правящей партии;

• **конкуренция,** где **основным актором является партия политиков**, которая становится частью партийной системы и участвует в выборах.

4.3.2.1. Протесты: мобилизующие и демобилизующие структуры[1]

Для осмысления протестов нам потребуется собирательный термин «демонстрация».

• ***Демонстрация*** *— это мероприятие, в ходе которого группа людей занимает общественное пространство, чтобы выразить свои взгляды по политическим вопросам.*

Следует отметить, что под это определение не подпадают неполитические уличные мероприятия, поскольку мы говорим о процессах публичного обсуждения. Кроме того, следует различать два типа демонстраций: (a) демонстрации, которые **критикуют статус-кво**, чьи участники выступают против правящей политической элиты и/или за перемены; и (b) демонстрации, **поддерживающие статус-кво**, чьи участники выступают против перемен и/или в поддержку правящей политической элиты. В первом случае речь идет о **протестах**, а в последнем — о **проправительственных митингах**.

Протесты стремятся изменить статус-кво, тогда как проправительственные митинги пытаются его сохранить. Тем не менее между ними есть и другая принципиальная разница, из-за которой мы аналитически разделяем демонстрации на два типа: в посткоммунистических режимах проправительственные митинги организует государство или, по крайней мере, акторы, имеющие прочные связи с правящей политической

[1] Мы в долгу перед Майклом Зеллером за рекомендации к этой части.

элитой (например, ГОНГО [▸ 3.5.2]). **В либеральных демократиях**, где публичное обсуждение в равной степени допускает как лояльно, так и критически настроенные голоса, эта разница несущественна: **государство воспринимает протесты и митинги одинаково**, рассматривая и те, и другие как моменты объединения граждан. Однако **если начать мысленно двигаться в направлении более репрессивных политических систем, между двумя типами демонстраций возникает разрыв.** Протесты разрешаются все реже, а проправительственные митинги становятся все более заметными. На крайнем полюсе репрессивности режимов, то есть **в коммунистических диктатурах**, протесты запрещены, а проправительственные митинги принимают форму **парадов**, пышных государственных торжеств, в ходе которых люди обязаны собираться на улицах в огромных количествах и приветствовать систему и ее руководство[1]. **В патрональных автократиях,** которые в плане репрессивности находятся где-то посредине, **как протесты, так и проправительственные митинги** играют важную роль. Впрочем, последним, примерами которых являются проправительственные митинги «Наших» в России и так называемые «Марши мира» в Венгрии, как правило, доступно большее количество финансовых ресурсов, а государственный аппарат относится к ним благосклоннее, чем к протестам, которые не только имеют доступ к гораздо меньшему количеству ресурсов, но и сталкиваются с репрессиями со стороны государства[2].

Мы подходим к анализу протестов в трех режимах полярного типа. Руководствуясь приведенным выше определением, нам необходимо рассмотреть два типа акторов: тех, кто

1 *Hung C.-T.* Mao's Parades: State Spectacles in China in the 1950s // The China Quarterly. 2007. № 190. P. 411–431.

2 *Robertson G.* Society: Protest, Civil Society, and Regime in Putin's Russia // Slavic Review. 2009. Vol. 68. № 3. P. 528–547; *Gerő M., Kopper Á.* Fake and Dishonest: Pathologies of Differentiation of the Civil and the Political Sphere in Hungary // Journal of Civil Society. 2013. Vol. 9. № 4. P. 361–374.

Таблица 4.5: Мобилизующие структуры людей и демобилизующие структуры государства в трех режимах полярного типа

		Либеральная демократия	**Патрональная автократия**	**Коммунистическая диктатура**
Мобилизующие структуры (людей)	Формальные	Свобода собраний	Свобода собраний	Отсутствие свободы собраний
	Неформальные	Облегченные возможности для взаимодействия + позитивное подкрепление	Умеренные возможности для взаимодействия + позитивное подкрепление	Ограниченные возможности для взаимодействия
Демобилизующие структуры (государства)	Прямые	Разрешение нормативно (средства правовой защиты)	Разрешение дискреционно (средства правовой защиты отсутствуют)	Разрешение отсутствует (протест противозаконен)
	Непрямые	Переговоры / игнорирование	Игнорирование / перенаправление / негативное подкрепление / репрессии, отданные на аутсорсинг	Не существует

может протестовать — **людей,** и тех, против кого они могут протестовать — **представителей власти**. При этом объектами нашего анализа в различных режимах являются создаваемые этими акторами **мобилизующие и демобилизующие структуры** соответственно (Таблица 4.5)[1]. Если кто-либо организовывает протест, то его успех или важность в первую очередь зависят от количества людей, которое он сможет вывести на улицы (мобилизация), поскольку чем многолюднее протест,

[1] Подробнее о мобилизующих структурах см.: *McAdam D., McCarthy J. D., Zald M. N., eds.* Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. Демобилизацию в литературе описывают, как правило, термином «репрессии» (пример метаанализа см.: *Earl J.* Political Repression: Iron Fists, Velvet Gloves, and Diffuse Control // Annual Review of Sociology. 2011. Vol. 37. № 1. P. 261–284). Мы предпочитаем термины «демобилизация» и «демобилизующие структуры», так как они непосредственно противопоставляются «мобилизации» и «мобилизующим структурам», в соответствии с Таблицей 4.5.

тем сильнее он подрывает легитимность властей, и, следовательно, тем более они заинтересованы в его подавлении (демобилизации)[1].

В целом существуют две разновидности мобилизующих структур:

- **формальные мобилизующие структуры, то есть нормативно-правовая база**, которая создает условия для мобилизации;
- **неформальные мобилизующие структуры, а именно:**
  - **возможность взаимодействовать**, то есть устанавливать контакты с потенциальными демонстрантами, как правило (a) через использование уже существующих локальных или национальных сетей[2] и (b) через социальные сети или другие информационные устройства[3];
  - **позитивное подкрепление**, которое подразумевает способность организаторов (или уже участвующих в протесте демонстрантов) убеждать потенциальных демонстрантов в том, что участие в акции протеста оправданно.

Если провести аналогию с простой экономической моделью, позитивное подкрепление заключается в убеждении людей в том, что потенциальная выгода от протеста превышает потенциальные издержки. В реальности же оценка издержек и выгод включает в себя такие взаимосвязанные факторы, как претензии и требования, эффективность, идентичность, эмоции и социальную вовлеченность, а выгодой в данном случае могут быть как выполнение требований, так и простая возможность выразить недовольство[4]. Кроме того, исследователи

1 *Minzarari D.* Disarming Public Protests in Russia: Transforming Public Goods into Private Goods // Stubborn Structures. P. 385–411.

2 Ibid. P. 397–399.

3 *Dagaev D., Lamberova N., Sobolev A., Sonin K.* Technological Foundations of Political Instability // SSRN Scholarly Paper. Rochester: Social Science Research Network, 2013. URL: https://papers.ssrn.com/abstract=2444785.

4 *Stekelenburg J. van, Klandermans B.* The Social Psychology of Protest // Current Sociology. 2013. Vol. 61. № 5–6. P. 886–905.

подчеркивают тот факт, что людей можно мобилизовать только в том случае, если организаторы успешно апеллируют к **общей идентичности** и хорошо понимают процессы идентификации среди протестующих, поскольку «[**для**] **того, чтобы появились общие требования и эмоции, необходима общая идентичность** <...>. [Требования и претензии] возникают из ощущения, что некоторые интересы или принципы находятся под угрозой. Чем острее люди чувствуют, что ценным для группы интересам и/или принципам что-то угрожает, тем большее недовольство они испытывают и тем вероятнее они готовы принять участие в протесте, чтобы защитить свои интересы и принципы и/или выразить это недовольство» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1]. Позитивное подкрепление в этом контексте означает способность организаторов выражать разделяемые всеми претензии и требования не в смысле охвата большой аудитории (что, скорее, относится к возможности взаимодействовать), а в смысле артикуляции конкретного явления, например направления политики или фальсификаций на выборах как повода для недовольства группы и предъявления требований, а также способности убедить людей, что они должны протестовать по этому поводу.

Сначала рассмотрим людей и их мобилизующие структуры. **В либеральных демократиях** наличие формальных мобилизующих структур обусловлено **свободой собраний,** которая в рамках идеологии конституционализма рассматривается как базовое право человека, вытекающее из понятия человеческого достоинства. Следовательно, все люди имеют право собираться и присоединяться или не присоединяться к протесту (а также покинуть его) по собственному желанию[2]. Люди имеют **все возможности для неформального взаимодействия** на основании (1) права взаимодействовать

[1] Ibid. P. 888.

[2] См. статью 20 «Всеобщей декларации прав человека».

и (2) отсутствия структурных контрстимулов, что означает, что формирование горизонтальных связей с другими людьми — это право, которое защищается государством, и никто не может быть подвержен за это дискриминации (если речь идет об идеальных типах). **В патрональных автократиях** формальные идеологические основания мало чем отличаются от таковых в либеральных демократиях. Что касается **возможностей для неформального взаимодействия**, то они **намного скромнее.** О причине этого мы говорили говорили в предыдущей части: самоцензура и боязнь дискриминации, которая с точки зрения популизма (в отличие от конституционализма) может быть совершенно легитимной, если направлена против врага «нации» (то есть врага приемной политической семьи). В связи с этим людям с похожими взглядами не только становится сложнее найти друг друга, поскольку они в принципе с меньшей вероятностью выражают свои взгляды вслух, но и риски, связанные с участием в любом политическом протесте, увеличиваются, так как в такой среде участие обходится им дороже, чем в нейтральной. Наконец, **в коммунистических диктатурах** демонстрации против партии-государства запрещены, так же как и любая оппозиция режиму в целом [▸ 3.7.1.2]. Тем не менее люди, являющиеся при коммунизме объектами, занимают общественные пространства в политических целях во время **парадов**; однако, как мы отмечали выше, коммунистический парад — это не добровольное мероприятие, а **принудительное ритуальное действо**[1].

Подобно мобилизующим, **демобилизующие структуры** также имеют две разновидности:

• **формальные демобилизующие структуры**, то есть правовая база, и в частности степень, в которой представителям власти позволяется использовать государственный аппарат для подавления протестов;

[1] *Rotenberg R.* May Day Parades in Prague and Vienna: A Comparison of Socialist Ritual // Anthropological Quarterly. 1983. Vol. 56. № 2. P. 62–68.

• **неформальные демобилизующие структуры**, включающие в себя неформальные средства, которые могут использовать представители власти, чтобы помешать уже идущим протестам и/или предотвратить участие в них потенциальных демонстрантов.

Если, как и в случае мобилизующих структур, проводить аналогии с простой экономической моделью, можно использовать подход Тилли, который определяет репрессии (демобилизацию) как «любое действие группы, которое увеличивает издержки коллективных действий соперника»[1]. Если сфокусироваться на «**издержках**» **протеста** и выстроить (более или менее непрерывную) шкалу от либеральной демократии до коммунистической диктатуры, то патрональная автократия, использующая специфические приемы, окажется посредине между ними. **В либеральных демократиях** протест как проявление свободы выражения мнений является частью публичного обсуждения. Соответственно, в конституционном государстве связанные с ним издержки либо равны **нулю, либо справедливы и пропорциональны** с учетом конфликтующих прав других людей. Таким образом, конституционное государство должно понимать, что базовые права и свободы могут вступать в конфликт друг с другом, и полная реализация одного из них может осуществляться только за счет другого[2]. Например, реализация права на свободу собраний может привести к прекращению движения транспорта, что ограничивает свободу передвижения, или беспокоить людей, живущих на тех улицах, где проходит протест, что представляет опасность для общественного порядка. Следовательно, правовая система и правоприменение должны определять границы прав, в результате чего даже демократическое государство

[1] *Tilly C.* From Mobilization to Revolution. Reading: Addison-Wesley, 1978. P. 100. См. также: *Granovetter M.* Threshold Models of Collective Behavior // American Journal of Sociology. 1978. Vol. 83. № 6. P. 1420–1443.

[2] *Brems E.* Conflicts Between Fundamental Rights. Antwerp: Intersentia, 2008.

может юридически вмешиваться в их реализацию, если это чрезмерно нарушает права других. С точки зрения издержек это может означать штрафы или определенные препятствия протестной деятельности.

По мере движения от демократии к диктатуре внимание властей смещается с прав людей на права государства. Отсюда вытекают две важных особенности диктатуры в плане отношения к протестам: (1) **протест криминализован**, то есть государство считает протестующих преступниками; и (2) **наказание, предусматриваемое государством для протестующих, непропорционально** тому ущербу, который они могли бы нанести своими действиями другим людям. Несоразмерность наказания преступлению, несомненно, является естественным следствием того, что государство уделяет основное внимание своим правам, а защита власти для него важнее, чем безопасность общества. В результате протестующие почти всегда платят **очень высокую цену**, поскольку вместо пропорциональных мер их ожидают карательные. Подобное отношение демонстрируют и патрональные автократии, где за мирные протесты и относительно мелкие правонарушения следуют серьезные наказания[1], однако то, насколько эта цена возрастает, нагляднее всего демонстрируют полюса нашей шкалы. Так, **в коммунистических диктатурах протесты абсолютно незаконны**, и любой человек, то есть объект, который попытается организовать или поддержать протест, подлежит уголовному преследованию со стороны партии-государства. Как мы упоминали ранее, в условиях позитивного подкрепления организаторы протеста должны убедить людей заплатить определенную цену, под которой

[1] Russia: Draconian Penalties for Peaceful Protests // Human Rights House Foundation. 10.06.2012. URL: https://humanrightshouse.org/articles/russia-draconian-penalties-for-peaceful-protests/; Closing Statements of Activists Márton Gulyás and Gergő Varga // Hungarian Spectrum. 15.04.2017. URL: https://hungarianspectrum.org/2017/04/15/closing-statements-of-activists-marton-gulyas-and-gergo-varga/.

в либеральных демократиях понимают такие вещи, как, например, свободное время, которое потребуется потратить на протест. Однако в коммунистических диктатурах свободное время, которым нужно пожертвовать, измеряется не часами, проведенными на открытом воздухе, а годами, проведенными в закрытом помещении.

Как правило, меры подавления протеста (демобилизации) включают в себя преследование, слежку / шпионаж, запреты, аресты или физическое насилие[1], а также более изощренные средства, которые могут применяться как государственными, так и частными акторами[2]. В рамках нашей концептуальной структуры, которая фокусируется на режимах и в значительной степени опирается на бинарную оппозицию формального — неформального [► 2.2], нас интересует, наделено ли государство законными полномочиями использовать такие средства, а также то, каким образом оно создает нормативно-правовую базу для их использования. Конституционное государство, действующее исходя из общественных интересов, сталкивается с проблемой конфликтующих прав и решает ее, добиваясь **сбалансированности прав**. Она заключается в том, что законодательные органы, разрабатывающие нормативно-правовую базу, и судьи, которые выносят решения в спорах, стремятся создать систему, в которой каждое базовое право и свобода остаются действительными, то есть ни одно из них полностью не подавляет другие[3]. Однако **патрональные автократии** идеального типа добиваются скорее «**несбалансированности прав**», при которой **государство апеллирует к менее угрожающему его власти праву, чтобы**

[1] *Davenport C.* State Repression and Political Order // Annual Review of Political Science. 2007. Vol. 10. № 1. P. 1–23.

[2] *Earl J.* Tanks, Tear Gas, and Taxes: Toward a Theory of Movement Repression // Sociological Theory. 2003. Vol. 21.№ 1. P. 44–68.

[3] *Smet S.* Resolving Conflicts between Human Rights: The Judge's Dilemma. New York: Routledge, 2016.

оправдать подавление другого права, которое оно считает для себя более опасным. Другими словами, когда происходит столкновение прав, мафиозное государство идеального типа принимает решение в пользу того, которое представляет меньшую угрозу его политической стабильности. И хотя забота правителей — это защита власти, они могут использовать риторику защиты общества, то есть рассуждать о праве людей на безопасность и мирную жизнь, и якобы во имя этого подавлять все виды «подрывной» деятельности оппозиции. Таким образом, несмотря на то, что конституция предоставляет базовые права, обычное законодательство, определяющее реальную расстановку сил, ущемляет права, более важные с политической точки зрения (см. Текстовую вставку 4.3).

Текстовая вставка 4.3: Несбалансированность прав в путинской России

Путинская Россия далека от конституционного идеала. И хотя ее конституция действительно предоставляет многие базовые права, такие как свобода слова, свобода ассоциаций и собраний и свобода передвижения, обычное законодательство нарушает каждое из них. Закон об иностранных агентах и закон об экстремизме ущемляет свободу ассоциаций; закон о разжигании ненависти и поправка к Уголовному кодексу 2014 года, запрещающие публичные призывы к нарушению территориальной целостности России, ограничивают свободу слова; обременительные административные требования о регистрации по месту жительства ограничивают свободу передвижения; а антитеррористический закон Яровой, принятый в 2016 году, душит свободу собраний и свободу совести, так как вводит суровые меры наказания для организаторов несанкционированных акций протеста, требует от интернет-провайдеров и телефонных компаний хранить журналы данных клиентов и объявляет преступником того, кто не сообщил о преступлении. Какие бы права ни существовали *де-юре*,

российские суды делают их фактическое использование невозможным, поскольку не отстаивают их последовательно или в соответствии с ожиданиями[1].

По отношению к свободе собраний такой прагматичный подход очевиден. В России аргументы о праве на «общественную безопасность» и «здоровье» использовались для введения драконовских ограничений на публичные протесты, особенно те, для проведения которых не требовалось предварительного разрешения от властей мафиозного государства[2]. Однако, как показывает пример Венгрии, безопасность не единственное право, которое может быть использовано для ограничения права собраний. В 2018 году правительство приняло закон о том, что протест может быть запрещен, если он «неоправданно и непропорционально ограничивает права и свободы других», например, когда «мешает выполнению обязанностей иностранного дипломата», «нарушает работу судов» или «препятствует уличному движению»[3]. Законы с такой же расплывчатой формулировкой, позволяющие полиции (то есть властям) выдавать разрешения на проведение митингов дискреционным образом, очень распространены в постсоветской Центральной Азии[4].

1 *Popova M.* Putin-Style «Rule of Law» & the Prospects for Change // Dædalus — Journal of the American Academy of Arts & Sciences. 2017. Vol. 146. № 2. P. 65.

2 Russia's Putin Signs Anti-Protest Law before Rally // Reuters. 08.06.2012. URL: https://www.reuters.com/article/us-russia-protests-idUSBRE8570ZH20120608; *Demirjian K.* Meanwhile in Russia, Putin Passes Law against Protests // Washington Post. 22.07. 2014. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/07/22/meanwhile-in-russia-putin-passes-law-against-protests/.

3 *Balogh E.* Hungary's New Law Restricting Freedom of Assembly // Hungarian Spectrum (blog). 02.10.2018. URL: http://hungarianspectrum.org/2018/10/02/hungarys-new-law-restricting-freedom-of-assembly/.

4 См. доклады Freedom House по странам: Freedom in the World 2018: Democracy in Crisis // Freedom House, 2018. URL: https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2018.

Кто-то может возразить, что строгие законы, регулирующие право на протест, есть и в либеральных демократиях, а следовательно, свойственны не только патрональным автократиям[1]. Однако следует отметить два различия. Во-первых, в патрональных автократиях у этих мер особая направленность: они всегда означают переход от более либеральной обстановки к ужесточению нормативной базы, и каждая такая мера — это ответ на укрепление оппозиции. Так проявляется прагматизм в использовании более жестких средств против более опасных угроз[2]. Во-вторых, главное различие между демобилизующими структурами государства в демократиях и автократиях заключается в том, на каких основаниях выдается **разрешение на проведение митинга, нормативных или дискреционных**. В либеральных демократиях протесты, которые не нарушают права других, допускаются властями, независимо от их содержания или взглядов демонстрантов. Кроме того, если кого-либо дискриминируют, то у граждан есть возможность **использовать средства правовой защиты**, что означает, что за руководящими органами также следит отдельная судебная ветвь власти. Однако, взглянув на вышеупомянутые правовые нормы в автократиях, можно увидеть, с одной стороны, чрезвычайно высокую плату за участие в несанкционированных протестах, что является гарантией того, что каждый слуга подчиняется решениям властей, и, с другой стороны, расплывчатые формулировки, что позволяет властям принимать решения исключительно по своему усмотрению. И если расплывчатые формулировки встречаются и в либеральных демократиях, то **недостаток средств правовой**

[1] Анализ существующих правовых норм в демократических странах см.: *Peters A., Ley I., eds*. The Freedom of Peaceful Assembly in Europe. Baden-Baden: Nomos, 2016.

[2] См., например: Russian Lawmakers Back Law Jailing Anyone Urging Teenagers to Protest // Reuters. 18.12.2018. URL: https://www.reuters.com/article/us-russia-protests-law-idUSKBN1OH1FW.

защиты, возникающий из-за патронализации и патримониализации государственных институтов [▸ 4.3.5], делает регулярную дискриминацию, базирующуюся на использовании властных полномочий, фактически необратимой.

В либеральных демократиях самым простым средством демобилизации можно считать выполнение требований протестующих или перенаправление их в более формальный институт публичного обсуждения (начало переговоров). Теоретически такие меры можно рассматривать как часть **неформальных демобилизующих структур** конституционных государств, хотя в реально существующих либеральных демократиях правительства редко используют такую «позитивную демобилизацию» и в основном игнорируют или пережидают протесты[1]. Патрональные автократии тоже часто имеют возможность игнорировать протест, особенно благодаря тому, что нейтрализация публичного обсуждения позволяет им заходить в своей деятельности намного дальше, чем того допускает порог терпения общества [▸ 7.4.7.3]. Тем не менее когда протесты угрожают превратиться в общественные движения, мафиозное государство может создавать неформальные демобилизующие структуры, которые нацелены как на реальных, так и потенциальных протестующих в масштабах всего общества. Этот процесс может принимать две формы: (1) **перенаправление** и (2) **негативное подкрепление**. Перенаправление можно определить как «опосредованный контроль за протестом с использованием системы вознаграждений или наказаний, которая скорее направляет, чем напрямую контролирует протест»[2]. В нашем случае демобилизация предполагает, что режим пытается применить

[1] Подробнее на эту тему см.: *Peña A. M., Davies T.* Responding to the Street: Government Responses to Mass Protests in Democracies // Mobilization: An International Quarterly. 2017. Vol. 22. № 2. P. 177–200.

[2] *Earl J.* Political Repression. P. 264. Также см.: *Oberschall A.* Social Conflict and Social Movements. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1973.

перенаправление к потенциальным протестующим, состоящим, как правило, из так называемых неклиентарных групп, которые либо (a) материально (финансово) независимы от режима, либо (b) зависят от государственной поддержки, но при этом от такой, которую нельзя отозвать индивидуально [▸ 6.2.2]. Как правило, это, с одной стороны, люди из среднего класса, которые, как показывают исследования, чаще всего присоединяются к крупным протестам против властей[1], а с другой — студенты и пенсионеры, принадлежащие к группе (b). Чтобы привлечь эти группы на свою сторону, в качестве перенаправления применяются попытки «их купить», то есть дать потенциальным протестующим денег через различные программы перераспределения, снижение налогов или увеличение субсидий [▸ 5.4.3.3, 6.3].

Что касается негативного подкрепления, то оно действует в противоположном направлении, то есть демобилизация происходит за счет негативных стимулов. **В отличие от позитивного подкрепления, которое подразумевает аргументы в пользу присоединения к протесту, негативное подкрепление приводит аргументы против**. Как правило, это означает, что правящая политическая элита наказывает уже активных протестующих, превращая, по выражению Думитру Минзарари, общественные блага в частные. Здесь автор имеет в виду, что **в либеральных демократиях доступ к рабочим местам, справедливый судебный процесс и предпринимательская деятельность** (которые составляют далеко не исчерпывающий список элементов) являются «общественными» благами, то есть у каждого **есть к ним законный доступ** (или, по крайней мере, конституционное государство пытается обеспечить такое равенство возможностей [▸ 6.2.2]). **В патрональных автократиях**, однако, эти элементы перестают быть общественными в том смысле, что только некоторые люди

[1] *Minzarari D.* Disarming Public Protests in Russia. P. 390–393.

имеют к ним доступ, более того — некоторые люди могут быть на дискреционной основе его лишены[1]. Другими словами, автократическое государство может сделать так, что некоторые люди потеряют работу (или не смогут работать по найму), лишить предпринимателей (государственных) контрактов или подвергнуть их продолжительному преследованию со стороны властей, либо начать несправедливый судебный процесс над любым человеком. Таким образом, в патрональных автократиях эти блага делаются **условно доступными** и распределяются не на основании беспристрастной нормативности, а на основании дискреционных решений. Как отмечает Минзарари, приемной политической семье «не нужно делать это в массовом порядке; вместо этого она может выявлять наиболее вероятных потенциальных протестующих и преследовать их точечно, ограничивая им доступ к значимым общественным благам. С помощью этих действий авторитарное правительство посылает надежные сигналы своему населению о том, что их позиция экономически невыгодна, подчеркивая как свою способность, так и решимость использовать такие стимулы»[2].

Частные акторы тоже могут быть задействованы в неформальных демобилизующих структурах. В то время как литература о репрессиях в основном рассматривает частные случаи, инициированные частными акторами для достижения личных целей (реакционные общественные движения; предпочтение менее радикальных целей со стороны фондов, предоставляющих финансирование и т. д.)[3], в контексте патрональных автократий можно говорить о **репрессиях,** которые **отдаются на аутсорсинг в частные руки**. Для этого правящие патрональные сети в целях погашения протеста

1 Ibid. P. 399–401.

2 Ibid. P. 403.

3 *Earl J.* Tanks, Tear Gas, and Taxes. P. 49.

(неформально) нанимают силовых акторов, таких как вооруженные формирования или футбольные ультрас, которые делают это с такой жестокостью, какую государство не может проявлять формально. В Главе 2 мы рассматривали силовых предпринимателей, связанных с правящей патрональной сетью [▸ 2.5.2], а далее мы введем понятие «черного принуждения» и объясним, чем оно отличается от узаконенного «белого принуждения» [▸ 4.3.5.4].

4.3.2.2. Протесты против политики и против легитимности

То, какие формы принимают в патрональных автократиях демобилизующие структуры, в значительной степени зависит от **типа протеста**, с которым они сталкиваются. Существует несколько критериев, по которым можно типологизировать протесты[1], но для нас наибольший интерес представляют те, что оспаривают легитимность, и те, что выступают против политики. Первый тип можно определить следующим образом:

• ***Протест против легитимности*** *— это тип демонстрации, требования которой выходят за рамки внутренней политической логики режима, то есть в ней участвуют люди, которые считают режим нелегитимным, а демонстрация заменяет им формальные процессы публичного обсуждения (то есть мирные политические перемены).*

В то время как небольшое количество радикалов может считать режим нелегитимным практически в любой момент времени, протест против легитимности, в котором участвует большая масса людей как умеренных, так и радикальных взглядов, как правило, следует за **вопиющим нарушением процесса публичного обсуждения**. В посткоммунистическом

[1] *Ratliff T., Hall L.* Practicing the Art of Dissent: Toward a Typology of Protest Activity in the United States // Humanity & Society. 2014. Vol. 38. № 3. P. 268–294.

регионе подобные протесты привели к так называемым цветным революциям [▸ 4.4.2.3]. Поводом для них чаще всего становится фальсификация итогов голосования, то есть нечестный подсчет голосов государственным аппаратом[1]. После такого вопиющего нарушения легитимность режима, по крайней мере в глазах растущего числа оппозиционеров, фатально снижается, а люди начинают выходить за формальные рамки публичного обсуждения. Кроме того, тот факт, что правящая политическая элита пресекает публичное обсуждение, является безошибочным признаком того, что она заранее знает, что не сможет выиграть в публичном споре (см. Текстовую вставку 4.4). Как отмечает Юлия Герлах, требования протестов против легитимности фокусируются «либо на проведении повторных выборов, либо на признании победы контрэлиты. В любом случае, доминирующим требованием является отставка текущего правительства, а более программные требования опускаются»[2]. Таким образом, протесты против легитимности **заменяют собой процесс мирной смены власти** в том смысле, что оказывают давление на руководство, вынуждая его уйти в отставку и позволить оппозиции взять власть. Валери Банс и Шэрон Волчек утверждают, что протесты против легитимности сигнализируют лидерам о том, что удержание власти вопреки поражению на выборах становится все более дорогостоящим мероприятием. В некоторых посткоммунистических автократиях (например, в Сербии в 2000 году) такие протесты сыграли важную роль в том, чтобы вынудить действующее должностное лицо признать свое поражение[3].

1 *Tucker J.* Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions // Perspectives on Politics. 2007. Vol. 5. № 3. P. 535–551.

2 *Gerlach J.* Color Revolutions in Eurasia. London: Springer, 2014. P. 33.

3 *Bunce V., Wolchik S.* Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. P. 97.

Текстовая вставка 4.4: Послевыборные демонстрации

Усиление репрессий в реальности может свидетельствовать о слабости государства, а не о его силе. Репрессии в глазах оппозиционеров и других наблюдателей могут быть признаком того, что режим вынужден идти на отчаянные меры, чтобы предотвратить потерю власти. В то же время такие действия могут заставить граждан, оппозицию и даже союзников режима почувствовать, что он зашел слишком далеко. [Этот] аргумент помогает объяснить <...> наличие многолюдных демонстраций после выборов. [В] середине 1990-х такие демонстрации произошли в Хорватии и Сербии после местных выборов, результаты которых власти пытались аннулировать, в Беларуси после президентских выборов 2001 года, а также в Армении и Азербайджане после выборов 2003 года. [Выборы] выражают действия в виде результатов, и эти результаты не просто показывают итоги голосования, но и выносят наглядный вердикт по таким важным вопросам, как уровень поддержки режима, его право на управление государством и, в более общем плане, качество жизни и демократии. Именно по этим причинам частота и масштаб массовых мобилизаций изменяются в соответствии с электоральными циклами, а фальсификации на выборах, по-видимому, способны отлично выводить людей на улицы. В случае фальсификаций украденные выборы усиливают общественное недовольство и тем самым формируют большое и возмущенное «сообщество ограбленных избирателей»[1].

В ходе протестов против легитимности патрональные автократии едва ли могут использовать описанные выше методы нейтрализации, потому что (1) перенаправление и негативное подкрепление — это превентивные меры, и в условиях массового протеста против легитимности слишком поздно их применять, а (2) усиление репрессий или наказание ключевых фигур оппозиции может оказаться контрпродуктивным, свидетельствуя

[1] *Bunce V., Wolchik S.* Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 219, 222, 272.

о том, что власть находится в отчаянии[1]. Действительно, методы нейтрализации лучше всего использовать в условиях отсутствия революционной обстановки, то есть когда протест возникает не против легитимности, а против политики.

• ***Протест против политики*** *— это тип демонстрации, требования которой соответствуют внутренней политической логике режима, то есть в ней участвуют люди, которые считают режим легитимным. Таким образом, демонстрация является дополнением к формальным процессам публичного обсуждения (то есть к мирным политическим переменам).*

Протест против политики не выходит за пределы логики режима, но скорее является нормальным событием в рамках процесса публичного обсуждения, которое концентрируется на специфическом вопросе (или ряде вопросов, связанных с какими-либо аспектами политики, политическими мерами или стратегией режима). Его цель заключается в оказании давления на правительство, но с требованием смены его политического курса, а не отставки. Хотя **протест против легитимности и протест против политики** различны по своей природе, они **могут быть как отдельными событиями, так и звеньями в цепочке событий**. Протесты против легитимности идеального типа продолжаются, пока не добьются своей цели, а именно смены режима и его руководства. В конце концов, когда общественная жизнь государства полностью сосредотачивается на протесте против легитимности, он может вырасти до уровня, когда фактически заменит собой процесс публичного обсуждения.

1 Это не универсальное правило, и некоторые режимы все равно прибегают к таким мерам, особенно если речь идет о консолидированных автократиях [▸ 4.4.3.1]. Например, в России во время протестных акций 2011–2012 годов, которые были направлены против легитимности и произошли сразу после выборов, основные репрессии и массовые аресты проводились во время майской акции протеста на Болотной площади. За этим событием (которое совпало с инаугурацией Путина) последовали целенаправленные репрессии против таких лидеров оппозиции, как А. Навальный и С. Удальцов. Мы благодарны Майклу С. Зеллеру за этот комментарий.

4.3.2.3. Группы интересов в трех режимах полярного типа

Протест часто становится инструментом общественных движений, который те применяют как метод одностороннего давления для подкрепления своих целей и требований, которые позднее могут материализоваться в виде (новой) оппозиционной партии или быть представлены на переговорах с правительством. Тем не менее когда речь идет **не об общественных движениях** и одностороннем давлении, **а о двусторонних переговорах**, правильнее говорить о группах интересов.

• ***Группа интересов*** *— это группа акторов, которые объединяются в формальную или неформальную организацию, чтобы убедить публичных акторов выполнить определенные политические действия, выгодные для членов группы интересов, например принять какой-либо закон или выдать субсидии. Группы интересов сотрудничают с политиками в процессе лоббирования.*

Аренд Лейпхарт различает две модели функционирования групп интересов **в либеральных демократиях**: (1) плюралистическая модель, которой свойственен «конкурентный и неорганизованный плюрализм независимых групп» и которая распространена в мажоритарных демократиях (таких как США), и (2) корпоративистская модель, которая представляет собой «скоординированную и ориентированную на достижение компромисса систему», типичную для так называемых консенсусных демократий (таких как Германия)[1]. В обоих случаях представители **групп интересов** (лоббисты) **пытаются влиять на законодателей с целью создания таких (нормативных) законов и правовых норм, которые соответствуют их ценностям и интересам**, умножают их выгоды и снижают издержки. Среди различных групп интересов бизнес-группы вкладывают в лоббирование особенно крупные

[1] *Lijphart A.* Patterns of Democracy. P. 158.

суммы денег, о чем подробно повествует литература о регулировании и получении ренты [▸ 5.3.1, 5.4.2.3].

При анализе групп интересов **в патрональных автократиях** следует различать характеристики стран и характеристики режимов [▸ 7.4]. Если начать с последних, то две отличительные характеристики патрональной автократии как режима определяют некоторые особенности лоббирования в ней. Во-первых, рудиментарное разделение социальных сфер означает, что **представительство интересов превращается в сговор**, поскольку предприниматели являются олигархами и встроены в **неформальную патрональную сеть, а не группу интересов**[1]. Во-вторых, поскольку «законодательные органы не могут самостоятельно принимать какие-либо важные законы без участия исполнительной власти» (см. законодательные органы партии вассалов и партии — «приводного ремня» [▸ 4.3.4.4]), а «закон играет очень незначительную роль в определении фактических показателей предпринимательской деятельности и распределении доходов от нее» (см. амплитуду произвола и реляционное перераспределение рынка [▸ 5.6.1]), «расходы на установленное в законном порядке лоббирование не окупятся ни в среднесрочной, ни в долгосрочной перспективе»[2]. Следовательно, **усилия лоббистов должны быть направлены не на законодательство, а на членов двора патрона**: предпочтительнее всего — на верховного патрона или кого-либо из его приближенных [▸ 2.2.2.3]. Увенчаются ли эти усилия успехом, сильно зависит от вовлеченности страны в мировую экономику, что приводит нас к вопросу о характеристиках стран. Так, патрональная автократия Путина ограничила иностранную

1 Точные определения сопряженных терминов и сравнительный анализ функционирования неформальных патрональных сетей, а также того, как группы интересов оказывают давление, можно найти в следующей главе, в рамках более широкого контекста экономической теории [▸ 5.4.2.3].

2 *Yavlinsky G.* The Putin System: An Opposing View. New York: Columbia University Press, 2019. P. 103.

собственность до некоторых технически неизбежных областей, тогда как в большинстве других секторов, от финансового посредничества до торговли и образования, иностранный капитал и собственность считались нежелательными[1]. В этих условиях Леннарт Дальгерн, бывший глава «ИКЕА Россия», попытался, по его собственному признанию, организовать встречу с Путиным, но высокопоставленный чиновник сказал ему, что такая встреча обойдется в 5–10 млн долларов (после чего Дальгерн, как сообщается, почувствовал, что «было бы лучше не углубляться в эту дискуссию»)[2]. Однако в странах с относительно более высокой долей иностранных инвестиций и экономической активностью лоббирование на уровне двора патрона может увенчаться успехом, и иностранные бизнес-группы могут сохранять независимость благодаря прочным позициям в своих странах. Вероятно, так складывается ситуация в Венгрии, относительно небольшая национальная экономика которой имеет крепкие связи с Европейским союзом и в особенности с немецкими компаниями[3]. Тем не менее эти бизнес-группы по-прежнему защищают собственные коммерческие интересы и не пытаются нарушить политическую стабильность режима, в связи с чем их поддержка приносит очевидную выгоду обеим сторонам [▸ 7.4.5].

Что касается **корпоративистской модели**, то она может присутствовать и в патрональных автократиях, однако лишь в существенно модифицированном виде. Главная разница

1 *Csaba L.* Válság — Gazdaság — Világ: Adalék Közép-Európa Három Évtizedes Gazdaságtörténetéhez (1988–2018) [Кризис — Экономика — Мир: Дополнения к тридцатилетней экономической истории Центральной Европы (1988–2018)]. Budapest: Éghajlat Könyvkiadó, 2018. P. 220.

2 *Antonova M.* Ex-IKEA Boss Bares Russia's «Chaotic Reality» // The Moscow Times. 25.03.2010. URL: http://old.themoscowtimes.com/business/article/ex-ikea-boss-bares-russias-chaotic-reality/402494.html. Также см.: *Robinson N.* Russian Patrimonial Capitalism and the International Financial Crisis // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2011. Vol. 27. № 3–4. P. 434–455

3 *Scheiring G.* The Retreat of Liberal Democracy. P. 133–50, 261–298.

между ее патрональной и демократической версиями заключается в двух аспектах: (1) автономности акторов и (2) переговорной позиции корпораций. Вследствие того, что **мафиозное государство** нейтрализует те сферы, которые в либеральных демократиях были бы защищены правами и свободами и обладали бы автономией, оно **разрушает институциональную автономию** социальных слоев, состоящих из государственных служащих, интеллигенции, работающей на государство, а также работодателей и наемных работников. Те, кто не подвергается маргинализации или геттоизации (в описанном выше смысле), могут быть приняты на службу в мафиозное государство, что означает, что они, будучи служащими государственного аппарата, вынуждены вступать в профессиональные **палаты**, контролируемые правительством [▸ 6.2.2.3]. Однако здесь мы подходим ко второму аспекту, который отличает патрональную систему корпоративизма от демократической (или даже фашистской до Второй мировой войны): эти патрональные палаты являются просто клиентарными организациями, которые **не могут отстаивать свои корпоративные переговорные позиции**. Таким образом, государственные служащие как организация не обладают какими-либо особыми привилегиями, а их статус дает им преимущества, связанные только с самим фактом того, что они занимают государственные должности[1].

Хотя все члены политических корпораций, несомненно, пользуются предоставляемыми им преимуществами, они при этом лишены тех свобод, которые были бы присущи «феодальному» аналогу их сословия. Они не реинкарнации традиционного феодального «дворянства», обладавшего неотчуждаемыми правами. Скорее многие госслужащие и новоиспеченные чиновники пополняют ряды простых смертных и вынуждены подчиняться железному порядку, в рамках

1 Ср.: *Lakner Z.* Links in the Chain: Patron-Client Relations in the Mafia State. P. 157–163.

которого те работают и живут. Кроме того, в отличие от профессиональных палат в либеральных демократиях, которые, даже несмотря на порой такое же принудительное членство, играют важную роль в контроле за качеством (защита прав потребителей и регулирование рынка), **палаты мафиозного государства являются государственными организациями, обеспечивающими лояльность**. Таким образом, профессиональные палаты являются организациями — «приводными ремнями» [▸ 3.5.2]: они не могут диктовать свои условия и служат лишь формальной основой для вербовки в команду и изгнания.

Наконец, **в коммунистических диктатурах** отсутствуют независимые организации, которые напоминали бы группы интересов, вызывающих «изменения извне». В исполнении такой роли, действительно, нет нужды, поскольку за пределами партии-государства не существует никаких структур, а управление и наблюдение частично осуществляются официальными профсоюзами — «приводными ремнями»[1]. Напротив, в патрональных автократиях, как правило, существует ряд сфер, до которых не дотянулось организованное надполье. В физическом смысле система также не является закрытой по сравнению с коммунистическими диктатурами, которые демонстрируют закрытость как с точки зрения возможности покинуть страну, так и в плане государственного контроля за всеми сторонами жизни. Чего стоит одна уголовная статья за тунеядство («социальный паразитизм»), существование которой указывает на то, что коммунистическое государство не только определяло, какую позицию может занимать индивид, не только регулировало условия его повышения, но и не позволяло никому исчезать из системы; у каждого было зарегистрированное в ней место. Тотальный контроль по заветам

[1] Некоторые авторы рассматривают ведомства, подчиняющиеся партии-государству, и ее сотрудников как группы интересов. См.: *Skilling G.* The Institutional Development of a Minimal Parliament.

марксизма-ленинизма пронизывал все общество. В противоположность этому патрональные автократии прагматичны и концентрируются только на вопросах, имеющих отношение к политической стабильности: узловых точках принятия решений, торговых операциях и, конечно, сетях, которые сплетены вокруг них в масштабе всего общества.

4.3.2.4. Партийные системы с патрональным и непатрональным типом деления на партии

Перемены, вызываемые извне, предполагают **смену политического курса через смену акторов**. Другими словами, акторы, не входящие в правящую политическую элиту и желающие изменить статус-кво, стремятся сделать это, сместив тех акторов, которые принимают ключевые решения. Один из возможных способов сделать это, а именно **индивидуальный вход в политическую элиту,** описан в предыдущей главе. В либеральных демократиях он подразумевает присоединение к правящей демократической партии; в патрональных автократиях — стремление быть принятым в приемную политическую семью. Наконец, в коммунистических диктатурах люди с политическими амбициями вступают в партию-государство [▸ 3.3.7]. Однако у этого способа есть серьезные недостатки с точки зрения возможности изменений. Хотя индивидуальный вход, как правило, предполагает низкий проходной барьер, на начальном этапе он предоставляет минимальные властные полномочия (а часто — полное их отсутствие). Следовательно, если кто-либо хочет изменить статус-кво изнутри, он должен потратить много времени и усилий, чтобы покинуть нижний уровень (формальной или неформальной) иерархии и получить более высокую позицию с возможностью принимать решения.

Другой, более очевидный метод заключается в том, чтобы **конкурировать с другими за право сменить на постах**

людей, ответственных за принятие решений. В конкуренции могут принимать участие коллективные акторы, то есть **партии**, типология которых дана в Главе 3 [▸ 3.3.7–9]. Как мы отмечали ранее, **в коммунистических диктатурах** партия-государство является единственным законным обладателем власти, а следовательно, никакая другая партия не может на нее претендовать. Это напрямую следует из официальной коммунистической идеологии в целом и неэлекторальной гражданской легитимации в частности. Иными словами, никакие оппозиционные партии не допускаются, и ни один объект партии-государства не имеет законного права создавать политические партии и конкурировать с ней. Следовательно, такие **системы** обычно называют **однопартийными** или тоталитарным монопартизмом[1].

После распада советской империи большинство посткоммунистических стран отказались от однопартийных систем. Уникальную позицию в этом плане заняла Беларусь, где сложилась система, которую Андрей Казакевич назвал «непартийной». В условиях этой системы двуединство правящей партии и государственных структур, присущее коммунистическим диктатурам [▸ 3.3.8], упраздняется в пользу единой бюрократии государства, которое само функционирует как партия. Эта в буквальном смысле партия-государство возникла после того, как «парламентский фактор был, по сути, изъят из политической системы» через внесение изменений в конституцию в середине 1990-х годов, после чего «исполнительная власть не видела смысла в развитии политических партий и организаций <...>, даже несмотря на то, что значительное число депутатов Палаты представителей первого созыва (1996–2000 годы) были членами партии. Деятельность политических партий прекратилась, не было создано парламентских групп и в целом вся политическая деятельность в парламенте была заморожена.

1 *Sartori G.* Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. P. 221–230.

Политика президента была главным образом направлена на устранение партий с политической арены, и эта политика велась не только в отношении оппозиционных партий»[1].

Что касается более характерных случаев, то либеральным демократиям и патрональным автократиям свойственна **электоральная гражданская легитимация**, и в качестве одного из аспектов формальной свободы собраний каждому предоставляется право создавать партии и участвовать в партийной конкуренции. Используя это право для того, чтобы добиться изменений извне, политические акторы образуют **партийную систему** режима. Как отмечают Лучано Барди и Питер Мэйр, именно взаимодействие и конкуренция отличают партийную систему от простой группы партий, сосуществующих в одном государстве[2].

В контексте либеральных демократий и патрональных автократий можно говорить о **многопартийных системах**. Ниже мы приводим типологию этих систем по **четырем критериям**. Первый критерий — это **основной принцип деления на партии**, то есть основной источник разногласий между конкурентами по поводу того, как следует использовать политическую власть. Другими словами, то, чего хочет добиться неправящая партия по сравнению с защитниками статус-кво, отражает принцип, который лежит в основе их разделения. Естественно, партийная конкуренция — это многоплановое явление, и в каждой партийной системе существует множество принципов деления на партии, из-за чего бывает трудно назвать какой-то один из них основным[3]. Тем не менее в посткоммунистических партийных системах по этому критерию

1 *Kazakevich A.* The Belarusian Non-Party Political System: Government, Trust and Institutions 1990–2015 // Stubborn Structures. P. 363.

2 *Bardi L., Mair P.* The Parameters of Party Systems // Party Politics. 2008. Vol. 14. № 2. P. 147–166.

3 *Albright J.* The Multidimensional Nature of Party Competition // Party Politics. 2010. Vol. 16. № 6. P. 699–719.

можно выделить два главных принципа деления: **патрональный и непатрональный**. Это важнейшее измерение позволяет отличать одни посткоммунистические демократии от других: точнее говоря, либеральные демократии (такие как Эстония) от патрональных демократий (таких как Румыния). Другими словами, непатрональные принципы деления лежат в основе множества демократических партий, а патрональные — в основе множества патрональных. В патрональных демократиях партийная конкуренция — это конкуренция патрональных сетей, которые используют партии в качестве фасадов, придающих им вид искренних интерпретаторов общего блага для того, чтобы получить поддержку широких масс и гражданскую легитимацию. И все же их преобладающая мотивация — это, несомненно, принцип интересов элит: они хотят использовать политическую власть для получения прибыли для своей неформальной патрональной сети. С другой стороны, непатрональная конкуренция означает, что в конкурирующие партии не сформированы на основе патрональных сетей, а их основной мотивацией является принцип общественных интересов [▸ 2.3.1]. Это не означает, что они не представляют интересы какой-либо группы[1] или что у них нет абсолютно никаких намерений использовать государственные ресурсы в коррупционных целях (такие как финансирование партий)[2]. По нашему убеждению, это означает, что партии в либеральных демократиях (1) не являются фасадными организациями конкурирующих патрональных сетей, а (2) в основе конкурентного поведения акторов лежит несогласие с политикой, правого / левого или какого-либо другого толка [▸ 6.4.1][3].

[1] *Innes A.* Corporate State Capture in Open Societies: The Emergence of Corporate Brokerage Party Systems // East European Politics and Societies. 2016. Vol. 30. № 3. P. 594–620.

[2] *Kopecký P., Spirova M.* «Jobs for the Boys»? Patterns of Party Patronage in Post-Communist Europe // West European Politics. 2011. Vol. 34. № 5. P. 897–921.

[3] В патрональных режимах в основе такого деления может быть как несогласие с политикой государства, так и сомнения в его легитимности. В целях

Второе и третье измерения основаны на **типе конкуренции** между правящей политической элитой и оппозицией, с одной стороны, и между самими оппозиционными партиями — с другой. Этот аспект также связан с типами оппозиционных партий, которые мы рассматривали в предыдущей главе [▸ 3.3.9]. Так, в частности, конкуренция может быть (a) **реальной**, при которой оппозиционные партии участвуют в партийной конкуренции, чтобы вызвать изменения (правящая партия[1] против оппозиции), или (b) **фейковой**, при которой оппозиционные партии либо не верят в то, что могут победить на выборах, и участвуют в них только для получения большей доли государственных ресурсов (правительство против оппозиции), либо сами являются фейковыми партиями и участвуют в выборах только для симуляции или нейтрализации, а также, если использовать упомянутый нами термин, нейтроллизации настоящей конкуренции. Наконец, четвертое измерение относится к **основному полю конкуренции**, то есть мы задаемся вопросом, конкуренция между какими акторами самая острая, или какой аспект конкуренции, скорее всего, приведет к значительным изменениям в политике в целом и партийной системе в частности. Как правило, это поле действия находится либо между властью и главной оппозиционной партией, либо между оппозиционными партиями.

Используя эти измерения, можно выделить шесть партийных систем идеального типа, каждая из которых может преобладать в одном или двух типах режимов от либеральной демократии до патрональной автократии (Таблица 4.6). В либеральных демократиях партийная система бывает, как правило, двух типов: **конкурентная партийная** и **двухпартийная**. В обеих случаях основной принцип деления на партии

описания идеальных моделей мы рассматриваем эти принципы деления на партии как непатрональные.

[1] Этот концепт подразумевает как правящую партию, так и партию — «приводной ремень» [▸ 3.3.8].

Таблица 4.6: Типы многопартийных систем в посткоммунистических режимах

	Характерный тип режима	Основной принцип деления на партии	Тип конкуренции между оппозиционной и правящей партиями	Тип конкуренции между оппозиционными партиями	Основное поле конкуренции
Конкурентная партийная система	Либеральная демократия	Непатрональный	Реальная	Реальная	Отсутствует центр (равномерно распределена)
Двухпартийная система		Непатрональный	Реальная	Реальная	Правящая демократическая партия против главной оппозиционной демократической партии
Демократическая партийная система с автократическим претендентом		Непатрональный / патрональный	Реальная	Реальная / отсутствует	Правящая демократическая партия против главной оппозиционной партии (патрона)
Мультипатрональная сетевая система	Патрональная демократия	Патрональный	Реальная	Реальная	Правящая партия патрона против главной оппозиционной партии (патрона)
Патрональная партийная система с демократическим претендентом	Патрональная демократия / Патрональная автократия	Непатрональный / патрональный	Реальная	Реальная / отсутствует	Правящая партия патрона против оппозиционной демократической партии (блока)
Система с доминирующей партией и конкурентным окружением	Патрональная автократия	Непатрональный	Реальная / фейковая	Реальная	Оппозиционные партии между собой
Система с доминирующей партией и фейковой оппозицией		Отсутствует	Фейковая	Фейковая	Отсутствует

носит непатрональный характер, поскольку конкурирующие партии являются демократическими, а конкуренция — реальной. Разница между ними лежит в плоскости основного поля конкуренции. В конкурентной партийной системе конкуренция распределена равномерно, то есть между правительством и оппозицией, равно как и между различными оппозиционными движениями, а также налажены прочные связи, и все партии ведут между собой напряженную борьбу. В двухпартийной системе основное поле конкуренции находится между правящей партией и главной оппозиционной партией. Другими словами, разрыв между главной партией-претендентом и другими оппозиционными партиями так велик, что последние не слишком заботят первую, а правительство уделяет внимание то одной, то другой из двух спорящих сторон[1].

Либеральные демократии утрачивают свою стабильность, когда в знакомой им **демократической партийной системе появляется автократический претендент**. Под «демократической партийной системой» мы понимаем конкурентную или двухпартийную систему, тогда как «автократический претендент» обозначает либо (a) демократическую партию, которая тем не менее исходит из принципа продвижения идеологии, то есть стремится единолично обладать политической властью, либо, что встречается чаще, (b) патрональную партию. В обоих случаях такая партия является либо набирающим силу конкурентом, либо главной оппозиционной партией, а ее цель — установление автократического порядка: консервативной автократии в случае (a) и патрональной автократии в случае (b). Таким образом, правящая партия сталкивается с автократическим вызовом, а сам режим получает **импульс, тянущий его сторону автократии**, потенциально — патрональной автократии, если партия патрона успешно монополизирует власть [▸ 4.4.2.2]. Примером партийной

1 *Sartori G.* Parties and Party Systems. P. 185–192.

системы с претендентом типа (a) является Польша в 2015 году, когда партия Качиньского «Право и справедливость» (*PiS*) конкурировала на выборах с правящей Гражданской платформой (*PO*). Пример претендента типа (b) демонстрирует Венгрия в 1998 году, где против правящей коалиции, состоящей из демократических партий (*MSZP* и *SZDSZ*), выступила партия «Фидес» Виктора Орбана. Интересно, что хотя оба этих претендента одержали победу и предпринимали попытки установления автократии [▸ 4.4.1.3], ни один из них не приобрел монополии на власть. Вследствие этого им не удалось институционализировать автократию, однако Польша и Венгрия получили импульс к развитию консервативной автократии и патрональной демократии, соответственно[1].

Двойником демократической партийной системы с автократическим претендентом является **патрональная партийная система с демократическим претендентом**. В этом случае роли меняются местами: теперь у власти находится партия патрона, конкуренцию которой составляет демократическая партия, дающая **импульс к преобразованию режима в либерально-демократический.** Это происходит в тех режимах, где партия патрона, находящаяся у власти, не может установить и упрочить патрональную автократию, то есть сформировать сильную однопирамидальную систему, способную помешать оппозиции победить на выборах. Как утверждают Банс и Волчек, такие демократические импульсы часто предполагают стратегическое формирование оппозиционными партиями **избирательного блока**, который обладает «возможностью аккумулирования голосов избирателей и способен дать гражданам сигнал о том, что оппозиция твердо намерена победить и может эффективно осуществлять управление»[2]. Наличие избирательного блока — явный признак **оппозиции,**

1 *Magyar B.* Parallel System Narratives. P. 632–643.

2 *Bunce V., Wolchik S.* Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. P. 46.

ставящей под сомнение легитимность режима, или того, что партии перешли от критики правительства к критике режима [▸ 4.4.4]. Следовательно, после успешного формирования блока конкуренция между оппозиционными партиями или является реальной, или отсутствует.

Формирование избирательных блоков присуще патрональным демократиям (например, Украине), где многочисленные приемные политические семьи конкурируют в лице отдельных партий либо партийных блоков[1]. Такую партийную систему, которая является **характерным признаком патрональной демократии**, можно описать как **мультипатрональную сетевую систему**. Деление на партии здесь является патрональным, так как конкурирующие стороны — это партии патрона. Тем не менее такие системы могут включать мелкие оппозиционные партии, которые действительно являются демократическими, но находятся в невыгодном положении и, по существу, маргинализированы (в противном случае в системе появился бы демократический претендент). Следовательно, можно утверждать, что, хотя такие партии тоже участвуют в конкуренции, основное ее поле находится между двумя главными патрональными сетями, то есть правящей партией патрона и партией главного оппозиционного патрона.

Наконец, для **патрональных автократий** характерны системы с доминирующей партией[2]. В режимах этого типа партия — «приводной ремень» приемной политической семьи не позволяет оппозиции победить, используя для этого не догматические запреты, присущие диктатуре, но прагматическую нейтрализацию [▸ 3.3.9]. Поскольку однопирамидальная патрональная сеть не допускает использования (экономических) ресурсов для поддержки оппозиции [▸ 3.4.1.3], конкурирующие патрональные сети ликвидируются и/или маргинализируются,

1 *Minakov M.* Republic of Clans.

2 *Bogaards M.* Dominant Parties and Democratic Defects // Georgetown Journal of International Affairs. 2005. Vol. 6. № 2. P. 29–35.

а следовательно, партии патрона могут занимать только маргинальное положение. Тем не менее оппозиционные партии все еще могут представлять собой (a) реальную оппозицию в том смысле, что могут создавать настоящую конкуренцию между правящей и оппозиционными партиями, если последние не являются нейтрализованными, либо (b) фейковые партии.

Соответствующим образом можно определить два типа систем с доминирующей партией. Если оппозиция реальная, то можно говорить о **системе с доминирующей партией и конкурентным окружением**. «Конкурентное окружение» — это термин, заимствованный из экономики. В модели доминирующей фирмы с конкурентным окружением этот концепт используется для обозначения большого количества относительно мелких фирм, каждая из которых имеет незначительную долю рынка по сравнению с ведущим производителем или лидером рынка, который контролирует отрасль, и то, к каким условиям приспосабливается конкурентное окружение[1]. Логика экономической модели аналогична логике рассматриваемой партийной системы по нескольким параметрам. Во-первых, в этой системе **оппозиция раздроблена и ограничена**, а доминирующая партия, по сути, определяет правила и величину конкуренции. Как пишет Андреас Шедлер, в таких условиях «оппозиционным партиям, хотя им и отказано в победе, разрешается набирать голоса и получать места», а также они «не подвергаются массовым репрессиям, хотя и могут периодически испытывать на себе выборочные репрессивные меры»[2]. Во-вторых, хотя в экономической модели у доминирующей фирмы есть некоторое конкурентное преимущество на текущий момент, конкурентное окружение

1 *George K., Joll C., Lynk E. L.* Industrial Organization: Competition, Growth and Structural Change. London: Routledge, 2005. P. 159–180.

2 *Schedler A.* The Logic of Electoral Authoritarianism // Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2006. P. 3.

может включать потенциальных участников рынка, которые при определенных обстоятельствах могут представлять угрозу доминирующему положению фирмы. Соответственно, доминирующая фирма в отличие от монополиста, принимая решения о выпускаемых продуктах и ценах на них, должна учитывать конкурирующие фирмы. Похожим образом доминирующая партия, хотя и является лидером, который имеет гораздо больше ресурсов, чем оппозиция, все равно должна обращать внимание на действия оппозиции. С учетом этого приемная политическая семья может (a) продолжать попытки ослабить реальную оппозицию в дальнейшем [▸ 3.3.9] и/или (b) скорректировать свои политические решения так, чтобы оппозиция не смогла извлечь из них выгоду [▸ 7.4.7.3].

Третье сходство между экономической моделью и партийной системой в патрональных автократиях состоит в том, что фирмы из конкурентного окружения, как правило, конкурируют между собой, и порой эта конкуренция более острая, чем в отношении доминирующей фирмы. В системе с доминирующей партией и конкурентным окружением, **хотя некоторые оппозиционные партии могут все еще по-настоящему пытаться бороться с правящей политической элитой, они, вероятно, отдают себе отчет в том, что о победе речи не идет, однако увеличение числа мест и голосов, а следовательно, и доступа к государственным ресурсам за счет друг друга вполне реально.** В связи с этим конкуренция между властью и оппозицией бывает иногда реальной (и поскольку партии патрона маргинализированы, преимущественно непатрональной), но, как правило, она фейковая: **центр конкуренции смещается от борьбы между правящей партией и оппозицией к борьбе между оппозиционными партиями**[1]. Другими словами, оппозиционные партии, которые понимают, что им не победить, «вместо золотой медали рассчитывают

1 Ср.: *Ripp Z.* The Opposition of the Mafia State. P. 576–596.

на серебряную», поскольку стремятся получить максимальный доступ к государственным ресурсам.

Однако если оппозиция действительно фейковая, можно говорить о **системе с доминирующей партией и фейковой оппозицией**. В такой системе партийная конкуренция является лишь фасадом, поскольку «соперники» правящей политической элиты на самом деле являются ее творениями, существующими не для того, чтобы стать причиной каких-либо изменений, но чтобы сохранить систему, обеспечивая гражданскую легитимацию при помощи выборов. Следовательно, конкуренция как между оппозиционными партиями, так и между ними и правящей партией является фейковой. Нет никакого принципа деления на партии, равно как и основного поля конкуренции, поскольку в таких системах подлинной конкуренции не существует. Так обстоят дела в Туркменистане, где однопартийная система сохранялась до 2007 года, и даже тогда «против» верховного патрона действовала лишь фейковая оппозиция[1].

4.3.3. Избрание: кампании, выборы и референдумы

Пик партийной конкуренции в ходе публичного обсуждения приходится на фазу избрания. Тогда как на этапе дискуссии и объединения большинство граждан могут быть просто пассивными наблюдателями, во время фазы избрания они в основной массе становятся активными избирателями, чтобы определить, какая партия будет принимать основные политические решения в государстве. При этом мы фокусируемся не только на самих **выборах**, но также на предшествующих им **избирательных кампаниях**, в ходе которых, по крайней мере в случае либеральных демократий, партии стремятся убедить избирателей

[1] *Hale H.* Patronal Politics. P. 247–248.

отдать им свой голос. Кроме того, в этой части мы рассматриваем референдумы, которые хотя и не относятся к обычному процессу публичного обсуждения, будучи средствами скорее прямой, чем представительной демократии, но являются одной из форм голосования с предшествующей ему кампанией.

Политические кампании и выборы принимают разные формы и выполняют разные функции в трех режимах полярного типа. **В либеральных демократиях** они **воплощают в жизнь идеи конституционализма** о том, что каждый совершеннолетний человек должен иметь право голоса в управлении своей жизнью и, следовательно, имеет право не только голосовать, но и узнавать о доступных альтернативах (а также баллотироваться на различные посты и заниматься предвыборной агитацией). **В коммунистических диктатурах основные права и свободы подавляются, но кампании и выборы тем не менее существуют**, отчасти из-за централизованной политики по изменению политического курса и замене акторов (в случае кампаний), отчасти потому что это средство мобилизации объектов и контроля над ними (в случае выборов)[1]. **В патрональных автократиях** общая функция как кампаний, так и выборов заключается в **прагматической нейтрализации** того, что представляет **угрозу** политической стабильности режима.

4.3.3.1. Маркетинговая кампания, кампания, формирующая лояльность, и кампания с приостановлением прав

Поскольку мы рассматриваем политические кампании как в электоральных, так и в неэлекторальных режимах, следует дать им довольно широкое определение[2]:

1 *Zaslavsky V., Brym R.* The Functions of Elections in the USSR // Soviet Studies. 1978. Vol. 30. № 3. P. 362–371.

2 Campaign // Merriam-Webster.com. Web: Merriam-Webster, 2019. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/campaign. Кроме того, мы сужаем это определение до внутриполитических кампаний.

Таблица 4.7: Политические кампании в трех режимах полярного типа

Маркетинговая кампания (преобладает в либеральных демократиях)	**Кампания, формирующая лояльность** (преобладает в патрональных автократиях)	**Кампания с приостановлением прав** (преобладает в коммунистических диктатурах)
Свободный выбор	Несвободный выбор	Отсутствие выбора
Снизу вверх (проводится не государством)	Сверху вниз (проводится мафиозным государством)	Сверху вниз (проводится партией-государством)
Циклическая	Нециклическая / бессрочная	Нециклическая / циклическая
Конкурентная кампания (с целью убедить людей)	Кампания с монополизацией общественного дискурса (с целью вытеснить других)	Управленческая кампания (с целью принудительного осуществления государственных целей)
Санкции за отказ отсутствуют	Санкции за отказ либо непрямые, либо отсутствуют	Прямые санкции за отказ

• ***Политическая кампания*** *— это взаимосвязанная последовательность действий, спланированных политическими акторами для достижения определенных изменений в политике государства.*

Между характерными свойствами типов политических кампаний, преобладающих в трех режимах идеального типа, можно обнаружить глубокие структурные различия (Таблица 4.7). В режимах с электоральной гражданской легитимацией политические кампании — это избирательные кампании, которые предшествуют выборам. Период проведения кампании представляет собой **наиболее интенсивную часть фазы дискуссии**, которая проходит вместе с избранием. Кроме того, для масс, которые обычно не так активно вовлечены в политику, это единственная фаза, когда они в ней участвуют и выражают свое мнение по политическим вопросам[1].

В либеральных демократиях перед выборами проходят **маркетинговые кампании**. Этот термин отсылает к конку-

[1] *Norris P.* The Evolution of Election Campaigns: Eroding Political Engagement? // Paper for the conference on Political Communications in the 21st Century, St Margaret's College. University of Otago, New Zealand, 2004.

ренции рыночного типа со **свободным предложением**, в условиях которого граждане вправе формировать различные по взглядам партии, вступать в них и оказывать поддержку, а также со **свободным спросом**, при котором граждане вправе узнавать о доступных альтернативах через альтернативные источники информации[1]. Эти условия, а также маркетинговые кампании диктуют необходимость (1) свободы собраний (как описано выше в контексте фазы объединения) и (2) открытой сферы коммуникации (как описано выше в контексте фазы дискуссии). Иначе говоря, маркетинговые кампании создают **условия для свободного выбора**, так как граждане могут свободно выбирать между альтернативными партиями и кандидатами на избирательном рынке[2].

Специфика маркетинговых кампаний вытекает из их общего характера. Во-первых, маркетинговые кампании проводятся по принципу **снизу вверх (то есть не государством)** в том смысле, что специализированная (партийная) организация, которая руководит избирательной кампанией, независима от исполнительных и судебных органов власти, даже (или главным образом) если речь идет о кампании правящей партии. Этот принцип является институциональной гарантией свободы выбора граждан, а также того, что кампании могут свободно конкурировать на политическом рынке, даже если их цели противоречат друг другу. Во-вторых, поскольку маркетинговые кампании в либеральных демократиях предшествуют выборам, они проводятся **циклически**. В-третьих, мобилизация «покупателей» (избирателей) происходит в условиях свободного рынка, а значит, маркетинговая кампания — это **конкурентная кампания**, главная цель которой — убедить людей. Для достижения этой цели могут быть использованы самые разнообразные средства, включая

1 *Schedler A.* The Menu of Manipulation. P. 39.

2 Ср.: *Norris P.* Radical Right: Voters and Parties in the Electoral Market. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

негативные и позитивные[1], но заставить избирателей отдать им свой голос партии не могут. Другими словами, **за отказ** от предложения кандидата **не должно следовать никаких санкций**, иначе это не ситуация свободного выбора. Как утверждает Шедлер, в либеральных демократиях граждане, «чтобы иметь возможность свободно выбирать, должны быть защищены от чрезмерного внешнего давления. Если выбор избирателей определяют власть и деньги, то конституционные гарантии демократической свободы и равенства превращаются в пустой звук. Очевидно, что насилие или его угроза мешают избирателям делать свободный выбор»[2].

Что касается **патрональных автократий,** то в них в основном преобладают **кампании**, **формирующие лояльность** власти, хотя оппозиция также может проводить маркетинговые кампании. В отличие от маркетинговых, кампании, формирующие лояльность, свидетельствуют об условиях **несвободного выбора** ввиду того, что спрос и предложение, хотя и существуют, не являются свободными. Это объясняется тем, что (1) оппозиционные партии, которые все еще можно формировать, проходят процедуру нейтрализации, и создается система с доминирующей партией, как было описано выше в контексте фазы объединения, и (2) устанавливается доминирующая сфера коммуникации, упоминавшаяся нами в контексте фазы дискуссии.

Как и в предыдущем примере, мы можем вывести основные свойства этих кампаний из их общего характера. Во-первых, кампании, формирующие лояльность, проводятся по принципу **сверху вниз** приемной политической семьей. Следовательно, они **проводятся мафиозным государством**, а власти могут, с одной стороны, напрямую использовать

[1] Подробнее на эту тему см. классическую работу: *Theilmann J., Wilhite A.* Campaign Tactics and the Decision to Attack // The Journal of Politics. 1998. Vol. 60. № 4. P. 1050–1062.

[2] *Schedler A.* The Menu of Manipulation. P. 44.

государственные ресурсы, а с другой — систематически задействовать государственный аппарат (здания государственных органов, транспортные средства, коммуникационную инфраструктуру, государственных служащих)[1]. Хотя подобное злоупотребление государственными средствами со стороны должностных лиц встречается не только в патрональных автократиях — в допутинской России на переизбрание Ельцина в 1996 году были потрачены десятки миллионов долларов в государственных облигациях[2], — только в автократических режимах, где руководство ликвидирует разделение ветвей власти [▸ 4.4.3], **правоохранительные органы тоже становятся частью предвыборного штата**. Патронализированные приемной политической семьей правоохранительные органы, такие как прокуратура, способствуют криминализации оппозиционеров через информационные вбросы в патрональные СМИ и приспосабливают выборочное правоприменение под цели кампании [▸ 4.3.5].

Во-вторых, в отличие от маркетинговых кампаний, которые проводятся только перед выборами, кампании, формирующие лояльность, либо проходят по мере необходимости, либо **бессрочны**. Или, во всяком случае, их срок не ограничивается месяцем или около того перед выборами. Так, кампании играют важную роль в обретении господствующего положения в сфере коммуникации, не только среди СМИ приемной политической семьи, но и на рекламных щитах, в почтовых рассылках, листовках и т. п.[3] В-третьих, роль таких

1 *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 10.

2 Ibid. Также см.: *Hoffman D.* The Oligarchs. P. 348–351.

3 Описанную ситуацию хорошо иллюстрирует Венгрия в период миграционного кризиса. Партия — «приводной ремень» «Фидес» в 2015 году начала кампанию против мигрантов и (на 2019 год) все еще не закончила ее, потратив более 100 млн евро налоговых средств на формально государственные проекты, такие как национальная консультация, информационные кампании и референдум, спланированный исключительно для целей кампании

раздутых кампаний заключается не в конкуренции с другими политическими программами, а в их вытеснении. В основной сфере коммуникации заявления оппозиции не становятся частью общенациональной общественной дискуссии, потому что наталкиваются на ограничения в том смысле, что их полностью заглушает информационный шум, генерируемый кампаниями провластных партий и кандидатов. Следовательно, такие кампании, которые определяют общественную повестку через использование административных средств и не участвуют в конкуренции, можно назвать **кампаниями с монополизацией общественного дискурса**.

Наконец, отказ от предложения, сделанного приемной политической семьей, то есть отказ за нее голосовать, предусматривает **косвенные санкции или их отсутствие**. Наличие или отсутствие санкций зависит, как правило, от трех условий: (1) каково экзистенциальное положение избирателя, то есть насколько сильно он зависит от государственных доходов (рабочих мест, контрактов и т. д.), которых его может лишить мафиозное государство; (2) афиширует ли он свои взгляды, то есть знает ли приемная политическая семья о том, что он поддерживает оппозицию; и (3) представляет ли он угрозу политической стабильности. Естественно, члены приемной политической семьи (или государственного аппарата) низкого уровня с легкостью могут быть излишне старательны и дискриминировать любого оппозиционного избирателя, какого найдут. Однако в соответствии с прагматизмом мафиозного государства санкции сверху применяются только тогда, когда человек опасен — это может быть журналист, предприниматель или олигарх, который стремится поддержать оппозицию или является членом семьи видного

в 2016 году. См: *Madlovics B.* It's Not Just Hate: Attitudes toward Migrants in a Dominated Sphere of Communication in Hungary // After the Fence: Approaches and Attitudes about Migration in Central Eastern Europe. Budapest: European Liberal Forum — Republikon Intézet, 2017.

оппозиционера[1]. Кроме того, такие санкции оказывают демобилизующий эффект в результате негативного подкрепления.

Последний тип кампаний — это **кампании с приостановлением прав** в коммунистических диктатурах. Поскольку они проводятся в неэлекторальных условиях, их функции и характер значительно отличаются от функций маркетинговых кампаний и кампаний, формирующих лояльность. Вот какое определение «кампании» дает Большая советская энциклопедия: «это специально организованная на определенный период работа, деятельность по проведению в жизнь важных очередных общественно-политических, хозяйственных или культурных мероприятий»[2]. Кампания с приостановлением прав, несомненно, является **не предоставляющим выбора** принудительным механизмом, который используют партийные функционеры высокого уровня, приводящие государственный аппарат в «движение». Это означает, что перед партийными функционерами более низкого уровня и/или населением (его определенными группами) **ставится спущенная сверху задача, выполнения которой невозможно потребовать на законных основаниях**, в рамках нормальной работы государственного аппарата. Таким образом, хотя объектам коммунизма в принципе предоставляются минимальные права, соблюдение даже этих прав игнорируется во время кампаний[3].

Поскольку кампании с приостановлением прав нацелены на устранение самых разных лимитирующих факторов

[1] *Minzarari D.* Disarming Public Protests in Russia. P. 399–401; Political Discrimination in Hungary: Case Studies from the Hungarian Justice System, Local Government, Media, Agriculture, Education and Civil Sector. Brussels: Policy Solutions, 2017.

[2] Кампания // БСЭ. М.: Сов. энциклопедия, 1969–1978. Т. 11.

[3] Эта часть, посвященная кампаниям, опирается главным образом на исследования, сделанные одним из авторов в 1980-х годах. См.: *Magyar B.* Kampányok a Falusi Térben Az Ötvenes Évek Elején [Деревенские кампании начала 1950-х годов]: рукопись. Будапешт, 1986.

тоталитарного правления, они могут быть либо политическими, либо экономическими. Мы подробно останавливаемся на последних в следующей главе [► 5.5.6.2]. Что касается **политических кампаний**, их суть, несомненно, заключается в **изменении политического курса через замену акторов**. Вместо замены акторов при помощи выборов партийные функционеры высокого уровня могут использовать кампании для массовой замены акторов внутри бюрократического аппарата государства. Однако партия-государство сталкивается со специфической проблемой легитимации таких действий, ведь партия является авангардом рабочего класса, и поэтому должна быть безупречна. Следовательно, ее кампании должны быть направлены против «предателей», то есть людей, которые отошли от официальной идеологии и предали партию и рабочий класс. Такие кампании можно рассматривать как процесс, **противоположный демократической фазе избрания,** поскольку:

1. вместо мобилизации в интересах тех, кто потенциально займет государственные должности, партия-государство мобилизует общество против тех, кто должен быть отстранен от этих должностей, изобретая в их лице врага (кампании по стимуляции бдительности)[1];

2. вместо ситуации, в которой лидирующий кандидат является основным претендентом на победу, партия-государство выбирает его в качестве козла отпущения номер один, который заслуживает осуждения как главный предатель или заговорщик (Николай Бухарин в Советском Союзе, Ласло Райк в Венгрии, Рудольф Сланский в Чехословакии и т. д.);

3. вместо организации партийного съезда в разгар кампании партия-государство проводит показательные судебные

1 *Goldman W.* Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Кампании по стимуляции бдительности проходят не только в контексте партийных чисток, но и в целях легитимации любой дискриминации «вражеских» групп, таких как капиталисты или «кулаки».

процессы, где «лидирующий» козел отпущения признается виновным по сфабрикованному обвинению[1];

4. вместо ситуации, в которой лидирующий кандидат и его команда занимают в итоге государственные должности, партия-государство вычищает предполагаемую команду «лидирующего кандидата» с государственных должностей;

5. вместо ситуации, в которой лидирующий кандидат занимает высший пост в государстве (пост главы исполнительной власти), партия-государство по итогам показательного суда наказывает «лидирующего кандидата» (как правило, его казнят).

Таким образом, эта процедура, противоположная по смыслу демократической, (1) соответствует официальной идеологии партии-государства, так как если партия является авангардом рабочего класса, то ее члены могут быть исключены из ее рядов только в том случае, если становятся предателями и вступают в сговор против партии-государства; и (2) демонстрирует, что в стабильной коммунистической диктатуре идеального типа **не существует мирного демократического способа смены акторов**.

Так, кампаниям с приостановлением прав присущи следующие свойства. Во-первых, кампанию проводит партия-государство или специально созданный аппарат **по принципу сверху вниз**. Этот аппарат объединен с исполнительными и судебными органами государства в единую структуру институциональной власти, которая одновременно стремится иметь преимущественное право выбора и осуществляет его. Во-вторых, они могут проводиться **как по мере необходимости, так и циклически**, с поправкой на то, что они не привязаны к электоральным циклам, а служат для преодоления непредвиденных проблем, возникающих в связи с выполнением центрального плана. В-третьих, подобные кампании,

1 *Hodos G.* Show Trials: Stalinist Purges in Eastern Europe, 1948–1954. New York : Greenwood Publishing Group, 1987.

направленные на достижение какой-то государственной цели, можно рассматривать только как **управленческие кампании**, в рамках которых номенклатура высшего уровня осуществляет всесторонний контроль за населением, а функционеры более низкого уровня выполняют порученные им конкретные задачи. Наконец, факт несоблюдения условий кампании влечет за собой **прямые санкции**, которые могут быть как внезаконными или «общественными» (публичное унижение), так и законными.

4.3.3.2. Типология выборов

Возвращаясь к выборам, мы приводим здесь их общее определение.

• ***Выборы** — это формальный процесс, посредством которого голосующее население выбирает индивида (или партию) на государственную должность (или в целях формирования правительства) на заранее установленный срок.*

Чтобы различать электоральные практики, присущие демократиям и более авторитарным режимам, в гибридологии было принято определять, (a) являются ли выборы **свободными и честными**, и (b) есть ли в избирательной системе **институциональная предвзятость** (например, джерримендеринг или, иначе говоря, избирательная география, то есть переопределение границ избирательных округов в интересах кандидата-инкумбента[1]). Что касается пункта (a), Левицкий и Вэй пишут, что в либеральных демократиях «выборы являются свободными в том смысле, что фальсификации или запугивание избирателей практически отсутствуют, а также честными в том смысле, что оппозиционные партии ведут агитацию, находясь в относительно равных условиях. Они не подвергаются репрессиям или преследованиям, и им не отказывают систематически

[1] Слово происходит от англ. *incumbent*, обозначающего действующего держателя должности или позиции накануне выборов (*прим. пер.*).

в доступе к СМИ или другим критически важным ресурсам». Авторы противопоставляют такое положение дел гибридным режимам, в которых «выборы являются конкурентными, [но] зачастую несвободными и почти всегда нечестными» из-за распространенного применения таких методов, как «подделка избирательных списков, вбросы бюллетеней, <...> запугивание активистов оппозиции, избирателей и наблюдателей на участках, а также <...> создание ассиметричного доступа к ресурсам и СМИ»[1]. В отношении пункта (b) Шедлер упоминает джерримендеринг, щедрую «клаузулу управляемости»[2] и мажоритарные избирательные правила как практику, которая «[доказала] свою эффективность в минимизации парламентского веса оппозиционных партий»[3].

Общая проблема с этими двумя переменными заключается в континууме. Конечно, ни в одной демократии нет идеального баланса между ресурсами конкурентов, однако между справедливым («относительно равномерным») и несправедливым («чрезвычайно неравномерным») распределением нужно проводить границу; во многих демократиях действуют мажоритарные избирательные правила, и даже клаузулы управляемости не являются чем-то уж очень особенным, но следует проводить черту между «демократическим» и «недемократическим» влиянием этих систем на сменяемость инкумбентов и т. д. Естественно, гибридологи нашли способы операционализировать эти переменные[4], однако делали

[1] *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 7–8.

[2] Под «клаузулой управляемости» здесь понимается прописанная в избирательном законодательстве оговорка, что победившая партия может превысить свою долю, полученную в ходе национального голосования, на несколько пунктов (*прим. пер.*).

[3] *Schedler A.* The Menu of Manipulation. P. 45. См. также: *Schedler A.* Democracy's Past and Future // Journal of Democracy. 2010. Vol. 21. № 1. P. 5–8.

[4] Например, см.: *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 365–371.

это довольно произвольно[1], в том числе проводя различия и между демократиями и автократиями в целом[2]. Действительно, если необходимо решить проблему континуума, некоторая произвольность логически неизбежна[3].

Один из способов ее решения заключается в том, чтобы давать оценку в относительных терминах, анализируя направление изменений, а не конкретный статус режима в заданный момент. Мы не можем провести четкую линию между «относительно равномерным» игровым полем и «чрезвычайно неравномерным», но мы можем оценить, каким (ровным или неровным) стремится сделать это поле режим. Впрочем, этот способ подходит только для анализа каждого случая в отдельности, но не создания типологии. Чтобы реализовать эту цель, по нашему мнению, необходимо ввести более четкие и удобные для операционализации переменные, а для этого нужно переформулировать приведенные выше критерии:

1. из переменной «институциональной предвзятости» мы создаем «**принятие избирательной системы**» со следующими возможными значениями: **по взаимному согласию и одностороннее**. «По взаимному согласию» означает, что выборы проводятся по правилам, которые были юридически приняты как правящей партией, так и оппозицией (то есть настоящей оппозиционной партией). «Одностороннее» означает, что избирательные правила, по которым проводятся выборы, были приняты властями без учета мнений и согласия (настоящей) оппозиции[4];

1 *Bosch J. van den.* Mapping Political Regime Typologies // Przegląd Politologiczny. 2014. Vol. 19. № 4. P. 114; *Cheibub J. A., Gandhi J., Vreeland J. R.* Democracy and Dictatorship Revisited // Public Choice. 2010. Vol. 143. № 1–2. P. 74–79.

2 *Bogaards M.* Where to Draw the Line? From Degree to Dichotomy in Measures of Democracy // Democratization. 2012. Vol. 19. № 4. P. 690–712.

3 *Bogaards M.* Measures of Democratization: From Degree to Type to War // Political Research Quarterly. 2010. Vol. 63. № 2. P. 475–488.

4 Мы признательны Миклошу Харасти за эту идею.

2. из переменной «честных выборов» мы создаем «**законность финансирования кампании властей**» с возможными значениями: **законное и незаконное**. В формально-демократических режимах использование государственных ресурсов или государственного аппарата для целей избирательной кампании является, как правило, незаконным. В таких случаях можно говорить о «законных + незаконных» ресурсах (поскольку власти используют в том числе и законные ресурсы). При этом если нарушения закона нет, то финансирование кампании властей можно считать законным[1].

Вводя эти переменные, мы проводим примерно ту же черту, что гибридологи проводят, различая «конкурентный» или «выборный авторитаризм». В случаях, когда мажоритарная система и джеррименеринг играют на руку инкумбентам, принятие новой избирательной системы проходит, как правило, в одностороннем порядке, а (реальная) оппозиция не может проголосовать против поправок, которые нанесут ей ущерб. Кроме того, пристрастное распределение финансирования часто приводит к серьезным диспропорциям в плане доступа к ресурсам. Эти диспропорции часто в разы превосходят любое неравенство в устоявшихся демократиях, включая использование политических институтов и денег налогоплательщиков в интересах отдельной партии. Таким образом, по нашему мнению, взаимосогласованность и законность больше подходят для разграничения свойств режимов, поскольку позволяют избежать неопределенности, возникающей из-за континуума.

Помимо этих двух переменных, мы также выделяем (1) **доступ настоящей оппозиции к общенациональным телеканалам**, определяемый по шкале от открытого до ограниченного

[1] Несмотря на то, что в нормативном плане свобода выборов важна, если она нарушается в посткоммунистическом регионе, то и честными такие выборы назвать нельзя. Таким образом, мы сочли понятие «свободы» излишним для нашей типологии выборов и отказались от него ради простоты изложения.

и от ограниченного до закрытого, и (2) **уровень предвзятости государственных институтов**, определяемый по шкале от нейтральных до предвзятых и от предвзятых до управляемых вручную. Под государственными институтами мы понимаем не государственные СМИ, а суды, избирательную комиссию, прокуратуру и т. п. Эти новые переменные не так легко операционализировать, а на их конкретные значения, бесспорно, распространяются те же проблемы континуума. И все же они могут быть полезны в качестве «относительных переменных», то есть таких, чьи значения обретают смысл в одной точке только при сопоставлении со значениями той же переменной в другой точке. Например, мы можем утверждать, что государственные институты, как правило, менее нейтральны, если избирательная система была принята в одностороннем порядке, чем в тех случаях, когда она была принята по взаимному согласию сторон. Таким же образом можно различать политические системы, в которых настоящая оппозиция имеет доступ к общенациональным телеканалам и в которых такой доступ для нее закрыт. Следовательно, эти переменные все же находят применение, и мы можем их использовать для осмысления важных аспектов организации и проведения выборов.

В Таблице 4.8 представлены **четыре типа выборов**. В двух из них принятие избирательной системы взаимосогласованное: **честные выборы** и **нечестные выборы**. Эти два типа выборов отличаются друг от друга источниками финансирования избирательной кампании, которая может во втором случае привлекать как законные, так и незаконные средства. Избирательная кампания Бориса Ельцина является хорошим тому примером: несмотря на то, что небольшие изменения в избирательную систему были внесены буквально за несколько месяцев до выборов, в целом эта система была согласована с оппозицией. В то же время финансирование избирательной кампании президента было отчасти незаконным. Ограничение

Таблица 4.8: Типы выборов

	Принятие избирательной системы	**Законность финансирования кампании властей**	**Доступ настоящей оппозиции к общенациональным телеканалам**	**Уровень предвзятости государственных институтов**
Честные выборы	По взаимному согласию	Законное	Открытый	Нейтральные
Нечестные выборы	По взаимному согласию	Законное + незаконное		
Манипулируемые выборы	Одностороннее	Законное + незаконное	Ограниченный	Предвзятые
Выборы с одним кандидатом	Одностороннее*	Законное (+ незаконное)**	Закрыт*	Управляемые вручную

** В диктатурах не существует даже законной оппозиции, которая могла бы баллотироваться на выборах. ** В диктатурах нет необходимости в незаконном финансировании, поскольку партия-государство может законно использовать государственные ресурсы*

доступа к общенациональным телеканалам и предвзятость государственных институтов, несомненно, тоже сильно мешают проведению честных выборов, но в относительном смысле это не так разрушительно, как серьезные диспропорции в доступе к ресурсам. Следовательно, **если честные выборы присущи идеальному типу либеральной демократии, то нечестные выборы в их идеальном виде часто встречаются в патрональных автократиях**.

Третий тип — это **манипулируемые выборы**. Для них характерно одностороннее принятие избирательной системы, что предполагает неправомерное изменение не только границ округов (джерримендеринг, как в Венгрии), но и любых других условий, таких как критерии выдвижения кандидатов (как в России) или проходной барьер (как в Молдове). Помимо возможности дискреционного изменения правил, власть имеет доступ как к незаконным, так и законным средствам для проведения избирательных кампаний в условиях

манипулируемых выборов. Кроме того, учитывая, что здесь настоящая оппозиция имеет еще более ограниченный доступ к национальным телеканалам, чем в условиях нечестных выборов (контролируемая сфера коммуникации [► 4.3.1.2]), а государственные институты предвзяты, можно сказать, что манипулируемые выборы (1) предполагают проведение кампаний, формирующих лояльность, и (2) **типичны для патрональных автократий**.

На основании исследования Хейла, посвященного подобным режимам и их электоральным практикам, можно выделить следующие **функции манипулируемых выборов**[1]:

• **Демонстрация лояльности.** В рамках манипулируемых выборов тривиальная электоральная процедура становится священным актом демонстрации лояльности. «Выборы» — это спектакль услужливости, в котором участвуют патрональные сети и их члены, а также повод для власти мобилизовать своих сторонников.

• **Контролируемое обновление формальных политических позиций патрональной сети.** Выборы предлагают полезные механизмы поглощения других сетей и распределения денег или власти между важными элитными группами. Кроме того, Хейл утверждает, что они могут выполнять функцию вступительного испытания для новых чиновников, поступающих на службу в автократический режим, а также быть источником новых потенциально ценных клиентов. Таким образом, члены приемной политической семьи на государственных должностях должны быть наделены определенными талантами, позволяющими им минимизировать использование насильственных механизмов принуждения при выполнении задач, поставленных перед ними патрональной сетью [► 3.6.2.3].

• **Стабилизация, минимизация рисков.** Режимы, которые не проводят регулярные выборы, рискуют столкнуться

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 66–76.

с кризисами и революциями, которые бывают, как правило, крайне непредсказуемы для правителей. Этот риск заставляет власти искать решения общественных проблем с помощью более предсказуемых механизмов, например (манипулируемых) выборов. При этом они организовывают политическую борьбу в соответствии с придуманными ими базовыми правилами, которые позволяют подготовиться к этой борьбе заблаговременно и снижают шансы потерять власть.

• **Легитимация.** Верховные патроны «извлекают» легитимацию даже из манипулируемых выборов. Победа на таких выборах свидетельствует о том, что официально выигравший верховный патрон действительно обладает неограниченной властью, позволяющей ему манипулировать выборами и организовывать гарантированную победу. При этом общественные сети получают стимул координировать свои действия вокруг сетей победителя, в результате чего укрепляется его однопирамидальная система.

Как отмечает Хейл, манипулируемые всеобщие выборы позволяют патрональным сетям заявлять о своем относительном могуществе, причем доминирующие сети показывают со всей определенностью, что в будущем они способны выполнить обещания по предоставлению ресурсов или исполнению наказаний. Это важно для того, чтобы удерживать потенциально оппортунистическую элиту в подчинении[1].

Очевидно, что **участие правителей в выборах** в условиях либеральных демократий и патрональных автократий сильно отличаются. **В либеральных демократиях** поражение на выборах означает потерю власти и возможности реализации государственной политики. Однако утратившая власть партия не уходит с политической арены. Напротив, **прежняя правящая верхушка становятся оппозицией** и в течение следующего цикла может продолжать участвовать в процессе

1 Ibid. P. 72.

публичного обсуждения уже в этой роли. Демократические правители, находясь у власти, не совершают ничего противозаконного, или, по крайней мере, у них нет крыши, исключающей возможность возбуждения в отношении них уголовных дел [▸ 3.6.3.1]. Таким образом, им не приходится сталкиваться с судебным преследованием, возобновляющимся сразу после того, как они теряют свои властные позиции. **В патрональных автократиях**, напротив, правители совершают преступления согласно самой логике политической системы, возглавляя неформальную патрональную сеть, которая накапливает личное богатство, пользуясь для этого услугами прокуратуры [▸ 4.3.4.3, 4.3.5.2]. Управляя государством как организованной преступной группой, **главный патрон рискует подвергнуться преследованию и попасть в тюрьму, если потерпит поражение**. В ходе эмпирического исследования Абель Эскриба-Фольч обнаружил, что в так называемых персоналистских режимах (разновидностью которых является патрональная автократия) политическая карьера автократов периода после Второй мировой войны в 63% случаев заканчивалась ссылкой, тюрьмой или смертью — чаще, чем военных диктаторов (51%), и почти в два раза чаще, чем монархов (37%)[1]. В этой связи можно упомянуть три примечательных для посткоммунистического региона примера (в хронологическом порядке): Виктор Янукович, бывший верховный патрон Украины, который был свергнут в ходе Евромайдана, и с тех пор, как украинский суд приговорил его заочно к 13 годам лишения свободы за государственную измену, находится в изгнании в России [▸ 4.4.2.3]; Никола Груевский, бывший главный патрон Македонии, которого вынудили уйти в отставку и приговорили к двум годам лишения свободы по обвинению в коррупции, после чего при помощи македонских и венгерских

[1] *Escribà-Folch A.* Accountable for What? Regime Types, Performance, and the Fate of Outgoing Dictators, 1946–2004 // Democratization. 2013. Vol. 20. № 1. P. 160–185.

спецслужб ему удалось бежать [▸ 7.3.4.3]; и Владимир Плахотнюк, бывший главный патрон Молдовы, который, столкнувшись с сильным давлением со стороны международного сообщества, бежал из страны вместе со всем своим двором патрона [▸ 7.3.4.4]. Все эти случаи демонстрируют, что **победа на выборах является для главного патрона вопросом «жизни и смерти»**, а не сохранения власти или временной потери влияния на публичную политику (как в либеральных демократиях). В этом заключается одна из важнейших причин, по которой главный патрон фальсифицирует выборы и стремится остаться у власти, а не просто пытается проводить свою патрональную политику[1].

Обращаясь к самой нижней части Таблицы 4.8, мы хотим подробнее остановиться на **выборах с одним кандидатом**, то есть таких, где голоса не «подсчитываются», вместо чего «желаемые» результаты просто объявляют, а описанные выше методы принимают экстремальные формы. Помимо обычных атак и преследований, политические акторы подвергаются порой буквальному физическому уничтожению через запрет на деятельность оппозиционных политических партий, тюремное заключение кандидатов, вынужденное изгнание или убийства харизматических лидеров[2]. Все эти методы могут принимать экстремальные формы уже в патрональных автократиях (где мафиозное государство скорее султанистское, чем неопатримониальное, как в Туркменистане или Узбекистане) [▸ 2.4.2], однако наиболее часто выборы с одним кандидатом встречаются **в коммунистических диктатурах**. В Советском Союзе были только одна партия и один делегат, за которого можно голосовать; в коммунистической Польше в выборах

1 Ср.: *Petrov N., Lipman M., Hale H.* Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin // Post-Soviet Affairs. 2014. Vol. 30. № 1. P. 1–26.

2 *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 7.

могли участвовать только делегаты партии — «приводного ремня» коммунистической партии, организации под названием «Фронт единства народа», которая сама и организовывала выборы. Функция этих выборов заключалась не в том, чтобы сменить общенациональный политический курс, и не в том, чтобы приобрести электоральную легитимацию как таковую. Вместо этого их основная и типичная функция заключалась в **мобилизации как обычных людей-объектов**, которых регистрировала специальная комиссия с целью привлечь к участию в следующих голосованиях, **так и кандидатов**, которых партия хочет «баллотировать» на определенные должности в номенклатуре, а также в **контроле над обеими этими группами**[1]. Эта повсеместная слежка и тоталитарная мобилизация людей **сильно отличаются от практик, используемых патрональными автократиями**, в которых мафиозное государство выбирает скорее **утилитарную, смешанную технику мобилизации сторонников и демобилизации противников**.

4.3.3.3. Голосование без фазы объединения: референдумы

Наконец, мы подходим к теме референдумов. Мы рассматриваем их как особый тип голосования, и этому понятию можно дать следующее определение[2]:

• ***Референдум** — это формальная процедура, в рамках которой всех граждан, имеющих право голоса, приглашают прямо проголосовать по какому-либо конкретному вопросу или направлению политики государства.*

Референдумы представляют собой **сокращенную версию процесса публичного обсуждения**. Тогда как выборы воплощают в себе принципы представительной демократии, где люди имеют право голоса в управлении своей жизнью

1 *Zaslavsky V., Brym R.* The Functions of Elections in the USSR.

2 *Morel L.* Referendum // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 501–528.

через выборных представителей, создающих законы в соответствии с пожеланиями избирателей, референдумы являются формой прямой демократии, где люди выражают свое мнение о каких-либо проблемах, законе или человеке в формате «да или нет» (за или против)[1]. Следовательно, хотя выборам обычно предшествует этап объединения, то есть фаза, когда формируются партии, борющиеся за голоса избирателей, для проведения референдумов эта фаза не требуется, и **система представительных институтов для выражения народной воли не играет никакой роли**. Референдумам обычно предшествуют кампании, которые представляют собой насыщенную фазу дискуссии, однако все последующие этапы публичного обсуждения не требуются, что позволяет большинству людей принимать решения напрямую.

В либеральных демократиях политическая система в основном представительная. Референдумы, если правовой режим допускает их проведение, играют, как правило, лишь **ограниченную роль**. С одной стороны, их роль ограничена, поскольку они проводятся действительно редко и нерегулярно. Большинство законов создаются, изменяются или отменяются законодательными органами, то есть через представителей, принимающих решения в интересах народа, а референдумы проводятся только по отдельным вопросам, представляющим наивысший общественный интерес[2]. С другой стороны, хотя каждый совершеннолетний гражданин наделен конституционным правом инициировать проведение референдума, вопросы, которые могут выдвигаться на голосование, обычно ограничены (a) кругом тем (например, законы о налогах и бюджете часто не включены в него) и (b) типом самого референдума (например, в ряде случаев он не может проводиться по поводу принятия нового закона, но только

[1] Ibid. P. 502–508.

[2] Ibid. P. 512–514.

по поводу отмены старого)[1]. Как показывает история, референдумы проводятся, как правило, по двум фундаментальным вопросам: (1) **принятие новой конституции**, в результате чего основные «правила игры» не просто создаются политиками, но также напрямую принимаются населением; и (2) **членство в международном альянсе**, особенно если речь идет о Европейском союзе, который обязал желающие вступить в него страны проводить референдум о том, хотят ли этого люди. Кроме этого, можно инициировать референдум относительно (3) **конкретных вопросов политики**. Это может сделать либо правительство, чтобы подкрепить текущий политический курс доверием народа или принять закон, который невозможно было бы принять иным образом, либо оппозиция и независимые граждане, чтобы изменить законы, которые действующее правительство не станет менять самостоятельно[2].

Можно предположить, что референдумы играют более существенную роль **в патрональных автократиях**, поскольку они хорошо вписываются в идеологические рамки популизма. Отказ от системы институтов, выявляющих волю народа, входит в определение популизма [► 4.2.3], а референдумы как раз представляют собой канал непосредственной связи между людьми и главой исполнительной власти, который таким образом получает информацию о том, чего хочет большинство[3]. Однако здесь скрыт подвох. Популизм, как известно, обращается к народу и полагается на гражданскую легитимацию, хотя в действительности приводит к изъятию контроля над государственными решениями из рук народа. Точно так же, как

1 *Morel L.* Referendum. P. 508–512.

2 *Mendelsohn M., Parkin A., eds.* Referendum Democracy: Citizens, Elites and Deliberation in Referendum Campaigns. London: Palgrave Macmillan UK, 2001.

3 Ср.: *Soós E. P.* Comparing Orbánism and Gaullism: the Gaullist physiognomy of Orbán's post-2010 Hungary // Studia Politica: Romanian Political Science Review. 2015. Vol. 15. № 1. P. 91–108.

популист берет на себя роль главного толкователя «национальных интересов» или «интересов народа», патрональные референдумы являются средством патронального присвоения права интерпретировать общее благо. Таким образом, в патрональных автократиях референдумы используются для того, чтобы **укрепить положение верховного патрона в качестве единственного интерпретатора общего блага** и снять ограничения на его власть или, если говорить языком популизма, чтобы позволить ему перешагнуть через ненужные правовые ограничения для реализации целей «народа» (субстантивно-рациональная легитимность).

Анализируя референдумы на постсоветском пространстве, Рональд Хилл и Стивен Уайт «с удивлением отмечают ту регулярность, с которой проводятся референдумы <...> для поддержки недемократических режимов и лидеров, а также обхода ограничений, налагаемых на их власть»[1]. Например, в 2009 году в Азербайджане проводился референдум по 29 поправкам к конституции, включая отмену ограничения на количество президентских сроков и ряд мер, которые в еще большей степени сконцентрировали власть в руках верховного патрона Ильхама Алиева. Этому референдуму предшествовало не демократическое обсуждение, а кампания, формирующая лояльность, запугивание избирателей и всех тех, кто выступал против реформы конституции[2]. Аналогичным образом в 2004 году в Беларуси ограничение президентских полномочий двумя сроками было ослаблено до трех, а затем и полностью отменено, что позволило верховному патрону Александру Лукашенко править бессрочно. Референдум 1996 года изменил конституцию и сосредоточил в его руках полномочия, позволяющие назначать людей на такие ключевые посты в государстве, как члены Верховного и Высшего хозяйственного суда,

1 *Hill R., White S.* Russia, the Former Soviet Union and Eastern Europe // Referendums Around the World. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 124–125.

2 Ibid. P. 129–132.

председатель и члены правления Центрального банка, генеральный прокурор, председатель Конституционного суда и председатель Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов [▸ 4.4.1.3][1]. В таких странах Центральной Азии, как Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан, можно найти больше примеров того, что референдумы проводились с целью увеличения полномочий президента и сокращения демократических свобод[2]. В России, после того как в 2020 году парламент принял аналогичные поправки к конституции, Владимир Путин также предложил провести по ним референдум, чтобы получить еще больше формальных президентских полномочий и иметь возможность править еще 16 лет без ограничения сроков [▸ 4.4.2.2][3].

С другой стороны, в патрональных автократиях пока не было проведено **ни одного референдума оппозиции**. Действительно, в режимах этого типа референдум как средство публичного обсуждения нейтрализован, поскольку **отсылка к прямому волеизъявлению народа позволяет не учитывать волеизъявление, формирующееся в ходе обсуждения**. Нейтрализация может быть реализована путем ужесточения требований к проведению референдума (повышение количества необходимых подписей и т. д.) или через патримониализацию института, принимающего решения о референдумах, и, таким образом, через политически выборочное отклонение инициатив по проведению референдумов. Крайне жестокая

1 *Hill R., White S.* Russia, the Former Soviet Union and Eastern Europe. P. 132.

2 Ibid. P. 132–133.

3 Интересно также сравнить примеры из посткоммунистического региона с чилийским референдумом 1988 года. Лидер консервативного автократического режима Аугусто Пиночет хотел при помощи референдума продлить свое правление еще на 8 лет. Однако в отличие от патрональных автократов, которые, подавив настоящую оппозицию и доминируя в сфере коммуникации, с легкостью выигрывали подобные референдумы, консервативный автократ Пиночет проиграл его и признал поражение, положив конец своему более чем 16-летнему правлению. Именно это и отличает правого политика, управляемого идеологией, от популиста, который идеологией только пользуется [▸ 6.4.1].

нейтрализация применялась в 2016 году в Венгрии, где группа скинхедов, связанных с руководителем партии «Фидес» Габором Кубатовым, физически заблокировала путь в Национальное собрание политику-социалисту Иштвану Ньяко, не дав ему выдвинуть инициативу проведения референдума[1]. Полиция начала по этому делу расследование, но в итоге прекратила его «в силу отсутствия состава преступления», что специализирующиеся на расследованиях журналисты назвали политически выборочным правоприменением [► 4.3.5][2].

Наконец, **в коммунистических диктатурах** референдумы, как правило, считаются **настолько же излишними, как и многопартийные выборы**, а у людей нет права инициировать их проведение (не говоря уже о тех, что противоречат линии партии-государства)[3]. Исторически сложилось так, что референдумы в режимах этого типа становились главным политическим событием тогда, когда они способствовали их распаду, включая референдум 1987 года в Польше и серию референдумов 1991 года о независимости республик, входивших в состав Советского Союза[4].

4.3.4. Законотворчество: политика, законы и законодательные органы

Фаза законотворчества начинается тогда, когда определены или выбраны (формальные) акторы, принимающие государственные решения. Основной функцией этих акторов является то, что они решают, как следует использовать политическую власть

1 *Balogh E.* No Referendum, No Matter What It Takes to Prevent It // Hungarian Spectrum (blog). 24.02.2016. URL: http://hungarianspectrum.org/2016/02/23/no-referendum-no-matter-what-it-takes-to-prevent-it/.

2 *Csikász B., Rádi A.* Kubatov kopaszai akcióztak az NVI-nél, felülről állíthatták le a nyomozást // Atlatszo.hu (blog). 04.05.2017. URL: https://atlatszo.hu/2017/05/04/kubatov-kopaszai-akcioztak-az-nvi-nel-felulrol-allithattak-le-a-nyomozast/.

3 *Hill R., White S.* Russia, the Former Soviet Union and Eastern Europe. P. 114–116.

4 Ibid. P. 116–124.

государства, а значит, издают законы и нормативные акты в рамках формальной институциональной структуры режима.

При рассмотрении входящих в правительство акторов необходимо в первую очередь различить (1) **акторов, ставящих под сомнение политику режима, от (2) акторов, ставящих под сомнение легитимность режима**. Проще говоря, если первые хотят играть по правилам, то вторые хотят сначала переписать эти правила. Как и в случае с протестами против легитимности и против политики режима, акторы, критикующие политику, не выходят за рамки логики режима в том смысле, что желают использовать политическую власть так, как это определено действующей конституцией. С другой стороны, **акторы, ставящие под сомнение легитимность режима, хотят использовать политическую власть такими способами, которые не предусмотрены правовой базой, в рамках которой они уполномочены действовать**[1].

Такие акторы могут быть либо популистами, либо коммунистами (то есть теми, кто хочет установить коммунистическую диктатуру). В первом случае тип режима представляет собой демократическую партийную систему с патрональным претендентом. В ней популист участвует в партийной конкуренции и в случае победы, как правило, желает выйти за рамки, предоставляемые ему конституционализмом. Однако если актором, ставящим под сомнение легитимность, является коммунист, он или его партия могут вовсе не вступать в конкуренцию, а сменить существующий режим в ходе насильственной революции[2]. Так, разницу между популистской и марксистско-ленинской позицией можно выразить следующим образом: тогда как коммунист-революционер (1) следует догме и желает полностью изменить предшествующую ему политическую систему, а также (2) стремится проводить

[1] *Scheppele K.* Autocratic Legalism.

[2] *Hobsbawm E.* Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. London: Abacus, 1995. P. 54–84.

репрессии формально, популист (1) прагматичен и не хочет менять предшествующую систему, а также (2) стремится проводить репрессии неформально. Другими словами, в то время как коммунист создает единую формальную институциональную систему, чтобы иметь возможность осуществлять тоталитарное управление законным образом, популист вынужден идти на компромисс между приспособлением системы к автократическому правлению и сохранением неформальных репрессий. Таким образом, несмотря на множество институциональных изменений, к которым прибегает популистский лидер (верховный патрон), он все равно вынужден регулярно нарушать закон и, следовательно, управлять криминальным государством, если он владеет монополией на власть для его установления [▸ 2.4.4, 4.4.2].

Поскольку эта часть посвящена институтам публичного обсуждения в режимах идеального типа, то есть стабильных политических системах, мы ненадолго откладываем обсуждение периодов транзита и делегитимирующего законотворчества (реорганизации институтов) [▸ 4.4.3]. Вместо этого мы анализируем законотворческий процесс в уже устоявшихся, стабильных режимах в соответствии со следующей цепочкой рассуждений:

1. акторы, **принимающие решения**, относятся **к определенному типу акторов:** одному из тех, что встречаются либо в демократической партии, либо в патрональной, либо в партии-государстве;

2. определенные типы акторов **имеют определенные политические мотивы**, указывающие на то, как они хотели бы использовать власть;

3. различные типы обоснований выбранной политики могут быть обеспечены через создание **различных типов законов**;

4. различные типы законов могут быть созданы только в рамках **различного типа законодательных органов**, соответствующих общей институциональной структуре режима.

Первый из перечисленных пунктов предшествует фазе законотворчества, а три другие ее составляют (предполагая критику легитимности и смену режима). Следующие части посвящены пунктам 2, 3 и 4 в соответствующем порядке.

4.3.4.1. Публичная, силовая и патрональная политика

В любом политическом режиме формальную политическую деятельность государства[1] можно назвать политикой.

• ***Политика*** *— это способ использовать политическую власть формальными средствами (через формальные каналы государства).*

Чтобы определить типы политики, характерной для трех режимов полярного типа, необходимо оценить тип и мотивацию принимающих решения акторов, то есть правящей элиты [▸ 2.3.1]. **В либеральных демократиях** на выборах побеждает **демократическая партия**. Соответственно, главная движущая сила режимов такого типа — это принцип общественных интересов, а значит, (1) они **движимы идеологией** и поэтому используют политическую власть для формирования общества в соответствии с превалирующими идеологическими предпочтениями, правого, левого или какого-либо другого толка[2], и (2) применение ими **политической власти ограничено**, с одной стороны, внутренней структурой демократических партий, а с другой — общегосударственной системой сдержек и противовесов, обеспечиваемой в рамках конституционализма [▸ 4.4.1]. Следовательно, применение политической власти выражается преимущественно в публичной политике.

1 Главным образом мы будем говорить о правящей элите, формирующей центральное правительство, хотя в другом контексте наше определение применимо и к местным органам управления.

2 *Albright J.* The Multidimensional Nature of Party Competition.

• ***Публичная политика*** *— это тип политики, который базируется на принципе общественных интересов, то есть стремится реализовать идеологию, но без монополизации власти.*

К публичной политике относятся разнообразные виды деятельности, присущие государству всеобщего благоденствия, включая социальные программы, государственные системы образования и здравоохранения, налоговую политику, регулирование рынка (например, защита прав потребителей или минимальная заработная плата) и т. п. Существует множество вариантов (комбинаций) таких программ в зависимости от идеологической позиции должностных лиц. Однако объединяет их всех следование «правилам игры», то есть конституционализм и уважение человеческого достоинства в целом [▸ 4.2.2].

Коммунистические диктатуры возглавляет **партия-государство**, главным мотивом деятельности которой является реализация тоталитарной идеологии. С одной стороны, такие режимы стремятся реализовывать идеологию, и в этом они похожи на демократические партии, однако эта идеология подразумевает бюрократическое присвоение интерпретации общего блага. Коммунистические диктатуры пытаются достичь реализации коммунистической идеологии через монополизацию политической власти. С другой стороны, коммунистические диктатуры **тоталитарны**, то есть они догматически используют политическую власть для установления контроля и слияния всех сфер социального действия в единое политическое образование. Ричард Саква суммирует главные характеристики тоталитарных систем следующим образом: «Тоталитаризм сосредоточен на централизованном структурировании власти и ее применении, а также **уничтожении альтернативных источников власти и влияния („островков сепаратизма“) в обществе**. В таком обществе ликвидированы все промежуточные институты между партией и массами. Кроме того, закон подчиняется центральной власти и по сути теряет всякое подобие независимости от государства

и партии. <...> Обычно такое положение дел описывают термином **атомизация**, который предполагает разрушение всех социальных связей и групп, кроме тех, которые необходимы для поддержания тоталитарной системы. Режим **стирает различия между частной и общественной сферами**, а индивиды испытывают одиночество, апатию и отчужденность»[1] (выделено нам. — *Б. М., Б. М.*).

Поэтому коммунистические диктатуры практикуют преимущественно силовую политику:

• ***Силовая политика*** *— это тип политики, который базируется на принципе реализации идеологии, то есть стремится реализовать идеологию путем монополизации власти.*

Типичными примерами такой политики являются идеологизированная система образования, репрессивная культурная политика, полная занятость населения и плановая экономика, которые в социалистической системе идеального типа воплощают и продвигают принципы официальной коммунистической идеологии.

Наконец, **в патрональных автократиях** на выборах побеждает **партия патрона** — это означает, что в действительности правящая политическая элита в основном состоит из приемной политической семьи. Главной движущей силой неформальной патрональной сети является принцип интересов элит, включающий в себя двойной мотив личного обогащения и монополизации власти, которой подчинены все направления публичной политики. Соответственно, политика мафиозного государства преимущественно не публичная, а патрональная.

[1] *Sakwa R.* Soviet Politics in Perspective. P. 157. Кроме того, на следующих страницах Саква объясняет, что это «классическое» понимание тоталитаризма было подвергнуто критике за излишнюю статичность, а также неточность, поскольку представляет коммунистические диктатуры как железобетонные монолиты, хотя они таковыми не являются. Однако именно такая статическая концепция необходима нам для идеального типа, с которым можно сравнить системы реального мира, учитывая конгруэнтность и отклонения [▸ Введение].

• ***Патрональная политика*** *— это тип политики, который базируется на принципе интересов элит, то есть стремлении к личному обогащению и монополизации власти.*

Таким образом, можно утверждать, что хотя патрональные автократии являются формально демократическими режимами, проводимую ими политику нельзя анализировать как публичную. **Публичная политика проводится главным образом в демократических режимах, где принцип интересов элит не заменяет собой принцип общественных интересов**. Патрональная политика рассматривает в качестве социальной деятельности в первую очередь **патронализацию** и **патримониализацию**, в то время как цели публичной политики, потенциально воплощаемые в политических решениях, отодвигаются на второй план. Эти режимы руководствуются главным образом не мотивами **публичной политики**, а ее **результатами**, то есть влиянием на общество, в котором она проводится. И если растущее неравенство и обнищание низших социальных слоев обычно используются как социологические индикаторы для оценки эффективности политики и реформ, не стоит забывать, что в условиях мафиозного государства эти явления считаются простыми «побочными эффектами» процесса преследования приемной политической семьей своих основных интересов[1].

4.3.4.2. Законы и правовые системы в соответствии с их легитимацией

Политика выражается в **законах**:

• ***Закон*** *— это правовой механизм для формулирования политики, который используют политические акторы, (формально) подкрепляя его государственным принуждением.*

Это определение закона довольно широкое, так как мы не ограничиваем его одними лишь законодательными актами

[1] Дальнейшее обсуждение этой темы см. в Главе 7 [▸ 7.4.7].

(как это принято в некоторых терминологиях). Под «законами» мы понимаем все формальные правовые механизмы, (1) используемые политическими акторами и (2) подкрепляемые государственным принуждением (формально, то есть согласно заявленным намерениям государства). Другими словами, законы предписывают, как должны работать государственные институты как с точки зрения их внутренней, так и внешней организации общества. Законы регулируют поведение людей и являются «основным инструментом, посредством которого правительство реализовывает свои представления о надлежащем общественном порядке»[1]. Следовательно, законы, которые также принимают вид законодательных актов, указов, постановлений и так далее, являются не чем иным, как формальными средствами политической деятельности и, следовательно, системно организованными формами государственной политики.

Определенным типам политики соответствуют определенные типы законов. Так, для **публичной политики** необходимы ограниченные законы.

• ***Ограниченный закон*** *— это закон, разработанный для осуществления публичной политики и применяемый в правовой среде, которая ограничивает его содержание и применение, а значит, он должен быть согласован с конституцией и другими законами.*

Другими словами, там, где каждый закон (указ, постановление и т. д.) согласован с законом, стоящим над ним, и где конституция находится на вершине правовой иерархии как высший источник права, можно говорить об иерархии норм[2]. Таким образом, ограниченный закон также подразумевает, что власти не доминируют над конституцией или

1 *Whittington K., Kelemen D., Caldeira G., eds.* The Oxford Handbook of Law and Politics. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 1.

2 *McLeod I.* Kelsen's Hierarchy of Norms // Legal Theory. Macmillan Law Masters. London: Macmillan Education, 1999. P. 68–83.

законами. Скорее, они находятся в подчиненном по отношению к ним положении в том смысле, что не могут действовать произвольно или выбирать делать (или не делать) что-то «по своему усмотрению», а их политическая деятельность ограничена существующими законами и правовыми нормами (то есть властью закона — *rule of law*)[1]. Действительно, **легально-рациональную легитимацию** следует понимать именно таким образом: закон является самоцелью, и его невозможно игнорировать, когда он не отвечает непосредственным целям власти (или народа). Мартин Кригер и Адам Чарнота резюмировали свойства закона, который соответствует этим принципам, в «простых рецептах для учреждений» следующим образом: «назначайте наказание только будущим числом, а не задним, исходя при этом из четких, публичных, стабильных правил»[2]. Эти принципы обеспечивают предсказуемость, с одной стороны, и уважение человеческого достоинства граждан — с другой. Граждане имеют право знать, какие правовые нормы применяются к их действиям. Кроме того, понятие человеческого достоинства предполагает также наличие «автономных зон свободы для граждан, которые просто невозможно забрать в интересах общества как целого. Об этом свидетельствуют конституционные гарантии гражданских прав, множество норм уголовно-процессуального кодекса, которые защищают личные права и свободы, и <...> главным образом конституционные суды, которые не зависят от исполнительной власти»[3]. Следовательно, хотя публичная политика, исходя из своего определения, пытается организовать общество

1 The Rule of Law after Communism: Problems and Prospects in East-Central Europe / ed. by M. Krygier and A. Czarnota. Dartmouth: Ashgate, 1999.

2 *Krygier M., Czarnota A.* The Rule of Law after Communism: An Introduction // The Rule of Law after Communism. P. 4.

3 *Zweigert K., Kötz H.* An Introduction to Comparative Law. Oxford: Oxford University Press, 1998.

в соответствии с идеологией, ограниченные законы облекают политическую деятельность в форму строгих, институционально защищенных юридических норм.

Субстантивно-рациональная легитимация, преобладающая в коммунистических диктатурах и патрональных автократиях, напротив, подразумевает, что **закон подчиняется властям**. Поскольку генеральный секретарь партии командует, а верховный патрон распоряжается страной, как если бы она была его собственностью [▸ 3.3.1, 2.4.2], на место формальной судебной системы приходит ситуативное отправление правосудия. Другими словами, законодательство **используется в личных интересах**, что является необходимым условием для реализации как силовой, так и патрональной политики, а также требует другого типа законов. Таким образом, субстантивно-рациональная легитимация вместо ограниченного закона подразумевает под собой **инструментальный**.

• ***Инструментальный закон*** *— это закон, разработанный для осуществления силовой или патрональной политики и применяемый в политической среде, которая определяет его содержание и исполнение, а значит, такой закон должен соответствовать воле властей.*

Как отмечает Адам Подгурецкий, правовая система, в которой закон является лишь инструментом власти, «заключает в себе две противоположные тенденции: (a) тенденцию притворяться, что она уважает правовую непротиворечивость, иерархию и внутреннюю согласованность законов; и (b) тенденцию слепо следовать политическим требованиям действующей власти»[1]. Взяв за основу анализ Подгурецкого, мы более подробно определяем **сущностные характеристики инструментальных правовых систем**, свойственные диктатурам и автократиям, следующим образом[2]:

[1] *Podgórecki A.* Totalitarian Law: Basic Concepts and Issues. P. 6–7.

[2] Ibid. P. 10–21.

• **«высший источник права» — это правящая политическая элита**, следовательно, официальные законы (и их применение) должны соответствовать не конституции, а воле властей;

• **официальные законы сохраняют силу, если согласуются с неформальными «теневыми практиками»**, которые имеют политический, а не правовой характер, и отражают политические цели властей в рамках силовой или патрональной политики;

• **выполняемая законом функция важнее его сути**, то есть интерпретация официальных законов меняется вместе с политической ситуацией, а закон утрачивает свою принципиальную непредвзятость;

• **закон можно легко изменить в соответствии с желаниями и сиюминутными интересами правящей политической элиты**, и эти изменения легитимированы ее (бюрократически или патрональноприсвоенным) правом на интерпретацию общего блага;

• **конституция становится декоративным документом**, который формально провозглашает принципы функционирования государства и права личности, но на практике игнорируется в пользу теневых норм и никак не мешает властям переписывать законы под свои нужды.

Саква отмечает, что в таких режимах «правовые системы демонстрируют двойственную природу. С одной стороны, они являются тем, что ученые называют „прерогативное право“, которое применяется (в рамках силовой и патрональной политики) в политически мотивированных делах. С другой стороны, существует „надлежащая правовая процедура“, применяемая при рассмотрении рядовых преступных деяний и регулировании экономических и социальных вопросов»[1]. Однако тот факт, что власти используют закон как инструмент,

[1] *Sakwa R.* Soviet Politics in Perspective. P. 127.

не означает, что каждый закон инструментален, а каждый судебный процесс управляется вручную. Напротив, огромное количество дел в отношении обычных людей не являются политически мотивированными, и властям до них более или менее нет дела (в патрональных автократиях — более, а в коммунистических диктатурах — менее). Таким образом, положение правящей политической элиты в качестве высшего источника права предполагает чрезвычайно широкую **амплитуду произвола**, а значит, **у властей есть возможность и выбор игнорировать любой закон или создать новый инструментальный закон в любых целях** [▸ 2.4.6].

Коммунистические диктатуры и патрональные автократии отличаются в том, каким образом достигается такое положение в правовой системе, поскольку **в коммунистических диктатурах**, которые в целом представляют собой более формальный тип режима, чем патрональные автократии, можно увидеть следующее:

1. субстантивная легитимация открыто заявлена в конституции. Джон Хазард в своем исследовании, посвященном марксистско-ленинским конституциям, взяв за основу Конституцию РСФСР 1918 года, отмечает, что все они отрицают так называемый принцип нейтральности и используют «язык классовой борьбы». Хазард обнаружил, что все конституции коммунистических диктатур открыто провозглашают программу и конечные цели коммунизма. Они также содержат такие фразы, как «суды <...> строго наказывают врагов рабочего класса, защищают и обеспечивают государственный, экономический и общественный строй народной демократии», а рабочий класс «под руководством своего авангарда поддерживается единством всего народа» (из Конституции Венгрии 1949 года). И хотя формулировки могли быть разными, «авангард», «ведущая сила» или «руководство» всегда упоминались в тексте и относились к коммунистической партии. Благодаря этому она приобретала высшие полномочия

в управлении обществом[1]. Таким образом, можно сказать, что конституциям коммунистических диктатур идеального типа присуще (1) открытое провозглашение коммунистической партии руководящей силой и (2) четкое формулирование основных целей правовых институтов. Все это создает формальную основу не только для установления диктатуры, но и для превращения правовой системы в инструмент для решения своих задач, а следовательно, инструментализация входит в формальную компетенцию партии-государства;

2. открыто провозглашаются цели силовой политики. В качестве примеров можно привести центральное планирование и систему образования, чей крен в сторону коммунизма и антиплюрализма постулируется абсолютно открыто, или, по крайней мере, утверждается, что они являются не автономными образованиями, а средством реализации официальной идеологии на социальном уровне. Марксистско-ленинские конституции также содержат часть «об „экономической системе“ или „экономической политике“, где всегда прописано основополагающее правило <...>, что производственная собственность должна принадлежать государству или, по крайней мере, быть „общественной“»[2]. Естественно, партия может произвольно отказываться от декларируемых ранее целей, однако в большинстве случаев даже произвольные изменения вносятся открыто и в рамках формальной институциональной системы партии-государства (как в ходе кампаний [▸ 4.3.3.1, 5.5.6.2]);

3. правовой произвол осуществляется через подзаконные акты, которые в каждом конкретном случае отменяют существующие правовые нормы. Как правило, коммунистическое законодательство состоит только из так называемых рамочных законов с расплывчатыми формулировками, а силовая

1 *Hazard J.* The Common Core of Marxian Socialist Constitutions // San Diego Law Review. 1981. № 19 (82). P. 298–306.

2 Ibid. P. 300.

политика изложена в подзаконных актах (или партийных декретах). Благодаря им номенклатура имеет широкие возможности для маневров и на постоянной основе использует их для управления режимом[1]. По этой причине изменениям подвергаются в первую очередь не сами положения законодательства. Скорее, расплывчатость их формулировок поставлена на службу достижению политических целей. Кроме того, при необходимости номенклатура чаще игнорирует законы, чем переписывает их под себя.

В противоположность этому, патрональные автократии предполагают гораздо более неформальную систему управления. Следовательно, истинная природа режима не заявлена в официальных документах, законы используются как инструменты патрональной политики более деликатным способом. Как отмечает Армен Мазманян, постсоветские лидеры в русле присущей патрональным автократиям практики нейтрализации «избегают открытых репрессий своих противников: гораздо эффективнее симулировать приверженность демократическим принципам и скрытым образом подрывать их, чем от них отказываться. „Технологии", которые обычно для этого используются, включают в себя запрет на оппозиционные демонстрации и протесты под предлогом отказа в выдаче на них разрешения либо их несоответствия требованиям закона, закрытие оппозиционных телеканалов и других СМИ со ссылкой на якобы совершенные ими или их владельцами нарушения, недопуск кандидатов на выборы из-за несоответствия порядку избирательного процесса, преследование предпринимателей, которые симпатизируют оппозиционным партиям, с привлечением налогового законодательства и т. д. Вся эта деятельность осуществляется с апелляцией к букве закона, что создает в глазах людей иллюзию ее законности», — пишет Мазманян, добавляя, что

[1] *Huskey E.* A Framework for the Analysis of Soviet Law // The Russian Review. 1991. Vol. 50. № 1. P. 53–70.

в таких обстоятельствах «любой писаный закон, включая конституцию, подвергается манипуляциям со стороны самоизбранных политических элит в целях сохранения власти»[1]. Также стоит добавить, что эти манипуляции в целом служат и для накопления богатства, поскольку речь идет не о силовой, а о патрональной политике.

Чтобы обозначить различия между патрональным и коммунистическим типами режимов, следует рассмотреть первый в соответствии с тремя вышеизложенными пунктами. Так, в патрональных автократиях:

1. конституция признает легально-рациональную легитимацию, а не реально существующую субстантивно-рациональную. Согласно конституции, страна является демократической, она признает верховенство закона, ветви власти разделены, а полномочия исполнительной власти конституционно ограничены. Следовательно, высшая власть верховного патрона и инструментализация законов носят неконституционный характер, а приемная политическая семья в своей деятельности выходит за пределы формальных, законных полномочий[2];

2. цели патрональной политики не объявляются открыто, но замаскированы при помощи соответствующих идеологических аргументов [▸ 6.4.1.4]. Как мы отмечали выше, в популизме, как правило, нет логической связи между «диагнозом» и «лечением», и это позволяет властям выбирать практически любую политику, которая в силу апелляции к национальным интересам считается неоспоримой. Когда создается инструментальный закон, он, согласно формальным заявлениям, служит целям публичной политики и признает конституционализм, тогда как в действительности он

1 *Mazmanyan A.* Failing Constitutionalism: From Political Legalism to Defective Empowerment // Global Constitutionalism. 2012. Vol. 1. № 2. P. 321–322.

2 *Vörös I.* A «Constitutional» Coup in Hungary between 2010–2014 // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 41–68.

служит достижению сиюминутных целей приемной политической семьи;

3. правовой произвол осуществляется через законы, разработанные по индивидуальному заказу. Законодательная деятельность используется для принятия законов, специально созданных для отдельных лиц, групп, политических друзей и врагов. С разрешения, получаемого в каждом отдельном случае от главы политической семьи, закон создается с точностью хирурга, суля вознаграждение или наказание, привилегии или дискриминацию. Патрональным автократиям свойственны таргетированные законы, а свод законов все время подгоняется под постоянно меняющиеся прихоти политической семьи. Законодательство, таким образом, играет исключительно важную роль, потому что массовые, зависящие от конкретной ситуации процедуры требуют разработки соответствующих законов (см. Текстовую вставку 4.5). Следовательно, произвол и целенаправленная адресная патрональная политика находят свое обоснование именно на уровне законов, а не подзаконных актов.

Текстовая вставка 4.5: Законодательство с учетом целей патрональной политики

Закон, втиснутый в роль простого инструмента, всегда страдает от излишней казуистики: слишком много деталей должно быть в нем закреплено. Каждая мельчайшая подробность должна быть нормативно сформулирована, чтобы поставленная политическая цель выполнялась. В тех случаях, когда этого больше не происходит — например, когда должностное лицо, на сферу полномочий которого был направлен закон, меняется — закон также должен быть изменен. Такой способ законотворчества имеет два последствия: необходимо постоянно вносить в законы множество изменений, и чем более детализирован закон, тем больше изменений ему потребуется; а также то, что законодатели лишают правоприменителей свободы толковать эти законы, исключая тем самым

> возможность трактовки конкретной нормы с точки зрения всей правовой системы и ее принципов. <...> Вынужденная компоновка всевозможных нормативных актов, различных по своей природе и логически не взаимосвязанных, приводит к появлению в правовой системе беспорядочных «сводных законопроектов». Это подрывает надежность системы и в итоге — ее правовую безопасность. <...> Предложения о поправках, представленные в последний момент перед голосованием, также нарушают согласованность формулировок, которая могла иметь место в первоначальном варианте, и иногда делают невозможным толкование текста закона, если в него включены противоречащие друг другу принципы. Поправки, внесенные в последнюю минуту, также свидетельствуют о тотальной зависимости от политики, что с неизбежностью наносит ущерб профессиональной рациональности политической воли. В конечном счете такая правовая система представляет собой просто набор формулировок, отражающих текущую политическую волю в форме законов[1].

Таким образом, законы по индивидуальному заказу — это особый тип дискреционных законов, которые являются противоположностью нормативных законов.

• ***Нормативный закон*** *— это закон, направленный против отвечающих определенным критериям социальных групп безотносительно к тому, какие конкретные люди в них входят. Законы такого типа используют, как правило, для достижения целей публичной политики.*

• ***Дискреционный закон*** *— это закон, направленный против определенных людей или институтов, которые либо входят в правящую патрональную элиту (например, в приемную политическую семью), либо выступают против нее, и применяемый по решению ее главы (например, верховного патрона).*

1 *Fleck Z.* Law under the Mafia State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 75–76.

Законы такого типа используют, как правило, для достижения целей патрональной политики.

Дискреционные законы бывают двух видов: **прямые и непрямые**. Прямые дискреционные законы определяют своего адресата по имени, ограничивая его единственной и уникальной особенностью, которая является его (правовой) идентичностью. Такие законы могут существовать в различных режимах (например, закон о целенаправленной финансовой помощи), однако используя их, патрональные автократии пытаются скрыть свои истинные цели, сохраняя фасад демократической и законной процедуры в условиях *де-факто* автократической политики. Следовательно, чаще всего они используют непрямые дискреционные законы, которые являются законами по индивидуальному заказу:

• ***Закон по индивидуальному заказу*** *— это непрямой тип дискреционного закона. Вместо определения адресата по имени, то есть его уникальной особенности, закон описывает его через перечисление множества различных свойств, каждым из которых обладает несколько различных акторов, но заданная комбинация присуща только одному адресату (техницизм).*

Мы заимствовали термин «техницизм» из исследования Иштвана Явора и Давида Янчича, посвященного организованной коррупции. Техницизм в этом контексте проявляется в махинациях с документами, бюрократических ошибках и использовании технических условий в формально открытых и конкурентных тендерах таким образом, что их может соблюсти только заранее определенный подрядчик[1]. Практика применения законов по индивидуальному заказу, посредством которой приемная политическая семья выбирает в качестве мишени конкретных акторов или институты, описывая их с предельной точностью, выходит на новый уровень центральной политики. Существуют две разновидности законов

[1] *Jávor I., Jancsics D.* The Role of Power in Organizational Corruption: An Empirical Study // Administration & Society.2016. Vol. 48. № 5. P. 527–558.

по индивидуальному заказу: (1) закон, который во всей полноте разработан исключительно для конкретного адресата, и никто другой не подпадает под его действие, или (2) закон, лишь некоторые статьи которого разработаны исключительно для конкретного адресата, при этом другие статьи применимы и к другим акторам. Например, в случае дискреционных налогов, которые мы обсуждаем в следующей главе [▸ 5.4.3], сумму сбора бывают обязаны выплатить несколько акторов, однако самую высокую налоговую ставку платит только адресат закона.

Законы по индивидуальному заказу можно классифицировать по двум признакам: (1) **тип адресата**, то есть к какой сфере социального действия относится актор или институт; и (2) **цель патрональной политики**, в рамках которой финансовая, правовая и личная ситуация адресата может расцениваться различными конкретными способами (Таблица 4.9). Кроме того, поскольку адресат может быть либо другом, либо врагом приемной политической семьи, необходимо различать **вознаграждение и наказание**, для которых мы приводим по одному общему примеру в таблице ниже[1].

Наконец, необходимо рассмотреть так называемые **законы о чрезвычайных полномочиях**, которые перемещают процесс принятия решений из сферы верховенства права в руки правящей политической элиты, которая может по своему усмотрению решать вопросы, предусмотренные законом этого типа[2]. **В либеральных демократиях** таких законов, как правило, не существует. Единственная ситуация, которая позволяет прибегать к подобным мерам, — **чрезвычайное положение**, и это уникальный случай, когда правящая

[1] Конкретные примеры для каждого случая см.: *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 140–146.

[2] Выражение происходит от Закона о чрезвычайных полномочиях *(Ermächtigungsgesetz)* 1933 года, принятого в нацистской Германии и дающего Гитлеру полномочия принимать законы без немецкого парламента. См.: *Evans R. J.* The Coming of the Third Reich. P. 350–374.

Таблица 4.9: Типы законов по индивидуальному заказу с общими примерами политики вознаграждения и наказания

Тип адресата	**Цель патрональной политики**	**Общий пример...**	
		вознаграждения	**наказания**
Политический актор	Назначение на государственную должность	Отмена условий, составляющих конфликт интересов, для назначения подставных лиц приемной политической семьи на государственные должности	Произвольное увольнение с государственных должностей, подкрепленное законами
Политический актор (институт)	Вознаграждение политических акторов	Растущая заработная плата или поддержка приемной политической семьей политических подставных лиц либо общественных и политических организаций и органов местного самоуправления, которые она контролирует	Сокращение размера вознаграждения или дотаций занимающих государственные должности политических оппонентов, а также критически настроенных общественных и политических организаций и муниципалитетов
Политический актор (институт)	Распоряжение компетенциями политических акторов	Расширение компетенций институтов, возглавляемых политическими подставными лицами, после их назначения	Сокращение компетенций институтов или муниципальных и профессиональных организаций, занимающихся мониторингом деятельности правительства
Экономический актор	Распоряжение доходностью экономических акторов	Предоставление лояльным коммерческим предприятиям выгодных условий	Вытеснение с рынка коммерческих предприятий, не входящих в приемную политическую семью, или их экспроприация
Политический / экономический / общинный актор	Достижение политических целей	Предоставление неприкосновенности (даже задним числом) акторам, которых суд мог бы признать виновными, но приемная политическая семья желала бы этого избежать	Подведение под статью (даже задним числом) акторов, которых суд не признал виновными, но люди желали бы их наказания

политическая элита получает такой широкий мандат на управление в экстремальных и нетипичных условиях (пандемии, стихийные бедствия, иностранное вторжение и т. п.) и может действовать в обход обычного права. Со стороны правительства это может даже означать потенциальное прямое участие военных, и тогда можно говорить о «военном положении». Однако чрезвычайное положение может быть объявлено только при очень специфических обстоятельствах, а его правомочность тщательно контролируется независимыми ветвями власти, что, в сущности, не позволяет исполнительной власти объявлять его самостоятельно[1]. **В коммунистических диктатурах сама конституция является законом о чрезвычайных полномочиях**, поскольку объявляет партию-государство руководящей силой общества, предоставляя ей мандат действовать, как она пожелает, в соответствии с идеологией марксизма-ленинизма. Наконец, для на деле неограниченной власти **патрональных автократий,** скрывающейся за демократическим фасадом, устранения формальных ограничений, как правило, не требуется. Однако, когда чрезвычайное положение в глазах людей является достаточным основанием для блокирования демократических сдержек, верховный патрон может использовать эту ситуацию для приведения своей фактической власти в соответствие с номинальной. Так поступил Виктор Орбан в Венгрии во время пандемии коронавируса в 2020 году[2]. Впрочем, чаще всего правительства мафиозных государств имеют **юридические основания объявлять «имеющее стратегическое значение» или необходимое для «общего блага» особое положение**, как правило в сфере экономики, когда они этого пожелают, тем самым освобождая себя от действия законов

[1] *Dyzenhaus D.* States of Emergency // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. P. 442–463.

[2] *Scheppele K. L.* Orban's Emergency // Verfassungsblog (blog). 29.03.2020. URL: https://verfassungsblog.de/orbans-emergency/.

и правовых норм, которые в противном случае помешали бы их деятельности[1]. Именно таким образом субстантивная рациональность проявляется в правовой системе, что хорошо согласуется с ее идеологическим проявлением в популизме и опорой на народный и национальный суверенитет. Государство использует такие ярлыки, как «государственная важность» и «общее благо», смысл которых оно определяет единолично, благодаря патрональной апроприации права интерпретировать общее благо. Хотя об этом не заявлено в конституции напрямую, приемная политическая семья при помощи идеологии и инструментальной правовой системы удерживает страну в **бессрочном чрезвычайном положении**[2].

4.3.4.3. Легализованная коррупция? Классификация организованной преступной деятельности криминального государства

Для достижения целей патрональной политики, которые часто включают в себя обогащение путем создания благоприятных условий для олигархов и экономических подставных лиц приемной политической семьи, последняя использует законы по индивидуальному заказу. Журналисты и ученые дали этому явлению название «легализованная коррупция»[3]. Во-первых, господство неформальности означает как раз

1 Примеры этого см.: *Előd F.* 22 ügy, amiben a kormány előhúzta a mindent vivő kártyát [22 случая, когда правительство вытаскивало козырь] // *Index.hu*. 07.12.2018. URL: https://index.hu/gazdasag/2018/12/07/nemzetstrategiai_szempontbol_kiemelt_jelentosegu_osszefonodasok_2018_vegeig/.

2 *Lakner Z.* Links in the Chain: Patron-Client Relations in the Mafia State. P. 149–152. См. также: *Agamben G.* State of Exception. Chicago; London: The University of Chicago, 2005.

3 *Novak B.* Hungary Has Legalized Corruption, Says TI Legal Director Miklós Ligeti // The Budapest Beacon (blog). 24.01.2017. URL: https://budapestbeacon.com/hungary-has-legalized-corruption-says-ti-legal-director-miklos-ligeti/.

регулярное нарушение законов, поскольку акторы применяют власть за пределами своих законных полномочий. Именно поэтому им и нужна крыша [▸ 3.6.3.1]: для отключения механизмов контроля, которые предполагают наказание за несоблюдение формальных законов (например, судебное преследование) или для монополизации власти в целом (например, конституционный суд). Во-вторых, **хотя криминальное государство использует закон в качестве инструмента, это не делает его деятельность законной**. Это объясняется тем, что такие законы часто являются звеньями цепочки коррупционных действий, в рамках которой принятие закона или его применение не является незаконным само по себе, но может быть частью более крупной цепи, состоящей из различных незаконных элементов. Все это делает функционирование целой системы незаконным, даже согласно ее собственным правовым нормам [▸ 2.4.4]. Кроме того, такие законы часто принимаются в обход формального законодательного порядка или даже правовых норм высшей юридической силы, что делает их незаконными, хотя патронализированные и патримониализированные правоохранительные органы и не расследуют такие случаи.

Для расширения аналитических рамок деятельность криминального государства можно классифицировать по следующим параметрам[1]:

1. Характер ущерба, нанесенного государством, которое действует как организованная преступная группа:

а. ущерб государственной собственности и доходам: (i) перераспределение потенциальных государственных доходов в пользу частных лиц; (ii) потерянные налоговые поступления; (iii) перенаправление потенциальных государственных доходов частным лицам; (iv) передача государственных концессий частным лицам; (v) лишение права

1 Анализ конкретных примеров см.: *Magyar B.* The Post-Communist Mafia State as a Form of Criminal State.

на аренду; (vi) передача муниципальных или государственных объектов недвижимости лицам из сферы интересов политической семьи по ценам ниже рыночных; (vii) незаконное перенаправление тендерных денег в тендеры с завышенными бюджетами, которые получают подрядчики из сферы интересов политической семьи;

b. ущерб частной собственности и доходам: (i) отъем собственности; (ii) отъем частных предприятий; (iii) введение обязательного концессионного соглашения для частных предприятий; (iv) лишение государственных концессий и права на аренду;

c. ущерб государственной и частной собственности и доходам.

2. Серийность действий:

a. одноэтапный акт коррупции можно трактовать как простую коррупционную транзакцию, происходящую между двумя сторонами и состоящую только из одной сделки. Такие действия обычно входят в сферу классической коррупции и по отдельности не представляют большой экономической ценности, хотя в совокупности могут быть широко распространены. Криминальное государство стремится установить контроль над этими несистематическими одиночными актами;

b. многоэтапный акт коррупции охватывает множество институтов, принадлежащих к законодательной и исполнительной ветвям власти. Кроме того, иногда возникает комплексное взаимодействие между законодательными актами и исполнительными органами. Эти черты гораздо более типичны для повседневного функционирования криминального государства, поскольку реализация крупномасштабных проектов, которые зачастую фундаментальным образом меняют конъюнктуру рынка и осуществляются через связку государство-бизнес, возможна только через такие сложные механизмы.

3. Институциональная сфера, управляющая коррупционными транзакциями:

a. в рамках одного института: (i) *на низовом административном уровне* почти без исключений совпадает с одноэтапными, несерийными актами коррупции. Очевидно, что сложные, применяющиеся в масштабах всего государства коррупционные планы просто не осуществимы на низких административных уровнях и требуют участия всей вертикальной структуры соответствующего государственного института; (ii) *вся вертикальная структура в рамках института*, так как невозможно представить, чтобы деятельность некоторых центральных ведомств, вызывающая подозрения в коррупции, например списание налоговых задолженностей налоговыми органами, происходила без ведома и одобрения всей вертикальной структуры института. В этих случаях «справедливость» налоговых послаблений, первоначальная цель которых состояла в том, чтобы помочь налогоплательщикам с небольшой задолженностью в стесненной ситуации, здесь превращается в средство злоупотребления положением для повышения прибыли лояльных олигархов.

b. межинституциональная: (i) *по горизонтали*: то есть когда несколько институтов сотрудничают друг с другом, что считается редким явлением, потому что сложные транзакции требуют координации сверху; (ii) *по вертикали*: в связи с функционированием однопирамидальной патрональной сети вертикальная структура с неизбежностью выходит на передний план и вовлекает институты в иерархические отношения. Именно это обеспечивает чрезвычайно широкую амплитуду произвола верховного патрона [▸ 2.4.6].

4. Юрисдикция задействованных институтов:

a. местные: классическим примером относительной автономии от центральной власти являются территории,

буквально отданные в «кормление» неким «сборщикам дани», получающим свою ренту напрямую, в то время как бывшие мэры этих территорий обычно тесно связаны с двором патрона;

b. общенациональные: использование государственных институтов верховным патроном и его двором, включая законодательные;

c. местные и общенациональные: сюда, как правило, входит захват рынка [► 5.5.3.3], который спланирован централизованно, но осуществляется в основном на местном уровне, и который не мог бы быть произведен без центральной или местной координации.

5. Тип взаимодействующих институтов:

a. законодательные: то есть применение вышеописанных законов по индивидуальному заказу, которые преимущественно служат основанием для любых последующих манипуляций, а также законов, в целом поддерживающих функционирование механизмов государственной коррупции, таких как: (i) повышение предельной цены на госзакупки (что способствует коррупции в госзакупках на более высоком уровне); (ii) необоснованное засекречивание данных, представляющих общественный интерес (якобы из соображений национальной стратегии и национальной безопасности); (iii) отмена условий, составляющих конфликт интересов, как препятствия для подачи заявок на участие в тендерах и получение субсидий; (iv) сохранение в секрете официальных имущественных деклараций родственников политиков; или (v) произвольное отстранение заявителей от участия в тендерах на госзакупки на краткий или более длительный период.

b. исполнительные: в организованной преступной деятельности участвует целый ряд институтов от центральных органов (например, налогового управления) до муниципалитетов и профессиональных палат;

c. судебные: то есть политически выборочное правоприменение, о котором речь пойдет ниже [▸ 4.3.5];

d. любые комбинации этих трех типов.

6. Состав преступлений, совершаемых криминальным государством: вымогательство, мошенничество и финансовые махинации, хищение, растрата имущества и средств, отмывание денег, инсайдерские торговые операции, взяточничество, дача взятки должностному лицу (как активная, так и пассивная), злоупотребление властью, злоупотребление государственной должностью, покупка влияния, рэкет и т. д.

Поскольку вышеперечисленные преступления признаются собственным действующим законодательством патрональных автократий как преступные деяния, ясно, что деятельность криминального государства не может считаться законной, несмотря на то, что для достижения целей своей патрональной политики оно использует законы. В качестве еще одной точки зрения стоит упомянуть Палермскую Конвенцию против транснациональной организованной преступности, подписанную ООН в 2000 году. На ее основании группа специалистов Совета Европы по организованной преступности определила **критерии, свидетельствующие, при их наличии, о деятельности организованной преступной группы**[1]. Среди этих критериев есть как обязательные, так и дополнительные. Обязательными критериями являются: (1) наличие группы в составе трех или более лиц; (2) которая существует в течение длительного или неопределенного периода времени; (3) подозревается в совершении серьезных уголовных преступлений или осуждена за них; (4) совершенных с целью получения прибыли и/или власти. К дополнительным критериям относятся: (1) наличие у каждого члена

[1] Effectiveness of Provisions on Membership in Criminal Organizations // Organized Crime — Best Practice Survey No. 7. Strasbourg: Council of Europe — PC-S-CO, 2004. URL: https://www.coe.int/t/dg1/legalcooperation/economiccrime/organisedcrime/BestPractice7E.pdf.

группы определенной задачи или роли; (2) использование какой-либо формы внутренней дисциплины или контроля; (3) применение насилия или иных средств с целью запугивания; (4) распространение влияния на политиков, СМИ, административные и правоохранительные органы, органы правосудия и экономических акторов с помощью коррупции или любых иных средств; (5) использование коммерческих и иных экономических структур; (6) участие в отмывании денег; (7) деятельность на международном уровне. **Эти критерии, используемые группой экспертов для определения мафии** или организованного подполья, **можно также использовать для определения мафиозного государства** или организованного надполья.

4.3.4.4. Принимающий решения законодательный орган и законодательный орган — «приводной ремень»

Наконец, в этой части мы обращаемся к **законодательным органам**. В каждом из режимов полярного типа функция таких институтов заключается в принятии законов, которые являются частью иерархии норм (и находятся в ней выше подзаконных актов, но ниже конституции). Кроме того, для правящей политической элиты каждого из этих типов режимов важно иметь в этом органе **большинство** голосов, потому что законы принимаются голосованием **абсолютного большинства членов парламента (депутатов)**, которые получают свои мандаты в соответствии с результатами выборов[1]. В либеральных демократиях эти задачи решает победитель выборов; в коммунистических диктатурах, как отмечалось ранее, проходят выборы с одним кандидатом, на которых

[1] Сказанное относится к нижней палате парламента, которая в двухпалатных системах сопровождается верхней палатой, состоящей из избранных или невыборных должностных лиц с определенными правами (вето). См.: *Lijphart A.* Patterns of Democracy. P. 187–203.

может баллотироваться только одна партия или организация, и поэтому практически все мандаты получают функционеры партии-государства. В патрональных автократиях партия — «приводной ремень» приемной политической семьи имеет, как правило, **квалифицированное большинство** (две трети, четыре пятых и т. п.). В отличие от абсолютного большинства (50% + 1 голос), которое требуется для «игры по правилам», квалифицированное большинство нужно, чтобы изменить «правила игры», то есть конституцию или так называемые органические законы, регулирующие работу формальной институциональной системы. В дальнейшем, когда будем мы рассматривать также президентские формы правления, мы используем понятие «(эффективная) монополия на власть» для описания ситуаций, при которых **один актор или элитная группа обладают достаточной властью, чтобы самостоятельно изменить конституцию**, то есть правила игры. Кроме того, монополия на власть также включает в себя **возможность единолично назначать людей на** такие **ключевые посты в государстве**, как главный прокурор, для чего обычно требуется все то же квалифицированное большинство и/или согласие высокопоставленных лиц, уполномоченных изменять конституцию.

Ранее мы писали, что когда популисты приходят к власти, они становятся акторами, которые ставят под сомнение легитимность режима, и поэтому хотят и предпринимают попытки изменить правила игры, однако это срабатывает, только если они обладают квалифицированным большинством [▸ 4.4.1.3]. Другими словами, квалифицированное большинство является необходимым условием для установления и укрепления патрональной автократии. Хотя обычно такие режимы и впоследствии сохраняют квалифицированное большинство, которое позволяет им по своему усмотрению менять в правовой системе все что угодно, абсолютного большинства бывает достаточно для повседневного функционирования мафиозного

государства, включая инструментальное применение законов и принятие законов по индивидуальному заказу, когда они требуются.

Принципиальная разница между законодательными органами трех типов режимов заключается в том, обладают ли автономностью их члены, то есть могут ли они использовать предоставленные им полномочия самостоятельно, по своей воле, либо они зависимы и являются лишь марионетками действующей правящей политической элиты. **В либеральных демократиях действующие члены парламента — это политики.** Следовательно, они автономны и могут использовать формальную власть по своей воле. Естественно, существует такое явление, как партийная дисциплина. Депутат бывает лоялен своей партии, а партия может даже обязать его голосовать за определенные законы, которые, по мнению ее руководства, должны быть приняты. Тем не менее политику разрешено вести дебаты, придерживаться мнения меньшинства и даже самостоятельно вносить законопроект на рассмотрение. Другими словами, **управляющая партия,** представляя собой уменьшенную копию демократии[1], **практикует внутрипартийное публичное обсуждение**, а именно: (1) дискуссии, поскольку члены партии (включая депутатов) могут высказывать свое мнение и пытаться убедить других; (2) объединения, поскольку формирование фракций и депутатских групп может идти вразрез с мнением руководства партии; (3) избрание, поскольку лидеров партии (а иногда и кандидатов в члены партии) выбирают ее члены после внутрипартийных кампаний; и (5) правоприменение, поскольку за нарушением внутренних правил партии следуют дисциплинарные меры, исключение из партии или даже государственные санкции (если существуют государственные нормы,

[1] Анализ и критику существующих моделей внутрипартийной демократии см. : *Cross W., Katz R., eds.* The Challenges of Intra-Party Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2013.

предписывающие наличие внутрипартийной демократии)[1]. Следовательно, **депутат не просто исполняет волю** руководства партии, **но может участвовать в выработке политических решений** или, по крайней мере, существенно влиять на них.

В либеральных демократиях, подобно эффекту зеркала, процесс публичного обсуждения параллельно существует на национальном и партийном уровнях [▸ 3.3.7]. Когда он уничтожается на национальном уровне, это отражается и на партийном, что, несомненно, является одной из предпосылок превращения режима в автократию или диктатуру. Таким образом, **в партии-государстве или партии — «приводном ремне» нет публичного обсуждения**, а депутаты законодательного органа являются лишь исполнителями, не обладающими автономией и практически не участвующими в формировании политики. В коммунистических диктатурах депутаты являются партийными функционерами среднего / низкого уровня [▸ 3.3.4], тогда как в патрональных автократиях это политические подставные лица [▸ 3.3.3].

В результате **в коммунистических диктатурах** законодательный орган **находится в подчиненном положении по отношению к партийному руководству**. Его члены встречаются, как правило, всего несколько раз в год для принятия рамочных законов, хотя он выполняет и некоторые бюрократические задачи, такие как разработка законов. Как пишет Саква, в Советском Союзе законодательная власть «играла небольшую роль в инициировании политики, хотя выполняла несколько важных функций. Законодательная функция выражалась в ее участии в разработке сложных законов, и, действительно, создание новых законов в некоторой степени переместилось [в законодательную сферу]. Это расширило возможности для включения в нее широкого спектра

[1] Ibid. P. 3–4. Также ср.: *Teorell J.* A Deliberative Defence of Intra-Party Democracy // Party Politics. 1999. Vol. 5. № 3. P. 363–382.

мнений специалистов»[1]. **Следовательно, законодательные институты государственной власти перестают быть площадками, где принимаются реальные решения**, так как они были выведены из компетенции институтов в сферу деятельности правящей политической элиты. **Такая же ситуация характерна и для патрональных автократий**, где от законодательных органов требуется только «вести учет» решений, принятых в другом месте. Разница состоит в том, что в коммунистических диктатурах это «другое место» обозначает политбюро, то есть официальный институт, а в патрональных автократиях это двор патрона, который находится за пределами формальной институциональной сферы [▸ 3.3.2]. Как и партия — «приводной ремень», институты государственной власти здесь не принимают никаких решений, являясь лишь институтами исполнения, поскольку исполняют волю приемной политической семьи. В патрональных автократиях законодательство становится не сводом распространяющихся на всех людей правовых норм, на основании которых они могут быть привлечены к ответственности, а мастерской «пошива по индивидуальным заказам» приемной политической семьи, где законы кроятся по ее меркам. Парламент служит лишь местом оформления автократических решений, воплощаемых в инструментальных законах. Как в диктатурах, так и в автократиях законодательный орган служит приводным ремнем истинной правящей политической элиты, будь то политбюро или двор патрона [▸ 3.3.2, 3.3.8].

Итак, можно выделить две разновидности законодательных органов: одна из них разрабатывает главным образом ограниченные законы в либеральных демократиях, а другая — инструментальные законы в двух остальных режимах полярного типа, то есть как принимающий решения

1 *Sakwa R.* Soviet Politics in Perspective. P. 110.

законодательный орган и как законодательный орган — «приводной ремень», соответственно.

• ***Принимающий решения законодательный орган*** *— это формальный законодательный орган, членами которого являются политики, участвующие в обсуждении политических целей принимаемых ими законов. Такие институты типичны для демократий, как либеральных, так и патрональных.*

• ***Законодательный орган — «приводной ремень»*** *— это формальный законодательный орган, членами которого являются преимущественно функционеры или политические подставные лица, не участвующие в обсуждении политических целей принимаемых ими законов. Такие институты типичны для диктатур, как коммунистических, так и с использованием рынка, а также автократий, как консервативных, так и патрональных.*

4.3.5. Применение власти: суды, обвинение и институты государственного принуждения

4.3.5.1. Равенство до и после закона: от нейтрального к политически выборочному правоприменению

Заключительной фазой процесса публичного обсуждения является **применение власти**. Действительно, именно на этом этапе выполняется одно из положений конституционализма, которое гласит, что каждый совершеннолетний человек должен иметь право голоса в управлении своей жизнью. В ходе фазы избрания члены законодательных органов избираются народным голосованием, после чего предполагается, что они будут представлять людей, разрабатывая законы, регулирующие жизнь государства согласно желаниям граждан. Однако условие, при котором эти законы работают (то есть что государство будет действовать в соответствии с желаниями масс), выполняется только в том случае, если не допускаются

отклонения от действующего законодательства. Таким образом, процесс публичного обсуждения оказывает влияние на жизнь граждан, когда государство навязывает желаемое устройство общества и наказывает не соблюдающих закон, полагаясь на монополию на легитимное применение насилия (следовательно, законы подкрепляются государственным принуждением).

В нашем понимании, к этой фазе относятся три типа институтов: **суды, прокуратура и полиция**. На самом деле в случае нарушения закона полномочия на применение насилия есть только у полиции, но два других органа играют ключевую роль при определении, был ли закон нарушен. В либеральных демократиях обвинение инициирует расследование уголовного дела, тогда как суды выносят решения по юридическим спорам и определяют, кто нарушил закон, а кто нет, и в интересах кого, соответственно, должна действовать полиция. На уровне закона так обстоят дела и в двух других типах режимов, и даже на деле, при соблюдении «надлежащей правовой процедуры», это происходит в огромном количестве неполитических дел, касающихся обычных преступлений. Однако, как мы отмечали ранее, отношение режимов к праву в контексте политических дел различается в зависимости от того, понимают они закон либо как (a) самоцель (легально-рациональная легитимация), либо (b) как орудие власти и способ интерпретации «всеобщего блага», которое присвоили правители (субстантивно-рациональная легитимация).

С точки зрения формулировки закона, можно говорить о **равенстве всех перед ним** либо о его отсутствии. Равенство означает, что правовой статус каждого лица, проживающего под юрисдикцией государства, одинаков, и что **каждый человек без какой-либо дискриминации имеет право на равную защиту со стороны закона своих основных прав и свобод** (прав человека). **Этот принцип является сущностью либеральной демократии** и конституционализма, основанного

на уважении человеческого достоинства[1]. **Формально** он **соблюдается и в патрональных автократиях**, где слугам по закону предоставлены такие же права и свободы, как гражданину [▸ 3.5.1]. Равенство перед законом **открыто нарушается только в коммунистических диктатурах**, где, с точки зрения государства, объявленные врагами рабочего класса люди (капиталисты, «кулаки» и т. д.) не имеют прав и, следовательно, лишаются своей свободы, собственности, а часто и жизни[2].

С точки зрения применения, однако, можно говорить о **равенстве после закона. Используя игру слов**, мы можем выделить период до применения закона, то есть когда закон разрабатывается и принимается, но еще не использован в судебном деле, и период после его применения. «Равенство перед законом» относится к первому периоду и касается вопроса, имеют ли люди законное право на равную защиту прав, то есть содержит ли формулировка закона дискриминацию. В свою очередь, «равенство после закона» относится ко второму периоду и затрагивает вопрос о том, как люди, *де-юре* расцениваемые в законе некоторым образом, подпадают под его действие *де-факто,* когда происходит нарушение их базовых прав: **действительно ли их законные права применяются одинаково**. Если это так, то речь идет о равенстве всех после закона. Если применение закона неравное и права некоторых людей соблюдаются, в то время как права других остаются лишь на бумаге, то речь идет о неравенстве после закона.

Либеральным демократиям свойственно **равенство после закона**. Проще говоря, конституционализм предполагает не просто декларацию, но реальную универсальную защиту прав каждого гражданина в качестве обязанности конституционного государства. Другими словами, из конституционализма

1 См. статью 7 «Всеобщей декларации прав человека».

2 *Sakwa R.* Soviet Politics in Perspective. P. 126–128; *Krygier M.* Marxism and the Rule of Law.

вытекает совпадение номинального и фактического, а также то, что государство должно применять законы в соответствии с тем, что в них написано. Поскольку в либеральных демократиях существует равенство перед законом, равенство после закона обозначает, во-первых, что все подпадают под действие одних и тех же законов, которые должны применяться ко всем одинаково. **Граждане равны в правовом отношении**, если речь идет о фундаментальных правах[1]. Случаи отклонения от этого принципа могут быть рассмотрены в суде, что означает реальную возможность получения правовой защиты (поскольку государство стремится достичь правового равенства). Во-вторых, поскольку все граждане равны, и с точки зрения прав человека дискриминации нет, никто не может быть освобожден от действия закона независимо от его социального или политического статуса. Следовательно, не могут быть освобождены даже представители власти или кто угодно по их выбору: **закон и его применение являются политически нейтральными**. Мы называем это явление нормативным правоприменением.

◆ ***Нормативное правоприменение*** *— это способ применения законов в режимах, где преобладает равенство после закона. Следовательно, перед таким правоприменением все люди равны, и их действия получают одинаковую правовую оценку, а за одинаковые нарушения прав в конечном счете следуют одинаковые политические действия (легитимное применение насилия).*

Неравенство после закона преобладает в автократиях и диктатурах. В коммунистических диктатурах политически активные люди в целом и члены номенклатуры в частности подпадают под другую юрисдикцию, нежели люди, не имеющие отношения к политике. Основывая свои суждения на историческом опыте коммунистических диктатур,

[1] *Baer S.* Equality // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. P. 982–1001.

Подгурецкий пишет, что «если член Коммунистической партии <...> совершал преступление, то, даже если вина была очевидной, его или ее нельзя было привлечь к суду без разрешения соответствующих партийных органов, которые могут исключить подозреваемого из своих рядов, чтобы полиция имела возможность предъявить обвинения. При этом, согласно секретным инструкциям, выданным государственным обвинителям и полиции, уголовное дело не может быть выдвинуто против человека, который сохранил членство в партии»[1]. Исследователи также обратили внимание на такое явление, как «**телефонное право**», то есть когда судебное дело решается по телефону через прямое вмешательство заинтересованных членов номенклатуры[2]. Такая практика демонстрирует не только особое отношение к членам номенклатуры, но и что судьба любого лица, представляющего политический интерес, включая (незаконную) оппозицию режиму, произвольно определяется руководством партии, которое может свободно игнорировать писаные законы.

В патрональных автократиях неравенство после закона отличается от принятого в диктатурах в том смысле, что **безнаказанностью наслаждаются** не члены партии, а **приемная политическая семья** [▸ 3.6.2.4]. Однако в целом правящая политическая элита превращает правоприменение, как и сами законы, в инструмент. Таким образом, как в патрональных автократиях, так и в коммунистических диктатурах правоприменение является не нейтральным, а политически выборочным.

• ***Политически выборочное правоприменение*** *— это способ применения законов в режимах, где преобладает неравенство после закона. Следовательно, такому правоприменению свойственно рассматривать людей (как правило, это слуги*

[1] *Podgórecki A.* Totalitarian Law: Basic Concepts and Issues. P. 13.

[2] *Huskey E.* A Framework for the Analysis of Soviet Law. P. 63.

или объекты) по-разному, в зависимости от их политического статуса, и их действия получают различную правовую оценку, а в ответ на одинаковые случаи нарушения прав в конечном счете следуют различные политические действия (легитимное применение насилия).

Основное различие между выборочным правоприменением в диктатурах и автократиях состоит в том, что в коммунистических диктатурах избирательность может быть как индивидуальной, так и групповой, тогда как в патрональных автократиях она только индивидуальная. Как уже упоминалось ранее, все члены партии (неформально, но нормативно) пользовались неприкосновенностью. Между тем с легкостью могли существовать социальные группы, которые правоприменение рассматривает негативно из-за их групповой идентичности. В патрональных автократиях верховный патрон решает, кого необходимо атаковать, а кому даровать неприкосновенность средствами политически выборочного правоприменения. Кроме того, **у верховного патрона есть выбор между неприменением закона и разработкой закона по индивидуальному заказу**; и от него можно ожидать, что он выберет тот вариант, который в меньшей степени портит демократический фасад режима и при этом скрывает истинные цели (патрональную политику) приемной политической семьи.

Хотя мы фокусируемся главным образом на трех режимах полярного типа, на этом этапе стоит немного отклониться от нашего курса и обратиться к промежуточным типам. Статус законов и правоприменения в промежуточных автократиях и диктатурах очень похож на таковой в соответствующих им режимах полярного типа (поэтому выше мы часто опускали прилагательные «патрональный» и «коммунистический», соответственно). В консервативных автократиях, где монополизирована именно политическая сфера, а акторы из других сфер не подчиняются патрональной сети, можно наблюдать номинальное соблюдение прав (равенство перед законом),

которым по усмотрению правящей политической элиты на деле можно пренебречь. В диктатурах с использованием рынка закон настолько же инструментален, как и в коммунистических[1], хотя и не применяется тоталитарным образом, чтобы установить центральное планирование в экономике [▸ 5.6.2]. Кроме того, выборочное правоприменение может даже использоваться в качестве нормативного инструмента экономической политики, как, например, в Китае, где прокуратура открыто заявила, что будет более снисходительно относиться к руководителям компаний в целях оказания поддержки частному сектору[2]. Однако между либеральными и **патрональными демократиями** есть значительная разница. В патрональных демократиях, для которых характерно равновесие конкурирующих патрональных сетей, правоприменение не порабощено, так как ни один актор не обладает монополией на власть. При этом институты правоприменения стремятся поддерживать свой образ как автономно функционирующих, не являющихся орудием (или борцом) в борьбе сетей. В итоге можно наблюдать ситуацию, которую мы описываем как «**политически пропорциональное правоприменение**»: с каждой конкурирующей стороны привлекаются к ответственности и признаются виновными примерно равное количество людей, а прокуроры и судьи пытаются приспособиться к неформальной «норме». По нашим данным, в Румынии (и, вероятно, в других патрональных демократиях) демонстрируется именно такая пропорциональность[3].

1 Ср.: *Orts E.* The Rule of Law in China // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2000. № 33.

2 *Sun Yu.* China Grants Immunity to Executives to Bolster Private Sector // Financial Times. 15.12.2019. URL: https://www.ft.com/content/96ecc224-1ca6-11ea-9186-7348c2f183af. Открытое провозглашение целей политики также указывает на субстантивно-рациональную легитимацию, несмотря на то, что она использовалась для продвижения нормативной политики, а не дискреционной (патрональной).

3 Ср.: *Magyari L.* The Romanian Patronal System of Public Corruption.

Используя парные концепты «перед законом» и «после закона», можно, наконец, определить основной статус закона в трех режимах полярного типа (Таблица 4.10). **В либеральных демократиях** этот статус можно определить как власть закона (или «соблюдение законности»).

• ***Власть закона*** *— это состояние законности в политическом режиме, которое проявляется в (1) равенстве перед законом и (2) равенстве после закона. Преобладающая, как правило, в либеральных демократиях, власть закона означает, что от его действия не освобождается ни один гражданин — независимо от его поведения и мотивов, политического или социального статуса.*

В патрональных автократиях, хотя все граждане наделены законными равными правами, уголовное преследование становится необязательным, если речь идет о ком-то, представляющем интерес для приемной политической семьи. Такую ситуацию можно описать как закон власти.

• ***Закон власти*** *— это состояние законности в политическом режиме, которое проявляется в (1) равенстве перед законом и (2) неравенстве после закона. Преобладающий, как правило, в патрональных автократиях закон власти означает, что номинально ни один слуга не может быть освобожден от действия закона, но на деле для некоторых людей, представляющих интерес для приемной политической семьи, это становится возможным.*

В качестве антонима для понятия власть закона — *rule of law* — обычно используется выражение *rule by law*, то есть правление посредством законов, которое означает, что закон не обладает автономией, но является инструментом правящей политической элиты[1]. Однако мы уже убедились в том, что такое положение дел в равной степени свойственно и автократиям, и диктатурам. Так, используемый нами концепт

[1] *Krygier M., Czarnota A.* The Rule of Law after Communism. P. 234.

Таблица 4.10: Статус закона в трех режимах полярного типа

	Перед законом	**После закона**
Власть закона (как в либеральных демократиях)	Равенство	Равенство
Закон власти (как в патрональных автократиях)	Равенство	Неравенство
Беззаконие (как в коммунистических диктатурах)	Неравенство	Неравенство

«закон власти», является подтипом правления посредством законов, которое преобладает в автократических режимах посткоммунистического региона. Что касается диктатур, и в частности коммунистических диктатур, то здесь можно обнаружить диктаторский подтип правления посредством законов, который называется беззаконие.

• ***Беззаконие*** *— это состояние законности в политическом режиме, которое проявляется в (1) неравенстве перед законом и (2) неравенстве после закона. Преобладающее, как правило, в коммунистических диктатурах беззаконие означает, что как номинально, так и фактически любой человек (объект) может быть освобожден от действия закона, если он объявляется врагом или представляет интерес для номенклатуры.*

4.3.5.2. Суды и обвинение: от доказательств через сфабрикованное обвинение к компромату

Рассматривая институты применения власти после закона, мы снова можем обнаружить общие условные модели уважения, репрессий и нейтрализации в либеральных демократиях, коммунистических диктатурах и патрональных автократиях, соответственно. **В либеральных демократиях** равенство после закона вытекает из конституционализма и представления о непредвзятости государства: государство и его юридические органы не должны делать различий между людьми, тем более на основании политических

убеждений[1]. Одним из основных средств достижения этого является **независимость судебной ветви власти**, которая предполагает, что (1) решения в правовых спорах должны выносить судьи, на которых (2) не оказывают влияния другие политические акторы, правительство или более широкая политическая элита (исполнительная и законодательная ветви власти). В очень общих терминах этапы уголовного судопроизводства можно смоделировать следующим образом:

1. кто-либо совершает преступление (об этом возникает подозрение);

2. прокуратура автоматически инициирует судопроизводство и расследование;

3. судьи сопоставляют существующий закон и доказательства, то есть известные факты о рассматриваемом деле;

4. суд принимает решение (о признании или непризнании вины) на основании оценки доказательств.

Естественно, поскольку письменный закон не содержит дискриминации по признаку политических убеждений (равенство перед законом), судья тоже не должен учитывать этот фактор, а правящая политическая элита не должна давать ему подобных указаний. Однако **в коммунистических диктатурах** марксизм-ленинизм приводит к совершенно иной судебной системе. Как пишет сам Ленин, после успеха коммунистической революции «основной задачей власти становится не военное подавление, а управление, — типичным проявлением подавления и принуждения будет становиться не расстрел на месте, а суд. [С]уд **есть орган привлечения** именно бедноты поголовно **к государственному управлению** <...>, **орудие воспитания к дисциплине**» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[2]. В соответствии с бюрократическим присвоением интерпретации общего блага это означает, что партия и партия-государство как «авангард рабочего класса» должна иметь возможность

1 *Kis J.* State Neutrality.

2 *Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 197.

влиять на решения суда и корректировать решения судей, которые противоречат интересам рабочего класса, а значит, воле партии-государства. Эта идеология легитимирует неравенство после закона, с одной стороны, и **отсутствие независимой судебной власти** — с другой. Таким образом, тогда как в либеральных демократиях соблюдается принцип независимости (и человеческого достоинства тех, кто привлечен к суду), коммунистические диктатуры подавляют эту независимость под флагом субстантивной рациональности.

Подобное понимание роли судов рождает так называемые **показательные судебные процессы**, которые были уже упомянуты в связи с кампаниями с приостановлением прав. По аналогии с четырехэтапной процедурой, представленной выше, показательные процессы можно описать следующим образом:

1. преступление не совершается;

2. обвинение инициирует судопроизводство и расследование **по политическим мотивам**;

3. судьи сопоставляют существующий закон и сфабрикованные доказательства, то есть фиктивные данные и обвинения, выдуманные партией-государством, чтобы представить главного козла отпущения виновным;

4. суд принимает решение (о признании вины) на основании вынесенного заранее политического вердикта.

Важным элементом показательных судебных процессов, который отвечает целям кампании, является, как правило, признание обвиняемым собственной вины и того, что он согрешил против партии-государства и принципов коммунизма. Совсем иначе обстоят дела **в патрональных автократиях**: во-первых, обвиняемый в большинстве случаев не признает себя виновным и вместо этого использует предоставившуюся возможность, чтобы выразить резкую критику режима[1].

[1] См., например, фиктивный судебный фарс над российской феминистской протестной панк-группой Pussy Riot: *Gessen M.* Words Will Break Cement: The Passion of Pussy Riot. New York: Riverhead Books, 2014. P. 155–226.

Во-вторых, процессы проходят в рамках иным способом контролируемой судебной системы, которая также выполняет другие задачи. В целом верховный патрон стремится **нейтрализовать судебные органы, чтобы гарантировать безнаказанность приемной политической семьи** и скрыть от общественности преступления криминального государства. Как отмечает Леденёва, чтобы добиться этого, не всегда требуется напрямую контролировать судей, поскольку репрессивный характер режима, который он демонстрирует в других сферах общества, вызывает так называемый «„сковывающий эффект", выражающийся в том, что неформальные нормы и сигнальные механизмы наглядно и без прямого вмешательства демонстрируют, что должно быть сделано»[1]. Тем не менее если приемная политическая семья предпринимает более конкретные шаги для нейтрализации судебных органов, она может с большей вероятностью обеспечить исполнение своей воли.

Мы перечислим **три способа нейтрализации**, которые можно комбинировать и использовать одновременно. **Во-первых**, самый простой, но и наиболее бесхитростный путь для верховного патрона — это **лишение судебной власти ее автономии**. С помощью этого метода он сам или политическое подставное лицо, назначенное им в качестве непосредственного главы судей, вмешивается в судебные дела, произвольно перемещает их, ограничивает компетенцию судов или ставит в качестве неофициальных условий негативные последствия для «чересчур непредвзятых» судей. Как пишет Золтан Флек, «недемократические правовые системы осуществляют свою деятельность, как правило, через **униженную судебную власть**, которая вынуждена была занять **роль подобострастного слуги**. По сравнению с государственным аппаратом механизмы отбора и организационная структура правоохранительных органов, по сути, обеспечивают защиту

[1] *Ledeneva A.* Can Russia Modernise? P. 162.

от прямого политического <...> влияния. В авторитарных режимах, где эти ограничения должны соблюдаться, по крайней мере формально, атака ведется на **сильную централизацию организационной структуры судей и на руководящие должности посредством политического давления**, а также символического лишения всей судебной власти ее легитимности. Среди инструментов, которые используются для институционализации судебной ветви власти, которая не отделена от других ветвей и зависима от политического влияния, принудительный выход судей на пенсию, неудовлетворенность решениями, принятыми судьями, и их отмена задним числом, а также наделение чрезвычайно широким кругом организационных полномочий лиц, открыто избранных по политическим мотивам» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1].

Во-вторых, верховный патрон может изъять **принятие решений по политическим делам из компетенции обычных судов и передать их в руки вновь созданных административных.** Такой метод нейтрализации применялся в нескольких патрональных автократиях, включая Армению, Азербайджан, Беларусь, Казахстан и Узбекистан[2]. Административные суды в патрональных автократиях наполнены патрональными слугами [▸ 3.3.5] и/или учреждены с особой правовой базой, которая ограничивает нормативное рассмотрение судебных дел. Такие суды существуют параллельно с обычной судебной

1 *Fleck Z.* Law under the Mafia State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 80.

2 *Schoeller-Schletter A.* Structural Deficits in Legal Design and Excessive Executive Power in the Context of Transition in Uzbekistan // Patterns of Transformation in and around Uzbekistan. Reggio Emilia: Diabasis, 2007. P. 134–149. В Венгрии, которая относится к патрональным автократиям, Орбан давно предлагает учредить административные суды, но этот вопрос больше не обсуждается с конца 2019 года. Кроме того, в той или иной форме такие суды существуют во всех постсоветских странах, кроме России, Грузии, Таджикистана, Туркменистана и Кыргызстана, а также в большинстве посткоммунистических стран, кроме Румынии и Словакии. Мы в долгу перед Арменом Мазманяном за помощь в сборе этой информации.

системой и выводят иски против государства из системы гарантий, которая формально присутствует в обычных судах. В этих особых судах нет подлинных прений, а судьи лишь проверяют соответствие определенным законам, касающимся рассматриваемого государственного института, в то время как заявитель имеет некоторые шансы на победу, если жалуется на формальности (несоблюдение сроков и т. д.).

Третий вариант нейтрализации судебной ветви власти — это **подчинение обвинения неформальным интересам приемной политической семьи**. Если выбран такой путь, то необходимость иметь дело с судами практически отпадает, потому что уголовные дела просто не доходят до этой стадии судопроизводства, так как обвинение в принципе не возбуждает уголовные дела против приемной политической семьи[1]. Кроме того, в постсоветских странах обвинение исторически имело сильные позиции в правовой системе, что делает его крайне важным оружием в руках верховного патрона. Как отмечает Калман Мижей, «[в] Советском Союзе сталинских времен уголовное преследование превратилось в центральный институт государственных репрессий. В постсоветское время фактор страха уже не имел такого значения, но привилегированный правовой статус судебного преследования сыграл важную роль в судьбе президентов, стремящихся укрепить свое доминирующее положение среди других претендентов на этот пост в мире, где политическая и частная экономическая власть тесно переплетены»[2]. В патрональных автократиях **приемная политическая семья не просто нейтрализует обвинение, используемое затем в ручном режиме, но и может применять его для атаки на своих врагов или шантажа**. Таким образом, обвинение в режимах такого типа

[1] *Kvurt Y.* Selective Prosecution in Russia: Myth or Reality? // Cardozo Journal of International and Comparative Law. 2007. № 15. P. 127–168.; *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 63–64.

[2] *Mizsei K.* The New East European Patronal States and the Rule-of-Law. P. 543.

может с легкостью стать основным средством политически выборочного правоприменения.

Что касается **атаки**, то она используется, вероятно, в менее очевидной для деятельности обвинения сфере, а именно в **избирательных кампаниях**. Конечно, нет ничего нового в том, что прокуратура возбуждает дела против представителей политической оппозиции главного патрона. Она сливает в патрональные СМИ очерняющую оппонентов информацию, аккуратно придерживаясь графика, согласованного с ходом избирательной кампании, периодически засекречивая некоторые дела, так что обвиняемые не могут даже защищать себя публично. В некоторых случаях общественное мнение обусловлено предварительным заключением, домашним арестом или фотографией обвиняемого, которого ведут через суд. Сенсационные новости появляются в удачно выбранный момент, а судебные дела могут тянуться годами до вынесения приговора. Предъявление этих дел на суд общественности сопровождает самые разнообразные кампании. Такое **выборочное правоприменение**, **приспособленное к целям кампании**, выбирает в жертвы как невиновных — людей, которых можно шантажировать, если против них возбуждено менее серьезное дело, так и в действительности виновных. Во всяком случае, значительная часть этих дел никогда не доходит до стадии судебного разбирательства, или же обвиняемых оправдывают. Между тем выбранный в качестве мишени человек успешно дискредитирован. Истинная цель такой деятельности состоит не в обеспечении правосудия и изоляции преступников, а в изгнании их с политической арены и/или дискредитации и очернении политической организации, которую они представляют.

С другой стороны, обвинение, управляемое вручную, можно использовать, чтобы **шантажировать** и держать в узде клиентов патрона. Оно позволяет верховному патрону по своему усмотрению начать следующий вариант четырехэтапной процедуры судопроизводства:

1. кто-либо совершает преступление;

2. обвинение инициирует судопроизводство и расследование **по политическим мотивам**;

3. судьи сопоставляют существующий закон и компромат, то есть реальные факты, которые собирает верховный патрон и, когда это необходимо, использует для шантажа и наказания нелояльных акторов;

4. суд принимает решение (как правило, о признании вины) на основании оценки компромата.

Компромат не является чем-то специфическим для патрональных автократий; он существует и в коммунистических диктатурах, и даже в либеральных демократиях. В целом компромат — это информация, реальный факт, с помощью которого можно шантажировать политического актора, либо потому что он (a) указывает на его преступление, либо (b) является частью его личной жизни, о которой он не желает распространяться (см. Текстовую вставку 4.6). Так, Леденёва выделяет **четыре идеальных типа компромата** в зависимости от характера раскрываемой информации: **политический**, например доказательства злоупотребления должностными полномочиями, отсутствия политической лояльности и т. п.; **экономический**, например доказательства хищений, оффшорной деятельности, оттока капитала и т. д.; **криминальный**, например доказательства наличия связей с организованной преступностью, заказного убийства и т. п.; и **личный**, например свидетельства неумеренных покупательских пристрастий, сексуального поведения и т. д.[1]

Компромат необходимо отделять от, по крайней мере, трех явлений, которые, на первый взгляд, схожи. Во-первых использование компромата не является клеветой, потому что последняя оперирует ложной информацией, тогда как первый не противоречит правде (хотя и является оружием).

[1] *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 60.

Во-вторых, компромат отличается от информации, собираемой журналистами-расследователями или частными детективами в демократических странах, потому что, как правило, ее собирают не для шантажа, а для обнародования (в случае журналиста) либо для приватного использования (в случае тех, кто нанимает частного детектива). В-третьих, что наиболее важно, **компромат отличается от «доказательств», применяемых в показательных процессах** коммунистических диктатур. «Доказательства» для таких процессов сфабрикованы, тогда как компромат **собирается** и затем скрывается от общественности, чтобы в дальнейшем использоваться для принуждения политических или экономических акторов с помощью шантажа.

Текстовая вставка 4.6: Компромат и война компроматов

Компромат — это свободное сокращение выражения «компрометирующий материал»; при этом трудно не услышать в окончании этого слова что-то от русского мата (то есть похабности). В конечном счете компромат тоже можно понимать как политическую похабность. Значение слова <...> можно лучше всего выразить следующим образом: обнародование данных, доказательств, обстоятельств или документов (или угроза этого) с целью компрометации кого-либо и с использованием традиционных и современных журналистских и политических жанров, таких как репортаж, разоблачение, очернение и встречное обвинение. Информация должна иметь потенциал морально и политически дискредитировать, уничтожать, контролировать или обвинять в преступной деятельности политического и/или экономического оппонента <...>. Компромат <...> — это [в большинстве случаев] реакция на политические или коммерческие аргументы противника, или, возможно, на его успех. В любом случае он отсекает все нормальные, политические или коммерческие, возможности взаимодействия. Вы не можете ни оспорить компромат, ни опровергнуть его. Есть только один адекватный ответ на компромат, а именно контркомпромат. <...>

> Компромат появляется в ответ на компромат, и, таким образом, война компроматов продолжается до тех пор, пока в арсенале противников остается неиспользованный компромат, либо (фигурально выражаясь) до последней капли крови[1].

Возвращаясь к роли компромата в различных режимах, можно сказать, что **в коммунистических диктатурах** компромат собирает главным образом **секретная служба партии** [▸ 3.3.6] и использует его для вербовки информаторов. Партийные функционеры высокого уровня не обязаны полагаться на компромат, поскольку могут использовать против политических оппонентов сфабрикованные доказательства (которые суды безоговорочно принимают, поскольку подчиняются партии-государству). В своем исследовании, посвященном компромату, Акош Силади упоминает расхожее выражение времен сталинского террора: «Был бы человек, а статья найдется»[2]. Однако после краха советской империи **транзит** привел к уникальной ситуации. В посткоммунистических и особенно постсоветских странах транзит в целом и приватизация в частности проводились в довольно шаткой правовой среде и с большим количеством злоупотреблений со стороны тех, кто впоследствии стал важным экономическим и/или политическим актором [▸ 5.5.2.2, 5.5.3.1]. Таким образом, практически каждый, кто вошел в политическую и/или экономическую элиту, совершил что-то незаконное или был как-то в это вовлечен, а значит, является потенциально виновным в суде[3]. Так, **сфабрикованные доказательства**, которые в любом случае могли бы беспрепятственно применять только суды с ручным управлением, **на практике устарели по сравнению с компроматом**,

1 *Szilágyi Á.* Kompromat and Corruption in Russia // Political Corruption in Transition: A Sceptic's Handbook. Budapest; New York: CEU Press, 2002. P. 208–209.

2 Ibid. P. 215.

3 *Szelényi I.* Capitalisms After Communism. P. 40–42.

который можно собирать против любого человека, выбранного в качестве мишени. Соответственно, **в патрональных демократиях**, а также во вновь возникших **олигархических анархиях** конкурирующие патрональные сети и олигархи использовали компромат в своей борьбе, а олигархи могли применять его для шантажа политиков при захвате государства по принципу снизу вверх [▸ 5.3.2.3]. Таким образом, компромат становится ценным активом, что способствует развитию **рынка компроматов**, где предприниматели (или преступники), специализирующиеся на его сборе, продают информацию заинтересованным лицам[1]. Этот (серый) рынок **децентрализован** и характеризуется плотной конкуренцией и высокой прибылью для продавцов, которые играют наиважнейшую роль на пике войн компроматов, организуемых олигархами[2].

Однако для существования конкурентного рынка компроматов необходимы два условия: (1) **плюрализм СМИ**, то есть сфера коммуникации не должна быть ни закрытой, ни контролируемой (то есть должна приближаться к открытому типу); и (2) **независимость обвинения и судебной власти**. Что касается (1), то плюрализм СМИ является необходимым условием, потому что информация может потенциально навредить репутации человека, только если она имеет шансы быть опубликованной, то есть если она действительно охватывает широкую аудиторию, а лицо, на которого собран компромат, не может контролировать охват того СМИ, где он публикуется. Таким образом, медиаимперии олигархов играют действительно важную роль в войне компроматов, поскольку через них олигарх может самостоятельно распространять свой компромат на такую широкую аудиторию, какую только может охватить его империя[3]. Что касается (2),

1 *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 66–72.

2 *Szilágyi Á.* Kompromat and Corruption in Russia. P. 218–225.

3 Ср.: *Judah B.* Fragile Empire. P. 42–46.

то независимость судебной власти имеет значение, когда компромат — это не просто обличающая информация, а доказательство преступления, то есть подлинные факты, которые могут быть использованы в суде. Но если обвинение и/или судебная власть управляются вручную, то, независимо от содержания компромата, никто не будет признан виновным до тех пор, пока осуществляющий ручное управление не даст на это разрешение. Более того, если этот актор контролирует обвинение, судопроизводство не может даже дойти до стадии судебного процесса, независимо от представленного компромата или доказательств. Однако верно и обратное: **только тот, кто единолично контролирует обвинение, может использовать компромат и по своему усмотрению инициировать судебное преследование (с последующим осуждением объекта компромата в суде)**.

По этой причине установление **патрональных автократий приводит к вымиранию конкурентного рынка компроматов**[1]. Подлинный плюрализм СМИ исчезает по мере того, как сфера коммуникации становится контролируемой, а обвинение и/или суды теряют свою независимость и становятся либо нейтральными по отношению к приемной политической семье, либо активными в отношении тех, на кого указывает верховный патрон. В таких условиях рынок компроматов превращается по сути в монополию (рынок с одним покупателем), где **верховный патрон становится главным пользователем компромата**, поскольку институты, обеспечивающие действенность компромата, находятся под его властью. Кроме того, если в коммунистические времена компромат был государственной монополией, легко может быть так, что в условиях мафиозного государства он становится монополией верховного патрона и с точки зрения сбора этого компромата, поскольку средства, которыми

[1] *Szilágyi Á.* Kompromat and Corruption in Russia. P. 229–231.

пользуются частные сборщики компромата, бледнеют по сравнению с (1) законным доступом государства к секретным или конфиденциальным данным и (2) возможностями секретной службы патрона.

Наконец, в патрональных автократиях компромат претерпевает изменения в трех аспектах[1]. Во-первых, в режимах другого типа компромат может быть собран, но не может быть создан в том смысле, что информацию, которую можно использовать в качестве компромата, создает сам факт несоответствия существующей правовой базе. Однако в патрональных автократиях компромат может быть создан, поскольку верховный патрон может изменять правовую базу по своему вкусу. Так, инструментальное право в целом и законы по индивидуальному заказу в частности создают условия (даже ретроспективно), при которых действия конкретных лиц становятся преступными, не являясь таковыми изначально. Следовательно, даже весьма незначительные нарушения закона могут стать уголовными преступлениями, а число случаев, когда информация может стать компроматом, возрастает. Во-вторых, **он помогает преодолеть противоречие между равенством перед законом и неравенством после закона. В коммунистических диктатурах** использование особых видов «доказательств» против политических противников не требовалось, потому что они были запрещены. В условиях неравенства перед законом политических оппонентов можно было посадить в тюрьму, и, соответственно, существовала категория **политзаключенных** (которая как отдельный «класс» была, как правило, территориально отделена от обычных преступников в пенитенциарных учреждениях). Но **в патрональных автократиях** система является формально демократической, и основные права и свободы людей формально

[1] Более подробный анализ компромата в России см.: *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 58–90.

соблюдаются. Следовательно, **чтобы посадить в тюрьму политических противников, приемная политическая семья должна превратить их в обычных преступников**. Специально для этих целей она собирает и использует компромат, после чего верховный патрон может по своему усмотрению инициировать судебное преследование и предоставить для него (через подставных лиц) доказательства, на основании которых политических оппонентов можно признать виновными. В-третьих, компромат меняется таким образом, что одним из условий приема в политическую семью является наличие у главного патрона компромата на этого кандидата. Как мы отмечали в предыдущей главе, в приемной политической семье **все, кроме верховного патрона, должны быть преступниками, чтобы их можно было шантажировать и держать под контролем** [▸ 3.6.1.2] (естественно, верховный патрон как глава криминального государства тоже нарушает закон). Следовательно, компромат не просто собирают, но и заказывают — либо в форме уже существующего компромата, либо в форме специально совершенного (вероятно, незначительного) для этого преступления, чтобы на совершившего его человека у верховного патрона имелся компромат, с помощью которого он сможет инициировать уголовный процесс, если примет политическое решение наказать или сместить непокорного актора. Таким образом, компромат в патрональных автократиях обретает новую функцию, поскольку служит средством для шантажа, применяемого для обеспечения лояльности верховному патрону, стоящему во главе однопирамидальной патрональной сети.

4.3.5.3. Демократический и автократический легализм

Как феномен **легализм**, или применение положений закона без внимания к общественно-политическому контексту и нормам морали в том месте, где закон применяется, встречается

во многих режимах[1]. Говоря конкретнее, этот феномен относится к общепринятому разграничению между «буквой закона» и «духом закона». С одной стороны, любой закон в своей формулировке указывает на то, какие действия должны считаться незаконными и как они должны наказываться («буква закона»). С другой стороны, при написании закона его автор всегда имеет некую цель, и практика правоприменения должна всегда соответствовать этой цели («дух закона»). В нашем понимании, внимание к местному контексту относится к соблюдению духа закона, тогда как легализм **в основном игнорирует дух закона и использует его букву для достижения личной выгоды правоприменителя, которая, как правило, противоречит подразумеваемой цели закона.**

Легализм встречается в различных типах режимов, включая либеральные демократии. И для того, чтобы различить разные виды этого феномена, необходимо обратить внимание на некоторые дополнительные характеристики. Ключевым моментом здесь является то, что **у каждого закона есть два духа**:

- **Внутренний дух закона** относится к тому, как решения политических акторов, действующих в рамках закона, влияют на конкретных лиц, подпадающих под его действие. Дух закона в данном случае гармонизируется с первоначальной целью по регулированию поведения **конкретных акторов**, которую вкладывал в закон его автор при написании, тогда как легализм полностью игнорирует контекст и интересы акторов, рассматривая ситуацию исключительно с точки зрения интересов правоприменителя.
- **Внешний дух закона** относится к тому, как решения политических акторов, действующих в рамках закона, влияют на **конституционную систему**, лежащую в основе всей законодательной базы. В этом случае дух закона, понимаемый

[1] См. пример выдающегося исследования этого феномена: *Shklar J.* Legalism: Law, Morals, and Political Trials. Cambridge; London: Harvard University Press, 1986.

намного шире — как дух правового устройства всего государства, — отражает тот идеологический фундамент, на котором основывается само существование конституционной системы данного государства; легализм, в свою очередь, подрывает эту систему, продвигая приоритет личных или групповых интересов ее основателей.

Как правило, когда заходит речь о духе закона, имеется в виду его внутренний дух. Что касается взаимоотношения между буквой и духом закона, **в либеральных демократиях** общественное обсуждение правоприменения обычно сводится к тому, чтобы заставить законы работать так, как хотели бы того избранные представители. Поэтому **от правоприменительных органов и должностных лиц ожидается, что они будут следовать духу закона**, даже если в каких-то конкретных случаях буква закона может ему противоречить. В то же время такие выражения, как «бумажная волокита» (в контексте бюрократии), «правовое буквоедство» и «компрометация законности» (в контексте судебных заседаний), зачастую используются для описания правоприменительных практик, которые подгоняются исключительно под букву закона, при этом полностью игнорируя его дух. Это приводит к тому, что решения, принятые в рамках таких процедур, являются полностью законными, но едва ли справедливыми[1].

С другой стороны, внешний дух закона принимает во внимание моральный и политический контекст правовых решений, то есть моральный и политический контекст конституционной системы. Это означает не только то, что правовая система (в либеральных демократиях) и принимаемые в ней решения должны соответствовать конституции, но и то, что общим духом каждого закона является конституционализм, как мы описали его в начале этой главы. Точнее говоря, при

1 *Kusiak J.* Rule of Law and Rules-Lawyering: Legal Corruption and «Reprivatization Business» in Warsaw // International Journal of Urban and Regional Research. 2019. Vol. 43. № 1. P. 589–596.

рассмотрении каждого дела, то есть в каждом случае применения права, **политические акторы обязаны учитывать возможный эффект принятых ими решений на превалирующий принцип общественного обсуждения**. Сартори называет это «телосом» (*telos*), то есть конечной целью закона, которую он понимает как неоспоримую необходимость защиты граждан от тирании. Он также предупреждает нас, что политическая система, в которой судебная власть пренебрегает этим принципом, всегда рискует допустить укрепление неограниченной власти и вместе с ним сразу же потерять свободу[1]. Как пишет Мазманян, перефразируя Алексиса де Токвиля, «опасность легализма» в этом смысле заключается в том, что «порядок одерживает триумф над свободой»[2].

В Таблице 4.11 мы вводим и конкретизируем понятия демократического и автократического легализма, свойственного демократиям и автократиям, соответственно. Отличительной чертой **демократического легализма** является тот факт, что **политические акторы нижнего уровня** (например, чиновники или судьи) **злоупотребляют законами по отношению к другим лицам**. Иначе говоря, государственные служащие могут интерпретировать и применять законы таким образом, который явно не соответствует интенции, заложенной в закон его автором и направленной на реализацию определенного режима контроля за действиями людей.

При демократическом легализме **чиновники и судьи могут игнорировать внутренний дух закона**. Когда чиновники препятствуют чьим-либо действиям посредством строгого и буквального соблюдения формальных правил и требуют заполнения административных документов и получения лицензий,

[1] *Sartori G.* Constitutionalism.

[2] *Mazmanyan A.* Constitutional Courts // Election Watchdogs: Transparency, Accountability and Integrity / ed. by P. Norris, A. Nai. New York: Oxford University Press, 2017. P. 133. Также см.: *Токвиль Алексис де*. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000.

4.11. Таблица: Демократический и автократический легализм

	Дух закона относится к...	
	Конкретные акторы (внутренний дух закона)	**Конституционная система (внешний дух закона)**
Демократический легализм (политические акторы нижнего уровня злоупотребляют законами по отношению к другим лицам)	Бумажная волокита (бюрократия), правовое буквоедство (суды)	Применение законов, подрывающее конституционализм и вызывающее саморазрушение демократии
Автократический легализм (политические акторы высшего уровня злоупотребляют законами, относящимися к ним самим)	Использование демократического мандата для сознания инструментальных законов	Использование демократического мандата для институционализации автократии

которые являются очевидно избыточными, мы называем это **бумажной волокитой**. Несмотря на то, что «бумажная волокита» является разговорным выражением, оно все же используется в научных статьях для обозначения чрезмерной забюрократизированности правоприменительной практики, налагающей непосильный груз (государственного) регулирования, парализующего деятельность экономических и общинных акторов — даже в тех случаях, когда это очевидно не соответствует интенции законотворца[1]. Судьи, в свою очередь, также могут практиковать демократический легализм, если они прибегают к вышеупомянутому **правовому буквоедству**, то есть выносят судебные решения, пытаясь соответствовать букве закона, но при этом игнорируя его дух[2].

[1] *Bozeman B.* A Theory of Government «Red Tape» // Journal of Public Administration Research and Theory. 1993. Vol. 3. № 3. P. 273–304. Помимо деятельности чиновников, которые могут превратить обычные правила в бумажную волокиту (то есть в «законоприобретенную бумажную волокиту»), Бозман также выделяет «законорожденную бумажную волокиту», появляющуюся в тех случаях, когда «законы изначально формулируются неадекватно». Но поскольку само слово «неадекватно» уже указывает на то, что закон не выполняет ту цель, которую пытался заложить в него автор, такие случаи могут также рассматриваться как проявления легализма.

[2] В патрональных автократиях существует упорядоченное правовое регулирование сверху вниз, а также случаи, когда соблюдение правил помогает

Что касается внешнего духа закона, в демократическом легализме он может нарушаться, когда **выбор способа применения конкретных законов подрывает конституционализм**. В нашем понимании[1], демократический легализм, нарушающий внешний дух закона, может иметь место, когда **решения правоприменителей разрушают процесс общественного обсуждения** и таким образом ведут не к укреплению либеральной демократии — как предполагает конституция, — а к ее уничтожению. Например, такое может происходить, когда суд отказывает в регистрации политической партии по чисто формальным причинам, таким образом препятствуя реализации свободы слова и собраний, или, например, когда Конституционный суд (что, к удивлению многих, случилось в Венгрии в 2008 году при рассмотрении инициативы от партии «Фидес») одобряет общенациональный референдум по вопросу отмены оплаты высшего образования и номинального сбора за визит к врачу (несмотря на то, что венгерская конституция прямо запрещает проведение референдумов по бюджетным вопросам). Это решение Конституционного суда было деструктивным и нарушило внешний дух закона, потому что в итоге легитимизировало и подстегнуло несбыточные ожидания избирателей, подорвало работоспособность правительства, усилило политический раскол в парламенте и отчасти привело к распаду Третьей Венгерской Республики,

законному процессу, инициированному сверху вниз, закончиться с результатом, которого желает верховный патрон. Характерным примером тому стала в 2021 году ситуация с российским оппозиционным политиком Алексеем Навальным, получившим условный срок, в праве на который ему было отказано из-за того, что он не явился в суд, куда его вызвали, чтобы узнать, соответствует ли он условиям своего освобождения. При этом Навальный не смог приехать, потому что восстанавливался после покушения на его жизнь со стороны российских спецслужб. См.: *Tsvetkova M., Osborn A.* Kremlin Critic Alexei Navalny Jailed, Declares Putin «the Underwear Poisoner» // Reuters. 03.02.2021. URL:https://www.reuters.com/article/us-russia-politics-navalny-idUSKBN2A20N6.

[1] Ср.: *Sartori G.* Constitutionalism. P. 857–859; *Shklar J.* Legalism. P. 29–88.

окончательно уничтоженной Виктором Орбаном после того, как его партия получила конституционное большинство на следующих выборах[1].

Что касается **автократического легализма**, Шеппеле определяет его как практику, при которой «нелиберальная повестка продвигается за счет эксплуатации выборных полномочий в сочетании с внесением законодательных и конституционных поправок»[2]. Это определение уже указывает на разницу между автократическим и демократическим легализмом. В частности, оно предполагает, что в автократическом легализме **политические акторы высшего уровня злоупотребляют законами, которые относятся к ним самим**, используя силовую (консервативная автократия) или патрональную (патрональная автократия) политику. Тогда как в рамках демократического легализма политические акторы применяют закон к другим лицам, при этом игнорируя его дух, в автократиях элиты нарушают дух закона, направленный на поддержание нормального демократического (то есть конституционного) процесса. Таким образом, под автократическим легализмом понимается злоупотребление властью, в рамках которого политические акторы высшего уровня используют букву закона для достижения целей, полностью противоположных его духу: они используют свои полномочия, приобретенные демократическим путем, а также правоприменительные рычаги для подрыва той политической системы, которая их этим и наделила. Как пишет Шеппеле, в таких случаях «юридически подкованные автократы целенаправленно захватывают конституционные демократии через инструментальное использование конституциализма и демократии в целях их же собственного уничтожения. Захватывая конституции, автократы пытаются извлечь пользу из иллюзорной непоколебимости

1 *Palonen E.* Political Polarisation and Populism in Contemporary Hungary // Parliamentary Affairs. 2009. Vol. 62. № 2. P. 318–334.

2 *Scheppele K.* Autocratic Legalism. P. 548.

права и демократии в своих государствах. Они используют свои демократические полномочия для запуска правовых реформ, нейтрализующих систему сдержек для исполнительной власти, устраняют возможные препятствия для установления своего господства и подрывают наиболее важные институты демократического государства, обеспечивающие возможность привлечь власть имущих к ответственности»[1].

Чуть позже мы детально изучим этот вопрос, но уже сейчас важно отметить, что поскольку автократический легализм подразумевает манипуляцию «правилами игры», а также их переписывание, власть имущие должны иметь возможность предлагать и принимать законы и даже изменять конституцию самостоятельно (без необходимости искать поддержки у других партий). Иначе говоря, **они должны обладать монополией на политическую власть**, чтобы преуспеть в своих планах [▸ 4.4.1.3]. Как утверждает Мария Попова, автократы «могут управлять государством в конституциональных рамках, даже если последние не ограничивают полностью их власть. В режиме <...> идеального типа автократ определяет материальное право <...>. Оппозиция, в свою очередь, не имеет возможности никак влиять на материальное право, ни посредством законотворческой деятельности, ни через обращения в Конституционный суд»[2].

С одной стороны, в демократиях **внутренний дух закона**, регулирующий поведение политиков верхнего уровня, подразумевает создание ясных, публичных и стабильных правил, регулирующих политическую жизнь определенного общества. Другими словами, законы в таких политических системах должны быть конституционно ограничены. Однако автократы игнорируют вышеупомянутый дух и начинают править посредством закона (*rule by law*), то есть создают

1 *Scheppele K.* Autocratic Legalism. P. 547.

2 *Popova M.* Putin-Style «Rule of Law» & the Prospects for Change. P. 65–66.

инструментальное право и используют законодательство в своих властных интересах или в интересах продвижения патрональной политики, принимая безрассудные законы или законы по индивидуальному заказу. С другой стороны, **внешний дух закона** проявляется в конституционализме, присущем изначальной демократической среде, а лидеры в таких политических системах «играют по правилам», ограничиваемые делегированной природой своих полномочий. Этот мандат не позволяет им выходить за рамки обычной демократической политики и заставляет всегда действовать с оглядкой на конституциализм в целом и процесс общественного обсуждения в частности. Однако автократы используют свой мандат не для того, чтобы играть по правилам, а для того, чтобы реформировать политическую систему, превращая ее, в конце концов, в **институционализированную автократию**. Этот процесс включает в себя (1) **изменение конституции,** (2) **сужение полномочий других ветвей власти и/или** (3) **замену членов конституционных органов (системы сдержек и противовесов) на лояльных патрональных служащих** и подставных лиц, чье назначение становится возможным благодаря монополии на политическую власть, которая также подразумевает монополию на политические назначения[1]. В результате этих операций процесс общественного обсуждения полностью нейтрализуется, а вышеперечисленные изменения институционализируются.

Хавьер Корралес, который первым употребил термин «автократический легализм», определяет его как «использование [или] неиспользование права, [а также] злоупотребление [им]», рассматривая это понятие на примере Венесуэлы при Уго Чавесе[2]. Мы заимствуем триаду Корралеса для нашей концептуальной структуры. «**Использование закона**» имеет место, когда нарушается его внутренний дух. Это именно то,

1 *Scheppele K.* Autocratic Legalism. P. 551–553.

2 *Corrales J.* The Authoritarian Resurgence.

что мы имеем в виду под правлением посредством закона (*rule by law*) и инструментализацией правовой системы. В свою очередь, «**злоупотребление законом**» встречается в обоих подтипах автократического легализма, так как основывается именно на злоупотреблении властью, то есть нарушении (как внутреннего, так и внешнего) духа законов, который определяет практику их применения. Наконец, «**неиспользование закона**» подразумевает выборочное, политически мотивированное правоприменение, которое, как нам кажется, само по себе не является отличительной чертой автократического легализма, но становится возможным в его контексте, так как верховный патрон обычно назначает подставное лицо на должность генерального прокурора, злоупотребив делегированным ему правом назначения на государственные посты, и нейтрализует судебную систему одним из двух возможных способов [▸ 4.3.5.2]. В том случае, если приемная политическая семья берет под контроль и судебную систему, **она может использовать судебное усмотрение как политическое.** В законах либеральных демократий, как правило, прописывается не один возможный вид наказания за правонарушение, а целый спектр вариантов, и судьи могут выбрать подходящий вариант на основании своей собственной интерпретации конкретной ситуации. Это называется «судебным усмотрением», и его главный смысл заключается в том, чтобы судья мог учесть все детали дела и, оставаясь верным букве закона, всегда иметь возможность вынести решение, соответствующее (внутреннему) духу закона[1]. Естественно, чтобы судебное усмотрение работало справедливо, судебная власть должна быть полностью независимой, а выбор наказания, оставаясь в рамках определенного закона, должен совершаться действительно на усмотрение конкретного судьи. Однако в автократии возможность судебного усмотрения

[1] *Dworkin R.* Judicial Discretion // The Rule of Law and the Separation of Powers / ed. by R. Bellamy. New York: Routledge, 2017. P. 157–172.

либо исключается вовсе — через принятие очень детальных законов по индивидуальному заказу, которые не оставляют судьям места для маневра, — либо политизируется, превращаясь в карательный инструмент в руках сторонних акторов. В последнем случае верховный патрон становится тем человеком, который определяет, какое наказание из прописанных в законе должен понести конкретный человек (и требуется ли вообще этого человека наказывать). Как правило, если система начинает работать подобным образом, выбор предусматриваемых законом вариантов наказания даже возрастает. Это делается для того, чтобы амплитуда произвола политического лидера могла стать еще шире, продолжая при этом формально соответствовать букве закона.

4.3.5.4. Белое, серое и черное принуждение

В предыдущих частях мы описывали институты, через которые принимается решение о том, было ли совершено преступление. Теперь мы опишем институты, которые «вступают в игру», когда это решение уже принято, и государство решает использовать принуждение против тех акторов, которые действуют вразрез с принципами политического устройства. Существует два типа государственного принуждения [▸ 2.2], которые необходимо в целом различать: (1) **государственное принуждение, осуществляемое государством**, то есть через государственные институты, которые составляют повседневный «арсенал» государства по применению законов и управлению режимом своими силами, и (2) **государственное принуждение, отданное на аутсорсинг**, при котором акторы, которым обычно не разрешается применять насилие на территории государства, получают на это право от правящей политической элиты. В Таблице 4.12 приведены основные типы принуждения, как выполняемые государством, так и отданные на аутсорсинг, где первый тип обозначен как белое принуждение.

Таблица 4.12: Институты государственного принуждения и их функции. Текст на белом фоне относится к государственному принуждению, выполняемому государством, а текст на сером фоне — к государственному принуждению, отданному на аутсорсинг

	Тип института	Характерная государственная функция в...	
		либеральных демократиях	**патрональных автократиях**
Белое принуждение (законное применение насилия по умолчанию)	Правоохранительные органы (полиция, спецназ и т. п.)	Нормативное правоприменение посредством (угрозы) насилия	Вымогательство через выборочное правоприменение, защита приемной политической семьи
	Ведомства по управлению государственными доходами (налоговое управление, счетная палата и т. п.)	Нормативное налогообложение	Вымогательство посредством выборочных проверок и штрафных санкций
	Спецслужбы (служба безопасности и т. п.)	Наблюдение за порядком и нейтрализация угроз государственной безопасности	Наблюдение за формальной и неформальной оппозицией (партиями, НПО, отдельными лицами)
Серое принуждение (уполномоченное законное применение насилия)	Добровольные народные дружины (секции самообороны и т. п.)	Резерв государственной полиции с неполной нагрузкой	Содействие правоохранительным органам в служении приемной политической семье
	Частные охранные агентства (охранные компании, частная полиция и т. п.)	Защита людей и объектов общественного значения	Защита людей и объектов патронального значения
Черное принуждение (незаконное применение насилия)	Фан-клубы (футбольные ультрас, скинхеды и т. п.)	Не существует	Нейтрализация протестов и другой оппозиционной деятельности
	Вооруженные формирования (народное ополчение и т. п.)	Не существует	Запугивание, насильственное препятствование массовой оппозиционной деятельности
	Организованное подполье (криминальные группировки, классическая мафия и т. п.)	Не существует	Вымогательство и устранение конкретных лиц или оппонентов приемной политической семьи

• ***Белое принуждение*** *— это тип принуждения, который является по умолчанию законным в политической системе, то есть он опирается на легитимное применение насилия государством как одну из его составляющих. Другими словами, белое принуждение выполняется законными государственными институтами (инстанциями, контролирующими насилие), которые действуют от имени государства и применяют насилие, чтобы добывать ресурсы, управлять ими и распределять их в пределах границ определенной территории.*

С другой стороны, государственное принуждение, отданное на аутсорсинг, может быть серым и черным.

• ***Серое принуждение*** *— это тип принуждения, который становится законным в политической системе после утверждения его государством. Другими словами, серое принуждение выполняется законными частными институтами (инстанциями, контролирующими насилие), которые действуют как уполномоченные на это акторы и/или субподрядчики государства и применяют насилие в рамках своих полномочий.*

• ***Черное принуждение*** *— это незаконный тип принуждения, который тем не менее используется государством для достижения своих целей. Другими словами, черное принуждение выполняется незаконными частными институтами (инстанциями, контролирующими насилие), которые действуют как неформальные подрядные организации государства в качестве силовых предпринимателей.*

Как можно заметить, в приведенных выше определениях **принуждения — от белого к черному — мы выделяем его статус в плане законности**[1]. От белого принуждения, которое законно по определению, через серое принуждение,

[1] Мы различаем акторов в соответствии с типологией репрессий, предложенной Дженнифер Эрл, которая выделяет принуждение, выполняемое представителями власти, тесно связанными с политическими элитами государства, принуждение, выполняемое представителями власти, отдаленно связанными с политическими элитами государства, и принуждение, выполняемое частными акторами. См.: *Earl J.* Tanks, Tear Gas, and Taxes. P. 48–52.

осуществляемое акторами, не имевшими права на применение насилия самостоятельно, но получившими его от государства, мы приходим к черному принуждению, которое является незаконным, но тем не менее периодически применяется властями — как правило, автократами — для достижения своих целей (патрональной политики). Кроме того, стоит отметить, что только государство может как легализовать, так и легитимировать применение насилия, поскольку оно обладает на это монополией, то есть контролирует рынок охранно-силовых услуг [▸ 2.5].

Формально институты государственного принуждения в либеральных демократиях и патрональных автократиях во многом похожи, но их характерные государственные функции различаются в зависимости от того, выполняют ли они цели публичной или патрональной политики, соответственно. Под «характерной государственной функцией» мы не имеем в виду функцию, которая выполняется только в одном типе режима; более того, она может даже не быть доминирующей. Она характерна в том смысле, что выполнение этой функции отличает этот режим от других. Если конкретнее, то, перечисляя ниже институты, мы указываем (1) основную государственную функцию института в либеральных демократиях, а также (2) новую, дополнительную функцию, которую этот институт получает в патрональных автократиях и которая более или менее регулярно появляется наряду с функцией, выполняемой в либеральных демократиях.

Три основных типа институтов, играющих для **белого принуждения** важную роль, — **правоохранительные органы (полиция, спецназ и т. п.), ведомства по управлению государственными доходами (налоговое управление, счетная палата и т. п.) и спецслужбы (служба безопасности и т. п.)**. В либеральных демократиях правоохранительная деятельность служит целям нормативного правоприменения, то есть применения (угрозы) насилия для минимизации случаев нарушения

закона в государстве. В патрональных автократиях эти институты подчиняются политически выборочному правоприменению и занимаются вымогательством, применяя инструментальные законы приемной политической семьи. Хотя полиция обычно выполняет свою основную первую функцию, ее специальные антитеррористические подразделения часто используются для защиты членов приемной политической семьи, например в России и Венгрии [▸ 3.3.6]. В других странах, таких как Узбекистан, вымогательство с помощью правоохранительных органов выходит за пределы формальных институтов, функционирующих согласно неформальным нормам, а неформальные взятки — в действительности, плата за крышу [▸ 5.3.3.1] — собираются дополнительно через полицию (см. Текстовую вставку 4.7).

Текстовая вставка 4.7: Белое принуждение через полицию в Узбекистане

«Это очень вертикальная система», — подтверждает [следователь] Алина. «В 2003 году люди платили от двухсот до трехсот долларов за работу в дорожной полиции, в зависимости от территориального расположения их поста. Контрольно-пропускные пункты в районах с большим количеством машин и богатых людей стоят дороже, чем другие. Потом начальник района говорит: „В конце месяца заплатишь мне двести или триста долларов или потеряешь работу. Я забираю ваши деньги, потому что на меня давит мой начальник". Так что некоторую часть тех денег, которые они зарабатывают каждый месяц, они платят своему боссу, а тот своему, и все выше и выше, вплоть до министра. И так во всех сферах». В компании *General Motors*, <...> которая строит и продает подавляющее большинство автомобилей на узбекских дорогах, взятки платят, чтобы попасть в список на покупку автомобиля в ускоренном порядке, а затем они распределяются между местными дилерскими центрами и Агентством автомобильного и речного транспорта, которое отправляет долю первому заместителю

> премьер-министра экономики и финансов. <...> За деятельностью местных чиновников, включая коррупционную, внимательно следят сверху. В одном из ресторанов журналист описывает регулярные ночные видеоконференции между премьер-министром и местными чиновниками вплоть до районного уровня: «Они могут использовать эти совещания для создания драматического эффекта. Иногда они тащат людей в тюрьму, прямо на камеру. Они кричат на людей, оскорбляют их. Это способ привести их в замешательство и запугать»[1].

Аналогичная ситуация наблюдается с налоговым управлением: в либеральных демократиях оно собирает налоги согласно нормативному порядку налогообложения. Однако верховный патрон присваивает ему новую функцию, характерную для патрональных автократий: вымогательство посредством выборочных проверок и штрафных санкций, другими словами, через выборочное правоприменение и надзорное вмешательство [▸ 5.4.1.2]. Наконец, спецслужбой в либеральных демократиях, о чем мы писали в предыдущей главе [▸ 3.3.6], является государственная служба безопасности, которая в патрональных автократиях становится службой безопасности патрона. Основная задача этой службы в либеральных демократиях — наблюдение и нейтрализация угроз государственной безопасности, тогда как в патрональных автократиях — наблюдение за системной и несистемной оппозицией (партиями, НПО и даже отдельными лицами), то есть за теми, кто может потенциально угрожать позиции правящей элиты.

Что касается **серого принуждения**, то двумя основными типами организаций, уполномоченными на применение насилия, являются **добровольные народные дружины (секции самообороны и т. п.) и частные охранные агентства**, типология которых дана в Главе 2 [▸ 2.5.2]. Добровольные дружины

1 *Chayes S.* Thieves of State: Why Corruption Threatens Global Security. New York: W. W. Norton & Company, 2015. P. 112–113.

в либеральных демократиях состоят из гражданских лиц, которые служат в качестве резерва государственной полиции с неполной нагрузкой, в результате чего они адаптируются к целям государственных правоохранительных органов. В патрональных автократиях добровольные дружины аналогичным образом помогают государственной полиции, но поскольку, как мы упоминали выше, полиция подчинена целям патрональной политики, добровольные дружины содействуют ей в достижении этих целей и служат приемной политической семье. Частные охранные агентства, а именно охранные компании и частная полиция, используются конституционными государствами для защиты людей и объектов общественного значения, таких как политики и государственные здания. В патрональных автократиях мафиозное государство нанимает их для защиты людей и объектов патронального значения, в которые могут входить места, формально не являющиеся частью государства, но считающиеся важными для неформальной патрональной сети[1].

Наконец, акторы **черного принуждения** в либеральных демократиях не выполняют никакой государственной функции. Действительно, с учетом того, что формальное и фактическое совпадают, а государство обязуется обеспечивать соблюдение своих законов, бандиты подвергаются уголовному преследованию, а не работают по найму на государство. Тем не менее в патрональных автократиях[2] они используются, хотя эти случаи довольно редки и направлены на конкретных лиц, которых не удалось ни нейтрализовать, ни встроить в иерархию однопирамидальной патрональной сети. Для выполнения этой работы используются три типа организаций. Во-первых,

[1] *Savage P.* The Russian National Guard.

[2] Другие, более репрессивные режимы могут тоже применять черное принуждение. Его примеры в диктатурах с использованием рынка см.: *Ong L. H.* «Thugs-for-Hire»: Subcontracting of State Coercion and State Capacity in China // Perspectives on Politics. 2018. Vol. 16. № 3. P. 680–695.

это **фан-клубы** (**ультрас, скинхеды и т. п.**), которые можно использовать для нейтрализации протестов и другой оппозиционной деятельности[1]. Во-вторых, автократы могут нанимать **вооруженные формирования** (**народное ополчение и т. п.**), которые могут заниматься запугиванием, насильственным образом препятствовать массовой оппозиционной деятельности и даже воевать против других вооруженных групп в качестве наемников, примером чего служат казаки в путинской России. Наконец, что немаловажно, мафиозное государство может сотрудничать с **организованным подпольем**, то есть с криминальными группировками и классической мафией, которые занимаются вымогательством, и устраняют определенных лиц или оппонентов приемной политической семьи. Среди этих лиц могут быть оппозиционные политики, олигархи-конкуренты и настойчивые журналисты.

1 *Bozóki A.* Hungarian «Exceptionalism»: Reflections on Jeffrey C. Isaac's Illiberal Democracy // Public Seminar (blog). 04.08.2017. URL: http://www.publicseminar.org/2017/08/hungarian-exceptionalism/.

4.4. ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ: СТАБИЛЬНОСТЬ, ЭРОЗИЯ И СТРАТЕГИИ КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИЙ И АВТОКРАТИЙ

Наши идеальные типы режимов обычно ведут себя как **стабильные и самоподдерживающиеся системы**. Им присуща довольно выраженная и устойчивая общая внутренняя динамика, а также локальные изменения многих их составляющих. Кроме того, некоторые режимы развиваются именно через постоянную адаптацию, оптимизацию и выявление новых возможностей (например, патрональная автократия в разные периоды может покушатья на разные институты и отрасли в интересах приемной политической семьи). Однако любая происходящая в них трансформация (1) соответствует внутренней логике системы, продиктованной конкретной конфигурацией ее формальных и неформальных институтов, а также базовых мотиваций, и (2) не влияет на общий характер или «сущность» системы. Как объясняет Янош Киш, самоподдерживающиеся системы могут разрушаться под воздействием какого-то внешнего потрясения (например, войны) или в условиях глобального экономического кризиса, но те эндогенные процессы, которые поддерживают существование таких систем изнутри, как правило, не могут их разрушить[1]. Безусловно, внутри любой системы могут существовать элементы, подрывающие ее стабильность или пытающиеся изменить ее суть. Поэтому не все идеальные типы режимов *одинаково* стабильны. Однако те режимы, которые мы описываем, как

[1] *Kis J.* Demokráciából Autokráciába: A Rendszertipológia És Az Átmenet Dinamikája [От демократии к автократии: Типология режимов и динамика транзита] // Politikatudományi Szemle. 2019. Vol. 28. № 1. P. 45–74.

правило, оказываются в состоянии преодолевать губительные тенденции и поддерживать свое существование, избегая необходимости фундаментально меняться.

Мы можем сформулировать характерные особенности самоподдерживающихся систем в трех пунктах[1]:

1. компоненты режима совместимы, то есть деятельность одного института не мешает другим институтам реализовывать возложенную на них функцию;

2. компоненты режима взаимодополняют друг друга, то есть выполняя свою прямую задачу, один институт создает условия для более плодотворной работы других институтов, повышая тем самым способность всей системы к самоподдержанию и участвуя в предотвращении нежелательных внутрисистемных флуктуаций;

3. у режима есть эффективные защитные механизмы, которые предотвращают или сдерживают деструктивные процессы, не позволяя им разрушить базовые элементы режима, то есть его суть.

В предыдущей части мы продемонстрировали, что компоненты каждого режима действительно являются совместимыми и взаимодополняющими. Наиболее ярко это можно увидеть на примере либеральной демократии, институты которой работают в соответствии с процессом публичного обсуждения. Однако и в двух других идеальных типах режимов институты ведут себя определенным образом, вписывающимся в соответствующую идеологическую модель. Институционализированное подавление прав в коммунистических диктатурах является прямым следствием марксизма-ленинизма. Номинальная поддержка процедуры публичного обсуждения

1 Мы заимствуем эти положения из одной из рукописей Киша, которая, в сущности, является более развернутой версией процитированного выше исследования, опубликованного им три года спустя: *Kis J.* Demokrácia Vagy Autokrácia? A Szürke Zóna Felosztásáról [Демократия или автократия? О разделении серой зоны]: manuscript, 2016.

в сочетании с ее нейтрализацией на практике является отличительной чертой популизма, широко используемого патрональными автократиями. Все представленные нами институты, характеризующие тот или иной режим, обычно работают в связке, обеспечивая существование и воспроизводство той политической системы, частью которой они являются.

В этой части мы подробно обсуждаем третий из перечисленных выше пунктов: **защитные механизмы**. От концептуализации конкретных институтов мы переходим к обсуждению институциональных систем, а также присущей им динамики. Мы попытаемся объяснить, (1) в чем заключается та суть каждого режима, которую оберегают институты, (2) какая комбинация институтов способна обеспечить защиту каждого типа режима (защитные механизмы) и (3) что происходит, когда защитные механизмы теряют свою эффективность, то есть когда и как они ломаются под воздействием враждебных сил, если такое воздействие имеет место. Естественно, эффективность защитных механизмов прямо пропорциональна стабильности конкретного режима: если они работают хорошо, режим тоже отлично себя чувствует; если защитные механизмы ослабевают, режим начинает деградировать вместе с ними; а в тех случаях, когда защитные механизмы отсутствуют полностью, режим остается неконсолидированным и крайне хрупким, способным рухнуть в любой момент или полностью видоизмениться.

Три типа режима, о которых мы поговорим в этой части, не совпадают с углами нашего треугольника, представляющими полярные типы. Вместо этого мы поговорим про режимы, расположенные на левой грани нашей треугольной схемы: **либеральная демократия, патрональная демократия и патрональная автократия**. Главной тому причиной является эволюция политических систем в посткоммунистическом регионе. Защитные механизмы наиболее важны, когда режим находится под прямой атакой. В опыте политических

трансформаций такое обычно случалось, когда предпринималась попытка превратить либеральную демократию в автократию (как произошло в Венгрии, где попытка трансформации удалась) или когда патрональную демократию пытались превратить в патрональную автократию (как случалось в Украине, но, как правило, безуспешно). В посткоммунистических консервативных автократиях подобных процессов не наблюдалось, за исключением скромной попытки, предпринятой в Польше. Однако теоретически их защитные механизмы довольно похожи на механизмы, применяемые в патрональных автократиях, и отличаются лишь приоритетом формальных средств консолидации над неформальными (см. ниже). Что касается коммунистических диктатур, то они, как правило, рушатся не по (внутри-) политическим, а по экономическим причинам. Несмотря на большое количество корректирующих механизмов [▸ 5.6.1.2], центральное планирование приводит к дефициту и подавляет инновации, ориентированные на потребителя, так как оно в основном продвигает централизованные решения вместо того, чтобы позволить акторам приспосабливаться к меняющимся потребностям[1]. В условиях ограниченных ресурсов неразумное распределение ведет к социальной напряженности — которую диктатура может жестоко подавить, как делает Северная Корея, — или к реформам — которые заставляют диктатуру начать использовать рынок, как произошло в Китае. Однако даже диктатура с использованием рынка не может избежать всех проблем. Так, наблюдается **явная тенденция, когда соседние с патрональной автократией режимы развиваются в том же направлении. Выбирая этот путь, патрональные демократии отвечают на брошенный им авторитарный вызов, тогда как диктатуры с использованием рынка — на патрональный вызов.** Первые мы рассмотрим в этой главе. Однако что

[1] *Kornai J.* Innovation and Dynamism; *Корнаи Я.* Социалистическая система.

касается диктатур с использованием рынка и их защитных механизмов, то, чтобы понять, как они работают, необходимо сначала описать базовые экономические процессы. Поэтому мы отложим обсуждение диктатур с использованием рынка до следующей главы [▸ 5.6.2].

4.4.1. Либеральные демократии: разделение ветвей власти и гражданское общество

4.4.1.1. Опасность и сдерживание автократических тенденций

Конституционализм предоставляет фундамент, на котором могут быть построены институты либеральной демократии. Он начинается с представления об уважении к человеческому достоинству, из которого вытекают два пункта: (1) **универсальная защита прав человека** и (2) **равные права людей на выражение мнения об управлении своей жизнью**. Из пункта (1) следует, что **власть должна быть ограничена**, а насилие не должно применяться государством для нарушения прав человека. Напротив, смысл существования конституционного государства состоит именно в том, чтобы предотвращать нарушение прав, и хотя оно способно выполнять другие функции (публичной политики) демократическим путем, даже людям — как правило, большинству — запрещено инициировать централизованное нарушение базовых прав и свобод других людей — как правило, меньшинства[1]. С другой стороны, из пункта (2) следует, что **люди должны иметь возможность влиять на законотворчество**. Будь это влияние прямым, как в случае референдумов, или опосредованным, как в случае избрания принимающих законы представителей, фундаментальным правом каждого гражданина

[1] *Sajó A.* Limiting Government: An Introduction to Constitutionalism. Budapest; New York: CEU Press, 1999.

является обладание неким контролем над законами, которые регулируют его жизнь в государстве.

Для соблюдения пунктов (1) и (2), то есть сохранения конституционализма в целом, необходимы защитные механизмы. Основную угрозу, с которой должны уметь справляться либеральные демократии для сохранения стабильности, можно обозначить как **автократические тенденции**, то есть деятельность «аномальных» акторов, идущая вразрез с принципами конституционализма и стремящаяся искоренить его в пользу автократического правления. Этих акторов можно назвать «аномальными», потому что они противоречат логике «нормальных» демократических акторов и партий, нарушая нормы взаимной толерантности и институциональной сдержанности (то есть уважения к духу закона и к конституционной системе)[1]. Сюда могут входить и непреднамеренные действия, такие как большинство случаев демократического легализма, когда судьи фокусируются на формулировке закона и рассматриваемом деле, игнорируя при этом его последствия для демократических процессов (то есть внешний дух закона). Но большинство автократических тенденций, в особенности те, с которыми должны бороться защитные механизмы, являются **преднамеренными действиями** определенных акторов, стремящихся к собственному неограниченному правлению в нарушение пункта (1), которое также неподотчетно и бессрочно, то есть нарушает и пункт (2).

Первый защитный механизм, направленный на поддержание пункта (1), то есть ограниченного характера власти, это **разделение ветвей власти**. Наиболее широко разделение властей пропагандировал Монтескье, который описал, как исполнительная власть может быть отделена от законодательной и судебной ветвей власти в государстве[2]. Естественно, их

[1] *Levitsky S., Ziblatt D.* How Democracies Die.

[2] *Монтескье Ш.* О духе законов. М.: Мысль, 1999.

фактическое разделение в реально существующих демократиях может быть очень запутанным и имеет множество конфигураций[1]. Однако основная идея Монтескье, которую каждая из этих форм призвана реализовать, состоит в том, что **различные государственные функции не должны выполняться одним и тем же лицом** или элитной группой. Институты устроены таким образом, что не каждый политический актор либо зависит от правящей политической элиты, либо ответственен перед ней в целом и перед исполнительной властью в частности (которую возглавляет лидер правящей политической элиты, президент или премьер-министр [▸ 3.3.1]). Таким образом, хотя государство и строится на иерархическом принципе, у него нет единоличного правителя. Соответственно, формально никто не обладает достаточными полномочиями для установления автократии. Более того, даже если в какой-либо из ветвей власти, особенно если речь идет об исполнительной, возникают автократические тенденции, у других ветвей есть юридические полномочия для их сдерживания (через право вето, процедуру импичмента, вотум недоверия и т. д.). Поскольку отдельные ветви власти способны препятствовать некоторым действиям других ветвей, они работают как **система сдержек и противовесов** для друг друга и автократических акторов[2].

В демократическом государстве **власть разделена не только по горизонтали, но и по вертикали**[3]. Полномочия испол-

1 *Lijphart A.* Patterns of Democracy. P. 105–129.

2 Федералист № 51 // Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс — Литера, 1994. С. 351.

3 Мы в долгу перед Яношем Секи за эту идею. Кроме того, эти понятия не следует путать с терминологией О'Доннела, который выделяет «вертикальную» и «горизонтальную ответственность», где первая относится к выборам, а вторая — к разделению властей и возможности автономных институтов «поставить вопрос о ненадлежащем исполнении долга данным должностным лицом и даже наказать его» (*О'Доннелл Г.* Делегативная демократия // Век XX и мир. 1994. URL: http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem01.htm#top).

нительной власти сокращаются путем передачи некоторых из них другим ветвям, которые связаны с исполнительной властью горизонтальным образом. Но власть распределена также и по вертикали, **между центральным правительством и местными органами власти**. На муниципальном, окружном либо любом другом субнациональном уровне местные органы власти работают как система сдержек и противовесов для центрального правительства (что является своего рода **федерализмом**). Это правительство не обладает всей полнотой власти над жизнью граждан, поскольку некоторые из его полномочий выполняют местные выборные представители[1]. Естественно, структура местных органов власти и количество федеральных уровней управления весьма разнообразны и касаются скорее специфики страны, чем режима [▸ 7.4.3.1]. Однако **принцип субсидиарности** гласит, что социальные и политические проблемы должны решаться на самом низком из уровней, позволяющем делать это эффективно. Либеральные демократии в целом разделяют принцип субсидиарности, поскольку он, по аналогии с конституционализмом, «уважает человеческое достоинство, позволяя людям реализовываться через социальные взаимодействия в рамках иерархии свободно выбираемых объединений, каждое из которых выполняет свои непосредственные задачи, а более крупные ассоциации оказывают поддержку более мелким, при этом не вытесняя их»[2]. Таким образом, компетенции местных органов самоуправления, как правило, включают в себя значительные законодательные, судебные и исполнительные полномочия по решению местных вопросов (государственное образование, управление земельными ресурсами, локальные инвестиционные проекты и т. д.). Власть центрального правительства по этим вопросам ограничена, а потому могут

[1] *Bulman-Pozen J.* Federalism as a Safeguard of the Separation of Powers // Columbia Law Review. 2012. № 112. P. 459–506.

[2] *Neuman G.* Subsidiarity // The Oxford Handbook of International Human Rights Law. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 362.

возникать альтернативные «островки свободы», которые со значительной степенью автономии регулируют повседневную жизнь местных жителей[1].

Второй защитный механизм, направленный на поддержание пункта (2), то есть на право людей выражать мнение по поводу управления своей жизнью, — это не что иное, как процедура **публичного обсуждения**. Именно эта процедура позволяет людям оценивать эффективность действующего правительства и возможные ему альтернативы (фаза дискуссии в открытой сфере коммуникации); представлять эти альтернативы в форме демонстраций и политических партий (фаза объединения и свободная реализация права на объединения без вмешательства со стороны государства); выбирать альтернативного кандидата в предвыборной гонке, где решающим фактором являются политические предпочтения, а не подтасовки на выборах или незаконный доступ к выплатам на избирательную кампанию (фаза избрания и честные выборы); закреплять в законе тот тип политики, за который они голосовали (фаза законотворчества и законодательный орган, принимающий решения); а также обеспечивать исполнение законов, созданных их представителями, чтобы их жизнь действительно регулировалась так, как они выбрали (фаза исполнения и равенство после закона). Как можно судить по этому краткому описанию, **наличие одних только выборов не означает, что люди имеют право голоса в том, как регулируется их жизнь** (то есть соблюдается пункт (2)). Обратное утверждение ученые называют «заблуждением электорализма», поскольку инкумбенты способны подделывать результаты выборов в свою пользу[2]. Реализация права

1 *Wolman H. et al.* Comparing Local Government Autonomy Across States // Proceedings: Annual Conference on Taxation and Minutes of the Annual Meeting of the National Tax Association. 2008. № 101. P. 377–383.

2 *Karl T.L.* The Hybrid Regimes of Central America // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 3. P. 72–86.

выбирать способ управления жизнью требует знания об альтернативных кандидатах и шансов, что они могут победить на выборах, сформировать правительство и создать законы, которые будут регулировать жизнь людей в соответствии с их желаниями. Кроме того, поскольку пункт (2) должен быть гарантирован каждому гражданину в каждый момент времени, процесс публичного обсуждения должен быть цикличным. Воля народа должна быть способна сместить с поста действующего актора, у которого, в свою очередь, не должно быть возможностей влиять на предвыборную борьбу вопреки утрате популярности, поскольку это означало бы, что он держится за власть, нарушая пункт (2), несмотря на то, что люди поменяли свое мнение о том, как должно происходить управление их жизнью.

Как объясняет Киш, защитные механизмы воплощены в «гарантийных институтах», обеспечивающих верховенство закона, включая «независимый конституционный суд и суды общей юрисдикции, прокуратуру, на которую не оказывает прямого влияния партия, и бюрократию без партийной принадлежности»[1]. Однако, тогда как мы говорим о внутреннем значении этих институтов, то есть о том, почему их независимость важна для государства, Киш акцентирует внимание на том, что в отношении людей за пределами государства можно назвать внешним значением институтов, а именно на **обеспечении защиты политических прав граждан**. Среди этих политических прав он перечисляет «равную для всех свободу слова, собраний, объединений, право на доступ к информации, представляющей общественный интерес, и всеобщее и равное избирательное право» и утверждает, что «[политические] права, в отсутствие прочного фундамента власти закона, перестают работать. Однако там, где институты верховенства права сильны, политические права не могут быть

1 *Kis J.* Demokráciából Autokráciába. P. 59.

легко подорваны»[1]. Таким образом, **институты, гарантирующие соблюдение пункта (1) путем защиты политических прав, способствуют надлежащему функционированию процедур публичного обсуждения, а следовательно, и соблюдению пункта (2)**. Именно эти базовые права, как отмечает Киш, «гарантируют, что ни одна социально значимая группа не останется без политического представительства и что потерпевшая поражение предвыборная коалиция не лишена шансов на победу на следующих выборах»[2]. Одним словом, разделение ветвей власти препятствует развитию автократических тенденций, ограничивая властные полномочия как по горизонтали, так и по вертикали, тогда как цикличность процессов публичного обсуждения не допускает вечного правления автократов, обеспечивая их сменяемость и ответственность. Эти два институциональных механизма обеспечивают враждебное для автократии развитие системы и благоприятствует ограниченному демократическому правлению.

4.4.1.2. Фракционная борьба: свобода социальных групп и четыре автономии гражданского общества

В своем исследовании, посвященном сохранению демократии, Андраш Якоб предлагает следующий список институтов, которые, с нашей точки зрения, гарантируют функционирование двух защитных механизмов: (1) недопущение президентской власти и/или ограничение ее сроков; (2) регламентированное партийное финансирование и внутрипартийная демократия [▸ 4.3.4.4]; (3) международные и наднациональные правовые требования верховенства закона; (4) федерализм; (5) наличие специальных конституционных положений (таких как «неизменяемые» статьи); (6) пропорциональная избирательная система; (7) независимая судебная система, как в организационном,

1 *Kis J.* Demokráciából Autokráciába. P. 59.

2 Ibid.

так и в финансовом отношении; и (8) сеть независимых институтов, взаимно контролирующих друг друга[1]. Некоторые из этих институтов мы уже рассматривали, об остальных речь пойдет ниже. Однако, даже если ветви власти формально разделены, а базовое (политическое) право участвовать в процессе публичного обсуждения защищено законом, фактическая реализация разделения предполагает наличие основополагающего условия, а именно **независимости людей, управляющих этими институтами**. Джеймс Мэдисон, как известно, утверждал, что конституционная система может быть самодостаточной только в том случае, если **члены каждого института в наименьшей возможной степени зависят от других институтов**, поскольку именно это позволяет им действовать свободно и защищает от возможного принуждения идти на поводу у других институтов. По словам Мэдисона, принцип эффективных сдержек и противовесов заключается в следующем: «Честолюбию должно противостоять честолюбие»[2]. Чтобы помешать развитию автократических тенденций или, по словам Мэдисона, «турбулентности и слабости необузданных страстей», требуется фракционная борьба, то есть конкуренция между автономными группами с различными интересами, которые участвуют в процедуре принятия государственных решений[3]. Поскольку ни одна фракция не заинтересована в единовластном правлении другой фракции, у них есть явный стимул для борьбы с автократическими тенденциями, а независимость от автократического актора позволяет им вести эту борьбу.

Аргумент Мэдисона в пользу фракционной борьбы касается государственных институтов, то есть **разделения ветвей власти**. Действительно, в этом отношении автономия

1 *Jakab A.* What Can Constitutional Law Do against the Erosion of Democracy and the Rule of Law? // MPIL Research Paper Series. Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law, 2019.

2 Федералист № 51. С. 347.

3 Мэдисон подробнее раскрывает эту идею в дебатах: Федералист № 10. С. 86.

государственных институтов и особенно местных органов власти чрезвычайно важна, и они не должны полностью зависеть от центрального правительства, особенно в плане налоговых поступлений[1]. Но аргумент Мэдисона вполне может быть распространен и на частную сферу, равно как и на весь процесс **публичного обсуждения**. Такие фундаментальные права, как свобода слова и ассоциаций, могут свободно осуществляться только в том случае, если частные лица не зависят от государства и **если свобода и автономия социальных групп имеет приоритетное значение**. Опять же, это относится главным образом к финансовой независимости, то есть к способности людей обеспечивать себя и финансировать осуществление своих прав независимо от решений представителей власти[2]. С одной стороны, в либеральных демократиях оно гарантировано нормами и правовыми актами, которые не позволяют главам государств принимать решения о распределении ресурсов по своему усмотрению и дискриминировать предпринимателей и госслужащих по политическим мотивам при планировании бюджетных расходов и заключении госконтрактов[3]. С другой стороны, возможно, более существенной базой для реализации свободы и автономии является способность содержать себя за счет частного сектора, то есть за счет поставляемых гражданам товаров и услуг без вмешательства правящей политической элиты.

Чтобы понять, как автономия групп сказывается на процессе публичного обсуждения, рассмотрим следующие четыре группы акторов:

1 *Wolman et al.* Comparing Local Government Autonomy Across States. P. 380.

2 Следовательно, демократия предполагает также наличие частной собственности и капитализма либо обширную частную сферу, где права собственности могут осуществляться без государственного контроля. См.: *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 69–74; *Фридман М.* Капитализм и свобода. М.: Новое изд-во, 2006. С. 31–46.

3 Political Discrimination in Hungary. P. 9–12.

• **автономия СМИ** или предпринимателей в сфере СМИ позволяет им транслировать критические мнения, не опасаясь последствий со стороны государства. Это принципиально важно для процесса публичного обсуждения, поскольку именно представленность альтернативных вариантов на национальном уровне (1) позволяет гражданам оценивать их (фаза дискуссии) и (2) делает видимыми альтернативные программы, предлагаемые оппозиционными политиками и партиями;

• **автономия предпринимателей** позволяет им, не опасаясь последствий, по своему усмотрению поддерживать политических акторов, а оппозиция может мобилизовать финансовые ресурсы для эффективного функционирования. Некоторые видят угрозу в том, что бизнес спонсирует демократическую политику[1], а предпринимательское финансирование получило ярлык «плутократического»[2]. Однако когда возникают автократические тенденции, а государство, постепенно превращающееся в автократию, начинает все больше и больше контролировать государственные ресурсы[3], именно анонимные предприниматели могут предоставить оппозиции источники финансирования, независимые от государства и его лидеров;

• **автономия НПО** обеспечивает выполнение функций общественного контроля за тем, как работают государственные институты, а также отсутствие стимулов замалчивать информацию, представляющую общественный интерес. В процессе публичного обсуждения НПО отчасти проявляют себя в ходе фазы дискуссии, когда они представляют на суд общественности уникальные сведения, а отчасти на этапе объединения, поскольку группы интересов фактически являются особым подтипом

[1] *Крауч К.* Постдемократия. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010; *Hickel J.* Neoliberalism and the End of Democracy // The Handbook of Neoliberalism. New York: Routledge, 2016. P. 142–152. Мы вернемся к бизнес-группам и лоббированию в Главе 5 [▸ 5.3.1, 5.4.2.3].

[2] *Scarrow S.* Political Finance in Comparative Perspective // Annual Review of Political Science. 2007. Vol. 10. № 1. P. 193–210.

[3] *Way L.* Pluralism by Default. P. 16–17.

НПО, активно ведущим переговоры с правительством и представляющим специфические интересы социальных групп;

• **автономия граждан** или «народных масс» означает, что их нельзя заставить или запугать при помощи финансовых средств, особенно если речь идет о выражении своего мнения (фаза дискуссии) и выборе лидеров (фаза избрания)[1]. Автономные граждане обладают возможностью противостоять автократическим тенденциям, формировать общественные движения и отстаивать свои интересы в целом, имея достаточные финансы для объединения с целью мирной смены акторов посредством формирования или поддержки политических партий и/или с целью изменения политики посредством формирования или поддержки групп интересов.

Коллективно этих акторов можно обозначить зонтичным понятием гражданское общество. По большому счету, гражданское общество означает совокупность заинтересованных в политике акторов экономической и общинной сфер, которые действуют, руководствуясь гражданской добродетелью и служат противовесом для политической сферы[2]. **В либеральных демократиях** гражданское общество **свободно** и независимо, а экономическая и общинная сферы социального действия отделены друг от друга [▸ 3.2]. Независимость гражданского общества чрезвычайно важна, поскольку именно она прежде всего позволяет создавать конкурирующие фракции с различными интересами[3]. Как пишет Норт и его соавторы, организации в либеральных демократиях — «от клубов садоводов и футбольных лиг до многонациональных корпораций,

1 *Schedler A.* The Menu of Manipulation. P. 44. Ср.: *Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D.* Hitting Them With Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia // British Journal of Political Science. 2018. № 2. P. 1–25.

2 *Seligman A.* Animadversions Upon Civil Society and Civic Virtue in the Last Decade of the Twentieth Century // Civil Society: Theory, History, Comparison. Cambridge: Polity, 1995. P. 200–223.

3 *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: МШПИ, 2004.

неправительственных организаций (НПО), групп интересов и политических партий — обеспечивают агрегирование интересов, которое может оказывать независимое влияние на политический процесс»[1]. Наше определение «гражданского общества» значительно отличается от многих других, используемых в литературе, поскольку они чаще всего не включают в себя предпринимателей[2]. И все же их необходимо включать, поскольку четыре автономные группы акторов вместе выполняют одну функцию — обеспечивают наличие защитных механизмов. Свобода и независимость социальных групп на деле гарантируют, что процессы публичного обсуждения функционируют в демократическом ключе, а также дают четкие стимулы и эффективные средства борьбы с автократическими тенденциями. Следовательно, **именно автономность гражданского общества создает второй защитный механизм либеральной демократии** (первым является разделение ветвей власти), поскольку наличие *де-юре* институтов публичного обсуждения является необходимым, но не достаточным условием для вышеупомянутого *де-факто* демократического характера этого процесса. При наличии автономных гражданских объединений демократия находится под защитой, и с автократическими тенденциями можно бороться.

4.4.1.3. Эрозия защитных механизмов: конституционный переворот и автократический прорыв

Поскольку разделение ветвей власти закреплено в конституции, оно не должно являться просто юридическим фасадом, игнорируемым на практике[3]. Но несмотря на то, что существуют институциональные гарантии этого разделения, такие

1 *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 215.

2 См., например: *Ховард М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс, 2009.

3 *Sartori G.* Constitutionalism. P. 861.

как конституционный суд или другие органы конституционного контроля,[1] их полномочия также определяются законом, которым правящая элита может пренебречь. Как мы объясняли выше, фракционная борьба и большое количество автономных политических акторов, заинтересованных в эффективном осуществлении конституционного контроля, как правило, не позволяют политической элите пренебрегать нормами конституции. Несомненно, самым общим основанием, предотвращающим игнорирование закона, является **легально-рациональная легитимность** либеральной демократии. Когда законность понимается как самоцель, власть закона главенствует, а его юридическая и практическая стороны совпадают, делая эффективной формальную систему сдержек и противовесов. В идеальном сценарии политическим акторам не может даже прийти в голову нарушить положения конституции, поскольку их электорат неизбежно воспримет эти действия как неправильные и незаконные. Напротив, **когда демократический фундамент, основанный на легитимности, подменяется субстантивной рациональностью, власть закона теряет свою силу и авторитарные тенденции изрядно подтачивают камень, лежащий на их пути**. Действительно, субстантивно-рациональная легитимность в демократических системах является той самой девиацией, которая присуща упомянутым выше «аномальным» акторам. И поскольку мы выделили два типа акторов, практикующих субстантивно-рациональную легитимность, в то время как только один из них организует выборы (коммунисты, продолжая придерживаться марксизма-ленинизма, остаются революционерами), можно довольно точно определить, кто представляет собой аномальный вызов либеральным демократиям. Это **популисты**[2].

1 *Sweet A. S.* Constitutional Courts // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 816–830.

2 Ср.: *Pappas T.* Distinguishing Liberal Democracy's Challengers // Journal of Democracy. 2016. Vol. 27. № 4. P. 22–36.

Изучая популистов во власти, Такис С. Паппас заметил, что в каждом реальном случае, когда им удавалось заполучить контроль над государством, они всегда пытались «1) колонизировать государственный аппарат, назначая партийных лоялистов на всех уровнях бюрократической системы; 2) развернуть полномасштабную атаку против либеральных институтов; и 3) установить новый конституционный порядок, который заменяет институты горизонтального контроля на другие, более вертикальные по своей природе институты. <...> Популисты у государственного руля практически без исключения пытались расширить зону государственной власти и назначить своих сторонников на правительственные должности, тем самым распространив контроль популистского лидера и его партии над ключевыми институтами»[1]. Если перевести слова Паппаса на язык нашей концептуальной структуры, можно сказать, что популисты обычно пытаются преодолеть защитные механизмы либеральных демократий в три шага:

1. они одерживают победу на выборах и приходят к власти;

2. они используют свой демократический мандат для того, чтобы практиковать автократический легализм, **направленный на соединение ветвей власти**, в частности через (a) усиление исполнительной власти, (b) сокращение компетенций других ветвей власти и местного самоуправления и/или (c) замену акторов, действовавших внутри других ветвей, на патрональных служащих (то есть не на «лояльные партии» в посткоммунистическом регионе, а на людей, лояльных приемной политической семье как неформальной организации [▸ 3.3.5]);

3. они **используют государственную власть,** которую осуществляет верховный патрон через соединенные полномочия разных ветвей, **чтобы подчинить себе четыре автономии гражданского общества** и свести на нет эффективную

[1] *Pappas T.* Populists in Power // Journal of Democracy. 2019. Vol. 30. № 2. P. 73.

оппозицию и процесс публичного обсуждения, таким образом консолидируя автократию.

Когда популисты запускают процесс патримониализации политической сферы, можно говорить о **попытке установления автократии**. Эта попытка подразумевает серию политических шагов по изменению формальных институтов, инициированную правящей элитой и направленную на осуществление системной трансформации демократии в автократию. Изменения, которые касаются соединения ветвей власти, включают[1]:

• расширение состава суда, особенно конституционного (в целях добиться того, чтобы ни одно важное публичное решение не было объявлено неконституционным и не было аннулировано);

• замена глав гражданских судов, что ослабляет судебную власть, переводя значительную часть их полномочий под контроль органа, подчиняющегося государству (чтобы уменьшить шансы граждан, пытающихся восстановить справедливость в делах о нарушении их прав);

• захват прокурорской власти через назначение патронального служащего (для обеспечения политически выборочного правоприменения [▸ 4.3.5]);

• изменение правил, регулирующих назначение, продвижение по службе, а также замещение госслужащих (в целях институционализации патрональной бюрократии);

• ослабление местного самоуправления (для устранения вертикального разделения властей);

• одностороннее переписывание избирательного законодательства, включая использование джерримендеринга и приоритет мажоритарности (для обеспечения будущей победы на выборах);

• изменение конституции, расширяющее полномочия исполнительной власти, президента или премьер-министра (для усиления политической позиции верховного патрона).

[1] *Kis J.* Demokráciából Autokráciába. P. 59–60; *Scheppele K.* Autocratic Legalism.

Будет ли успешной попытка установления автократии, зависит главным образом от одного фактора: смогут ли популисты получить квалифицированное большинство на выборах или, если брать шире и включать также президентские системы, **смогут ли они получить монополию на власть**. В президентских системах такое, конечно, легче вообразить, так как в руках президента уже сосредоточена довольно большая власть (как будет показано ниже). Но даже в парламентских демократиях, где разделение ветвей власти защищено конституцией, при наличии достаточного большинства существует возможность поменять институциональное устройство. Таким образом, конституция и некоторые другие законы, обеспечивающие нормальную работу институтов, рассматриваются не как абсолютно неизменные, а как «основные» или «базовые» законы, которые все-таки можно изменить при условии почти полного единодушия внутри определенной политической системы[1]. Хотя такой редкий сценарий обычно представляется в виде соглашения между соревнующимися фракциями о том, что пришло время изменить «правила игры», популисты могут практиковать автократический легализм и пытаться односторонне изменять конституцию, если единолично приобретают монополию на власть. Такое поведение можно назвать «конституционным переворотом»[2]:

• ***Конституционный переворот*** *— это процесс изменения конституции, а также (номинально) базовых институциональных структур демократической политической системы, осуществляемый одним политическим актором с целью усиления исполнительной ветви власти — то есть самого актора и его политического окружения — в ущерб другим ветвям власти, на основании субстантивно-рациональной легитимности (то есть популизма).*

1 *Grimm D.* Types of Constitutions // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 98–132.

2 *Vörös I.* A «Constitutional» Coup in Hungary between 2010–2014.

Несмотря на то, что мы используем слово «переворот», важно понимать, что, **в отличие от военных переворотов, правовая преемственность в данном случае формально сохраняется**[1]. Поэтому мы называем этот процесс «конституционным» переворотом, несмотря на то, что в процессе соблюдается лишь буква конституции и полностью игнорируется ее дух. Именно так работает автократический легализм, когда внешний дух конституции попирается и положения основного закона используются для его же уничтожения, то есть для ликвидации либеральной демократии и установления автократических институтов[2]. Распространенные понятия «раздемократизация»[3] и «демократическая деконсолидация»[4] как раз пытаются осмыслить этот парадоксальный процесс: нейтрализацию демократических сдержек без расформирования демократических институтов или уничтожение конституционализма без разрыва правовой преемственности.

В процессе конституционного переворота **популист номинально не устраняет разделение властей (скорее наоборот), но соединяет ветви власти, используя свои полномочия назначать чиновников и превращая всю систему в единый вертикальный вассалитет**. Те ветви власти, которые могли бы защитить либеральную демократию, нейтрализуются через сокращение их полномочий или использование любого из других методов, описанных нами выше, когда речь шла о судах и обвинении[5]. Поэтому, в противовес идеям Монтескье, который предостерегал нас от сосредоточения всей государственной власти в одних руках, верховный патрон добивается как раз этого, практикуя

1 *Jakab A.* What Can Constitutional Law Do against the Erosion of Democracy and the Rule of Law? P. 2.

2 *Vörös I.* A «Constitutional» Coup in Hungary between 2010–2014. P. 45.

3 *Bogaards M.* De-Democratization in Hungary: Diffusely Defective Democracy // Democratization. 2018. Vol. 25. № 8. P. 1481–1499.

4 *Foa R. S., Mounk Y.* The Danger of Deconsolidation: The Democratic Disconnect // Journal of Democracy. 2016. Vol. 27. № 3. P. 5–17.

5 *Scheppele K.* Autocratic Legalism. P. 549–556.

Таблица 4.13: Различные стадии автократических изменений

	Правящая политическая элита успешно нейтрализует...	
	первый защитный механизм (разделение ветвей власти)	**второй защитный механизм** (автономию гражданского общества)
Попытка установления автократии	–	–
Автократический прорыв	X	–
Автократическая консолидация	X	X

автократический легализм и ссылаясь на субстантивно-рациональную легитимность.

Мы можем выделить несколько стадий этого процесса. Первый — это попытка установления автократии, в рамках которой политическая элита пытается ее институционализировать, не обладая при этом монополией на власть для проведения конституционного переворота, переписывания конституции и подавления любых защитных механизмов по своему усмотрению. Вторая стадия этого процесса — **автократический прорыв**, при котором демократия **успешно и системно преобразуется в автократию** стараниями правящей политической элиты. В ходе автократического прорыва правящая элита осуществляет конституционный переворот для того, чтобы сконцентрировать государственную власть в одних руках и укрепить авторитарное господство, лишая государственные институты их автономии и свободы через различные изменения, начатые во время стремительной передачи власти[1]. Тем не менее так разрушается лишь первый защитный механизм либеральной демократии, то есть разделение ветвей власти, тогда как третья стадия — автократическая консолидация, которую мы подробно рассматриваем в части 4.4.3.2, предполагает отключение второго защитного механизма — автономии гражданского общества (Таблица 4.13).

1 *Kis J.* Demokráciából Autokráciáb. P. 62–67.

4.4.2. Патрональные демократии: разделение сетей власти и цветные революции

4.4.2.1. Динамическое равновесие конкурирующих патрональных сетей

В либеральных демократиях автократические тенденции возникают, как отмечалось выше, при наличии автократического претендента или партии, которые игнорируют демократические нормы и вызовы конституционализма, опираясь на популизм. Этот претендент не обязательно должен быть патрональным и может также исходить из принципа реализации идеологии; в этом случае можно вести речь о **консервативной попытке установления автократии** или консервативно-автократическом прорыве (как в Польше)[1]. Однако мы не зря говорили о проявлении автократических тенденций со стороны патрональных автократов, поскольку в посткоммунистическом регионе, как правило, именно **демократические партийные системы с патрональным претендентом** дестабилизируют либеральные демократии. В части 4.3.2.4 мы пришли к выводу, что для самодостаточного функционирования либеральных демократий идеального типа наилучшим образом подходит либо конкурентная партийная, либо двухпартийная система. Отсюда следует, что появление **патронального претендента** в качестве крупнейшей оппозиционной партии **можно считать аномалией**. Тогда как другие партии являются демократическими и руководствуются принципом общественных интересов, патрональный претендент руководит партией патрона, которая подчиняется принципу интересов элит. Чтобы набрать голоса и предпринять **патрональную попытку установления автократии** либо совершить патрональный автократический прорыв, он использует популизм как идеологию (как произошло в Венгрии).

[1] *Magyar B.* Parallel System Narratives. P. 637–643.

В то же время **в патрональных демократиях патрональный вызов — это не аномалия, а норма**. Жесткие структуры докоммунистического и коммунистического периодов, о которых шла речь в первой главе, в посткоммунистическую эпоху только укрепились, особенно в странах с обширным патрональным наследием. После того как с некоторых из этих стран, таких как Албания, Болгария, Грузия, Молдова, Румыния и Украина[1], был снят «политический колпак» коммунистической диктатуры, в них возникли конкурирующие патрональные сети, а через партии патрона на политическое «игровое поле» начали выходить олигархи и полигархи. Так сложился феномен, который мы называем **мультипатрональной сетевой системой**, в которой партийная конкуренция является лишь фасадом для конкуренции патрональных сетей. На периферии этой мультипирамидальной системы могут существовать и демократические партии, однако главными игроками в этой конкурентной среде являются **партии патрона**[2]. В таких партиях не существует описанной выше внутрипартийной демократии [▸ 4.3.4.4], потому что фактически их поддерживает и финансирует неформальная патрональная сеть, по отношению к которой партия и ее члены становятся вассалами [▸ 3.3.7]. Главным патроном этой сети обычно является либо лидер партии, либо лидирующий кандидат. Тогда как в либеральных демократиях партийные лидеры после поражения на выборах, как правило, уходят в отставку, в патрональных демократиях это редко происходит с партией патрона. В партиях такого типа именно ее

[1] При моделировании траекторий режима мы относим к патрональным демократиям и Россию 1990-х годов, хотя она явно отличается от идеального типа наличием несостоявшегося государства и олигархической анархии [▸ 7.3.3.5].

[2] На самом деле партии, которые получают значительные государственные ресурсы, почти всегда являются партиями патрона. Представления о чистоте и некоррумпированности других (оппозиционных) партий следуют только из того факта, что они пока не получили доступ к этим ресурсам.

глава, главный патрон, является определяющим фактором ее существования, а не наоборот.

В патрональных демократиях каждая партия патрона руководствуется принципом интересов элит и **является патрональным претендентом**, а значит, стремится к доминированию и установлению однопирамидальной патрональной сети, устраняя или подчиняя себе соперников и превращая тем самым патрональную демократию в патрональную автократию. Следовательно, в патрональных демократиях попытки установления автократии предпринимаются постоянно, а каждый крупный актор хочет разрушить демократию, преследуя свои интересы. И все же патрональные автократии сохраняют стабильность. Отсюда вытекает, что сутью режимов такого типа является **динамическое равновесие конкурирующих патрональных сетей**[1]. Мы называем это равновесие динамическим, поскольку патрональные сети, желающие установить патрональную автократию, постоянно предпринимают попытки его нарушить. Однако это все же равновесие, поскольку ни одна патрональная сеть не может занять доминирующую монопольную позицию. Такое положение дел можно интерпретировать как патрональную версию фракционной борьбы Мэдисона, где честолюбию должно противостоять честолюбие. Хотя каждый крупный актор хочет разрушить режим, ни один из них не обладает для этого достаточным количеством (политических и экономических) ресурсов, и в то же время у каждой неформальной патрональной сети есть ровно столько ресурсов, чтобы иметь возможность помешать это сделать другим. Возьмем для примера Румынию, где монополию на власть могли получить Траян Бэсеску или Виктор Понта, и в случае успеха каждый из них совершил бы автократический прорыв и установил патрональную автократию. Просто у них никогда не было такого шанса[2].

[1] Ср.: *Minakov M.* Republic of Clans.

[2] *Magyari L.* The Romanian Patronal System of Public Corruption. P. 288–296. Следует также упомянуть о возможности появления политических картелей.

Динамическое равновесие **политического режима позволяет ему сохранять некоторые демократические черты** (именно поэтому его все еще можно классифицировать как «демократию»). Так, в частности, в патрональных демократиях:

• **все еще есть разделение ветвей власти**, поскольку правящая политическая элита не обладает монополией на власть, чтобы совершить конституционный переворот и ликвидировать это разделение;

• **все еще присутствует публичное обсуждение**, поскольку конкурирующие патрональные сети используют партии, которые участвуют в выборах и предвыборных кампаниях, пытаясь убедить все больше людей голосовать за них;

• **гражданское общество все еще обладает некоторой автономией**, поскольку ни одна из патрональных сетей не является доминирующей, а олигархи и общинные акторы могут оставаться независимыми, сохраняя равную дистанцию от обеих сторон или одинаково хорошие отношения с ними [► 3.4.1.3];

• **власть закона все еще преобладает**, так как (1) в патрональных режимах соблюдается равенство перед законом и (2) ни одна из патрональных сетей не обладает достаточной властью для реализации неравенства после закона через политически выборочное правоприменение (тем не менее может возникнуть политически пропорциональное правоприменение, о котором мы упоминали выше, обусловленное не внешним вмешательством, а стремлением правоприменительных органов сохранить образ непредвзятого ведомства).

Вполне можно представить, как сети, понимая, что не смогут совершить прорыв, начинают сотрудничать друг с другом и делить коррупционные доходы, которые могут собрать через государство. Например, в Венгрии журналисты-расследователи и политики сообщали о распределении государственных доходов между действующим правительством и оппозицией в соотношении 70 на 30% соответственно (до 2010 года). Таким образом, политические картели напоминают своего рода «перевернутое водное поло», в котором над водой игроки дерутся, а под водой ведут себя как порядочные спортсмены.

Из-за этих характеристик патрональные **демократии часто выглядят почти как либеральные**. Свойственные им партийная конкуренция и относительно частая смена правительства создают иллюзию плюрализма, а гражданские акторы, такие как СМИ, могут критиковать действующую власть и поддерживать оппозицию (а также инкумбентов). Если взять лишь ось «демократия — диктатура», как это принято в рамках главного направления гибридологии, такие режимы, безусловно, стоит относить к демократиям[1]. Однако положение СМИ не похоже на «политический параллелизм», свойственный либеральным демократиям, а характер **конкуренции сильно отличается** от плюрализма западного образца. Это объясняется тем, что для патрональных демократий характерны **конкурирующие патрональные пирамиды со своими собственными группами подчиненных частных акторов**, начиная от инструктируемых сверху «говорящих голов» до олигархов ближнего круга и приемных олигархов, которые имеют больше возможностей для управления приемной политической семьей, в которую они входят. В таких режимах патронализация становится обычным делом, а четыре автономии гражданского общества серьезным образом нарушаются. Однако если в патрональных автократиях эти процессы инициирует исключительно однопирамидальная патрональная сеть, в патрональных демократиях есть несколько вертикалей патронального подчинения. Так, **за яркий и насыщенный процесс публичного обсуждения, присущий свободному обществу, можно ошибочно принять конкуренцию патрональных сетей, где свободными могут быть только главные патроны**. Пространство для маневра

[1] См. описание Словакии и Румынии: *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 91–104. Кроме того, Кыргызстан до тюльпановой революции 2005 года назывался «островком демократии» Центральной Азии. См.: *Anderson J.* Kyrgyzstan: Central Asia's Island of Democracy? Amsterdam: Routledge, 1999.

по-настоящему независимых частных акторов, таких как автономные олигархи [▸ 3.4.1.3], сокращается, и лишь пара секторов государственного управления сохраняется за теми, кто не занимает ничью сторону.

Подводя итог, можно сказать, что **патрональным демократиям свойственна внутренняя дисгармония** между институциональной системой и характером основных политических акторов. По сравнению с ними либеральные демократии гармоничны, потому что их непатрональные институты соответствуют непатрональным политическим акторам, а дисгармония возникает вместе с автократическим претендентом. Патрональные автократии тоже гармоничны, но в противоположном смысле: патрональные институты в них соответствуют патрональным политическим акторам, которым удалось установить автократический режим в управляемом ими государстве. Однако в патрональных демократиях **патрональные политические акторы ведут свою деятельность в рамках непатрональной институциональной системы**. Разделение сфер социального действия отсутствует не по причине монополии на власть, но из-за конкурирующих неформальных патрональных сетей, тогда как институциональная система является формально-демократической и предполагает формально-демократический характер политических акторов. Иначе эту дисгармонию можно описать следующим образом: ограничения властных полномочий и процесс публичного обсуждения все еще существуют. Отсюда следует постоянное стремление к отключению защитных механизмов и на национальном уровне, необходимое для того, чтобы иметь возможность поднять принцип реализации интересов элит до уровня национальной политики. Таким образом, **целью неформальных патрональных сетей является не что иное, как достижение гармонии, склоняющейся, однако, не к либеральной демократии, а к патрональной автократии.**

4.4.2.2. Институциональные защитные механизмы: исполнительно-распределительная форма правления и пропорциональная избирательная система

Все **патрональные демократии** похожи с точки зрения присущего им культурно обусловленного напряжения, которое постоянно тянет их в сторону патрональной автократии. **Отличаются** же они **своими защитными механизмами**, то есть теми методами, с помощью которых они преодолевают эти внутренние тенденции, разрушающие режим. Эти методы можно разделить на две группы[1]:

1. институциональные барьеры, то есть **конституционное устройство**, которое может **предотвратить автократический прорыв**, четко определив, сколько власти можно получить на выборах и что требуется для получения власти в объеме, позволяющем изменить это устройство;

В том случае, когда институциональные барьеры не справляются со своей задачей и/или правящая патрональная сеть продолжает предпринимать попытки установить автократию или совершить автократический прорыв, на ее защиту встает вторая линия обороны, необходимая **для предотвращения автократической консолидации**:

2. общественные защитные механизмы, то есть рост общественного сопротивления, которое сочетает в себе, с одной стороны, недовольство людей снижением уровня демократии, а с другой — недовольство неформальных сетей своим потенциальным патрональным подчинением (так называемые **цветные революции**).

[1] Кроме того, существует и третья группа, которую мы упоминали в Главе 1, а именно западные связи, в основном со странами ЕС, и рычаги влияния. Однако сейчас мы фокусируемся на защитных механизмах, характерных для режимов, то есть на институциональных структурах, формирующих такую внутреннюю динамику, которая обеспечивает стабильность режима. Внешние защитные механизмы, характерные не для режимов, а для стран, такие как международные альянсы, подробно рассматриваются в Главе 7 [▸ 7.4.5].

Поскольку анализ цветных революций является одной из важнейших тем исследований посткоммунистических стран[1], мы посвящаем ему следующую часть нашей работы. Кроме того, при описании патрональных демократий мы говорим только об успешных цветных революциях, поскольку те, что потерпели поражение, происходили в патрональных автократиях и развивались по иному сценарию, чем тот, что представлен в следующей части (неудачные революции будут рассмотрены в Части 4.4.3.1).

Теперь обратимся к анализу первой группы защитных механизмов, то есть институциональным барьерам. В целом можно сказать, что чем больше этих барьеров или, другими словами, **чем труднее добиться монополии на власть, тем выше вероятность сохранения патрональной демократии**. В свою очередь, если получить монополию на власть сравнительно легко, то режим более склонен к превращению в патрональную автократию. Чтобы более точно описать влияние различных институциональных условий на патронализм, мы опираемся на труды Хейла, который ввел в обращение термин «патрональная демократия» и проанализировал динамику патрональной политики в постсоветских странах[2]. Он классифицирует конституционные устройства следующим образом[3]:

- **президентские конституции**, которые формально определяют президента, избираемого прямым голосованием, в качестве наивысшего источника исполнительной власти;
- **парламентские конституции**, которые дают избранному парламенту монопольное право напрямую выбирать наиболее высокопоставленных носителей исполнительной власти;

[1] Для примера см. шесть исследований цветных революций в январском выпуске журнала *Journal of Democracy* за 2009 год:. Debating the Color Revolutions [Special Section] // Journal of Democracy. 2009. Vol. 20. №. 1. P. 69–97.

[2] *Hale H.* Patronal Politics.

[3] Ibid. P. 77–78.

• **исполнительно-распределительные конституции**, которые формально закрепляют баланс между полномочиями парламента и президента, наделяя каждого из них формально независимой исполнительной властью и примерно равными полномочиями (парламент избирает премьер-министра и при его выдвижении, назначении или определении сроков его пребывания в должности формально не зависит в значительной степени от президента).

Как можно заметить, **президент** является ключевой фигурой исполнительной власти как в президентской форме правления, так и в исполнительно-распределительной (тогда как в парламентских формах правления ему отводится скорее церемониальная роль)[1]. Основное различие между этими двумя формами правления заключается в том, что в первой «президентские полномочия являются неделимым благом, то есть их может выполнять только один патрон»[2]. Это означает, что исполнительная власть сосредоточена в руках президента, при том что столь же могущественных с точки зрения власти государственных постов не существует. Напротив, в **исполнительно-распределительных формах правления**, где как президент, так и парламент обладают исполнительной властью и избираются на разных выборах, возникают условия для их **сосуществования**, то есть такая ситуация, при которой руководящие посты в исполнительной власти — президента и премьер-министра — занимают патроны двух разных патрональных сетей. Распределение исполнительной власти не позволяет ни одному из них занять положение доминирующего (верховного) патрона государства, а сосуществование, по сравнению с исключительно президентской формой правления, **предоставляет больше институциональных возможностей для того, чтобы конкурирующие патрональные**

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 372.

2 Ibid. P. 79.

сети могли держать друг друга под контролем. Кроме того, как пишет Хейл, такие системы влияют на выбор публичных акторов при принятии решения о том, глава какой приемной политической семьи доминирует на практике (см. Текстовую вставку 4.8). В президентских формах правления этот выбор очевиден, поскольку один из главных патронов становится главой исполнительной власти, после чего (1) публичные акторы (олигархи и т. п.) начинают к нему притягиваться, отказываясь от своих текущих сетей, и предлагают свою кандидатуру для принятия в президентскую сеть, умножая тем самым ее неформальную власть, и (2) эту преумноженную неформальную власть можно использовать для формального укрепления исполнительной ветви власти за счет других ветвей, постепенно совершая таким образом автократический прорыв. В конце концов, «[поскольку] вопрос субординации решается сам по себе <...>, патрон-президент может построить систему, в которой он играет доминирующую роль в государстве благодаря формальной и неформальной власти, которые обычно находятся в тесной связи. Всем другим пирамидам <...>, как правило, уготована одна из следующих участей: ликвидация <...>; включение в более крупную пирамиду; или существование на периферии системы»[1]. Таким образом, президентские конституции создают благоприятные условия для автократического прорыва, а также для развития однопирамидальной сети, тогда как исполнительно-распределительные создают более неоднозначную ситуацию, при которой не требуется ни институциональная централизация, ни лишение других сетей их авторитета.

Текстовая вставка 4.8: Влияние конституций на патронализацию

Подобно тому, как выборы в чрезвычайно патроналистских реалиях имеют специфическое значение, конституции также играют

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 79–80.

> роль, отличную от той роли, которую, по широко распространенному мнению, они играют на Западе, даже если на бумаге они выглядят одинаково. <...> В особенно патроналистских обществах <...> конституции иногда могут оказывать наибольшее влияние на власть не через их формальное соблюдение, а через влияние на ожидания относительно того, как должна быть организована неформальная (неконституционная) политика. Возможно, наиболее важный момент заключается в том, что они могут формировать ожидания политических элит в отношении того, кто неформально (в реальности) является верховным патроном или патроном государства, даже если фактические положения конституции регулярно нарушаются. <...> Информационное и фокусирующее действие конституции президентского типа <...> может решить проблему координации элит при выработке коллективного решения о том, к какому из двух в других случаях равных патронов следует относится как к самому могущественному, и, следовательно, проявлять большее уважение. <...> Тогда как президентские конституции имеют свойство создавать стимулы для формирования однопирамидальных патрональных сетей <...>, исполнительно-распределительные конституции затрудняют этот процесс и на деле способствуют координации сетей в условиях конкуренции пирамид <...>. Кроме того, исполнительно-распределительные конституции предусматривают [помимо президента] особую альтернативную точку фокуса (премьер-министра), вокруг которой могут согласованно действовать патрональные акторы, если они не удовлетворены каким-либо «предложением», внесенным сетью президента[1].

И в президентских, и в исполнительно-распределительных системах наличие **сроков полномочий** представляет собой особую проблему как для совершения автократического прорыва, так и для автократической консолидации. Большинство конституций с широкими президентскими полномочиями

[1] *Hale H.* Patronal Politics. P. 76–80.

предусматривают ограничение пребывания на посту двумя сроками, после которых президент не может снова баллотироваться на эту должность. До тех пор, пока ограничения сроков полномочий действуют, «**они предусматривают не только потенциальный уход президента со своего поста (дестабилизируя информационное действие президентских конституций), но и, что принципиально важно, конкретный момент, когда это должно произойти (дестабилизируя фокусирующее действие президентских конституций** <...>). Таким образом, формально ограниченный президентский срок может служить точкой фокуса, вокруг которой элиты строят свои планы на будущее, например, о том, когда именно непопулярный, больной, стареющий, усталый или по иным причинам слабый президент вероятнее всего (a) добровольно покинет свой пост, (b) будет наиболее уязвим для смещения со своего поста элитами и/или (c) столкнется с попытками элит сместить его с поста» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1]. Этот момент определяет **переход легитимности от верховного патрона к оппозиции**, поскольку теперь, чтобы остаться на своем посту, он вынужден прибегнуть к какой-то юридической уловке, которая устранит разрыв между теми полномочиями, которыми его формально наделяют институты, и фактическим положением. При этом оппозиция может справедливо указывать на этот разрыв и то, что верховный патрон пытается остаться у власти через изменение правовой системы. В более консолидированных патрональных автократиях, таких как Азербайджан, Беларусь и Россия, проблема ограничения сроков полномочий часто решается на референдумах [▸ 4.3.3.3].

В патрональных демократиях с парламентским устройством исполнительная власть принадлежит премьер-министру, которому необходимо победить на всеобщих выборах вместе с членами своей партии (которые становятся членами

[1] Ibid. P. 88–89.

парламента). Если он сможет набрать **квалифицированное большинство** голосов, у него появится возможность осуществить автократический прорыв в пользу своей сети. Если партия будущего верховного патрона получит квалифицированное большинство (как правило, либо две трети, либо три пятых голосов), он способен единолично изменить конституцию, укрепить исполнительную власть и сосредоточить в своих руках другие ветви власти, а также наделить себя правом назначать глав институтов, которые вообще-то должны служить в качестве сдержек и противовесов. Стоит заметить, что квалифицированное большинство необходимо не только в полностью парламентских, но и в так называемых **полупрезидентских формах правления**, таких как Россия, где полномочия президента и парламента формально разделены.

Насколько трудно получить квалифицированное большинство, зависит от того, какова доля избирателей, которых необходимо убедить отдать свой голос, и чем эта доля меньше, тем это легче сделать. Следовательно, ключевым институциональным фактором, который влияет на это, является **пропорциональность избирательной системы**. Мажоритарные системы, разработанные специально для стабильного правительства в условиях демократии, дают победителю в законодательном органе большую долю мест, чем доля набранных им голосов. В пропорциональных системах, которые нацелены на то, чтобы законодательные органы более точно отражали социальные предпочтения, доля мест и доля голосов примерно одинаковы (с учетом процентных барьеров, округлений и т. д.)[1]. При обычных условиях один политический актор, который добился квалифицированного большинства, с крайне малой вероятностью может изменить пропорциональную систему. Однако если избирательная система

[1] *Sartori G.* Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry Into Structures, Incentives, and Outcomes. New York: NYU Press, 1997. P. 3–14.

непропорциональна, монополия на власть может возникнуть даже в парламентской форме правления, как это произошло в Венгрии в 2010 году.

Некоторые патрональные демократии сохраняют стабильность преимущественно из-за одного институционального ограничения. Например, исполнительно-распределительная форма правления является эффективным ограничением в Болгарии, где царит патрональная демократия и пока не была установлена единая пирамида, а в парламентских формах правления Албании и Словакии пропорциональные избирательные системы сыграли важную роль в предотвращении и/или пресечении попыток установления автократии (как в случае Владимира Мечьяра в Словакии конца 1990-х годов)[1]. Тем не менее важность пропорциональных избирательных систем отчетливо видна в таких полупрезидентских формах правления, как Румыния, где полномочия президента были уравновешены полномочиями пропорционально избранного парламента [► 7.3.2.3].

4.4.2.3. Общественные защитные механизмы: пресечение попыток установления автократии и возврат к патрональным демократиям через цветные революции

Несмотря на наличие институциональной защиты, патрональные демократии постоянно подвергаются автократическим вызовам. Патрональные сети стремятся накапливать власть и личное богатство, и для того, чтобы обслуживать интересы элит, они используют все возможности для получения политических ресурсов. Автократические тенденции, целью которых является сохранение власти в руках правящей патрональной сети, направлены на устранение демократических черт режима через распространение исполнительной власти

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 460–463.

на все государство (соединение ветвей власти) и нейтрализацию процесса публичного обсуждения. Для совершения автократического прорыва **монополия на власть предоставляет широкий спектр самых изощренных методов**, начиная с формирования контролируемой сферы коммуникации (экономические манипуляции) и практики несбалансированности прав (юридические манипуляции) до изменений избирательной системы в одностороннем порядке (манипуляции с конституцией). Однако **без монополии на власть** лидеры могут, используя государственные ресурсы и принимая соответствующие законы, слегка изменить правила игры в свою пользу, но не могут изменить каждый закон таким образом, чтобы оппозиция не могла победить вообще [▸ 3.3.9]. Поэтому у них возникает соблазн использовать более прямолинейную и безыскусную, но при этом эффективную тактику, а именно **фальсификацию выборов**. Другими словами, если власти не могут нейтрализовать оппозицию, у них остается возможность на этапе выборов вручную отключить процесс публичного обсуждения, не позволяя воле избирателей проявить себя через замену инкумбентов на другой состав политических акторов.

Хотя фальсификации выборов временно решают проблему сохранения власти, они не лишают автономии конкурирующие патрональные сети и на деле скорее приводят к очевидному ущербу, стимулируя протестную активность [▸ 4.3.2.1]. В подобных условиях на территории посткоммунистического региона в ряде случаев происходили так называемые цветные революции, в ходе которых **часто удавалось пресечь попытки установления автократии и вернуть политическое устройство в состояние динамического равновесия, присущего патрональным демократиям**.

Мы используем термин цветные революции главным образом в силу его популярности, поскольку в большинстве случаев описываемые здесь события упоминаются именно

под этим названием, а потому всем понятно, о чем пойдет речь[1]. Однако мы признаем, что эти события отличаются от **классических революций**[2], которые происходили на Западе в XVIII–XIX веках, потому что последние выступали против феодального строя, в рамках которого **монархи полагались на божественную легитимность**, а их фактический статус совпадал с номинальным. Революции вспыхивали, **чтобы сменить этот тип легитимности на гражданскую легитимность**, где фактический и номинальный статусы власти также совпадают. Перед классическими революционерами стояли такие задачи, как достижение равенства граждан перед законом, распределение налоговой нагрузки на всех и выборы в законодательные органы[3]. Следовательно, их истинной целью было создание институциональной структуры, в основе которой лежит гражданская легитимность.

Революции, движимые этой целью, **отошли от насильственных методов**, с помощью которых не только менялся тип легитимности, но и нарушалась правовая преемственность, а представители прежней власти исключались из политической жизни (часто были убиты или сосланы, как во время французской революции 1789 года), **в сторону мирных,** включающих в себя переговоры с представителями власти, которые согласились сменить свой режим и институциональную структуру без нарушения правовой преемственности. **Смена режимов** на посткоммунистическом пространстве, произошедшая в ходе **революций 1989 года** (иногда называемых «законными»[4]), за небольшим исключением принадлежала ко второй категории. Прежде эти режимы можно было отнести

1 Ср.: *Gerring J.* What Makes a Concept Good? P. 368–370.

2 *Bunce V., Wolchik S.* Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. P. 27–29.

3 *Tilly C.* European Revolutions: 1492–1992. New York: Wiley-Blackwell, 1996.

4 *Király B., Bozóki A, eds.* Lawful Revolution in Hungary, 1989–1994. CO East European Monographs. Boulder, 1995.

к типу коммунистических диктатур, в основе которых лежит субстантивно-рациональная легитимность, а номинальный статус правящей политической элиты совпадает с фактическим (что выражалось в конституции понятием «авангарда общества» [▸ 4.3.4.2]). Те, кто хотели изменить режим, стремились к либеральной демократии, для которой характерна легально-рациональная легитимность и опять же совпадение номинального и фактического статусов правящей политической элиты. Удалось ли осуществить это в действительности, зависело от положения жестких структур или, точнее, от того, сопровождались ли революционные изменения конституции **антипатрональной трансформацией** [▸ 7.3.4.1][1]. В некоторых странах это произошло, и там смогли появиться либеральные демократии западного типа (в таких странах, как Эстония и Польша), однако в других странах антипатрональной трансформации **не случилось, и там возникли патрональные демократии**. После этого попытки установления автократии стали в этих странах неотъемлемой частью политической жизни, а принятые во время смены режима институциональные барьеры сыграли большую роль в том, смогли ли эти режимы избежать автократии или в итоге стали ею (как Венгрия).

Цветные революции на постсоветском пространстве не являются классическими, поскольку в их цели не входит переход от одного гармоничного типа легитимности к другому[2]. На самом деле, было бы правильнее классифицировать их как **бунты**, ведь **они стремятся сохранить первоначальный, гармоничный тип легитимности демократий**, который даже в патрональных демократиях отличается властью закона,

[1] Мы заимствовали это выражение у Хейла. См: *Hale H.* Patronal Politics. P. 37.

[2] Цветные революции за пределами посткоммунистического региона, в том числе «арабская весна», пожалуй, больше соответствуют нашему пониманию классических революций (независимо от их успеха или неудачи). Обзора этой темы см.: Tracking the «Arab Spring» [Special Section] // Journal of Democracy. 2013. Vol. 24. № 4. P. 29–96.

а также совпадением номинального и фактического статусов власти. Другими словами, цветные революции пытаются помешать лидерам игнорировать формальные ограничения своей власти и конституционного строя, для чего они прибегают к патронализации государственных институтов и фальсификациям выборов. Стоит также подчеркнуть, что цветные революции являются по большей части мирными с точки зрения свержения авторитарных лидеров с их постов (см. ниже).

Успешные цветные революции проходят, как правило, через следующие этапы[1]:

1. правящая патрональная сеть подрывает процесс публичного обсуждения (как правило, через **фальсификации выборов**) для укрепления своего положения;

2. фальсификации выборов **вызывают массовые протесты, ставящие под сомнение легитимность режима**. Их целью является проведение повторного голосования или признание победы оппозиции (а также отставка действующей власти);

3. протесты, ставящие под сомнение легитимность режима, **поддерживают внешние акторы**, такие как иностранные НПО, фонды, правительства или международные альянсы (ЕС и т. д.);

4. поддержка правительства, как формальная, так и неформальная, тает и на внутренней, и на международной политической арене, пока его пространство для маневра не сократится до такой степени, которая не позволит ему действовать, в результате чего **оно будет вынуждено удовлетворить требования революционеров**.

Четвертый этап сформулирован довольно расплывчато, и, действительно, если мы посмотрим на различные цветные революции, то обнаружим, что в той или иной форме это происходило каждый раз. «**Революция роз**» **в Грузии**, которая вспыхнула в конце 2003 года после объявления о победе

[1] *Gerlach J.* Color Revolutions in Eurasia. P. 33.

президента Эдуарда Шеварднадзе на выборах еще до того, как голоса были подсчитаны должным образом, стала первой «цветной революцией» на постсоветском пространстве. Через два дня после того, как в Тбилиси начались масштабные протесты, лидер оппозиции Михаил Саакашвили и его сторонники, поставившие под сомнение легитимность режима, штурмовали здание парламента. Шеварднадзе был эвакуирован и вскоре подал в отставку, выехав из страны в Москву. Саакашвили одержал победу на повторных выборах в 2004 году, набрав 96% голосов[1]. Произошедшая год спустя «**оранжевая революция**» **в Украине** пошла по другой траектории. Более 1,5 млн человек вышли на Площадь Независимости (Майдан Незалежности) в центре Киева, протестуя против близкой, но явно сфальсифицированной победы Виктора Януковича, которого поддерживал действующий тогда президент Леонид Кучма. «Оранжевая революция» увенчалась успехом, когда Верховный суд постановил, что будут проведены новые выборы, на которых победил Виктор Ющенко, торжественно вступивший в должность в начале 2005 года[2]. «**Тюльпановая революция**» **в Кыргызстане** в 2005 году пошла по третьему пути. После того, как приемная политическая семья Аскара Акаева патронализировала несколько государственных институтов и секторов экономики, были проведены выборы, по результатам которых несколько ведущих оппозиционных деятелей либо проиграли, либо потеряли свои места в парламенте. В нескольких стратегически важных городах оппозиция назначила «народных губернаторов», а через день после первой сессии парламента протестующие ворвались в здание администрации президента и захватили государственное телевидение. Эти события вынудили Акаева уйти в отставку и через несколько недель бежать в Москву. Две ключевые фигуры революции, Феликс Кулов и Курманбек

1 *Gerlach J.* Color Revolutions in Eurasia. P. 6–9.

2 Ibid. P. 9–12.

Бакиев, были избраны премьер-министром и президентом, соответственно[1]. Совсем недавно **в Кыргызстане** после парламентских выборов **2020 года,** на которых правящие партии обеспечили свое превосходство предположительно путем фальсификации их результатов, **произошла еще одна «цветная революция»**. Эти события также вызвали недовольство по поводу проблем, которые обычно предшествуют цветным революциям, таких как масштабная коррупция и экономический спад[2]. За счет массовых демонстраций, ставящих под сомнение легитимность режима, а также гражданского неповиновения революция быстро привела к отставке Сооронбая Жээнбекова с поста президента Кыргызстана[3] и последующему назначению на пост премьер-министра оппозиционера Садыра Жапарова, вышедшего из тюрьмы сразу после упомянутых событий[4].

Две успешные цветные революции были вызваны не фальсификациями выборов, а тем, что главный патрон предпринял попытку иным способом консолидировать свое правление и устранить конкуренцию патрональных сетей. Первой из них является **Евромайдан** 2014 года, произошедший **в Украине** через четыре года после того, как Янукович занял президентский пост, после чего как никогда приблизил Украину к патрональной автократии[5]. Спусковым крючком для протестов, ставящих под сомнение легитимность режима, стал его отказ подписать Соглашение об ассоциации с ЕС, что означало открытый отказ от сферы влияния ЕС в пользу России,

1 Ibid. P. 12–14.

2 *Hale H.* Patronal Politics.

3 *Merz T.* Kyrgyzstan's President Steps down amid Political Unrest// The Guardian. 15.10.2020. URL: https://www.theguardian.com/world/2020/oct/15/kyrgyzstan-president-steps-down-amid-political-unrest.

4 *Imanaliyeva A.* Kyrgyzstan: Former Convict Appointed Prime Minister. // Eurasianet. 10.10.2020. URL: https://eurasianet.org/kyrgyzstan-former-convict-appointed-prime-minister.

5 *Hale H.* Patronal Politics. P. 342–350.

другими словами, отказ от демократизации, целью которого было оставить себе больше пространства для маневра, чтобы стабилизировать патрональную автократию [▸ 7.4.4]. На рубеже 2013–2014 годов на той же Площади Независимости вспыхнули крупные и в конечном счете насильственные демонстрации, в ходе которых полиция убила более ста человек и более тысячи получили ранения. Политическое насилие, повлекшее за собой смерть многих людей, привело к тому, что ключевые сторонники Януковича перешли на сторону противника, а сам он сбежал в Россию. Революционерам удалось сменить конституцию с президентского типа на исполнительно-распределительный, а один из лидеров революции, Петр Порошенко, был избран президентом[1]. Второй цветной революцией, не связанной напрямую с выборами, стала «**бархатная революция**», произошедшая в 2018 году **в Армении**. Подобно Украине во главе с Януковичем, Армения в период революции тоже была близка к патрональной автократии. Однако к тому времени на протяжении уже двух десятилетий в стране существовала однопирамидальная патрональная сеть, которая успешно противостояла более ранним попыткам революции (прежде всего в 2004 и 2008 году)[2], но не обладала достаточной властью для автократической консолидации. И хотя в период между 1998 и 2018 годами два президента Армении принадлежали к одной патрональной сети, пропорциональная избирательная система позволила сформировать относительно сильную оппозицию в парламенте, в связи с чем правящая сеть, чтобы иметь большинство голосов и упрочить положение премьер-министра, была вынуждена создать коалицию. Другие патрональные сети были больше похожи на союзников, чем на подчиненных доминирующей сети, а оппозиция, в свою очередь, смогла к 2018 году мобилизовать

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 234–238.

2 *Gerlach J.* Color Revolutions in Eurasia. P. 17–18.

гражданское общество[1]. Событием, которое послужило толчком к цветной революции, стала попытка верховного патрона Сержа Саргсяна обойти ограничение президентских полномочий двумя сроками посредством перехода с поста президента на пост премьер-министра. Это произошло сразу после референдума, который кардинальным образом изменил баланс сил, отдав президентские полномочия в руки премьер-министра. После протестов, ставящих под сомнение легитимность режима и активно использующих для организации социальные сети, Саргсян, демонстрируя хрупкость своей однопирамидальной системы, согласился на телевизионные дебаты с лидером оппозиции Николом Пашиняном, которые продолжались менее двух минут после того, как Саргсян отказался уйти в отставку. Саргсян должен был решить, применять ли против людей насилие в ответ на протесты. Он принял решение не делать этого и в итоге ушел в отставку, освободив свое кресло для Пашиняна[2].

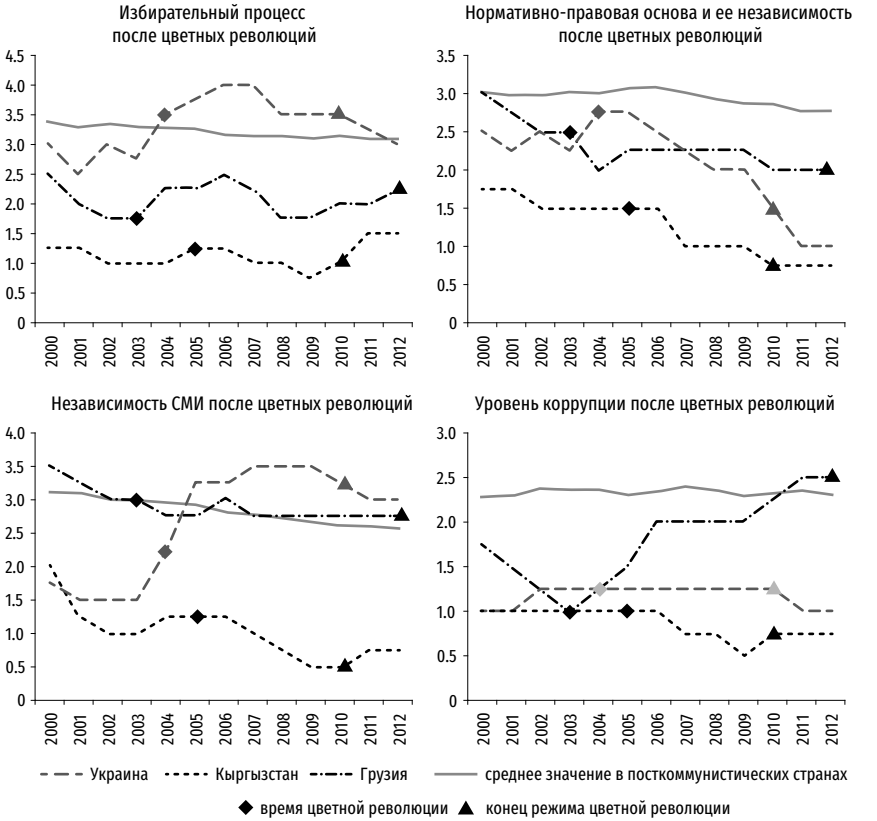
Хотя многие наблюдатели ожидали, что протесты приведут к установлению либеральных демократий западного образца[3], этого не произошло, что подтверждается данными, собранными Григором Поп-Элешем и Грэмом Робертсоном. Они показывают, как изменилось качество демократического управления после революций в Грузии, Украине и Кыргызстане (Схема 4.2). По мнению авторов, в «Кыргызстане после „тюльпановой революции“ не произошло реального повышения эффективности институтов государственного управления, а затем страна следовала по равномерно нисходящей траектории демократизации вплоть до свержения Бакиева с поста президента в апреле 2010 года. Украина и Грузия заняли промежуточное

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 354–363; *Lanskoy M., Suthers E.* Armenia's Velvet Revolution // Journal of Democracy. 2019. Vol. 30. № 2. P. 85–99.

2 *Lanskoy M., Suthers E.* Armenia's Velvet Revolution.

3 *Gerlach J.* Color Revolutions in Eurasia. P. 29–30; *McFaul M.* Transitions from Postcommunism // Journal of Democracy. 2005. Vol. 16. № 3. P. 5–19.

Схема 4.2: Сравнение демократического управления в странах цветных революций. Переработанный материал на основании работы: Pop-Eleches G., Robertson G. After the Revolution // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61. № 4. P. 6



положение; в среднем (а также в некоторых сферах, таких как избирательный процесс) в рамках режимов, к которым привели цветные революции, полезное изменение эффективности государственных институтов было минимальным»[1]. Таким образом, за исключением Грузии [▸ 7.3.4.5], успех цветных

[1] *Pop-Eleches G., Robertson G.* After the Revolution. P. 5. Авторы также анализируют Сербию, в которой после революции произошли перемены, потому что она случилась не в патрональной демократии, а привела к смене патрональной автократии на демократию. Мы вернемся к разговору о Сербии в следующей части.

революций сопровождался, как правило, закреплением прежней патрональной конкуренции и (ограниченным) патрональным правлением лидера революции[1].

В целом, можно заметить, что **успешные цветные революции не приводят к либерализации общества, а лишь возвращают его к патрональной демократии.** Мы рассматриваем их в качестве защитных механизмов именно потому, что они не позволяют патрональным автократиям устранить динамическое равновесие патрональных демократий при попытках консолидации власти и совершении автократических прорывов. Причина, по которой эти революции не приводят к либеральной демократии, заключается в том, что **они не сопровождаются антипатрональными преобразованиями.** Хотя революционные движения выступают под лозунгами демократии, прозрачности и противодействия коррупции, **за демократическими устремлениями масс** в качестве организационной, а также политической и финансовой движущей силы **можно обнаружить недовольство патрональных сетей, подлежащих потенциальной патронализации.** Действительно, как показал пример Украины при Януковиче, без недовольства народа, вызванного срывом процесса публичного обсуждения, патрональные сети в меньшей степени способны противостоять автократическим тенденциям. Однако верно и обратное: без ресурсов конкурирующих патрональных сетей народное недовольство не может помешать правящему автократу в устранении «честной» демократической (патрональной) конкуренции. Хотя Скотт Радниц справедливо указывает на корреляцию между успехом цветных революций и уровнем приватизации, который, как он пишет, породил «новый класс капиталистов», способных сформировать эффективную оппозицию[2], он не учитывает, что эти акторы

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 311–350, 364–371.

2 *Radnitz S.* The Color of Money: Privatization, Economic Dispersion, and the Post-Soviet «Revolutions» // Comparative Politics. 2010. Vol. 42. № 2. P. 127–146.

являются не представителями «класса капиталистов», а олигархами из разных приемных политических семей, и что ресурсы страны находятся не в «частных» руках, но представляют собой систему власти-собственности [► 5.5.3.5][1]. По сути, именно из-за этих факторов и происходят автократические прорывы, которые обращаются вспять лишь для воссоздания патрональной демократии под ограниченным правлением новой неформальной патрональной сети. Если использовать термин, предложенный Хейлом, то такая модель **режимной петли** наиболее характерна для динамического равновесия патрональных демократий [► 7.3.4.1][2].

4.4.3. Патрональные автократии: разделение ресурсов власти и проблема передачи власти

4.4.3.1. Неудавшиеся цветные революции: монопольная структура консолидированных патрональных автократий

Можно, пожалуй, обвинить нас в том, что мы не упомянули сербскую «бульдозерную революцию» 2000 года, которую некоторые исследователи называют первой цветной революцией Евразии[3]. И правда, тот факт, что эта революция удалась, кажется, опровергает наш тезис о том, что успешные цветные революции случаются только в патрональных демократиях: ведь Сербия при Слободане Милошевиче скорее представляла собой патрональную автократию[4]. Однако не

1 Подробнее про Украину см.: *Minakov M.* Republic of Clans.

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 87–93.

3 *Bunce V., Wolchik S.* Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. P. 85–113.

4 *Hale H.* Patronal Politics. P. 463–465. Подчеркивая неформальную патрональную суть режима, Левицкий и Вэй отмечают, что в начале 1990-х «Милошевич отменил предпринятые ранее попытки приватизации и систематически назначал своих союзников на управляющие посты в государственных, окологосударственных и даже частных предприятиях. По некоторым оценкам, через

стоит также забывать, что мы в основном говорим о внутренней стабильности и защитных механизмах. Хотя мы допускаем, что внешние факторы (например, поддержка демократии или помощь оппозиции со стороны США[1]) могут влиять на текущие внутренние процессы и катализировать их, мы также выносим за скобки потенциальные внешние потрясения, способные подорвать внутриполитическую логику конкретного режима и привести таким образом к распаду системы, которая при обычных обстоятельствах является довольно стабильной. В случае Сербии внешнее потрясение сыграло решающую роль. С одной стороны, вплоть до 2000 года Милошевич действительно управлял страной как верховный патрон. Но, с другой стороны, за это время страна прошла через распад Югославии, кровавые гражданские войны, этнические конфликты, войну в Косово (в которую вмешалась НАТО в 1999 году), а также испытала на себе многочисленные политические и экономические санкции[2]. Несмотря на то, что молодежные организации и фракции политической элиты, поддерживаемые США, безусловно, сыграли важную роль для успешной реализации открывшейся возможности[3], сама эта возможность представилась в основном в силу внешних факторов, не являющихся следствием ни внутриполитической логики режима, ни обычных социально-экономических флуктуаций, присущих стабильным политическим системам [▸ 7.4]. Поэтому наш тезис о том, что только в патрональных демократиях могут происходить успешные цветные революции, подрывающие внутреннюю логику таких режимов

использование подобных политических инструментов Милошевич и его жена получили контроль над 85% национальной экономики» *(Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 106).

1 *Bunce V., Wolchik S.* Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. P. 21–26.

2 *Gerlach J.* Color Revolutions in Eurasia. P. 4.

3 *Bunce V., Wolchik S.* Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. P. 100–105.

(более того, они являются защитными механизмами, возвращающими эти режимы к патрональной конкуренции), не опровергается успехом «бульдозерной революции», потому что он не был результатом внутриполитических процессов сербской автократии.

В тех государствах, где внутренняя политическая логика режима не была нарушена внешними факторами, цветные революции против консолидированной патрональной автократии неизменно приводили к неудачам. Во-первых, **в Азербайджане** спустя два года после того, как Ильхам Алиев фактически унаследовал президентство от своего отца Гейдара Алиева, лидеры оппозиции объединились против него на парламентских выборах, а также попытались, несмотря на репрессивные законы и несбалансированность прав на свободу собраний, вывести народ на улицы столицы, Баку. Полиция и служба безопасности патрона ответили на это массированным применением силы, а лидеры оппозиции столкнулись с судебным преследованием и в итоге не смогли ни мобилизовать большие массы людей, ни каким-либо существенным образом изменить режим[1]. Во-вторых, в 2006 году произошла «**джинсовая революция» в Беларуси**, которая является скорее бюрократическим, чем неформальным патрональным режимом, поскольку верховный патрон Александр Лукашенко опирается в основном на формальные механизмы государственных институтов, которые функционируют в рамках «уникальной, примитивной и провинциальной модели слаборазвитого мафиозного государства»[2] (в нашей треугольной схеме такое государство располагается где-то между патрональной автократией и диктатурой с использованием рынка). Лукашенко изменил конституцию таким образом, чтобы иметь возможность бессрочно занимать президентский пост,

1 *Gerlach J.* Color Revolutions in Eurasia. P. 19–20.

2 *Rouda U.* Is Belarus a Classic Post-Communist Mafia State? // Stubborn Structures. P. 247–274.

а когда оппозиция объединилась против него на выборах и гражданским активистам в знак протеста удалось построить палаточный городок, правоохранительные органы просто демонтировали его и посадили в тюрьму нескольких членов оппозиции. Александр Козулин, один из двух лидирующих оппозиционных кандидатов, был приговорен к пяти годам лишения свободы[1]. Другая «цветная революция», исход которой на момент сдачи рукописи в печать неизвестен, разразилась в **Беларуси после фальсификаций на президентских выборах 2020 года**[2]. Хотя способы консолидации белорусской автократии за пятнадцать лет после «джинсовой революции» менялись, мы видим, что Лукашенко в попытках подавить массовые демонстрации, ставящие под сомнение легитимность режима (которые, в свою очередь, носили мирный характер), по-прежнему использует полицейское насилие. В то же время Лукашенко провел встречу с заключенными белорусскими оппозиционерами[3] — по примеру польского министра внутренних дел Чеслава Кищака, который посетил в тюрьме заключенных членов антикоммунистического движения «Солидарность» перед сменой режима в 1989 году. Эта ситуация свидетельствует о мертвой точке, в которой жестокость белорусского государства столкнулась с решимостью и активным недовольством белорусского народа, а выход из нее, вероятно, во многом зависит от возможностей вмешательства путинской России [▸ 7.4.3.2].

Наконец, в **России**, которая является хрестоматийным примером патрональной автократии, в 2011 году в Москве прошли массовые протесты против фальсификаций выборов.

1 *Gerlach J.* Color Revolutions in Eurasia. P. 20–22.

2 *Shkliarov V.* Belarus Is Having an Anti-«Cockroach» Revolution // Foreign Policy. 04.06.2020. URL: https://foreignpolicy.com/2020/06/04/belarus-protest-vote-lukashenko-stop-cockroach/.

3 Belarus Protests: Lukashenko Holds Meeting with Opponents in Jail // BBC News. 10.10.2020. URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-54496233.

Мобилизацией народных масс занимались не оппозиционные партии, а отдельные лица, такие как Алексей Навальный и Борис Немцов (который был убит четыре года спустя). В ответ на это движение «Наши» — ГОНГО правящего режима — организовали проправительственные митинги, а в патрональных СМИ, которые преобладают в российской сфере коммуникации, протестующие были объявлены преступниками. В итоге масштабные протесты прекратились, режим усилил несбалансированность прав в отношении несанкционированных демонстраций [▸ 4.3.2.1], а приемная политическая семья использовала компромат для судебного преследования Навального, который в 2013 году был приговорен к тюремному заключению за растрату и мошенничество. В результате попытка совершить цветную революцию в России также закончилась неудачей[1].

Эти примеры показывают **арсенал средств, которыми пользуются патрональные автократии для нейтрализации процесса публичного обсуждения**. Определив различные институты и технологии, которые лидеры применяют для удержания власти, мы можем использовать их для анализа неудачных цветных революций. Если в либеральных и патрональных демократиях противостояние угрозам стабильности режима заключается в защите плюрализма, то в патрональных автократиях — в его подавлении, поскольку **для патрональных автократий угроза заключается не в том, что кто-то будет единолично обладать властью, а в том, что конкурент может свергнуть единоличного обладателя власти и/или установить демократию** (вероятнее всего,

[1] *Gerlach J.* Color Revolutions in Eurasia. P. 22–24. Что касается протестов в России 2021 года, начавшихся после отравления и задержания Алексея Навального (а также выхода его документального фильма «Дворец для Путина. История самой большой взятки», который набрал за неделю более 100 млн просмотров), их исход в момент написания рукописи остается неизвестным. Главный вопрос заключается в том, достиг ли режим точки «изношенности» (то есть деконсолидации), когда он больше не может поддерживать стабильность и вызывает только общественный гнев [▸ 4.4.4.2].

патрональную в связи с чрезвычайно патроналистским характером таких обществ).

В соответствии с этой логикой можно увидеть, что отличительные признаки патрональных автократий симметрично противоположны признакам демократий:

• **ветви власти соединены и сосредоточены в руках верховного патрона,** который вследствие этого обладает властью монопольно и дискреционно распоряжается государством, применяя инструменты государственной власти и нарушая принципы конституционализма в целях обретения субстантивно-рациональной легитимности;

• **режим представляет собой однопирамидальную патрональную сеть**, то есть приемную политическую семью верховного патрона, которая является патрональным монополистом, а конкурирующие патрональные сети при этом устранены, подчинены или нейтрализованы;

• **гражданское общество находится в угнетенном положении**, то есть четыре его автономии нейтрализованы и могут сохраняться, только если не играют особой роли в политике, в то время как большая часть политических, экономических и общинных ресурсов присвоены приемной политической семьей.

Подводя итог, можно сказать, что **сутью патрональной автократии** является **неограниченное монопольное правление верховного патрона, который руководствуется принципом интересов элит.** Единоличное владение властью и личное обогащение становятся возможны в таких режимах, поскольку государство превращается в мафиозное государство: оно управляется как коммерческое предприятие приемной политической семьи (экономически), но при этом его также необходимо поддерживать (политически), ведь мы говорим не о простых грабителях, а о так называемых оседлых бандитах[1].

[1] Мы используем здесь понятия Мансура Олсона. Подробнее об этом см. Главу 7 [▸ 7.4.7.2].

4.4.3.2. Защита от давления извне: автократическая консолидация

Говоря о защитных механизмах патрональных автократий, мы можем начать с рассмотрения тех из них, что **защищают приемную политическую семью от давления извне**. «Извне» означает здесь не воздействие каких-либо внешних потрясений, например войн или экономических кризисов, но давление, производимое оппозицией в виде цветных революций и формирования избирательных блоков. Таким образом, защита гарантирована, если верховный патрон способен осуществить и поддерживать **автократическую консолидацию**, которая упоминается в Таблице 4.13, а также в предыдущей части, где мы используем термин «консолидированная патрональная автократия».

В некоторых случаях, например в Армении, верховный патрон с успехом совершает автократический прорыв и создает систему с единой пирамидой, но не может добиться автократической консолидации и в итоге оказывается свергнут[1]. Автократическая консолидация с неизбежностью влечет за собой **нейтрализацию** второго защитного механизма либеральной демократии, а именно **автономии гражданского общества. Без нее режим остается уязвимым, поскольку в нем сохраняются автономии, которые могут привести к формированию эффективной оппозиции**[2]. Отчасти именно такое положение дел Вэй охарактеризовал как «плюрализм по умолчанию», обосновывая это тем, что без достаточного политического и экономического контроля над страной слабые автократы не могут поддерживать свое правление. При этом развивается демократический плюрализм, поскольку в отсутствие сильного верховного патрона правящая элита,

[1] Good News from the Caucasus? An Introduction to the Special Issue // Demokratizatsiya. 2018. Vol. 26. № 4. P. 437–440.

[2] Подробнее о ситуации в Армении см.: *Lanskoy M., Suthers E.* Armenia's Velvet Revolution.

если использовать наши термины, приобретает форму мультипирамидальной сетевой системы[1].

Для того чтобы подавить **гражданское общество**, необходимо разрушить четыре автономии, упомянутые в Части 4.4.1.2. **Прежде всего, это автономия СМИ**, потому что, как отмечает Киш, «удовлетворительное положение СМИ является необходимым условием для осмысленного и осознанного осуществления всех политических прав»[2]. Соответственно, первым шагом верховного патрона против гражданского общества должно стать подавление прессы при помощи государственной власти или, если использовать нашу терминологию, превращение сферы коммуникации из открытого идеального типа в контролируемый [▸ 4.3.1]. Таким образом процесс публичного обсуждения уже значительно нейтрализуется, поскольку оппозиционные акторы оказываются вытеснены из фазы дискуссии и сферы коммуникации, тогда как лидеры могут использовать патрональные СМИ (как государственные, так и частные, которые находятся в руках лояльных олигархов) для монополизации дискурса политических дебатов.

Во-вторых, чтобы еще больше сократить шансы оппозиции на победу, необходимо разрушить **автономию предпринимателей**. С одной стороны, верховный патрон может заинтересовать предпринимателей в поддержании стабильности режима, сделав их клиентами, субподрядчиками и «придворными поставщиками» приемной политической семьи [▸ 6.2.2.3]. С другой — оппозиционно настроенных предпринимателей и олигархов можно лишить их финансовых ресурсов или заставить направлять деньги и имущество в приемную политическую семью. Это можно осуществить главным образом посредством дискреционного вмешательства государства: предприниматель, который занимает сторону оппозиции,

1 *Way L.* Pluralism by Default.

2 *Kis J.* Demokráciából Autokráciába. P. 59.

рискует потерять доступ к государственным контрактам и/или подвергнуться налоговым проверкам, штрафам или даже централизованному рейдерству [▸ 5.5.4].

В-третьих, **нейтрализация НПО** и создание ГОНГО важны как для ослабления контроля надзорных организаций, так и в пропагандистских целях [▸ 3.5.2]. Имеет смысл процитировать отрывок из работы Адама К. Надя, который писал о приручении НПО в Венгрии для сборника исследований под редакцией одного из авторов этой книги: «Мафиозное государство применяет многоэтапную методику одомашнивания. Первым этапом является централизация финансирования и прокурорский надзор за ним. Этот шаг приносит желаемые результаты в отношении большинства групп гражданского общества, поскольку они инвестируют ресурсы в первую очередь для реализации определенной организационной цели, а не для отстаивания своей политической позиции. Соответственно, в ответ на решение прокурора, будь то ограничение финансирования или перспектива такового в случае наличия списков ожидания, они не станут выражать свое недовольство такой методикой. Если ограниченного финансирования недостаточно для достижения цели, государство использует СМИ, например для того, чтобы **подвергнуть давлению СМИ оппозиционно настроенных акторов гражданского общества**. На этом этапе выживут только те организации, которые из трех задач гражданского общества (участие, служба и контроль) не будут отстаивать идеи ограничения власти государства. Если давление СМИ не имеет должного эффекта, для исполнения воли правительства государство **применяет принудительные средства**. Тогда как первый метод использовался в Венгрии [после смены режима] в условиях ее не вполне реализованной демократической модели неоднократно, применение второго метода было практически беспрецедентным. Наконец, развертывание центральной власти показывает, как

работает безоговорочно недемократическая система» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1].

Наконец, **автономия граждан** массово нарушается путем превращения их в слуг или клиентов через то, мы называем «общественной патронализацией» в Главе 6 [▸ 6.2]. На этом этапе мы обращаемся к триаде Хиршмана «голос — выход — верность»[2] и утверждаем, что ключом к сдерживанию людей является использование инструментов государственной власти, полученных в результате автократического прорыва, для того чтобы **превратить потенциальный голос в принудительную лояльность**. Патрональные автократии отличаются от коммунистических диктатур тем, что позволяют людям совершить выход из режима, что, по сути, способствует его стабильности через «добровольное изгнание» недовольных [▸ 6.2.2.1]. Однако, помимо этого, должна быть нарушена автономия голоса остающихся людей, которая проявляется, когда — как это бывает в либеральных демократиях — свободные граждане участвуют в политической деятельности согласно своим предпочтениям, выражают свое мнение и поддерживают тех политических акторов, кого посчитают нужным. С одной стороны, эта автономия нарушается через нейтрализацию фаз дискуссии, объединения и избрания, входящих в процедуру публичного обсуждения [▸ 4.3.1–3]. С другой — за использование своего голоса **люди могут быть подвергнуты наказаниям**. Эти наказания могут принимать разнообразные формы, такие как угроза увольнения с работы или попадание в различные «черные списки» государственных компаний, из-за которых люди с неподходящим политическим прошлым теряют доступ к ресурсам, контролируемым приемной политической семьей[3]. Однако наиболее радикальным средством

1 *Nagy C. Á.* The Taming of Civil Society // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 573.

2 Ср.: *Хиршман А. О.* Выход, голос и верность.

3 Political Discrimination in Hungary.

является, вероятно, **политически выборочное правоприменение**, поскольку оно позволяет (1) преследовать важных деятелей оппозиции, партийных лидеров и организаторов движения и (2) беззастенчиво дискриминировать людей по политическим мотивам, отклоняя их юридически обоснованные жалобы на дискриминацию [▸ 4.3.5]. Выборочное правоприменение, несомненно, является **важным инструментом нейтрализации любой автономии**, поскольку его можно использовать против любого актора или института, будь то СМИ, олигарх / предприниматель, НПО или рядовой гражданин. Кроме того, фактическое приостановление действия нормативного права не обязательно должно производиться в массовом порядке: достаточно применить наказание лишь к нескольким людям эффектным, демонстративным способом, чтобы это возымело демобилизующее действие на более широкие слои населения [▸ 4.3.2.1].

Хотя автократическая консолидация — это сложный процесс, и ее уровень невозможно измерить напрямую, **данные из таких индексов демократии, как индекс верховенства закона организации *The World Justice Project* (*WJP*),** позволяют нам сделать соответствующие выводы[1]. Для иллюстрации разнообразных траекторий режимов, представленных в Главе 7, мы выбрали двенадцать посткоммунистических стран [▸ 7.3]. Эти страны упорядочены в соответствии с тремя показателями, которые измеряет *WJP*: (1) **ограничение полномочий институтов власти**, который показывает, действительно ли государственные полномочия ограничены законодательной и судебной властью, независимым аудитом и другими институтами, действующими в рамках власти закона; (2) **влияние правительства на гражданское правосудие**, что является

[1] WJP. Rule of Law Index 2019. Washington DC: World Justice Project, 2019. URL: https://worldjusticeproject.org/sites/default/files/documents/ROLI-2019-Reduced.pdf. Мы в долгу перед Мартоном Козаком за его рекомендации касательно индекса *WJP*.

дополнительным аспектом, определяющим, свободна ли система гражданского правосудия от неправомерного государственного или политического влияния; и (3) **соблюдение основных прав**, который измеряет эффективные гарантии надлежащей правовой процедуры, а также свободу мнений и их выражения, убеждений и религии, собраний и т. д. Перечисленные аспекты позволяют нам оценить уровень автократической консолидации: слабые ограничения власти указывают на автократический прорыв в странах с многопартийными выборами (то есть в тех, которые не являются открытыми диктатурами); неправомерное влияние государства на гражданское правосудие означает политически выборочное правоприменение; и соблюдение основных прав хорошо определяет примерный уровень автономии граждан, которая является необходимой основой сильного гражданского общества.

В Таблице 4.14 представлены двенадцать стран в соответствии с первыми двумя показателями. После Китая, который представляет собой диктатуру, следуют четыре страны с наименьшими ограничениями власти, а именно **Россия, Венгрия, Казахстан и Молдова** (в указанном порядке). В этих четырех странах из двенадцати был **совершен автократический прорыв**, приведший по состоянию на 2017–2018 годы (когда были собраны данные) к консолидации различной степени. Факт автократического прорыва, имевшего место в этих странах, отображен в Таблице 4.14 не только потому, что власть в них мало ограничена, но и потому, что среди всей выборки многопартийных режимов **они характеризуются самым неправомерным влиянием правительства на гражданское правосудие**. Единственной патрональной демократией в этой категории является Украина, страна, которой свойственны острая патрональная конкуренция и регулярные, безуспешные попытки установления автократии приемной политической семьей, находящейся у власти [▸ 7.3.4.2].

Таблица 4.14: Двенадцать посткоммунистических стран в соответствии с показателями ограничения полномочий институтов власти и влияния правительства на гражданское правосудие. Автократии выделены жирным шрифтом. Страны расположены в порядке убывания по ограничению власти. Источник: данные из отчета WJP (2019)

		Неправомерное влияние правительства на гражданское правосудие (1: полностью свободны от влияния; 0: целиком в ручном управлении)			
		0.73–0.89	0.56–0.72	0.39–0.55	0.22–0.38
Ограничение полномочий институтов власти (1: сильно ограничены; 0: не ограничены)	0.73–0.89	Эстония, Чехия			
	0.56–0.72		Румыния	Грузия, Польша	
	0.39–0.55			Македония	Украина, **Молдова, Казахстан, Венгрия**
	0.22–0.38				**Россия**, Китай

Таблица 4.15: Двенадцать посткоммунистических стран в соответствии с показателями ограничения полномочий институтов власти и соблюдения основных прав. Автократии выделены жирным шрифтом. Страны расположены в порядке убывания по ограничению власти. Источник: данные из отчета WJP (2019)

		Соблюдение основных прав (1: полностью соблюдаются; 0: не соблюдаются вовсе)			
		0.73–0.89	0.56–0.72	0.39–0.55	0.22–0.38
Ограничение полномочий институтов власти (1: сильно ограничены; 0: не ограничены)	0.73–0.89	Эстония, Чехия			
	0.56–0.72		Грузия, Польша, Румыния		
	0.39–0.55		Македония, Украина, **Венгрия**	**Молдова, Казахстан**	
	0.22–0.38			**Россия**	Китай

В Румынии, которая также является патрональной демократией, но с менее настойчивыми попытками установления автократии, гражданское правосудие слабее контролируется государством, а судебное преследование по сути является политически пропорциональным, а не политически выборочным [▸ 4.3.5.1, 7.3.2.3]. На другом конце континуума мы можем наблюдать Эстонию и Чехию, где сильные демократические принципы и институты гарантируют наименьшее неправомерное влияние правительства на правосудие из всей выборки (хотя с 2013 года в Чехии была предпринята попытка патронализации [▸ 7.3.3.3], и некоторые отчеты свидетельствуют о единичных случаях неправомерного вмешательства правительства в гражданское правосудие)[1].

Использование политически выборочного правоприменения в четырех автократиях означает, что верховные патроны этих стран получили наиболее полезный инструмент для достижения автократической консолидации. Тем не менее по состоянию на 2018 год **эта консолидация удалась им в разной степени**. Так, в Таблице 4.15 (ниже) показаны ограничения полномочий власти и соблюдение основных прав в этих странах. Очевидно, что ни в одной патрональной автократии эти права не подавляются так, как в диктаторском режиме Китая (0,32 балла из 1), но, с другой стороны, они также далеки от таких либеральных демократий, как Эстония (0,83) и Чехия (0,78). Данные свидетельствуют о том, что среди патрональных автократий автономия граждан наиболее всего нарушена в России (0,45), за которой следуют Казахстан (0,46), Молдова (0,54) и Венгрия (0,58). Тогда как предыдущая таблица отображает автократический прорыв, Таблица 4.15 показывает, что **Россия является наиболее консолидированной автократией в группе, а Венгрия — наименее**. Опять же

[1] *Hanley S., Vachudova M.A.* Understanding the Illiberal Turn: Democratic Backsliding in the Czech Republic // East European Politics. 2018. Vol. 34. № 3. P. 276–296.

стоит повторить, что это лишь приблизительный показатель, и сложный процесс автократической консолидации должен измеряться через более тщательное исследование всех четырех автономий. Однако все же одним из доказательств, подтверждающих наш вывод, является уровень насилия в период выборов в соответствующих странах. Ученые используют понятие «насилие в ходе выборов» в качестве зонтичного термина, обозначающего преследование оппозиции, беспорядки и протесты после выборов, применение насилия в ходе протестов и другие действия насильственного характера, связанные с выборами и повлекшие за собой гибель мирных граждан[1]. Ряд данных неизменно показывает, что в ходе выборов в путинской России произошло множество случаев насилия[2], тогда как в Венгрии при Орбане таких случаев было довольно мало. Так, некоторые (малозначительные) оппозиционные деятели были арестованы, а аффилированные с партией «Фидес» скинхеды однажды физически заблокировали путь одному из политиков-социалистов, который шел подавать заявку на референдум[3], однако ни одна демонстрация не была разогнана насильственными методами, а крупных оппозиционных политиков и партии никогда не преследовали и не пытались убить. В 2019 году оппозиция даже смогла занять некоторые ключевые должности, включая пост мэра Будапешта. Если представить шкалу, на одном полюсе которой находится «мирное» принуждение, а на другом — кровопролитное насилие, то расположение на ней инструментов, ограничивающих

1 *Mochtak M.* Fighting and Voting: Mapping Electoral Violence in the Region of Post-Communist Europe // Terrorism and Political Violence. 2018. Vol. 30. № 4. P. 589–615.

2 *Lankina T.* The Dynamics of Regional and National Contentious Politics in Russia: Evidence from a New Dataset // Problems of Post-Communism. 2015. Vol. 62. № 1. P. 26–44; *Birch S., Muchlinski D.* The Dataset of Countries at Risk of Electoral Violence // Terrorism and Political Violence. 2017. P. 1–20.

3 *Bozóki A.* Hungarian «Exceptionalism»: Reflections on Jeffrey C. Isaac's Illiberal Democracy.

политическое участие и механизмов насаждения дисциплины и принудительного подчинения, применяемых различными странами, показывает, что в Венгрии люди пользуются большей автономией, чем в России. Фактически уровень принуждения в посткоммунистических мафиозных государствах различается в зависимости от их геополитического положения: предельный уровень возможного насилия во входящей в ЕС Венгрии ниже, чем в России, которая не является его членом, а в России, в свою очередь, он ниже, чем в посткоммунистических мафиозных государствах Центральной Азии [▸ 7.4.3.2][1]. Низкий уровень насилия в Венгрии связан также с тем фактом, что поведение Орбана является в своей сущности конкурентным и он не стремится стать «отцом нации», как Путин или автократы в Центральной Азии[2], что является еще одним признаком автократической консолидации.

Таким образом, **консолидированный режим может поддерживаться через дискреционное использование инструментов государственной власти**. Обладая монополией на власть, верховный патрон распоряжается государством и может использовать эти инструменты для нейтрализации своих конкурентов, сохраняя при этом демократический фасад. Именно этому посвящена Часть 4.3, в которой говорится об институтах публичного обсуждения, а черты и процессы патрональных автократий описываются следующим образом: (1) формирование контролируемой сферы коммуникации, которая нейтрализует оппозицию в ходе фазы дискуссии; (2) несбалансированность прав и институционализированная система с доминирующей партией, нейтрализация ассоциаций и общественных движений оппозиции; (3) проведение кампаний, формирующих лояльность, а также манипулируемых выборов, при которых свободный выбор избирателей

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 242–248.

2 *Krekó P., Enyedi Z.* Orbán's Laboratory of Illiberalism // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. № 3. P. 39–51.

становится несвободным; (4) создание инструментальных законов и законов по индивидуальному заказу, направленных на оппозиционных деятелей политической, экономической и общинной сфер; (5) использование против конкурентов и в пользу приемной политической семьи политически выборочного правоприменения. Все это кратко выражает суть того, как патрональные автократии могут защитить себя от давления извне без применения насилия или формальной ликвидации плюрализма в политике.

4.4.3.3. Защита от давления изнутри: разделение ресурсов власти

Помимо очевидной выгоды в виде накопления состояния, стабильность патрональной сети отвечает интересам **ее членов**, то есть клиентов приемной политической семьи по двум причинам. Во-первых, как отмечают Норт и его соавторы, если «позиции, привилегии и ренты отдельных элит <...> зависят от ограниченного доступа, обеспечиваемого продолжающимся существованием режима, все элиты имеют стимулы для того, чтобы поддерживать коалицию и способствовать ее сохранению»[1]. Во-вторых, патронализм разрешает проблему «трагедии общих ресурсов»[2]. Тогда как разобщенные коррумпированные акторы зачастую чрезмерно эксплуатируют общий фонд государственных ресурсов, потому что у него нет одного владельца, который мог бы надлежащим образом защищать его (см. слабое государство [▸ 2.5.2]), верховный патрон воспринимает государство как свою частную

1 *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 66.

2 Мы заимствовали идею о связи патронализма с «трагедией общих ресурсов» из работы: *Dubrovskiy V.* Ukraine after 2019 Elections: Prospects for the Rule of Law: presented at the «Partners in Eastern Europe: Multiple Crossroads»: conference. Budapest, 09.12.2019. Также в Главе 5 рассматривается понятие «фиаско рынка» [▸ 5.2].

собственность и может эффективно управлять потоками государственных ресурсов, гарантируя тем самым, что источники ренты не истощатся [▸ 7.4.7.2]. Однако **высокопоставленные члены приемной политической семьи могут выступить против верховного патрона** и попытаться найти ему замену. Верховный патрон должен быть в состоянии справляться с такими деструктивными тенденциями, которые не похожи на конкуренцию патронов более низкого уровня, поскольку эта конкуренция представляет собой борьбу за расширение привилегий, а не за позицию лидера [▸ 7.4.3.1].

Против оказываемого приемной политической семьей внутреннего давления может быть применен тот же арсенал средств государственной власти, что и против внешнего. Как отмечает Хейл, патрональный президентский режим является «чрезвычайно мощным оружием, которое его обладатель может использовать в отношении элит, чтобы „разделять и властвовать“, как внутри, так и за пределами его ближайшего круга клиентов <...>. Назначаемых чиновников можно уволить. Избираемых чиновников можно победить на выборах или добиться их исключения из избирательного бюллетеня. Бизнес-элитам можно отказать в выдаче лицензии, лишить аффилированных с государством деловых партнеров, подвергнуть непосильным проверкам и штрафам или ликвидировать посредством <...> государственных органов, контролируемых президентской сетью. Судебные элиты можно лишить дохода или жилья, а иногда — отстранить от должности. И, конечно, любого можно подкупить, привлечь к ответственности или просто унизить»[1]. Такие методы могут дорого обойтись правителю либо в политическом плане — нелояльный актор может организовать утечку конфиденциальной информации или начать финансировать оппозиционные силы, — либо в финансовом, если речь идет об олигархе-ренегате, который также

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 83.

является важным промышленником в стране [▸ 3.4.1.4]. Так или иначе, **чтобы положить конец нелояльности, для верховного патрона целесообразно принять так называемую стратегию приверженности**. Мы заимствуем это понятие из теории игр и можем утверждать, что если верховный патрон показывает, что он готов бороться с нелояльностью до конца, пусть даже ценой собственного благополучия, члены приемной политической семьи примут это к сведению и поймут, что нелояльность приведет к борьбе не на жизнь, а на смерть. Нелояльность, таким образом, становится крайне непривлекательной, а до тех пор, пока клиенты сохраняют лояльность, верховному патрону не нужно справляться с угрозой своему положению и нести большие расходы. В связи с этим стратегия является рациональной и продлевает существование режима[1].

Для того чтобы стратегия приверженности работала, **клиенты должны понимать, что патрон не просто выражает свое желание наказывать за нелояльность, но и может с легкостью его реализовать.** Фактически именно понимание того, что патрон способен дискреционно наказывать, и удерживает патрональную пирамиду от распада. Акторы остаются лояльными только в том случае, если они верят, что верховный патрон полностью контролирует инструменты государственной власти и может осуществлять наказания с помощью таких средств, как инструментальное право, выборочное правоприменение и грабительские предписания [▸ 5.5.4]. Однако если эта вера исчезает, а клиенты начинают думать, что верховный патрон уже не так могуществен (например, потому что он стар и должен покинуть свой пост)[2], патрональная сеть утрачивает свою сплоченность, а ее члены начинают переходить на сторону потенциальных (будущих) верховных патронов.

1 Ср.: *Schelling T.C.* Strategies of Commitment // Strategies of Commitment and Other Essays. Harvard: Harvard University Press, 2007. P. 1–26.

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 84–85.

Хейл называет это явление «синдромом хромой утки»[1], что, по сути, является самоисполняющимся пророчеством, когда вера в то, что власть верховного патрона ослабевает, действительно приводит к ее ослаблению.

Хотя власть верховного патрона может быть все еще довольно сильна, чтобы не стать хромой уткой и гарантировать, что никто не сможет посягнуть на его власть, патрон может принимать определенные **превентивные меры**. Таким образом, в патрональных автократиях можно наблюдать, что, **хотя верховный патрон устраняет разделение ветвей власти в государстве, он разделяет ресурсы власти в приемной политической семье**. Это означает, что верховный патрон не позволяет никому, кроме себя, распоряжаться теми политическими и экономическими ресурсами, которые необходимы для того, чтобы бросить ему вызов и/или самостоятельно создать автономную патрональную сеть.

В Таблице 4.16 представлена схема разделения ресурсов власти идеального типа. **Единственный, кто может объединить все ресурсы в своих руках, а именно органы исполнительной власти, партию, национальную экономику и общенациональные СМИ, — это верховный патрон**[2]. Естественно, он владеет этими ресурсами не напрямую, а через экономических и/или политических подставных лиц, причем последние используются, когда собственность, которая представляет собой экономический или медиаресурс, передается на постоянное государственное попечение (горячая национализация [▸ 5.5.3.3]). Тем не менее **полигархи, занимающие в патрональной пирамиде положение ниже верховного патрона**,

1 См., например: Ibid. P. 178–240.

2 Мы перечисляем только эти четыре типа ресурсов власти для простоты изложения. Помимо наших примеров, в таких странах, как Россия, ресурсы, которые должны быть отделены от верховного патрона, могут включать в себя службу безопасности и вооруженные силы (то есть контроль над соответствующими органами власти).

Таблица 4.16: Разделение ресурсов власти идеального типа внутри приемной политической семьи

	Исполнительная власть	Партийная власть (партия)	Экономическая власть на национальном уровне	Общенациональные СМИ
Верховный патрон	+	+	+	+
Полигарх (1)	+	–	+ –	–
Полигарх (2)	–	+	+ –	–
Олигарх (1)	+ –	–	+	–
Олигарх (2)	+ –	–	–	+
Политическое подставное лицо	–	–	–	–
Экономическое подставное лицо	–	–	–	–

Условные обозначения: «+» означает, что актор обладает властью, «–» означает отсутствие власти у актора, а «+ –» означает, что он обладает властью, но только в ограниченном объеме

обладая некоторой неформальной экономической властью, **могут сохранять за собой либо исполнительную власть, либо партийную**. Так, в демократических партиях эти роли обычно не разделяются: члены исполнительной власти также являются важными членами своей партии, они могут высказать критические мнения или даже действовать против лидера партии, если с ним не согласны. Однако партии типа «приводной ремень» являются партиями вассалов именно потому, что внутрипартийные демократические процессы в них устранены, а характеристика «приводной ремень» говорит о том, что их члены не имеют реального влияния на политические или исполнительные решения [▸ 3.3.8, 4.3.4.4]. Полигархи, обладающие партийным ресурсом, выполняют такие роли, как руководитель партии или партийный организатор, но, как правило, не участвуют в принятии исполнительных решений.

Олигархи, входящие в приемную политическую семью, также являются «узкопрофильными» в том смысле, что, несмотря на обладание негласной политической (исполнитель-

ной или партийной) властью, **не могут иметь общенациональную экономическую и медийную власть одновременно**. Либо, имея первую, они осуществляют права собственности на крупные компании или корпорации, составляющие важную часть национальной экономики, либо, имея вторую, владеют общенациональными телеканалами и радиостанциями. Однако не следует забывать, что олигархи фактически являются высокопоставленными подставными лицами верховного патрона [▸ 3.4.3], соответственно, наличие в их руках ресурсов власти обусловлено их лояльностью (особенно в случае медиаолигархов, так как общенациональные СМИ являются чрезвычайно важными политическими активами). Кроме того, их власть ограничена, а верховный патрон по своему желанию может (неформально) накладывать на нее вето.

Политические и экономические подставные лица не обладают властью. У них есть формальные должности, но они не могут по своему усмотрению использовать вверенные им полномочия. Их положение полностью зависит от верховного патрона, который может применять против них вышеупомянутые средства государственной власти и патрональный президентский режим, если они проявят непокорность. Такие политические подставные лица, как депутат или рядовой (не полигарх) член партии, просто выполняют приказы верховного патрона; в свою очередь, экономические подставные лица записывают собственность акторов более высокого уровня на свое имя, затрудняя тем самым их экономическую и юридическую ответственность [▸ 5.3.3.2]. При этом высокопоставленные подставные лица (не всегда олигархи) могут иметь право управлять повседневной деятельностью компаний и, следовательно, осуществлять некоторые права на собственность. Однако эти права могут быть отозваны, а их патрон — в конечном счете верховный патрон однопирамидальной системы — является истинным владельцем тех активов, которыми они управляют [▸ 5.5.3.4]. То, чем они

могут управлять или что могут тратить самостоятельно, — это **личное состояние**, которое является, как правило, частью их номинальной собственности. Накопление личного состояния в качестве основного принципа правящей политической элиты является привилегией членов приемной политической семьи. Каждый ее член, занимающий должности различной значимости, начиная от тех, что (более чем) достойно оплачиваются и заканчивая теми, что приносят миллионы и миллиарды, получает свой «пряник», однако это всегда происходит под занесенным над ними «кнутом» верховного патрона[1].

То, что может выглядеть со стороны как конфликт внутри правящей партии (будто бы она и есть настоящий центр власти [▸ 3.3.8]), — **это часто не что иное, как очередная попытка верховного патрона сохранить разделение ресурсов власти.** В этой связи показательным является пример Яноша Лазара и Золтана Шпедера в Венгрии[2]. Они оба являлись членами приемной политической семьи, при этом Лазар обладал политической властью (исполнительной властью в качестве руководителя канцелярии премьер-министра), а Шпедер — экономической (в банковской сфере) и медийной (как владелец одного из самых читаемых онлайн-порталов *Index.hu*). Тот факт, что Шпедер обладал двумя ресурсами власти, несомненно, уже считался проблематичным. По словам журналиста-расследователя, «Шпедер получил недвусмысленное сообщение <...>: будь либо банкиром, либо владельцем СМИ, но не обоими сразу. Круг Орбана чувствовал, что финансовый гигант, владеющий средствами массовой информации, — это для них слишком. Они никоим образом не хотели появления

1 *Lanskoy M., Myles-Primakoff D.* Power and Plunder in Putin's Russia. P. 78–80.

2 *Magyari P.* The Rise and Fall of Zoltán Spéder // The Budapest Beacon. 16.06.2016. URL: https://budapestbeacon.com/rise-fall-zoltan-speder/; *Balogh E.* Another Government Shake-up: Greater Confusion Guaranteed // Hungarian Spectrum (blog). 07.07.2016. URL: https://hungarianspectrum.org/2016/07/07/another-government-shake-up-greater-confusion-guaranteed/.

на сцене еще одного Лайоша Шимички [бывший олигарх ближнего круга, имевший чрезмерное влияние], особенно такого, который одновременно собирает коммунальные платежи и влияет на общественное мнение»[1]. Хотя Шпедер и Лазар первоначально были уполномочены выполнять разные роли в плане концентрации власти и накопления богатства, они хотели большего и решили объединиться. Но в этот момент вмешался Орбан и лишил их обоих ресурсов власти. Лазар был отстранен от должности в министерстве и лишен всех позиций, предполагавших политическую власть, тогда как Шпедер был вынужден отдать свою экономическую империю после применения к нему закона по индивидуальному заказу, дискреционного надзорного вмешательства со стороны Службы финансово-бюджетного надзора Венгрии, подрыва репутации и политически выборочного правоприменения, осуществляемого Государственной прокуратурой[2]. Тем самым верховный патрон не только расправился с проявлением нелояльности, но и остановил олигархов и полигархов от объединения их ресурсов власти. Так Орбан предотвратил появление потенциального претендента в рамках своей приемной политической семьи.

Возвращаясь к Таблице 4.16, необходимо отметить, что характеристик «на национальном уровне» и «общенациональный» к экономической и медийной власти имеет особое значение **в многоуровневых единых пирамидах**. Как мы

[1] *Magyari P.* The Rise and Fall of Zoltán Spéder. Подробнее о Шимичке и о том, как Орбан положил конец концентрации чрезмерной власти в его руках см.: *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 95–102.

[2] *Kasnyik M.* Ilyen Államilag Koordinált Leszámolást Még Nem Láttunk [Такой государственной координации мы еще не видели] // 444. 08.06.2016. URL: http://444.hu/2016/06/08/ilyen-allamilag-koordinalt-leszamolast-meg-nem-lattunk; *Urfi P.* Újra Meghosszabbította Az Ügyészség a Spéder Elleni Nyomozást [Прокуратура снова продлила расследование в отношении Шпедера] // 444. 09.01.2018. URL: https://444.hu/2018/01/09/ujra-meghosszabbitotta-az-ugyeszseg-a-speder-elleni-nyomozast.

писали в Главе 2, многоуровневые единые пирамиды преобладают в крупных странах, где верховный патрон не нарушает автономию органов местного самоуправления и вместо этого держит их в безвыходном положении в рамках посреднической автономии, когда местные сети власти обладают в своих регионах значительной самостоятельностью, при этом отдавая ресурсы верховному патрону и подчиняясь ему [▸ 7.4.3.1]. В соответствии с этими условиями **главные патроны нижних уровней в локальном контексте могут обладать всеми четырьмя типами ресурсов власти**. Для них было бы также логично иметь похожее разделение ресурсов власти и среди своих локальных клиентов. Но **верховный патрон высшего уровня никогда не позволит им сконцентрировать в своих руках аналогичное количество власти на общенациональном уровне**, поскольку это позволило бы субпатронам бросить вызов верховному патрону, организовать цветную революцию или, возможно, «дворцовый переворот»[1]. Следовательно, верховный патрон осуществляет не только разделение четырех вышеперечисленных ресурсов власти, но и географическое разграничение власти.

4.4.3.4. Проблема передачи власти: постепенность, законное наследование и хромые утки

Инструменты государственной власти и разделение ее ресурсов в рамках приемной политической семьи являются эффективными защитными механизмами, которые оберегают власть от внутренних угроз. Однако, хотя верховные патроны стремятся закрепить свое положение навечно, все же они не бессмертны. С одной стороны, режимы могут в итоге прийти к состоянию «изношенности», утратив свою консолидированность, что открывает путь для (революционных)

[1] Ср.: *Hale H.* Patronal Politics. P. 228–229.

изменений [▸ 4.4.4.2]. С другой стороны, если режим хочет выжить, то ситуация, когда основавший и контролировавший его человек умирает, уходит на пенсию или иным образом становится неспособен занимать свой пост, поднимает **проблему передачи власти**.

Корень этой проблемы кроется в самой сущности режима, а конкретнее, в том, что **верховный патрон централизует власть и разрушает конкурирующие патрональные сети**. В однопирамидальной системе положение верховного патрона уникальным образом сосредотачивает в себе такие полномочия, с которыми не сопоставима власть субпатронов (и даже субверховных патронов). Именно таким образом и гарантируется стабильность режима, следовательно, отсюда возникает разделение ресурсов власти. При этом **неясно, кто должен прийти на смену верховному патрону**, так как второй настолько же влиятельной патрональной сети во главе с субверховным патроном не существует, а вместо это есть некоторое множество примерно равных по значению акторов.

Одним из решений этой проблемы может быть **постепенная передача власти с трансформацией президентских полномочий из неделимого блага в делимое**. Его примером служит Казахстан во главе с Нурсултаном Назарбаевым, который подал в отставку в 2019 году после трех десятилетий президентства[1]. В предшествующие отставке Назарбаева годы специально для него был создан пост «лидер нации», а компетенции одной из других его должностей, а именно председателя Совета безопасности Казахстана, были изменены. С 2019 года он по закону пожизненно занимает обе эти должности, предоставляющие ему (1) юридическую неприкосновенность и (2) право вето и фактически исполнительные полномочия для принятия политических решений (он контролирует программные документы наравне с президентом

1 Kazakh Leader Resigns after Three Decades.

и правительством). Кроме того, Назарбаев остался главой партии «Нур Отан», которая в 2016 году получила на выборах более 80% голосов. Таким образом, 78-летний верховный патрон передал президентство одному из своих лояльных клиентов, сохранив при этом полноту власти. Исполнительная власть была поделена, но Назарбаев стремился к этому разделению, в результате которого (а вовсе не в результате отдельного избирательного процесса, как это произошло бы в патрональной демократии) обе составляющие исполнительной власти руководствуются его решениями, спускающимися сверху вниз. Если эта постепенная передача власти продолжится, то к тому времени, когда Назарбаев действительно покинет политическую сцену, будет выстроена упорядоченная иерархия, а приемная политическая семья Назарбаева сможет продолжать править страной [▸ 3.3.2.2].

Более простое решение для покидающего свой пост патрона — **объявить преемника**, как это сделал Гейдар Алиев с сыном Ильхамом[1]. Однако, как предостерегает Хейл, это **работает далеко не всегда**. «Любые не уполномоченные править сети вынуждены опасаться, что наследник <...> при попытке установить свое господство лишит их власти и богатства <...>. Когда потенциальные претенденты из элит решают, стоит ли им поддерживать выбранного действующим президентом преемника, они должны сравнивать вероятное наказание за отказ сделать это с (a) возможностью того, что они будут наказаны в любом случае, и (b) того, что в условиях конкуренции они смогут одержать победу над преемником и заявить свои права на более крупную долю государства»[2].

Правда, само ожидание, что верховный патрон покинет свой пост еще до того, как это произойдет в действительности, «подстегивает» нарушение лояльности, что «может

[1] *Hale H.* Patronal Politics. P. 291–302.

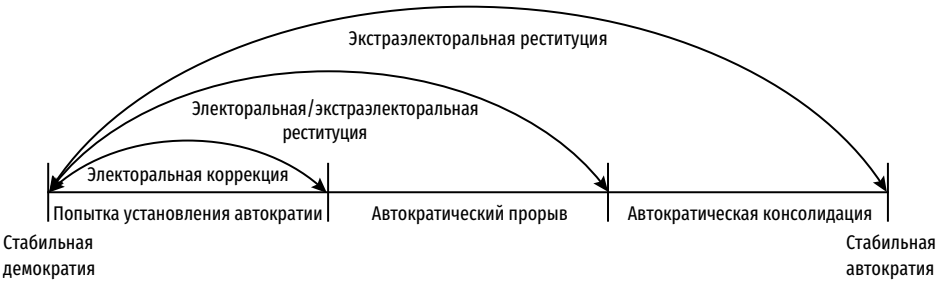
[2] Ibid. P. 85.

подорвать способность президента формировать ожидания элиты [или решать], кто должен быть наказан, а кто вознагражден»[1]. По мере того, как власть верховного патрона начинает ослабевать, центральная воля, которая координировала клиентов и держала их под контролем, все меньше способна это делать. **В одноуровневой пирамиде клиенты начинают (1) захватывать контроль над ресурсами, которыми им доверили управлять** (государственные институты, компании и т. д.), и (2) **формировать собственные патрональные сети**, используя ресурсы, которые они смогли приобрести сами и/или посредством перехода (запроса на принятие) в существующие элитные группы. **В двухуровневых пирамидах** подобные действия и формирование новых сетей хотя и возможны, **захватить власть пытаются, как правило, субпатроны верховного патрона.**

При ослаблении центральной власти возможны **два варианта развития событий**. В ходе первого и более очевидного **среди клиентов возникает конкуренция за лидирующие позиции**. В таких случаях каждый (бывший) субпатрон либо пытается позиционировать себя в качестве будущего верховного патрона, либо встает на сторону уже более могущественной сети. Во втором варианте клиенты осознают, что внутриэлитная война будет стоить им очень дорого, а ее исход непредсказуем. Другими словами, они не только не могут знать, одержат ли победу над своими соперниками, но также и то, будут ли они подвергнуты уголовному преследованию, когда страсти улягутся. Их экономические позиции, позволяющие собирать ренту, и личная свобода находятся под угрозой. В этих случаях бывает так, что конкурирующие сети укрепляют свое положение, но **вместо того, чтобы бороться за господство, идут на компромисс**. Так, конкурирующие сети могут договориться об условиях передачи власти

[1] Ibid. P. 84.

Схема 4.3: Способы возврата идеального типа с различных стадий автократических изменений



и даже «избрать» нового верховного патрона. После смерти узбекского верховного патрона Ислама Каримова в 2016 году приход Шавката Мирзиёева к власти, скорее всего, был результатом так называемого межклanового договора [▸ 7.4.1][1].

Возвращаясь к фигуре верховного патрона, стоит отметить, что тех из них, кто теряет контроль над своей патрональной сетью, либо потому что от них ожидают выхода на пенсию (смерти и т. д.), либо в результате внешних потрясений, таких как войны, стихийные бедствия, экономические кризисы или пандемии, Хейл обозначает понятием «**хромая утка**» 4.4.3.1][2]. Перечисленные условия, плодящие хромых уток, несомненно, предоставляют **лучшие возможности для смены патрональной автократии на демократию**. Если недавно сформированные патрональные сети начинают конкурировать, они все стремятся к доминированию, и ни одна из них не заинтересована в том, чтобы конкурирующая сеть подчинила ее себе. Так, хотя конкуренция происходит преимущественно в кругах правящей политической элиты, возникает логика патрональной демократии, и честолюбию начинает противостоять честолюбие. Когда полномочия разделяются не внутри однопирамидальной патрональной сети, а между

1 *Horák S.* Leadership Succession in Turkmenistan and Uzbekistan: Between Stability and Instability // Central Asian Affairs. 2018. Vol. 5. № 1. P. 1–15.

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 84–85, 178–306.

(недавно сформированными) сетями, может сложиться ситуация динамического равновесия, которая является основным условием для установления патрональной демократии. Естественно, **если конституционное устройство режима президентское, то** после окончания внутренних боевых действий **воспроизводство системы с верховным патроном более вероятно**. Однако **если верховный патрон был премьер-министром в парламентской системе, у него больше шансов нарушить самовоспроизводство патрональной автократии**.

4.4.4. Обращение автократических изменений вспять: парадигма критики режима и демократическая консолидация

4.4.4.1 Электоральная и экстраэлекторальная реституция, используемая для смены правительства и режима

Уход верховного патрона со своего с поста и проблема передачи власти содержат в себе огромный революционный потенциал, и мобилизация людей на стороне патрональной сети-претендента имеет решающее значение для успешного разворота в направлении демократии. Чтобы дать более полную картину, мы завершаем эту главу рассмотрением различных оппозиционных стратегий или, точнее, **способов возврата с различных стадий автократических изменений** (Схема 4.3)[1]. Из трех стадий, представленных в Таблице 4.13, — попытка установления автократии, автократический прорыв и автократическая консолидация — первая иногда встречается в либеральных демократиях и довольно часто в патрональных, в то время как последние две характерны для (патрональных) автократий.

[1] Подробнее об оппозиционных стратегиях см.: *Bunce V., Wolchik S.* Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries; *Popovic S.* Blueprint for Revolution: How to Use Rice Pudding, Lego Men, and Other Nonviolent Techniques to Galvanize Communities, Overthrow Dictators, or Simply Change the World. New York: Spiegel & Grau, 2015.

Схема 4.3 начинается со **стабильной демократии**, то есть с такого типа режима, где (1) оба защитных механизма либеральных демократий — автономия гражданского общества и разделение ветвей власти — не были повреждены, и (2) попытки нарушения этих защитных механизмов не предпринимаются. Когда превалируют автократические тенденции, представляющие собой аномалию для либеральных демократий и норму для патрональных, предпринимаются **попытки установления автократии**, нарушающие принцип разделения властей и направленные на подрыв автономии гражданского общества. При этом они действительно остаются лишь попытками, поскольку оппозиция обращает их вспять через **электоральную коррекцию**. Другими словами, речь идет о победе на выборах оппозиции, которая зачастую представляет собой патрональную сеть, но потенциально может возглавляться и демократическим претендентом. Сущность динамического равновесия патрональных демократий можно описать как постоянные попытки правящих патрональных сетей установить автократию [▸ 4.4.2.1]. В результате этих попыток тип режима «колеблется», поскольку циклы, через которые он проходит, состоят из небольших изменений, то в направлении автократии, то в противоположном ей, но без автократического прорыва (как в Румынии [▸ 7.3.2.3]).

Впрочем, если режимная петля включает в себя **автократический прорыв**, то в ответ на него применяется **электоральная или экстраэлекторальная реституция**. В отличие от коррекции «реституция» предусматривает смену конституционного устройства, то есть реституцию автономии разделенных ветвей власти. Ее можно добиться либо через получение квалифицированного большинства голосов на выборах, и в этом случае реституция является электоральной, либо неэлекторальными средствами, такими как цветные революции, и тогда реституция относится к экстраэлекторальному типу. Автократический прорыв бывает подчас эфемерным,

например, когда правящая сеть фальсифицирует выборы, и это приводит к цветной революции [▸ 4.4.2.3]. Кроме того, история знает примеры цветных революций, а также случаев победы на выборах, которые развернули режим к демократии после автократии.

Ключевым моментом **оппозиционной стратегии**, направленной на возврат со стадии автократического прорыва, является **переход от парадигмы критики правительства к парадигме критики режима**[1]. В либеральных демократиях **оппозиция** обычно придерживается **парадигмы критики правительства**, **в рамках которой она действует следующим образом**:

- **выступает против правительства**, а не режима в целом;
- **оспаривает публичную политику** так, будто она вытекает из заявленных идеологических целей (критикует содержание или ценностную несогласованность политических целей);
- **формирует стратегию с учетом партийной конкуренции**, не прибегая к кооперации с представителями других оппозиционных групп или созданию общенационального движения;
- **по большей части сохраняет дистанцию с политическими партиями, НПО и предпринимателями**, поддерживая определенную публичную политику, а не конкретные политические силы.

Исследователи часто настаивают на том, что критика правительства вместо критики режима является признаком демократической консолидации, поскольку указывает на то, что для акторов режима демократия представляет собой единственно возможный вариант[2]. Однако когда оппозиции приходится выступать против автократий, чрезвычайно важно, чтобы она не приемлела консолидации режима. Напротив, она должна оценивать режим критически, чтобы убедить

1 *Ripp Z.* The Opposition of the Mafia State. P. 596–602.

2 *Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. P. 15–16.

всех в том, что господствующая автократия — не единственно возможное политическое устройство. Это означает, что в условиях автократического прорыва **оппозиция** может рассчитывать на победу, если перейдет к **парадигме критики режима**. В этом случае она действует следующим образом:

• **борется с автократическим режимом**, а не с правительством как таковым;

• **критикует не провозглашаемые цели политической идеологии, а тот факт, что они служат для централизации власти и обогащения** (реализует функциональную когерентность [▸ 6.4.1]);

• **формирует стратегию, исходя из необходимости сотрудничать с другими оппозиционными группами** и создавать общенациональное движение, что соответствует расколу режима на «демократическую оппозицию» и «автократическую систему»;

• **привлекает НПО и предпринимателей на свою сторону** в борьбе против правящей политической элиты, которая стремится уничтожить демократию.

Одним словом, именно парадигма критики режима может **продемонстрировать людям, что оппозиция готова и способна победить**, трансформируя представление о нерушимости системы — представление, которое является, как правило, важнейшим элементом автократической консолидации[1]. Однако существует ряд важных причин, по которым **электоральной реституции может оказаться недостаточно**, и тогда требуется применение экстраэлекторальной реституции. Как уже говорилось выше, участие в выборах в условиях патрональных

[1] *Hale H.* Did the Internet Break the Political Machine? Moldova's 2009 «Twitter Revolution That Wasn't»// Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2013. Vol. 21. № 3. P. 481–505. Представление о том, что правящая политическая элита непобедима и борьбу с ней ожидает провал, столь же важно в других системах с однопирамидальной сетью власти, таких как диктатуры с использованием рынка. Обзор на примере Китая см.: *Huang H.* Propaganda as Signaling.

автократий и либеральных демократий сильно отличается — за утратой власти может последовать потеря свободы и состояния [▸ 4.3.3.2]. Так как верховный патрон ведет «борьбу не на жизнь, а на смерть», он склонен к использованию фальсификаций и/или манипулированию **выборами**, а также может применять техники **односторонних изменений результатов**. В отличие от фальсификаций или манипулирования избирательным процессом этот метод позволяет провести сами выборы без вмешательства, но после них изменяет формальную или неформальную институциональную структуру, чтобы минимизировать негативный для режима эффект от их результатов. Одной из разновидностей этой техники является **изменение формальных полномочий избранных оппозиционных акторов**. Верховный патрон может использовать этот метод в условиях, когда он находится у власти, а оппозиция при этом получает большинство голосов в ходе выборов. Венгрия служит здесь хорошим примером: хотя оппозиция получила несколько должностей на муниципальных выборах 2019 года, правительство несколько централизованно управляемых организаций для каждого государственного и муниципального тендера в сфере строительства, спорта и информационных технологий на сумму свыше 700 млн форинтов (около 2,1 млн евро)[1]. В результате этого потеря позиций на муниципальных выборах 2019 года оказывает значительно менее сильное влияние на потоки доходов приемной политической семьи [▸ 5.3.3.3]. В 2020 году, используя в качестве предлога пандемию коронавируса, правительство резко ограничило доходы муниципалитетов (выплачивая компенсации муниципалитетам, возглавляемым членами партии «Фидес», но не оппозиции), тем самым подталкивая режим к консолидации[2]. Второй способ изменения последствий

1 *Szabó Y.* Purgatorbánium // HVG. 04.01.2019.

2 *Madlovics B.* Hungary // Authoritarian Response to the Pandemic: Cases of China, Iran, Russia, Belarus and Hungary. Washington D.C.: Free Russia Foundation, 2020. P. 77–93.

выборов — это **аннулирование результатов выборов через суд**, примером чему служит Молдова под управлением верховного патрона Владимира Плахотнюка, где в 2018 году на выборах мэра в столице, Кишиневе, победил Андрей Нэстасе[1]. Плахотнюк — пример последней формы влияния на результаты выборов через прямое вмешательство в их последствия: потеряв большинство голосов на выборах, он просто «скупил» несколько десятков депутатов и таким образом вернул себе большинство. В таких случаях у электоральных реституций нет шансов, и только экстраэлекторальные методы могут сработать, как это произошло в Молдове, хотя там смещению Плахотнюка с поста способствовала не оппозиция, а иностранные акторы [▸ 7.3.4.4]. С другой стороны, **неформальная патрональная сеть, возможно, уже опутала все сферы социального действия**, включая основные невыборные должности как в публичной, так и в частной сферах. В зависимости от степени консолидации режима, положение, (неформально) занимаемое приемной политической семьей, может включать в себя должности в Конституционном суде, медийной сфере и, что более важно, в экономике в форме колоссального накопленного капитала общенациональных сетей компаний, принадлежащих олигархам и полигархам приемной политической семьи [▸ 5.3.4.4]. Контроль над страной на стольких уровнях не может быть ослаблен в результате выборов: **правящую партию можно отстранить от власти через суд, но режим можно ликвидировать только с помощью экстраэлекторальных средств**[2]. Тем не менее выборы могут облегчить победу над режимом, если он еще не

1 *Turp C.* Moldovan Court Prevents Pro-European Election Winner From Becoming Chisinau Mayor // Emerging Europe. 20.06.2018. URL: https://emerging-europe.com/news/moldovan-court-prevents-pro-european-election-winner-from-becoming-chisinau-mayor/.

2 *Bódis A.* Most van Itt a Vége: A Fideszt Meg Lehet Verni, de a Rendszer Már Leválthatatlan [Now This Is the End: Fidesz May Be Defeated, but the Regime Cannot Be Changed Procedurally] // Válasz Online. 25.07.2019. URL: https://www.valaszonline.hu/2019/07/25/orban-szuverenitashaboru-gazdasagi-megszallas/.

консолидировался [▸ 4.4.3.2]. Как отмечает Хейл, избирательный процесс связан не только с формальными политическими позициями, но также предоставляет акторам точку фокуса для координации своих действий. Таким образом, **поражение на выборах сигнализирует элитным группам, что действующий верховный патрон — это хромая утка,** а это, в свою очередь, **может легко привести к переходу акторов на сторону противника** и появлению альтернативных патрональных сетей[1]. В этом случае процесс, разрушающий автократический режим, сочетает в себе электоральные и экстраэлекторальные элементы, причем оба типа носят мирный характер.

4.4.4.2 Автократическая деконсолидация и демократическая консолидация

Чем большей степени **автократической консолидации** достигает режим, тем меньше шансов, что победа оппозиции на выборах, а также формальная процессуальная реституция что-то изменят. Уничтожение режима в этом случае возможно двумя способами. Первый из них — **экстраэлекторальная реституция** — единственно возможен, если режим может оставаться консолидированным в течение неопределенного срока. Если этот тип реституции инициируется акторами, не принадлежащими приемной политической семье, то происходит **полноценная (не цветная) революция**. Однако вышеописанная **проблема передачи власти** допускает и возможность распада режима изнутри.

Второй способ становится возможен, когда **режим** приходит к состоянию «изношенности» или по каким-либо другим причинам **не способен сохранять консолидацию**[2].

[1] *Hale H.* Patronal Politics. P. 61–94.

[2] Здесь мы будем говорить только о состоянии изношенности. В противном случае режим может стать жертвой различных внешних потрясений, таких как экономический кризис или иностранное вторжение, но мы ограничились эндогенными для режима случаями.

По большому счету консолидированность режима означает полное принятие этого режима народом и покорность ему: ликвидация автономии гражданского общества лишает людей средств для эффективной организации и координации, но каким бы деспотичным ни был режим, он не может управлять враждебно настроенным большинством в течение длительного времени [▸ 6.3]. Говоря о цветных революциях, мы упомянули три фактора, которые необходимы для начала восстания: (1) фальсификация выборов; (2) серьезный экономический спад или застой; (3) системная коррупция. В результате этих факторов **российский режим** несколько раз был на грани деконсолидации. Самый недавний случай на момент завершения рукописи произошел в 2021 году, после того как оппозиционный политик Алексей Навальный выпустил документальный фильм о «дворце Путина», в котором показал не только роскошный замок с поместьем размером с небольшую страну, но и описал коррупционный режим в целом[1]. Навальный, ранее отравленный российскими спецслужбами и проходивший реабилитацию в Германии, был задержан по возвращении в Россию тогда же, когда его документальный фильм был показан на *YouTube*. За один день это видео посмотрели 20 млн человек, за три дня просмотров набралось уже 60 млн, а за одну неделю — 100 млн. Это русскоязычное видео с английскими субтитрами, а также задержание Навального вызвали волну протестов. Действительно, видео обнаружило (3) чудовищную коррупцию, которая вносит вклад в (2) то, что российская экономика стагнирует почти десятилетие, а также тот факт, что (1) Путину пришлось пойти на невероятное мошенничество, чтобы обеспечить себе победу на конституционном референдуме, который гарантировал, что он останется у власти после истечения второго срока[2].

1 *Навальный А.* Дворец для Путина. История самой большой взятки, 2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ipAnwilMncI.

2 Data Scientist Claims »Staggering« Fraud at Russia's Constitution Vote // The Moscow Times. 03.07.2020.

На момент завершения рукописи неясно, окажется ли Путин в ситуации по белорусскому сценарию [▸ 4.4.3.1] или сможет при помощи насилия продолжать удерживать людей в страхе[1]. Здесь напрашивается вывод о том, что стечение упомянутых выше факторов **может стать переломным моментом в стабильности режима: фальсификации на выборах подрывают его легитимную основу, коррупция — его этическую основу, а экономическая стагнация или упадок — его материальную основу**. Разумеется, накопление недовольства и его выход наружу блокируются отсутствием автономии гражданского общества. Но когда возникают массовые сомнения в легитимности, это может подорвать даже консолидированную патрональную автократию [▸ 7.4.7.3].

Все, что было сказано по поводу обращения вспять автократических изменений, можно описать и с противоположного ракурса: не с точки зрения обращения автократического прорыва и консолидации вспять, а с точки зрения **установления и консолидации демократии**. Таблица 4.17 демонстрирует различные стадии демократических изменений по аналогии со стадиями автократических изменений из Таблицы 4.13. Так, **попытка установления демократии** имеет место, если демократическая оппозиция участвует в электоральной либо в экстраэлекторальной реституции, но безуспешно. В этом случае ни один защитный механизм, который был отключен правящей политической элитой, не будет восстановлен. Однако если оппозиция добивается успехов, можно говорить о **демократическом прорыве**, который через восстановление разделения ветвей власти аннулирует автократический прорыв. Кроме того, демократическим прорывом можно назвать ситуацию, когда восстановление демократии происходит после автократической консолидации, хотя в таком случае — если деконсолидация еще не произошла — обязательным условием

1 Ср.: Russia: Mass Detentions after Putin Critic Navalny Jailed // BBC News. 03.02.2021. URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-55913614.

Таблица 4.17: Различные стадии демократических изменений

	Оппозиция автократического режима успешно восстанавливает...	
	первый защитный механизм (разделение ветвей власти)	второй защитный механизм (автономию гражданского общества)
Попытка установления демократии	–	–
Демократический прорыв	X	(X)*
Демократическая консолидация	X	X

* *Обязательное условие успеха демократического прорыва при автократической консолидации*

успеха этого прорыва является прежде всего освобождение гражданского общества (в противном случае автономии, на основе которой может возникнуть эффективная оппозиция, не существует)[1].

Рассмотрим теперь **демократическую консолидацию, когда оба защитных механизма восстановлены**. Ученые часто утверждают, что для консолидации демократии этого недостаточно и что помимо этого она должна быть неоспорима, то есть восприниматься как единственно возможный вариант политической организации, а «демократические структуры, нормы [должны быть] глубоко интегрированы в общество»[2]. Такой подход, берущий свое начало в транзитологии и «консолидологии» 1990-х годов [▸ *Введение*], отождествляет демократию с либеральной демократией, поскольку последняя консолидируется, если автократические тенденции отсутствуют, а значит, не существует противников демократического строя. Однако в патрональных демократиях попытки

[1] Ср.: *Kollmorgen R.* Post-Socialist Transformations // The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 348–365.

[2] *Morlino L.* Democratic Consolidation // The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation. P. 460.

противостоять режиму являются нормой, и несмотря на это режим можно считать консолидированным, если в нем возникает динамическое равновесие конкурирующих патрональных сетей. Это можно объяснить при помощи шкалы из Схемы 4.3. На этой шкале **консолидированная либеральная демократия была бы статичной точкой**, то есть полюсом «стабильная демократия», а **консолидированная патрональная демократия изображалась в виде движения динамического маятника** между стабильной демократией и автократическим прорывом.

Таким образом, мы можем утверждать, что, даже если автократии приходит конец, а демократия консолидируется, **траектория страны в значительной степени зависит от характера новой правящей политической элиты**, поскольку, вероятно (а в случае посткоммунистического региона наиболее вероятно), что она станет патрональной, ведь только патрональная демократия может возникнуть из пепла автократического строя. Однако в этом регионе **попытки антипатрональной трансформации также случались**. Период после «революции роз» в Грузии привел к «подлинному снижению уровня патронализма»[1], поскольку новым представителям власти, приверженным не просто интересам элиты, но либертарианской идеологии, удалось преодолеть коррумпированные бюрократические структуры и начать серию масштабных реформ в государственном управлении [▸ 7.3.4.5]. Более того, **конец неограниченного патронального правления** не только позволяет конкурирующим сетям появляться и захватывать власть, но и допускает **обретение гражданским обществом некоторой автономии**. Все это не только создает для недавно установленной патрональной демократии защитные механизмы, но может заронить семена еще большей свободы и еще более стабильной власти закона.

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 364–370.

СОДЕРЖАНИЕ

Слова благодарности 5

Дополнительные онлайн-материалы 8

Алена Леденёва. **Предисловие** 9

Введение 19
В ловушке языка демократизации 19
Неприменимость существующих моделей к описанию посткоммунистического пространства . . . 24
Многомерная аналитическая структура: расширяя концептуальное пространство 42
Как это работает: создание концептуального инструментария 53
Как на это смотреть: структурный аспект 57
Как это читать: и учебник, и научный труд 62
Как это организовано: структура книги 65

1. Жесткие структуры

1.1. Гид по главе 72

1.2. Тезис A: Тип режима зависит от разделения сфер социального действия 76

1.3. Тезис B: Разделение сфер совпадает с цивилизационными границами 84
1.3.1. Цивилизации и три исторических региона 84
1.3.2. Базовая структура отсутствия разделения сфер в феодальном обществе 93

1.4. Тезис C: Коммунистические диктатуры остановили и «повернули вспять» процесс разделения сфер 104
1.4.1. Базовая структура неразделенных сфер социального действия при коммунистической диктатуре 104
1.4.2. Влияние коммунизма на разделение сфер в разных регионах 111

1.5. Тезис D: Демократия не повлияла на уровень разделения сфер 116
1.5.1. Базовая структура отсутствия разделения сфер при демократических режимах 116
1.5.2. Однопирамидальные и мультипирамидальные системы: определяющие факторы демократизации в трех исторических регионах 130

1.6. После гибридологии: Режимы, расположенные в треугольном концептуальном пространстве 138

2. Государство

2.1. Гид по главе 148

2.2. Общие определения: Основные концепты нашей структуры 151
2.2.1. Режим, государство, насилие и принуждение 152
2.2.2. Элита, правящая элита, патронализм и неформальность 157
2.2.2.1. О понятиях «элиты» и «неэлиты» 157
2.2.2.2. Патримониализм, неформальность и общий характер правящих элит в трех режимах полярного типа 160
2.2.2.3. Стратификация патрональных пирамид: одноуровневые и многоуровневые единые пирамиды . . 174

2.3. Доминирующий принцип функционирования государства 179
2.3.1. Общественные интересы, интересы элит и реализация идеологии 179
2.3.2. Государство в демократиях и диктатурах: от конституционного государства к партии-государству и от государства — «ночного сторожа» к государству развития через государство всеобщего благоденствия . . . 187

2.4. Анализ государств, движимых интересами элит . . . 192
2.4.1. Уровни толкования. Какова природа правящей элиты? 195
2.4.2. Уровни толкования. С помощью каких действий происходит апроприация государственных институтов? . . 201

2.4.3. Уровни толкования. С помощью каких действий происходит апроприация собственности? 206

2.4.4. Уровни толкования: Каковы, с точки зрения законности, действия, направленные на максимизацию интересов элит? 215

2.4.5. Объединяя уровни толкования для различных измерений: определение мафиозного государства 222

2.4.6. Сравнивая конституционное и мафиозное государства: нормативность и дискреционность 228

2.5. Монополия на насилие и связанные с ней проблемы . 239

2.5.1. Государственная несостоятельность, силовые предприниматели и олигархическая анархия 239

2.5.2. Легитимное применение насилия. Типология . . . 247

2.5.3 Субсуверенное мафиозное государство 257

2.6. Невидимая рука и грабящая рука: Сравнительная структура для типов государств 262

3. Акторы

3.1. Гид по главе 276

3.2. Три сферы социального действия 279

3.3. Политические акторы в трех полярных типах режимов 284

3.3.1. Президент / премьер-министр — верховный патрон — генеральный секретарь партии 285

3.3.2. Кабинет — двор патрона — политбюро 288

3.3.2.1. Основные определения 288

3.3.2.2. Посткоммунистические региональные различия: «новогодняя елка» Назарбаева, столы Путина, VIP-ложа семьи Орбана 290

3.3.3. Политик — полигарх / политическое подставное лицо — партийный функционер высокого уровня 293

3.3.4. Доверенное лицо — рука патрона (смотрящий) — партийный функционер среднего / низкого уровня . . . 297

3.3.5. Госслужащий — патрональный служащий — аппаратчик 301

3.3.6. Государственная служба безопасности — служба безопасности патрона — партийная служба безопасности . 307

3.3.7. Демократическая партия (партия политиков) — партия патрона (партия вассалов) — централизованная партия (партия функционеров) 310

3.3.8. Управляющая партия — партия — «приводной ремень» — партия-государство 318

3.3.9. Оппозиционная партия — маргинализированная / приручennая / абсорбированная / ликвидированная / фейковая партия 326

3.4. Экономические акторы в трех режимах полярного типа 336

3.4.1. Предприниматель — олигарх — руководитель государственного предприятия 337

3.4.1.1. Сравнение предпринимателей и руководителей государственного предприятия 337

3.4.1.2. Сравнение главных предпринимателей и посткоммунистических олигархов 342

3.4.1.3. Типология олигархов и нарушение олигархической автономии в патрональных автократиях 350

3.4.1.4. Олигарх-ренегат и выбор вариантов «верность — голос — выход из приемной политической семьи» 362

3.4.2. Лоббист — брокер-коррупционер — толкач 368

3.4.3. Экономическое подставное лицо (подставная компания) 373

3.5. Общинные акторы в трех режимах полярного типа . 380

3.5.1. Гражданин — слуга (клиент) — объект 381

3.5.2. НПО — ГОНГО — ОПР (организация — «приводной ремень») 383

3.5.3. Независимая церковь — клиентарная церковь — репрессированная церковь 386

3.5.3.1. Основные определения 386

3.5.3.2. Региональные особенности церковно-государственных взаимоотношений в посткоммунистическом регионе 389

3.6. Правящая элита в смешанных сферах. Приемная политическая семья 395
3.6.1. Что такое приемная политическая семья 395
3.6.1.1. Почему приемная политическая семья — это не класс 397
3.6.1.2. Почему приемная политическая семья — это не феодальная элита 402
3.6.1.3. Почему приемная политическая семья не является номенклатурой 407
3.6.1.4. Уникальный характер приемной политической семьи 411
3.6.2. Антропологический характер приемной политической семьи 414
3.6.2.1. Тип связей: Типология посткоммунистических кланов 415
3.6.2.2. Подчиненный строй: роль отца семейства . . 422
3.6.2.3. Вассализация и построение карьеры при поддержке патрона 424
3.6.2.4. Кланы или трибы? Нелояльность и аморальная семейственность 426
3.6.3. Как верховный патрон распоряжается своим статусом и имуществом 429
3.6.3.1. Предоставление защиты: крыша, порядок ограниченного доступа и накопление имущества . . . 429
3.6.3.2. Нарушение целостности: угроза, преследование и атака 434

3.7. Структура элиты в шести режимах идеального типа . 439
3.7.1. Элиты в трех полярных типах режимов 443
3.7.1.1. Либеральная демократия: автономные элиты, демократическая политическая элита 443
3.7.1.2. Коммунистическая диктатура: инкорпорированные элиты, тоталитарная политическая элита 445
3.7.1.3. Патрональная автократия: патронализированные элиты, монополистическая патрональная политическая элита 447

3.7.2. Элиты в трех промежуточных типах режимов . . . 450

3.7.2.1. Консервативная автократия: частично автономные элиты, авторитарная политическая элита 450

3.7.2.2. Диктатура с использованием рынка: частично инкорпорированные элиты, доминантная политическая элита 452

3.7.2.3. Патрональная демократия: частично патронализированные элиты, конкурирующая патрональная политическая элита . 455

4. Политика

4.1. Гид по главе 460

4.2. Гражданская легитимация и представления об общем благе 463

4.2.1. Гражданская легитимация как основа современных государств 463

4.2.2. Гражданская легитимация в либеральных демократиях: конституционализм 466

4.2.3. Гражданская легитимация в патрональных автократиях: популизм 471

4.2.4. Гражданская легитимация в коммунистических диктатурах: марксизм-ленинизм . . . 482

4.2.5. Типы легитимности по Веберу: популизм как требование легально-рациональной легитимности . . 488

4.3. Институты публичного обсуждения в трех режимах полярного типа 492

4.3.1. Дискуссия: СМИ и сферы коммуникации. 497

4.3.1.1. Четыре права СМИ 497

4.3.1.2. Открытая, закрытая и контролируемая сферы коммуникации 498

4.3.2. Объединения: протесты, группы интересов и партийные системы 517

4.3.2.1. Протесты: мобилизующие и демобилизующие структуры 519

4.3.2.2. Протесты против политики и против легитимности 534

4.3.2.3. Группы интересов в трех режимах полярного типа 538

4.3.2.4. Партийные системы с патрональным и непатрональным типом деления на партии . . . 543

4.3.3. Избрание: кампании, выборы и референдумы . . . 554

4.3.3.1. Маркетинговая кампания, кампания, формирующая лояльность, и кампания с приостановлением прав 555

4.3.3.2. Типология выборов 564

4.3.3.3. Голосование без фазы объединения: референдумы . 574

4.3.4. Законотворчество: политика, законы и законодательные органы 579

4.3.4.1. Публичная, силовая и патрональная политика . 582

4.3.4.2. Законы и правовые системы в соответствии с их легитимацией 585

4.3.4.3. Легализованная коррупция? Классификация организованной преступной деятельности криминального государства 600

4.3.4.4. Принимающий решения законодательный орган и законодательный орган — «приводной ремень» . . . 606

4.3.5. Применение власти: суды, обвинение и институты государственного принуждения 611

4.3.5.1. Равенство до и после закона: от нейтрального к политически выборочному правоприменению 611

4.3.5.2. Суды и обвинение: от доказательств через сфабрикованное обвинение к компромату 619

4.3.5.3. Демократический и автократический легализм . 632

4.3.5.4. Белое, серое и черное принуждение 642

4.4. Защитные механизмы: стабильность, эрозия и стратегии консолидации демократий и автократий . . 650

4.4.1. Либеральные демократии: разделение ветвей власти и гражданское общество 654

4.4.1.1. Опасность и сдерживание автократических тенденций 654

4.4.1.2. Фракционная борьба: свобода социальных групп и четыре автономии гражданского общества 660

4.4.1.3. Эрозия защитных механизмов: конституционный переворот и автократический прорыв 665

4.4.2. Патрональные демократии:
разделение сетей власти и цветные революции 672

4.4.2.1. Динамическое равновесие конкурирующих патрональных сетей 672

4.4.2.2. Институциональные защитные механизмы: исполнительно-распределительная форма правления и пропорциональная избирательная система 678

4.4.2.3. Общественные защитные механизмы: пресечение попыток установления автократии и возврат к патрональным демократиям через цветные революции 685

4.4.3. Патрональные автократии: разделение
ресурсов власти и проблема передачи власти 696

4.4.3.1. Неудавшиеся цветные революции: монопольная структура консолидированных патрональных автократий 696

4.4.3.2. Защита от давления извне: автократическая консолидация 702

4.4.3.3. Защита от давления изнутри: разделение ресурсов власти 712

4.4.3.4. Проблема передачи власти: постепенность, законное наследование и хромые утки 720

4.4.4. Обращение автократических изменений вспять:
парадигма критики режима
и демократическая консолидация 725

4.4.4.1 Электоральная и экстраэлекторальная реституция, используемая для смены правительства и режима 725

4.4.4.2 Автократическая деконсолидация и демократическая консолидация 731

Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ

Концептуальная структура

Том 1

Дизайнер обложки *Д. Черногаев*
Научный редактор *А. Решетников*
Редакторы *А. Гуменский, Д. Ассалаулова, Н. Бочкарева*
Корректор *Н. Бочкарева*
Верстка *Д. Макаровский*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
Адрес издательства: 123104, Москва, Тверской бульвар, 13, стр. 1
тел./факс: +7 495 229-91-03
e-mail: real@nlobooks.ru
http://www.nlobooks.ru

Формат 60 × 90 1/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 46,5. Тираж 1000. Заказ №
Отпечатано в АО «Первая образцовая типография»
филиал «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14